Гленда Ларк

Та, которая видит

Запах зла

Та, которая видит

Запах зла

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Гленда Ларк

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

GLENDA

LARKE

The Aware Gilfeather

ГЛЕНДА

ЛАРК

Та, которая видит

Запах зла

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХРАНИТЕЛЬ
МОСКВА

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Л25

Серия «Золотая серия фэнтези» основана в 1999 году

Glenda Larke
THE AWARE
GILFEATHER

Перевод с английского А.А. Александровой

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С.В. Шумилина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Dorian и Александра Корженевского.

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 06.03.2007.
Формат 84×108[1]/32. Бумага газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 40,32. Тираж 3000 экз. Заказ 2646.

Ларк, Г.

Л25 Та, которая видит. Запах зла : [фантаст. романы] / Гленда Ларк; пер. с англ. А.А. Александровой. — М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. — 765, [3] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 978-5-17-046675-7 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9762-4830-4 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)

Мир Островов, чьи народы НИКОГДА не смешиваются между собой…

Мир крошечных королевств, бесконечно заключающих союзы и ведущих войны…

Мир, в котором испокон веку существуют ДВЕ магические школы — Силв, верящие, что колдовство имеет право быть ТОЛЬКО светлым, и Дун, исповедующие темную сторону магии.

До недавних дней их адепты полагали, что худой мир лучше доброй ссоры… Но теперь на далеком острове Гортан воцарился Великий Мастер Дун-магии Мордред, мечтающий подчинить своей власти ВСЕ ОСТРОВА, — а на Срединном архипелаге набирают силу силв-маги, зовущие себя Хранителями — и тоже мечтающие о ВЫСШЕЙ ВЛАСТИ.

Покуда жив Мордред, покуда могущественны Хранители — на Островах не будет покоя.

Но в силах ли наемница Блейз, обладающая даром противостояния магии, и ее спутники — принцесса-колдунья и проклятый изгнанник-убийца — сразиться разом и с силой Света, и с силой Тьмы?

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Glenda Noramly, 2003, 2004
© Перевод. А.А. Александрова, 2005, 2007
© ООО «Издательство АСТ», 2007

ISBN 978-985-16-3270-7
(ООО «Харвест»)

Та, которая видит

От агента по особым поручениям
Ш. айсо Фаболда,
Департамент разведки,
Федеральное министерство торговли, Келлс,
Достопочтенному М. айсо Кипсуону,
Президенту Национального общества
научных, антропологических и этнографических
исследований не-келлских народов

7/2 месяца Темных Лун, 1793

Дорогой дядюшка!

Посылаю первую часть рукописи, которую я Вам обещал: результат моих предварительных переговоров с женщиной по имени Блейз Полукровка. Манускрипт представляет собой запись (в переводе, конечно) интервью, которые я проводил в присутствии писца — Натана айсо Вадима. Может быть, Вы его помните: я представил Вам его на причале, когда наш «Морской ветерок» отправлялся к Райским островам. Впрочем, с тех пор прошло три года, и Вы, возможно, его забыли. Мы с Натаном подружились за время скучного морского путешествия; к тому же благодаря своим лингвистическим познаниям он оказался бесценным для нашей экспедиции. Мне также охотно помогал Трекан айсо Котар, помощник экспедиционного ботаника, обнаруживший талант рисовальщика. Все рисунки, прилагаемые к рукописи, сделаны им.

Записи частично отредактированы: я убрал все свои вопросы, чтобы сделать рассказ более связным, постаравшись при этом не исказить содержание и сохранить стиль рассказчицы.

Материал, представленный здесь, я намереваюсь использовать как основу для первой из двух статей, которые Вы мне заказали от имени Общества. Называться она будет «Социальные условия на Райских островах до Перемены». Вторую статью я собираюсь назвать «Сила веры: магия на Райских островах»; эту статью я еще не начал писать.

Я все еще прикован к постели из-за лихорадки, хотя с каждым днем чувствую себя лучше. Пожалуйста, передайте мою благодарность тетушке Росрис за все присланное: микстуру я пью, а книги читаю.

Остаюсь Ваш покорный племянник
Шор айсо Фаболд

Глава 1

Так ты хочешь знать, на что раньше походили Райские острова, а? В те дни, еще до Перемены и до того, как вы нас нашли, — когда мы думали, что наши острова — единственные в океане? Ну и поразились мы, скажу я тебе! Ну да тебе это известно.

Ты хочешь послушать о другом. Тебя интересует, как мы жили. Не уверена, что я подходящий для подобного дела человек: мне всегда приходилось больше думать и действовать, чем говорить. С другой стороны, немного найдется такого, чего бы я не знала об островах, да и помню я тогдашнюю жизнь лучше, чем то, что случилось вчера. Мне еще и двадцати пяти не сравнялось, а я уже побывала во всех островных государствах за исключением Дастел... да Дастел тогда еще и не существовало.

Только вот никак не решу, откуда начать. Понимаешь, островные государства тогда различались сильнее, чем теперь: в каждом были свои обычаи, в каждом смотрели на жизнь по-своему. Жители любого из архипелагов не походили на соседей. После Перемены сходства стало больше, а уж когда появились вы, то различия и вовсе стерлись.

Может быть, стоит начать с островов Хранителей, потому что они всегда оказывались в центре событий... Только нет: думается мне, лучше начать с места, которое и государством-то настоящим никогда не было, — я говорю о косе Гортан. Если уж на то пошло, ее даже островом трудно назвать: хоть в длину она и протянулась на несколько дней плавания при хорошем

ветре, в ширину ее можно пересечь меньше чем за день. Единственная возвышенность — на северном берегу, да и там утесы не выше мачты твоего корабля. Все остальное — просто белый песок. Представь себе серебристого угря, длинного и тонкого, с коростой на середине спины, — вот тебе и коса Гортан. И не подумаешь, что в таком месте может случиться что-то важное... а все же если я расскажу тебе, что там происходило, это покажет тебе не только, какими были Райские острова до Перемены, но и поможет понять, почему Перемена случилась: ее семена были посеяны на косе Гортан, хотя никто из нас — сеятелей — тогда этого не понимал.

Не знаю, сумею ли я рассказать тебе о всяких важных делах, но одно обещаю: ты увидишь, каково в те дни было быть женщиной, да еще и полукровкой. Ты ведь именно такими подробностями интересуешься, верно? И нечего тебе изумляться! Может, я и не ученая, как ты, но я прожила достаточно долго, чтобы слышать то, что не говорится вслух. Я знаю, что тебе нужно. Можешь называть это мудреными научными словами — что с того? Этнография! Если докопаться до сути — вот и окажется, что интересуют тебя люди и всякие места — люди вроде меня, а места вроде косы Гортан.

Коса Гортан — один из Южных островов — была свалкой, куда отправляли никому не нужный человеческий хлам, отбросы человечества; она была выгребной ямой, куда Райские острова сваливали свои живые отходы: увечных, преступников, безумцев, полукровок, лишенных подданства. Без этого населения коса Гортан была бы просто негостеприимной кучей песка под жгучим южным солнцем; благодаря же жителям она превратилась в вонючий островной ад.

В первый раз, когда я там оказалась, я поклялась, что никогда больше туда не попаду. Во времена, о которых я собираюсь тебе рассказать, я отправилась туда в третий раз, продолжая клясться в том же самом и проклиная зловредность судьбы, сделавшей это путешествие необходимым.

Чтобы отправиться на косу Гортан добровольно, нужно было быть безумцем, дрянью или просто жадиной. В те дни многие называли меня первым, некоторые клялись — и не без оснований, — что я — второе, но я готова признать только третье. Видишь ли, у меня были основания для алчности. По край-

ней мере я видела такие основания — мой кошелек вечно был легким, словно наполненным рыбьей чешуей. Я просто не уживалась с деньгами... нет, неверно: заработать их мне удавалось, а вот удержать — никак. До того путешествия на косу Гортан я дважды хорошо заработала и оба раза потеряла денежки. Первое мое богатство пошло ко дну, когда корабль, на котором я плыла, потопил смерч... я и сама только чудом избежала гибели. Во второй раз изрядную сумму — около двух тысяч сету — у меня украли, когда я металась в бреду, подцепив шестидневную лихорадку. Тогда я тоже чуть не отдала концы.

Как бы то ни было, стремление подзаработать погнало меня на косу Гортан, хоть я совсем не была уверена, что это мудрое решение. Пока что третья возможность разбогатеть казалась совсем призрачной...

Я сняла комнату в лучшей гостинице Гортанской Пристани, главного порта острова — «Приюте пьянчуги», — отдельную комнату, с окном и даже кроватью вместо подстилки. Я сомневалась, большая ли разница в количестве насекомых между лучшей гостиницей и худшей, ну да надеяться всегда хочется... Мне даже удалось раздобыть у судомойки горячей воды для мытья. Раковина тридакны, служившая тазом, была не слишком велика и довольно грязна, вода — наполовину соленой, но жаловаться не приходилось. Я помылась и отправилась вниз — пообедать в общем зале.

Место я выбрала себе в углу, откуда было видно все помещение: в такой дыре, как Гортанская Пристань, подобная предосторожность не казалась лишней. Сняв портупею и положив меч на колени, я окинула зал взглядом. За прошедшие годы тут мало что изменилось: еще немного грязи въелось в доски пола, на столах появилось больше царапин, но в остальном все было так, как я помнила, — ничего, кроме абсолютно необходимого. На первый взгляд постояльцы тоже выглядели как прежде — несколько работорговцев, моряки с купеческих кораблей, не брезгующие при случае пиратством, кучка мерзких типов, общим у которых было только одно: все они выглядели столь же хищными, как голодные акулы. Население косы Гортан менялось, как воды прилива, с моего прошлого визита сюда прошло пять лет, но все же одно-два знакомых лица я заметила.

Сама я тоже привлекла к себе внимание. Любая женщина, явившаяся в подобное место в одиночку, вызвала бы любопытные взгляды, а уж на меня с моим ростом таращились все. Я ловила смешки и бородатые шутки, которые слышала уже сотню раз; обычно я оказывала на людей именно такое действие. По справедливости говоря, пересуды обо мне начались бы и независимо от моего роста: за плечом я носила меч с островов Калмент, что было редкостью для любой женщины, а для женщины с моей внешностью особенно: с первого взгляда было ясно, что я не уроженка Калмента. Тамошние жители все как один светловолосые, с глазами цвета меда, а мои волосы тогда были еще темными, такими же темными, как кожа; глаза у меня зеленые, какой иногда бывает прозрачная вода у берегов острова Брет. Такое сочетание делало очевидным, что я — полукровка: в те дни все знали, что зеленые глаза — исключительная особенность жителей островов Фен, которые вовсе не были смуглыми южанами...

Ясное дело, полукровок в таком месте, как коса Гортан, всегда бывало тринадцать на дюжину, но я достаточно сильно отличалась от других, чтобы на меня обращали внимание.

Дожидаясь, пока мне подадут еду, я снова, уже более внимательно, оглядела зал и обнаружила, что там имеется целых трое высоких мужчин. Замечать высоких мужчин стало моей второй натурой: хоть я и ничего не имела против коротышек, я уже давно обнаружила, понимаешь ли, что мужчина среднего роста, который охотно согрел бы постель женщины на голову себя выше, — большая редкость. Беда была в том, что мужчины одного роста со мной встречались нечасто, так что увидеть сразу троих в одном помещении было неожиданностью — и неожиданностью довольно многообещающей.

Мне следовало бы знать, что такое зрелище предвещает неприятности. За подобное везение всегда приходится платить, особенно когда все трое хороши собой.

Первый из них, самый высокий, сидел за одним столом с работорговцами. Его лицо показалось мне смутно знакомым, хотя я и не могла вспомнить, где видела его раньше. Он был достаточно близко от меня, чтобы я могла разглядеть татуировку на мочке его уха: букву Q, выложенную золотом. Отсюда следовало, что он — северянин, уроженец островов Квиллер. Одет он был нарядно, слишком нарядно для работоргов-

ца, как мне показалось, и отличался скорее изяществом и гибкостью, чем силой. Светлокожий и темноглазый, со своей милой улыбкой, он был, пожалуй, самым красивым мужчиной, какого я только видела. Более того, он явно меня заметил — и то, что он увидел, ему понравилось. Улыбка его сделалась просто очаровательной.

Второй мужчина, хоть и не такой высокий, был гораздо массивнее. Широкие плечи, широкая грудь, мощные руки — и ни капли жира. Он сидел за столом один, в противоположном от меня углу. Красивый мужчина с сумрачным лицом, смуглой кожей и острым взглядом синих глаз, никакой вычурности в одежде (сплошь черной): человек, который воспринимает жизнь всерьез, — и при этом не носит меча... удивительное обстоятельство. Должно быть, он полагал, что рост и сила служат ему достаточной защитой. Он посмотрел на меня с полным равнодушием, и я ощутила досаду: при взгляде на меня мужчины обычно равнодушными не оставались.

Третий был самым молодым — слишком молодым для меня. Ему с виду было лет двадцать, может быть, чуть больше. На лице светлокожего и светловолосого юноши читалось такое простодушие, что невольно хотелось спросить: что он делает на косе Гортан, этой навозной куче. Боги одарили его ямочками на щеках и ресницами, которые походили на пену, венчающую волну прибоя. Когда он меня увидел, в глазах его отразилось отвращение. Мальчик явно не любил низкорожденных полукровок.

В моей груди зашевелился гнев. Никто не должен был бы иметь права смотреть на меня с таким презрением, особенно подобный молокосос. Вот в такие моменты я была готова на что угодно — ну, почти на что угодно, — чтобы заполучить говорящую о гражданстве татуировку на мочке уха.

Впрочем, каковы бы ни были мои чувства, на взгляд юноши я ответила спокойным взглядом — опыта в том, чтобы не замечать презрения, мне было не занимать.

Я уже собралась снова переключить внимание на двух других мужчин, когда к моему столу приковылял слуга и спросил, чего я желаю. Ответ у меня был готов: я желала жареной рыбы. В этой гостинице никогда ничего другого не готовили, и я сомневалась, чтобы у меня имелся выбор, — разве что с тех пор,

как я в последний раз обедала в «Приюте пьянчуги», кулинарные стандарты здесь претерпели чудесное изменение.

— Жареную рыбу, — сказала я, — и кружку пойла. — В этот момент я ощутила зловоние дун-магии, которое заставило меня насторожиться и хорошенько приглядеться к слуге.

Он представлял собой непривлекательное зрелище. Можно было только догадываться о его возрасте, потому что лишь половина его — правая половина — выглядела нормальной. Левая представляла собой пародию на человеческое существо, и не требовалось зловония дун-магии, чтобы стало ясно, от чего он пострадал. Слуга выглядел так, словно великан ухватил двумя пальцами его и сжал, превратив половину лица в гротескную маску, а торс — в горбатый обрубок. Левый глаз сполз вниз, уголок рта вздернулся вверх; щека, покрытая шрамами, походила на шершавый коралл, а подбородок исчезал, незаметно переходя в шею. Левая нога была кривой, левая рука — скрюченной птичьей лапой. Мочка левого уха отсутствовала, явно намеренно отсеченная, чтобы скрыть его гражданство — или отсутствие такового. Самое ужасное было в том, что от правой половины человека сохранилось достаточно, чтобы можно было понять: когда-то он был не менее красив, чем сидевший с работорговцами щеголь. Я прочла в глубине глаз слуги что-то, что меня встревожило: отражение трагедии, трагедии такого потрясающего масштаба, что немногие могли бы это оценить.

Во мне шевельнулось сострадание, чего со мной обычно не случалось.

— Как тебя зовут? — спросила я, протягивая монету в знак того, что не имею в виду ничего дурного. На косе Гортан следовало быть чертовски осторожным, интересуясь личностью собеседника.

Слуга искоса взглянул на меня, и струйка слюны побежала из его перекошенных губ на подбородок.

— Можешь называть меня Янко. В любой момент к твоим услугам, зеленоглазка. — Он умудрился превратить последнюю фразу в непристойное предложение, схватил монету, тоненько захихикал, что странно противоречило его внешности, и заковылял прочь.

Я вздохнула. Так мне и надо за проявление сочувствия в таком притоне, как «Приют пьянчуги». Я подумала, не станов-

люсь ли мягкотелой: в былые времена я и минутной жалости к подобному типу не ощутила бы. Может быть, я с возрастом размягчаюсь, как случается с жемчугом. Такая мысль меня не порадовала. Для отверженной вроде меня злость, вызванная презрением белокурого мальчишки, гораздо полезнее благородного сострадания. Лучше мне быть такой же жесткой и шершавой, как раковина жемчужницы, чем гладкой и приятной на ощупь, как сама жемчужина. Стать мягкой означало подвергнуть опасности свою мечту: заработать достаточно денег, чтобы купить себе комфорт и безопасность. Кровоточащие сердца редко сочетаются с богатством; хуже того — в моей профессии они чаще всего накликают смерть.

Пойло мне принесли быстро; судя по синякам, покрывавшим его лицо, мальчишка, разносивший кружки, пожалуй, нуждался в моей жалости больше, чем Янко. Я улыбнулась ему, но служка потупился и торопливо засеменил прочь. Обычно я не пугаю людей настолько сильно... Я откинулась на спинку стула и стала прихлебывать местное пиво, следя за тем, что происходит в зале.

Тут обнаружилось, что сюрпризы, ожидавшие меня в «Приюте пьянчуги», не кончились: по лестнице спустилась женщина, красивее которой я в жизни не видела. Она была голубоглазой, белокурой мечтой с золотистой кожей — цирказеанкой, конечно: только на Цирказе рождаются люди с подобной внешностью. С виду ей было не больше двадцати. Длинные стройные ножки красотки заставили всех мужчин в зале пускать слюнки, а ее округлости, не будучи вызывающими, намекали на отменные сексуальные радости. Как и я, девушка была одета в обычную дорожную одежду — штаны и подпоясанную тунику. Впрочем, как бы она ни оделась, значения это не имело бы: все равно все взгляды устремились к ней, да так и не смогли оторваться.

Включая мой собственный взгляд. У меня никогда не возникало желания затащить в постель другую женщину, да и теперь не возникает, если уж на то пошло. Меня заинтересовала не сексуальная привлекательность незнакомки. Все же я подвинула ногой свободный стул у моего стола так, чтобы на него было удобно сесть, почему-то надеясь, что она выберет именно его. Вместо этого на спинку вдруг опустилась птица — неприметное сероватое существо. Явно не испытывая страха,

птица повертела головой, высматривая крошки на полу. Я попыталась ее прогнать, но птица не обратила на меня никакого внимания.

Девушка помедлила на последней ступеньке лестницы и оглядела зал. Выбора у нее особого не было: кроме стула у моего стола, незанятыми были только места рядом с высоким суровым мужчиной в углу и с юношей — обладателем длинных ресниц. Птица возбужденно запрыгала по спинке стула и захлопала крыльями. Теперь на нее падал луч солнца, и я разглядела, что спинка у птицы синяя, а по грудке тянется пурпурная полоса, блестящая на свету, как переливчатый шелк.

В этот момент на меня обрушилось зловоние дун-магии, такое удушающее, что я чуть не поперхнулась. Запашок, который я раньше почувствовала, когда ко мне подошел Янко, не шел с этим ни в какое сравнение: то был след давнего заклинания, теперь же чары были наложены только что. Кто-то прибег к дун-магии здесь и сейчас, и этот кто-то должен был быть мастером своего дела — не новичком, не посредственностью. Я никогда еще не сталкивалась с подобной силой, и никогда еще я так ясно не ощущала всю мерзостность дун-магии. Зал сразу же просто провонял злом. Я поспешно поставила кружку на стол, чуть не расплескав содержимое, и проверила, легко ли вынимается меч из ножен.

По полу разлилось багровое сияние, неощутимое и гнусное, оскверняя на своем пути всех нас и оставляя за собой ржавые следы, похожие на сгустки засохшей крови. Я только с усилием удержалась от того, чтобы не отдернуть ногу, когда багровая струйка затекла под стол и коснулась моего сапога. Мне хотелось стряхнуть эту гадость — как будто возможно избавиться от следов дун-магии, — но я преодолела искушение. Ради собственной безопасности не следовало позволять магу — кем бы он или она ни был — догадаться о том, что я могу все видеть. Немного погодя я все же рискнула посмотреть вниз; багровый след на моем сапоге быстро таял, но я скрыла свое облегчение, как раньше скрыла отвращение. Я почти жалела о том, что обладаю Взглядом: без него я ничего не заметила бы и так же не подозревала об опасности, как и все остальные.

Я сделала глубокий вдох и попыталась проследить поток силы, чтобы определить, кто ее использовал, а также — это, возможно, было даже более важно, — кто намеченная жертва.

И впервые в жизни я потерпела полную неудачу. Сила магии оказалась слишком велика. Скверна заполняла все помещение, и я не смогла определить ее источник. Я никогда еще не видела, чтобы багровое сияние дун-магии распространялось так широко и дышало таким злом. Единственное, в чем я могла быть более или менее уверена, — это что направлено заклинание не на меня. И все равно во рту у меня стало сухо, а ладони вспотели. Я не привыкла к тому, чтобы Взгляд подводил меня, и мне стало страшно.

О боги, на что только я пошла ради денег! Мне не следовало возвращаться на косу Гортан: слишком много зла могло здесь случиться, особенно если учесть, что кто-то прибег к магии. На мгновение я почувствовала сомнение в том, стоит ли овчинка выделки; неприятное чувство окатило меня, как неожиданный холодный ливень, но я поспешила прогнать его.

Янко, хромая, пересек зал и подал мне заказанную рыбу; птица, сидевшая на спинке стула, улетела, а белокурая девушка выбрала наконец, за какой стол сесть. Не обращая внимания на корабельщика, который столкнул пьяного соседа со стула и делал приглашающие жесты, она прошла к столу юноши с ресницами. Могу поклясться: он покраснел, когда понял, куда она направляется. Он вскочил, едва не опрокинув стул, потом снова сел с видом человека, которого только что огрели по голове дубинкой. Девушка улыбнулась ему — такая улыбка могла бы развеселить даже Янко — и села за стол.

Я принялась за свою рыбу. Мне хотелось побыстрее убраться из зала: если уж что было мне ни к чему, так это оказаться замешанной в дела, связанные с дун-магией.

Я уже обсосала почти все косточки, когда свободный стул у моего стола скрипнул, и, подняв глаза, я обнаружила, что на него усаживается гибкий красавчик из компании работорговцев. Очаровательная улыбка, на которую я раньше обратила внимание, теперь цвела не только на его губах, но и провела тонкие морщинки в углах глаз.

— Ниамор, — представился красавчик, — также известный как Посредник. — Имя показалось мне столь же смутно знакомым, как и лицо.

Я улыбнулась в ответ и назвала единственное имя, которое считала своим, хотя иногда использовала и некоторые другие:

— Блейз Полукровка.

На лице моего нового знакомца отразилось изумление. Вторая часть моего имени явно была прозвищем, и его, должно быть, озадачило, что я подобным образом пожелала подчеркнуть свой статус. Откуда ему было знать, что извращенность всегда была моим слабым местом... Впрочем, он не выразил своего удивления вслух и только сказал:

— Я где-то видел тебя раньше.

— Возможно. Я уже бывала здесь.

Он щелкнул пальцами:

— Вспомнил! Лет пять или около того ты искала работу и в конце концов нанялась на корабль работорговца. — Ниамор усмехнулся. — По правде сказать, не думал, что увижу тебя живой. Уж такая была у того корабля репутация... Поговаривали, что капитан балуется дун-магией.

Воспоминание заставило меня поморщиться.

— И правильно поговаривали. — То путешествие было адски тяжелым, и я едва не досталась на обед морскому дракону, но за то, чтобы я проникла на тот корабль под видом члена команды, мне посулили кучу денег, а в те дни не было такого дела, за которое я не взялась бы ради заработка. Теперь я, пожалуй, на такое бы не решилась, — я стала несколько более осмотрительной, а может быть, чуть менее алчной.

— Ты прибыла только сегодня утром, — продолжал Ниамор. Я кивнула. Похоже, Ниамор готов был заговорить о делах. — Насколько мне известно, ты интересуешься рабами, выставленными на продажу. Как я слышал, ты расспрашивала об одной рабыне еще до того, как сняла комнату в гостинице.

Я поковыряла рыбью голову, извлекая последний кусочек сочного мяса.

— Верно. — Типичная для Гортанской Пристани ситуация: сплетни распространялись здесь со скоростью запаха тухлых креветок, и все старались влезть в чужие дела, если только могли сделать это без ущерба для себя.

— И тебе нужен совершенно особенный товар, — настойчиво продолжал Ниамор.

Восхитительный кусочек рыбы растаял у меня во рту. Даже в «Приюте пьянчуги» не могли испортить свежую зубатку. Я небрежно ответила:

— Мой заказчик имеет очень изысканный вкус.

— «Нужна молодая цирказеанка», — процитировал Ниамор. — Они дешевыми не бывают, знаешь ли. — Его взгляд скользнул в сторону красотки за соседним столом; Ниамор оценивал ее в качестве рабыни с полной бесчувственностью.

Я отодвинула тарелку в сторону.

— Угу. Только о той и не думай, Ниамор. Обращаю твое внимание, на случай, если ты еще не заметил: это классная штучка. Неприятности мне ни к чему. Я покупаю девушку, которая уже является рабыней, а не благородную госпожу, несомненно находящуюся под чьей-нибудь защитой.

Ниамор с сожалением пожал плечами:

— Твой заказ может оказаться труднее выполнить.

— Насколько мне известно, только вчера прибыл корабль с товаром с Цирказе.

— Верно. Только товар поступил прямиком из тамошних тюрем — по милости самого суверена. Он весьма косо смотрит на продажу в рабство цирказеанских красавиц, хоть и не брезгует возможностью подсунуть ничего не подозревающим покупателям своих преступников-мужчин.

Я фыркнула. Из того, что я о нем слышала, было ясно: суверен Цирказе не отказался бы продать в рабство собственную мать, если бы сделка принесла ему достаточно прибыли и не вызвала неприятностей. Как и властитель Брета, еще одного из Средних островов, это был тиран из тиранов, и мир стал бы более приятным местом без любого из них... однако свое мнение я оставила при себе. Я уже давно обнаружила, что свои политические взгляды лучше не высказывать: их неизменно припоминали тебе как раз в тот момент, когда важно было сохранять нейтралитет.

— Поищи для меня товар, хорошо? — сказала я Ниамору. — У меня такое чувство, что ты сможешь устроить мне подходящую сделку, если постараешься. Сколько ты берешь?

— Пять процентов. Плюс расходы.

Я кивнула:

— Только не вздумай раздувать расходы. — На самом деле я не собиралась ему платить, как не собиралась платить и за рабыню, если мне удастся ее найти.

Покончив с делами, Ниамор переключился на личные темы (недаром его прозвали Посредник: он точно знал, что

начинать нужно с самого важного, а к удовольствиям переходить потом). Он кивнул в сторону моего меча:

— Твой наниматель с Калмента?

— Может быть. Какое это имеет значение?

— Да никакого. Я просто полюбопытствовал. Я слышал, что калментцы не делают мечей для любого желающего — уж очень они гордятся своим искусством. Говорят, они куют мечи для чужеземцев только в уплату кровного долга.

— Может, ты и прав, — безразлично ответила я. Конечно, он был совершенно прав: мой меч был именно такой платой — однажды я спасла жизнь сыну владетеля Малого Калмента. Я, наверное, даже рассказала бы эту историю Ниамору, если бы в воздухе все еще не висел запах дун-магии. Откуда мне было знать, не Ниамор ли прибег к ней? Ни его удивительно приятная внешность, ни обаяние не могли заставить меня вступить с ним в какие-либо отношения, кроме чисто деловых, пока я не буду уверена, что он чист. Жаль, конечно: от одного взгляда на него я чувствовала желание — ведь мужчины в моей постели не бывало уже давно.

Я допила пойло и поднялась:

— Найдешь меня в моей комнате, если захочешь предложить сделку. — Я вежливо кивнула Ниамору и двинулась к лестнице. По пути я кинула взгляд на цирказеанку, думая о том, что такой красавице здесь не место, как и молокососу, с которым она сидела. Она не останется в безопасности и суток, если только не найдет себе покровителя. При условии, конечно, что не она была источником дун-магии... Ну а если все же нет, то стол она выбрала неудачно. Ей повезло бы больше, сядь она рядом со мной. Мне, естественно, не было дела до ее безопасности, но я предложила бы ей защиту в обмен на информацию, — от смазливого же мальчишки ей будет столько же прока, как от мачты без парусов — основа превосходная, но без снаряжения какая от нее польза?

Я мысленно пожала плечами и стала подниматься по лестнице.

Дойдя до первой площадки, я оглянулась и встретилась глазами с высоким суровым южанином, одетым в черное. Выражение его лица не переменилось, но что-то заставило меня помедлить. Неожиданно острое чувство узнавания... С его или с моей стороны? Как ни странно, я не могла этого определить.

Я не могла вспомнить, видела ли его раньше, а его лицо по-прежнему оставалось бесстрастным — и тем не менее в воздухе между нами повисло это странное чувство.

Я почувствовала себя крабом, которого вот-вот кинут в кипяток. Интуитивные ощущения всегда предвещают неприятности.

Испытывая страх перед чем-то, понять чего я не могла, я повернулась и стала подниматься дальше.

Войдя в свою комнату, я заперла дверь на засов и распахнула ставни, чтобы проветрить помещение. Было облегчением избавиться от зловония дун-магии, хотя взамен ветерок принес сильный запах рыбы. Мое окно выходило на рыбачий причал с рядами кольев, между которыми на веревках вялился недавний улов. Впрочем, будь моя комната на другой стороне здания, ничего не изменилось бы: свежая рыба, соленая рыба, сушеная рыба, копченая рыба, тухлая рыба — где бы вы ни оказались на косе Гортан, рыба была всюду. Рыба трепыхалась на дне лодок, рыба жарилась в тавернах, рыба вялилась на решетках, рыба солилась в бочках, рыба коптилась в коптильнях, рыба чистилась, разделывалась, продавалась, съедалась. По какой бы улице Гортанской Пристани вы ни шли, под ногами хрустел слой рыбьей чешуи толщиной в ладонь. Думаешь, я преувеличиваю? Вот отправляйся на косу Гортан — сам увидишь.

За кольями семь или восемь рыбаков сидели вокруг корзин с уловом зубатки; некоторые рыбины в доказательство своей свежести еще били хвостами по неструганым доскам причала. Мужчины и женщины ловко потрошили рыбу, потроха и чешуя разлетались по сторонам под смех и грубые шутки. Я подивилась их веселью: даже в гостинице было невыносимо жарко, а уж на солнцепеке... Не хотела бы я оказаться на их месте.

Я посмотрела налево. С другой стороны причала тянулся ряд развалюх. Обычным способом строительства на косе Гортан был такой: вы сколачивали вместе те доски, которые вам удавалось раздобыть, и прекращали работу, когда они кончались. Деревья на острове не росли, и строительный материал добывался — так или иначе — из моря; впрочем, в свое первое посещение косы Гортан я видела таверну, целиком построенную из пивных бочек, а передняя стена какой-то лавки была

сделана из пустых бутылок. Те строения, на которые я смотрела, были явно сооружены из плавника: стволов деревьев, корабельных балок, досок обшивки. Стены ближайшей ко мне лачуги подпирали ребра кита, другая была крыта кожей акулы, третья оказалась выстроена из изъеденного морской уточкой дерева потерпевшего крушение корабля. Все вместе казалось причудливым и странным, но не лишенным своеобразного очарования.

(Должно быть, я тогда лишилась рассудка. Неужели я и в самом деле могла так думать? Гортанская Пристань? Не лишенная очарования?)

Из своего окна портовые строения я разглядеть не могла, но дальше берег изгибался, и за окраинами города вдалеке я видела пустынный пляж и круто обрывающиеся к морю дюны. Горячий воздух струился над белым песком, превращая контуры дюн в тающий мираж.

Я закрыла ставни, немного избавившись, вместе с солнечным светом, от жары. Сбросив сапоги и отстегнув меч, я растянулась на постели. Мне предстояло быть на ногах большую часть ночи, и следовало попытаться поспать.

Глава 2

Примерно через час меня разбудили чьи-то стоны. Шум раздавался так близко, что я подумала, будто жертва находится в моей комнате; на самом деле этого, конечно, не было — просто стены в «Приюте пьянчуги» были сделаны из таких источенных морскими уточками и плохо подогнанных досок, что все происходящее в соседней комнате было отчетливо слышно. Сначала я попыталась не обращать внимания на звуки, но убедилась, что снова уснуть, пока кто-то убедительно изображает смертные муки, мне не удастся. Вздохнув, я нацепила портупею с мечом и босиком пошлепала к соседу.

По дневному времени я не зажгла свечу, и зря: в узком коридоре было совершенно темно. Ни воздух, ни запахи снаружи сюда не проникали, так что я снова ощутила вонь дун-магии, и мое тело напряглось. Сосредоточившись на зловонии, я сглупила: сделала шаг в темноту и оказалась как раз на дороге

кого-то, кто в этот момент проходил мимо моей двери. У меня сложилось впечатление, что этот кто-то тоже шел в комнату моего соседа.

Несколько долгих мгновений мы оба стояли неподвижно, так близко друг от друга, что наши тела соприкасались. Я ничего не могла разглядеть, но точно знала, с кем столкнулась: это был высокий южанин в черной одежде. Чего я не могла понять, так это того действия, которое он на меня оказал. В обычных обстоятельствах я сделала бы шаг назад и извинилась — на всякий случай не снимая руки с рукояти меча, — но сейчас мы продолжали стоять вплотную друг к другу, и на мои тело и разум обрушился целый водопад эмоций. Беда была в том, что я никак не могла разобраться в собственных чувствах.

Преобладало испытанное мной раньше ощущение узнавания — то ли его, то ли мое. Может быть, мой Взгляд заметил дун-мага, силва или собрата — обладателя Взгляда? Или память шептала мне, что я должна узнать этого человека? А может быть, физическая потребность откликнулась на близость мужчины, который мог ее удовлетворить...

Когда я все же сделала шаг назад, мне было трудно дышать. От страха, несомненно, но также от странного напряжения. Какая-то часть меня хотела обратиться в бегство.

Прежде чем кто-либо из нас заговорил, стоны из-за двери зазвучали с новой силой.

— Тебе незачем беспокоиться, — любезно сказал мужчина. Последовал еще один момент напряженного молчания, когда ни один из нас не двигался.

«Ах ты, высокомерный ублюдок», — вяло подумала я. Его внешность сказала мне, что он — южанин, а выговор, мягкий и тягучий, указывал на его родные острова — Разбросанные. Я взглянула на мочку его левого уха, и теперь, когда мои глаза привыкли к слабому освещению, различила татуировку: морскую змею, украшенную кусочками бирюзы, — подтверждение того, что он гражданин именно этих островов.

— Кому-то там стало плохо. Я займусь этим, — продолжал южанин с твердостью, говорившей о привычке к тому, чтобы ему повиновались.

К несчастью, его властность как раз и подхлестнула мое проклятое стремление всегда противоречить. За мгновение до этого я неохотно шла узнавать, что приключилось у соседа,

придумывая предлог уклониться от всякого участия в событиях. Теперь, когда мне предложили шанс с чистой совестью вернуться к себе, я решительно отказалась. Как я говорила раньше, извращенность всегда была моим недостатком.

— Может быть, моя помощь пригодится, — вежливо ответила я. — В моей сумке есть кое-какие снадобья. — Прежде чем южанин смог возразить, я открыла дверь комнаты соседа.

Человек на постели оказался юным молокососом с длинными ресницами, и был он не один. Рядом с ним сидела цирказеанка. Мужчина, заглянувший через мое плечо, этого явно не ожидал: я ощутила его удивление. Я и сама была удивлена, но мое внимание сразу привлек разлитый в комнате запах: благоухание силв-магии, чистое и свежее, как аромат весенних цветов, заглушающее тошнотворную вонь разложения.

Цирказеанка сидела на кровати, положив себе на колени ногу юноши. Она высоко завернула штанину, так что даже оттуда, где мы стояли, была видна причина страданий жертвы: позеленевшая зловонная язва на колене. Мой Взгляд говорил о том, что края язвы окрашены зловещей краснотой дун-магии. Теперь мне стало ясно, кого должно было погубить заклинание злого мага.

Без немедленно оказанной помощи язва росла бы, запуская щупальца гниения в плоть юноши, как гангрена, и через неделю жертва была бы мертва: здоровое тело превратилось бы в одну огромную гноящуюся рану... Отвратительный путь на тот свет. Я однажды видела такое и не хотела бы увидеть еще раз.

Стоявший рядом со мной мужчина стиснул мою руку, и глаза его сузились.

— Думаю, что никто из нас здесь не требуется, — промурлыкал он мне в ухо и кивнул сидящей женщине: — Прости, что побеспокоили.

Южанин потянул меня прочь и закрыл дверь.

Потом, не сказав ни единого слова и даже не взглянув на меня, он двинулся по коридору туда, откуда пришел.

В одном он был прав: наша помощь не требовалась. А я насчет цирказеанки ошибалась — покровитель ей нужен не был. Она располагала достаточной защитой: силв-магией. Неудивительно, что она при всей своей соблазнительности мог-

ла с таким спокойствием войти в зал «Приюта пьянчуги», не побеспокоившись даже о том, чтобы иметь при себе меч.

Я ощутила укол ревности — темного, злого чувства, которого я всегда стыдилась, но никогда не могла полностью преодолеть. Силв-магия... Проклятие! Будь проклята эта девчонка!

Вернувшись в свою комнату и снова распахнув ставни, я приказала себе перестать чувствовать и начать думать. Во-первых, я могла бы поклясться, что, входя в зал, цирказеанка не была знакома с юношей. Во-вторых, будучи силвом, она должна была сразу же понять, что именно он — несчастная цель заклинания дун-мага, — понять еще до того, как это стало ясно самому юноше. Силвы были лишены Взгляда и не могли видеть дун-магии, как могла я, но они обладали способностью сразу распознавать причиненный ею ущерб.

Поэтому следующая моя мысль была такая: если сесть за стол юноши цирказеанку заставило не предыдущее знакомство с ним и не случайное совпадение, то, значит, она видела необходимость исцелить его своей магией, защитить его. Я решила, что цирказеанка столь же глупа, сколь красива. Дун-маг не мог издали почувствовать противодействие одному из своих заклинаний, но если он увидит свою жертву живой и здоровой, едва ли он не поймет, что случилось. А злой колдун, которому помешали, постарается отомстить.

Ну а насчет южанина... Его мгновенная реакция на то, что он увидел в комнате юноши, похоже, указывала на то, что он, как и я, обладает Взглядом.

Я постояла у окна, глядя на опустевший теперь причал и суетящихся над рыбьими потрохами чаек. Их обычно опрятные перья были измазаны в крови и слизи; птицы сварливо кричали и щелкали друг на друга клювами. Я размышляла о том, что мне совсем ни к чему влипнуть в разборки магов между собой: обладание Взглядом давало мне защиту от магии как таковой, но дун-маги ненавидели таких, как я, не меньше, чем силвов. Благоразумный обладатель Взгляда, как и благоразумный силв, постарался бы скрыть свои способности от дун-мага — в конце концов, существовало множество и немагических способов прикончить человека.

Меня даже затошнило от страха. Тревожное предчувствие говорило мне, что магия в лице цирказеанки уже вмешалась в

мои дела. Было ли совпадением появление этой женщины как раз в тот момент, когда я разыскивала цирказеанку-рабыню? Женщины с Цирказе вообще редко появлялись где-либо, кроме своих островов, а уж прибытие на косу Гортан двух одновременно совпадением быть никак не могло. Я охотилась за совершенно определенной девушкой; я была уверена, что она сейчас находится на косе Гортан; не сомневалась я и в том, что цирказеанка-силв — не та, кого я разыскиваю; и все же меня преследовало чувство, что какая-то связь между ними есть. Только какая? Я была озадачена... и встревожена.

Мои мысли плавали по замкнутому кругу, как рыбки в аквариуме, когда мое внимание привлекло какое-то движение внизу. Мальчик-служка выскользнул из задней двери гостиницы и крался между связками вяленой рыбы. Когда мимо проходили рыбаки с корзиной омаров, мальчишка спрятался от них под валяющимися на причале сетями. Я с интересом наблюдала за ним. Это было похоже на театральное представление в Ступице, столице островов Хранителей: я оказалась зрительницей, с балкона следящей за развитием сюжета мелодрамы. В театре я всегда начинала смеяться в самый неподходящий момент... Только этот спектакль происходил в реальной жизни и был особенно интригующим потому, что в зале гостиницы служка вел себя как дурачок, а теперь проявлял явную сообразительность. Он нырнул за кучу корзин, видевших лучшие дни, и тут же появился снова, прижимая что-то к себе. Когда он уселся на доски причала — так, чтобы корзины скрывали его, — я поняла, что единственное место, откуда его видно, — это мое окно.

Прижимал он к себе собаку — облезлое животное с огромным хвостом и чересчур большими лапами. Мальчик покормил ее и немного поиграл с ней, потом снова спрятал между корзинами. Еще несколько минут — и мальчишка снова вернулся на кухню гостиницы.

Похоже было, что даже дурачки служки на косе Гортан имели свои секреты.

Когда я проснулась во второй раз, жара спала: морской ветерок начал хлопать ставнями.

В соседней комнате теперь царила полная тишина.

Я нашла судомойку, за мелкую монету раздобыла у нее какую-то мазь от кожных болезней, добавила туда сушеных трав,

потом за другую монету у кухарки купила хлеба из водорослей и рыбного паштета и отправилась на рыбацкий причал. Там все еще не было ни души, хотя по-прежнему воняло тухлой рыбой, а на лодках рыбаки готовили сети для следующего лова. Один из парней глянул на меня, ухмыльнулся и собрался что-то сказать, но тут заметил рукоять меча, торчащую из-за моего плеча, и передумал.

Найти собаку оказалось нетрудно; гораздо труднее было убедить ее, что мне можно доверять. На косе Гортан даже щенята быстро узнают, что доверчивость не способствует выживанию. Однако через некоторое время песик все-таки решил, что человек, угощающий его хлебом с паштетом, не может быть таким уж плохим, и позволил мне смазать его болячки мазью. Сначала он рычал на меня, но скоро начал довольно повизгивать и полез лизаться.

Я не рассчитывала, что мне повезет и парнишка из гостиницы застанет меня за моим занятием, но случилось именно так.

Сначала он стоял, разинув рот и не веря собственным глазам. Я решила, что ему лет двенадцать. От природы, судя по веснушкам, мальчишка был светловолосым, но из-за грязи, покрывавшей его с ног до головы, сказать наверняка было невозможно. Насколько я смогла разглядеть, татуировка на мочке уха у него отсутствовала. В зале гостиницы он смотрел на меня тусклым бессмысленным взглядом; теперь же глаза его были настороженными и сообразительными.

— Не бойся, — сказала я, когда парнишка повернулся, чтобы убежать. — Я не сделаю ничего плохого ни тебе, ни твоей собаке. — Я показала ему баночку с мазью. — Вот, возьми. Мажь его болячки каждый день, и они скоро заживут. Ты и не узнаешь своего пса, когда он выздоровеет.

Мальчик осторожно подошел и взял баночку, а песик, когда тот оказался рядом, радостно заколотил хвостом.

— Как ты его назвал? — спросила я.

Мне пришлось несколько раз переспросить, пока из невнятного бормотания я наконец поняла, что песика зовут Следопыт. Интересный выбор имени... Может быть, в этом малыше скрыто больше, чем можно было надеяться. Я порылась в кошельке и вытащила несколько медяков.

— Видишь денежку? Ты ее получишь, если ответишь мне на несколько вопросов. Не важно, если не все ответы окажутся тебе известны: ты мне так и скажешь. Понятно? — Малец попятился. До него уже дошло, что моя забота о его питомце вызвана не просто сердечной добротой. — Как тебя зовут? — продолжала я.

— Танн, — сказал он и неуверенно добавил: — Вроде. — Я не поняла толком, имеет ли он в виду, что его зовут Танн Вроде или что вроде его зовут Танн. Впрочем, уточнять я не стала. Вместо этого я поинтересовалась, знает ли он человека по имени Ниамор Посредник.

Мальчишка кивнул.

— Расскажи мне о нем.

Вот тут-то и обнаружилось, что перед нами стоит проблема. Очевидно, Танну так редко приходилось разговаривать, что он практически разучился говорить — если когда-нибудь умел. Он все прекрасно понимал, но речь его была столь же внятной, как бормотание отставшего в развитии попугая. Мальчик очень хотел услужить, однако звуки, которые он издавал, едва ли могли сойти за слова. Первая его фраза прозвучала примерно так: «Нмор много грит. Чиго скзал — всигда правд. Верить мжно». Я перевела это так: «Ниамор разговорчив, но говорит всегда правду. Ты можешь ему верить».

Мальчик не был глуп — он знал гораздо больше того, что мог выразить словами. Во мне на мгновение проснулся гнев: что это за мир, в котором никто не позаботился научить ребенка говорить... но тратить время на бесполезные эмоции я не стала. С помощью многочисленных старательно сформулированных вопросов я сумела выяснить, что Ниамор живет на косе Гортан, сколько Танн себя помнит. По слухам — что-то подобное я, кажется, слышала в свой прошлый визит в Гортанскую Пристань, — он участвовал в дерзком, но совершенно неудачном мошенничестве у себя на родине, и разоблачение заставило его отправиться в изгнание. По словам Танна, неудавшееся мошенничество отучило Ниамора заниматься подобными делами; не стал он и работорговцем, предпочитая посредничество. Словом, сделался антрепренером, хоть Танн такого слова и не знал. Поскольку Ниамор заслужил репутацию честного дельца, ему доверяли. Это, конечно, не делало его совершенно надежным. Ниамор был способен на сомни-

тельную сделку, на торговлю краденым, как и любой житель косы Гортан, но если что-то говорил, этому можно было верить. А в темном мире работорговцев, воров и пиратов посредник, добросовестно передающий сообщения и не нарушающий своих обещаний, пользовался большим спросом. Ниамор никогда не оказывался двойным агентом, хотя игра, которую он вел, и оставалась опасной.

Похоже, познакомиться с таким человеком было полезно. Ниамор явно отточил свои умения с тех пор, как я в последний раз была на косе Гортан: я не помнила, чтобы тогда он был такой заметной фигурой в скользком деловом мире здешних мест.

Выяснив о Ниаморе все, что мне было нужно, я переключилась на других обитателей «Приюта пьянчуги».

— Ты знаешь, как зовут высокого южанина в черной одежде? — спросила я Танна. — Того, что сидел один за столом в углу? — И который, если только я совсем не разучилась что-то понимать, был одним из обладающих Взглядом.

Танн кивнул:

— Тор Райдер.

Имя ничего мне не говорило. Дальнейшие расспросы позволили мне выяснить, что Танн ничего больше о южанине не знает, кроме одного: прибыл тот неделю назад на двухмачтовом торговом корабле с одного из Средних островов.

Юноша, тот, на кого напал дун-маг, добрался до Гортанской Пристани двумя днями раньше южанина на рыбацкой лодке, хотя рыбаком не являлся. Танн ничего о нем не выведал. Юноша назвался Новиссом, но служка был уверен, что это не настоящее его имя. Новисс ничего не делал, только сидел в гостинице, настороженный, как морская черепаха, собравшаяся отложить яйца на открытом месте.

— А что насчет цирказеанки?

Парнишка выразительно закатил глаза:

— Явилась вчера.

— Она приехала вчера? Вчера ведь прибыл всего один корабль — доставивший рабов с Цирказе. — В этом я уже удостоверилась.

Танн пожал плечами.

В остальном от него мне оказалось мало прока. Он ничего не знал о рабыне-цирказеанке, как не знал, почему и команда

корабля, и его капитан — алчная компания морских крыс — уверяли меня, что никогда не видели никакой цирказеанки, никогда не возили ее на своем корабле и вообще ничего не знают о рабыне с Цирказе, хоть я и посулила вознаграждение за информацию. Они твердили, что доставленный ими живой товар — сплошь мужчины, а пассажиров в этом рейсе у них не было. Впрочем, они ведь отрицали и то, что являются работорговцами: по их словам, они везли нанятых южанами работников.

Когда я уверилась, что получила от Танна всю возможную информацию, я заплатила ему несколько медяков и отправила обратно в гостиницу.

Прежде чем вернуть песика на его место под корзинами, я еще раз его оглядела. Закругленные уши казались слишком маленькими, а ноздри — слишком узкими. Рыжая шерсть — там, где она сохранилась, — выглядела короткой и густой. Глаза не соответствовали внешности дворняжки, выросшей в трущобах, — в них светился расчетливый ум. Подобный взгляд я замечала у ныряльщиков — охотничьих водяных псов с острова Фен, хотя те никогда не бывали рыжими и лапы у них были короче, чем у Следопыта. Чтобы подтвердить свою догадку, я подняла казавшуюся слишком большой лапу песика. Между пальцами виднелись перепонки. Я едва не рассмеялась — передо мной был наполовину ныряльщик, наполовину собака, — такая же полукровка, как и я сама.

Радуясь моему вниманию, Следопыт замахал своим тяжелым хвостом — что было не слишком разумно. Хвост, как дубинка, врезался в корзину. Песик заскулил, припал к земле, и тут его вырвало. К счастью, мне удалось увернуться. Я велела Следопыту залезть под корзины, и он сразу послушался — в конце концов, он был еще совсем щенок.

Без особого желания я двинулась в сторону центра Гортанской Пристани. Чем больше я узнавала, тем сильнее крепло во мне убеждение: я коснулась чего-то, справиться с чем мне не по силам. Каждая интрига здесь осложнялась бесчисленными противоречивыми интересами, каждая волна была полна множеством разнонаправленных течений, и в своих поисках рабыни-цирказеанки я плыла по опасным водам, рискуя пойти ко дну.

* * *

Начало дня на косе Гортан бывало обычно жарким и безветренным. Солнечный свет, отраженный от белого песка, невыносимо резал глаза, и даже блеск морской воды казался слишком ярким. В это время суток вонь на причалах тоже делалась особенно отвратительной, так что каждый вдох приходилось делать с усилием. Все, кто мог позволить себе находиться в помещении, прятались от жары за закрытыми ставнями и спали, как это делала и я. Даже бродячие собаки дремали, мертвыми телами растянувшись в тени.

К тому времени, когда я рассталась с Танном и его любимцем, день стал клониться к вечеру, и живые существа на косе Гортан начали оживать. Именно в это время суток возникал феномен, который местные жители называли Доктором: свежий ветер с моря нес приятную влажность, развеивал миазмы и умерял жару. Рыбачьи лодки отправлялись на ночной лов, маневрируя, чтобы выйти из гавани при встречном ветре, а город стряхивал с себя сонливость. Лавочники распахивали ставни, зазывалы хватали за руки прохожих, нищие ковыляли на самые оживленные перекрестки, а собаки бегали по улицам, высматривая, не удастся ли что-нибудь стащить. Контраст с первой половиной дня был разительным, но оживление длилось недолго. Как только сгущались сумерки, атмосфера менялась: лавки закрывались, зато свои двери распахивали таверны и бордели. Законопослушная деловая жизнь сменялась тайными и зловещими ночными сделками под аккомпанемент пьяных криков и драк; проявлять любопытство не рекомендовалось: редкая ночь обходилась без убийства или двух.

Проверив, легко ли вынимается меч из ножен у меня за плечом, а другой рукой придерживая висящий на поясе кошелек (карманники Гортанской Пристани были знамениты своей ловкостью, а потерять то немногое, что я имела, никак не годилось), я отправилась на поиски знакомца, который в прошлый мой приезд сюда был мне полезен.

Найти его мне не удалось. Принадлежавшая ему лавочка больше не существовала. Несколько лет назад вся улица, на которой она располагалась, сгорела — пожары часто случались в городе, большинство зданий которого было выстроено из плавника, а крыто водорослями, жители же редко оказывались

трезвыми. Никто не мог сказать мне, куда делся хозяин лавочки: в Гортанской Пристани люди приезжали и уезжали, умирали и исчезали, и никому не было до этого дела.

Я заглянула в одну из таверн — где, конечно, подавали только рыбные блюда — и заказала себе дешевую еду: мидии с водорослями. Жизнь в «Приюте пьянчуги» была экстравагантностью, и приходилось на чем-то экономить.

Я уже доедала свою порцию, когда кто-то выкрикнул мое имя. Моя рука невольно легла на рукоять меча (лежавшего теперь у меня на коленях). Крик, однако, был радостным, а не враждебным; голос принадлежал Адди Лекс, женщине, которой я случайно помогла в свой самый первый приезд на косу Гортан. Мне тогда было двадцать три, и Адди столько же. Я выслеживала силва-отступника, за голову которого была назначена награда, — сумма оказалась достаточно большой, чтобы побудить меня отправиться сюда, — а Адди была его любовницей. В те дни она отличалась красотой, но это не мешало любовнику вымещать на ней зло и унижать ее, так что Адди мечтала как-нибудь устранить причину своих горестей. Я была только рада помочь ей избавиться от мерзавца. (Эта часть дела была легкой; вот доставить подонка на острова Хранителей оказалось потруднее — он знал, что, если окажется в Ступице, распрощается с жизнью, и всячески старался туда не попасть, по возможности еще и прикончив при этом меня. В конце концов я вручила его палачам в целости, если не считать нескольких пальцев, которых он лишился при одной из попыток к бегству, и получила свои денежки, но это, пожалуй, было самым трудным заданием, за какие я только бралась.)

Теперь Адди была вовсе не так привлекательна. Она работала поварихой в этой таверне и ужасно растолстела. Кожа ее загрубела и приобрела красноватый оттенок. Подойдя к моему столу, она плюхнулась на стул и тут же принялась жаловаться на очередного своего сожителя: похоже, став старше, она не сделалась осмотрительнее в выборе мужчин. Я с удивлением поняла, что она намекает на желательность моей помощи в разрешении тем же способом ее теперешней проблемы. Не знаю, что в точности она от меня хотела, потому что возможности сказать об этом я ей не дала. Вместо этого я стала расспрашивать ее про Ниамора.

Она сказала примерно то же, что и Танн, добавив:

— Славный парень этот Ниамор. Всегда готов посмеяться, пошутить. Мораль, правда, как у сучки во время течки, но задевать чувства людей он не любит. Добросердечен наш Ниамор, пока это ему ничего не стоит. — Такой взгляд вполне совпал с моим впечатлением от красавчика. — Ты должна бы его помнить, — добавила Адди. — Он уже был тут, когда ты в прошлый раз появлялась на косе Гортан. Путался с той женщиной-силвом, которую выслали с островов Хранителей за какие-то дела... болтали, что она своей магией помогла разбогатеть любовнику. Как же ее звали?

— А-а... Самиат. Да, теперь вспомнила. Что с ней было потом?

— Хранители ее простили и приняли обратно, когда сочли, что свой урок она выучила.

Это походило на правду. Хранители терпеть не могли терять членов своей команды.

Адди вздохнула:

— Мне казалось, что они с Ниамором — прекрасная пара: оба такие изысканные. А только как случай представился, она бросила его, не задумываясь. — Адди сентиментально вздохнула, хотя Ниамор никак не годился на роль романтического героя. Уж романтики в нем было не больше, чем в Блейз Полукровке. — Я точно знаю: сердце его было разбито. С тех пор и не смотрел ни на кого — ну, всерьез, ты понимаешь. Небось поэтому теперь и крутит сразу с несколькими...

Я еле удержалась, чтобы не фыркнуть.

Адди с заговорщицким видом наклонилась вперед, поставив локти на стол. Жир на ее руках заколыхался.

— Люди говорят, он из знатной семьи. Может, у него даже титул есть. Как ты думаешь? Мог он у себя на островах Квиллер быть аристократом? Должно быть, вышвырнули за какую-нибудь юношескую шалость. А вдруг он сын самого государя? Уж до того манеры у него распрекрасные!

Я никогда не считала, что знать обладает такими уж хорошими манерами, но только неопределенно хмыкнула:

— Все возможно.

Потом я расспросила Адди о том, где можно найти Ниамора в это время суток, и она назвала мне несколько питейных заведений, потом без особой надежды спросила:

— Ты уверена, что не сможешь помочь мне с моей проблемой?

Когда я отказалась, она надулась — это было бы привлекательно, будь она по-прежнему двадцатилетней красоткой, но вызывало только смех теперь, когда она стала толстухой за тридцать.

Я покачала головой, извинилась и ушла. Этой ночью мне предстояло еще многое сделать.

Глава 3

Я повстречалась с Ниамором даже скорее, чем рассчитывала. Он стоял, прислонившись к стене одного из облезлых домов всего в сотне шагов от той таверны, где я ужинала. Может быть, он в свою очередь высматривал меня. Нетрудно было догадаться, что этой ночью я не стану сидеть в своей комнате, — ночь была как раз подходящим временем для моих дел, а в порту всегда можно найти знакомца, если знаешь, какие местечки ему по вкусу.

Когда из темноты передо мной возник Ниамор, я как раз наклонилась, чтобы мечом отскрести от подошвы какую-то налипшую грязь (женщина, выковавшая для меня клинок, была бы оскорблена подобным его употреблением). Должно быть, я вляпалась в слизь, оставленную на улице морским пони, и слизь приклеила к моему сапогу песок и рыбью чешую.

— Привет, Блейз. — Ниамор взял мою руку и поднес ее к губам жестом, который был моден в высшем свете лет пятьдесят назад. — Не время ли нам поболтать?

Я сунула меч в наплечные ножны.

— Пожалуй. — Я оглядела улицу. Меньшая из лун уже поднялась и лила мягкий свет на окрестные лачуги. Поблизости никого не было, никто не мог бы нас подслушать, поэтому я добавила: — Особенно если присутствующие не прочь обменяться информацией.

— Информация в Гортанской Пристани не бывает бесплатной. — Ниамор ухмыльнулся и мягко потянул меня в самый темный угол. Я достаточно охотно последовала за ним и не стала возражать, когда он меня обнял (куда только делось мое

намерение проявлять осторожность?), но недоверчиво подняла бровь, когда Ниамор прошептал: — Ты — самое великолепное создание из всех, что появлялись на косе Гортан за последние два года.

— Придумай что-нибудь поостроумнее, Ниамор. Или ты уже забыл о цирказеанской красавице, которую мы видели днем в «Приюте пьянчуги»?

— Манная каша. Мне нравятся огненные девчонки, скажу я тебе.

— Кто играет с огнем, может обжечься.

Поцелуй был долгим и весьма удовлетворительным — насколько удовлетворительным может быть один только поцелуй.

— М-м... — протянул Ниамор, — иногда обжечь пальцы бывает даже приятно.

Я застегнула пуговицы своей туники, которые он успел расстегнуть.

— Мне не особенно хочется совать пальцы в огонь.

Он разочарованно сморщил нос, но не стал протестовать.

— Вот как? Что ж, подожду. Я определенно предвижу, что мы с тобой когда-нибудь разделим не только добытую информацию.

Ниамор собирался сказать что-то еще, но тут по улице пронесся некто в вихре синих одежд. Я только успела заметить, что на голове незнакомца весьма странная шляпа, а идет он так, словно в сапог ему попал камешек; он промчался мимо нас, явно намеренно задев мое плечо.

— Сука, — бросил он с отвращением, едва не плюясь.

Я заморгала от удивления и взглянула на Ниамора:

— Кто это был?

Ниамор ухмыльнулся:

— Здесь появилась пара миссионеров с Мекате — почитателей Фелли. Это был один из них.

Это объясняло и странную шляпу, и неуклюжую походку. Феллиане носили шляпы с высокими узкими тульями и маленькими полями, которые удерживались на голове лентой, завязанной под подбородком большим черным бантом. Они считали греховным появляться на людях без этих смешных и неудобных головных уборов. Кроме того, обувь они носили на толстой подошве и высоких каблуках, что делало их довольно

неуклюжими. Тебе, возможно, не приходилось о них слышать. Эта секта возникла на Мекате, объединив дремучие суеверия с менодианской верой в единого бога. Сейчас почитателей Фелли почти не осталось, они растворились среди ортодоксальных менодиан, и человечество от этого ничего не потеряло. Это были неприятные типы, хотя кое-где они и пользовались значительным влиянием.

— Ты не собираешься бежать за ним с мечом, чтобы отплатить за оскорбление?

— Брось, Ниамор. Если бы я кидалась с мечом на всех, кто меня оскорблял, никто на всех островах не сравнился бы со мной по числу убитых. Ты вот что скажи мне, Ниамор: неужели феллиане присылают сюда миссионеров?

— Угу. Пытаются обратить грешников в свою странную веру уже месяца два.

Я была поражена. Мне случалось бывать на Мекате, я слышала проповеди феллиан. Они валили в одну кучу справедливость и наказание, секс и грех, чрево и скверну, — так что их религия в итоге оказывалась смесью невежества, фанатизма и страха смерти. От своих женщин они не требовали такого строгого соблюдения формы одежды, но правила поведения были одинаковы для обоих полов. По извращенной логике феллиан все, что было запрещено им на земле, ожидало их на небесах как награда за воздержание. Мне это казалось просто смешным, но я и вообще-то не слишком интересовалась философией религии.

Я представила себе, как феллиане пытаются проповедовать спасение и свою пуританскую мораль жителям косы Гортан, и расхохоталась. Ниамору явно не требовалось объяснять, что меня так развеселило, потому что он сказал:

— Хотелось бы мне посмотреть, как они явятся обращать шлюх с улицы Костоправа!

— А еще лучше, чтобы они предложили хозяевам портовых притонов прикрыть лавочку!

— Можешь ты себе представить, что случится, если они начнут обличать Ирму Голдвуд за то, что она красит волосы? — Мы оба начали хихикать, как пара подростков. Ирму я помнила: она однажды пыталась уговорить меня поступить в ее заведение. Это была толстая и злоязычная мадам — хо-

зяйка самого большого борделя, столь же хищная и ненасытная, как большая белая акула.

Ниамор, улыбаясь, наклонился вперед и ласковым жестом провел пальцем по моим губам, потом, понизив голос, спросил:

— Почему тебя так интересует эта цирказеанская рабыня, Блейз?

Я сразу протрезвела.

Поосторожнее, Блейз! Ниамор не дурак, а ты можешь из-за симпатии к нему сболтнуть лишнее.

— Мне дали поручение купить ее. Все очень просто. Ну а ты мог бы рассказать мне кое-что поинтереснее: что здесь происходит, Ниамор?

— Ты только сегодня утром сошла с рыбачьего судна, верно? И ты уже знаешь, что на косе что-то происходит? Кто, черт побери, ты такая, моя красавица?

Забыв о недавнем веселье, мы обнюхивали друг друга, как пара настороженных псов. Так могло продолжаться всю ночь, и ни один из нас так и не сказал бы ничего важного. Кто-то должен был найти выход из положения. Я ухмыльнулась:

— Кто-то очень похожий на тебя, мне кажется. Я взялась за поручение ради денег, которые мне очень нужны. А больше всего я дорожу своей шкурой. Я не любительница наступать людям на ноги, Ниамор, особенно тем, кто больше и сильнее — фигурально выражаясь, — чем я сама. Поэтому я очень хотела бы знать, куда лучше не соваться.

Ниамор кивнул, принимая мое объяснение:

— Да, в таком случае у нас и правда много общего. Мне так и показалось, что я узнаю родственную душу. Блейз, послушай моего совета и сматывайся отсюда. Хоть ты и полукровка и, держу пари, гражданства не имеешь, — он откинул волосы с моего левого уха и коснулся лишенной татуировки мочки, — а потому нигде в других местах не пользуешься гостеприимством, лучше бы тебе поискать свою рабыню на каком-нибудь другом острове. Так будет безопаснее.

— Да брось, Ниамор, где еще я найду рабыню-цирказеанку, да к тому же молодую и смазливую? На большинстве островов рабство запрещено, за исключением торговли осужденными, ты же знаешь. Хранители другого не потерпели бы. Ты

не поверишь: даже работорговцы с корабля с Цирказе называют свой товар «наемными работниками».

— Тебе следовало согласиться на мое предложение добыть для тебя ту девчонку, что живет в гостинице. Все было бы гораздо проще. Она все равно и мечтать не может о том, чтобы покинуть косу Гортан целой и невредимой. — В голосе Ниамора звучало жизнерадостное безразличие к ее судьбе.

— Кто бы ни связался с этой голубоглазой милашкой, — сказала я, — скоро обнаружит, что иметь с ней дело все равно что носить воду решетом.

Мои слова заинтересовали Ниамора, но расспрашивать меня он не стал: должно быть, почувствовал, что больше я ничего не скажу. Вместо этого он снова вернулся к моему первому вопросу.

— Блейз, я понятия не имею, что творится тут в последнее время, а подобное признание от человека вроде меня кое-что значит. До сих пор я оставался в живых и преуспевал потому, что всегда знал, что происходит. Раньше я знал здешний народ... а теперь всерьез подумываю о том, чтобы навсегда отряхнуть рыбью чешую Гортана со своих подошв, и тебе советую то же. Половина жителей Гортанской Пристани перепугана до смерти, но держит рот на замке. Уж слишком они дрожат за свои шкуры.

Я уловила его неуверенность. Ниамор все еще был не особенно уверен, что может мне доверять, — как, впрочем, и я в его отношении. Я не думала, чтобы дун-магия была его рук делом, но подтверждения этому не имела. Сейчас от него не разило чарами. Я в душе прокляла неожиданную ограниченность своего Взгляда. Мне оставалось только доверять своим инстинктам... и я решила рискнуть.

— Дун-магия? — спросила я.

Ниамор бросил на меня острый взгляд и еще больше понизил голос:

— Не знаю. У меня нет Взгляда.

— У меня есть. — Такого признания было достаточно, чтобы, будь он дун-магом, обречь меня на смерть. — Здесь все время чувствуется зловоние дун-магии. Я почувствовала запах, как только сошла на берег.

— Дерьмо! — Ниамор посмотрел на меня с большим уважением. — Ты очень рисковала, признаваясь в этом мне. Ду-

маю, ты, конечно, определила, что я не маг, но ведь я мог бы оказаться его подручным.

Я пожала плечами:

— Тогда мне конец. Жизнь полна опасностей. А что, если я тебе солгала?

Ниамор криво улыбнулся:

— Жизнь — дерьмо, верно? Проклятие, Блейз, нам с тобой лучше работать на пару. Мы много делишек могли бы провернуть.

— Я одиночка, Ниамор, и всегда такой была. Впрочем, если ты найдешь для меня цирказеанскую рабыню, я заплачу тебе процент, да еще и останусь твоей должницей. А пока что скажи: ты догадываешься, кто занимается дун-магией?

— Э-э... нет. До сих пор я даже не был уверен, что дело нечисто, хотя в последнее время стали случаться чертовски странные смерти, да к тому же еще и очень мучительные. Ходят слухи о людях, замученных до смерти или сгнивших живьем. А еще одна из деревень на побережье стала очень опасным местом. Похоже, что никто, отправившийся туда, обратно не возвращается. Деревушка называется Крид. Мою постель иногда согревала девчонка из Крида, и уже несколько недель она не показывается. Только вот кто стоит за всем этим, я не знаю, — помолчав, добавил Ниамор.

— Не знаешь совсем ничего?

— Ну, с определенной уверенностью я могу назвать тебе главных приспешников дун-мага, — протянул Ниамор.

— Это интересно. Продолжай.

— Их четверо — все подонки с особенно мерзкими замашками. Здоровенный рыжий уроженец островов Брет по имени Морд — профессиональный убийца. Подходящее имечко — на тамошнем воровском арго означает «смерть». Раньше был надсмотрщиком над рабами. Его братца Теффела ты узнаешь по носу: он у красавчика как большая картофелина. Этот у Морда на подхвате: силы много, мозгов нету. Третий — низкорослый жилистый полукровка по имени Сикл — был палачом, пока пытки не запретили на большинстве островов. Ну, закон не мешает ни таким, как Сикл, ни тем, кто их нанимает, — только делает их более осмотрительными. Он часто торчит в зале «Приюта пьянчуги». По слухам, ему приглянулась одна из служанок, бедняжка. Четвертый самый опасный: человечек с

островов Фен, который очень переживает, что ростом не вышел. Зовут его Домино, и он-то и соображает за всю компанию.

— Но ты не думаешь, что кто-то из этих симпатяг балуется дун-магией? Сегодня за обедом в «Приюте пьянчуги» кто-нибудь из них присутствовал?

— Сикл-палач присутствовал. Но я уже не первый год знаю всю четверку, включая Сикла, и так или иначе с каждым из них вел дела. Если хоть один из них причастен к дун-магии, то, значит, я более туп, чем всегда думал. Нет, все неприятности — если они и правда связаны с дун-магией — начались всего месяца четыре назад.

— Тогда тебе стоило бы попытаться вспомнить, кто появился на косе Гортан четыре месяца назад. Кто-нибудь, кто водится хотя бы с одним из четверки. И кто присутствовал за обедом в «Приюте пьянчуги».

Ниамор озабоченно посмотрел на меня:

— Так сразу я никого не могу вспомнить, но обещаю тебе подумать... А почему ты все время говоришь об обеде в гостинице?

— Потому что тогда кто-то прибег к заклинанию.

— За обедом? При всех?

— Да. Оно не предназначалось ни для кого из нас, не беспокойся. Только магия была так сильна, что я не смогла обнаружить виновника.

— Значит, это настоящий мастер. Такой суп мешать опасно, Блейз.

— Если я буду знать, что варится в супе, то смогу не касаться опасных ингредиентов. Неприятности мне ни к чему. Да и тебе ведь тоже, Ниамор.

— Проблема в том, как их избежать. Слишком много всего случается. Я еще и половины тебе не рассказал. Например, я не говорил тебе о всех тех людях, которые в последние месяцы вдруг стали проявлять интерес к косе Гортан. Сюда даже прибыл корабль хранителей — самих хранителей! Они никогда раньше не обращали внимания на здешний сброд. И еще в городе появился гхемф. С чего это сюда припожаловало существо с неуклюжими перепончатыми лапками? А патриархов менодианской церкви за последние два месяца я видел больше, чем за предыдущие тридцать лет своей небезгрешной жиз-

ни. — Ниамор растерянно покачал головой. Я догадалась, что ни с патриархами-менодианами, ни с прочими священнослужителями Ниамор предпочитал дел не иметь.

Его случайное упоминание о гхемфе очень меня заинтересовало. Я машинально потеребила мочку уха. Именно гхемфы делали свидетельствующие о гражданстве татуировки. Слова Ниамора о «неуклюжих лапках» были возмутительной несправедливостью: гхемфы были искусниками в своем деле, хоть и не принадлежали к человеческой расе.

— Гхемф? Он все еще здесь? — небрежно поинтересовалась я.

— Насколько мне известно, здесь. Но особенно не надейся, Блейз. Эти твари не нарушают закон.

Я решила сменить тему.

— А знаешь ты что-нибудь о гражданине Разбросанных островов по имени Тор Райдер? Или о смазливом юнце, который называет себя Новиссом?

Ниамор покачал головой:

— Я знаю, о ком ты говоришь, но только Богу известно, что они собой представляют. Ни один не является обычным для косы Гортан приезжим, как и цирказеанская красотка. Да и что тебе тут надо, я тоже не знаю. Не расскажешь о себе побольше?

— Я не имею отношения к тому, что тут происходит. Моя единственная цель — приобретение рабыни. — По крайней мере я так считала, сходя на берег; теперь я не была уже уверена, что тем дело и ограничится.

Ниамор посмотрел на меня с сомнением.

— Ах... может быть, ты и права, что не особенно доверяешь мне. У меня репутация надежного человека, умеющего хранить секреты, но если мне будет угрожать дун-магия, чтобы спастись, я продам душу дьяволу, собственную матушку — в бордель, а друзей, и тебя в том числе, — в рабство. — Он пожал плечами. — Для Ниамора Ниамор всегда на первом месте.

Я ему поверила.

— Мудро с твоей стороны.

— Тише: кто-то приближается. — Ниамор снова наклонился и поцеловал меня, загородив собой так, чтобы прохожий разглядеть меня не мог. Будь у меня такая возможность, я бы рассмеялась: Ниамор явно никак не хотел быть замеченным в

обществе полукровки, о которой могло стать известно, что она принадлежит к обладающим Взглядом.

Мимо прошла пара пьяных матросов. Когда мы с Ниамором через некоторое время сумели отдышаться, он сказал:

— Боже мой, Блейз, тебя, пожалуй, мужчине почти достаточно для того, чтобы подумать о женитьбе.

— Почти, — сухо ответила я, и Ниамору хватило совести рассмеяться.

— Будь осторожна, головешка, — сказал он. — Мне было бы очень неприятно, если бы с тобой что-нибудь случилось. — Ниамор улыбнулся на прощание и растворился в темноте.

Остаток ночи я провела во всяких низкопробных забегаловках, где пиво еле можно было пить, компанию еле можно было вынести, а информации получить так и не удалось. Никто не мог мне сказать, где купить цирказеанскую рабыню. Даже работорговцы, обычно хватающиеся за любую возможность заключить сделку, просто пожимали плечами и отвечали, что такого товара у них нет. Когда мне удалось найти матросов с корабля, накануне доставившего рабов с Цирказе, я было понадеялась, что теперь, когда рядом нет их начальства, у них развяжутся языки, но ни один так и не признался, что видел на борту цирказеанку, живую или мертвую. Я пробовала их подкупить, я пробовала их напоить, я пробовала хитростью вытянуть из них то, в чем признаваться им не хотелось, — и все без толку. Может быть, они были слишком напуганы, чтобы заговорить. Может быть, на них дун-магом было наложено заклятие; похоже, именно так и обстояло дело, потому что от каждого несло отвратительным запахом, а раньше такого не было.

На рассвете я двинулась в сторону «Приюта пьянчуги»... и чуть не распрощалась с жизнью. Конечно, те, кто слышал все эти разговоры о том, что я желаю приобрести редкую рабыню и имею для этого достаточно денег (что было ложью), могли счесть меня жирной рыбешкой, которую не грех выпотрошить. Немногие мужчины верят в то, что женщина способна постоять за себя, и уж совсем мало таких, которые предположили бы, что жертва окажется способна разогнать шестерых вооруженных головорезов.

Только я не просто так носила меч. Я была в хорошей форме, да и в уличных схватках имела опыт, а к тому же у меня было преимущество: калментский клинок.

Такой клинок по крайней мере на ладонь длиннее обычного меча, и чтобы носить его, не говоря уже о том, чтобы сражаться, нужен высокий рост. Даже такой рослой женщине, как я, приходилось носить калментский меч в заплечных ножнах. Будь он выкован из обычной стали, он был бы слишком тяжел для боя, но калментские кузнецы знали секрет сплава, клинки из которого получались такими же острыми и легкими, как обоюдоострый рог рыбы-пилы, и еще более смертоносными. Калментский меч начинал петь в моих руках, стоило мне постараться...

А уж постараться мне пришлось, когда на темной улице на меня напали шестеро душегубов.

Они выскочили из бокового переулка, обнажив мечи; только кинулись они все скопом, что было их первой ошибкой. Из того, как они неуклюже толкали друг друга, мне стало ясно, что обучены они плохо. Я сделала вид, что собираюсь бежать, и это побудило ближайшего из нападающих сделать выпад. Тут я вместо того, чтобы обратиться в бегство, как он ожидал, отскочила в сторону, а левой рукой сильно ударила головореза в нос. Пока остальные пытались сообразить, что произошло, правой рукой я выхватила меч и, не обращая внимания на первого из нападающих, вонзила его в грудь второму. Тот умер на месте, так и не заметив смертельного клинка: его приятель загораживал меня от него. На самом деле я не рассчитывала его убить: удар я нанесла вслепую, — однако громила был, несомненно, мертв.

Я сделала шаг назад, и так же поступили мои противники. Первый из нападающих все еще закрывал лицо руками — из глаз его лились слезы, из носа — кровь. Он шатался и явно в схватке участвовать больше не мог. Остальная четверка заколебалась: осторожности я их научила. Чтобы припугнуть их еще больше, я устроила показательное выступление, перебрасывая меч из руки в руку и с кровожадной улыбкой вертя им над головой. Все это было, конечно, фокусами, но в темноте, как я надеялась, должно было производить впечатление. Будь мой меч из обыкновенной стали, я не сумела бы поднять его одной рукой, не то что заставить танцевать в воздухе. Одновременно я пятилась к стене дома, чтобы подобраться ко мне сзади убийцы не могли.

Когда они снова атаковали, решительности у них поубавилось. Они все еще путались друг у друга под ногами, а их неумелые удары я с легкостью отражала своим более длинным мечом. Потом один из них сделал ошибку, которой я тут же воспользовалась: отбив его клинок в сторону, я резанула его по запястью. Такая рана не была тяжелой, но меч он выронил, а вид крови и вовсе положил конец схватке.

— Я пошел, — прорычал один из головорезов. — Ты не предупредил меня, что эта чертова баба умеет сражаться!

Двое других согласно замычали; трое нападающих исчезли в темноте переулка. Там же еще раньше скрылся парень, которому я расквасила нос.

Единственный оставшийся противник кинул на меня мрачный взгляд. Я сделала выпад в его направлении, и он последовал за остальными, стараясь не выказать поспешности. Когда я заглянула за угол, ни одного из головорезов уже видно не было.

Я могла бы подумать, что это была всего лишь обычная попытка ограбления, если бы не заметила носа последнего из убийц: он был большим и бугристым, как огромная картофелина. Теффел, сплошные мышцы и никаких мозгов.

В карманах убитого ничего не оказалось, и я оставила его валяться на улице, проявив обычное для Гортанской Пристани отсутствие гражданской ответственности. Редкая ночь проходила без того, чтобы город не украсился одним-двумя трупами. Существовало даже что-то вроде неписаного правила: те стервятники, что снимали с тела одежду, должны были и избавляться от него, что обычно и делали, бросив убитого в океан во время отлива. Прилив иногда выбрасывал потом на берег кости бедолаги, но в остальном концы прятались в воду...

Вернувшись в свою комнату, я растянулась на постели, предвкушая возможность выспаться, но тут выяснилось, что мой юный сосед с помощью красотки-силва вполне излечился от последствий дун-магии. Судя по звукам, пациент и целительница устроили себе такую ночь любви, чтобы запомнить на всю жизнь. Выносливости им хватало, должна сказать. На рассвете, когда я наконец уснула, они все еще не угомонились.

Глава 4

На следующий день я отправилась на главный причал, у которого все еще стоял привезший рабов корабль с Цирказе. Я хотела выяснить, не удастся ли мне проскользнуть на борт и обыскать помещения. Не слишком блестящая мысль, но другой мой замысел был еще глупее: взломать дверь местной тюрьмы, где разместили рабов, и осмотреть товар в отсутствие смотрителя, который, возможно, не все мне показал. На мое счастье, события повернулись так, что у меня не оказалось возможности осуществить ни одну из этих глупостей.

Когда я явилась на причал, стало ясно, что что-то происходит. Гавань была полна зевак. С первого взгляда я заметила мальчишку Танна и слугу Янко из «Приюта пьянчуги», не говоря уже о цирказеанской красавице. Мгновением позже мне на глаза попались двое феллиан, о которых говорил Ниамор: из-за нелепых шляп и больших черных бантов под подбородком их было трудно не заметить. К тому же они из-за толстых подошв и каблуков возвышались над толпой. На Мекате мне говорили, что их божество, Фелли, требует от своих последователей чистоты, и те полагают, что такая обувь поднимает их над грязью мира и спасает от скверны.

Назови любую глупость религией, и чему только люди не поверят! На островах Фен я видела жителей болот, которые приносили человеческие жертвы блуждающим огонькам: дикари верили, что это души их предков и их необходимо умилостивить. Я тогда отправилась посмотреть на эти огоньки поближе, и знаешь, чем они оказались? Просто болотным газом! Если ходить по болоту, из глубины поднимается газ, который светится в темноте. И из-за этого людей убивали! Но я отвлеклась.

На причале оказались и многие из относительно почтенных жителей Гортанской Пристани, не считая обычных карманников, чокнутых и попрошаек, которые неизменно шныряли в толпе, где бы на косе Гортан она ни собралась. Я еле отделалась от дурачка, по бог весть какой причине вцепившегося в ножны моего меча и никак не желавшего их отпускать. Чуть позже я заметила Ниамора; он беседовал с человеком, которого, как мне было известно, разыскивали по крайней

мере в четырех государствах за убийства. Я подумала: не оказывает ли Ниамор посреднические услуги и наемным убийцам? Не стала бы клясться, что такого совесть ему бы не позволила...

Причина, по которой собралась толпа, была очевидной: в гавань входил корабль. Регулярных рейсов в Гортанскую Пристань не существовало: любой разумный капитан, ведущий законную торговлю, избегал косы Гортан, как урагана; поэтому появление всякого корабля с других островов вызывало у местных жителей немалое любопытство. Впрочем, я заподозрила, что прибытие именно этого корабля привлекло гораздо большее внимание, чем обычно.

Мне не нужно было видеть ни флага, ни названия судна — «Гордость хранителей», — чтобы понять, кому оно принадлежит. Я узнала конструкцию: высокую палубу полуюта, наклонные мачты, обрезанную корму, — так строили корабли только хранители. Красный флаг с белым силуэтом нарвала и девизом хранителей — «Равенство, свобода, закон» — был лишним подтверждением этому.

— Что, во имя ядовитой медузы, этим настырным педикам опять нужно здесь так скоро? — проговорил голос мне в ухо.

Я не обернулась и не кивнула: мне было ясно, что Ниамору не понравилось бы, если бы его увидели разговаривающим со мной снова.

— Они делают свое дело, как я полагаю, — бросила я, ощетинившись, как бывало всегда, когда кто-то ругал хранителей.

— Дело? Какое дело? Почему, черт возьми, им обязательно нужно совать свой нос в чужие дела? Проклятые самозваные законодатели, притворяющиеся, что они тут ради нашего же блага! Не нужны они нам! Всех в мире от них уже тошнит! И не нужны они никому. Хранители равенства! Это они-то! Скорее защитники деспотизма! Свобода и закон? Больше похоже на бесчувственность и право сильного. Надменные бюрократы! — В голосе Ниамора звучали и горечь, и страсть. Я была так поражена, что все же повернулась и взглянула на него. Ниамор глуповато улыбнулся, смущенный тем, что проявил заинтересованность в чем-то, кроме собственного благополучия. — Да ладно, — добавил он, смеясь, — какое это имеет значение? Пока они меня не трогают, о чем мне беспокоиться?

Я ничего не ответила, но мне было известно, что его мнение о хранителях типично для жителей многих островов. Сильных всегда ненавидят, независимо от того, сколько добра они делают другим. А хранители делали многое. Они почти искоренили пиратство и работорговлю, раньше процветавшие на всех островах. Они упорядочили товарообмен между государствами и патрулировали морские пути, чтобы помешать контрабанде. Они обеспечивали соблюдение определенных законов на всех островах — законов, касавшихся всех важных сторон жизни, от безопасности судоходства до запрета браков между подданными различных государств. Я не была согласна со всеми их установлениями, но даже самым безмозглым должно было быть ясно, что Райские острова обрели больше порядка, что жизнь стала безопаснее с тех пор, как острова Хранителей так широко распространили свое экономическое и законодательное господство.

Корабль, приближавшийся под парусами, коснулся причала так мягко, словно был маленькой лодочкой: типичный пример мореходного искусства хранителей. Немного было такого, что хранители делали бы плохо. Одного взгляда на корабль было достаточно, чтобы понять, насколько эти люди отличаются от прочих островитян: отполированные деревянные части блестели, на парусах не было заплат, все канаты лежали аккуратными бухтами, начищенная медь сияла, и даже на клюзах стояли решетки от крыс. Больший контраст с обшарпанным, вонючим невольничьим кораблем, стоящим у того же причала, трудно было себе представить.

И еще, конечно, стоило посмотреть на самих хранителей: команда состояла из примерно равного числа мужчин и женщин, высоких и горделивых; прочих смертных вроде нас они просто не замечали. Как всегда, от одного взгляда на них я ощутила сердечную боль. Эта золотистая кожа, густые каштановые волосы, синие глаза... сколько раз я мечтала выглядеть так же, быть одной из них. Носить красный плащ, который они называли шазубл, с белым контуром нарвала на плече — официальным знаком службы Совету хранителей. Владеть силв-магией, как владела половина граждан этого государства...

Проклятие на моих неизвестных родителей, бросивших своего плачущего младенца на кладбище в Ступице, столице

островов Хранителей! Они произвели на свет полукровку, что преследовалось законом, и бросили ее в единственном государстве, которое не могло не вызвать в ней зависти, чтобы она выросла среди людей, стать подобной которым она не могла и надеяться.

Проклятие на вас обоих, мама и папа, кем бы вы ни были.

Женщина-хранительница бросила на пристань канат; его подхватил портовый мальчишка, кинувшийся обматывать его вокруг швартовочной тумбы. Женщина была на последних днях беременности, ее выпирающий живот туго натягивал шазубл. Я когда-то встречалась с ней и помнила, что ее брак вызвал скандал, хоть и не могла припомнить подробностей. Я все еще пыталась оживить свою память, когда мое внимание привлек пожилой мужчина, вышедший на полуют и облокотившийся на перила, чтобы проследить за швартовкой. Его каштановые волосы поседели на висках, придавая ему еще более благородный — по крайней мере на поверхностный взгляд — вид, чем у его спутников. Изогнутые брови выдавали в нем циника, еще усиливая окружающую его ауру властности. Его шазубл был отделан золотой тесьмой, что говорило о высоком ранге в иерархии хранителей: он был советником, членом высшего выборного органа власти. Это было самое высокое положение, которого только можно достичь на островах Хранителей, если только не претендовать на пост главы Совета. Глава Совета правил государством, но его власть не была ни абсолютной, ни наследственной, как на других островах. Глава избирался членами Совета, которые, в свою очередь, избирались гражданами. Даже и будучи избранным, он должен был отчитываться перед Советом.

Взгляд советника скользнул по толпе и остановился на мне. Выражение его лица не изменилось ни на йоту; это оказалось для меня шоком: я поняла — он знал, что я окажусь здесь. Сомневаюсь, чтобы мое собственное лицо осталось таким же безмятежным — я-то никак не ожидала увидеть советника на косе Гортан. Человек, занимающий такое положение, как сир-силв Датрик, обычно не покидает Ступицу и уж тем более острова Хранителей.

Я резко повернулась, ушла с пристани и направилась прямиком в «Приют пьянчуги». Странно: как раз когда я оказалась на площадке лестницы, я заметила цирказеанскую краса-

вицу, входившую в свою комнату. Должно быть, она не меньше моего спешила уйти с пристани. Интересно, что заставило ее так торопиться... Она как силв и чистокровная цирказеанка могла встречаться с хранителями на равных. Не то что я — безымянная полукровка, не имеющая гражданства, лишенная дара силва... Единственным моим достоянием был Взгляд: только он обеспечивал мне сомнительную респектабельность, только благодаря ему меня не вышвырнули с островов Хранителей, как только я подросла достаточно, чтобы самой заботиться о себе.

Я улеглась на кровать и стала ждать. Я знала: они найдут меня, если я им понадоблюсь. В конце концов, в Гортанской Пристани была всего одна приличная гостиница...

И пока я ждала, я думала о сир-силве Датрике.

Мы впервые повстречались, когда мне было лет восемь. Датрик тогда еще не был советником; он занимал какую-то мелкую должность на службе Совету, хоть и питал большие амбиции. Я жила вместе с группой таких же бездомных и отверженных, как я сама, детей. Приютом нам служило старое кладбище на Сумеречном холме; там когда-то богачи хоронили своих покойников в просторных склепах. Заброшенные гробницы служили хорошим убежищем вечно голодным уличным бродяжкам, ребятне без денег, без близких и, как по крайней мере в моем случае, без гражданства. Там же жили и двое взрослых: полусумасшедшая старуха, торговавшая старьем, и немой нищий. Мы, дети, работали на них: это был единственный способ добыть себе пропитание и выжить.

Это кладбище и было моим самым ранним воспоминанием... меня передавали от одного взрослого обитателя дна другому, били, заставляли попрошайничать. Я помню постоянное чувство голода, холода и одиночества. Я очень рано усвоила, что никто не позаботится обо мне, кроме меня самой.

В тот день, когда я повстречала Датрика, я вместе с двумя мальчишками зарабатывала медяки, отскребая оставленную морскими пони слизь с мостовой перед домом какого-то богача. Мимо, направляясь к одной из вилл, прошла группа хранителей-силвов. Я уже давно поняла, что вижу мир иначе, чем другие дети: я различала голубовато-серебристое сияние силв-магии и не обманывалась созданными силвами иллюзиями; все

это я видела так же ясно, как большинство людей — радугу в небе после дождя. Я не знала, как называется такая моя способность, и даже не подозревала, что существуют и другие люди, умеющие видеть силв-магию. До того дня я не знала, что могу заметить и дун-магию, хотя слышала о багровых чарах. Как и все жители Ступицы, я выросла, испытывая страх перед дун-магами и больше всего на свете боясь встретиться с ними, хотя такого никогда и не случалось. Для нас, бродяжек, дун-маг был пугалом... очень страшным, но все же нереальным.

Так было до того дня, когда дун-маг напал на группу силвов. Он, должно быть, охотился за определенным человеком — советником, который в то время ведал городской стражей. Проходя мимо силвов, маг сотворил заклинание... а я его увидела — мерзкое зловонное багровое свечение, поползшее в сторону ничего не подозревающих людей. Хоть я никогда раньше с дун-магией не сталкивалась, я сразу поняла, чем это должно быть. Не было ничего другого, что пахло бы такой... такой скверной. Я выкрикнула предостережение — ведь никто из силвов не мог видеть дун-магии.

— Дун-магия! Дун-магия! — завопила я. Немедленно всюду вокруг вспыхнули вихри силв-магии, сияющие и прекрасные, питающие друг друга силой. Защита силвов походила на полупрозрачный покров, натянутый между голубоватыми столбами света, извивающимися, танцующими, с перебегающими по ним искрами, — так солнечный свет переливается на воде. Багровое свечение вспыхнуло ярким пламенем, соприкоснувшись с серебристо-голубой стеной, но проникнуть сквозь нее не смогло. Дун-маг в ярости обрушил заклятие на меня, но это никакого эффекта не произвело — меня только вырвало от отвращения. В тот же момент один из силвов согнулся пополам: заклинание дун-мага нашло прореху в его защите. Уж это-то все они увидели. Некоторое время царила неразбериха: силвы впали в панику, и дун-маг смог бы, возможно, скрыться, если бы не Датрик. Он один среди стражи, окружавшей советника, не растерялся: больно стиснув мне руку, он прошипел:

— Кто наложил заклинание, ты, курносая замарашка?

Я показала на виновника, и силвы все разом взялись за него. Я замерла на месте, как громом пораженная, и могла только таращиться. При помощи силв-магии никому причинить вре-

да нельзя, но можно запутать жертву при помощи иллюзий. А уж тогда, пока человек будет отбиваться от воображаемых чудовищ, пырнуть его ножом нетрудно. Зрелище было не слишком приятным.

Не пострадавший при нападении советник подошел, чтобы поговорить со мной и с Датриком. Сунув мне в руку монету, он поблагодарил меня и сказал Датрику:

— Вот прекрасный пример того, о чем я твержу уже многие годы: нам нужны услуги тех, кто обладает Взглядом. — Не обращая внимания на недовольную мину Датрика, он добавил: — Дитя, ты теперь будешь служить Совету. Датрик, позаботься о девочке. — Он отошел, а мы с Датриком остались, глядя друг на друга с взаимным отвращением.

В том, что случилось потом, я ничего изменить не могла.

Датрик отдавал приказания, а я повиновалась.

В конце концов он отправил меня в школу для бедных при мужском менодианском монастыре на окраине Ступицы. Заведение ничего особенного собой не представляло. Первое, чем озаботились братья, — это вымыть меня; при этом, конечно, обнаружилось, что я девочка, — Датрик не потрудился сообщить патриархам об этом обстоятельстве. Меня быстренько спровадили в такую же школу при женском менодианском монастыре. Это заведение оказалось еще более унылым; оно находилось в темном мрачном здании, и заправляли там женщины, более интересовавшиеся аккуратностью, чем счастьем своих воспитанниц. Я сразу возненавидела школу и несколько раз убегала. Каждый раз Датрику приходилось возвращать меня обратно, и наша взаимная антипатия только росла. Сестры безуспешно пытались научить меня сидеть смирно, молчать и заниматься всякими скучными вещами вроде шитья. Наконец они — и Датрик — отступились и вернули меня в школу при мужском монастыре.

Там я более или менее была довольна жизнью. Я научилась читать и немного писать; большая часть дня там отводилась занятиям спортом. Меня научили основным приемам боя на мечах, плаванию, стрельбе из лука — всем так называемым «мужским» умениям, — а также менее интересным вещам вроде сапожного дела, колки дров и мытья котлов. Это должно было обеспечить ученикам работу и средства к существованию пос-

ле окончания школы, если, конечно, они не предпочли бы вступить в монашеское братство.

Всем, что я узнала о морали, о достоинстве, о доброте, о ценности знаний, я обязана менодианам-патриархам, этим славным людям не от мира сего. Они не были особенно учеными, но детей они понимали. Более того, они хорошо знали, что такое бедность, и умели помочь страдающим нищетой духа, которая так часто идет рука об руку с пустотой в карманах. Они превратили меня из ребенка, который не верил ни во что, в человека, верящего в себя. Я буду всегда благодарна им за это, хотя в конце концов оказалось, что их доктрин для меня недостаточно.

Иногда Датрик приходил и забирал меня для выполнения разных заданий: определить, является новорожденный силвом или нет; свидетельствовать в суде, виновен ли человек в дунмагии.

Мне следовало бы чувствовать себя счастливой. Впервые в жизни я получала достаточно еды, у меня было одеяло, чтобы согреться холодной ночью, никто не бил меня по голове, и никто не крал у меня хлеба. Впрочем, беззаботной моя жизнь не являлась. Я была полукровкой, а это означало тяготы, о которых большинство людей даже не догадывается. Менодиане были добрыми, а вот дети — нет. И всегда надо мной висела угроза того, что, как только мне исполнится двенадцать, меня вышлют на косу Гортан, потому что татуировки на мочке уха, говорящей о гражданстве, у меня не было...

«Волосатая, волосатая, полукровка лохматая, — дразнили меня мальчишки, знавшие, как мне неприятна необходимость носить длинные волосы, — с конопушкой на носу, тебя вышлют на косу».

«Ты живешь здесь только потому, что мы тебе разрешаем, — повторял мне Датрик. — Только сделай неверный шаг, и мы вышвырнем тебя на эту песчаную плешь. Полукровкам только там и место».

Иногда я тайком отправлялась на кладбище, только теперь это было бесполезно. Та жизнь теперь ничего предложить мне не могла: даже свобода нищих была ненастоящей. Да и большинство детей, с которыми я раньше жила, умирали раньше, чем успевали стать взрослыми...

Когда я подросла, я опять попыталась вырваться из когтей хранителей. То, что тогда со мной случилось, было хуже всего, что мне пришлось вытерпеть раньше. Дело кончилось тем, что я вернулась, потому что в мире оказались люди и похуже Датрика, а беды пострашнее школьных дразнилок. Но об этом я не хочу говорить. Скажу просто, что я оставалась привязана к своей службе хранителям, потому что альтернатива этому была слишком ужасна. В конце концов, я ведь была полукровкой.

Через два часа после того, как я вернулась в «Приют пьянчуги», в мою комнату вошел Датрик.

Мой рот пересох, как ручеек в летнюю жару: свое последнее задание именно от Датрика я и получила. Безжалостная оперативность советника и всегда-то лишала меня присутствия духа, а теперь мысль о том, что дело было настолько важным, чтобы хранители прислали ко мне такую шишку, испугала меня почти до потери пульса. Или случилось одно из тех абсурдных совпадений, о которых ходит столько слухов? Не очень-то я верила в такое.

Датрик оглядел комнату, взмахом руки воздвиг четыре сияющих столба магической защиты и соединил их ажурными переплетениями — теперь никто не смог бы нас подслушать. Только тогда снизошел он до того, чтобы приветствовать меня наклоном своей седеющей головы и холодной улыбкой. За прошедшие годы мы сумели научиться быть друг с другом вежливыми и вести себя цивилизованно. Угрозы Датрик теперь прикрывал хорошими манерами; наша взаимная неприязнь пряталась за улыбками. Вести себя иначе не было смысла. Конечно, даже когда Датрик улыбался, его глубокие синие глаза оставались ледяными. К этому я тоже привыкла.

— Блейз, Пунт сообщил, что ты скорее всего окажешься в Гортанской Пристани. — Пунт был тем парнем, которого он послал со мной вместе на Цирказе; проку от него было столько же, сколько от дырки в рыбачьей сети, и я избавилась от него, как только смогла. — Где Дева Замка?

Я ощутила тошноту: шанс получить обещанную награду испарялся быстрее капли воды на горячем камне, а вместе с ним и надежда заработать гражданство после двадцати лет службы хранителям. Датрику и его соотечественникам я служила большую часть своей жизни, но считать годы они начали

только тогда, когда я наконец поняла, как они меня используют. Мне тогда было около пятнадцати лет, и я наконец набралась смелости потребовать вознаграждения: денег и перспективы получения гражданства.

Датрик дал мне такое обещание, я даже получила подтверждение его в письменном виде. Однако я прекрасно знала: стоит мне провалить дело, и Датрик перестанет считать меня полезной, а неудача послужит предлогом отказать мне в прошении о гражданстве.

— Где Дева Замка? — повторил Датрик.

Я сглотнула и ответила ровным голосом:

— Не знаю. Пока.

Датрик поднял бровь еще выше обычного. Меня, тридцатилетнюю, он все еще мог заставить чувствовать себя девчонкой.

— Дело стало срочным.

— Почему? Или властителю Брета сделалось невтерпеж получить свою новобрачную?

Моя осведомленность явно удивила Датрика. Более того — Великая Бездна! — она его смутила. Датрик смутился от того, что мне оказалось известно: правящие семьи Цирказе и Брета собрались нарушить закон, запрещающий браки между жителями разных островов. Вот уж не думала, что он способен проявить подобную чувствительность! Впрочем, возможно, дело было вовсе не в чувствительности, а в неудовольствии: я ведь узнала, что хранители потворствуют тому, чему им полагалось препятствовать. По правде сказать, я не могла не почувствовать горечи: власть имущим позволялось выбирать себе в супруги чужаков, и уж их-то дети не лишались гражданства, не вышвыривались на улицу как полукровки...

Да только ничего нового в этом не было. Всегда существовал один закон для обладающих властью и другой для нас, простых смертных. Неожиданностью для меня явилось только участие в этом деле хранителей. На островах Хранителей не существовало монархии, и Совет всегда выставлял себя защитником равенства. Из всех Райских островов только хранители выбирали своих правителей и гордились этим обстоятельством больше, чем всеми прочими своими достижениями. Я показала Датрику, что мне известно: он и ему подобные придержива-

ются двойных стандартов, а Датрик был гордым человеком... Неудивительно, что он смутился.

— Откуда ты знаешь, что властитель Брета интересуется Девой Замка? — резко спросил Датрик.

Я пожала плечами:

— Я держу ушки на макушке и не отличаюсь тупостью, сирсилв. — То же самое можно было сказать и о сообразительных подонках в трущобах столицы Цирказе: от них-то я и узнала эту новость.

Датрик вернул себе равновесие.

— Иногда возникает политическая необходимость, с которой приходится мириться, нравится она нам или нет, Блейз. Это как раз такой случай. Властитель Брета желает видеть свою невесту. Ты ее, как я понимаю, не нашла. Объясни почему.

— Я проследила путь беглянки до цирказеанского порта Лем, — сказала я, понимая, что об этом ему должен был доложить Пунт и вопрос задан Датриком исключительно ради того, чтобы уязвить меня. Советник терпеть не мог неудачников, а то, что я до сих пор не выяснила место пребывания Девы Замка, было, несомненно, неудачей. — Ее отвели на гортанский невольничий корабль всего за час или два до того, как я добралась до Лема. Четверо незнакомых друг с другом свидетелей сообщили мне, что видели, как на борт поднялась цирказеанка в ошейнике рабыни. Двое из них даже разглядели татуировку совершеннолетия у нее на запястьях. Они решили, что это, должно быть, кто-то из членов царствующего дома, не угодивших суверену и за это проданных в рабство. В прошлом суверен Цирказе не брезговал подобными мерами, по крайней мере в отношении своих родичей-мужчин.

— И эти люди не узнали свою собственную Деву Замка, наследницу престола?

Я с трудом сдержала улыбку превосходства. Нечасто случалось, чтобы мне было известно что-то, неизвестное Датрику.

— Женщины из царствующей на Цирказе семьи с пятилетнего возраста никогда не появляются на публике с открытым лицом. Они и вообще редко появляются на публике. Лиссал, Деве Замка, разрешалось покидать дворец один раз в году — под покрывалом, конечно, — чтобы присутствовать на морском празднестве. Нет ни единого жителя Цирказе, кроме двор-

цовых прислужниц и членов царствующей семьи, который знал бы ее в лицо. — Я едко усмехнулась. — Откуда тебе, например, известно, что властитель Брета не сохнет по невесте, похожей на каракатицу, собравшуюся метать икру? (На самом деле дворцовые прислужницы говорили о Лиссал, что «она хороша как картинка», хотя одна придворная дама явно из ревности назвала ее бесцветной и тощей, как рыба-сарган. Собственный батюшка Девы Замка злобно бросил мне: «Она достаточно хороша для самого дорогого борделя, и туда-то я испытываю искушение отправить непослушную дрянь, когда ты ее найдешь!» После чего мне стало очень любопытно повстречаться с девицей.)

Датрик отмахнулся от моего замечания насчет каракатицы.

— Ты уверена, что именно ее видели на борту невольничьего корабля?

Я снова пожала плечами.

— Настолько уверена, насколько в сложившихся обстоятельствах это возможно. Я проследила весь ее путь из дворца. Она сбежала по собственной воле, кстати. Только ведь она — невинный младенец, да иначе и быть не могло при том воспитании, которое она получила. Она угодила в руки местных торговцев живым товаром, еще не добравшись до окраины столицы. Думаю, они не знали, кого заполучили; может быть, Лиссал и назвалась, да кто же поверил бы, что она и есть Дева Замка? Власти ведь не объявили об исчезновении наследницы престола. Ее отвезли в Лем и несколько недель держали там в ожидании невольничьего корабля. Как я уже говорила, я опоздала всего на несколько часов. Мне удалось найти рыбачье судно с косы Гортан, которое возвращалось домой, так что я отправилась следом за Девой Замка. Я сочла, что искать ее на косе логично, поскольку это единственное место, где открыто происходит торговля рабами, хоть их и называют наемными работниками или каким-то иным сладеньким словом. Я велела Пунту вернуться в Ступицу и сообщить тебе обо всем, но, как я понимаю, чтобы оказаться здесь так быстро, ты должен был увидеться с ним в Леме еще до его отъезда.

Датрик кивнул:

— У меня были там дела. Сильно ли ты отстала от невольничьего корабля?

— Я сошла на берег на следующий день после его прибытия.

— Так где же Дева Замка?

— И капитан, и команда невольничьего корабля клянутся, что в глаза ее не видели. И никаких следов обнаружить мне не удалось. В гостинице остановилась цирказеанка примерно того же возраста, которая, как говорят, прибыла на том самом корабле, — что матросы, впрочем, тоже отрицают, — но она никак не может оказаться Девой Замка.

— Почему?

— У нее на запястьях нет татуировки, которую при достижении совершеннолетия делают всем членам царствующей семьи. Она не рабыня, да и не могла ею стать: она владеет силв-магией.

Датрик недоверчиво нахмурился:

— Такое маловероятно. Кто когда-нибудь слышал о силв-магах с Цирказе?

— Почему бы и нет? Отклонения иногда случаются в любом семействе. И мы оба знаем, что некоторые цирказеане заключают браки с чужестранцами, не так ли? — добавила я с ядовитой любезностью. Мне хотелось посмотреть, как он будет выкручиваться.

Датрик едва не заскрипел зубами.

— Именно подобные случайности законы о браке и должны предотвратить. Бесконтрольное распространение силв-магии так же опасно, как появление дун-магии.

— Жаль, что люди не всегда соблюдают законы о браке, как им полагалось бы, верно? — сладким голосом ответила я. — А она не новичок, эта девушка. Кто-то научил ее пользоваться врожденным талантом.

— Только не хранитель, — с отвращением бросил Датрик, проявляя обычное неодобрение тому, что кто-то кроме хранителей обладает даром силв-магии. Сделать тут они, конечно, ничего не могли, но подобные случаи очень им не нравились и, по мнению некоторых членов Совета вроде Датрика, происходили слишком часто.

Все еще кисло Датрик протянул:

— Если она на самом деле Дева Замка и владеет силв-магией, она может скрывать свою татуировку с помощью иллюзии.

Я начинала терять терпение, но проглотила оскорбление. Хранители терпеть не могли признаваться в том, что обладающие Взглядом способны на то, чего не дано силв-магам.

— От меня она ее спрятать не могла бы, — сказала я миролюбиво. — Татуировки у нее нет и никогда не было. Я совершенно ясно видела ее запястья. А то, что Дева Замка Лиссал такую татуировку на обеих руках, в соответствии с традицией цирказеанского правящего дома, имела, не подлежит сомнению. Я проверила. Кроме того, если бы Дева Замка и в самом деле обладала даром силв-магии, у нее не было никакой возможности стать адептом в ее использовании. Никому на Цирказе и в голову не пришло бы учить ее такому. А та девушка, что живет в «Приюте пьянчуги», сумела исцелить язву, созданную заклинанием дун-мага.

— Тогда что же случилось с Девой Замка?

— Не имею ни малейшего представления — пока. Возможно, что по каким-то причинам она так и не попала на косу Гортан. Высадить ее где-то корабельщики не могли, на это просто не было времени, так что, может быть, ее убили или она умерла во время плавания и была просто выброшена за борт. Есть и такая возможность: ее могли пересадить на встречный корабль.

Датрик теперь выглядел еще более раздраженным.

— Ее нужно найти. И быстро. Я ожидаю от тебя результатов.

— Может быть, мне было бы легче справиться с делом, если бы ты рассказал мне, что происходит на косе Гортан. Правда, не обладая Взглядом, ты мог и не заметить, что тут все провоняло дун-магией; только я сомневаюсь, чтобы тебе совсем ничего не было известно о возникших здесь проблемах.

— Тебе незачем беспокоиться, — высокомерно ответил Датрик. — Мы следим за событиями. Ради этого мы сюда и прибыли.

Конечно... Мои неудачные поиски Девы Замка едва ли могли заставить советника проделать такой далекий путь. Когда Датрик поручал мне что-нибудь, он ожидал, что я справлюсь без его помощи. Я удивилась тому, что он вообще отправился в Лем, но не стала об этом особенно задумываться; может быть, он по той или иной причине счел необходимым успокоить суверена Цирказе... меня это не касалось.

Глаза Датрика требовательно блеснули.

— Почему ты не расспросила цирказеанку?

— Потому что не была уверена, что она не замешана в каком-то цирказеанском заговоре с целью устранить Деву Замка.

— Цирказеанской заговор? Какой там заговор! — фыркнул Датрик.

— Ты невнимательно слушал меня, сир-силв. Не успела Дева Замка покинуть дворец, как ее схватили и продали в рабство. В государстве, где рабство — прошу прощения, вербовка наемных работников — теоретически вне закона, она сразу же попала на корабль работорговцев, которым товар поставляют агенты самого правителя. Все это странно пахнет. Мое предположение такое: Деву Замка в ее стремлении бежать кто-то поощрял, а потом предал. Хотелось бы мне знать почему.

Датрик сразу же понял, на что я намекаю.

— Можешь мне поверить: суверен Цирказе не замешан в исчезновении собственной дочери.

— Может быть, и нет, — признала я, — но у кого-то во дворце рыльце в пушку. Ты многого мне не говоришь.

— Мне не положено обсуждать политические проблемы ни с кем, кроме хранителей. Ты получила всю необходимую информацию. Ты повела дело плохо. Я доложу об этом Совету, если ты быстро не найдешь Деву Замка. — Датрик отрывисто кивнул мне, снял магическую защиту и вышел из комнаты. Думаю, что он воспользовался иллюзией, чтобы скрыть свой уход, так же, как скрыл от посторонних глаз и свое появление.

Я осталась со своим гневом, со своей тревогой.

Еще пять лет службы, и тогда, если моя просьба о гражданстве будет удовлетворена, я смогла бы смотреть в глаза Датрику как равному. Тогда он и прочие хранители должны были бы обращаться ко мне как к сир-Блейз, обладающей Взглядом, а я получила бы право владеть собственностью на островах Хранителей; тогда у меня была бы родина. Еще пять лет, и я могла бы удостоиться драгоценной татуировки на мочке уха — силуэта нарвала с крошечным бриллиантом на месте рога, татуировки, удостоверяющей, что я тоже имею то, что другие люди получают при рождении: гражданство и собственную страну. До тех же пор я оставалась полукровкой, которой нигде, кроме навозной кучи вроде косы Гортан, не были рады, которая нигде, кроме все той же косы Гортан, не могла вла-

деть собственностью или работать, не нарушая закона. Еще пять лет... но только если Совет хранителей останется мною доволен. Если же меня постигнет неудача, то мой шанс получить согласие Совета будет таким же, как шанс для дерева вырасти на песчаных дюнах косы Гортан.

Глава 5

Конечно, я отправилась поговорить с цирказеанкой. Сирсилв Датрик был совершенно прав, когда поинтересовался, почему я этого до сих пор не сделала. Девушка могла вывести меня на след, да и любой, кто занимается силв-магией, всегда сохраняет в душе что-то хорошее.

Цирказеанки в ее комнате не оказалось, поэтому я постучалась в дверь Новисса; там я ее, ясное дело, и нашла. Девушка стояла у окна и кормила птичек, сидевших на подоконнике. Новисс растянулся на постели, и от взгляда, который он на меня бросил, могло бы свернуться молоко у самки кита.

— Прошу прощения за вторжение, — сказала я ему и повернулась к цирказеанке. — Я хотела бы поговорить с тобой наедине, если можно.

— Она не разговаривает с работорговцами, — чопорно сказал Новисс. Он не добавил «с полукровками», но слово это повисло в воздухе.

Я с трудом удержала вздох. Мальчишка мог выглядеть олицетворением невинности, но его самодовольство жалило не менее больно, чем морская оса.

— Она также может ответить сама, — спокойно возразила ему цирказеанка, отошла от окна и двинулась мне навстречу. — Где, в моей комнате?

Я кивнула, и она вышла в коридор, даже не взглянув на Новисса. Красотка могла быть совсем юной, но она уже знала, как поставить мужчину, проявляющего собственнические поползновения, на место.

Сидеть в ее комнате, кроме как на постели, было не на чем, но бренди, который она мне налила, был вполне приличным, и у нее нашлись две кружки из моржового клыка. Я порадовалась, что девушка предложила поговорить в ее комнате, а не в

моей. Ее гостеприимство меня удивило. Сплетни на косе Гортан распространялись со скоростью цунами, так что цирказеанка уже наверняка знала, зачем я явилась в Гортанскую Пристань, и я думала, что она окажется такой же недотрогой, как ее надутый дружок, однако, протягивая мне кружку, она улыбалась. (Я сразу же насторожилась: не отравлен ли бренди, и поменяла местами кружки, когда девушка на мгновение отвернулась. Я никогда не забывала проявить подозрительность; благодаря этому-то я и оставалась в живых.)

— Ну так что? — спросила цирказеанка, усаживаясь напротив меня и протягивая руку за кружкой. — Чего ты хочешь?

— Я хочу знать, что случилось с рабыней-цирказеанкой, которую везли из Лема на том же корабле, на котором прибыла сюда ты. — Мне показалось, что с этой штучкой лучше говорить прямо.

— Можешь ли ты назвать мне хоть одну причину, почему я должна тебе это сообщить?

— Так ты знаешь?

— Может быть.

— Я хочу выкупить эту рабыню.

— Мы слышали, что ты сводница и хочешь купить ее для борделя.

— Я и в самом деле кое-кому так говорила. Нужно же было придумать правдоподобную историю.

— А какова настоящая причина?

— Ее отец пообещал мне две тысячи сету за то, чтобы я вернула ее домой. — Если заменить слова «ее отец» на «хранители», то сказанное мной было бы правдой.

— Ах... Значит, тебе известно, кто она такая. — Цирказеанка отхлебнула из своей кружки.

— Конечно.

— Девушка, о которой ты говоришь, не хочет возвращаться домой. Она на свободе и в безопасности и собирается сохранить и то, и другое, так что можешь распрощаться со своими двумя тысячами сету.

— Она совершенно неопытна. Долго ли ей удастся оставаться на свободе без защиты?

— Защиту она имеет. И то, что ждет ее, если она вернется, гораздо хуже ее теперешней жизни. — Цирказеанка снова отпила бренди — без какого-либо вреда для себя, конечно, —

отравительницей она вовсе не была. — Деву Замка хотят выдать замуж за властителя Брета, — продолжала она, — толстого любителя мальчиков, который вдвое ее старше.

— Ну и что? — равнодушно протянула я. — Мне говорили, что подобные союзы иногда бывают необходимы. Брак между царствующими династиями разных островов приносит определенные выгоды: политический союз, сулящие доход торговые договоры. Если наследница престола выбирает себе супруга из жителей собственного острова, это часто ведет к распрям между знатными семьями. Так что Деве Замка следует выйти за властителя Брета. Таково наказание, связанное с ее происхождением; но и компенсацию она получит достаточную.

На лице цирказеанки не дрогнул ни один мускул, но выражение ее глаз изменилось. Радужки превратились в диски из стали. Уже не в первый раз мне пришлось пересмотреть свое мнение о ней: ее внешняя мягкость скрывала твердую волю, о чем я раньше не догадывалась. Цирказеанка резко сказала:

— Разве двойной стандарт не смущает тебя? Именно тебя? Почему правителям островов позволено ставить себя выше законов о браке?

Я пожала плечами:

— Так было всегда. — И все-таки я не могла не подумать о своей матери: страсть, насилие или просто невежество заставили ее родить полукровку, а потом бросить свое дитя, чтобы избежать наказания, которое ожидало ее, если бы кто-нибудь узнал о ее преступлении. Я с горечью коснулась мочки уха, лишенной татуировки. Никто не лишил бы гражданства ребенка правителя из-за того, что он оказался полукровкой. Никто не гнал бы его с острова на остров...

Я подумала о сир-силве Датрике. Он и другие хранители помогали власть имущим нарушать законы о браке, одновременно преследуя за то же самое простых людей вроде моих родителей. Вроде меня. На мгновение я снова стала тринадцатилетней девчонкой, распростертой на столе в Хирургическом зале в Ступице... знающей, что со мной собираются сделать... знающей, но по-настоящему ничего еще не понявшей... Только потом... Выродки, ах, что за выродки!

Но думать об этом я не хотела. Мое будущее зависело от благоволения хранителей.

— Разве не хранителей следует винить в этом предполагаемом браке? — неожиданно сказала цирказеанка, словно подслушав мои мысли.

Я притворилась, будто ни о чем не догадываюсь.

— Какое отношение имеют к этому хранители?

— Есть ли на Средних островах хоть что-нибудь, во что хранители не вмешивались бы? Царствующие семьи Цирказе и Брета правят только потому, что их поддерживают хранители. Хранителям нравятся диктаторы: ими легко манипулировать, и они держат в узде простой народ. Хранители нацелились на объединение Средних островов под своим влиянием, и все должны склониться перед ними, потому что в их руках сила — силв-магия. Они твердят нам, что без их защиты мы все станем жертвами злых колдунов. И марионетки вроде суверена Цирказе и властителя Брета пляшут под их дудку, отчасти потому, что верят в опасность, но главным образом потому, что очень хорошо знают, чьим соусом сдабривается их рыба. Хранители купили их с потрохами, как купили и всех на Средних островах. Мы стали так зависимы от них, что уже не способны держаться на ногах самостоятельно... А тем временем невинные жертвы вроде Лиссал — Девы Замка — попадают в эти жернова. Никому нет до них дела, и меньше всего таким, как ты. — Цирказеанка с горечью посмотрела на меня. — Тебя интересуют только твои две тысячи сету.

Ее тирада оказалась для меня полной неожиданностью. В определенном смысле все ею сказанное было правдой, и она не могла найти лучшего способа заставить меня почувствовать себя рыбой-прилипалой. Только две тысячи сету были мне очень нужны. Деньги были единственным, что позволяло мне избегнуть участи изможденной шлюхи где-нибудь на задворках. Две тысячи сету были большой суммой. Без них у меня оставалась лишь смутная надежда получить гражданство островов Хранителей за двадцать лет службы. Тому, у кого на мочке нет татуировки, заработать на жизнь нелегко. Не нарушая закона, я не могла нигде, кроме косы Гортан, оставаться больше чем на три дня; меня, как преступницу, могли выслать с любого из Райских островов — что часто и случалось. Даже моя служба хранителям была неофициальной, и я не могла прибегать к их помощи. Имея деньги, я сумела бы купить себе покой. Заплатив хозяину дома, я могла рассчитывать, что он не

обратит внимания на отсутствие у меня гражданства. Я могла бы жить припеваючи.

Было время, когда я думала, что за деньги я сумею купить услуги подпольного татуировщика, мужчины или женщины, кто взялся бы изобразить символ острова и вставить в мочку драгоценный камешек. Поскольку такое действие являлось незаконным, я готова была заплатить высокую цену. Однако мне пришлось убедиться в своей ошибке. Единственными искусниками, знавшими секрет вживления камня так, чтобы он не выпал и не зарос кожей, чтобы никто не мог усомниться в подлинности знака гражданства, были гхемфы — а гхемфы оставались неподкупны. Такими они уродились и меняться не собирались, будь они прокляты. Невозможно подкупить существо, которое не желает ничего сверх того, что уже имеет.

Цирказеанка поставила кружку и протянула руку, чтобы коснуться моих волос. Я отшатнулась, но она, как оказалось, хотела только отвести пряди, чтобы взглянуть на татуировку. Не обнаружив знака гражданства, девушка опустила руку и посмотрела на меня с жалостью.

— Ах ты, несчастное перекати-поле... Вот дерьмо! У тебя, черт возьми, ведь нет выбора, верно?

Я отвела глаза:

— Э-э... нет, пожалуй. — Цирказеанка снова удивила меня, неожиданно выругавшись, — подобная вульгарность была совсем не похожа на ее обычное поведение, на ее стиль высокородной аристократки.

Она подлила бренди в мою кружку и снова как ни в чем не бывало вернулась к прежней манере речи.

— Примирись с тем, что в этот раз заработать тебе не удастся. Ты никогда не найдешь Деву Замка Лиссал.

— Проклятие, кто ты такая? Подруга Девы Замка?

Девушка пожала плечами:

— Какое это имеет значение? У меня, конечно, есть цирказеанское гражданство, но в остальном я такая же беглянка, как и ты. Кстати, меня зовут Флейм.

Я приветственно подняла свою кружку и начала хихикать.

— Что в этом смешного? Мое настоящее имя, конечно, иное. Просто у меня волосы такого цвета...

— У тебя очень красивые волосы, — сказала я дипломатично. Они были золотистыми, а не рыжеватыми, так что я зак-

лючила, что тот, кто так назвал девушку, думал скорее о свече, а не о пламени в кухонной печи. — Имя очень тебе подходит.

— Да? Так почему же ты смеялась?

— Меня зовут Блейз. Я была очень вспыльчива в детстве, вот мне и дали прозвище Вспышка — «Блейз» на воровском арго. А «Флейм» значит «Пламя». Мы с тобой вместе, — усмехнулась я, — могли бы устроить изрядный пожар.

Мы посмотрели друг на друга и одновременно расхохотались.

Мне совсем не хотелось ей симпатизировать. Она имела все, чего я была лишена: изящество, красоту, законное происхождение. И еще она владела силв-магией — это обеспечило бы ей гражданство на островах Хранителей, даже если бы она оказалась полукровкой. У нее было все, о чем я могла только мечтать... И все-таки она мне нравилась. Мне нравилась ее манера прямо высказывать свои мысли; пусть то, что она говорила, и казалось опасно наивным, но после изворотливости хранителей и прочих, с кем мне приходилось иметь дело, прямота цирказеанки воспринималась как глоток чистой воды. Я сказала:

— Тебе нужно быть поосторожнее, Флейм. Знаешь ты, например, что ни единая душа с того невольничьего корабля с Цирказе не желает признаваться, что ты была на борту?

Она пожала плечами:

— Им было хорошо заплачено за молчание.

Неужели она и в самом деле думала, что деньги способны купить молчание подобного отребья? Странная смесь наивности и проницательности, которую я заметила в девушке, озадачивала меня.

— Я предложила заплатить им больше, — возразила я. — В обычных обстоятельствах этого было бы достаточно, чтобы заинтересовать таких подонков, но похоже, что они перепуганы до смерти. Или на них наложил заклятие дун-маг. Ты ведь не грозила им своими чарами, верно?

Она приняла как должное то, что мне известно о ее даре, но нахмурилась.

— Угрожать силв-магией нельзя. — В этом она была права. С помощью силв-магии с людьми, не обладающими Взглядом, можно было сделать многое: обмануть чувства, скрыть правду, создать иллюзию, помочь исцелению, — но причинить вред,

по крайней мере физический, невозможно. В этом-то и было ее отличие от дун-магии. — На что ты намекаешь?

— На то, что кто-то не желает, чтобы я — или еще кто-нибудь — узнал о том, что ты или Дева Замка Лиссал прибыла на том корабле. И этот кто-то или прибег к очень впечатляющим угрозам, или наложил магическую печать, чтобы никто не проболтался. Я бы на твоем месте побереглась, Флейм. Такие люди имеют обычно весьма неприятные замашки. Может быть, они решили, что смогут получить выкуп, если вернут суверену Цирказе его дочь. Может быть, они рассчитывают узнать у тебя, где она находится. Будь осторожна, Флейм.

— Я владею силв-магией. — Сказала она это уверенно, но в глазах ее промелькнуло сомнение и страх.

— Твой дар может тебе не помочь, если ты столкнешься с мастером дун-магии. — Это тоже было правдой: в борьбе силв- и дун-магии все зависело от того, кто из магов более искусен, а судя по зловонию, которое я ощущала в Гортанской Пристани, злой колдун отличался изрядным могуществом. В этом отношении я имела преимущество над Флейм: ни силв-, ни дун-магия не действовала на тех, кто обладал Взглядом. Поэтому меня пугали не багровые чары как таковые; боялась я другого: поскольку мы, обладающие Взглядом, могли обнаружить дун-мага, как акулу в стае мальков, а его заклинания на нас не действовали, злые колдуны люто нас ненавидели и находили жестокие не-магические способы нас уничтожить.

Флейм побледнела.

— Ты обладаешь Взглядом, верно? И ты, и этот Тор Райдер тоже. Я видела ваши лица, когда вы заглянули в комнату, пока я лечила Новисса. Тогда ты и узнала, что я владею силв-магией. Ты ее учуяла. Ни один из вас не смог скрыть удивления, увидев цирказеанку-силва.

— Они и правда встречаются редко, — кивнула я. — Только для косы Гортан ты недостаточно сообразительна. Тебе ведь не пришло в голову, что мы могли оказаться дун-магами? А тот колдун, который наложил заклятие, увидел бы произведенное тобой исцеление так же ясно, как ты обнаружила вред, причиненный его заклинанием Новиссу. Ты никому не должна доверять, Флейм. Ни мне, ни Райдеру, ни даже этому твоему смазливому приятелю. — У меня возникла еще одна мысль. — Флейм, ты ведь не знаешь, кто этот дун-маг?

Она покачала головой.

— Или почему жертвой оказался Новисс?

Она снова покачала головой:

— Даже сам Новисс этого не знает.

Я вздохнула:

— Чтобы вызвать раздражение дун-мага, немного нужно. Может быть, Новисс был с ним груб, не зная, кто он такой... этого хватило бы. Если он увидит, что Новисс жив и здоров, и поймет, что вылечила его ты, тебе не миновать беды. На твоем месте я как можно скорее уехала бы с косы Гортан.

— Я и хочу, только не могу: я никак не рассчитывала на то, что в это время года приливы, вызванные обеими лунами, усиливают некоторые течения, и корабли с севера могут прибывать, рыбачьи лодки могут вести лов вблизи берега, но ни одно судно не сможет выйти в открытое море еще по крайней мере неделю. Если бы какой-то капитан и рискнул, корабль несло бы на юг многие дни. — Флейм криво улыбнулась. — За совет все равно спасибо.

Я допила бренди и двинулась к двери. Когда я была уже на пороге, Флейм сказала:

— Ты все еще собираешься искать Деву Замка, верно? Мои слова не заставили тебя переменить решение.

Я оглянулась и улыбнулась ей:

— Ты учишься наблюдательности, Флейм, определенно учишься.

В этот день я ужинала в гостинице.

Янко, увидев меня, осклабился и нарочно задел рукой мою грудь, подавая тарелку с рыбой. Служка Танн улыбнулся мне, когда счел, что никто этого не заметит. Тор Райдер, приезжий с Разбросанных островов, все так же одетый в черное, сохранял невозмутимый вид, а Новисс, когда не глядел в глаза Флейм, бросал на меня испепеляющие взгляды. Мне трудно было поверить в то, что этому идиоту с островов Бетани хватило глупости явиться в зал и тем самым показать дун-магу, что тот потерпел неудачу. Откуда такая уверенность, что колдун не попробует разделаться с ним снова? Или он рассчитывает, что Флейм опять его спасет?

Пока я гадала, что могло сделать мальчишку таким высокомерным и самоуверенным, в зал ввалился Ниамор Посред-

ник с друзьями, подмигнул мне, осушил кружку пива и отправился дальше. Обычная компания работорговцев и разыскиваемых по всем островам преступников на этот раз отсутствовала, и причина этого была очевидна: гостиницу своим присутствием почтили десяток или около того силвов — хранителей с корабля. Все они как один прибегли к иллюзиям, чтобы улучшить свою внешность, — обычной легкомысленной уловке, которая неизменно меня раздражала. Отделка их шазублов сказала мне, что все они не только служат Совету, но и являются выпускниками элитарной Академии в Ступице; это означало, что на корабле с Датриком прибыли лучшие из лучших.

Они не обращали на меня никакого внимания, конечно, хотя я была уверена, что среди них нет ни одного, кто не знал бы, кто я такая и что здесь делаю. А вот мне не было известно, почему все они оказались на косе Гортан. Неужели присутствия здесь дун-мага достаточно, чтобы заставить советника такого ранга, как Датрик, отправиться в путешествие через океан? Чтобы заставить выпускников Академии ужинать в такой дыре, как «Приют пьянчуги»? Конечно, хранители ненавидели все, что угрожало их могуществу, и потому стремились стереть дун-магию с лица земли (только, должна тебе сказать, им до этого было еще далеко). Однако не посылали же они обычно советника и целый корабль лучших силвов ради одного дун-мага... Обычно они поручали это кому-нибудь вроде меня вместе с несколькими молодыми хранителями, рвавшимися показать, на что они способны. Я лениво размышляла о том, как эта компания рассчитывает найти дун-мага без помощи человека, обладающего Взглядом. Я глазела на них, раздраженная их высокомерием и самоуверенностью, и завидовала их дружескому веселью; впрочем, их отваге и готовности пустить в дело магическую силу я отдавала должное.

Так или иначе, присутствие хранителей явно мешало веселью — даже Янко ходил по залу на цыпочках. Новисс бросал в их сторону такие же сердитые взгляды, как и на меня: мальчишка был прозрачен, как медуза. Я гадала, чем хранители так ему досадили; еще я задавалась вопросом, долго ли Флейм будет терпеть его выходки. У нее было в десять раз больше здравого смысла, чем у ее возлюбленного.

Впрочем, этим вечером больше всего меня озадачил Тор Райдер. Выражение его лица не изменилось (а менялось ли оно вообще когда-нибудь?), но он явно был напряжен, как морской пони, которому слишком долго пришлось обходиться без воды. Я пришла к заключению, что хранителей он почему-то очень не любит. Интересно...

Я быстро доела свою рыбу и снова поднялась наверх. Как я и ожидала, Флейм прибегла к силв-магии, чтобы запереть и свою комнату, и комнату Новисса, только для меня это значения не имело. Я просто открыла дверь и прошла сквозь заклятие, как будто его и не было. Сначала я обыскала комнату Флейм, но ничего интересного не обнаружила. Одежда, кусок душистого мыла, щетки для волос — все хорошего качества, говорившего о том, что в деньгах Флейм не стеснена, но ничего, что раскрыло бы мне ее настоящее имя или местопребывание Девы Замка.

Еще не закончив обыска, я испытала странное чувство, которое возникает иногда, когда за тобой наблюдают, и мое сердце запрыгало, как лодочка на волнах в шторм. Подняв глаза, я обнаружила на подоконнике сидящих в ряд птичек — внутри комнаты, при закрытых ставнях. Птички не спали и смотрели на меня блестящими любопытными глазками. Я решила, что хорошего взломщика из меня не получится: я так нервничала, что даже птичьи взгляды показались мне зловещими.

Я перешла в комнату Новисса, и там мне повезло больше. Среди вещей юноши я нашла молитвенник.

Это могло значить только одно. Новисс был менодианином. У меня отвисла челюсть — этот наивный, незрелый мальчишка оказался мирянином-верующим? Он совсем не соответствовал моему представлению о последователях этой религии. В конце концов, меня обучали патриархи. В детстве я восставала против их дисциплины, их правил, их постоянных попыток превратить меня в кого-то больше соответствующего их представлениям, — я не была мягкотелым крабом-отшельником, готовым приспособиться к чужой раковине. Однако их добродетель я уважала. Позднее, став взрослой, я познакомилась и с другими менодианами, мирянами — мужчинами и женщинами, и я не могла не испытывать восхищение их искренней преданностью Богу — Богу с большой буквы. Я научилась уважать их и за их деловитость: они многое делали, а не рас-

суждали о том, что следовало бы сделать. В отличие от последователей Фелли, менодиане не увлекались публичными молитвами или миссионерством. Они определенно не испытывали ненависти к удовольствиям и веселью. Может быть, на добрые дела их и подвигала вера в воздаяние на небесах, но я всегда видела в их благотворительности искреннюю доброту и желание помочь.

Отношения между менодианами и хранителями часто бывали довольно натянутыми; может быть, это и объясняло мрачные взгляды, которые Новисс кидал на компанию в зале гостиницы. Большинство населения островов Хранителей — те, кто не был силвами — разделяло веру менодиан в единое всемогущее и всеблагое божество. В Ступице было больше патриархов и молельных домов, чем где-нибудь еще на всех Райских островах. Даже менодианская патриархия находилась на Тенкоре, одном из островов Хранителей. Несмотря на все это — а может быть, как раз по этой причине, — Совет в Ступице и патриархия часто препирались, иногда довольно ядовито. Совету не нравилось растущее влияние менодиан и уж тем более указания, которые патриархи давали своим прихожанам на случай, если те займут какую-то важную административную должность. Менодиане критиковали мораль силвов и проповедовали отказ от силв-магии, называя ее соблазном Великой Бездны. Еще хуже, с точки зрения хранителей, было то, что число менодиан росло во всех островных государствах, а мелкие секты под впечатлением их милосердия и учености тоже обращались в менодианскую веру. А чем больше сторонников этой религии, тем большей властью обладает патриархия...

На островах Хранителей все чаще возникали абсурдные ситуации: например, многие советники — силвы и атеисты — посылали своих детей в менодианские школы ради хорошего образования, которое там можно было получить. Некоторые члены Совета даже посещали службы, взыскуя спасения столь же ревностно, как сами патриархи. Многие силвы ухитрялись совмещать свою веру с занятиями магией; такие называли себя «этичными силвами». Их девизом было «Ответственность силва и менодианская мораль», и в результате патриархия часто закрывала глаза на то, чем занимались ее прихожане-силвы в свободное время. Я могла бы назвать патриархов лицемерами, если бы не их решительное неприятие несправедливости, такой,

например, как та, что творилась в отношении полукровок. И еще одна странность: многие менодиане, особенно патриархи, обладали Взглядом, что еще больше меня к ним привлекало.

Ну а Новисс Взглядом не обладал, уж это точно, — как не обладал и сочувствием к полукровкам. Если он и в самом деле был менодианином, то довольно посредственным.

Я пролистала молитвенник и нашла на первой странице имя владельца: Рэнсом Холсвуд. Это было имя жителя островов Бетани, и у Новисса на мочке уха татуировка изображала краба — символ гражданства этих островов. Любопытно: я когда-то раньше слышала имя Рэнсома Холсвуда. Нужно будет об этом подумать...

Больше ничего интересного я не обнаружила и выскользнула из комнаты так же незаметно, как и вошла; наложенные на двери силв-заклинания остались нетронутыми.

С наступлением ночи я снова отправилась в город.

Как обычно, дневная жара спала с появлением Доктора, но потом ветер стих, и вечер оказался неприятно душным. Обрывок разговора горожан, который я услышала, проходя мимо группы на перекрестке, сказал мне, что не я одна это почувствовала.

— Дьявольская погода, — проворчал пожилой толстяк и начал яростно чесаться. Я заметила, что все его тело покрыто шелушащейся сыпью. Не знаю, что это была за болезнь, но, похоже, как раз из-за нее беднягу и выслали с родного острова. — Я чувствую себя как омар в кипятке. Дождя ведь не было уже месяца три.

— Ага, — согласился его собеседник. — Скоро опять придется покупать воду у тех живодеров, у кого колодцы глубокие.

Последнее, что до меня донеслось, были причитания о грабительских ценах на воду в засуху. Слава богам, об этом мне не придется тревожиться, подумала я: если повезет, я смоюсь с этого проклятого острова до того, как колодцы начнут пересыхать...

Не успела я отойти от перекрестка, как на глаза мне снова попались двое феллиан. Ничего удивительного в этом, конечно, не было: Гортанская Пристань — городок небольшой. Они соорудили помост, повесили рядом фонари и с этого кособо-

кого амвона обращались к прохожим, призывая их отказаться от греховной жизни, чтобы не заслужить вечного проклятия. Если они рассчитывали подобным образом обратить кого-то в свою веру на косе Гортан, то они были не умнее креветок, пытающихся выскочить на свободу из кастрюли. Трудно напугать людей адом, если те там и так живут, и соблазнить райским блаженством, если ради него нужно пожертвовать теми немногими удовольствиями, которые им бывают доступны. Обитатели косы Гортан, конечно, за словом в карман не лезли и безжалостно высмеивали проповедников. Я остановилась послушать.

— Вечная жизнь ждет вас, — с искренней страстью выкрикивал один из проповедников, грозя пальцем пьянице, еле держащемуся на ногах, — если вы исправитесь! Выпивка — приманка дьявола, который хочет увлечь вас в Великую Бездну, где вечно будете вы тонуть, задыхаясь и хватая ртом воздух, а демоны глубин станут терзать вас...

— Это ничего, — перебил его кто-то из толпы, — старый Айк вон уже который год тонет в пойле, а ему все мало.

— Неприятные типы эти феллиане, — громко добавил еще кто-то. — Им только и нужно, чтобы кого-нибудь утопить.

Проповедник не снизошел до ответа и вместо этого принялся грозить пальцем мне:

— А вот ты, язычница, как смеешь ты выставлять себя напоказ в мужской одежде! Как смеешь ты хвалиться перед всем миром своими грехами, одеваясь столь непотребно? Или у тебя нет стыда? Ты соблазняешь мужчин, а грех вожделения не позволит им войти в рай! Из-за тебя мерзейшая похоть мешает им думать о Фелли! Покайся! Прикрой свое тело юбками и ходи потупив глаза, как положено скромнице, ублажай лишь мужа, иначе ждет тебя адская пучина...

— Знаешь, Блейз, мне кажется, он в тебя влюбился, — пробормотал мне в ухо чей-то голос.

Надо же, кто оказался рядом со мной, — Тор Райдер собственной персоной! Вот уж не думала, что у него есть чувство юмора... Не найдясь что ему ответить, я грубо бросила:

— Ах, заткнись!

— Прости, — мягко ответил он. — До чего же эти феллиане тошнотворны со своей абсолютной уверенностью в том, что именно им известна воля высших сил.

— Не говоря уже об их убеждении, что любое удовольствие греховно, — с улыбкой подхватила я, стараясь загладить свою ничем не оправданную резкость. Проповедник как раз принялся обличать пение и танцы как ловушку дьявола. — Думаю, я пойду еще немножко погрешу. Выпить кружечку приятнее, чем слушать это. — Я говорила достаточно громко, так что мои слова вызвали в толпе смех. Я кивнула Тору и пошла дальше.

Заглянув в пару таверн и выпив пару кружек разбавленного пива, я получила достаточно указаний, где искать гхемфа, о котором упомянул Ниамор: в доме по другую сторону причалов в подвале находилось заведение, известное качеством как своего пива, так и своих шлюх. На этот раз я занималась собственными делами, отложив на время заботы о поручении хранителей.

Для Гортанской Пристани местечко было вполне приличным: там было тихо и чисто. Женщина, сидевшая за кассой, огромная, как детеныш кита, с нарушителями спокойствия разделывалась так же свирепо, как кит-самец с соперниками. Я ей кивнула, и судя по тому, как она прищурилась, память у нее оказалась отменная: она меня узнала, хотя я заходила сюда пять лет назад. Спускаясь по ступеням, я быстро окинула взглядом помещение. Особых перемен я не заметила, как и явной опасности: ни вооруженных буянов, ни пьяных матросов, рвущихся в драку. Стойкой бара служил все тот же кусок коралла, мебель, как и всюду, была сколочена из плавника; однако заведение могло позволить себе свечи из лучшего спермацета.

Шлюхи тут, может, и сменились, но, как и их предшественницы, выглядели скучающими, а их клиенты — вполне безвредными. В таверну забрели несколько человек с корабля Датрика, а Тор Райдер, похоже, устал от проповедей феллиан: он сидел за столом с человеком в тунике ремесленника, какие носят на островах Хранителей; одежда была бедной и видела лучшие времена, так что ее владелец явно никакого отношения к «Гордости Хранителей» не имел. Никаких следов силв-магии в нем я не заметила, так что он, вероятно, этим даром не обладал; да и держался он без самоуверенности, всегда присущей хранителям-силвам.

Я почему-то ощутила раздражение из-за того, что Тор оказался здесь раньше меня; слегка кивнув ему, я направилась к столу посетителя, ради которого и пришла сюда: это был гхемф.

Он сидел в одиночестве над нетронутой кружкой пива. Все столы вокруг пустовали: люди предпочитали не приближаться к гхемфам, хотя я и не могла бы сказать почему. Я ни разу не слышала, чтобы гхемф причинил человеку вред, да и пахли они не так уж скверно. На самом деле издали они даже походили на неуклюжих людей — высоких и сутулых, но все-таки людей. Только подойдя поближе, можно было увидеть различия. Во-первых, у гхемфов отсутствовали волосы. Во-вторых, кожа, по крайней мере на лице, имела серый цвет, становясь чем ниже, тем темнее, так что ноги выглядели черными как уголь. Лица гхемфов красотой не блистали: носы и уши у них были приплюснутыми, а глаза лишены бровей и ресниц. Определить, к какому полу принадлежит данная особь, никогда не удавалось: они не различались ни сложением, ни голосом, да и одевались одинаково.

От человека гхемфы отличались и другими особенностями. У них на каждой руке было по два больших пальца — по одному с каждой стороны ладони. Пальцы левой руки были короткими и такими сильными, что легко раздавливали раковину мидии; на правой же руке пальцы были тонкими и длинными, приспособленными к искусной работе. Гхемпы никогда не носили обуви, и их ступни напоминали перепончатые лапы с острыми втягивающимися когтями. Я всегда думала, что благодаря перепонкам они, должно быть, прекрасные пловцы, хотя ни разу ни одного из них в воде я не видела.

Мои знания о гхемфах были, конечно, весьма поверхностными; люди вообще мало имели с ними дела. В те времена в каждом городе обычно жила всего одна семья этих существ, хотя в столицах они иногда образовывали небольшие общины. До начала Перемены на всех Райских островах не могло жить больше двадцати — тридцати тысяч взрослых гхемфов. Они были долгожителями и размножались с трудом; каждая семья имела всего одного-двух детенышей.

Гхемфы держались по большей части особняком; люди обычно не обращали на них внимания, кроме тех случаев, когда новорожденному требовалось сделать татуировку — символ гражданства. Родители, получив необходимые бумаги у властей, относили их и ребенка к ближайшему гхемфу. За определенную плату гхемф делал татуировку и вставлял драгоценный камешек в соответствии с традицией данного острова, — но

только после того, как тщательно проверял, не поддельные ли бумаги. Гхемфы фактически лишали чиновников возможности брать взятки за предоставление гражданства. Они были так дотошны, что ребенку, которому татуировка не полагалась, получить ее было совершенно невозможно. И самих их никогда, никогда не удавалось подкупить, хотя ни один гхемф не был богат. Насколько мне известно, единственный доход, который они получали, была плата за их услуги татуировщиков. Забавно: сами гхемфы не имели знаков гражданства, и никто, даже хранители, не подвергали сомнению их право отправляться куда угодно и жить как им вздумается.

Никто не знал, когда и при каких обстоятельствах гхемфы сделались татуировщиками: просто так, казалось, было всегда. Из-за того, что только они умели делать татуировку столь безупречно, из-за своей неподкупности гхемфы стали незаменимы. За это их терпели, даже уважали, но не любили и не понимали.

Как и другие люди, я находила гхемфов уродливыми; однако, в отличие от большинства, я ненавидела их за несгибаемость в том, что касалось законов о гражданстве. Будь гхемфы более покладистыми или более корыстолюбивыми, вся система стала бы терпимой или, еще лучше, перестала бы работать, и полукровки вроде меня не считались бы отверженными, недочеловеками.

Было очень странно увидеть одно из этих существ в Гортанской Пристани. Такой вещи, как гражданство, здесь просто не существовало, а значит, не было и работы для татуировщика, хотя, думаю, иногда какой-нибудь пьяный матрос и мог бы пожелать, чтобы на руке у него появилось изображение голой красотки.

Как я уже говорила, коса Гортан была местом, куда человек отправлялся, если больше податься ему было некуда. Жители ее не считались даже нацией. Тут не было ни правительства, ни закона, кроме закона силы. Так зачем же приезжать сюда гхемфу? Единственной причиной, которая приходила мне в голову, была та, что и он тоже отверженный, отступник. А отступника можно подкупить...

Я подошла к столу гхемфа и встала перед ним.

— Можно мне посидеть с тобой? — спросила я, постаравшись скрыть свою неприязнь к этой породе.

Существо бесстрастно взглянуло на меня. Насколько мне было известно, гхемфы никогда не проявляли никаких чувств — по крайней мере заметных для человека. Гхемф наклонил голову, и я сочла это знаком согласия. Усевшись за стол, я знаком подозвала слугу; тот неохотно принес мне кружку пива.

Я, конечно, не могла говорить на языке гхемфов: никто не мог, кроме них самих. Впрочем, значения это не имело — все гхемфы понимали язык Райских островов и могли при необходимости объясниться на нем. Только обычно они молчали — таков был их обычай.

— Меня зовут Блейз Полукровка, — тихо сказала я.

Гхемф в ответ снова наклонил голову, но своего имени не назвал. По-моему, у них вообще не было имен.

Зная нелюбовь гхемфов к разговорам, я сразу перешла к делу. Откинув волосы с уха, я сказала:

— Как видишь, я не имею гражданства.

Существо сразу же поняло, что мне нужно, и не стало дожидаться, пока я выскажу свою просьбу.

— Нет. — Это единственное слово прозвучало жестко и бескомпромиссно.

Я облизнула сухие губы.

— Ни за какую цену?

Гхемф покачал головой.

— Ах... — Я развела руками, признавая свое поражение, и грустно улыбнулась. — Ну попробовать-то стоило... — Я приветственно подняла кружку, и гхемф ответил мне тем же, хоть и не улыбнулся. Да и вообще бог весть, умели ли гхемфы улыбаться...

Не знаю, почему я тут же не встала и не ушла. Оставаться смысла не было. Думаю, дело оказалось в том, что на плоском сером лице я прочла что-то, что задело во мне какую-то струнку. Могу поклясться: существо страдало от одиночества.

— Не очень-то привлекательное местечко коса Гортан, верно? — сказала я.

Гхемф взглянул на меня серыми глазами, потом обвел взглядом помещение, словно удостоверяясь в справедливости моих слов, и согласно кивнул.

— Ты тут давно? — Я не особенно ожидала услышать ответ; я его и не услышала. Гхемф осушил свою кружку, поднял-

ся и низко поклонился — они часто вели себя в отношении людей так почтительно. Потом гхемф сказал:

— Татуировка на мочке уха — символ. Некоторым людям символ не требуется.

Мои брови от изумления поднялись так высоко, что, должно быть, исчезли со лба. Это, несомненно, было самое длинное и самое отчетливо произнесенное высказывание, какое я только слышала от гхемфа. Смысл его, правда, был довольно туманен, но попросить разъяснений я не успела. Гхемф своей неуклюжей раскачивающейся походкой уже направлялся к двери.

Я все еще озадаченно смотрела ему вслед, когда Тор Райдер — его компаньон, очевидно, уже ушел — подошел ко мне и вежливо поинтересовался:

— Могу я составить тебе компанию?

— Буду рада. — Я встряхнула головой и села прямо. Тор Райдер при всей своей серьезности все-таки был очень привлекательным мужчиной, и мое тело не замедлило откликнуться на его присутствие. — Нам, похоже, суждено сегодня все время натыкаться друг на друга.

— Я уж решил, что ты выслеживаешь меня.

Я заморгала, гадая, шутка это или проявление паранойи. Нечасто случалось, чтобы кому-то удавалось так меня смутить. Наконец я выдавила из себя невыразительную улыбку, которая могла означать что угодно.

— Тор Райдер, — представился он, садясь за стол, — с Разбросанных островов.

— Блейз Полукровка, без постоянного места жительства.

— Так это и останется, как мне кажется. Я мог бы сразу сказать тебе, что от гхемфа ты ничего не добьешься. — Значит, он догадался, зачем мне понадобилось это существо... Что ж, моя цель была очевидной.

— Откуда ты знаешь, что я ничего не добилась? — довольно воинственно осведомилась я.

— Я следил за выражением твоего лица.

— Ну, попробовать-то стоило, — снова сказала я, пожав плечами. — Только, похоже, этот гхемф все-таки не отступник. Ты не знаешь, почему он здесь оказался?

— Понятия не имею, Блейз. Ты видела человека, с которым я разговаривал, когда ты пришла?

— Ну да, с ремесленником-хранителем, — кивнула я.

— Я хотел бы, чтобы ты с ним повидалась. Он живет в этом доме, и сейчас он у себя. Не прошла бы ты к нему со мной вместе?

У меня сразу возникло множество вопросов, не последним из которых был такой: уж не ловушка ли это? Я никак не могла решить, что думать насчет Тора Райдера. Единственным основанием хоть сколько-то ему доверять было то обстоятельство, что он обладал Взглядом, а такие люди обычно бывали несколько более порядочными, особенно в отношении подобных себе.

В конце концов я пожала плечами и ответила:

— Почему бы и нет? — Однако, поднявшись, чтобы последовать за Райдером, я ощутила тревогу: у меня возникло предчувствие, что я пожалею о своем согласии. Откуда взялось такое предчувствие, я так и не смогла понять.

От агента по особым поручениям
Ш. айсо Фаболда,
Департамент разведки,
Федеральное министерство торговли, Келлс,
Достопочтенному М. айсо Кипсуону,
Президенту Национального общества
научных, антропологических и этнографических
исследований не-келлских народов

6/1 месяца Первой Луны, 1793

Дорогой дядюшка!

Спасибо за Ваш интерес к моему здоровью. С радостью сообщаю Вам, что лихорадка, которую я подцепил на Райских островах, прошла и теперь я совершенно здоров. Надеюсь, Вы сообщите об этом тетушке Росрис и передадите ей мою просьбу перестать тревожиться. Несомненно, она удостоверится в благотворном действии тех снадобий, которые так регулярно присылала мне, когда я вскоре Вас навещу.

Кто такая Аниара айси Терон, с которой тетушка так настойчиво желает меня познакомить? В ее последнем письме только о ней речь и шла. Подозреваю, тетушка снова пытается меня же-

нить. Я пытался убедить ее, что ни одна юная дама в здравом рассудке не захочет и взглянуть на человека, который на целые годы исчезает в дальних странах, но, как я понимаю, надежда тетушки на счастье ее единственного племянника не хочет умирать, даже когда дело касается такого неисправимого холостяка, как я.

Перехожу к менее личной теме. Я не предвижу никаких проблем с моим докладом на следующем собрании Общества и предвкушаю возможность ознакомить ученых коллег с результатами моих исследований. Конечно, я немного волнуюсь, поскольку моя методика может быть сочтена неортодоксальной: она основывается на интервью, а не на наблюдениях за поведением аборигенов и изучении артефактов, что являлось излюбленным методом моих предшественников.

В ответ на Ваш вопрос относительно гхемфов сообщаю, что никто из нас не видел ни их, ни кого-либо на них похожего. Тем не менее мифы, в которых фигурируют гхемфы, существуют на всех островах и обладают удивительным сходством. Все, кого мы расспрашивали, утверждали, что такая чуждая людям раса повсеместно обитала на Райских островах и что именно гхемфы занимались созданием подтверждающих гражданство татуировок, пока, уже на памяти ныне живущего поколения, таинственным образом не исчезли. Насколько нам удалось узнать, этот предполагаемый «исход гхемфов» произошел на разных островах в разное время за период, известный как Перемена. Перемена началась где-то около 1742 года (именно к этому времени относятся события, описываемые Блейз) и продолжалась несколько лет. К тому моменту, когда в 1780 году первые келлские исследователи и купцы достигли Райских островов, Перемена закончилась и все гхемфы исчезли.

Большинство островитян старше десяти — двенадцати лет действительно имеют явно выполненную вскоре после рождения татуировку на мочке уха, подтверждающую гражданство, и все они полагают, что татуировка была выполнена гхемфами. Ни один ребенок младше этого возраста подобной татуировки не имеет.

Нам, впрочем, не удалось обнаружить изображений гхемфов ни среди произведений искусства, ни среди иллюстраций к текстам. Нашему изучению письменных источников препятствовало незнание нами (за исключением Натана) языка Райских

островов, но мы привлекли себе в помощь некоторых келлских купцов и с их помощью выяснили, что упоминаний о гхемфах нет в архивах — ни в налоговой документации, ни в свидетельствах о праве собственности, ни в официально регистрируемых договорах, ни в приговорах судов. Короче говоря, если гхемфы когда-либо и существовали, с них никогда не взимали налогов, они никогда не владели собственностью, никогда не бывали должниками, никогда не совершали преступлений, никогда не подписывали никаких документов, их рождения и смерти никогда не регистрировались, и, что еще более удивительно, они никогда не упоминались в бумагах других жителей островов. Если это были существа из плоти и крови, они должны были быть почти невидимками!

Островитяне во всех государствах вели и ведут подробные записи обо всех совершаемых сделках, в особенности тех, для которых важно гражданство, так что мы пришли к заключению, что гхемфы — существа скорее мифические, чем реальные. Более того, когда мы предприняли попытку обнаружить скелеты или иные останки гхемфов, нам сообщили, что они отдавали своих мертвых морю. Обследовав места, в которых, как считается, жили гхемфы, никаких артефактов мы не обнаружили.

Это противоречие между передаваемой изустно историей и материальными свидетельствами является самой интригующей тайной Райских островов и, несомненно, заслуживает дальнейшего изучения. Такая задача будет нелегкой, поскольку многие островитяне обнаруживают явное нежелание даже упоминать о гхемфах. Нам неизвестно, почему вообще возникла потребность в создании этих мифических образов. Я подозреваю, что в основе данного явления лежит стыд, который вызывали в людях старые драконовские законы о гражданстве. Возможно, гхемфы были социально приемлемым прикрытием, позволявшим чиновникам хранителей проводить эти законы в жизнь, возлагая вину за них на чужую расу. Могу добавить, что когда нам удавалось найти людей, готовых рассказывать о ситуации до Перемены — вроде пожилой островитянки Блейз Полукровки, — их вера в гхемфов была настолько глубокой, что поколебать ее не удавалось. Возможно, в воспоминаниях подобных индивидов время стерло различия между мифом и реальностью.

Современные обитатели Райских островов, конечно, полны суеверий и легковерны, что подтверждается их убеждением в

существовании магии. Не следует обманываться уровнем их развития в материальном отношении. Они могут существенно превосходить других аборигенов, которых келлские исследователи встречали во время своих путешествий за последнее столетие, но ни в коей мере не являются ровней нам в философской изощренности. Я сначала, видя их корабли и оружие, тоже заблуждался на этот счет, но потом понял, что все-таки островитяне остаются варварами и придерживаются варварских верований. Их религия, хоть и является монотеистической, не идет ни в какое сравнение с истинной верой Келлса. Островитяне не признают, например, что Бог до сих пор являет себя благочестивым верующим; не верят они и в то, что Он во всем своем величии снисходил к людям, чтобы научить их богобоязненности. Я начал испытывать к своим собеседникам-островитянам такую симпатию, что мне приходилось постоянно напоминать себе о столь основополагающем пороке их культурного развития.

Однако я отвлекся. Вероятно, я должен упомянуть о том, что в нашем департаменте имеет хождение и другая теория, согласно которой гхемфы действительно существовали и просто вымерли, как это часто случается с примитивными народами после контакта с более развитой цивилизацией, — в данном случае в роли опередившего других в развитии народа выступили жители Райских островов, а не наши соотечественники. Согласно этой теории, гхемфы были людьми, конечно, но отличались расовыми особенностями, которые и породили множество мифов относительно их физиологии. Всех несоответствий эта гипотеза не объясняет, но тем не менее выглядит привлекательной и, несомненно, более убедительной, чем предположение о том, что гхемфы — порождение воображения островитян. Я все еще обдумываю проблему.

Судя по Вашему письму, дядюшка, Вас очень заинтересовала Блейз. Она и в самом деле поразительная женщина, и я очень сожалею, что мне не удалось уговорить ее поехать со мной в Келлс. Из нее получился бы великолепный экспонат на представлении Обществу моих научных открытий. Я закончил редактирование новой порции записей рассказов этой воинственной дамы и посылаю Вам результат. Переводчиком, кстати, по-прежнему является писец Натан. Не могу выразить, сколь многим я ему обязан. Хотя мое знание языка Райских островов благодаря текстам, которые привезли их первые исследователи, и явля-

ется довольно приличным, без Натана нам не удалось бы собрать так много материалов. Он — сын легендарного купца Вадима айсо Пеллиса и еще мальчиком оказался на борту первого келлского корабля, приставшего к Райским островам. После этого он пять лет прожил в Ступице, и я почитаю редким везением его согласие сопровождать нашу экспедицию на «Морском ветерке». С тех пор как мы вернулись, Натан занят переводом рассказов Блейз на келлский язык. Я намерен захватить его с собой на собрание Общества.

Остаюсь Ваш послушный племянник
Шор айсо Фаболд

Глава 6

Тор и я расплатились за пиво и двинулись вверх по лестнице.

Хранителя-ремесленника звали Вантедж, и Тор явно предупредил его о моем приходе. Когда, знакомясь, он пожал мне руку, я ощутила мозоли, а оглядев комнату, поняла, чем занимается хозяин: он был сапожником. На стенах оказались развешаны инструменты, а на лавке виднелось несколько пар незаконченных башмаков.

— Вантедж раньше жил в Маргреге, — сказал Райдер. Маргрег, как мне было известно, находился в северной части главного из островов Хранителей. — Я хотел бы, чтобы он рассказал тебе свою историю.

Вантедж предложил нам теплое и жидкое пиво, и мы расселись вокруг стола.

— Не знаю, зачем это Тору, — сказал Вантедж. — Ничего такого уж особенного со мной не случалось. Да и не сказать, чтобы мое житье-бытье было полно приключений, особливо по сравнению с его делишками. Я ж просто сапожник. И папаша мой был сапожник, а мамаша помогала ему. Хорошая была житуха, — тихо добавил Вантедж и потер шею, словно не зная, что еще сказать.

— Вантедж один из нас, обладающих Взглядом, — пояснил мне Тор.

Сапожник кивнул:

— Тор увез меня с островов Хранителей. Вот так мы года два назад и свели знакомство. Он благополучно доставил меня на косу Гортан после суда.

— После суда? — переспросила я, когда он снова замолк.

Вантедж откинул волосы и показал мне свое левое ухо. Мочка оказалась отсечена.

— Лишили меня гражданства. Меня признали виновным в измене. — Тут я почувствовала, что Вантедж начинает меня интересовать. Человека могли выслать с родного острова за многое, но предательство было единственным преступлением, которое наказывалось лишением гражданства навечно, и такие случаи были большой редкостью.

— Я всегда почитал силв-магов, — продолжал Вантедж. — Всегда думал, что они нас защищают от багровых чар, наводят в мире порядок для нашего же блага и все такое прочее. Никогда я не завидовал их богатству, считал справедливым, чтобы они имели денег больше, чем такие, как я. Заметь, мы, простые люди, не так-то часто их и видели. Я по большей части шил сапоги для работяг, а не всякие туфельки из мягкой кожи, какие носят силвы.

Я был еще совсем мальцом, когда мимо отцовской лавки однажды прошли силвы, и тут я заметил, что они светятся серебристо-голубым. Я прямо обмер от такой красоты. Потом я узнал, что другие не видят того же, что и я, — в наших краях не было обладающих Взглядом. Ты, верно, знаешь, как редко такие рождаются среди хранителей. Так что о том, что увидел, я помалкивал. Никогда не хвалился Взглядом, так что только моя семья да ближайшие друзья знали, что я не такой, как все.

Ну а потом папаша помер, и я стал вместо него хозяйствовать. У одного моего дружка была поблизости мастерская. Он, понимаешь, портняжничал, а уж человек был, скажу тебе, расчудесный. Только не умел он держать язык за зубами и вечно жаловался на налоги. Нам ведь постоянно приходилось за что-нибудь платить: налог на кожу, налог на дратву, налог на каждую сапожную колодку в моей лавке, налог на еду, которую мы покупали, школьный налог — младшего братишку я отправил учиться грамоте, — за каждую проклятую мелочь с нас драли три шкуры. Ну, я-то терпел — в конце концов, нужно ведь прокладывать дороги, строить верфи, изничтожать пиратов и

много чего еще делать; вот о том и заботились чиновники из Ступицы. Как за все это платить, если не брать налоги, верно?

Ну а Глок — портной, о котором я говорил, — тот смотрел на вещи иначе. Не нравилось ему, что мы все платим налоги, а силвы все богатеют и богатеют. Так что когда пришло время выбирать городского голову, он решил выставить себя. Дело было неслыханное: головой всегда бывал силв, знаешь ли. Да другие и не совались... Только Глока это не остановило. Друзей у него хватало, да и многие бедняки думали так же, как он. Вот и стало похоже, что выборы он выиграет... уж как тут начал беситься Фроктор, силв, который тоже выставил свою кандидатуру.

Ты, может, и не знаешь об этом, только по обычаю кандидаты всегда следят за тем, как подсчитываются голоса, — чтобы не было жульничества, понимаешь ли. В счетчики обычно берут известных всему городу людей — почтенных, имеющих собственное дело. Вот Глок и позвал меня смотреть за тем, как идет подсчет. Ты знаешь, как голосуют на островах Хранителей? У каждого кандидата свой цвет, и избирателям дают разноцветные раковины. Ты опускаешь ту, что по цвету соответствует приглянувшемуся тебе кандидату, в корзину для голосования, а остальные кидаешь в кучу отвергнутых.

Ну так вот, когда я стал следить за подсчетом, тут-то все и пошло наперекосяк. Я-то видел, что творится: силвы своими заклинаниями меняли цвет раковин. Кандидатов было всего двое: Глок с пурпурными раковинами береговичка и Фроктор с розовыми стромбусами. Счетчики опрокидывали корзину на стол и видели перед собой в основном розовых стромбусов — раковины Фроктора. Только я один знал, что большая часть раковин — пурпурные береговички, которые бросили избиратели, поддерживающие Глока. Все они имели серебристый отлив — след силв-магии, которая заставляла их казаться счетчикам стромбусами. Даже мне раковины казались розоватыми, хоть я и мог ясно видеть, что это береговички. Силвы стояли вокруг и ухмылялись, глядя на обманутых их чарами счетчиков. Им и в голову не приходило, что в Маргреге найдется человек, обладающий Взглядом и способный вывести их на чистую воду.

Даже тогда я еще считал, что в жульничестве виноваты только Фроктор и его дружки. Я думал, что остальные силвы не

знают об обмане — ведь им результат чьих-то чар казался бы реальностью, верно? Я хочу сказать, что им береговички Глока и правда могли представляться стромбусами. Ну, короче говоря, я поднял шум. Я пожаловался действующему городскому голове, но тот обозвал меня лгуном. Только вот что-то в его манере сказало мне, что он с самого начала обо всем знал... Простой народ поверил мне, начались волнения, только ничего у нас не вышло. Власти даже расследование проводить не стали. Я по глупости отправился искать правду в Ступицу. Да, я был глуп, но уж очень мне было обидно. Это же были силвы! Они должны были быть лучше нас! Они были героями, перед которыми нам полагалось преклоняться! Не должны они были так поступать...

Мне было стыдно за них... Можешь ты такое понять? Я думал, мой долг гражданина отправиться в Ступицу и сообщить Совету, что за люди хозяйничают в Маргреге...

В Ступице меня назвали лжецом и подстрекателем. Мне велели отправляться домой и помалкивать. Только я не пожелал этого делать. Меня пытались подкупить, а я бросил деньги в лицо чиновнику. Я был в ужасе. Все, во что я верил, оказалось ложью.

Вантедж печально покачал головой; голос его прервался, и продолжать он не мог. Закончил за него Тор:

— В конце концов единственным способом заткнуть Вантеджу рот оказалось судить его как предателя, объявить его лжецом и возмутителем спокойствия. Против него выставили лжесвидетелей — сплошь силвов. Гражданства его лишили, лавку конфисковали. Вантедж был навсегда изгнан за то, что сказал правду.

Тор Райдер, говоря все это, пристально на меня смотрел, словно хотел понять, какое впечатление на меня произвела история Вантеджа. Я все еще не могла понять, зачем ему было нужно, чтобы я все это выслушала.

— В некоторых государствах его казнили бы и за меньшее, — сказала я Райдеру.

— Да, — печально согласился Вантедж. — Но ведь считается, что мы, хранители, лучше остальных. — Он сгорбился над своей кружкой и больше не поднимал глаз.

Мы с Тором Райдером вместе вышли от Вантеджа и направились к «Приюту пьянчуги». Моя рука все время лежала

на рукояти меча. Райдер, этот безмозглый идиот, все еще разгуливал безоружным; впрочем, вдвоем мы были грозной силой, слишком грозной для местных бандитов. Единственным, кто осмелился к нам приблизиться, оказался нищий, который, судя по вони, не мылся и не менял одежды несколько лет. Он пускал слюни и мычал, так что я решила, что это еще одна жертва политики большинства островных государств — выбрасывать своих безумцев и неизлечимо больных на косу Гортан. Райдер кинул монетку в протянутую руку нищего, и тот, хихикая, заковылял прочь.

По дороге я спросила Райдера, зачем он хотел, чтобы я встретилась с Вантеджем.

— Я предположил, что это может заставить тебя задуматься, — туманно ответил он.

Я удивилась еще больше:

— С какой стати такая история заставит меня задуматься? Вантедж не сообщил ничего, о чем бы я не знала раньше, по крайней мере в общих чертах.

Я искоса взглянула на Райдера и заметила печаль на его лице.

— Неужели подобное двоедушие тебя не смущает? — спросил он.

— С чего бы это? Меня ведь силвы обмануть не могут! Кроме того, в любом случае из силва получился бы лучший правитель, чем из Глока-портного. Дун-магам никогда не удавалось захватить власть на островах Хранителей, как это время от времени случается в других местах, — только потому, что правят там силвы. Что из того, что методы силвов бесчестны, — находясь у власти, они используют свои силы во благо. Существуют правила, ограничивающие использование силв-магии, и обычно они соблюдаются. Если бы Фроктор действовал в одиночку, его бы разоблачили и сурово наказали. Должно быть, он жульничал с ведома Совета.

Райдер посмотрел на меня странным взглядом. Я скорее интуитивно почувствовала, чем прочла на его лице разочарование. Мне это было все равно: я не просила его об одобрении.

Тор Райдер переменил тему и начал говорить о своих родных Разбросанных островах. Как оказалось, я однажды проезжала через маленький городок, где он родился, и мы поболта-

ли о том, каких вкусных жареных осьминогов там продают, и о трудностях судоходства в тех краях.

Распрощались мы в темном коридоре рядом с моей комнатой. Видеть Тора я не могла, но очень остро чувствовала его близость, его мужественность. Я почти ожидала, что он обнимет меня, как-то покажет, что был бы не прочь оказаться в моей постели, но ничего не произошло. Я сама не знала, разочарована я или просто страдаю от ущемленного самолюбия. Какая-то часть меня побаивалась Тора, его странного чувства юмора, сумрачной озабоченности, которую я читала в его синих глазах.

Он был загадкой, а загадки таят в себе опасность.

Всего через полчаса после того как я заснула, меня разбудил громкий стук в дверь.

Я вытащила из ножен меч, после чего отперла дверь — и увидела человека, которого совсем не ожидала увидеть, — Новисса. Может быть, правильнее было бы назвать его Рэнсомом Холсвудом. Он ввалился в мою комнату, трепыхаясь, как выброшенная на берег рыба.

— Пожалуйста, сделай что-нибудь! — запричитал он. — Флейм — она исчезла! Должно быть, с ней случилось что-то ужасное!

Я сунула меч в ножны: невозможно было вообразить, чтобы этот перепуганный мальчишка мог представлять для меня опасность.

— Не начать ли тебе сначала? — предложила я и закрыла за ним дверь.

— Она пошла в... — начал он, покраснел и наконец пробормотал что-то, чего я не расслышала.

— Что она сделала? — переспросила я, даже не пытаясь скрыть раздражение. В этом Новиссе-Рэнсоме было что-то, что действовало на меня, как красное на быка.

— Она... э-э... вышла. Пошла в... э-э... уборную. И не вернулась. Я... э-э... ее ждал. Мы были в моей комнате. Мы... э-э... разговаривали, знаешь ли.

— Ну да, я знаю. — Моего сухого тона он просто не заметил.

— Я пошел вниз, чтобы поискать ее, но ее нигде нет. Нигде! Ты должна что-нибудь сделать!

— О Великая Бездна, да ничего я не должна! Я же ей не нянька. Может, ей просто захотелось прогуляться. К утру вернется.

— Но она же сказала, что сразу вернется. — Новисс вцепился мне в руку. — Пожалуйста! Я не знаю, что делать.

Я вздохнула и решила не спрашивать, почему бы ему не поискать Флейм самому. Ответ был очевиден: он дрожал как лист перед возможностью снова стать мишенью дун-мага. Столь же ясен был и тот факт, что спать Новисс мне не даст, пока я не попытаюсь найти его сбежавшую возлюбленную; поэтому я сказала:

— Хорошо, хорошо. Я схожу вниз и посмотрю. Побудь здесь, пока я не вернусь. — Я нацепила меч, сунула ноги в сапоги и оставила мальчишку одного. Он все еще трепыхался от волнения.

Как только я вышла из задней двери гостиницы, на меня обрушилось зловоние дун-магии. Я предпочла бы наткнуться на ведро тухлой рыбы, чем вдыхать эту вонь. Однако осмотреть все было нужно. По утоптанной земле двора во все стороны тянулись мерзкие языки багрового свечения. Я уже решила было, что не сумею найти никаких указаний на то, что тут случилось, когда услышала какой-то шорох из сарая, где хранилось топливо — сушеные водоросли. Я вошла туда, держа в руке обнаженный клинок.

Танн и его облезлый любимчик свернулись на куче водорослей под одеялом, в котором было больше дыр, чем шерсти. Мальчишка зажимал рукой пасть пса, но при виде меня тот отчаянно завилял хвостом.

— Это я, Блейз, — сказала я Танну. — Я ищу цирказеанку. Ты ее не видел?

Глаза мальчишки были широко раскрыты от страха. Он кивнул и забормотал что-то, что почти невозможно было разобрать. Когда мне удалось его немного успокоить, речь его сделалась более разборчивой, но история, которую я услышала, приятнее от этого не стала.

Помесь собаки с ныряльщиком услышала шаги Флейм и разбудила Танна. Сарай, похоже, всегда служил местом его ночлега. Мальчишка посмотрел в щелку и увидел, как Флейм согнулась пополам, словно от ужасной боли («быдто в ейный жвот ткнули горячий вертл», как выразился Танн). Потом она

стала кататься по земле, прижав руки к животу. Танн уже собрался выйти, чтобы посмотреть, что с ней приключилось, когда заметил еще кого-то, кто прятался в темноте у стены. Было слишком темно, чтобы разглядеть человека как следует, но у Танна сложилось впечатление, что это был мужчина. Так или иначе, он не делал ничего — только смотрел, как Флейм корчится от боли. Наконец девушка перестала шевелиться, и тогда человек уволок ее в темноту. Оба они какое-то время пробыли там, но что человек делал с Флейм, Танн не видел (я подумала, что это, возможно, и к лучшему). Через несколько минут человек вышел со двора на улицу.

Танн подождал, пытаясь сообразить, что делать, но как раз когда он набрался храбрости подойти к Флейм, во двор вошли несколько человек, подняли ее и унесли. Через минуту или две Рэнсом («Новисс — тутошний крсавчик со щетками вкруг глаз») вышел во двор, держа в руке свечу. Он побывал в уборной, потом ушел обратно в дом, не заглянув в сарай.

Я не особенно радовалась, возвращаясь к Рэнсому.

Как только я открыла дверь, он вскочил с моей кровати.

— Ты ее нашла? — Он был ужасно обеспокоен, и надо признать, имел для того все основания. Он был беззащитен перед новым нападением дун-мага — теперь рядом не было никого, кто его исцелил бы. Впрочем, может быть, я думала о нем слишком плохо. Он казался искренне встревоженным судьбой Флейм. — С ней что-то случилось, да? — простонал он, снова хватая меня за руку. — Ты должна что-нибудь сделать!

— Можешь распрощаться с Флейм, — прямо сказала я ему. — Забудь о ней и как можно скорее отсюда уезжай.

— Я и хотел бы, но ни один корабль сейчас не выходит в море. Мы оба собирались... Пожалуйста, найди ее! У тебя есть меч, ты наемница. Тебе ничего не нужно бояться. Помоги ей!

— Почему, во имя всех рыб в море, я должна ей помогать? Я еле знакома с этой девицей! — Да и она не так уж торопилась мне помочь...

— Ты же тоже женщина. Разве ты не хочешь ей помочь? Она такая добрая, такая красивая... ничего не должно с ней случиться — она ведь спасла мне жизнь.

Я только заморгала, пораженная его своеобразной логикой.

— Ну и что? Может, тебе стоит помолиться.

— Как ты можешь быть такой бессердечной? Она говорила: все, что тебя интересует, — это деньги, и была совершенно права! Да ты к тому же, наверное, и воровка — она говорила, ты обыскала наши комнаты. — Откуда, черт побери, она узнала? Я могла бы поклясться, что не оставила следов. — Как можешь ты стоять здесь и позволить похитить ее или еще что-нибудь с ней совершить? Ее захватил этот негодяй дун-маг, да? — Новисс сглотнул и слезливо закончил: — Почему бы тебе ей не помочь? Она стоит шестерых таких, как ты! — Да уж, этот молодчик знал, как подольститься к девушке!·

Я попыталась вырвать руку из его хватки.

— Что ж, ладно! — воскликнул он, выпустил мою руку и принялся рыться в кошельке на поясе. — Если тебя интересуют только деньги, ты их получишь! Найди ее и верни мне целой и невредимой, и я заплачу тебе.

Ну, это уже было интересно...

— Сколько?

Он перестал рыться в кошельке.

— Сто сету.

— Этого недостаточно, раз тут замешан дун-маг.

Новисс с несчастным видом сглотнул и снова заглянул в кошелек, пересчитывая содержимое. Может быть, он и был влюблен в Флейм, но разориться ради нее он не собирался.

— Э-э... двести. Это все, что у меня есть.

Нетрудно было догадаться, что он лжет, но я согласилась на его условия. Я решила, что сделать Флейм своей должницей может оказаться выгодно: в конце концов, она была единственной ниточкой, которая вела к Деве Замка.

— Хорошо. Пусть будет двести. — Я извлекла из его кошелька монету в пятьдесят сету. — Пятьдесят вперед — и без возврата в случае неудачи. А теперь возвращайся в свою комнату, — посоветовала я, — и почитай свой молитвенник. Я сделаю все, что смогу, но молитва — единственное, что может спасти твою подружку.

Да помогут мне небеса, если он не покраснел! Тут я вспомнила, что менодиане — и братья, и сестры — должны были хранить чистоту и удовлетворять плотские желания только в браке. На мой взгляд, глупейшее правило...

Ну а Рэнсом Холсвуд определенно оказался не из числа праведников.

Глава 7

Я дала Танну монетку, чтобы он показал мне, где живут четверо подручных дун-мага. К счастью, мальчик слышал о Морде и остальных и знал, где их логово. Он отвел меня к облезлому строению на набережной рядом с главной пристанью.

В этот час на улицах было не слишком много народа, хотя из-за дверей таверн, игорных притонов и борделей доносился шум, свидетельствующий о том, что Гортанская Пристань и не думает затихать на ночь. Один раз нам пришлось прижаться к стене, чтобы не быть раздавленными морскими пони, на которых ехали двое вусмерть напившихся матросов. Огромные животные двигались на полной скорости, от усилия их сегменты щелкали, а дыхала свистели. Внезапно возникшие из тьмы, почти неуправляемые, они были не менее пугающими, чем морские драконы.

Как только Танн показал мне дом, я отправила его обратно в «Приют пьянчуги», и он не заставил меня повторять распоряжение дважды. Репутация Морда-убийцы была хорошо известна.

Строение было типичным для Гортанской Пристани — скоплением разномастных пристроек, похожим на построенный ребенком карточный домик. С одной стороны дом пьяно опирался на своего соседа, с другой нависал над водой, и его подпирали сваи. Здешние постройки не возникали по единому плану и сразу: они просто росли по мере того, как владельцам удавалось добыть строительный материал. Как ты, вероятно, помнишь, деревья на косе Гортан не росли. Впрочем, остров находился на пути Великого Летнего течения, омывающего Северные и Средние острова пять месяцев в году, и оно приносило плавник из этих более благодатных мест. Каждый кусок дерева, прибитый волнами к берегам косы Гортан, тут же кем-нибудь подбирался и использовался. Доски обшивки разбившегося корабля, часть причала с Калмента, дерево, смытое в половодье рекой на Цирказе, сломанный руль гондолы с островов Фен — кому какая разница... Все это было деревом — драгоценностью для жителей косы Гортан.

Жилище Морда от прочих строений этого квартала отличало одно: зловоние дун-магии окутывало его, как миазмы от полуразложившейся туши кита.

Я напрягла Взгляд, высматривая самые недавние следы дун-магии; вокруг одного из окон верхнего этажа тусклое багровое свечение оказалось наиболее ярким. Я не знала, конечно, там ли Флейм, но и где еще искать ее, не имела представления.

Рядом с домом никого видно не было, но иногда из ближайшей таверны вываливался кто-нибудь и начинал блевать или с пьяным смехом отправлялся искать новых развлечений. Я дождалась момента, когда все затихло, и вскарабкалась на крышу веранды, тянувшейся вдоль первого этажа. Неровно прибитые доски давали хорошую опору для ног, тем более что ловкости мне было не занимать.

В качестве черепицы крыша оказалась крыта плоскими раковинами, которые, конечно, не могли выдержать веса человеческого тела; они трескались и крошились под моими ногами, но балки все-таки, слава богам, не проломились. Я спугнула стайку птичек, устроившихся на ночь на карнизе, и они возбужденно зачирикали, подняв еще больший шум, чем треск раковин под моими ногами. Меня охватил страх. Я с яростью прошипела:

— Заткнитесь! Вы что, хотите, чтобы головорезы услышали?

Глупость, конечно, поскольку мой голос только увеличивал шум, но, как ни странно, он подействовал. Птички чудесным образом успокоились. Они по-прежнему жались друг к другу, и их глаза поблескивали в свете лун. По спине у меня побежали мурашки. Их молчание в ответ на мою мольбу казалось чем-то сверхъестественным.

Не менее странным было и то, что одна из птичек взлетела как раз к тому окну, которое было моей целью, и скрылась внутри.

Я забеспокоилась. Птичка? Уж не пользуются ли дун-маги помощью птиц? Мысль казалась смешной. Страх заставлял меня воображать всякую чепуху...

Я продолжала карабкаться.

Окно, когда я добралась до него, оказалось скрыто яростно сияющей завесой дун-магии. Смотреть и касаться ее мне

было отвратительно, хоть я и знала, что вреда она причинить мне не может. Птичка — та же самая? — сидела на подоконнике; перышки ее были темными, а размером она едва ли превосходила уличного воробья. В лунном свете невозможно было разглядеть никаких деталей — всего лишь комок перьев.

Я подтянулась, перекинула тело через подоконник и обнажила меч. Птичка даже не пошевелилась, когда я лезла мимо нее.

Флейм действительно оказалась там. Она стояла в темноте посередине комнаты. У меня за спиной чирикнула птичка.

— Блейз? — прошептала Флейм, словно не веря тому, что это и в самом деле я. Винить ее в том, что она изумилась, я не могла; что удивило меня саму, так это как она смогла меня узнать: в комнате было темно. — Что, ради всех богов, ты тут делаешь?

— Ах, я просто проходила мимо и решила заглянуть. Посмотреть, все ли у тебя в порядке, знаешь ли. Не могла бы ты с помощью силв-магии зажечь свет? Я ничего не вижу.

Флейм выполнила мою просьбу, и посередине помещения повис круглый серебристый огонек. Одно из самых полезных применений силв-магии, как я всегда считала. Я огляделась. Комната была грязна, как хлев. Мебель отсутствовала, а чтобы добраться сквозь слой мусора до досок пола, потребовался бы плуг. Свет вспугнул бесчисленных насекомых.

Потом я посмотрела на Флейм. Как я и ожидала, подонки ее изнасиловали: все признаки были налицо. Цирказеанка стояла неподвижно, лицо ее было покрыто синяками, руки бессильно повисли. На рваной одежде виднелись пятна крови. Физические повреждения она, должно быть, уже устранила с помощью своей магии, но есть вещи, от которых не так легко избавиться...

— Ох, дерьмо... — тихо сказала я.

Флейм опустила глаза:

— Да.

Неожиданно я остро почувствовала, что я тоже женщина. Мне хотелось прижать Флейм к себе и утешить, но я понимала, что момент для этого неподходящий. Мне было нужно, чтобы Флейм проявила силу, а не дала волю эмоциям.

— Что случилось? — спросила я.

— Кто-то неожиданно обрушил на меня дун-заклинание, когда я пошла в уборную. Не знаю, кто это был. До сих пор не знаю. Он скрывал свое лицо, даже когда... — Флейм сглотнула. — Он велел своим головорезам притащить меня сюда. Я была полностью под действием дун-магии и ничего не могла... Он так дьявольски силен, Блейз!

— М-м... Да, я знаю. Чего он от тебя хотел? — За исключением очевидного...

Флейм показала мне свою левую руку. На коже между запястьем и локтем с внутренней стороны виднелась отметина. Я присмотрелась и нахмурилась. Запах был ужасным: не просто запах разложения, а миазмы самого зла. Только на обычную язву, порожденную дун-магией, эта ранка не походила. Она была красной, а не гноящейся, и хотя мой Взгляд показывал мне скорее следы заклинания, чем физическую реальность, рука Флейм казалась распухшей и воспаленной. Один взгляд на ранку наполнил меня невыразимым отвращением.

— Что это? — прошептала я, боясь услышать ответ.

— Зараза. След заклятия превращения.

Я непонимающе смотрела на Флейм, пытаясь вспомнить, почему это выражение кажется таким знакомым.

— Заклинание должно превратить мою силу силва в дун-магию. Оно должно сделать меня добровольной помощницей этого гада, пешкой в его руках. Однако часть меня, глубоко внутри, всегда будет помнить, чем я была, хоть я и стану его дьявольской приспешницей. Ты понимаешь, Блейз? — Цирказеанка подняла глаза, и я прочла в них отчаяние. — Постепенно яд распространится по всему моему телу, и я стану такой же, как он. И сделать я ничего не могу. Он собирается заставить меня совершать невообразимые вещи для него, с ним вместе...

Меня затошнило, как будто вывернув наизнанку желудок, я смогла бы избавиться от того ужаса, который родили во мне слова Флейм. Нельзя, чтобы с ней такое случилось! Она этого не заслужила! Я вспомнила другое время, другое место... были похищены дети-силвы. Ходили слухи, что им тоже уготована такая судьба, — но тогда я успела вовремя. Я услышала собственный голос:

— Сопротивляйся.

— Неужели ты думаешь, что я не стараюсь? Но у меня ничего не выходит. Моя силв-магия бессильна против такой мощи. Через несколько дней ты не узнаешь меня, Блейз. О, выглядеть я буду по-прежнему, но буду способна убить тебя — медленно и мучительно — и еще смеяться при этом. А в глубине души я буду понимать, что делаю, но не смогу себя остановить...

— Я как-нибудь вытащу тебя отсюда.

— Как? Я не могу преодолеть магической преграды. Поверь, я пыталась. Да и какая разница? То, что происходит во мне, все равно произойдет, останусь ли я пленницей или выйду отсюда на свободу. — Флейм вцепилась мне в рукав. — Блейз, ты должна меня убить! Немедленно.

— Я...

— Ты должна! Разве ты не видишь? Ты должна. Прошу тебя! Прежде чем это завладеет мной...

Я сглотнула, снова чувствуя тошноту.

— Если ты не можешь, дай мне свой меч. Я сама...

Я вытаращила на Флейм глаза. Она была так прекрасна, так молода. По сравнению с ней я чувствовала себя столетней старухой. Я никогда еще никем не восхищалась так, как восхищалась Флейм в это мгновение, и никогда так не ненавидела дун-магию.

Наконец голос вернулся ко мне:

— Нет. Будь оно все проклято, нет! На этот раз они не выиграют. Послушай, Флейм, в порту стоит корабль с целой толпой хранителей на борту. Силв-магии там хватит, чтобы заполнить саму Великую Бездну. Все вместе они могут исцелить это... — Я показала на руку Флейм.

— Только станут ли? — В голосе девушки звучала горечь. — Они не слишком-то любят силвов, которые не являются хранителями.

— Дун-магов они ненавидят сильнее. Конечно, они захотят помешать тебе стать их врагом. Кроме того, для тебя есть еще один путь на свободу. Когда дун-маг умирает, вместе с ним умирают его заклинания.

— И кто же это ради меня его убьет? — просто спросила Флейм.

Я не спешила давать необдуманных обещаний: не так я была глупа.

— Хранители ведь охотятся за ним, — сказала я. — Приободрись, Флейм, надежда еще есть. Но первым делом нужно вызволить тебя отсюда. — Я огляделась, высматривая магические запоры, которые удерживали Флейм в незапертой комнате.

— Как тебе удалось меня найти? — с любопытством спросила цирказеанка, пока я изучала стены. Я почти физически ощущала усилия, которые требовались ей, чтобы говорить нормально.

— Твой дружок сообщил мне, что ты попала в беду.

— Мой дружок? Ах, Новисс! И ты просто отправилась ко мне на выручку? — В голосе Флейм прозвучало вежливое недоверие.

— Ну, не совсем... Он предложил мне плату.

Она склонила голову к плечу:

— Сколько ты с него взяла?

— Двести сету. Ты считаешь, что я продешевила?

Флейм задумалась:

— Двести сету — большая сумма. Впрочем, денег у него много.

— Что, ради всех богов, ты в нем нашла?

Она многозначительно улыбнулась — безусловный успех, если учесть, что она только что угодила в ад и еще не нашла дороги на свободу.

Я вытаращила глаза:

— В самом деле? Не слишком ли он юн, чтобы иметь... э-э... достаточный опыт?

Флейм небрежно взмахнула рукой:

— О, среди знати на островах Бетани существует любопытный обычай. Когда юноше или девушке исполняется шестнадцать лет, их отдают в обучение профессионалке или профессионалу. В течение двух месяцев их учат тому, как доставлять удовольствие партнеру.

Я заинтересовалась:

— Правда? Как-нибудь нужно будет попробовать в постели бетанского аристократа.

Флейм грустно улыбнулась.

— Новисс был моим первым возлюбленным, знаешь ли. Похоже, что он окажется и последним. — По крайней мере она не вспомнила о мерзавце — или мерзавцах, — изнасиловав-

ших ее. Она была сделана из очень крепкого материала, эта цирказеанка. И она была загадкой. Как удалось красотке, столь соблазнительной и желанной, так долго сохранять девственность? Может быть, она — одна из скрытых покрывалами, тщательно охраняемых знатных цирказеанских дам? И почему, разговаривая с ней, я испытывала такие странно противоречивые чувства? Иногда Флейм казалась умудренной жизнью, а иногда — наивной, как дитя.

Как раз когда я закончила осмотр комнаты, птичка вспорхнула с подоконника и опустилась на плечо Флейм. В свете огонька, созданного силв-магией, ее перышки стали радужно переливаться, и я поняла, что она того же вида — а может быть, и та же самая птичка? — что села на спинку стула в зале «Приюта пьянчуги». Флейм рассеянно погладила ее пальцем по головке, но поразило меня другое — поведение птички. Кончиком крылышка она погладила Флейм по щеке.

Это был такой человеческий жест — проявление любви, желания утешить... Должно быть, я разинула рот, потому что выражение лица Флейм изменилось: она смотрела на меня с вызовом, словно гадала, хватит ли у меня смелости заговорить об увиденном. Вот этого-то я сделать и не могла — не могла испытать на прочность ее самообладание, когда только сверхчеловеческое усилие помогало ей сохранять рассудок. Я спокойно сказала:

— Наш приятель-маг забыл наложить чары на потолок.

Флейм заставила себя проявить интерес:

— Правда? Но я все равно не дотянусь — слишком высоко.

— Да. Я проломлю потолок снаружи и вытащу тебя. Это самый легкий способ, мне кажется. Согласна?

Флейм кивнула.

Я встала на подоконник и вылезла на крышу второго этажа. Все те же хрупкие раковины... Проделать дыру оказалось легко. Я пробралась на чердак; балки угрожающе прогнулись под моим весом. Я проломила тонкие доски потолка в углу комнаты и взглянула в запрокинутое лицо Флейм... но тут балка не выдержала, и я свалилась вниз вместе с половиной потолка.

— Крыша и не выдержала бы веса нас обеих, — сообщила я Флейм довольно очевидный вывод. — Лучше всего тебе вылезти наружу, встав мне на плечи, а я потом снова воспользуюсь окном.

Она кивнула. В этот момент мы услышали шаги: кто-то поднимался по лестнице. Может быть, я и в самом деле немного слишком шумно обрушила потолок... Я схватила Флейм за ворот туники и резко притянула к себе:

— Теперь слушай меня, Флейм, и слушай внимательно. Если мне снова придется беспокоиться о том, что ты попадешь в руки дун-мага, мы с тобой обе покойницы. Ты должна отсюда смыться. Не обрекай меня на смерть своим благородством. Поверь, я могу о себе позаботиться. Поняла?

Она заколебалась всего на долю секунды, потом кивнула.

— Возвращайся в «Приют пьянчуги». Надеюсь, там они тебя искать не станут — ведь самое темное место под светильником. Жди меня там. Скажи Новиссу, чтобы он продолжал надоедать всем вопросами о том, что с тобой случилось, как будто ты так и не появлялась. — Прежде чем я успела договорить, Флейм с ловкостью акробатки вскарабкалась мне на плечи, ухватилась за балку, подтянулась и исчезла в дыре — за секунду до того, как дверь распахнулась.

По описанию Ниамора я узнала Морда: рыжеволосый убийца собственной персоной... Его брата Теффела с носом картошкой я встречала раньше. Оба — головорезы с сердцами акул. Их как будто не очень смутило исчезновение Флейм: должно быть, они полагали, что наложенное на нее заклятие все равно сделает ее покорной рабыней их господина. Их гораздо больше заинтересовало то обстоятельство, что им в руки попалась я; они, несомненно, решили, что в комнату я проникла через дыру в потолке, помогла Флейм сбежать, но сама оказалась в западне. Судя по ухмылке Теффела, он успел забыть, как ловко я управляюсь с мечом... а может быть, просто чувствовал себя увереннее в компании братца.

У них обоих были и мечи, и ножи. Теффел тут же воспользовался своим ножом и метнул его в меня. Обращаться с ножом он умел; только благодаря его глупости — он хотел обезоружить меня, а не убить — я сумела увернуться, хотя по руке мне он все же попал. Рана была легкой, но управляться с мечом мне стало труднее. У меня не оказалось времени на то, чтобы обдумать свою стратегию: Морд тоже кинул нож. Еще одна рана. Нож попал мне в бок, но нанес больше ущерба одежде, чем телу. Впрочем, кровь брызнула струей, и рана, должно быть, показалась Морду более тяжелой, чем была на самом

деле. Я вытащила из раны нож и выкинула его в окно — действие, которое должно было смутить моих противников: ножи на косе Гортан были большой ценностью, и их обычно не выбрасывали, особенно посреди схватки. Потом я прибегла к лицедейству в лучших традициях театра в Ступице: я притворилась, что нахожусь на пороге смерти. Меч в моей руке бессильно опустился...

Дурак Теффел купился на это. Хоть его брат и выкрикнул предостережение, он ринулся вперед, как разъяренный бык, и я прирезала его, как быка на бойне. Он умер с очень удивленным лицом, а потроха его вывалились на пол. Это сослужило мне плохую службу: я, как идиотка, вляпалась в них ногой, поскользнулась и свалилась чуть не под ноги Морду. Тот в ярости забыл, что имеет дело с женщиной, и ударил меня ногой в пах, полагая, что боль сделает меня беспомощной. Больно действительно было, но не настолько, чтобы помешать мне ухватить его за ногу и повалить в мешанину крови и дерьма. Я сразу же откатилась в сторону: никак не годилось вступать в рукопашную схватку с таким громилой. Я считала себя достаточно сильной, но никогда не забывала, что большинство мужчин грубой силой превосходит женщин.

Поднимаясь на ноги, я сумела нанести удар мечом ему в бедро, но раны он, похоже, даже не заметил: чем сильнее он ярился, тем меньше чувствовал. Он вскочил, размахивая мечом, и кинулся на меня. Я отбила его клинок, от удара металла о металл посыпались искры. Особым искусством Морд не отличался, но силы ему было не занимать. И ловок он был тоже... Я знала, что рано или поздно выиграю схватку, но сомневалась — располагаю ли временем. Шум мы подняли, как пара дерущихся морских львов, а падение Морда, должно быть, сотрясло весь дом.

Морд лягнул меня, целясь в лодыжку. Я воспользовалась тем, что это на мгновение отвлекло его, и концом клинка рассекла его руку чуть выше запястья; впрочем, меч он из-за этого не выронил. Морд кружил по комнате, выбирая позицию для атаки, и оказался спиной к окну. Тут я вспомнила о дунмагии: она все еще горела багровым пламенем вокруг окна. Я кинулась вперед, обрушив на Морда град ударов; ни один из них не был особенно опасным для него — моей целью было заставить его попятиться. Морд задел стену — и сразу ощутил

действие заклинания. Сила магии швырнула его вперед, на мой клинок. Что-то в выражении лица Морда изменилось: он догадался о западне.

Кончик моего меча танцевал в воздухе перед самым его носом, и он отбивался с отчаянием, которое вовсе не прибавляло ему искусства. И все же Морд, в отличие от своего дурака брата, не терял головы.

И тут случилось неожиданное. В окне позади Морда возникла темная тень, чья-то рука обвила шею Морда и резко рванула назад — прямо в середину магического узора. Морд выронил меч и завопил, но напавший на него стиснул ему горло, и он захлебнулся криком. Багровое сияние заструилось по коже Морда — зрелище можно было назвать даже красивым. Моих ноздрей коснулся запах горящей плоти.

— Мне кажется, ты его поджарил, — спокойно сказала я. Я не могла разглядеть человека в окне, но в том и не было необходимости. Я знала, кто это. И знала, что дун-магия так же не вредит ему, как и мне.

— Пожалуй, — ответил человек, и я действительно узнала глубокий голос. — Мне показалось, что ты уж очень долго с ним возишься, и я решил вмешаться.

Боги, а ведь у него и в самом деле есть чувство юмора...

— Ты не возражаешь, если я избавлю его от страданий?

— Пожалуйста, пожалуйста, — любезно ответил Тор Райдер.

Я убила Морда, и его тело соскользнуло на пол. Райдер, который довольно неустойчиво висел на окне, перекинул ногу через подоконник и уселся на нем.

— Ты выглядишь довольно окровавленной, — сказал он светским тоном. — Ты пострадала?

— Не особенно. — Я не была расположена к болтовне. — Сюда идут не слишком приятные типы. — Было слышно, как кто-то поднимается по лестнице, и зловоние дун-магии внезапно усилилось вдвое. Да, приближавшаяся личность определенно была неприятной, и к тому же, судя по шуму, ее сопровождало еще несколько человек. Какая-то часть меня хотела остаться, чтобы увидеть, кто же это сейчас ворвется в комнату; я испытывала искушение раз и навсегда разрешить проблему Флейм. Однако более разумная часть возобладала. Она всегда имела решающий голос. Я устала, раны мои болели, а Райдер — проклятие на его голову — был безоружен. Я

сунула меч в ножны, перевалилась через подоконник, повисла на руках и спрыгнула на крышу веранды. Еще несколько раковин треснуло. После того как я наконец отсюда смоюсь, хозяину дома придется изрядно потрудиться, чтобы крыша не текла.

Райдер спрыгнул следом за мной, и прежде чем я успела сделать еще шаг, ухватил меня за руку и потянул за угол.

— Сюда, — сказал он. — Лучше уходить по воде. — Времени на возражения он мне не дал, и через секунду мы уже барахтались в море.

Когда я, отплевываясь, вынырнула, мои мысли были заняты одним: водятся ли в окрестностях косы Гортан хищные рыбы, сразу приплывающие на кровь... Соленая вода жгла мои раны.

— Ты умеешь плавать, надеюсь? — спросил, поддерживая меня под локоть, Райдер.

— Ты выбрал очень удачный момент спросить об этом, Тор Райдер, — с сарказмом ответила я.

В лунном свете я разглядела его ухмылку и подумала, что впервые вижу, как он улыбается. Райдер наклонился ко мне и поцеловал в губы. Мокрый и соленый поцелуй оказался таким же дразнящим, как и неожиданным. Мне оставалось только молча поднять брови. Почему-то я не считала Райдера человеком, склонным к флирту в серьезные моменты, а через несколько секунд обнаружилось, что момент был-таки серьезным.

Удар дун-магии, свирепый и пылающий багровым пламенем, вспенил воду рядом с нами.

Впрочем, Райдера это обстоятельство, казалось, не особенно встревожило: Он спокойно спросил:

— Видишь ту лодку? Ту, что ближе всего к берегу? Сможешь ты доплыть до нее под водой?

Я присмотрелась. Вдоль берега покачивались на якорях несколько суденышек. Дальше в бухте виднелся ряд фонарей вышедших на ночной лов рыбаков, похожий на жемчужное ожерелье на черном бархате воды.

— Конечно.

— Как только он ударит еще раз, притворимся, что мы погибли. Ныряй и плыви к тому борту, что не виден с берега.

Я думала о том же. Дун-маг не видел, как мы выскочили в окно. Он мог подумать, что мы и проникли в дом, и смылись

через дыру в потолке, где не было магической преграды; значит, у него не было причины считать нас неуязвимыми для его заклинаний. Если хоть немного повезет, он даже может решить, что одна из нас — Флейм. В темноте было бы невозможно определить, что один из беглецов — мужчина.

Я кивнула Райдеру, и тут же на нас обрушился новый яростный удар магии. На этот раз маг не промахнулся, и я ушла под воду, притворяясь утонувшей — начала я плыть, только оказавшись на глубине.

Как ни странно, именно во время этого долгого и утомительного заплыва я вспомнила, где раньше слышала имя Рэнсома Холсвуда. Должно быть, помогло замечание Флейм об обычаях знати с островов Бетани. Холсвуды были правящей династией этих островов.

Я стала вспоминать, что сравнительно недавно слышала об этом семействе. Правитель имел двоих сыновей — Тагруса и Рэнсома. Наследником трона был Тагрус, а младший сын, Рэнсом, став менодианином, мечтал о сане патриарха. Когда же с Тагрусом случилось несчастье и он погиб, правитель велел Рэнсому выбросить из головы дурь и вести себя, как подобает наследному принцу, но тот отказался.

Похоже, мальчишка так и не выполнил требование отца и сбежал. Теперь он скрывается на косе Гортан под именем Новисса. Я подумала о том, что сказали бы на этот счет хранители...

Глава 8

Так где я остановилась?.. Ах да, я рассказывала тебе о нашем бегстве из дома дун-мага. Мы прыгнули в воду. Когда я вынырнула у борта рыбачьей лодки, Райдер был уже там. Суденышко оказалось маленьким, с каютой на носу, единственной мачтой и румпелем на корме.

— Ну наконец! Я уж думал, что ты утонула, — а ты, оказывается, умеешь задерживать дыхание, как тюлень.

— А что теперь? — спросила я. Удирать по воде была его идея. Вот пусть и думает, как нам выпутаться.

Райдер жестом попросил меня помолчать, и мы стали прислушиваться, нет ли за нами погони. В неподвижном воздухе звуки над водой разносились далеко: откуда-то с берега слышались звуки флейты и топот и крики пьяных танцоров. Я почти ожидала, что последуют новые магические удары, но ничего не произошло.

— Все равно нам лучше еще какое-то время оставаться в воде, — прошептал Райдер. — К счастью, акулы у здешних берегов не водятся. А потом мы влезем в лодку. Ты как себя чувствуешь?

Я отбросила с лица мокрые волосы и ухватилась за веревку, которая свисала с планшира.

— Прекрасно, как это ни странно. Ты искал меня? Или Флейм? И если ее, то почему? Как ты узнал, где нас найти? И вообще, черт возьми, кто ты такой?

— Мое имя ты уже знаешь и знаешь, что я с Разбросанных островов. Что еще я могу о себе сообщить? Что же касается сегодняшней ночи, меня разбудил шум, который поднял этот молодой дурак Новисс, когда ломился в твою дверь. Я подслушал ваш разговор, а потом последовал за тобой.

— Но почему? И почему ты вмешался в мою потасовку с Мордом?

— Почему бы и нет?

— Я не переводя дыхания могу назвать тебе два десятка причин, почему нет. И все они, будь я на твоем месте, показались бы мне вескими.

Тор сменил руку, которой держался за борт, и коснулся моей мокрой щеки.

— Можешь назвать это вожделением. По чисто корыстным причинам мне хотелось, чтобы этой ночью ты осталась в живых.

— Ты, должно быть, шутишь.

Он покачал головой:

— Нет. Занятие с тобой любовью — не такая вещь, которой я когда-нибудь стал бы шутить... Знаешь, твоя рана снова стала кровоточить. Давай я ее перевяжу. — Действуя одной рукой, Райдер снял с шеи черный платок и ловко и осторожно наложил повязку мне на предплечье. Я все еще пыталась разгадать загадку этого человека и ни к чему не могла прийти. Уж очень о многом он умалчивал.

— Ты выглядишь ужасно встревоженной, Блейз. Напрасно. Просто поверь в то, что у меня имеется личный интерес к тому, чтобы ты оставалась жива и здорова.

— Я хорошо справлялась и без твоей помощи, — сказала я, подумав про себя, что жизнь на косе Гортан сделалась однообразной: ни один из встреченных мной здесь людей не был тем, кем считался. У каждого оказывались секреты...

— Как твои успехи в поисках рабыни-цирказеанки? — переменил тему Райдер. Было слишком темно, чтобы по выражению его лица судить, как он воспринял мой отпор, но голос его звучал безмятежно.

— Пока неважно.

— Ты ведь ищешь вполне определенную девушку, верно? Дочь суверена Цирказе? Я слышал, что она исчезла. И ты решила, что Флейм — это, возможно, она и есть... или она что-то знает о Деве Замка.

— Откуда, черт побери, ты все это знаешь? Исчезновение Девы Замка Лиссал хранится в строгом секрете. И исчезла она всего два месяца назад. Меньше чем...

— О, я много чего слышу, — неопределенно ответил он. — Прежде чем приехать сюда, я был на островах Хранителей, а там я кое-кого знаю. Блейз, знаешь, девушка скорее всего сбежала. У нее для этого была причина. Безбожные лицемеры-хранители собирались продать ее этой мерзкой куче жира, властителю Брета. Он жесток и бесчестен, к тому же извращенец: заманивает в свои сети мальчиков, слишком юных для того, чтобы даже понять, что их ожидает... не говоря уже о том, что ему за пятьдесят.

К этому моменту от изумления челюсть у меня отвисла, как у идиотки. Как случилось, что все вдруг оказались так хорошо осведомлены в политике островных государств? Одно дело — услышать шепотки в трущобах столицы Цирказе, совсем другое — когда дворцовые тайны во всеуслышание обсуждаются на других островах.

— Предполагается, что все это никому не известно, — сказала я. — Так все-таки кто ты такой?

— Да ничего особенного я собой не представляю. Я просто держу уши открытыми, а затеи хранителей меня интересуют. Именно они вынудили правителя Цирказе согласиться на этот брак. Как бы мне хотелось знать почему... Ты, случайно, не...

— Нет, не знаю. Хранители не посвящают меня в свои секреты. — Да и то, что мне говорила Флейм, в полной мере не объясняло такого их интереса к брачному союзу между династиями разных островов.

Райдер печально покачал головой:

— Бедная девушка... разве удивительно, что она предпочла сбежать? Удивительно другое: что у нее хватило на это духу.

Кто-то с любопытством начал покусывать мои пальцы. Я раздраженно отдернула ногу, надеясь, что это всего лишь мальки.

— Она была глупа, — сказала я, — и попала в руки работорговцев почти сразу же. Ее ждала бы лучшая судьба, останься она дома.

— Если ты ее найдешь, ты и в самом деле собираешься вернуть ее в руки этих подонков?

— Мне обещали за девушку две тысячи сету. Конечно, я ее верну.

— Ты все еще работаешь на хранителей, верно?

— Ну и что, если работаю? — воинственно сказала я. Я была задета, иначе не проявила бы такой горячности. Потом, поморщившись, я сообразила, что веду себя не слишком умно. — Откуда ты знаешь? И что значит «все еще»?

— Я слышал о твоих прежних делах. Десять лет назад хранители посылали тебя на Малый Калмент, когда там началось восстание. Ты была тем самым агентом Совета, которому удалось спасти жизнь сыну владетеля, когда на его отряд напали. Я слышал, владетель предлагал тебе в награду гражданство, но ты его отвергла.

Кровь бросилась мне в лицо. О том случае я предпочитала не вспоминать. Я была так близка к выполнению своей мечты о драгоценной татуировке — тут-то и обнаружилось, что цена слишком для меня высока.

— К приманке была привязана веревочка, — нехотя ответила я и поежилась. Сначала вода казалась мне достаточно теплой, но теперь я начинала чувствовать холод.

Райдер сочувственно кивнул:

— Этот владетель Килп и в самом деле был редкостным подонком. В сделке с ним ты не могла не проиграть.

— Мы тогда были знакомы?

Мой вопрос, казалось, его позабавил.

— Не совсем. Впрочем, несколько раз мы с тобой почти повстречались. Я дважды видел тебя издали. Помнишь ущелье Джилли? Там был я.

Еще бы я не помнила! Это было одной из самых больших неудач в моей карьере: мне поручили поймать агента партизан, молодого человека по прозвищу Копье Калмента, который снабжал припасами и оружием восставших в городе Танта и передавал от них известия в горные крепости повстанцев. Я думала, что заманила своего противника в ловушку, но обнаружила, что меня перехитрили. Я с людьми, которых мне в помощь дал Датрик, устроила засаду на горном склоне, уверенная, что дичь окажется внизу, в ущелье, — и вдруг увидела силуэт Копья Калмента на противоположном склоне, вне досягаемости стрел. Он насмешливо помахал нам и скрылся в лабиринте скал.

— Великая Бездна! Так это был ты? И ты мне в этом признаешься? Разве ты не знаешь, что тебя все еще могут повесить за участие в восстании?

— Только на островах Калмент. Думаю, что хранители отдали бы меня в руки палача на Малом Калменте, если бы знали, кто я такой... но они не знают и никогда не знали.

— И ты так спокойно говоришь все это мне? Я ведь могу тебя сдать! Ты что, с ума сошел? — Я уже раздумывала, объявлена ли награда за его поимку. Мне и раньше случалось зарабатывать деньги, ловя беглецов.

— Меня часто считают сумасшедшим.

Этот человек снова и снова удивлял меня. Тот серьезный, неулыбчивый незнакомец, которого я увидела в зале гостиницы, оказался гораздо более сложной личностью, чем мне сначала показалось.

— Ты не замерзла еще? — спросил он. — Не хочешь залезть в лодку?

— Я могу подождать и еще немного, если ты думаешь, что так лучше.

Я вспомнила те полные опасности дни на Малом Калменте, когда моя изобретательность и мой меч противостояли отчаянию восставших крестьян, едва не победивших своих угнетателей. Мне тогда было всего двадцать, да и этот человек едва ли был старше меня больше чем на три-четыре года.

— Как тебя называли повстанцы? Не помню, чтобы я тогда слышала о Торе Райдере. И я всегда думала о человеке, который ушел от меня в ущелье Джилли, как о...

— Копье Калмента? Да, так меня и называли. — Райдер выглядел немного смущенным. — Я был тогда молод и склонен к театральности. Тор Райдер мое настоящее имя, то, которое я получил при рождении.

— Ты в самом деле был Копьем? — Я была поражена и не могла найти слов. Копье Калмента в тот год на Малом Калменте был для меня вызовом и постоянной головной болью. Я уж и не помню, сколько раз я думала, будто поймала его в ловушку, а ему снова и снова удавалось ускользнуть. Это стало для меня почти игрой, но только я проиграла. Я помогла подавить восстание, но Копье Калмента скрылся, и это было моей неудачей. Как ни странно, в конце концов я порадовалась своему проигрышу: владетель и его подручные оказались редкостными мерзавцами, а я не могла не восхищаться агентом повстанцев, за которым я гонялась по всему Малому Калменту, но так и не сумела поймать... или повстречать.

Тор Райдер заметил, что я улыбаюсь воспоминаниям.

— Странно мы тогда развлекались, верно? В те дни мы были моложе.

А ведь перемены в нем произошли не только из-за возраста... Копье Калмента никогда не расставался с мечом за поясом и луком за плечом. Теперь же Тор Райдер появлялся в самых опасных притонах Гортанской Пристани без оружия.

Он проплыл вдоль борта и выглянул из-за кормы.

— Не может быть, чтобы он все еще ждал, не выплывем ли мы. — Тор, конечно, имел в виду дун-мага. — Давай заберемся в лодку, пока мы совсем не замерзли. — Он подтянулся и перелез через борт, потом помог мне перевалиться через планшир. Лодка опасно закачалась, но с берега этого, похоже, не заметили.

Суденышко оказалось вполне симпатичным. Маленькая каюта давала укрытие, да к тому же в ней обнаружилась мягкая подстилка. Тор Райдер отвязал веревку, которой лодка крепилась к бую, и поднял парус.

— Мы что, украдем лодку?

— Ну, это не такое уж большое преступление. Я подумал, что доплыть до рыбачьего причала безопаснее, чем идти по ули-

цам. Лодку можно оставить там, а потом я заплачу смотрителю, чтобы он вернул ее законному владельцу... Если, конечно, ты хочешь вернуться в гостиницу.

Я подумала о Флейм и той мерзкой заразе, что распространялась по ее телу...

— Да, хочу.

Тор поднял глаза на парус, но тот вяло висел у нас над головами.

— Боюсь, что прямо сейчас мы никуда не поплывем. Ветра нету. — Он оглянулся на меня. Большая из лун поднялась высоко, и теперь я могла видеть Тора более отчетливо. Его синие глаза снова были серьезны, но я удивилась себе: как это раньше я не замечала веселых морщинок в уголках... Может быть, Райдер и не относился к жизни так же легко, как Ниамор, но он вовсе не был лишен чувства юмора.

— Ты лучше сняла бы мокрую одежду, — посоветовал Тор. — Вон одеяло, завернись в него. Оно с виду достаточно чистое.

Я кивнула, но не двинулась с места.

— Почему ты так уверен в том, что я не выдам тебя хранителям?

— После всех наших приключений? Ты, конечно, на многое пойдешь ради денег, но если только за прошедшие годы ты не переменилась очень сильно, ты не сделаешь такой мелкой гадости.

— Мелкой? Может быть, за твою голову все еще назначена награда, которую не назовешь «мелкой».

— Возможно. Я этим никогда не интересовался. Но я все-таки не думаю, что ты попытаешься эти деньги получить. Кто угодно, только не ты.

— Ты говоришь так, словно думаешь, будто хорошо меня знаешь.

— Конечно, знаю — или по крайней мере знал. Всегда полезно знать своего врага. Единственное, чего я не знал о тебе в те дни, — это как ты красива на близком расстоянии.

— Это Флейм красива. Я всего лишь велика.

— Ты великолепна, — просто сказал Тор. — Я люблю крупных женщин. Я и сам не маленький.

Ниамор тоже назвал меня великолепной, но мне почему-то больше понравилось, как это сказал Тор.

— Ты глупец, Тор Райдер. Люди меняются.

Я сидела на банке посередине лодки, и с меня все еще стекали струйки воды. Заметив, что я дрожу, Тор подошел ко мне и начал расстегивать мою тунику. Я не воспротивилась. Он осторожно стащил рукав с моей раненой руки, потом с другой, и я оказалась нагой по пояс. Рана в боку больше не кровоточила. К счастью, нож не проник глубоко и причинил мне мало вреда. Тор накинул одеяло мне на плечи, потом опустился передо мной на колени.

— Да, люди меняются. Но ты изменилась не так уж сильно. Тогда, на Малом Калменте, я чувствовал странное родство с тобой, как будто мы одной породы, хоть и сражаемся на противоположных сторонах. Я почувствовал это снова, когда мы с тобой столкнулись у двери Новисса.

Он положил правую руку мне на ладонь — палец к пальцу. Двое обладающих Взглядом узнали друг друга. Одна порода... Я вспомнила свои чувства по отношению к Копью Калмента. Да, между нами существовало странное ощущение товарищества, хоть мы и делали все возможное, чтобы друг друга убить. Только это не имело никакого отношения к тому, что мы будто бы одной породы. Тор Райдер и я были тайменем и неркой: родственные виды, но плавающие в разных водах.

Тор переплел пальцы с моими.

— Имей в виду, Блейз: если мы сейчас совершим естественный шаг дальше, ты никогда не сможешь уйти не оглядываясь, как смогла бы уйти от кого-нибудь вроде Ниамора. — Великая Бездна, было ли хоть что-то, чего он не знал бы? — Полюби меня сейчас, и между нами возникнут узы, которые сохранятся навсегда.

Я знала, что он прав.

Я поежилась, испытывая и страх, и желание. Думаю, я видела перед собой горести, как видел и он.

— Это было бы безумием, — сказала я.

— Да, — согласился Тор.

Лодка застыла неподвижно на гладкой поверхности моря. Фонари ведущих лов суденышек чертили золотые дорожки на воде, которая казалась такой плотной, что по ней можно было бы пройти, не замочив ног. Мне трудно было поверить, что мы и в самом деле ведем подобный разговор...

Я протянула руку и стала расстегивать его тунику. Мои глаза застилал туман — а ведь я никогда не плакала.

— Не будет наша любовь стоить той боли, которую принесет с собой, — прошептала я.

— Нет, будет, — возразил Тор.

И оказался прав.

Легкий ветерок наполнил парус, и я встрепенулась в объятиях Тора. Меня обвивали сильные, нежные руки любящего мужчины. Руки Тора Райдера. Я прошептала это имя, пробуя, как оно будет звучать в моих устах, наслаждаясь богатством звуков...

— М-м?.. — Голос Тора был лаской.

— Все в порядке. Я просто хотела услышать твое имя. — За одну ночь я стала другим человеком. Не то чтобы я влюбилась — скорее я училась любить. Я, которая за свои тридцать лет никогда никого не любила...

Тор Райдер с Разбросанных островов, в прошлом повстанец и враг. Обладающий Взглядом. Возлюбленный. Человек, слишком прямой и честный для меня.

И цирказеанка Флейм, женщина-сестра. Силв. Та, кого я хотела бы назвать другом. Девушка, мужество которой вызывало во мне восхищение и заставляло стыдиться, потому что, приглядевшись к собственным поступкам, я начинала видеть то, чего не хотела замечать.

Я почувствовала, как меня окатила волна мучительной неуверенности. Что я делаю? Ни одна из этих зарождающихся привязанностей не обещала мне легкой жизни. И почему Тор? Почему не Ниамор, который наверняка мне ближе по характеру? Я подумала об этом темноглазом островитянине: озабоченный собственным благополучием, добрый и мягкий, только когда это было удобно ему самому. Человек, который скорее посмеялся бы над жизнью, чем озаботился ее улучшением ради других. Вместе с Ниамором я могла бы веселиться, искать удовольствий, на время забыть свои тревоги, как делала раньше с другими, на него похожими... так почему не Ниамор?

В глубине души я, конечно, знала ответ. Выбери я Ниамора, мне всегда чего-то не хватало бы. При всем нашем сходстве я никогда не чувствовала бы себя чем-то с ним связанной, никогда не ощущала бы, что мы одной породы. В наших отно-

шениях отсутствовала бы глубина... как это всегда случалось в прошлом со всеми остальными. А вот Тор... Тор предлагал мне нечто совершенно новое и основательное.

Но даже несмотря на это, какая-то часть меня сопротивлялась. Любовь бросала вызов некоторым вещам, определявшим все мое существование, и я не была уверена, что готова признать это. Другими словами, все произошло слишком уж внезапно.

Я предпочла уснуть, чтобы избавиться от неприятных мыслей.

Когда я проснулась, Тора рядом не оказалось. Подняв голову, я увидела, что он неподвижно сидит на корме, устремив вдаль невидящий взгляд; все его внимание было сосредоточено на чем-то глубоко внутри, куда я последовать за ним не могла. Он ушел от меня так же далеко, как если бы покинул лодку.

Я ощутила леденящий холод.

Отвернувшись от Тора, я стала смотреть в сторону берега. Лодку вынесло в море, и мы оказались среди занятых ловом рыбаков. Теперь, когда небо посветлело, огни фонарей сделались тусклыми. Золотые дорожки на воде исчезли. Я слышала голоса и смех рыбаков, выбирающих сети. Я легла и стала смотреть на вырисовывающуюся на фоне предрассветного неба мачту. На рее сидела птица, слишком маленькая, чтобы быть чайкой или бакланом. Я взглянула на нее с тревогой: она походила на любимицу Флейм. Интересно, давно ли она тут сидит... Птичка склонила головку набок, и я вдруг остро осознала свою наготу и поспешно натянула на себя одеяло.

— Проваливай! — бросила я. — Отправляйся и доложи ей, что со мной все в порядке.

Если бы я не была уверена в невозможности такого, я сказала бы, что она засмеялась, прежде чем улететь.

Тор очнулся от своей задумчивости, хоть лицо его все еще оставалось бесстрастной маской.

— Ты всегда разговариваешь с птицами? — спросил он, и в голосе его прозвучало любопытство и легкая насмешка.

— Нет, только иногда. И как ни странно, они, похоже, понимают... иногда. Тор!

— Да, любовь моя!

Боги, что за трепет родили во мне эти слова!

— Кто ты?

— Скиталец без собственного дома и без особого богатства. В настоящее время нанялся нянькой. — Он вернулся в каюту и обнял меня, снова сделавшись моим.

— Нянькой?

— Вроде того. Только младенец не догадывается, что я за ним присматриваю.

— Младенец — это Рэнсом Холсвуд?

— Ах, так ты знаешь его настоящее имя? Да, это он и есть, престолонаследник островов Бетани. Иногда такой безмозглый... Я до сих пор не могу понять, о чем он думал, отправляясь на косу Гортан. Наверное, он видел себя менодианским миссионером, героически несущим веру здешним безбожникам. Только после пары попыток, кончившихся весьма печально, он теперь так перепуган, что способен лишь сидеть в «Приюте пьянчуги» и жалеть себя. К тому времени, когда корабли смогут покидать Гортанскую Пристань, я, может быть, сумею убедить его, что пора вернуться домой.

— Ты выполняешь поручение правителя Бетани?

— В определенном смысле, — равнодушно ответил Тор. Слишком равнодушно... — Отец не хочет вынуждать его вернуться: это только обидело бы мальчишку. С другой стороны, он не желает, чтобы с сыном что-то случилось, вот и послал меня присмотреть за ним. Это было нетрудно, пока Рэнсом находился на островах Хранителей, но не так просто здесь.

Тор лгал или по крайней мере говорил не всю правду, это было мне ясно. Я слишком хорошо знала Тора... Мы только что повстречались, но кое-что в нем я понимала так же хорошо, как понимала себя...

Теперь, когда слова Тора освежили мою память, я вспомнила, что, по слухам, правитель Бетани шумно возмущался нежеланием сына выполнять свой монарший долг. Правитель Бетани был не более мягкосердечным отцом, чем суверен Цирказе.

Наверное, мне следовало возмутиться тем, что Тор мне лжет, но почему-то это меня не встревожило. Я, которая никогда полностью не доверяла никому, Тору поверила сразу. Его ложь, казалось, не имела значения. Было похоже на то, что любовь заменила усвоенную мной от рождения осторожность

на безрассудное пренебрежение даже элементарной осмотрительностью.

Любовь всех нас лишает разума...

— Где же справедливость, Тор, — сказала я. — Ты собираешься вернуть беглого наследника престола домой, но возражаешь против того, чтобы я сделала то же самое с беглянкой — Девой Замка, которая тоже является престолонаследницей.

Тор перекатился на живот и потерся носом о мою грудь.

— Разница большая. Лиссал, вернувшись домой, станет пешкой в руках хранителей и узницей отвратительного извращенца. Рэнсом — другое дело. Он хочет стать менодианским патриархом, но всем, кроме него самого, совершенно ясно, что к подобной роли он непригоден. Я очень надеюсь, что теперь, увидев, как живут безбожники на косе Гортан, он тоже это поймет. — Тор ухмыльнулся. — Гортанская Пристань стала для Рэнсома Холсвуда ужасным шоком.

— Вот уж не думала, что тебя так заинтересует возвращение царственной заблудшей овцы в наследственный хлев. Разве целью восстания на Калменте была не замена монархии властью народа?

— Ты прекрасно знаешь, что это упрощение. Впрочем, с тех времен я стал умереннее. Я больше не считаю, что восстание может решить проблему. Перемены произойдут сами собой, если только хранители перестанут во имя свободы с помощью силв-магии поддерживать тиранов. Рэнсом — менодианин. Менодиане недолюбливают хранителей и их замашки, и когда Рэнсом станет правителем, для Бетани появится надежда, особенно если найдется учитель-патриарх, который сумеет избавить мальчишку от заскоков.

Я поежилась:

— Ты так ненавидишь хранителей?

— Я вовсе не испытываю к ним ненависти. Я просто думаю, что существует лучший способ править островами, чем та система, которую они всем навязывают. В случае Бетани правитель-менодианин окажется изменением к лучшему.

Тор говорил почти равнодушно, но что-то в его словах — или в том, о чем он умалчивал, — заставило меня похолодеть. Я поспешила сменить тему: существовали тропы, по которым лучше не ходить... Может быть, это было трусостью, но мне

вовсе не хотелось начинать споры о политике, когда мы только сделали первый шаг друг к другу.

— Почему на Рэнсома напал дун-маг?

— Наверняка я не знаю. Причина может быть просто в том, что он — менодианин. Или в том, что Рэнсом — бестактный идиот, выпаливающий первое, что придет в голову, не думая о том, не задевает ли он чьих-то чувств. Возможно, этот дун-маг — мелочный садист. Мне кажется, он наслаждается, причиняя боль. А кто больше подходит на роль жертвы, чем менодианин? Рэнсом слишком напоказ выставлял свое благочестие, по крайней мере пока не повстречал прелестную Флейм. — Тор насмешливо улыбнулся. — С тех пор, правда, молитвы несколько потеряли свое значение. Что касается похищения Флейм, то это могло быть просто местью за исцеление Рэнсома. Дун-маги терпеть не могут, когда им противодействуют, и, мне кажется, он быстро понял, кто виноват в его неудаче.

— Ты хоть догадываешься, кто это может быть?

— Нет. Маг слишком ловок. Хранители ведь тоже его ищут, мне кажется?

— Думаю, да. Маг, обладающий такой силой, для них опасен. Только в свои планы они меня не посвящают.

Тор повернулся, подпер голову рукой и посмотрел на меня.

— Зачем ты работаешь на них, Блейз? — Меня поразило, каким серьезным стал его голос. Сейчас передо мной был тот человек, которого я увидела в зале гостиницы в день своего приезда: человек, который находит мало забавного в жизненных реалиях. — Они не стоят твоих усилий. Хранители так чертовски высокомерны! Они сами назначили себя опекунами Райских островов, но кто сказал, что нам нужны опекуны? Они полагают, что их образ жизни — лучший из возможных, и даже не догадываются о его пороках. Ты жила на островах Хранителей, ты должна знать, на что это похоже. Если ты силв и хранитель по рождению, тогда у тебя есть богатство и власть, но да поможет тебе Бог, если ты простой крестьянин и магическим даром не обладаешь. О, я знаю: они твердят, что кто угодно может править, и приводят в доказательство выборы, но ты же слышала рассказ Вантеджа. Разве ты встречала хоть одного советника, который не был бы силвом? Ты не сможешь стать даже деревенским старостой, если не владеешь силв-магией. Стоит не-силву выставить свою кандидатуру, как он неизмен-

но проигрывает, что и случилось с другом Вантеджа. И при этом обычно так и не узнает, в чем было дело. Но мы-то с тобой знаем, правда, Блейз? Ты, я, Вантедж знаем, потому что можем видеть их заклинания. Мы можем видеть магию, которой они пользуются, чтобы обеспечить себе победу на выборах, выгодную сделку, нужное судебное решение. Силвы правят и богатеют; простой народ нищает и с каждым днем имеет все меньше власти. Такова система, которую силвы-хранители представляют остальным островам как само совершенство. Разве не кричат они о ней как об олицетворении равенства, свободы и порядка? А? — Тор едва не плюнул от отвращения.

— Это только одна сторона медали, — возразила я. — Ты не замечаешь того, чего им удалось добиться на островах Хранителей: построить прекрасные города, создать систему каботажного и речного транспорта, проложить мощеные дороги, открыть школы, типографии, больницы. Под покровительством богатых расцветает искусство — литература, драма, поэзия, живопись. Жить в таком городе, как Ступица, — чудо из чудес...

— Знала бы ты, каково живется в столице беднякам, — желчно возразил мне Тор.

— А я знаю, — ответила я не менее ядовито. — Только если у тебя есть напористость, ты можешь выкарабкаться. Удалось же это мне.

— Только потому, что ты обладаешь Взглядом. Без этого ты вполне могла бы голодать в сточной канаве, потому что хранители просто не позволили бы тебе выкарабкаться. Да и даже теперь нельзя сказать, чтобы ты вошла в элиту. Блейз, неужели ты не видишь, что они собой представляют? Неужели не видишь, как хранители пытаются нами манипулировать? Ну да, не сомневаюсь: ты будешь говорить, что они много сделали для стабильности на всех Райских островах, — только какой ценой? Мы все начинаем от них зависеть. А если кто-то из нас сделает шаг в сторону, того хранители растопчут, как водоросль, выброшенную на берег.

Когда островитяне с архипелага Ксолкас посмели купить пшеницу не на островах Хранителей, а на Бетани, где она была дешевле, хранители их разорили: они целых три года скупали все гуано, добытое на архипелаге, — это основной товар, экспортируемый Ксолкасом, — а потом разом выбросили его на

рынок, сбив цены так, что у производителей его никто не покупал. А потом хранители скупили всю собственность на архипелаге Ксолкас. Его жители теперь в экономическом отношении рабы Ступицы. Это только один пример того, что случается с людьми, рассердившими хранителей. Блейз, — повторил Тор, — эти люди не стоят твоей преданности.

— Тор, — спокойно ответила я, — я служу им не потому, что они достойные люди, или потому, что их цели благородны. Я служу им потому, что только так могу рассчитывать на получение гражданства. Острова Хранителей единственное место — кроме косы Гортан и других подобных дыр, — где я хотя бы на полузаконных основаниях могу получить работу. Ты не представляешь себе, что значит быть недочеловеком. Быть ничем просто из-за случайности рождения. Быть презираемой и гонимой, потому что ты — полукровка. Меня оскорбляли, насиловали, били и грабили только потому, что я — полукровка. Кроме хранителей единственными, кто терпел меня, были менодиане, но они учили меня, что следует страдать с покорностью, чтобы найти воздаяние в потустороннем мире. Мне этого мало.

Выход же в этом мире — вообще хоть что-то реальное — предложили мне только хранители. О, я знаю, что добросердечие тут ни при чем: они просто хотели извлечь для себя пользу из моего дара: среди самих хранителей обладающие Взглядом встречаются редко. Да и вообще им было удобно иметь агента, которого можно посылать на другие острова. Если бы я натворила глупостей, никто не мог бы упрекнуть хранителей: вся вина лежала бы на не имеющей гражданства полукровке. Я знаю, что нужна им. И знаю, что они меня используют, но за свои услуги я беру с них деньги. Может быть, участие в подавлении восстания на Малом Калменте и было ошибкой с моей стороны — хотя в те дни особо выбирать я не могла, — но в остальном моя служба хранителям шла на пользу всем. Я помогла очистить от скверны Фис на Бетани — там было логово дун-магов, как ты, может быть, помнишь. Я прикончила колдуна, который захватил власть в Порфе на Мекате. Пять лет назад я была среди тех, кто положил конец работорговле между косой Гортан и архипелагом Ксолкас. И это я обнаружила школу на Мекате, где дун-маги готовили себе

пополнение. Я выследила похитителей детей-силвов и вернула малышей — дун-маги хотели превратить их в себе подобных.

Пока я работаю на Совет, я могу — пусть и неофициально — жить на островах Хранителей; имея деньги, я могу купить там себе безопасность и покой. Благодаря деньгам, своему калментскому мечу и Взгляду я наконец начала пользоваться уважением. Может быть, на меня и косятся, но по крайней мере никто больше не плюется при одном взгляде на меня. Так что не проси меня отвернуться от хранителей и стать благородной, Тор. Я не могу так поступить. Я не могу лишиться всего, что заработала тяжким трудом.

— Ты считаешь меня самодовольным дураком.

— Примерно так.

— Ну да... Прости меня. Такому, как я, легко поучать: мне все давалось легче. Мне просто противно видеть, как ты работаешь на этих силвов-хранителей. Они же акулы с холодными глазами.

— Не так уж они плохи.

— Они гораздо опаснее, чем ты думаешь. Знаешь что, Блейз... Выходи за меня замуж.

— Что?! — Я не знала, то ли смеяться, то ли изумляться.

— Выходи за меня замуж. У меня на Разбросанных островах есть влиятельные друзья. Может быть, благодаря женитьбе я смогу обеспечить тебе гражданство. Ты ведь наполовину южанка. Попытаться можно.

Мой смех грозил закончиться слезами. В этом предложении руки и сердца романтики не было, но Тор говорил всерьез, и не только потому, что хотел обеспечить мне гражданство. Я покачала головой:

— Тор Райдер, ты что, с луны свалился? Никто никогда не женится на полукровках.

— Ну, закон такого не запрещает.

— Хоть и не запрещает, все равно это большая глупость. Супруга-полукровка — тяжкий груз. И ты должен знать, что существуют... существуют и другие причины, почему из полукровки получается плохая жена... а муж-полукровка — еще хуже.

— Дерьмо. — На лице Тора была написана черная ярость. — Эти подонки сделали тебя бесплодной?

Вместо ответа я спустила одеяло с плеча и показала ему грубо выжженное у меня на лопатке клеймо — отметину, говорящую о том, что со мной сотворили. Глубокий отпечаток с годами расплылся, но символ все равно читался ясно: пустой треугольник, знак бесплодия.

— Это сделали с тобой хранители? — Голос Тора даже охрип от гнева.

Я кивнула:

— Не сделали бы они, сделал бы кто-нибудь другой. — Столько раз за все эти годы в стольких государствах заставляли меня показывать клеймо — доказательство моей ущербности, моей неспособности иметь детей... Это случалось так часто, что даже перестало задевать. Такова была просто одна из сторон жизни полукровки. Впрочем, теперь немногие решались требовать от меня подобного доказательства — калментский меч и выражение моих глаз намекали на неразумность излишнего любопытства. — Я пожала плечами и добавила: — Ни на одном из Райских островов не стали бы терпеть полукровок, способных продолжить род. За исключением рожденных в царствующих семьях, конечно.

Мне было тринадцать, когда доктора-хранители привязали меня к столу... В полубессознательном состоянии, разрываемая на части болью, я перестала быть тем, чем была от природы: грубые руки вложили в меня ядовитые листья, которые выжгли мою утробу. Многие девочки не выживали после такой операции. Может быть, мальчикам-полукровкам везло больше... хоть для них результат был еще более жестоким, они по крайней мере не умирали.

А потом, когда я уже думала, что вынесла все предназначенные мне мучения, те же мерзкие руки перевернули меня на живот и заклеймили раскаленным железом — я до сих пор помню тусклый красный треугольник... до сих пор помню запах собственной горящей плоти. Да, я все помню.

— Менодиане уже многие годы пытаются добиться запрета подобного зверства, — сквозь зубы сказал Тор. — Я думал, больше так уже не делают.

— Официально, может быть, и не делают. Но всегда найдутся фанатики, которые не посмотрят на запрет закона, — пожала я плечами. — Я по крайней мере выжила. И теперь могу не беспокоиться о том, что мои дети-полукровки будут стра-

дать так же, как страдала я... Но позволить тебе жениться на мне я не могу, Тор.

— Я не потому просил тебя выйти за меня замуж, что хочу иметь от тебя детей. Я сделал это потому, что люблю тебя.

Я разинула рот. Мы с ним не говорили о любви — сама идея казалась смешной... слишком быстро все происходило. Не таким я была человеком — да и он тоже. Наконец я сказала:

— Ты знаком со мной всего один день... даже меньше. По-настоящему мы узнали друг друга всего час или два назад.

— Я знаю тебя всю жизнь. Ты — моя вторая половинка. — Тор никогда еще не был так серьезен — и я никогда не могла бы любить его сильнее, чем в эту минуту. — Подумай. Обещай, что подумаешь о моем предложении.

— Да, — прошептала я. — Да... я... подумаю... — Обещание целой жизни с ним рядом было великолепным пиршеством для меня, которая всю жизнь голодала. Невозможно... Как можно сомневаться?..

Парус захлопал: наконец поднялся ветер. Тор вылез из каюты, чтобы одеться и направить лодку к рыбачьему причалу.

Глава 9

К тому времени, когда мы добрались до «Приюта пьянчуги», было уже совсем светло. Я надеялась, что нам удалось вернуться никем не замеченными, но кто мог знать это наверняка?

Тор проскользнул в комнату Рэнсома, чтобы проверить, все ли у того в порядке. Юноша спал, сжимая в руках молитвенник. Я отправилась проведать Флейм; цирказеанка лежала на постели, глядя в потолок. Промелькнувшее на ее лице выражение облегчения было единственным указанием на то, что она беспокоилась обо мне. Я оценила ее сдержанность. Меня всегда раздражали люди, чересчур горячо выражающие свои чувства. Я знала, что Флейм обо мне тревожилась, и знала, что она мне благодарна. Говорить об этом было излишне.

Флейм не спала и, похоже, спать не собиралась. Я села рядом и взяла ее за руку:

— Как ты себя чувствуешь?

— Стараюсь не думать о том, как эти подонки осквернили мое тело. С этим я справлюсь. И физические повреждения я залечу... но не это. — Она кивнула на свою руку. — Всего несколько дней, Блейз, а потом... потом дело зайдет слишком далеко, чтобы можно было надеяться на исцеление.

— Я повидаюсь с хранителями сразу же, как только приведу себя в порядок. — По правде говоря, ночь выдалась не из легких, и мне хотелось бы поспать.

Выражение лица Флейм было грустным.

— Будь осторожна, Блейз. Этот маг злобен, ничего человеческого в нем нет. Он наслаждался болью, которую причинял мне. Ему нравится мучить. Он с наслаждением наблюдал, как остальные издевались надо мной. — На мгновение Флейм умолкла; глаза ее потемнели от ужасных воспоминаний. Потом она прошептала: — Тебя ведь тоже насиловали, верно?

Я кивнула.

— Я поняла это по твоим глазам, когда ты появилась в той комнате. Ты знала. Ты читала в моей душе с пониманием и сочувствием... это мне помогло. Ты ничего не сказала, но каким-то образом дала понять, что случившееся значения не имеет.

— Действительно, не имеет — как только все позади... а ты осталась в живых. Ты не виновата — мерзость творили другие. Не знаю, поможет ли это тебе, но двое подручных мага мертвы — рыжий громила и его брат, тот, что с носом картошкой. — Менодиане сказали бы, что истинное правосудие за такие преступления — в руках Бога, а не человека и что месть вредит душе того, кто мстит. Они ошибаются. Я по собственному опыту знаю, каким катарсисом может оказаться убийство. Я лишилась последних крох невинности, когда вонзила нож в подлеца, изнасиловавшего ребенка, которым я до этого еще оставалась... но во снах он мне не являлся. Он был мертв, а я продолжала жить.

Флейм поняла, что я имела в виду, и мрачно улыбнулась:

— Я рада. Только я об этом уже знала — мне сообщил Руарт.

Я взглянула на окно. Оно было открыто — и на подоконнике сидело несколько птичек. Они чистили перышки, которые в утреннем свете радужно переливались. По лиловой грудке каждой птички тянулась красная полоса, похожая на орден-

ские ленты, которые носят придворные на Брете или Бетани. Я с трудом преодолела недоверие.

— Э-э... которая из них он?

На этот раз улыбка Флейм была живой и искренней; она напомнила мне о девушке, которой Флейм была еще только вчера. Цирказеанка повернулась к окну:

— Тот, что слева.

— Я не могу их различить. Ты со всеми ними можешь разговаривать?

Флейм с трудом переключила внимание со своих страхов на меня.

— Да, только, конечно, с представителями данного вида, а не с птицами вообще. Эти птички понимают нас. А их язык — смесь движений, поз, песен. Его можно выучить, если хватит терпения.

Я с сомнением посмотрела на птиц:

— А они не будут против?

— Ты же мой друг, — ответила Флейм, как будто этим все объяснялось.

Она стала дышать ровнее, и мне хотелось отвлечь ее мысли от того, что с ней случилось, так что я сказала:

— Расскажи мне о них.

Флейм ответила не сразу. Она посмотрела на птиц, и хотя ничего не сказала вслух, было ясно, что она спрашивает у них разрешения рассказать мне их историю. По-видимому, разрешение она получила, потому что через минуту или две заговорила:

— Они — жители Дастел... точнее, их потомки. Ты знаешь об этих островах?

Я кивнула. К югу от Разбросанных островов из воды выступали рифы, которые теперь называли Глубоководными. Когда-то это была цепь коралловых островов, называвшихся Дастелами. Жили там типичные южане: смуглые и темноволосые, с синими глазами. Однажды там началась свара между претендентами на престол, в которую вмешался дун-маг по имени Мортред Безумный. Он попытался захватить власть и сделать жителей своими рабами, но те воспротивились. Среди них было много силвов и обладающих Взглядом, так что какое-то время им удавалось одерживать победы. Легенда гласит, что в своем безумии Мортред решил им отомстить: погрузил острова в морскую пучину, так что жители утонули. Все, что осталось от

Дастел, было теперь всего лишь рифами, вблизи которых хорошо ловилась рыба, но плавать было небезопасно. Сам же Мортред исчез. Ходили слухи, что он истратил слишком много сил и в результате его магические способности иссякли.

Эта история не была полностью вымышленной: среди стариков еще много оставалось таких, чьи родители хорошо знали самые южные из Райских островов. Дастелы когда-то существовали, в этом не было сомнений. На Разбросанных островах даже сохранились небольшие общины потомков тех жителей Дастел, которые в момент катастрофы находились в других местах. Никто не оспаривал тот факт, что острова ушли под воду, но причина этого — дун-магия или какой-то естественный процесс — все еще вызывала споры.

— Я думала, что единственные дастелцы — это те, кто теперь живет на Разбросанных островах, — с сомнением сказала я. — И они — люди.

— Нет, — возразила Флейм. — Погружая острова в море, Мортред превратил их жителей в птиц — этих самых птиц. Его заклятие оставляло им обычный человеческий век и человеческий разум. Он хотел, чтобы они мучились воспоминаниями о том, кем были и что потеряли. Мортред не желал, чтобы смерть слишком быстро избавляла их от страданий, — он предпочитает, чтобы его жертвы оставались в живых.

Только с островитянами он просчитался. Они сумели примириться со своей судьбой. Может быть, их потомки и мечтают о том, чтобы вернуть себе человеческий облик, но нельзя сказать, чтобы жизнь их была беспросветной. Они думают, что Мортред когда-нибудь снова появится и тогда им удастся заставить его снять заклятие.

Я была изумлена.

— Снова появится? Разве не был бы он теперь довольно старым?

— Если бы он умер, разве его чары не рассеялись бы? Острова Дастел снова появились бы на поверхности, хоть и пострадавшие от морской воды, но настоящие острова, а не рифы. Птицы-дастелцы сделались бы людьми. Ничего этого до сих пор не случилось, потому что Мортред все еще жив. Недаром говорят, что дун-маги не стареют так же, как обычные люди. Птицы-дастелцы верят, что рано или поздно магическая сила вернется к Мортреду и он снова попытается захватить власть

над какими-нибудь островами. Тогда-то они его и найдут. — Флейм помолчала, дав мне возможность осознать всю важность услышанного. — Мортред был очень силен, — продолжала она задумчиво. — Его заклинание против островов Дастел действует уже почти столетие. Для заклинания это очень долгий срок.

Мы посмотрели друг на друга; она могла бы и не произносить следующих слов — я и так поняла, о чем она думает:

— Дун-маг, напавший на меня, тоже очень силен.

— Великая Бездна, Флейм!.. Даже если предположить, будто это один и тот же человек, — а я в это не поверю ни на минуту, — что тут можно сделать? Что дун-магу — прости меня, Руарт, — какая-то птичья стая?

— Дастелцев гораздо больше, чем одна стая. И многие из них обладают даром силвов — или Взглядом. Разве ты не обратила внимание на то, что Руарт беспрепятственно пролетал в окно, защищенное дун-магией? — Об этом я не подумала... Вот дуреха! Я сидела на краю кровати и выглядела, должно быть, так, словно меня шлепнули мокрой рыбиной. До сих пор я все-таки в душе не верила в птиц с человеческим разумом и человеческими умениями. Но спорить с очевидными доказательствами было невозможно: ни одно живое существо, не обладающее Взглядом, не смогло бы преодолеть созданное магией препятствие. Птицы и звери Взглядом не обладали — это был чисто человеческий дар.

— Нет, не может быть, — возразила я. — Подожди-ка... Если Руарт обладает Взглядом, его нельзя было превратить в птицу: дун-магия на него не подействовала бы.

Флейм печально улыбнулась.

— Когда Мортред своим колдовством погрузил острова в море, все их жители, обладающие Взглядом, погибли. Все до одного. Они утонули, потому что не превратились в птиц и не могли улететь. Именно невосприимчивость к магии их и погубила. Обычные островитяне и силвы птицами стали. Руарт и остальные — их потомки. И его родители, и родители родителей были птицами, но прадеды были птицами, в которых превратились люди. На теперешних дастелцев, обладающих Взглядом, магия не действует так же, как на тебя, но против старого заклинания, которое существовало, когда они были еще зародышами в яйцах, задолго до того, как у них появился Взгляд, они бессильны.

— Значит, среди птиц-дастелцев все еще рождаются силвы и обладающие Взглядом?

Флейм кивнула:

— Ты же знаешь, что такое Взгляд. Он просто вдруг появляется у детей в семьях, где раньше ничего такого не было. А вот дар силва часто передается по наследству, и тот факт, что родители теперь птицы, а не люди, ничего не меняет.

Теперь я все поняла и кивнула, сдаваясь.

— Ты бы познакомила меня с ними, Флейм.

Она поманила одну из птиц, и та вспорхнула с подоконника и села Флейм на руку.

— Блейз, это сир-Руарт Виндрайдер. Руарт, это сир-Блейз. — Не имеющие гражданства не обладали правом на приставку «сир», но мне все равно было приятно, что Флейм так меня назвала. Руарт серьезно кивнул и посмотрел на меня одним темно-синим глазом. В утреннем свете перышки на его плечах отливали голубым.

— Как поживаешь? — вежливо сказала я. — Мне очень жаль, что я не понимаю твоего языка. — Я посмотрела на Флейм. — Может быть, если Руарт не возражает, ты мне о нем расскажешь?

Флейм кивнула:

— Руарту двадцать два года. Он происходит из княжеского рода и приходится праправнуком последнему правителю Дастел — человеку. Мы более или менее вместе росли. Он вывелся в гнезде, которое располагалось в нише стены у моего окна, — так я с ним и познакомилась. Его мать имеет дар силва. Она любила меня, как родную дочь. — Флейм печально опустила глаза. — Руарт очень огорчен тем, что сегодня со мной случилось. Он чувствует себя... бессильным, а такое ему очень трудно вынести.

Ее слова говорили о переживаниях слишком мучительных, чтобы о них думать. Я видела, как привязана Флейм к Руарту, но их отношения казались мне странными и заставляли меня чувствовать неловкость.

— Новисс о нем знает? — спросила я.

Флейм помотала головой:

— Никто не знает, кроме тебя. Я никогда никому этой тайны не открывала. Мы притворяемся, будто Руарт — просто

ручная птичка. Очень многим известно, что дастелцы превратились в птиц, но почти никто не знает, что эти птицы сохранили разум. И еще меньше тех, кому известно, что и их потомки разумны.

А я, значит, оказалась в числе этих избранных. Я склонила голову перед Руартом, благодаря за оказанную мне честь. Руарт ответил мне поклоном.

— Это ты прилетал на лодку, Руарт? — спросила я и покраснела.

Тогда я и узнала, как выглядит птица-дастелец, когда ухмыляется.

Прежде чем уйти в свою комнату, я поговорила с Тором и Рэнсомом. Я хотела сделать так, чтобы о возвращении Флейм в «Приют пьянчуги» никто не знал. Мы условились, что Рэнсом по-прежнему будет выражать беспокойство по поводу исчезновения девушки, а мы все тайком будем приносить ей еду. Рэнсом, конечно, впал в панику. Теперь, когда дун-магия грозила заразить Флейм своей скверной, было мало надежды на то, что цирказеанка поможет ему в случае нового нападения. Я не могла не восхититься искусством, с которым Тор успокоил мальчишку. Этот мой возлюбленный был втрое терпеливее меня. Он не только заставил Рэнсома успокоиться, но и напомнил ему о его религии, вовсю цитируя тексты из молитвенника, так что в конце концов тот слушал его, как оракула. Наследник оставался все таким же доверчивым: ему и в голову не пришло задаться вопросом, с чего бы это Тору так о нем заботиться. Я едва не пожалела мальчишку — Тор Райдер был не менее изобретателен, чем я сама.

Когда я наконец оказалась в своей комнате, одного взгляда в ручное зеркальце было достаточно, чтобы я решила вымыть голову, перед тем как отправиться на корабль хранителей. Датрик придавал внешности большое значение и просто не стал бы слушать меня, если бы я появилась перед ним, похожая на жертву кораблекрушения. В таз из раковины тридакны много воды налить было нельзя, а колодезная вода в кувшине была такой жесткой, что мыло в ней не мылилось. Кроме того, служанка предупредила меня, что содержимого кувшина мне должно хватить на три дня. Я махнула на это рукой и

смыла соль с волос, дважды наполнив раковину тридакны до краев...

Конечно, и речи не могло идти о том, чтобы выстирать одежду. Стиркой на косе Гортан занимались только в сезон дождей, а в это время года воду приходилось экономить. Я надела чистую одежду, а прежнюю, грязную и окровавленную, повесила на окно сушиться. Остатком воды из кувшина я промыла свои раны и смазала их снадобьем, приобретенным в Ступице. Это была дорогая мазь, потому что делали ее только на Мекате: особый лишайник и пепел целебной коры добавлялись в мед, собранный пчелами с определенного растения. Мазь хорошо помогала, и я всегда возила с собой баночку с тех пор, как на собственном опыте узнала, чем может кончиться нагноение. Длинный шрам на ноге всегда напоминал мне об этом: небольшая царапина, которую я заработала, когда в шторм на корабле напоролась на рог нарвала, едва не стоила мне жизни.

Я уже надевала портупею, собираясь уходить, когда раздался стук в дверь. Я подумала, что это Тор, и пригласила его войти, но это оказалась беременная женщина с корабля хранителей.

Я порылась в памяти и вспомнила ее имя.

— Приветствую тебя, сир-Маллани. Не ожидала тебя увидеть.

Она выглядела смущенной; значит, ее ко мне прислал не Датрик...

— Блейз... Я не была уверена, что ты меня помнишь.

— Ну как же! — На самом деле она была права: в прошлом мы нечасто имели дело друг с другом. Маллани однажды помогла мне выполнить задание Датрика, оставаясь вежливой и сдержанной, — такие качества обычно не особенно запоминаются. Может быть, ее выделяло только нежелание пользоваться магией для того, чтобы улучшить свою внешность. Не прибегла она к иллюзии и сейчас: я не видела в ней ни следа серебристого сияния. Это всегда меня интриговало: Маллани не была красива, хотя ее лицо несло отпечаток сильного характера. Ей было около тридцати, и раньше она была поджарой и гибкой; теперь же Маллани напоминала наполненный ветром парус — устремленный вперед, но еле выдерживающий давление.

Я застегнула пряжку портупеи и потянулась за поясом, на котором висел кошелек.

— Я как раз собиралась отправляться на «Гордость хранителей», чтобы повидаться с Датриком. Чем я могу быть тебе полезна, сир-силв?

— Э-э... я не знаю, как сказать... — Я отложила пояс: стало ясно, что разговор потребует времени. — Я хочу, чтобы ты при помощи своего Взгляда определила, обладает ли мой младенец даром силва.

Я почувствовала облегчение. Дело было простым. Никаких ловушек, никакой опасности — легкий заработок.

— Пожалуйста. За плату, конечно. Пошли кого-нибудь за мной, как только твой ребенок родится. Судя по твоему виду, это может случиться в любой момент.

Я ожидала, что она поинтересуется ценой. Вместо этого Маллани сказала:

— Мы можем в любой момент сняться с якоря, да и ты, возможно, окажешься занята... Не могла бы ты определить это сейчас?

Я заколебалась, глядя на ее выпирающий живот.

— Не знаю... Даже ты сама сейчас не выглядишь силвом — ты ведь давно не прибегала к магии, верно?

— Верно. Мне говорили, что во время беременности этого лучше избегать. Магия требует много сил, а значит, вредит ребенку. — Маллани отвела глаза, едва не плача.

Я подавила вздох.

— Ты лучше расскажи мне все. Что за спешка? И что тебя тревожит? Все женщины с островов Хранителей, имеющие магический дар, всегда рождают детей-силвов. — Вспомнив о матери Руарта, я мысленно уточнила: «Или детей, обладающих Взглядом».

— Да, потому что и их мужья — силвы. Мой муж к ним не принадлежит.

Вот теперь я вспомнила о скандале, связанном с ее замужеством. Она была первой из служащих Совета, кто нарушил традицию и выбрал себе супруга не из своей среды. Закон такое не запрещал, но те силвы, кто хотел сделать карьеру, никогда себе такого не позволяли.

Маллани, запинаясь, пробормотала:

— Некоторые говорят, что мой ребенок силвом не будет. Я никогда о подобном не слышала, но все равно тревожно... И еще мне говорили, что если младенец окажется лишен магического дара, мне придется его отдать на воспитание, если я хочу оставаться на службе Совету.

— Это представляется очень жестоким.

— Так и есть, — всхлипнула Маллани, на мгновение потеряв самообладание. — Это идея советника Датрика. Он говорит, что мне придется так много ухаживать за малышом, если он окажется не-силвом, что я не смогу выполнять свои обязанности.

Я фыркнула:

— Он просто мстит тебе за то, что ты пренебрегла силвами и вышла за обычного человека. — Я никогда не питала иллюзий насчет мотивов, которыми руководствовался Датрик.

Маллани не посмела вслух согласиться со мной и сказала:

— Ожидание просто убивает меня... Мне очень нужно знать, и неизвестно, когда еще я встречу кого-то, обладающего Взглядом.

— Ну, таких много.

— Может быть, но как я их узнаю? Эти люди предпочитают не докладывать силвам о своих способностях. Блейз, не могла бы ты попытаться? Мне говорили, что младенцы пахнут магией...

— Это правда. Все маленькие дети-силвы так и благоухают. Но я никогда не пробовала принюхиваться к тем, кто еще в утробе матери.

— Прошу тебя!

Я пожала плечами:

— Хорошо. Только обещать тебе я ничего не могу. И еще: давай договоримся о цене. — Я показала на стену, за которой была соседняя комната. — Там находится девушка, на которую дун-маг наложил заклятие превращения. Она нуждается в помощи.

Глаза Маллани широко раскрылись.

— Ты хочешь, чтобы я ее излечила? Я... я не могу. Я не смею и приблизиться к дун-магии — ведь я же беременна. — Маллани в ужасе попятилась от стены — бесполезная предосторожность, поскольку вся моя комната была размером с корабель-

ный карцер. — В любом случае одному силву такое не под силу. Ей нужна помощь нескольких человек.

Я вздохнула. Ничего другого я и не ожидала.

— Тогда с тебя пять сету.

Я ожидала, что она начнет торговаться — цену за такую маленькую услугу я назначила огромную, — но Маллани порылась в кошельке и положила монету рядом с тазом-раковиной.

— Как ты собираешься это сделать?

— Может быть, лучше всего тебе снять тунику и лечь. — Маллани сделала, как я сказала, и обнажила живот. Я оглядела ее. Она казалась огромной, как кит. — Когда тебе рожать?

— Скоро. Через несколько дней.

Я обошла вокруг, рассматривая Маллани со всех сторон, потом коснулась ее живота. Младенец зашевелился, и я почувствовала рукой слабый удар, словно малыш рвался на свободу из своей темницы. Меня охватила нежность, изумление перед этим чудом. Меня всегда возмущало, что мне отказано в выборе — иметь или не иметь ребенка, — но это чувство было лишь отблеском вечной ярости, ярости из-за того, что я — полукровка. Теперь же впервые в жизни я почувствовала что-то еще — боль, сожаление о несбыточном. У меня никогда не будет малыша...

Я поспешно отдернула руку, удивляясь собственной ранимости.

Маллани умоляюще посмотрела на меня; в глазах ее было отчаяние. Ей было мало просто родить ребенка — еще было нужно, чтобы он оказался силвом. Я ровным голосом сказала:

— Мне очень жаль, сир-силв. Я просто ничего не могу определить. Я не чувствую никакой силв-магии, но, возможно, дело в том, что твоя собственная плоть заслоняет малыша. Нужно дождаться, когда он родится. Дай мне знать, и я приду к тебе.

Маллани кивнула, поднялась с постели и натянула тунику, но что-то в ее глазах умерло.

— Спасибо, что попыталась.

Я чуть не промолчала, чуть не позволила моменту уйти... Это было не мое дело, но что-то заставило меня сказать:

— Случаются и худшие несчастья, чем рождение младенца — не-силва.

Маллани оглянулась на меня, и через мгновение в ее глазах отразилось понимание.

— Ты бесплодна... Они лишили тебя возможности иметь детей.

Я кивнула.

— Это... это... — Она умолкла, понимая, что сказать ей нечего. А может быть, в глубине души она считала, что полукровкам и не следует иметь детей...

— Каково это — быть силвом? — неожиданно спросила я. Мне всегда хотелось владеть силв-магией, но главным образом из-за того, что тогда я получила бы гражданство. Я никогда на самом деле не задумывалась о том, каково быть силвом. Иметь такую силу... Мечтать, конечно, было бессмысленно: ты или рождаешься силвом, или нет.

Маллани отнеслась к моему вопросу серьезно.

— Это чудесно. Я обожаю возможность исцелять. Когда я бываю в Ступице, я помогаю в больнице, в детском отделении...

— Вы заставляете людей платить за свои услуги.

Она удивленно взглянула на меня:

— Никто не работает бесплатно, Блейз. Ты же тоже берешь деньги.

— Не каждому по карману заплатить за помощь силва.

— Это не нами заведено. Я делаю что могу, но ведь мне тоже нужно есть.

— А как насчет других ваших способностей? Умения создавать иллюзии, заставлять людей верить в то, чего на самом деле нет?

Теперь уже она была настороже.

— Обладать подобной силой — огромная ответственность, и только тем, кто берет ее на себя, дозволяется использовать силв-магию. Существуют законы, определяющие, что нам позволено. Очень строгие законы. И наказание за их нарушение очень суровое: виновного лишают его дара.

Я привела ей матросскую поговорку: «Капитан правит кораблем, но кто правит капитаном?» — только Маллани не поняла, что я хочу этим сказать. Ей никогда не приходило в голову, что деятельность самого Совета нуждается в проверке. Я про себя вздохнула, удивляясь сама себе. Совсем недавно я

защищала хранителей перед Тором Райдером; теперь же я повторяла его доводы хранительнице.

— Ладно, забудь, — сказала я Маллани. — Все это не имеет значения.

Мы спустились вниз, обмениваясь любезностями. Маллани пообещала поговорить с Датриком насчет Флейм, если он отмахнется от моей просьбы о помощи. Я пообещала ей определить, силв ли ее ребенок, как только тот родится, не требуя новой платы. У дверей гостиницы мы расстались. Ей еще нужно было выполнить несколько поручений, прежде чем вернуться на корабль, а я хотела поговорить с Танном. В душе я надеялась, что больше Маллани не увижу. Я была почти уверена, что, будь ее неродившийся ребенок силвом, я уже почувствовала бы это, и мне вовсе не хотелось оказаться той, кто сообщит ей новости, которых она не хотела бы услышать.

От «Приюта пьянчуги» до порта, где у причала все еще стояла «Гордость хранителей», было совсем недалеко. Я не думала, что мне может грозить опасность: я все еще надеялась, что о моем участии в делах Рэнсома и Флейм никому не известно, а дун-маг не знает о том, что я обладаю Взглядом и что это я спасла Флейм.

Никакие предчувствия меня не мучили. Я чувствовала себя счастливой. Если бы не беда с Флейм, я даже была бы весела; но и тут я была уверена, что смогу привлечь на помощь хранителей и что они сумеют исцелить Флейм. На самом деле я, которая так гордилась своей хитростью и ловкостью, оказалась ужасно непредусмотрительной. Может быть, в этом была виновата усталость: той ночью я почти не спала.

Я не сразу отправилась в порт. Сначала я узнала у Танна, где живет Ниамор. К счастью, мальчишке это было известно. Для существа, которое почти никогда не разговаривало, Танн знал удивительно много. Он сообщил мне, что жилище Ниамора расположено на втором этаже дома на набережной.

Когда я вышла из гостиницы, все лавки были открыты: на косе Гортан утро было временем, когда хозяйки покупали рыбу. Прилавки были завалены свежими дарами моря: рыбачьи лодки как раз вернулись с ночного лова. Что было для меня даже еще более удачно, на улицах появились торговцы, продававшие поджаренные на кострах из водорослей кусочки тун-

ца, нанизанные на длинные косточки ската. Я купила две порции и съела пахнущую дымом нежную мякоть по дороге к причалу; под ногами у меня скрипела вездесущая рыбья чешуя.

Благодаря указаниям Танна я легко нашла жилище Ниамора; он оказался дома. Более того, он даже еще не встал, когда я постучала в дверь: в Гортанской Пристани дельцы вроде него ложились поздно и спали долго.

Сначала Ниамор ворчал, но, увидев меня, проявил всяческое гостеприимство. Он любезно пригласил меня сесть и, пока я оглядывалась, отправился за напитками. Комнаты Ниамора были единственным удобным жилищем, которое я видела в Гортанской Пристани. Они были просторными, чистыми и хорошо обставленными. Ниамор знал, как о себе позаботиться.

— Удалось тебе найти свою рабыню? — спросил он, протягивая мне кружку из моржового клыка с каким-то горячим напитком: это оказался крепкий отвар из водорослей, который я пробовала еще в свои прежние приезды на косу Гортан. Алкоголя в нем не было, но сильный и приятный запах хорошо прочищал мозги.

Я сдержала свое нетерпение. Для разговора с Датриком в качестве рычага, приманки или взятки мне требовалась вся информация, какую только удалось бы откопать. В ответ на вопрос Ниамора я покачала головой.

— Я собиралась задать тебе тот же вопрос.

Он тоже покачал головой.

— Я спрашивал всех, кого только мог, и все в один голос твердят, что на косе Гортан нет рабыни-цирказеанки. Если кто-нибудь скажет тебе другое, значит, этот человек не знает, о чем говорит.

Я вздохнула:

— Что ж поделаешь... Плохо, а? А как насчет дун-мага? Удалось тебе вычислить, кто бы это мог быть?

— Я составил список всех, кто был тогда в зале «Приюта пьянчуги», но большую часть пришлось вычеркнуть. Я все еще проверяю оставшихся — выясняю, давно ли они появились на острове. Только ты же знаешь, что собой представляет коса Гортан: люди появляются и исчезают, как молоки в воде в сезон нереста, и никто их даже не замечает. Я дам тебе знать, как

только приду к какому-нибудь выводу, но это имя дорого тебе обойдется, милая моя Блейз. Впрочем, ты можешь расплатиться и не деньгами... и авансом, если пожелаешь.

Ниамор склонил голову набок и улыбнулся мне своей обаятельной улыбкой. Еще накануне я бы согласилась, но не теперь. Мое прежнее влечение к Ниамору растаяло так же быстро, как исчезает яркая окраска морской звезды, оставленной на солнце.

Я в смущении откашлялась, хорошо понимая, что раньше мое поведение говорило о другом.

— Очень жаль... В настоящий момент мне... некогда. И вот что, Ниамор: будь очень, очень осторожен. Если до этого мерзавца дойдет малейший слух о том, что ты делаешь...

— Не беспокойся, островитянин, которого ты видишь перед собой, очень хорошо умеет заботиться о своей шкуре... Кстати, ты слышала, что случилось прошлой ночью?

— Насчет исчезновения цирказеанки? Да, слышала. — Я допила питье и встала. — Ее смазливенький дружок уже всем уши прожужжал. Смешной дурачок — разбудил меня посреди ночи, а теперь пристает ко всем, чтобы на поиски отправили целый отряд. Думает, верно, что он все еще на законопослушных Средних островах.

— Я же говорил тебе, что долго на свободе она не останется, — пожал плечами Ниамор, провожая меня до двери. — Но я имел в виду другое. Насчет цирказеанки я еще ничего не слышал. На рассвете я повстречал ужасно рассвирепевшего Домино — вроде бы кто-то прошлой ночью прикончил и Морда, и Теффела. Мечом. Домино в ярости: такие вещи он принимает очень близко к сердцу. Может быть, не только мне следует проявлять осторожность. — Ниамор склонил голову и коснулся губами моей щеки. — Береги себя, моя прекрасная головешка.

Он распахнул передо мной дверь, и я вышла.

Только до корабля хранителей я не добралась.

Они ждали меня у дома Ниамора... и на этот раз никакой возможности выхватить меч у меня не оказалось. Я только и услышала, что тихие шаги за спиной, только и увидела, что тень руки с дубинкой, поднятой над моей головой... Я попыталась обернуться... но было слишком поздно.

Глава 10

Меня привела в чувство боль.

Я была распялена, как рыба, вялящаяся на солнце: запястья и щиколотки привязаны к вбитым в песок кольям, веревка вокруг шеи, тоже привязанная к кольям, задушила бы меня при малейшей попытке поднять голову. Я находилась на залитом солнцем пляже; под собой я чувствовала утоптанный песок и высохшие водоросли. Волны прилива набегали на берег в двух шагах от моих ног. Одежды на мне не было, и голова у меня раскалывалась от боли. И можно было не сомневаться в том, что худшее еще впереди.

— Она приходит в себя.

Злобная радость, прозвучавшая в этих тихо сказанных словах, заставила меня замереть от ужаса. Голоса я не узнала. Видеть говорившего я тоже не могла: он стоял где-то выше по берегу, вне моего поля зрения. Хоть я и могла слегка поворачивать голову, веревка не давала мне оглянуться. Я знала, что это должен быть сам дун-маг: зловоние было таким сильным, что едва не заставило меня закашляться.

— Считайте, что вам повезло: я очень рассердился бы, если бы она умерла. Бить человека по голове — рискованный способ лишить его способности сопротивляться. Будьте добры запомнить это на будущее.

Двух других мужчин, тех, к кому он обращался, я могла видеть. Оба они были низкорослыми. Одного я помнила: в день моего приезда он обедал в «Приюте пьянчуги». Жилистый тип с морщинистым лицом... Сикл-палач. Полукровка, как и я, с невероятным сочетанием светлых глаз уроженца Калмента и темной кожи южанина. Никакой татуировки на мочке уха... и притом не евнух. Это означало одно из двух: то ли он был более ловок, чем большинство полукровок, то ли большую часть жизни провел на косе Гортан, где появление у полукровок потомства никого не волновало.

Второй был еще ниже ростом. У него была светлая кожа, зеленые глаза и темные волосы жителя островов Фен. На меня он смотрел со жгучей ненавистью. Домино, тот, у которого был пунктик насчет собственного низкого роста и который терпеть не мог высоких людей. Он смотрел на меня и улыбался.

— Господин, — почтительно спросил Сикл, — каковы будут твои распоряжения?

Зловоние всколыхнулось: его источник переместился. Магия нахлынула на меня и в ярости от того, что ничего не может со мной сделать, отступила. Я могла по запаху оценить ее силу. Растущую силу... С каждым днем дун-маг становился все могущественнее. Лучше бы хранителям разделаться с этим человеком до того, как он станет им не по зубам...

— Я хочу знать, кто помог ей освободить Деву Замка, только и всего, — промурлыкал голос. — Цирказеанка скоро вернется ко мне по доброй воле. Ее выслеживать не нужно. Но мне не нравится, что неизвестно, кто второй: обладающие Взглядом для меня опасны. Узнайте это, а потом избавьтесь от нее любым способом. Чем дольше вы с ней провозитесь, тем больше удовольствия получите, а? Неделю, месяц, год... Спешить некуда. Может быть, в конце концов лучше всего будет приковать ее к стене в нашем борделе? Но только сначала узнайте имя второго. И позаботьтесь о том, чтобы имя она назвала правильное, понятно? Не позвольте ей вас одурачить.

Дожидаться ответа он не стал. Я слышала, как он уходит по песку, унося с собой вонь дун-магии.

Теперь я снова могла дышать и была в силах шевелить мозгами: думать о том, почему они считают, будто Флейм — Дева Замка; вспоминать всякие глупости вроде того, что мать Руарта обладает талантом силва; размышлять о том, какими дураками были мы с Тором, рассчитывая обмануть дун-мага, обладающего таким могуществом...

Я, насколько это было в моих силах, огляделась, пытаясь найти хоть какую-нибудь надежду... пусть самую маленькую.

Пляж вокруг был совершенно пустынным — ни домов, ни каких-либо строений, даже в море — ни одной лодки. Единственными живыми существами, кроме моих мучителей, были два морских пони, привязанных к шестам на мелководье. Они кувыркались в воде, спасаясь от жары, и их блестящие тела мелькали между волн, как нитки, тянущиеся за иголкой. Морской пони, шкура которого высохла, — все равно что мертвый. От них мало прока как от ездовых животных везде, кроме таких мест, как коса Гортан, где до моря можно добраться из любого места за час или два.

Морские пони дали мне первую надежду: на них можно было убраться отсюда, если бы только мне удалось освободиться от веревок.

Вторая надежда была вне досягаемости: мой меч. Он лежал на куче моей одежды, дразняще близкий.

Третьей надеждой был песок. Шесты даже в утоптанном песке можно расшатать, если есть возможность ими заняться. Только я сомневалась, чтобы Домино и Сикл оставили меня здесь без присмотра. И все же с шестами что-то получиться может: если притвориться, что я извиваюсь от боли...

Притвориться? Какое уж там притворство! Когда эти двое возьмутся за дело, боль станет неизбежной.

Я взглянула в безоблачное небо; солнце стояло почти над головой. Полдень... но какого дня? Я понятия не имела, сколько времени была без сознания. Меня мучила такая жажда, что язык и губы слиплись, словно смазанные слизью морского пони. Голова болела ужасно.

Флейм. Осколки воспоминаний кололи мой мозг. Сколько времени у нее осталось?

Домино склонился надо мной:

— Мы будем делать все очень медленно, сучка. Хочешь, я тебе кое-что пообещаю? Назови мне имя, которое он хочет знать, и я позабочусь о том, чтобы завтра к вечеру — а не когда-нибудь в будущем году — ты умерла. Выбирать тебе, моя милочка. Подумай об этом, а?

Я глухо рассмеялась:

— Завтра к вечеру? На такой жаре без воды я умру через несколько часов.

Намека Домино не понял. Он кивнул Сиклу, и палач подошел, подкидывая нож для разделки туш.

— Эта часть берега, — продолжал Домино, — известна обилием кровяных демонов.

Я промолчала. О кровяных демонах я никогда не слышала.

Домино прочел мои мысли.

— Может, ты их никогда не видела? Позволь показать тебе, что это такое. — Он прошел к кромке воды, поднял что-то с песка и вернулся. В руках он держал какого-то моллюска. Размером тот был с большой палец, сверху — лиловая твердая раковина, снизу — мягкое тело, как у моллюска-блюдечка. До-

мино повернул раковину так, чтобы мне была видна нижняя поверхность: она была пористой и слабо пульсировала. Ни пасти, ни клешней — ничего, что выглядело бы устрашающим или опасным.

Домино улыбнулся мне; его зеленые глаза жителя островов Фен были так похожи на мои. У тех, кто родом оттуда, глаза очень красивые, ты не замечал? Цвета чистой морской воды над прибрежным песком. Я часто гадала, унаследовала ли я глаза от матери или от отца... но я отвлеклась. Может быть, и специально — даже после стольких лет мне трудно говорить о том, что произошло дальше.

— Все еще не понимаешь? — спросил Домино. Он положил моллюска на руку, мягкой частью вниз. — Он ничего мне не сделает, если только не найдет открытую рану и не попробует крови. А вот тогда он присосется, вывернет желудок наружу и займется пищеварением. Мне говорили те, кто это испытал, что процесс бывает очень болезненным из-за ядовитого желудочного сока. Впрочем, я сужу скорее по крикам жертв — говорить никто из них уже не мог.

Домино ласково взглянул на кровяного демона.

— Они месяцами могут обходиться без пищи. Зато когда им удается найти раненую рыбу или животное, они впадают в голодное неистовство. Небольшая стайка может за неделю разделаться с китом. Да, вот еще что: раз они едят, то они и какают, конечно, а их экскременты — по большей части крепкая кислота. Считается, что это еще усиливает боль, хотя мне сомнительно, чтобы в данных обстоятельствах можно было страдать еще сильнее. Ну да ты скоро сама узнаешь, а? Может быть, ты даже расскажешь мне, — полезно будет узнать на будущее, понимаешь ли.

— Давай-ка я начну, — прорычал Сикл. — Хозяину нужно знать это проклятое имя сегодня, а не на следующей неделе. — Он наклонился и небрежно ткнул ножом меня в грудь. Рана не была ни глубокой, ни серьезной — он вовсе не хотел, чтобы я умерла от потери крови. Он хотел, чтобы рана кровоточила медленно...

Домино бросил моллюска на порез. Сначала ничего не произошло. Сикл ухмыльнулся и провел ножом мне сначала по животу, потом по бедру. Тварь у меня на груди зашевелилась, устраиваясь на ране как на своем законном месте. Сикл ото-

шел и вернулся еще с парой кровяных демонов. Прежде чем посадить их на раны, он непристойно провел рукой по моему телу, потом ослабил веревку вокруг моей шеи.

— Нам ни к чему, чтобы ты удавилась, верно? — протянул он.

В следующее мгновение боль начала рвать меня на части. Других слов, чтобы описать это, у меня нет.

Я не собиралась стонать — не собиралась доставлять им такого удовольствия.

Я начала кричать и не могла остановиться. Собственных воплей я не слышала — боль не позволяла мне ни слышать, ни видеть, ни думать. Только чувствовать...

Если бы желания умереть было достаточно, я была бы мертва в первые же секунды.

Для тех, кого пытают, время значения не имеет. Тридцать секунд агонии кажутся длящимися всю жизнь. Если пытка не прекращается, уже не остается представления о том, что такое жизнь, — остается только страстное желание умереть. Смерть — мечта, которая отгоняет безумие; сознание того, что рано или поздно она придет, — единственное спасение от бесконечной боли. Я думала, что боль меня убьет, и радовалась этому.

Не знаю, долго ли я пролежала с кровяными демонами на моих ранах. Когда мои мучители сняли их, я поблагодарила бы их, если бы имела на то силы. На небе все еще светило солнце; стайка птичек чирикала в траве, над волнами летали чайки. Все было так, как бывает в самый обычный день...

К моим губам поднесли мокрую губку, и я жадно глотнула воды, наконец-то разлепив губы и наслаждаясь сладостью влаги, прекращением невероятных мучений. Теперь мое тело всего лишь болело. Хуже всего было сознание того, что рано или поздно я скажу своим палачам то, что они хотят знать. Шесты, к которым я была привязана, расшатались, пока я билась и извивалась, и Домино с Сиклом забили их глубже.

— Назови имя, сучка, — прошептал мне в ухо Домино. — Назови того выродка, что вместе с тобой освободил Деву Замка. Быстро, иначе мы посадим на тебя кровяных демонов на целую неделю.

Я открыла глаза и увидела перед собой бесстрастное лицо Сикла. Он менее откровенно, чем Домино, наслаждался мои-

ми страданиями. Сикл, такой же, как я, полукровка... Профессионал-палач... Я поставила на кон жизнь единственного мужчины, которого когда-нибудь любила.

— Тор Райдер. Тор Райдер из «Приюта пьянчуги». — Я запнулась, выговаривая это имя.

«Любимый, прости меня».

Молчание моих мучителей длилось слишком долго.

Наконец Домино процедил:

— Ну и что?

И Сикл покачал головой:

— Нет. Она слишком хитра. Хозяин думает, она служит хранителям, а они выбирают только лучших. И к тому же она полукровка. — Сикл цинично усмехнулся. — Тебе невдомек, Дом, что это значит, но я-то знаю. Брошенная с младенчества, голодавшая в сточной канаве. Девять из десяти полукровок не доживают до того, чтобы стать взрослыми, на всех островах, кроме этого. Только самые крутые поднимаются так высоко, как она или я. По какой-то причине она хочет, чтобы мы занялись этим Райдером, — тут или ловушка, или ложный след. Может, она решила отомстить любовнику, который ее бросил. Правильное имя после всего одного знакомства с кровяными демонами она не назовет. Кто другой проговорился бы, но только не она. — Сикл улыбнулся мне и уронил кровяных демонов на мои раны.

Я тонула в волнах боли, зовя на помощь всех, кого только знала, умоляя о прощении, взывая к Богу, в которого никогда не верила. Красный и оранжевый огонь жег мои глаза, я была расчленена, и куски вялились на солнце. Когда мне было пять, я дралась за объедки на задворках Ступицы; в шесть лет отбивалась от сексуальных притязаний старших мальчишек; в семь бредила в лихорадке в склепе кладбища; в тринадцать была навсегда изуродована хирургами-хранителями; в четырнадцать вонзила нож в изнасиловавшего меня подонка, а несколькими днями позже расплатилась своим телом с вонючим капитаном корабля, на котором добиралась до Фена; в пятнадцать продала душу хранителям ради того, чтобы оставаться в живых...

Ты был прав, Ниамор. Жизнь — дерьмо.

Флейм, милая Флейм, сможешь ли ты продержаться еще немного?

Я должна умереть...

Никто не может жить, испытывая такую боль.

Жизнь на таких условиях мне не нужна.

Как же хороша была вода...

Назову я вам имя, только убейте меня!

— Датрик. — Боже, как же он возмутился бы, что его могут счесть обладающим Взглядом, а не силвом! — Хранитель-советник. Скажите о нем дун-магу. Мне все равно. — Он вряд ли поверит в обладающего Взглядом советника, но кто знает... — Только убейте меня.

— Нет, сучка, нет. Мы еще не кончили.

«Любимый...»

Вечность мучений — долгое время. Достаточно долгое, чтобы даже палачи, наслаждающиеся зрелищем, устали.

Игра надоела им, когда я стала снова и снова терять сознание, лишая их триумфа, да еще и заставив снова и снова вколачивать колья, которые я выдергивала из песка, когда билась и металась. Мучители выбросили кровяных демонов и принялись расписывать мне другие пытки, которые меня ожидали, — издевательства такие изощренные, что я не могла вообразить, как можно их вынести. Половина удовольствия для палачей — смаковать ужас и отчаяние жертвы.

Не знаю, был ли это все тот же день, но солнце начало заходить за дюны. Морские пони выползли на берег и лежали на песке; они свились в один клубок и вылизывали друг друга, наслаждаясь вечерней прохладой. На их зеленоватых шкурах играли розовые отблески заката. Сикл окатил меня ведром морской воды, смыв кровь и песок. Соль жгла мои раны, но такая боль могла показаться удовольствием по сравнению с адской пыткой кровяными демонами, если бы я не знала, что это всего лишь прелюдия к новым мучениям.

Я дрожала от ужаса, но мне повезло: до следующего акта трагедии, задуманной палачами, дело не дошло.

Домино наклонился, чтобы проверить веревки, — и получил стрелу в ягодицу. Оперенное древко качалось из стороны в сторону, как хвост у переодетого зверем актера на ярмарочном представлении; однако стрела была самой настоящей, и Домино взвыл от боли и ярости. Сквозь туман терзающей меня боли все это казалось мне абсурдным: брыкающийся осел, кри-

ками развлекающий зрителей... Потом Сикл, все еще разинув рот глазевший на Домино, получил стрелу в плечо, и я перестала лежать неподвижно, словно пораженная молнией, и начала дергать несколько ослабевшие путы на руках и ногах.

Еще одна стрела, на этот раз попавшая в бедро, заставила Сикла с визгом покатиться по песку. Домино удирал на четвереньках, из его задницы торчала вторая стрела — еще более карикатурное подобие хвоста. Я высвободила правую руку, хоть к ней все еще оставался привязан кол, и потянулась к мечу, лежавшему на куче одежды.

— Я здесь, любовь моя, — сказал мне в ухо чей-то голос. — Все кончилось.

Этот голос был райским блаженством.

Я закрыла глаза и перестала бороться, перестала испытывать боль, прекратила отчаянные попытки позаботиться о себе. Первый раз в жизни я вверила себя чьей-то заботе.

Он перерезал веревки и нежно приподнял меня.

— Насколько сильно ты пострадала? — спросил он, и в голосе его была та боль, которой я больше не испытывала.

— К счастью... я не обгораю на солнце. Я немного изодрана... в некоторых местах... но все не так страшно, как кажется. — Или чувствуется... Впрочем, теперь уже и не чувствуется.

— Не хочешь ли, чтобы я распял этих мерзавцев и скормил их кровяным демонам? — В тоне Райдера была констатация того факта, что он узнал знаки на моем теле, — и понял, что они означают.

Я открыла глаза и огляделась. Домино исчез, но далеко уйти он не мог. Сикл пытался доползти до морских пони, но раны его были тяжелыми, и успех ему не улыбался.

— В этом была бы... поэтическая справедливость, Тор, но... нет. Не думаю, что таков... твой стиль. Ты не должен делать этого... ради меня.

Он заколебался:

— Не мой стиль? Да, пожалуй... но соблазнительно, Блейз, очень соблазнительно. Я готов, если это тебе поможет. Ради тебя я сделаю что угодно.

— Просто убей их, Тор. Подобным существам не следует позволять существовать.

Тор ненадолго оставил меня, чтобы покончить с Сиклом: он оглушил его рукоятью моего меча, а потом перерезал горло

с безжалостной эффективностью. Когда он отвернулся от тела, словно не желая признаваться себе в том, что сделал, выражение его лица пронзило меня, как острый коралл.

Я подняла руку и остановила Тора, когда он двинулся следом за Домино.

— Не надо, Тор. Оставь его.

Он не сумел скрыть облегчение, хоть и пытался. Что-то в том, что мне было известно об этом человеке, друг другу противоречило, но я была не в таком состоянии, чтобы разгадывать эту загадку.

Тор вернулся ко мне и поднес к моим губам мех с водой, потом обмыл раны и помог мне одеться, растер запястья и щиколотки, чтобы восстановить кровообращение, прикасаясь ко мне нежно и осторожно.

— Как Флейм? — спросила я, не в силах больше скрывать терзавшего меня страха.

— Она все еще держалась, когда я видел ее в последний раз — часа четыре назад. Это она сказала мне, где тебя искать. Когда утром ты не вернулась, она встревожилась и послала стаю дастелцев искать тебя по всей косе. Один из них тебя увидел и сообщил ей. Ты ведь знаешь о птицах — островитянах Дастел?

— Знаю, — ответила я и добавила заколдованных дастелцев к списку того, о чем Тор не должен был знать, но каким-то образом знал. — Приспешники дун-мага ждали меня у дома Ниамора. Им было известно, что это я освободила Флейм. Понятия не имею, как они узнали... и не могу догадаться, как они узнали, где меня искать.

— Мы нашли мальчишку-служку со следами издевательств дун-мага. Не может это иметь какого-то отношения к нападению на тебя?

— Дерьмо! О да, так все и было, конечно. Моя вина — я спрашивала его, как пройти к дому Ниамора. И мальчик знал, что Флейм вернулась: он сказал мне, что видел, как она входила в гостиницу. И еще ему было известно, что прошлой ночью я отправилась ее искать. Проклятие! Бедный малыш...

— Он все же остался в живых. Удалось тебе узнать, кто является магом?

Я покачала головой.

— Может быть, стоило задержаться в темнице Флейм и посмотреть, кто поднимется по лестнице.

— Только если бы с ним оказалось достаточно головорезов, мы, возможно, были бы уже мертвы.

— Возможно. Думаю, он все-таки видел, как мы вылезали в окно, и понял, что, как обладающие Взглядом, мы невосприимчивы к его магии. Удары, которые он нанес нам вслед, были проявлением гнева: на самом деле убить нас он не рассчитывал... Мне нужно вернуться — ради Флейм.

— Рэнсом отправился просить хранителей о помощи. Может быть, они уже что-нибудь предприняли.

Тор осторожно помог мне подняться на ноги. Я огляделась. Домино скрылся в прибрежных дюнах.

— Ты явился один?

— Да. Я нанял морского пони.

— Копье Калмента наносит новый удар... Ты посылаешь меткие стрелы, Тор. — Он все еще не носил меча, но по крайней мере был вооружен ножом и луком со стрелами.

Тор слегка улыбнулся:

— Совсем наоборот. Я хотел убить их, а вместо этого натыкал в них стрел, как иголок в игольницу. Практики не хватает. Я не держал в руках лука с тех пор... с тех дней на Малом Калменте. — Если подумать, очень может быть, что тогда и в меня он стрелял... Должно быть, та же мысль пришла и Тору, потому что неожиданно он сделался сдержанным и далеким.

Я вопросительно коснулась его руки:

— В чем дело, Тор?

Он обратил на меня застывший взгляд.

— Я опоздал помочь тебе. И сейчас я не знаю, как тебе помочь.

Мне было ясно, что это была только половина правды. Что-то еще его тревожило, но я не стала докапываться и вернулась к тому, что Тор упомянул.

— Ты спас мне жизнь. Избавил от пыток. Чего еще может хотеть попавшая в беду леди? Что касается настоящего момента, то ты можешь по-прежнему меня любить. Это все, что мне нужно. Я ведь крепкая, как высушенная на солнце морская звезда, Тор. Я родилась полукровкой, и мало чему можно научить меня по части выживания. Но чтобы кто-нибудь меня любил — это радость, которой раньше я не знала. — Не обращая внимания на боль, которая только усилилась, когда я встала, я сообщила ему самое главное: — То, как ты сейчас смот-

ришь на меня, делает жизнь стоящей всего, что еще может выкинуть судьба, — даже пытки. — Я сделала глубокий вдох, чтобы привести в порядок свои путаные мысли и взбудораженные чувства, и убрала руку с руки Тора. — Только сейчас у нас нет времени для этого — я должна вернуться к Флейм.

Тор снова стал деловитым.

— Ты сможешь ехать на морском пони?

— Конечно. Далеко отсюда до Гортанской Пристани?

— Три часа езды вдоль берега. Ты уверена, что выдержишь?

Я заставила себя усмехнуться:

— Перестань изображать заботливую наседку, Тор. Я к такому не привыкла.

Он против воли улыбнулся и обхватил меня рукой.

Не знаю, почему эти животные называются морскими пони, — они ничуть не похожи на маленьких мохнатых лошадок, которых я видела на островах Хранителей. Морские пони лучше плавают, чем бегают, — у них есть боковые и хвостовой плавники, а ног нет. Теперь их редко встретишь где-нибудь, кроме косы Гортан. Люди стали предпочитать лошадей, которых вы привезли на острова. Ты еще не видел морского пони? Больше всего они, пожалуй, напоминают гигантских дождевых червей, хотя сходство и неполное. У червяка шеи нет, а у морского пони шея длинная — выше человеческого роста — и кончается головой, которая, впрочем, мало отличается от остальной шеи. Тело морского пони состоит из сегментов, каждый из которых покрыт жестким панцирем. Глаза на стебельках, усы и ротовое отверстие расположены спереди головы, а дыхало — сзади. Каждое животное может нести пять или шесть всадников, — побольше, чем эти ваши лошади.

Так или иначе, в тот день я порадовалась, что у нас есть морской пони, скажу я тебе. Тор посадил меня перед собой на тот же сегмент — он знал, как я слаба, и хотел, чтобы мне было на кого опереться во время поездки: морской пони движется рывками. По суше он передвигается, сгибая заднюю часть и выбрасывая вперед остальное тело, так что если не соблюдать осторожность, то можно слететь на землю и сломать шею. Ездить на морских пони нужно уметь, но мне приходилось ездить на всех животных, какие только используются для этой цели на Райских островах, и тут проблем не было. Я вдела ноги

в специально вырезанные в панцире отверстия и прислонилась к сидящему позади Тору. Он натянул поводья, прикрепленные к узде, надетой на голову животного.

— Готова?

Я обернулась, чтобы сказать ему, что готова, и судорожно втянула воздух: оттуда, где мы теперь находились — на вершине дюны, — была видна деревня, о существовании которой я не подозревала, пока лежала распростертая на песке пляжа. Ее еле можно было разглядеть в сгущающихся сумерках, но охнуть меня заставило не неожиданное открытие, а зловещее багровое зарево, висевшее над домами. В моей памяти всплыли слова Ниамора: «Никто, отправившийся туда, обратно не возвращается».

— Клянусь всеми островами, — прошептала я, — что это за кошмар? — Я знала, конечно, что вижу перед собой проявление дун-магии; поразила же меня ее сила. Ни один самый могучий дун-маг не смог бы такого создать в одиночку.

Тор заставил морского пони двинуться с места, коснувшись специальной палкой нежной кожи между сегментами.

— Нет сомнений: там несколько колдунов, — сказал он.

— Нужно сообщить хранителям!

— Думаю, они знают.

— Ты что-то от меня скрываешь. — Я не хотела этого говорить, не хотела заставлять его открыть свои секреты, но сейчас страх перевесил мое уважение к его сдержанности.

— За последний год или около того исчезли многие силвы, — неохотно ответил Тор.

Я подумала о Флейм. Девушка, владеющая силв-магией, из-за заклинания превращения должна сделаться чем-то противоположным самой себе...

Я еще раз посмотрела в сторону деревни и почувствовала тошноту. Багровое сияние было не просто скверной дун-магии; это была проказа, разъедающая здоровую прежде плоть, зло, рожденное из добра, бездна, поглощающая силы ума и тела.

— О милосердный Боже... — Слова вырвались у меня невольно, и я в ужасе повернулась к Тору. — И ты еще ругаешь хранителей! Они — единственные, кто может положить этому конец.

Тор решительно покачал головой:

— Нет, Блейз. Положить этому конец могут только обладающие Взглядом. Силвов можно заразить скверной, как это случилось с Флейм. — Он снова коснулся палкой кожи морского пони, и тот ускорил бег.

Я не могла сообразить, что ему возразить. Каждая мысль, приходившая мне в голову, несла только еще больший ужас.

От агента по особым поручениям
Ш. айсо Фаболда,
Департамент разведки,
Федеральное министерство торговли, Келлс,
Достопочтенному М. айсо Кипсуону,
Президенту Национального общества
научных, антропологических и этнографических
исследований не-келлских народов

13/1 месяца Двух Лун, 1793

Дорогой дядюшка!

Да, я с большим удовольствием поживу у вас с тетушкой Росрис и до, и после своего выступления на собрании Общества. И я принял к сведению Ваше предостережение насчет очаровательной госпожи Аниары айси Терон и буду остерегаться действия ее улыбки. Тетушка всегда отличалась безупречным вкусом, и я не сомневаюсь, что устоять я смогу, только призвав на помощь все свои силы. Кстати, я был очень рад узнать, что тетушка удостоилась своего первого религиозного видения. Я знаю, как жарко она молилась многие годы о том, чтобы оказаться одной из удостоенных просветления на празднике святой Менары. Кузина Эджерл пишет, что лицо тетушки удивительным образом преобразилось, когда ее коснулась божественная благодать. Я не устаю надеяться, что однажды и я окажусь благословен подобным же образом и мое лицо тоже станет сиять, когда я сподоблюсь чуда — лицезрения Бога.

Что касается странностей в записях бесед, которые я посылал Вам, то Вы совершенно правы, конечно. Не только для нас, исследователей с «Морского ветерка», но и для многочисленных келлских купцов и миссионеров, имевших дело с островитянами гораздо дольше нас, эти странности служили источником

постоянных недоумений. Что можно думать о людях, которые говорят о магии как о чем-то, с чем они постоянно сталкивались? Чему следует верить, если они описывают Дастелы как существовавшие, а потом исчезнувшие острова? Как понять единодушные заверения, что татуировки на мочках их ушей были сделаны представителями негуманоидной расы, которых никто из келлсцев никогда не видел? Являются ли Блейз Полукровка и ей подобные просто прирожденными лжецами, обожающими сочинять невероятные истории? А может быть, они верят в то, что говорят, какими бы неправдоподобными эти россказни нам ни казались?

Посылаю Вам новую порцию записей, содержащих описание дальнейших интриг и, как я надеюсь, дающих возможность проникнуть в суть культуры, которая — увы! — больше не существует в своей прежней форме. В этом повинны отчасти контакты с Келлсом, отчасти — тот странный эпизод в истории Райских островов, который островитяне называют Переменой.

Да, я старался сохранять непредвзятый взгляд, не позволяя собственным культурным установкам влиять на изустную историю, которую мы записывали, но видит Бог — до чего же это иногда оказывалось трудно!

Остаюсь Ваш покорный племянник
Шор айсо Фаболд

Глава 11

Одного взгляда на Флейм оказалось достаточно, чтобы я забыла о собственной боли. Она боролась с тем, что происходило с ней, но битву проигрывала. Ее рука воспалилась до локтя, кожа натянулась и покраснела. Однако никаких признаков разложения, которое уже началось бы, будь это вызванная заклинанием дун-мага язва, я не заметила, да и боли особой Флейм не испытывала. Ее глаза говорили о страхе, а не о страдании; страх казался таким огромным, что мне трудно было встречаться с Флейм взглядом.

Как только я вошла в комнату, Рэнсом вцепился мне в руку; бедняга все время норовил повиснуть на мне.

— Где ты была? Разве ты не знаешь, как она страдает? Почему тебя не было рядом? Хранители не желают меня слушать! Как ты могла ее оставить?

Успокаивать мальчишку принялся Тор, предоставив мне возможность заняться Флейм. Она не стала меня упрекать, но те немногие слова, которые она пробормотала, опалили меня, как огнем.

— Зло растет во мне... Я начинаю ненавидеть... Я стала обо всех думать ужасные вещи. — Она взглянула на свою руку. — Она такая потому, что я пытаюсь сопротивляться. Как только я сдамся, опухоль пропадет. Но внутри... Ох, Блейз, что у меня внутри! Блейз, не позволяй мне остаться в живых такой! Обещай! Если хранителям не удастся...

Я еле узнавала свой голос, когда давала ей обещание:

— Я скорее увижу тебя мертвой, чем позволю покориться дун-магии. Клянусь.

— Только попробуй тронуть ее, и будешь иметь дело со мной! — взвился Рэнсом.

Тор ровным голосом перебил его:

— Внизу у нас морской пони. Можешь ты отнести Флейм вниз, Новисс? Мы отвезем ее на «Гордость хранителей». — Он коснулся моей руки, одобряя мою сдержанность. Слишком много всего случилось в этот день... Мне хотелось принять ванну, чтобы смыть с себя всю скверну, мне хотелось, чтобы меня обняли и приласкали... Мне хотелось почувствовать себя в безопасности.

Вместо этого мы повезли Флейм на корабль хранителей.

Когда мы с Тором возвращались в «Приют пьянчуги», я настояла на том, чтобы мы заблаговременно расстались: я не хотела, чтобы его увидели со мной вместе. Теперь тоже он выскользнул из гостиницы и направился к пристани один. Других способов обеспечить его безопасность я придумать не могла, но мы оба знали, что такая предосторожность в лучшем случае дает нам лишь призрачную надежду. Я не хотела, чтобы Тор сопровождал нас на «Гордость хранителей», но он не послушался, возможно, потому, что видел, как мало у меня осталось сил, как нуждалась я в его поддержке. Мы договорились, что встретимся уже на корабле; помочь мне переправить туда Флейм должен был престолонаследник Бетани.

* * *

Вахту на «Гордости хранителей» несла женщина с крючковатым носом, сильно ее портившим. Она, конечно, прибегла к силв-магии, чтобы нос казался хорошенькой пуговкой, и встреча со мной лицом к лицу ее не порадовала. Носик-пуговка моему Взгляду представлялся всего лишь серебристой тенью и только привлекал внимание к недостаткам ее внешности. Женщина это прекрасно понимала. Она знала, кто я такая, и знала, что я вижу ее такой, какова она на самом деле, а потому встретила нас враждебно и не хотела пускать на борт.

Я потребовала, чтобы о нашем приходе было доложено советнику Датрику, и в конце концов нам было позволено подняться по сходням. Впрочем, оказавшись на палубе, мы с Тором обменялись встревоженными взглядами: похоже, у хранительницы-вахтенной была и еще одна причина нас не пускать. Где-то в глубине корабля что-то охранялось сплошной стеной силв-магии; усилия, затраченные на это, должны были быть огромными, и я и представить себе не могла, ради какого груза могло потребоваться столько заклинаний.

Нас — Рэнсома, Флейм, Тора и меня — проводили в кают-компанию. Флейм шла сама, но ей приходилось тяжело опираться на руку Рэнсома. Пока мы ждали, они сидели рядом, и Рэнсом не сводил глаз с руки Флейм, что никак не могло придать ей бодрости. Тор стоял, глядя в иллюминатор, задумчивый и молчаливый. Я стала осматривать каюту. Стены были покрыты панелями, вдоль потолка тянулся резной карниз, а паркет пола был набран из ценных пород дерева. Помещение украшали картины, изображавшие буколические сценки из жизни хранителей: играющих детей, краснощеких молочниц рядом с аккуратными стогами сена, населенными до невозможности милыми мышками, или безупречно одетых горожан, их улыбающихся жен и толстощеких младенцев в чистеньких платьицах на мощеных улицах. Все это почему-то оставило у меня ощущение, будто я, давясь, съела в один присест целый горшок меда.

Минут через десять появился Датрик; он пришел один, и его синие глаза раздраженно сверкали. Взглянув на Тора, он тут же счел его недостойным внимания. Датрик не мог знать, что Тор обладает Взглядом, и, по-видимому, ни в одежде, ни в манерах жителя Разбросанных островов не оказалось ничего,

что могло бы заинтересовать силва-советника. Он кивнул Рэнсому, проявив чуть больше вежливости — возможно, потому, что одежда юноши говорила о его принадлежности к богатым, если не знатным, островитянам.

Я начала рассказывать, что случилось с Флейм, и Датрик сверху вниз взглянул на нее, проявив полное равнодушие и к ее страху, и к ее красоте. Мои объяснения он резко оборвал:

— Я вижу, в чем дело, Блейз, я не слепой. К тому же этот молодой человек сегодня уже приходил и подробно, хоть и несколько несвязно, обо всем рассказывал. Однако, как я уже объяснил ему, исцеление потребовало бы больше сил, чем есть в распоряжении у какого-нибудь одного силва.

— В твоем распоряжении больше чем один, — бросила я. — Посоветуйся с остальными.

Датрик в обычном своем высокомерном стиле высоко поднял брови, но потом, поразмыслив, сделал, как я просила, и не возвращался почти час. Большую часть этого времени я размышляла о том, что заставляет меня делать врага из Датрика. Уж не заболела ли я морской лихорадкой? Что на меня нашло, что я стала грубить тому самому человеку, от которого так много зависит?

Когда Датрик вернулся, он был более любезен, но вернулся он все-таки один.

— Мы подробно обсудили ситуацию, — сказал он, глядя не на меня, а на Флейм. — Мы хотим, чтобы ты поняла: твое исцеление очень дорого нам обошлось бы. Все силы хранителей-силвов требуются для того, чтобы разделаться с дун-магией на острове. Вылечить тебя значило бы ослабить всех нас, по крайней мере на время. Тем не менее мы готовы тебе помочь. Однако тебе придется за это заплатить.

— Я заплачу, — тут же предложил Рэнсом, потом поспешно добавил: — Если сумма окажется в разумных пределах.

— Эту цену ты не сможешь заплатить, — ответил ему Датрик и снова взглянул на Флейм. — Мы желаем знать, где можно найти Деву Замка. Такова наша цена.

Я затаила дыхание. У меня не было сомнений: Флейм все расскажет Датрику и всякая надежда на то, что я смогу заработать на поимке беглянки, исчезнет.

Флейм молчала так долго, что Рэнсом не смог сдержаться:

— Если ты знаешь, Флейм, скажи ему! Он ничего плохого девушке не сделает.

Флейм, не обращая на него внимания, ответила Датрику:

— Ты хотел бы, чтобы я продала ее тебе навсегда...

— Мы хотим наследнице только добра. Она сама или ее дети в один прекрасный день смогут унаследовать и Цирказе, и Брет, — большинство людей не сочло бы это печальной судьбой.

— Вы и так уже распоряжаетесь на обоих архипелагах. Она навсегда станет вашей пешкой. — На лбу Флейм выступили капли пота. Голос ее был слабым, но полным решимости.

— Даже если Дева Замка никогда не найдется, мы все равно сохраним свое влияние на островах.

— Нет, — спокойно возразила Флейм. — Она вам нужна. Если властитель Брета не заполучит ее, он не согласится ни на кого другого, да еще и станет винить вас в неудаче. Он желает из всех женщин ее одну — с тех самых пор, как в прошлом году видел ее на Цирказе без покрывала. Она единственная, чье дитя он сможет заставить себя зачать, — обычно его интересы иные. Кроме того, если властитель не обзаведется потомством, его наследником станет его молодой кузен — а он не жалует хранителей. Без Девы Замка вы определенно рано или поздно утратите влияние на Брете. Доставив же невесту властителю, вы заслужите его благодарность и сотрудничество.

Было ли всего сказанного Флейм достаточно, чтобы объяснить интерес хранителей к Деве Замка? Мне это казалось сомнительным. Да и под небрежной любезностью Датрика скрывалось напряжение, ясно говорившее, что дело не так просто.

Датрик по-прежнему обращался только к Флейм:

— Все это едва ли имеет значение для тебя. Ты ведь силв, и ты знаешь нас — мы с тобой родственные души. Мы не используем свои таланты во зло, как делают дун-маги. Наше влияние не должно вызывать отвращения. — Датрику удалось вложить в свои слова и оскорбленную гордость, и сожаление.

Флейм осталась неколебимой.

— Для меня имеет значение судьба Девы Замка Лиссал. Она не хочет выходить замуж за властителя Брета. Она тоже видела его, понимаешь ли, и он тоже был без покрывала.

О боги, подумала я, она еще может шутить...

Датрик выглядел изумленным.

— Ты скорее согласишься на осквернение дун-магией, чем сообщишь мне, где ее искать?

Флейм с бессознательным достоинством посмотрела ему в глаза.

— Нет. На такое я никогда не пойду. — Я попыталась вмешаться, не дать прозвучать словам, которые, я знала, она собиралась произнести и которые означали бы для нее приговор, но Флейм продолжала смотреть на Датрика и не заметила моего предостерегающего взгляда. — Уж лучше умереть.

Датрик выпрямился, величественный и холодный.

— Ну так умри.

Его бесчувственность заставила меня резко втянуть воздух, хоть чего-то подобного я и ожидала. Если бы Датрик думал, что ему вскоре придется бороться с еще одним дун-магом, он мог бы и согласиться исцелить Флейм прежде, чем произойдет ее превращение, но раз она собиралась убить себя, он ничего не терял, отказав ей. Флейм не заметила ловушки; она не обладала моим опытом и не догадывалась, на какие низости способны люди.

Однако Датрик счел нужным еще раз повернуть нож в ране.

— Не думай, что смерть наложившего на тебя заклятие мага освободит тебя, разве что он умрет совсем скоро. Покорившись дун-магии, ты останешься такой навсегда. И по своей собственной воле.

Сначала я подумала, что он лжет, но потом решила, что, наверное, нет. Действительно, превращенные в дун-магов силвы не захотели бы вернуться в прежнее состояние, потому что уже сами стали дун-магами, а дун-маги силвов ненавидят. Поэтому если главный дун-маг умрет, они используют собственную силу, чтобы остаться злыми колдунами. Самовоспроизводящееся проклятие... Воистину, заклятие превращения — порождение дьявола.

Рэнсом, услышав слова Датрика, лишился дара речи, но Тор тихо сказал мне:

— Мы тут ничего не добьемся. Ни Флейм, ни советник не изменят своего решения. — Он кивнул Рэнсому: — Помоги Флейм сойти на берег.

Рэнсом молча повиновался, и Тор двинулся следом. Прежде чем выйти из кают-компании, он взглянул на меня и прошептал:

— Иногда цена оказывается слишком высока. — Я не смогла понять, было ли это объяснением случившегося или предостережением на будущее.

Я не последовала за ними. Мне казалось, что все мое существо — одна сплошная рана. Сердце мое сжалось в холодный комок боли. Я знала, как спасти Флейм, но она не желала быть спасенной такой ценой. Неужели я сегодня еще недостаточно страдала? Я была сердита на себя: зачем мне нужно снова и снова причинять себе боль?

— Как ты можешь так поступать? — спросила я Датрика шепотом; на большее у меня уже не было сил. Я чувствовала, что меня предали, и вынести это оказалось почти невозможно. — Это не по-человечески.

Датрик пожал плечами:

— Ты сама виновата. Тебе давно уже следовало найти Деву Замка.

— А если бы я это сделала, ты бы исцелил Флейм, не требуя платы?

Он снова пожал плечами:

— Может быть. Но я сказал правду: именно сейчас нам ни к чему ослаблять себя.

Горечь переполняла меня; я знала, что никогда уже не стану прежней, — вина будет давить на меня до самой смерти. Что ж, я приняла решение и постаралась забыть о других возможностях, чтобы продолжать жить с этой ношей. Я не сказала Датрику о том, что знала, и Флейм предстояло заплатить ужасную цену...

Я заговорила о другом:

— Ты знаешь о деревне в западной части острова, где поселились дун-маги?

— Конечно.

— Ах вот как... Конечно. И ты можешь не говорить мне, что собираешься с ними разделаться.

— Именно.

— Там таится такая мощь, что ее хватит, чтобы превратить всех вас в таких же, как Флейм, чтобы осквернить ваши тела и души, так что вам придется или убить себя, или подчиниться.

— Мы справимся.

— Надеюсь, что ты прав, сир-силв. Очень надеюсь. Но позволь тебя предостеречь: тот дун-маг, который все это затеял, собирается разделаться с тобой в первую очередь.

Конечно, вряд ли злой колдун слишком серьезно отнесется к тому, что я под пыткой назвала Датрика, когда узнает об этом от Домино. Я назвала Датрика только потому, что не могла вспомнить ни о ком другом, так же хорошо — по крайней мере я на это рассчитывала — защищенном от дун-магии Мортреда, если то и в самом деле был Мортред.

Датрик обеспокоенно взглянул на меня:

— Откуда ты знаешь?

Я усмехнулась:

— Я сама ему это посоветовала. Более или менее.

Это была вполне подходящая прощальная фраза, и я повернулась к двери, но Датрик пожелал оставить последнее слово за собой.

— Блейз, — крикнул он мне вслед, — то, что скрыто у нас на корабле, охраняется не только магией.

Я остановилась и оглянулась. Датрик догадался о моем намерении с такой же легкостью, как если бы я была раскрытой книгой, и положил ему конец прежде, чем у меня возник даже смутный план.

— Будь ты проклят, Датрик, — тихо сказала я. — Провались в Великую Бездну.

Остальные ждали меня на пристани. Я взглянула на Флейм и взяла ее за руку:

— У меня есть еще одна карта в рукаве.

В глазах цирказеанки вспыхнул страх.

— Не вздумай охотиться на дун-мага!

— Сомневаюсь, чтобы я смогла выследить его вовремя. Я подумала кое о чем еще. Достаточно ли ты доверяешь мне, чтобы подождать еще немного?

Флейм с усилием подняла на меня глаза:

— Я тебе доверяю. — Она не поверила в надежду, которую я ей предлагала. Доверяла она мне в другом: что я убью ее, когда потребуется.

Я повернулась к Рэнсому:

— Ты должен мне сто пятьдесят сету.

Мальчишка с возмущением отшатнулся от меня:

— Как ты можешь думать о деньгах в подобный момент!

— С легкостью. Расплатись со мной.

— Я обещал тебе двести сету, если ты вернешь ее живой и здоровой. Ты только посмотри на нее! Разве она здорова?

— Расплатись, Новисс, — мягко, но с угрожающими нотками в голосе посоветовал Тор.

— Но...

— Расплатись.

Рэнсом неохотно полез в кошель и вручил мне монеты.

— А теперь отвези Флейм обратно в гостиницу, — сказала ему я.

— В гостиницу? — запротестовал он. — Там небезопасно!

— Конечно, небезопасно, — кивнул Тор. — Ни для кого из нас. — Он с сочувствием посмотрел на Рэнсома. — Только, боюсь, безопасного места просто не существует. Впрочем, не думаю, чтобы дун-маг был сейчас опасен для Флейм. Он думает, что она уже в его власти и все, что требуется, — это дождаться, когда она сама придет к нему. Так что гостиница не хуже любого другого места. Давай, Новисс, помоги мне посадить Флейм на морского пони. Животное беспокоится: ему нужно вернуться в воду.

Когда Флейм и Рэнсом уехали, Тор тихо спросил меня:

— Ты думаешь о том, что хранители прячут на корабле? Собираешься узнать, что это, а потом использовать знание для того, чтобы заключить с ними сделку?

— Нет, — покачала я головой. — Датрик предвидел такую возможность. Он слишком хорошо меня знает, а потому предупредил, что охрана там не только магическая. Я еще не дошла до того, чтобы убивать силвов-хранителей ради того, чтобы узнать их секрет. Я вижу другой выход для Флейм... По крайней мере надеюсь на это. Возвращайся в гостиницу, Тор. Со мной ничего не случится.

Тор согласился, зная, что его помощь может понадобиться Флейм и Рэнсому, хотя отведенная ему роль и не слишком ему нравилась. Подозреваю, что принять мое предложение его заставил долг перед Рэнсомом, а вовсе не желание мне угодить. Будь обстоятельства иными, он пошел бы со мной, как бы я ни возражала. Так или иначе, Тор низко надвинул шляпу и двинулся прочь от пристани.

Как только он скрылся из виду, я направилась к дому Ниамора. Мне пришлось пробираться между спящими бродягами, расположившимися перед дверью, и меня пронзило острое чувство — смесь жалости, стыда, гнева и облегчения оттого, что я — не одна из них; запах нищеты и немытых тел был мне хорошо знаком, он будил во мне воспоминания детства. Мне пришлось сделать усилие, чтобы не думать, не вспоминать...

Мне повезло: Ниамор оказался дома. В обычных обстоятельствах он пил бы где-нибудь в таверне, да только обстоятельства никак нельзя было назвать обычными.

Мое появление обрадовало Ниамора меньше, чем это было утром, однако он пригласил меня в комнату и налил мне выпить. Выпивка была мне очень нужна: в этот день я мало пила, да и не ела ничего с тех пор, как на рассвете купила у уличного торговца жареной рыбы. Крепкий напиток заставил меня закашляться, так что Ниамор предложил мне еще и воды. Это порадовало меня не меньше, хотя на косе Гортан вода всегда бывала солоноватой и пахла рыбой.

— Что происходит? — спросил Ниамор. Он был обеспокоен, хотя и умело скрывал это. — Я еще не отыскал нужное имя. — Он показал на свой письменный стол, на котором были разбросаны листы дешевой бумаги, словно говоря: «Ты застала меня за работой».

Моя последняя надежда на то, что удастся выручить Флейм без потерь, растаяла. Я глубоко вздохнула, мечтая о том, чтобы этот день поскорее кончился.

— Я пришла, чтобы тебя предостеречь, — сказала я. — Дун-маг знает, что сегодня утром я заходила к тебе.

— Ну и что? — протянул Ниамор. — Ему ведь неизвестно, что я помогаю тебе его опознать. Поверь, Блейз, в этом деле я вел себя очень, очень осторожно.

— Даже если у него нет ни малейших подозрений, ты все равно можешь попасть в беду. Ниамор, дун-маг захватил цирказеанку, а я имела отношение к ее освобождению. Это ему известно, а он весьма мстителен, как и все дун-маги. Любой, кто имел со мной дело, может оказаться в опасности. Тебе пора скрыться. Надеюсь, это окажется ненадолго — хранители трудятся над тем, чтобы уничтожить подлеца.

— Проклятие! Что ты за дура, Блейз! Неужели ты не могла не совать нос в эти дела? — Ниамор окинул быстрым взглядом свою комнату, словно жалея о том, что с ней придется проститься. — Будь ты проклята, головешка! Мне следовало знать, что знакомство с таким великолепным существом до добра не доведет.

— Знакомство с полукровкой никогда не доводит до добра, великолепна она или нет. Запомни это на будущее.

— Угу. Моя ошибка... — Ниамор вздохнул. — Через денек-другой я пришлю тебе сообщение. Я близок к тому, чтобы выяснить, кто этот человек. А пока я отсюда смоюсь.

Я не сомневалась, что Ниамор давно обзавелся укромным убежищем как раз на такой случай.

— Есть еще кое-что, в чем ты мог бы мне помочь, — сказала я.

Ниамор замахал руками:

— Ну и девица! Только что разрушила мою жизнь, да еще и хочет покопаться на пепелище!

— Мне просто нужно знать, кто в Гортанской Пристани лучший врач. И где его — или ее — найти.

Ниамор рассмеялся:

— Ты ведь шутишь, верно? Единственный приличный доктор здесь — это вечерний бриз. Впрочем, могу тебе рекомендовать хорошего травника.

— Мне нужен хирург.

— Если тебе нужна операция — а должен сказать, что сейчас ты выглядишь много хуже, чем утром, — я советую тебе сесть на ближайший корабль и полечиться где-нибудь в другом месте.

— Должен же здесь быть хоть кто-то!

— Если ты ищешь смерти, то кто-нибудь найдется. Поверь, красавица моя, ты будешь гораздо здоровее без знакомства с единственным здешним доктором. Он — пьяный мясник, вот и все.

Я задумчиво посмотрела на него:

— Что ж, может быть, это именно то, что нужно. Мясник.

— Это же только оборот речи! Я не доверил бы парню даже нарезать жаркое на праздничном обеде. Добрый доктор — пьяница, Блейз. Руки у него трясутся, память ослабела. Прини-

мая роды, он однажды вдруг вообразил, будто ампутирует ногу. Результат был ужасающий. Лучше о нем и не думай.

— Ладно... А как насчет настоящего мясника?

— Да что ты, милочка! Мы тут на косе Гортан едим рыбу. Не хочешь же ты сказать, будто забыла об этом. Правда, потрошителей рыбы найдется дюжина на грош.

— Но должен же найтись хоть кто-нибудь! — с отчаянием сказала я. Я и в самом деле была доведена до отчаяния.

Ниамор на минуту задумался.

— Знаешь, может, кто-то и найдется. Есть тут один тип по имени Блойд. Говорят, он был по профессии мясником, хоть теперь и промышляет торговлей рыбой. Ему пришлось бежать с Северных островов, потому что он разделал собственную жену и продал, выдав за самую лучшую свинину.

— Ты шутишь?

Ниамор покачал головой.

— Так мне говорили.

— Где мне его найти?

— В этот час? Пожалуй, в той забегаловке, где собираются потрошители рыбы. Названия у нее нет, но найти легко. Там собираются местные шлюхи, и в дверях всегда торчит здоровенный вышибала. Этакий кит... — Ниамор печально вздохнул, удивляясь моей глупости. — Если ты и в самом деле собираешься прибегнуть к помощи мясника, когда тебе требуется хирург, лучше тебе позвать еще и травника. Сейчас на острове появился настоящий мастер своего дела, хочешь — верь, хочешь — нет. Его можно найти в торговом ряду, он там снимает каморку у семейства полукровок. Хозяина зовут Вук. А его имя — травника, хочу я сказать, — Гэрровин Гилфитер. Он с Мекате. Забавный тип.

Я коснулась щеки Ниамора, испытывая к нему большую благодарность, чем он догадывался. Мне начинало казаться, что дела наконец идут на лад.

— Спасибо, Ниамор. Будь осторожен.

Он нежно поцеловал меня.

— Надеюсь, мы прощаемся ненадолго, моя прекрасная головешка. И я все еще рассчитываю, что в один прекрасный день мы окажемся в одной постели. Будь осторожна сама, хорошо?

* * *

Я одолжила у Ниамора фонарь и отправилась на поиски травника.

Найти его оказалось легко. Торговец, продававший свечной жир из бочки, указал мне дом, принадлежащий Вуку.

— Вон тот, у которого толпится народ, — показал он сальным пальцем на окруженную людьми лачугу.

— А что там за толпа? — спросила я. Рядом с домом выстроилась очередь человек в тридцать. Дом Вука представлял собой узкое двухэтажное строение, сложенное из камней разного размера и цвета, скрепленных выжженной из раковин известкой. Странную мозаику стен венчала крыша из водорослей.

Торговец безразлично пожал плечами, но все-таки ответил:

— Да из-за травника, который там живет. Торгует снадобьями, которые помогают, можешь ты себе такое представить? Он один из лекарей с Мекате.

Все это звучало многообещающе. Только беда была в том, что ждать в очереди я не могла. Я кивком поблагодарила торговца и с деловым видом пошла к дому Вука. Оказавшись рядом, я увидела, что очередь ведет к дощатой пристройке. Я прошла мимо ожидающих приема людей с таким видом, будто имею на это полное право, вошла без стука и закрыла за собой дверь.

Пристройка представляла собой обычное для косы Гортан сооружение из случайно подобранных досок, обставленное минимумом мебели. Свет масляной лампы падал на травника, который сидел скрестив ноги на полу рядом с огромным сундуком, и его пациентку — старушку, устроившуюся на единственном стуле. Оба они вытаращили на меня глаза, потом травник снова повернулся к старушке:

— Выполняй мои указания в точности, поняла? Ничего не забудь.

Женщина серьезно кивнула, и травник протянул ей какие-то листья и семена, завернутые в водоросли.

— Сколько с меня, сир-лекарь?

— Да какой там я сир, — со смехом сказал травник. — Это не про меня. Я всего лишь скромный сам-себе-пастух с дале-

кого острова. Заплати, сколько можешь, добрая госпожа, ни больше ни меньше.

Старушка робко сунула ему в руку несколько монет и присела в реверансе. Выходя, она даже не взглянула на меня и закрыла за собой дверь.

Теперь травник посмотрел на меня, а я смогла лучше разглядеть его. Этому Гэрровину Гилфитеру было много лет, и никого похожего на него я никогда не встречала, хоть и считала, что знаю представителей всех наций, населяющих Райские острова. Он, конечно, был с Мекате: свет лампы мерцал на жемчужинке в контуре кролика на мочке его уха. Только никакого сходства с теми жителями Мекате, которых я видела раньше, у него не было. Все они были смуглыми южанами, вроде почитателей Фелли в высоких шляпах: с прямыми носами, бритыми лицами, глубокими черными глазами. Этот же старик был рыжим и волосатым, широкоплечим, хоть и не очень высоким. Цвет его курчавых волос напоминал имбирь — я и не знала, что такой бывает. Волосы стояли торчком, окружая голову травника пышным руном, как у калментского горного барана. В бороде его, такой же рыжей, виднелась седина. Красный кончик длинного носа казался странно подвижным, и травник принюхивался ко мне, как собака, учуявшая многообещающий запах.

Белая кожа старика, там, где ее можно было разглядеть под густой курчавой порослью, была усеяна веснушками. Вот уж действительно — настоящий рыжий!

Одежда травника соответствовала его странной внешности, хотя и была совершенно не подходящей к жаркому климату косы Гортан: она была из пестрой грубошерстной ткани и казалась не сшитой, а накрученной вокруг тела.

Я снова взглянула в лицо травнику. Никак не удавалось разобрать, какого цвета у него глаза: то ли темно-серые, то ли черные с красноватым отливом...

Эти глаза смотрели на меня с веселым скептицизмом, сомнений в этом не было.

— Ну так что, добрая госпожа? — спросил меня наконец травник. — Нагляделась вдосталь?

— Прошу прощения, — сказала я, поспешно собираясь с мыслями. — Ты Гэрровин Гилфитер, травник?

— Врач, — поправил он меня. — К твоим услугам. Что-то ты, как я посмотрю, не стала ждать своей очереди. — Его выговор был таким мягким и певучим, что смягчал колкость слов.

— Не стала. У меня к тебе срочное дело.

— А выглядишь ты достаточно здоровой.

— Моя подруга нуждается в немедленной операции, иначе она умрет.

— Ах, девонька, я ж не хирург. Я крови видеть не могу.

Я перевела взгляд на сундук травника. Его крышка и боковые стенки крепились на петлях, так что могли откидываться. Внутри виднелись квадратные ящички, этикетки на которых прочесть я не могла, многочисленные бутылочки и горшочки. На полу рядом с сундуком стояли ступка с пестиком и маленькая медная жаровня, в которой рдели угли.

Я посмотрела в глаза травнику:

— А дать ей снадобье ты можешь? Чтобы она спала во время операции? Я слышала, что лекари с Мекате знают такой секрет. И еще у тебя, наверное, есть мазь, предохраняющая рану от воспаления.

— Может, и найдется. Тут ничего не скажешь наверняка, знаешь ли.

— Я заплачу тебе десять сету, если ты через полчаса придешь в «Приют пьянчуги». Я приведу хирурга.

— А что ж те мои пациенты? — спросил старик, кивнув на дверь.

— Моя подруга обречена, если не принять немедленных мер.

Глаза травника глянули на меня из-под кустистых рыжих бровей с удивительной проницательностью; кончик носа снова начал шевелиться. Я постаралась не слишком на него глазеть.

— Приду. Кого мне спросить?

— Блейз. Блейз Полукровку.

Он кивнул.

— Значит, через полчаса.

Я добралась до рыбного рынка, проявляя всяческую бдительность, но дун-магии по дороге нигде не учуяла. Поиски пивной, о которой говорил Ниамор, тоже оказались делом нетрудным. Это была, пожалуй, самая мерзкая дыра на всех Райских островах, а уж запах... Громила у двери не хотел меня впус-

кать — похоже, я была не того пола: в переднюю дверь входили одни только мужчины. Женщины входили через заднюю, и все они, как одна, принадлежали местному сутенеру.

Да если говорить по правде, не так уж мне и хотелось входить.

Я положила одну руку на рукоять меча, а другой протянула вышибале монету.

— Не здесь ли человек по имени Блойд? — спросила я.

Вышибала заржал:

— Ага. Туточки он, туточки. — Монета исчезла в его ручище. — Поговорить с ним хочешь? Кликнуть могу, чего уж там.

Блойд оказался горой жира и мышц, похожим на циркового борца. Одежда его была достаточно чистой, хоть и пропахла рыбой. Он недоверчиво оглядел меня с ног до головы.

— Я не веду дел с дерьмовыми полукровками, — проворчал он.

— Да брось, — подначил его вышибала, — она ж как раз твоего размера!

— Мне нужны услуги мясника, — сказала я. — И я заплачу. Ты ведь мясник?

— Когда-то был лучшим на всем Большом Калменте.

В это время явилась компания завсегдатаев, и внимание вышибалы отвлеклось. Я потянула Блойда в сторону:

— Ты сохранил инструменты своего ремесла?

— Куда годится мясник без своих ножей?

— Ты сумел бы разрубить тушку лани, чтобы приготовить калментский фаршированный окорок? — Это было самое сложное задание для мясника, какое я только могла придумать: для приготовления этого блюда нужно было не только аккуратно удалить кости, но и умело сшить слои жира и мяса.

— А как же!

— Я заплачу тебе двадцать сету за особую работу. Только ты должен постараться на совесть.

— Двадцать сету? Ты что, хочешь, чтобы я тебе разделал морского пони?

Я рассказала ему, чего хочу.

Через полчаса мы пришли в «Приют пьянчуги», по пути наведавшись к Блойду за его инструментами. Я заглянула в ящичек: ножи, топорики и пилы Блойда были сделаны на Кал-

менте, а это означало, что к их качеству не придерешься. Да и заботился о них Блойд на совесть: лезвия были наточены так, что рассекли бы на лету волосок.

Гэрровин Гилфитер был уже в гостинице, и мы втроем поднялись наверх. На лестнице старый травник схватил меня за локоть. Повернувшись к нему, я увидела, что кончик его носа подергивается от возбуждения.

— Что это? — прошипел он. — В какие игры ты играешь, девица?

— Прошу прощения?

— Я чую... — сказал Гэрровин. — Чую скверну.

— У тебя есть Взгляд? — Однако, еще не договорив, я поняла, что дело в другом. Будь он одним из обладающих Взглядом, я давно почувствовала бы это.

— Великая Бездна! Нет. Так это дун-магией так воняет?

— Да. — Я была растеряна: как мог он чуять дун-магию, если Взгляда у него нет?

Теперь уже они вдвоем с Блойдом с подозрением глядели на меня. Я поспешно сказала:

— У девушки язва, вызванная заклинанием, и ее нужно удалить, вот и все. Злого колдуна здесь нет.

Мне удалось успокоить их лишь отчасти. Я первая вошла в комнату Флейм, оставив Гэрровина и Блойда за дверью; безмозглая акула и хитрый осьминог присматривались друг к другу, гадая, что происходит, и оценивая один другого.

Тор и Рэнсом оба были в комнате Флейм. Она лежала на кровати; опухоль на ее руке как будто немного опала, но глаза лихорадочно блестели.

— Я привела врача, — сказала я без предисловий.

— Врача? Никакой врач мне не поможет. — Флейм пожала плечами, признавая свое поражение. — Даже полукровка не может быть настолько тупой, чтобы этого не понять. — Она повернулась лицом к стене.

Дастелец, сидевший на спинке кровати — вероятно, Руарт, — бросил на нее пристальный взгляд и щелкнул клювом.

— Это в ней говорит дун-магия, — сказала я птице. Я кивнула Тору, и тот понял намек, поспешив увести Рэнсома.

— Флейм, — сказала я, — яд главным образом у тебя в руке. Если нам удастся от него избавиться, справиться с остальным с помощью своей силв-магии ты сумеешь.

Флейм резко повернулась ко мне, глаза ее расширились.

— Ах ты, садистка, сука! Ты хочешь, чтобы мне ампутировали руку?

— Почему же нет? Флейм, благодаря силв-магии у тебя есть шанс. Большинство тех, кто умирает после ампутации, умирает из-за инфекции, а ты с ней можешь справиться. Кроме того, чтобы уж все было наверняка, я привела травника с Мекате.

Флейм молчала.

— Разве ты предпочла бы умереть?

Со спинки кровати раздалось возбужденное чириканье. Руарт подпрыгивал и хлопал крыльями.

Флейм прислушалась; на какое-то время ей удалось побороть действие дун-магии. По ее лицу потекли слезы.

— Он говорит, что я должна согласиться.

— Травник с Мекате даст тебе снадобье, и ты ничего не будешь чувствовать, пока врач будет делать свое дело. По крайней мере большую часть времени.

Флейм доверчиво кивнула:

— Хорошо. В конце концов, чего стоит рука или даже две? — Она с жестокостью улыбнулась. — Руарт ведь обходится вообще без рук.

Я заморгала.

С каждым днем, проведенным здесь, я оказывалась все ближе к тому, чтобы заплакать, — а я-то всегда думала, что слезы вообще в моем организме отсутствуют.

Глава 12

Блойд играл роль врача с величественным достоинством, которое изменяло ему только тогда, когда он открывал рот: выговор у него был совершенно простонародный. Он разложил свои инструменты на столе, который мы принесли с кухни, каждый предмет — на своей белой салфетке; я в это время старательно загораживала собой все приготовления от Флейм. Четыре ножа разной величины, точильный камень, мотки нити, четыре изогнутых иглы. Бутылка виски. Две пилы с зубьями разной величины. Несколько зажимов. Пачка муслиновых салфеток. Все выглядело содержащимся в безупречной

чистоте, что обнадеживало... Руарт, впрочем, в тревоге перепархивал с кровати на окно, с окна — на стул, пока я не бросила на него суровый взгляд. Рэнсом, который вместе с Тором вернулся в комнату, был ненамного спокойнее. Кустистые брови Гэрровина, когда он увидел обилие орудий мясника, взлетели так высоко, что едва не слились с лохматыми волосами. Он бросил на меня взгляд одновременно удивленный и насмешливый.

— Мы тут собираемся обедать, девонька, или производить ампутацию? Может, тебе нужны приправы, а не лекарственные растения?

— Делай свое дело, — рявкнула я. Старик ухмыльнулся, развязал узелок, который принес с собой, и достал свои горшочки и бутылочки. Мы напоили Флейм обезболивающим и снотворным снадобьем.

Блойд в предвкушении потирал руки.

— Ну, начнем, красотка, — жизнерадостно сказал он мне. — В последний раз руку я отрезал собственной жене. Можешь мне поверить — ей ничуточки больно не было. Да и жалеть о руке не пришлось... Ладно, давай посмотрим, в чем там дело.

Мы подняли засыпающую Флейм и уложили на стол; Блойд с отвращением осмотрел ее руку и повернулся ко мне:

— Тридцать сету, и ни на грош меньше. — Голос его был таким же напряженным, как и мышцы. Он знал, что видит перед собой, и знал, какие неприятности ждут его, если дун-маг узнает о его участии в нашей затее.

Я для виду поторговалась, но душа моя к этому не лежала.

Душа моя не лежала и к тому, что за этим последовало.

Снадобья приглушили боль, но полностью сознания Флейм не потеряла. Мы привязали ее к столу, но каждое прикосновение ножа заставляло ее метаться и стонать так жалобно, что мне казалось, будто нож вонзается в мое тело. Это было ужасно...

— Поторопись, — сказала я Блойду. — И не забывай, что ты имеешь дело не с трупом. Она может истечь кровью.

Сразу было видно, что мясник наслаждается работой. Первый разрез он сделал, пока я еще затягивала последнюю удерживающую Флейм веревку. Блойд все время комментировал свои действия и то и дело давал нам с Тором указания: подать то, подать это, подержать там, надавить тут. По какой-то причине — я не совсем поняла почему — он счел необходимым

отнять руку выше локтя, а не по суставу. Первый надрез Блойд сделал гораздо ниже, чтобы, как он сказал, иметь достаточно большой лоскут плоти для натягивания на культю. При таком объяснении Рэнсом упал в обморок.

Я не могла позволить себе подобной роскоши. Мне приходилось следить за каждым движением Блойда, но все равно я боялась, что он забудет: режет он живую плоть. Когда Флейм начала стонать громче и стало ясно, что действие снадобья заканчивается, Гэрровин прижал к ее лицу тряпку, смоченную жидкостью из одной из своих бутылочек. Запах был сладкий и тошнотворный... Сначала, когда Блойд принялся пилить кость, Флейм все равно продолжала кричать, но потом, благодарение богам, средство подействовало, и она отключилась. Гэрровин пощупал ее пульс и ободряюще кивнул мне.

— Сердце бьется сильно, — сказал он. — Хоть она и тощая, но крепкая, как скала Синдур. — О такой скале я никогда не слышала, так что его слова меня не особенно утешили.

Блойд был хорошим мясником, должна признать, и его веселая бесчувственность, пожалуй, являлась преимуществом, поскольку означала, что он ничуть не нервничает. Кровь его не пугала, сосуды он перевязывал с безразличным спокойствием, как если бы это было для него обычным делом, а швы делал быстро и аккуратно. Гэрровин острым взглядом следил за ним и постоянно пояснял то, что происходит.

— Ну вот, это, должно быть, главный сосуд. Ты бы, парень, остановил кровотечение, а? А сюда, милый, я бы на твоем месте не лез, лучше вон там пережми. Вот, молодец! Ловко ты наложил шов! — Мне хотелось прикрикнуть на него, чтобы он замолчал. Только много позже я поняла, что успехом операции мы в большой мере были обязаны его советам.

Я расплатилась с Блойдом и предупредила, чтобы языком он не трепал (впрочем, тут можно было ничего не опасаться: Блойд знал, чем рискует, если до дун-мага дойдет слух о его участии в спасении Флейм), и проводила до двери. Потом я вернулась, чтобы помочь Гэрровину и Тору забинтовать культю и перенести Флейм на постель. Сознание к ней уже возвращалось, и боль заставляла ее судорожно втягивать воздух сквозь зубы. Однако теперь было нужно, чтобы Флейм оставалась в сознании: ей требовалось избавиться от остатков дун-магии, а также побороть возможную инфекцию, поэтому, когда Гэр-

ровин предложил дать ей еще снотворного снадобья, я покачала головой:

— Не сейчас — сначала она должна позаботиться о собственном исцелении. Лучше приготовь ей питье, облегчающее боль.

Я бросила взгляд на Руарта, сидевшего на спинке кровати. Птицы были для меня все одинаковы, особенно мелкие, по крайней мере до тех пор, пока я не познакомилась с дастелцами, но нужно было бы быть слепой, чтобы не заметить отчаяния, которое испытывал Руарт. Бедняга... Он сидел нахохлившись, яркие перышки словно поблекли, голова поникла, а в синих глазах была такая боль, что мне захотелось его утешить, — только я не знала, как это сделать.

Флейм снова начала стонать, и ее вырвало. После того как мы ее умыли, я села рядом и взяла ее за правую руку — единственную теперь.

— Все позади, — сказала я, — но тебе еще предстоит побороться.

Флейм открыла глаза, но боль была такой сильной, что она едва снова не потеряла сознания. Я следила за тем, как она борется — и побеждает; в ее победе я не сомневалась. Она даже сумела мне улыбнуться. Что за женщина!

Гэрровин приготовил ей питье, уменьшающее боль, а потом отошел и стал смотреть в окно. Мое место рядом с Флейм занял Рэнсом, который пришел в себя и теперь рвался загладить проявление слабости.

— Тебе нужно отдохнуть, — тихо сказал мне Тор. — У тебя ведь тоже хватает ран. Здесь я за всем присмотрю. — Он обвел рукой комнату — кровь, отрезанную руку Флейм, Рэнсома.

Я кивнула:

— Спасибо, Тор.

— Ты уверена, что тебе самой не требуется помощь?

Я с благодарностью коснулась его руки.

Потом я повернулась к Гэрровину, который прислонился к стене, глядя на нас своим расчетливым взглядом. Кончик носа у него шевелился, и я не могла не подумать о кролике: у этих зверьков носы вечно подрагивают.

— Я в самом деле не выношу крови, — сказал он.

— Мы очень тебе признательны, — сказала я, отсчитывая причитающиеся ему деньги, и мрачно добавила: — И тем бо-

лее потому, что ты не выносишь крови. — Я верила его словам: бедный травник просто позеленел.

Гэрровин сунул монеты куда-то под одежду и протянул мне бутылку:

— Я оставлю это снадобье — оно уменьшает боль. Давай ей по две ложки каждые два часа.

— Ты зайдешь завтра? — спросил Рэнсом.

Гэрровин покачал головой:

— Только не я. Уж очень я уважаю собственную безопасность. — Он завязал свой узелок и двинулся к двери. Взяв фонарь, я вышла с ним вместе.

Тор думал, что я отправилась в свою комнату, но мне нужно было сделать еще одно дело, прежде чем я могла позволить себе отдохнуть, так что я спустилась вниз вместе с травником.

— Не тревожься, — сказал мне Гэрровин. — С ней все будет хорошо.

— Просто не знаю, что мы без тебя делали бы. Объясни мне, почему лекарства с Мекате настолько лучше, чем с других островов? Я видела, как человеку отрезали ногу — без подобных снадобий, — и вспоминать об этом мне не хотелось бы; а ведь оперировали его в одной из лучших больниц Ступицы.

— Потому что сами-себе-пастухи думают головами, а не подчиняются суевериям.

Второй раз Гэрровин так назвал лекарей с Мекате — сами-себе-пастухи, — но мне это по-прежнему ничего не говорило.

— Кто они такие?

— Люди с Небесной равнины, с Крыши Мекате. Ты на Мекате бывала?

Я кивнула.

— А ведь о нас ты и не слыхивала. Ты видела навоз, а золота и не заметила, Блейз.

— Если там все так чудесно, почему ты оттуда уехал?

— Беда с раем в том, что там нет места для дьяволов.

— Для нас ты сегодня дьяволом не оказался.

— Спроси любого человека о его собственном дьяволе, и все ответят тебе по-разному. Спроси почитателя Фелли, и он ответит тебе, что это женщина, которая имеет собственное мнение. Спроси того красавчика наверху, и он скажет тебе, что это грязный нищий в канаве, который пырнет тебя ножом, если

ты не подашь ему милостыню. А если спросить тебя, Блейз Полукровка, ты, должно быть, скажешь, что это человек, который отказывает тебе в гражданстве.

Он был слишком проницателен, этот Гэрровин, чтобы в его обществе я чувствовала себя уютно. Мелочная мстительность заставила меня спросить:

— А если бы я спросила этих твоих самих-себе-пастухов, каковы их дьяволы, что бы они ответили?

— Она сказали бы, что это человек — не такой, как все. Ни больше ни меньше. В раю полагается быть правилам, видишь ли. И то, что одному — рай, для другого — ад. — Мы подошли к выходу из гостиницы, и Гэрровин обернулся ко мне; морщины на его лице сложились в насмешливую улыбку. — Если ты когда-нибудь найдешь то, что ищешь, ты, возможно, проклянешь все на свете. Жизнь полна иронии. Все, о чем я мечтал, — это стать хирургом, и тут-то и оказалось, что от одного запаха крови мне хочется все бросить.

Я переменила тему:

— Как получается, что чуять дун-магию ты можешь, а Взглядом не обладаешь?

Он снова насмешливо улыбнулся:

— У меня превосходный нос, девонька.

Гэрровин помахал мальчишке с фонарем, чтобы тот проводил его до дому, и двинулся прочь, завернувшись в свою странную бесформенную одежду; его волосы торчали вокруг его головы, как жесткая трава на дюне.

Как только он завернул за угол, его вырвало. Я слышала.

Теперь я занялась тем, ради чего спустилась вниз. Мне нужно было найти Танна. Я не забыла слов Тора о том, что дун-маг наказал мальчишку.

В сарае Танна не оказалось.

Я нашла его вместе с его собакой за грудой корзин на причале. Дорогу мне указало зловоние — зловоние дун-магии, заглушавшее даже запах тухлой рыбы. Увидев меня, Танн пополз прочь, и его речь — если он и в самом деле пытался что-то сказать — оказалась совсем неразборчивой. То, что я увидела в свете фонаря, вызвало у меня тошноту.

По всему телу Танна вспухли рубцы, словно его высекли; однако я знала, что его никто и пальцем не тронул, — рубцы

были следствием заклинания, особенно болезненные и долго не заживающие. Кожа мальчика казалась одной сплошной раной, но то, что эта жестокость сделала с его разумом, было еще хуже. Я попыталась коснуться Танна, но он мне этого не позволил. Каждый раз, когда я протягивала руку или хотя бы заговаривала с ним, Танн съеживался от страха. Единственным живым существом, которому он еще доверял, был его любимец щенок. Танн отказался взять мазь, которую я принесла. В конце концов я оставила баночку на земле в надежде, что мальчик ею все-таки воспользуется. Мазь не сделала бы его выздоровление более быстрым, но смягчила бы боль.

Потом я вернулась в свою комнату, мучимая виной. Мне не следовало вовлекать мальчишку в дела, которые касались дун-мага.

Знаешь, если не возражаешь, давай на сегодня кончим. Некоторые воспоминания ранят, сколько бы времени ни прошло...

Глава 13

Ведь знала же я, что не следует приезжать на косу Гортан...

И вот результат: не только никакой надежды заработать свои две тысячи сету, но и испорченные отношения с нанимателем, опасность сделаться жертвой приспешников дун-мага — и к тому же возможность навлечь те же неприятности на Тора Райдера.

Даже несколько часов мертвого сна и настоящая ванна — подкупив судомойку, я получила целых два ведра солоноватой воды вместо положенного кувшина — не улучшили моего настроения.

Расспросы на следующий день на пристани подтвердили то печальное обстоятельство, что ни один корабль еще не может отплыть с косы Гортан... впрочем, и Флейм перевозить было пока невозможно. Весь день мы с Рэнсомом ухаживали за ней, наблюдая за тем, как она напрягает все силы, борясь с остатками дун-магии; от непрерывных усилий она обливалась потом и едва не теряла сознание.

Каждый раз, когда я встречалась с Рэнсомом, он кидал на меня свирепые взгляды: мальчишка был уверен, что все случившееся — моя вина, а мой интерес к Флейм носит исключительно корыстный характер. Он считал, что не бросаю я ее только в надежде, что она сообщит мне о местонахождении Девы Замка. Это была явная несправедливость. Я к этому времени была фактически уверена, что точно знаю, где находится беглянка; кроме того, не приходилось сомневаться: раз Флейм готова умереть, лишь бы не открыть эту тайну хранителям, мне она тоже ничего не скажет. Впрочем, я уже заметила, что логика, в отличие от привлекательности, не была сильной чертой Рэнсома.

Когда он не сидел рядом с Флейм, он беседовал с Тором в своей комнате. К счастью, после таких разговоров он всегда оказывался немного спокойнее и немного разумнее; каким-то образом Тору с его спокойной сосредоточенностью и мягким юмором удавалось бороться с неустойчивостью настроения и детскими капризами наследника.

Влияние Тора на меня было не менее благодетельным, хотя и не таким успокаивающим. В его объятиях я забывала свои страхи, училась отдавать себя и, что еще более важно, принимать то, что дарил мне он. Я пребывала в постоянном состоянии изумления: так ново все это было для меня. Даже напряжение, рожденное пониманием того, что любое мгновение мира и покоя не более чем именно краткое мгновение, не могло убить моей радости.

Многое в Торе по-прежнему меня озадачивало. Например, кем был его наниматель: кто попросил его присматривать за Рэнсомом? И почему, если мне случалось неожиданно подойти к нему, он выглядел таким... далеким? Он сидел совершенно неподвижно, казался настолько не от мира сего, был так сосредоточен на чем-то глубоко в собственной душе, что ничто в реальной действительности для него значения не имело. В такие моменты я для него не существовала.

Беспокоили меня и другие загадки — те, что касались хранителей. Что они так старательно охраняли в самом глубоком трюме своего корабля? Почему возможное неудовольствие властителя Брета так их беспокоило? Почему они были так заинтересованы в этом островном государстве? Я бывала там и

не видела ничего, что могло бы быть жизненно важно для Ступицы.

К концу второго дня после ампутации стало ясно, что дела у Флейм идут не так хорошо, как мы сначала думали. Осмотрев ее, я поняла, что проблема не в дун-магии: с ней Флейм почти разделалась. Мазь, оставленная Гэрровином, не позволила ране воспалиться, — еще одно доказательство превосходства лекарей с Мекате. Беда была в том, что, поскольку все внимание Флейм было сосредоточено на борьбе со злым колдовством, у нее не оставалось сил позаботиться о своем здоровье. Она потеряла очень много крови, и ее культя не заживала: из нее постоянно сочилась сукровица. У Флейм не оставалось никаких резервов силв-магии, которые она могла бы направить на собственное исцеление. Она совершенно обессилела. Только отдых и здоровье могли вернуть Флейм прежнюю магическую силу; отдых был ей доступен, а вот здоровье...

Я отправилась в город, чтобы снова привести в гостиницу Гэрровина: я рассчитывала, что у него найдутся какие-нибудь укрепляющие снадобья или хотя бы полезный совет. Однако найти травника мне не удалось. Когда я спросила Вука, того человека, у которого Гэрровин снимал каморку, тот сообщил, что старик вернулся поздно вечером два дня назад (по-видимому, сразу после ампутации), собрал вещи и ушел. Я порасспрашивала окрестных жителей, но единственным, кто видел травника, оказался капитан корабля: Гэрровин приходил к нему с просьбой взять его пассажиром. Узнав, что ни один корабль не покинет гавань, пока ветры и течения не переменятся, Гэрровин просто исчез.

Я вздохнула. Гэрровин, похоже, воспринял угрозу дун-магии очень всерьез и предпочел скрыться. Не могу сказать, что я осудила его за это, хотя, признаюсь, крепко выругалась, когда поняла, как искусно он замел следы.

Как к последнему средству я прибегла к помощи Адди Лекс, поварихи в харчевне. Она жарила над горящими водорослями рыбьи потроха; в кухне было жарко, и пот со лба Адди капал прямо на ее стряпню. Глаз у толстухи снова был подбит, и взгляд, который она бросила на своего супруга — хозяина харчевни и одновременно единственного слугу в ней, — был полон злобы и страха.

— Гэрровин? — переспросила Адди. — Ну как же, знаю его. Он смылся две ночи назад. Все только о том и толкуют. Он был даром божьим для всех болящих в этой вонючей дыре, и если он не вернется... — Адди потрогала свой заплывший глаз. — Говорят, за ним явился какой-то великан с огромным мечом — хотел, чтобы старик вылечил его жену. Ну, Гэрровин пошел с ним, да только женщина померла, а муж ее взбесился и грозится изрубить травника на мелкие кусочки. Вот тот и слинял.

Я с трудом догадалась, что слышу собственную историю. За двадцать четыре часа Гортанская Пристань сумела не только превратить меня в мужчину, но еще и снабдить женой.

Адди переложила свою стряпню на тарелку, украсила хрустящими солеными водорослями и визгливо позвала мужа, который должен был подать блюдо на стол в харчевне.

— Где, как ты думаешь, он прячется? — спросила я.

— Ах, конечно, у своей потаскухи.

— У него была потаскуха?

— Откуда мне знать? Но я именно так и сделала бы, будь я мужиком и нуждайся в укромном местечке. — Адди, отдуваясь, облокотилась на прилавок. — Говорят, этот Гэрровин на самом деле знатный человек, чуть ли не князь, а жил в месте, которое называется Небесная равнина. Сбежал из-за того, что посмел поцеловать жену своего старшего брата...

Адди снова дала волю своему романтическому воображению. Подавив вздох, я сдалась. Когда я двинулась к двери, Адди кивнула в сторону мужа и прошептала:

— Блейз, мы разделим кубышку пополам, если ты с ним разделаешься...

Я чувствовала себя усталой и замаранной. Так вот как теперь люди обо мне думают? Что я готова убить кого угодно ради нескольких монет?

К концу следующего дня я оказалась вынуждена взглянуть в лицо факту: Флейм умирала. Не могла я закрыть глаза и на другое: я, которая могла спасти ее от всех мучений, предпочла этого не делать. Бесполезно было говорить себе, что таково было желание самой Флейм. Я все равно чувствовала себя виноватой.

* * *

Еще одна ночь... Жаркая и душная. Я открыла окно, и дастелцы устроились на подоконнике, спрятав головы под крыло. Руарт, несомненно, был среди них. Флейм тихо стонала и металась во сне. Тор и Рэнсом давно разошлись по своим комнатам.

Я услышала, как кто-то поднимается по лестнице. Ступени были такими рассохшимися, что их скрип перекрывал даже шум, доносившийся из зала на первом этаже. Я по привычке насторожилась: страх и напряжение к этому времени стали моим постоянным состоянием. Я приоткрыла дверь и выглянула.

Это был сир-силв Датрик.

Он освещал себе дорогу тусклым колдовским огоньком и озирался, словно не уверенный, какая дверь ему нужна.

— Ты меня ищешь? — спросила я. Говорила я тихо, чтобы не разбудить Флейм, но Датрик должен был бы быть невосприимчив, как прилепившийся к скале моллюск-блюдечко, чтобы не уловить в моем голосе неприязни.

Он кивнул и взмахом руки погасил колдовской огонек.

— Да. Можно войти?

Я посторонилась и жестом пригласила его в комнату. Войдя, Датрик огляделся и подошел к постели, чтобы посмотреть на Флейм. У кровати горела всего одна свеча, но ему этого было достаточно, чтобы заметить забинтованную руку и бледность цирказеанки.

— Ах, так вот что ты сделала... Но она не поправляется. — Он помолчал, нахмурившись. — Впрочем, с дун-магией она справилась.

— Да. Она просто слишком слаба.

Датрик кивнул:

— Потеря крови, шок. Такое иногда случается после операции.

— Ты мог бы ее спасти, и к тому же без особого напряжения сил, раз с дун-магией покончено.

Датрик снова кивнул:

— Мог бы.

Этот подонок хотел, чтобы я его умоляла.

— Ты это сделаешь?

Советник равнодушно отвернулся от Флейм.

— Цена ей известна.

Я только вытаращила глаза, не находя слов.

Датрик сделал вид, будто колеблется, но это было одно притворство: он, идя сюда, явно не рассчитывал на то, что Флейм передумает.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал он наконец.

— Для чего?

— Этот злой маг... он слишком силен. Нам нужен кто-нибудь, обладающий Взглядом, чтобы предупреждать о его заклинаниях... да и чтобы указать его нам.

— Скажи мне, сир-силв, с каких это пор хранители так беспокоятся о том, что случится на куче песка вперемешку с рыбьей чешуей вроде косы Гортан? Этот остров — свалка для человеческого отребья. Он не имеет никакой ценности, кроме богатых рыбой вод у южной оконечности. Так с какой стати забивать себе голову тем, что творит дун-маг на косе Гортан? — Мне казалось, что благодаря Тору я знаю ответ на свой вопрос, но мне хотелось получить подтверждение.

Датрик расчетливо взглянул на меня, прикидывая, выиграет ли что-нибудь, объяснив мне ситуацию, и, по-видимому, решил, что выгода в этом есть.

— Мы не стали бы принимать мер, если бы думали, что он останется на косе Гортан. Однако дун-маг тайно путешествует по Средним островам, похищая и подвергая превращению силвов, что он пытался проделать и с этой цирказеанкой. Похоже, он собрал их всех на косе Гортан, но мы сомневаемся, чтобы он собирался здесь оставаться. Ему просто нужно место, где он мог бы собраться с силами, — зачем, мы не знаем. Однако можешь не сомневаться: он не выбрал бы подобную дыру в качестве постоянной резиденции. — Датрик с отвращением оглядел комнату, словно она символизировала все, что было мерзкого на косе Гортан.

— Вы уже некоторое время следите за ним?

Советник угрюмо покачал головой:

— Мы все время отстаем на несколько шагов. Мы даже не знаем, как он выглядит, — где бы он ни появлялся, он при помощи своих чар меняет внешность. Этот маг очень, очень умен. Мы полагаем, что его цель — рано или поздно бросить вызов власти хранителей на Средних островах. Этим и объясняется

наша тревога. Блейз, мы потеряли очень многих — даже нескольких советников.

Этого я не знала и была поражена.

— Вы держали все в секрете...

— Мы не хотели, чтобы началась паника.

Или не хотели признаться в том, что не сумели защитить силвов... А в результате сколько же силв-магов было захвачено только потому, что их вовремя не предупредили? Я уже открыла рот, чтобы сказать об этом, но передумала. Недаром говорят: не плюй в колодец, пригодится воды напиться... Вместо этого я со всей серьезностью поинтересовалась:

— Сир-силв, как возникают дун-маги? Я всегда считала, что ими просто рождаются, точно так же, как происходит с силвами, но так ли это? Может быть, все они — совращенные силвы?

— Бывает и так, и иначе. Дети дун-мага и силва оказываются дун-магами. Всегда.

— А дети дун-мага и не-силва?

— Нет никаких сведений о том, чтобы в результате таких связей рождалось потомство. Видят боги: эти негодяи изнасиловали достаточно женщин, чтобы можно было утверждать это с определенностью. — Датрик скривился от отвращения, и я даже испытала какое-то подобие теплого чувства к нему. Советник не жаловал насильников.

— Лучше расскажи мне все, что тебе известно. Мне очень не нравится действовать с завязанным глазами.

— Особенно рассказывать не о чем. Мы узнали о странных происшествиях примерно три года назад: до нас стали доходить слухи о том, что многие менодиане погибли, а силвы стали исчезать. Однако это не касалось силвов-хранителей. Исчезали просто жители разных островов — то целитель, то мастер иллюзий. Ничего такого уж особенного; мы тогда не думали, что нам следует вмешиваться. Но восемь месяцев назад исчезла Ангиеста — а она была одна из нас. Ты, должно быть, помнишь тот случай — я посылал тебя с сир-силвом Ральфом для выяснения. Вы обнаружили в ее доме следы дун-магии. Это было первым свидетельством злодеяний колдуна.

Я очень хорошо все помнила. Я сильно огорчилась тогда, потому что сир-Ангиеста по всем отзывам была прелестной

женщиной, матерью трех синеглазых дочерей, нежно любимой женой. Ее муж был в отчаянии. Я по запаху дун-магии добралась до ближайшего порта; там след исчез. Села ли Ангиеста на корабль, что это было за судно и куда направлялось, — все эти вопросы остались без ответа. Одна из моих неудач...

— После этого на островах Хранителей было еще несколько исчезновений, — продолжал Датрик. — Злой колдун превращал силвов в дун-магов, а те потом делали то же самое со своими друзьями. За последние два месяца мы потеряли девяносто двух человек, Блейз.

Я была в ужасе.

— Девяносто двух? Ты должен был сказать мне об этом, Датрик. Зачем было посылать меня искать Деву Замка, которая не хочет, чтобы ее нашли, когда происходят такие ужасные вещи? Ты должен был воспользоваться помощью кого-то, кто обладает Взглядом.

— Поиски Девы Замка совсем не мелочь. И на нас работают и другие агенты, такие же, как ты.

Для меня это было новостью, хотя вполне могло оказаться правдой. Я ничего не сказала — просто не могла. Потерять девяносто двух человек...

— Он дьявольски хитер, — снова заговорил Датрик. — Он заставлял совращенных им силвов небольшими группами нападать на силвов-одиночек, и для тех, конечно, не оставалось никакой надежды. Жертвы пытались установить защиту, но против объединенной силы троих или четверых магов оказывались беспомощны.

Я задумчиво проговорила:

— Этот маг не только хитер, он еще и очень мстителен. С теми, кто вызвал его гнев, он ужасно жесток. И еще я сказала бы, что его ненависть к обладающим Взглядом — прямо-таки патологическая. Может быть, эти качества в конце концов его и погубят.

Датрик обдумал мои слова.

— Мы заметили, что многие, убитые дун-магом, были менодианами. Мы решили, что он терпеть не может последователей этой религии, но, может быть, он уничтожает как раз обладающих Взглядом, которых среди менодиан особенно много, как тебе, несомненно, известно.

— Рэнс... Новисс! Злой маг наложил на Новисса заклятие, а тот как раз мирянин-менодианин... хоть и не обладает Взглядом.

— Может быть, Новисс был с магом груб.

Я хмыкнула. Это было вполне возможно.

— Так что же вы собираетесь делать?

— Напасть на деревню, где живут совращенные силвы.

— Будь осторожен, сир-силв. Я видела это место. Оно буквально переполнено скверной дун-магии. Если ты и твои приятели обладаете достаточной мощью, чтобы выжечь такую язву с косы Гортан, ты это от меня скрывал.

— Ты думаешь, нас ждет неудача? — Датрик недоверчиво поднял брови. — Хранители не привыкли проигрывать. Впрочем, есть одно дело, которое мы должны сделать в первую очередь, — опознать дун-мага. Если ему удастся скрыться, уничтожение деревни мало что даст. Нужно истребить главное зло, и желательно до того, как мы займемся деревней.

— Если ты имеешь в виду — убить дун-мага, так и скажи, сир-силв. Привычка прятать суровую правду за красивыми словами — одна из самых неприятных твоих черт. И действительно ли необходимо убивать всех, кто окажется в деревне? Разве ты не можешь спасти бывших силвов?

— Нет, спасти превращенных в дун-магов силвов невозможно. То, что я сказал Флейм, — правда. Все они теперь злые колдуны, не питай иллюзий. Не имеет значения, кем они были раньше. Они не имеют желания вновь стать силвами, разве что в самом дальнем уголке души. А раз они не хотят, то и не станут. У них достаточно силы, чтобы воспрепятствовать своему обратному превращению.

Я взглянула на Флейм, радуясь, что хотя бы от такой участи я ее спасла.

— Если бы я знала, кто такой дун-маг, я уже сообщила бы тебе об этом. Мне известно, что по крайней мере один раз я находилась в одном с ним помещении, и однажды я говорила с ним, только не видела его в лицо и не узнала голос. Я видела следы его заклинаний, но опознать его мне не удалось.

— Почему? Ведь именно это позволяет делать твой талант.

— Обладающие Взглядом обнаруживают силвов и дун-магов, потому что способны видеть и чуять их заклинания. Каждое колдовство оставляет следы на том маге, который к нему

прибег, и они сохраняются неделю или две, а иногда и несколько месяцев — в зависимости от того, насколько мощным было заклинание. Однако если силв долго не пользуется магией, он выглядит для нас таким же, как и все прочие люди. Точно так же все обстоит и с дун-магами.

— Не кажется ли тебе, что этот человек постоянно прибегает к заклинаниям?

Я пропустила его сарказм мимо ушей.

— В данном случае проблема скорее противоположная. Магия этого колдуна просто слишком сильна. Я вижу и обоняю ее следы с того момента, как высадилась на косе Гортан. Зловоние скверны тут всюду. Даже когда этот человек прибег к заклятию в одном помещении со мной, зло было таким могущественным, что я не смогла определить его источник.

Впрочем, я нашла человека, который может добыть полезные сведения. Исцели Флейм и заплати мне две тысячи сету, которые я получила бы, если бы нашла Деву Замка, и я узнаю, кто такой этот злой колдун.

Датрик посмотрел на меня своими синими глазами, которые в тусклом свете свечи казались бархатными; они напомнили мне крепкий темный портвейн, который изготовляют на островах Бетани. Поколебавшись, он сказал:

— Хорошо. Я помогу ей. Я верну ей силу силва, чтобы она смогла исцелить себя. На это уйдет всего час или два. Но никаких денег ты не получишь, кроме того, что нужно на расходы. Если хочешь заработать, найди Деву Замка.

Датрик снова взглянул на меня, и какое-то время мы смотрели друг другу в глаза. Надеюсь, мое лицо было таким же бесстрастным... Советник, конечно, добился того, чего хотел. Он слишком хорошо меня знал, чтобы понять: когда дело касалось Флейм, я теряла свое обычное хладнокровие. Он видел, что мне не все равно, и догадывался, что нет ничего такого, чего я не сделала бы ради спасения Флейм. Пусть на лице советника ничего не отражалось, но я знала, о чем он думает. Датрик полагал, что Флейм — моя возлюбленная, и был достаточно консервативен, чтобы презирать меня за это, как он презирал меня как полукровку. Я едва ли не чувствовала кожей его неприязнь. По какой-то абсурдной причине это уязвляло меня. С чего бы — после стольких лет, когда Датрик про-

являл ко мне полное равнодушие... Тем не менее в его власти было причинить мне боль.

— Начинай, — сказала я, протягивая руку за лежащим на стуле плащом. — Я схожу повидаюсь с моим другом.

Глава 14

Рассказать побольше о себе? Разве это важно? Не очень-то веселый получится рассказ... Гордиться тем, как я росла, не приходится. Правда, и стыдиться я своего прошлого — не стыжусь. Ребенок может действовать только в границах того, что ему известно. Я старалась изо всех сил, я совершала ошибки, но я выжила. Не многим полукровкам, не имеющим поддержки семьи, это удается. Мне повезло: у меня оказался Взгляд. Взгляд... и Датрик.

Я, знаешь ли, однажды попыталась от него сбежать.

Я сбежала из Ступицы, да и вообще с островов Хранителей, когда мне было четырнадцать. Я хотела быть свободной, идти своей собственной дорогой, никогда больше не делать того, что мне велят, ради хлеба насущного и крыши над головой.

Я всегда была бунтаркой, наверное, но ситуация обострилась, когда меня выставили из менодианской школы для мальчиков. Мне тогда было около двенадцати лет, и у меня только что наступили месячные. Патриархи-учителя в смущении и растерянности решили, что девочка-подросток, несомненно, является соблазном для подростков-мальчишек, не говоря уже о давших обет воздержания учителях, так что они уведомили Датрика, что больше держать меня у себя не станут. Датрик отправил меня в школу для девочек-силвов, не ту, где я была раньше, а другую.

Более неподходящего места выбрать он не мог.

Это была школа для элиты — девочек, которые в один прекрасный день должны были поступить на службу Совету. Все ученицы обладали магическим даром, и главная цель обучения заключалась в том, чтобы научить их наилучшим образом пользоваться своей силой. Мои соученицы целыми днями создавали иллюзии, творили заклинания, постигали философию

силвов... и все это было для меня прозрачно, как медуза. Я, двенадцатилетняя бродяжка с колоссальным комплексом неполноценности, презирала их игры и их притворство и не скрывала этого. Что же удивляться, что все меня терпеть не могли... И я очень скоро обнаружила, что девочки-подростки могут быть весьма изобретательны по части разных гадостей.

Я жила в состоянии постоянной войны со всеми и ни на минуту не могла расслабиться.

Мне не приходилось присутствовать на всех уроках, потому что они по большей части посвящались использованию силв-магии, однако были вещи, которые мне следовало выучить, — все, что касалось политики, истории и географии Райских островов. И поскольку к тому времени стало ясно, какой высокой и сильной я стану, Датрик распорядился, чтобы меня учили воинским искусствам: фехтованию, стрельбе из лука, плаванию, скалолазанию. Он имел на меня собственные виды, теперь-то я это понимаю. Послушный инструмент в его руках, полезный благодаря Взгляду... Я могла выполнять его задания и при этом сама заботиться о собственной безопасности.

Я все еще искала в его отношении ко мне проявление заботы, какое-то указание на то, что он привязан ко мне как к личности, — и каждый раз разочаровывалась. И все равно я продолжала надеяться... я была тогда, в конце концов, просто ребенком.

Хранители по-прежнему использовали меня, как и раньше: Датрик или один из его подчиненных иногда забирал меня из школы ради какого-нибудь задания, для выполнения которого требовался Взгляд.

Вскоре после того как я попала в новую школу, меня впервые отправили на другие острова. Датрик послал меня в качестве пажа сопровождать сир-силва Арнадо, пожилого богатого человека. Арнадо был одним из лучших воинов на службе Совета, знаменитым фехтовальщиком, и вся молодежь, включая меня, стремилась ему подражать. Сначала я была настолько переполнена благоговением, что еле могла выдавить из себя несколько слов в его присутствии. В первый день Арнадо мирился с этим, но на второй, когда корабль, на котором мы плыли, вошел в пролив между островами Ступицы и Оси по пути к Бетани, предложил мне попрактиковаться в фехтовании. Конечно, это не была схватка на равных — Арнадо на самом деле

просто меня учил, — но, к счастью, желание перенять у него как можно больше вскоре вытеснило благоговение. К концу путешествия мы были добрыми друзьями. Я смешила его своими простонародными манерами и привычкой говорить правду в глаза. Мне же он казался самым терпеливым и добрым человеком на свете. Конечно, я вовсю старалась подражать ему, что было довольно смешно, но мне хочется думать, что какая-то доля его умения себя держать передалась и мне. Я так никогда и не стала придворной дамой, но в случае необходимости могу более или менее успешно играть такую роль, и обязана я этим Арнадо. Может быть, главной услугой, которую он мне оказал, было то, что он развил начатки самоуважения, заложенные во мне менодианами. «Добрая почва, — любил говорить он, — даже если упадет в море, станет островом. В тебе, Блейз, добрая почва, и не позволяй никому говорить иначе».

Наше задание, как объяснил мне Арнадо, было выяснить, есть ли правда в слухах, которые стали доходить до Ступицы: будто один из главных советников правителя — дун-маг, и если так и окажется, принять необходимые меры. Я была настолько наивна, что даже не задумывалась о том, что означает вторая часть задания. Я следовала за Арнадо, наслаждаясь приключением и радуясь возможности не возвращаться в свою ужасную школу к малолетним мучительницам.

У Арнадо были рекомендательные письма, благодаря которым нас приняли при дворе правителя. Я впервые увидела, как живет знать, и меня буквально распирали смех, ужас и изумление. Богатые были способны на такие глупости! Они могли каждый день часами прихорашиваться перед зеркалом, словно морские чайки, приглаживающие перышки. Они готовы были терпеть неудобную одежду, лишь бы не отстать от моды, — понять этого я не могла. Меня поражал их эгоизм: как могли они жить в расточительной роскоши, когда другие люди не имели даже крыши над головой? Должно быть, я существовала как во сне — песчаный угорь, впервые в жизни увидевший коралловый риф и неспособный закрыть рот от удивления.

Мне понадобился месяц, чтобы учуять след дун-магии, — главным образом потому, что только к этому времени нас стали принимать в высшем свете. Однако как только мы получили приглашение на прием к правителю, я сразу обнаружила

источник скверны: им оказался не советник, а женщина, на которой он недавно женился. Она так подчинила себе старика, что тот говорил только то, что она хотела. Багровый отблеск лежал и на самом правителе: должно быть, колдунья и на него уже наложила заклятие.

Я рассказала Арнадо о том, что обнаружила. Он с улыбкой взъерошил мне волосы.

— Ты уверена, моя маленькая головешка? Помни: я буду действовать на основании твоих слов, и если ты ошибешься, могут погибнуть невинные.

Даже тогда я не поняла, что он имеет в виду, и с возмущением ответила:

— Конечно, уверена! Она злая колдунья, а ее муж так погряз в багровой скверне, что, по-моему, у него уже не осталось ни одной собственной мысли.

— Хорошо. Значит, свою работу ты выполнила. — Он сунул мне в руку несколько монет. — Я хочу, чтобы ты упаковала и свои вещи, и мои, а потом отправилась на речную пристань и заплатила за два места на ближайшем корабле, отправляющемся к морю. Багаж возьми с собой и жди меня на пристани. Справишься?

Я кивнула. Арнадо еще раньше показал мне, где находится пристань и как покупать билеты. Я охотно сделала все, что мне было поручено, и села ждать.

Когда Арнадо появился, он был суров и не склонен к разговорам. Мы поднялись на борт, матросы оттолкнулись шестами, и Арнадо встал на корме, глядя на струящуюся воду. Когда он наконец заговорил, его слова поразили меня и заставили по-новому увидеть ту роль, которую отводили мне в своей политике хранители.

— Я убил их обоих, Блейз, на основании того, что ты мне сказала. Сначала я хотел пощадить старика, но если, по-твоему, он полностью погрузился в багровую скверну, его разум никогда уже не стал бы прежним, даже после смерти злой колдуньи, — так что я убил и его.

Я ошарашенно вытаращила на Арнадо глаза. Глупо, конечно, с моей стороны: чего еще можно было ожидать?

— А что правитель Бетани? — спросила я наконец. — Он велел тебе их убить?

Арнадо мрачно рассмеялся:

— Нет, дитя. В этом-то и был мой замысел: быстро нанести удар, убить дун-мага и скрыться до того, как правитель догадается, что хранители вмешались в дела Бетани. — Арнадо вздохнул. — Мы выполняем волю Совета, Блейз. Всегда об этом помни. Мы ни у кого больше не спрашиваем позволения, потому что в конце концов именно нашей безопасности — безопасности хранителей — угрожает дун-магия.

Я сидела на бухте каната и смотрела, как мимо беззвучно проплывают берега.

— Мы убегаем, — сказала я Арнадо. — За нами могли послать погоню.

— Да. Однако вряд ли. Не тревожься, Блейз: я был очень осторожен.

— Ты убил двух человек только потому, что я назвала их виновными в дун-магии.

— Нет, Блейз, не людей — злую колдунью и ее супруга.

— Но ведь кроме нас об этом никто не знает. Если нас поймают, нас обвинят в том, что мы убили вельможу — очень могущественного вельможу — и его жену.

— Да.

— И тут нет ничего плохого, потому что она занималась дун-магией?

Мой вопрос удивил Арнадо.

— Конечно. Мы не можем обращаться с ними как с обычными людьми. Если бы мы стали ждать, пока они проявят свою истинную природу, они успели бы своими заклинаниями посеять смуту и многих погубить. Мы должны наносить удар первыми. Тебя же ведь это не смущает, а, Блейз?

— Нет, — сказала я, — конечно нет. — Так оно тогда и было. Да и вообще, необходимость убивать тревожила меня мало, пока мне не пришлось убить человека, который что-то для меня значил, пока не пришлось убивать дун-магов, которые были раньше силвами... Однако это случилось только через семнадцать лет.

Я продолжала выполнять подобные задания Совета и Датрика, и не все они были такими же простыми. Иногда я сопровождала Арнадо, иногда других силвов. Несколько раз на меня нападали дун-маги, а однажды на Спаттах меня схватила за убийство стража. Мне было всего тринадцать, и убийство со-

вершила не я — оно было делом рук хранительницы, которую я сопровождала, — большой дряни по имени Фьеста. Как только меня схватили, она укрылась на корабле хранителей, предоставив мне выкручиваться, как сумею. Могло случиться, что я до сих пор гнила бы в темнице, если бы не капитан корабля: он настоял, чтобы Фьеста отправилась меня выручать, и послал двух матросов проследить, чтобы она это сделала. Я, видишь ли, раньше плавала на его корабле, и капитан был ко мне неравнодушен.

Освободить меня с помощью силв-магии было нетрудно: несколько иллюзий, чтобы отвлечь стражников, пока Фьеста добывала ключ от моей камеры, потом еще несколько иллюзий, чтобы скрыть наше бегство... Всю обратную дорогу Фьеста была в ярости из-за того, что капитан унизил ее, заставив прийти мне на помощь, из-за того, что я позволила себя поймать, из-за того, что ее репутация пострадала по вине девчонки-полукровки.

Когда мы вернулись в Ступицу, она отомстила мне: сообщила фанатикам-силвам о полукровке, чья плодовитость в будущем угрожала чистоте крови островитян, если они не примут меры...

Я пообещала убить ее за это. (Должно быть, она приняла мои слова всерьез, потому что вскоре попросила перевести ее из Ступицы в Сегорн на Оси. Я всегда горячо желала, чтобы она до конца жизни постоянно оглядывалась через плечо, боясь увидеть меня.) Все еще истекая кровью после жестокой операции, испытывая боль от клейма, я бросилась к Датрику. Не знаю, чего я ожидала. Сочувствия? Симпатии? О Великая Бездна, до чего же я была наивна! Все, что он мне сказал, — это что он сам собирался вскоре позаботиться о моей стерилизации. Может быть, он намеревался сделать это более гуманно, с помощью силв-магии избавив от боли, но в его планы никогда не входило позволить мне сохранить способность к деторождению.

В тот день умерли последние иллюзии моего детства... хотя настоящего детства у меня никогда не было.

Через неделю я сбежала, рассчитывая навсегда расстаться и со службой Совету, и с островами Хранителей. Видеть снова Датрика мне не хотелось.

Я пробралась на баржу, перевозившую уголь из Ступицы на архипелаг Ксолкас. Конечно, меня скоро обнаружили, а раздосадованный капитан заставил меня, чтобы оплатить проезд, работать не разгибая спины. Меня высадили на одном из островов Ксолкас — каменной глыбе, торчащей из моря, словно рябой фаллический символ, — и тут-то я сразу узнала, как живется полукровке без денег и без покровительства хранителей.

Я перебиралась с острова на остров, всегда надеясь, что следующий окажется гостеприимнее предыдущего, и каждый раз разочаровываясь.

Когда я попала в главный город архипелага, власти наконец решили выслать меня и посадили на шлюп, идущий на острова Брет. Дела там у меня пошли ничуть не лучше. Некоторое время меч обеспечивал мне безопасность, но потом и его украли, пока я спала. Голод и отчаяние заставили меня воровать. Я все глубже опускалась на дно, вечно прячась от стражников, вечно в поисках убежища. Кончилось это тем, что однажды ночью, когда я уснула, на меня напал какой-то подонок и изнасиловал. Я убила его, когда он по неосторожности уснул со мной рядом. Это был первый человек, которого я убила, и я видела в этом справедливое возмездие. Я даже не узнала, кто он был такой.

Забрав его кошелек, я покинула город. Через несколько дней, добравшись до небольшого порта, я договорилась с вонючим капитаном вонючего рыбачьего баркаса о том, что он отвезет меня на Фен. Цена была высока, но я ее заплатила: всю дорогу до Фена я спала с ним. Я чувствовала себя грязной, как пескожил в прибрежной тине, грязной и изнутри, и снаружи; мне казалось, что я никогда снова не стану чистой.

Жизнь на островах Фен оказалась чуть легче. У меня были зеленые глаза, такие же, как у местных жителей, так что люди не сразу замечали, что я полукровка. Я старалась не оставаться на солнце, чтобы не дать коже загореть, и отрастила волосы, так что они скрывали отсутствие татуировки на мочке уха. Мне иногда удавалось найти работу, по крайней мере на день или два. Кроме того, я продолжала расти, становилась крупной женщиной, и во мне реже видели легкую добычу. И все равно так жить было невозможно, и в глубине души я знала это.

Когда я увидела в гавани корабль Совета с его командой из высоких синеглазых людей, обладающих всевозможными талантами и ученостью, это стало для меня откровением. Именно такой жизни я хотела. Стать одной из них, а не второсортной потаскухой, когтями и зубами пробивающей себе путь наверх. Пусть я не была силвом, но стать хранительницей я могла. Стать уважаемым членом общества... так по крайней мере я думала.

Когда корабль взял курс на Ступицу, я была на борту.

Я сразу отправилась к Датрику, который к этому времени сделался советником; сама я стала более закаленной, более целеустремленной, более решительной. Я рассчитывала, что в лучшем случае Датрик предложит мне чуть больше того, что я получала раньше. Я ожидала, что он будет смотреть на меня как на помощницу, обладающую Взглядом, которая работает ради крыши над головой и возможности не быть бесправной беженкой. Я собиралась бороться за более приемлемые условия.

К моему изумлению, не успели мы обменяться несколькими словами, как стало ясно: Датрик в таком же отчаянном положении, как и я: он нуждался в моей помощи. В отличие от того, чего я ожидала, на его лице не было написано самодовольного «я знал, что ты вернешься». Датрик был вежлив и любезен и все время улыбался. Я почувствовала себя в кои-то веки крабом с более крупными клешнями, чем его противник...

Прошло некоторое время, прежде чем до меня дошло, в чем причина такой перемены. Датрик заслужил репутацию проницательного и умелого политика потому, что у него была я со своим Взглядом. Благодаря своим успехам он сумел получить пост советника — и тут обнаружилось, что он, не имея больше рядом обладающей Взглядом помощницы, проваливает одно дело за другим.

В конце концов я добилась от Датрика обещания регулярно мне платить и молчаливого разрешения жить в Ступице; кроме того, мы заключили соглашение, согласно которому за двадцать лет службы я получала гражданство. Вот так и случилось, что я продала свою душу хранителям на ближайшие два десятилетия...

Мне тогда было пятнадцать лет.

От агента по особым поручениям
Ш. айсо Фаболда,
Департамент разведки,
Федеральное министерство торговли, Келлс,
Достопочтенному М. айсо Кипсуону,
Президенту Национального общества
научных, антропологических и этнографических
исследований не-келлских народов

43/18 месяца Двух Лун, 1793

Дорогой дядюшка!

Я очень Вам признателен за добрые слова, сказанные после моего выступления. Я не был уверен в благосклонном приеме, поскольку многие из присутствующих горячо мне возражали. Однако Вы совершенно правы: подобные живые дискуссии полезны для Общества и для будущего этнографических исследований.

Не помню, говорил ли я Вам, что почтенный Вескон айсо Маттин после моего выступления высказал мне свое возмущение тем, что я выбрал в качестве объекта изучения такую малопочтенную личность, как Блейз Полукровка. Это яркий пример того, что среди келлских ученых есть еще такие, кто не понимает истинной сути полевых антропологических исследований. Знал бы он, как многое я опустил, описывая сексуальные эскапады Блейз и Флейм! Таково одно из неудобств, связанных с присутствием на заседаниях Общества дам: на многое приходится лишь намекать.

Непременно передайте тетушке Росрис, что я, как всегда, высоко ценю ее доброту ко мне. Я посылаю ей отдельное благодарственное письмо, но все-таки сообщите тетушке, что я нашел госпожу Аниару исключительной молодой леди. Так приятно встретить представительницу прекрасного пола со столь живым умом и глубоким интересом к этнографии. Если госпожа Аниара и была шокирована темой моего выступления, она ничем этого не показала, хотя потом и призналась, что была смущена готовностью женщины так откровенно описывать свою жизнь мужчине.

Я собираюсь на следующей неделе посетить госпожу Аниару и все семейство Терон в их сельском поместье недалеко отсюда.

Остаюсь Ваш покорный племянник
Шор айсо Фаболд

Глава 15

Ну вот, теперь ты знаешь обо мне немного больше. Странно: я многие годы никому не рассказывала об этой части своей жизни, а теперь откровенничаю перед человеком, который не верит половине того, что слышит. Ах, не надо извиняться. Это не имеет значения. Оказывается, предаваться воспоминаниям очень приятно.

Так, значит, если вернуться на косу Гортан... Я оставила Датрика исцелять Флейм, а сама отправилась искать Ниамора.

Только уже спускаясь по лестнице, я сообразила, что понятия не имею, где он может находиться. Потом я ощутила беспокойство. Почему он ничего мне не сообщил? Прошло уже больше двух дней, а от него не было никаких известий...

Я прошла через зал, где сидела группа молчаливых хранителей — наверняка телохранители Датрика. Увидев, что я спускаюсь одна, кто-то из них поспешил наверх удостовериться, что с их господином все в порядке. Я кисло улыбнулась: по крайней мере Датрик не сделал глупости, явившись в гостиницу в одиночку. Я оглядела помещение, высматривая Танна: меня интересовало, поправился ли он настолько, чтобы быть в силах работать, — однако всех посетителей обслуживал один Янко. Увидев меня, он осклабился; похоже, я оказывала на него такое же действие, как вид еды — на собаку: он тоже сразу начинал пускать слюни. Я уже привыкла не обращать на это внимания.

Только оказавшись на улице, я почувствовала какое-то смутное удивление. Что-то было не так, как раньше... что-то во внешности Янко. Его нога... Я попыталась представить себе, что изменилось, но не смогла. Особой важности это, казалось, не представляло, так что я сделала мысленную заметку: на обратном пути присмотреться повнимательнее, — и отправилась в город.

Сначала я решила заглянуть на прежнюю квартиру Ниамора — вдруг он еще там.

Нельзя сказать, что прогулка до набережной оказалась для меня совсем безмятежной — в Гортанской Пристани такое случается редко. Не отойдя еще и на сотню шагов от гостиницы, я

получила непристойное предложение от толстого молодого человека без татуировки на мочке уха. Он был пьян, и я решила, что с его стороны скорее имеет место несбыточное желание, чем практическая возможность, — похоже, у него на плече было такое же клеймо, как у меня. Его предложение я отклонила, и гуляка тут же привалился к стене и заснул. Если у него в самом деле были те деньги, что он предлагал мне, к утру он их недосчитался бы.

Пройдя еще немного, я оказалась вынуждена сделать крюк, чтобы обойти дерущихся, — десять или пятнадцать человек размахивали различными орудиями, собираясь перебить друг друга из-за какой-то, несомненно, ерунды.

В доме Ниамора у двери опять спали бродяги, прижимая к себе свои жалкие пожитки. Никто из них и не пошевелился, когда я стала стучать в дверь. Никто не вышел мне открыть — впрочем, дверь не была заперта. Я вошла и на ощупь поднялась по темной лестнице в апартаменты Ниамора. Еще внизу я почувствовала смрад дун-магии и порадовалась тому, что вовремя его предупредила.

Дверь Ниамора тоже оказалась не заперта.

Я распахнула створки, и на меня пахнуло таким зловонием гниения, что я невольно отшатнулась.

Потом я услышала тихие звуки: скрип дерева, приглушенный стон. В темноте комнат был кто-то живой.

По полу и мебели перебегали багровые всполохи дун-магии. В их свете я нашла лампу, а в своем кошеле на поясе нащупала огниво. Казалось, прошла вечность, пока я зажгла лампу и при ее желтом сиянии оглядела помещение.

В первой комнате никого не оказалось — и ничего заслуживающего внимания тоже. Держа в одной руке лампу, а в другой — меч, я прошла на цыпочках, готовая ко всему, в следующее помещение. Это оказалась спальня Ниамора.

На первый взгляд там все было в порядке — все предметы на своих местах. Однако запах был ужасным. Вонь разложения оказалась такой нестерпимой, что у меня заслезились глаза и запершило в горле.

И тут я увидела источник зловония.

Ниамор лежал на своей постели — жертва магии настолько чудовищной, что любое живое существо должно было бы сделать все для ее искоренения...

Он был жив, если такое состояние можно назвать жизнью. Единственным, по чему еще можно было узнать Ниамора, была татуировка на мочке уха — только этот кусочек кожи не был поражен разложением. Остальное тело представляло собой вспухшую зеленоватую массу; на ногах и руках образовались рыхлые складки, сочащиеся гноем. Страдание Ниамора, казалось, хлынуло навстречу мне с такой силой, что у меня перехватило дыхание.

— О боже... — Вырвавшийся у меня шепот был призывом к существу, в которое я на самом деле не верила.

Я опустилась на колени и коснулась покрытой пятнами щеки. Когда-то Ниамор был так красив... Мои руки тряслись. Мне хотелось что-то сделать, положить этому конец, прекратить его мучения... прекратить собственную муку. Горе безжалостно терзало меня. Сначала Танн, теперь Ниамор... Из-за меня.

Потребовались все мои силы, чтобы прошептать:

— Ниамор, это я, Блейз.

Он взглянул на меня налитыми кровью глазами, в которых не было надежды; веки его так воспалились, что он с трудом смог их разлепить.

— Убей меня, — выдохнул Ниамор; я разобрала эти слова только потому, что мое ухо находилось у самых его губ.

— Да. — Я сглотнула; Ниамор уже давно перешагнул тот рубеж, когда его еще можно было бы спасти. — Кто он, Ниамор?

Он попытался назвать имя, но я не смогла разобрать звуки, вырывавшиеся из его изъеденного язвами горла. Взгляд Ниамора скользнул в сторону двери, ведущей в соседнюю комнату.

Я догадалась, что он пытается мне сообщить.

— На твоем письменном столе?

Ниамор еле заметно кивнул.

— Есть кто-нибудь, кому я могла бы сообщить? Что-то передать?

На этот раз он чуть качнул головой. Тридцать пять лет он прожил на свете, и нет никого, кому было бы дело до того, жив он или умер... Трагедия Ниамора больно задела меня; она была слишком похожа на мою собственную. Отверженные, мы бо-

ролись за жизнь, как могли, и в конце концов умирали в одиночестве.

— Обещаю тебе, Ниамор, — сказала я, — придет день, и я убью его. За тебя.

Я еле расслышала его шепот:

— Да... Головешка... как жаль. — Уголки его губ дрогнули в намеке на печальную улыбку. При других обстоятельствах мы с Ниамором успели бы стать друзьями. Такого конца он не заслуживал.

Только напряжением всех сил я заставила голос не дрожать.

— Сейчас, Ниамор?

Губы его сложились в «да», но звука издать он уже не мог. Я поцеловала Ниамора в щеку, и скверна распада обожгла мне губы. Шея Ниамора так отекла, что я не могла найти артерию, чтобы пережать ее и погасить его сознание. Мне пришлось убивать Ниамора, пока его глаза смотрели на меня, умоляющие, укоризненные... У меня едва хватило на это сил.

Я приставила меч к его груди и с силой вонзила снизу вверх, чтобы клинок прошел под нижним ребром и рассек сердце. Ниамор выгнулся дугой, так что натянутая кожа лопнула, залив меня зеленоватой жижей, и умер.

Я извлекла меч, вытерла его и отошла, не глядя больше на Ниамора. Посмотреть на него я не могла. Шатаясь, я двинулась к двери, и тут меня вырвало. Все еще нетвердо держась на ногах, словно пьяная от ужаса и боли, я подошла к письменному столу. Скорчившись в кресле, я опустила голову на руки; все вокруг меня пропахло смертью.

В жизни мне пришлось убить двоих людей, чьи смерти потрясли меня; воспоминания о них мучают меня до сих пор. Ниамор был первым. Я все еще иногда просыпаюсь по ночам, обливаясь потом, и ощущаю тот запах...

Прошло много времени, прежде чем я сумела взять себя в руки и оказалась в силах просмотреть разбросанные по столу бумаги.

Я благословляла тех патриархов-менодиан, которые научили меня читать и пробудили страсть к письменному слову, которая заставляла меня читать все, что попадало мне в руки. Мне было нетрудно разобрать четкий почерк Ниамора.

На первом листе оказался грубо начерченный план зала в «Приюте пьянчуги» со всеми столами и стульями. Рядом с большинством стульев значились имена, и некоторые из них были мне знакомы: сам Ниамор, Сикл, Флейм, Тор, Новисс, Блейз. Именно так все мы сидели в день моего прибытия... один из этих людей и должен быть дун-магом.

На следующем листе были написаны те же имена, и все они оказались вычеркнуты. Рядом с большинством имелись пометки, по большей части касавшиеся того, долго ли данный человек живет на косе Гортан. «Хоуч Туша, — читала я, — работорговец с Брета, бывает в Г. П. 18 лет. Том Гесслер, торговец рыбой, живет в Г. П. 6 лет. Тор Райдер с Разбросанных островов, профессия неизвестна, прибыл неделю назад на рыбачьем баркасе с островов Хранителей». И так далее... Ни один не соответствовал тому, что я искала: мне нужен был человек, появление которого на косе Гортан совпало бы с началом бед из-за дун-магии.

И все же Ниамор, умирая, направил меня к этому столу. Он ожидал, что в бумагах я найду указание... Ответ был где-то здесь, мне только нужно было его найти.

И через полчаса я его нашла. А найдя, подумала, что лучше бы я его не находила.

Я поспешила вернуться в гостиницу, даже не обыскав комнаты Ниамора и не забрав того, что там могло оказаться ценного: смерть Ниамора глубоко потрясла меня, и я, наверное, не смогла бы заставить себя оставаться там дольше, чем необходимо. Позже, когда мой ужас стал не таким острым, я пожалела о своей поспешности. Деньги всегда мне пригодились бы, и не думаю, что Ниамор осудил бы меня. Кроме того, у меня не осталось ничего на память о нем, ничего, кроме воспоминаний о том, как он выглядел перед смертью... а это не те воспоминания, которые я хотела бы хранить.

Я оставила комнаты Ниамора на разграбление стервятникам, а сама с тревожно бьющимся сердцем вернулась в гостиницу. Отвращение во мне постепенно вытеснялось страхом по мере того, как я все обдумывала. Я решила, что нападение на Ниамора было совершено не потому, что он вычислил дун-мага: как тот мог бы об этом догадаться? А если бы догадался,

то обыскал бы комнаты Ниамора и уничтожил его записи, — а этого не случилось.

Более того: я не думала, что злой колдун побывал в апартаментах своей жертвы. Все эти следы дун-магии были оставлены не им — они были излишком, выплеснувшимся из тела Ниамора. Негодяй, должно быть, наложил свое заклятие так, что Ниамор ничего не заподозрил, — где-нибудь в таверне или на улице. Ниамор, наверное, почувствовал легкое недомогание и вернулся к себе, а когда понял, в чем дело, был уже слишком слаб, чтобы двигаться.

Но почему? Мне казалось, что я знаю ответ. Ниамор погиб потому, что дун-маг просто играл с нами — со мной, с Рэнсомом и Флейм, может быть, и с Тором (теперь, когда я знала, кто такой злой колдун, у меня не было оснований сомневаться, что ему известно об участии Тора в наших делах) — и тем самым и с Датриком. Мы были теми, кого дун-маги больше всего ненавидят: Рэнсом — менодианином, Флейм — силвом, я и Тор — обладающими Взглядом, а я к тому же еще и агентом Совета хранителей. Дун-маг, должно быть, наслаждался, глядя, как мы извиваемся на его крючке. Наслаждался, показывая нам, что любой, кто нам помогает, обречен. Что сказала Флейм о Мортреде? «Он предпочитает, чтобы его жертвы оставались в живых». Его настоящими жертвами были мы. Ниамор послужил лишь инструментом, с помощью которого можно было причинить боль нам. Причинить боль мне. Мортред... Я ощутила тошноту.

В зале гостиницы прислуживал сам хозяин — очень недовольный, потому что Танн не показывался уже три дня, а теперь исчез и Янко. Судя по ворчанию хозяина, Янко вообще не отличался надежностью. Телохранители Датрика все еще оставались в зале, трезвые и с подозрением на меня посматривающие.

Не обращая на них внимания, я попросила у хозяина кружку пива, и пока он наполнял ее из бочонка, поинтересовалась, давно ли Янко у него работает.

— Откуда, морской змей его заешь, мне знать? — услышала я сварливый ответ. — Несколько месяцев, наверное. А кажется, будто целую вечность. Этого хромоногого урода никогда нет, когда он нужен.

Вот тут-то я и поняла, что раньше привлекло мое внимание. Нога Янко... Меня затошнило еще сильнее. Одним глотком осушив кружку — в этом я действительно нуждалась, — я поднялась в комнату Флейм.

Цирказеанка, похоже, принимала гостей, хотя время, должно быть, шло к двум часам ночи. Ее комната была полна народа: Датрик еще не ушел, к нему присоединились Тор и Рэнсом, а взъерошенный и сонный дастелец — по-видимому, Руарт Виндрайдер — сидел на подоконнике. Я взглянула на Флейм, которая слабо улыбнулась мне, и с облегчением отметила, насколько лучше она выглядит. Девушка все еще была слаба, но румянец вернулся на ее щеки. Я бросила взгляд на Руарта, потом перевела глаза на Датрика. Флейм поняла мое безмолвное предупреждение, хотя ей и не были известны причины моего беспокойства. Она еле заметно кивнула, и я вздохнула с облегчением. Мне было нужно, чтобы Флейм догадалась, как важно скрыть от Датрика то, что Руарт обладает разумом, и я благословила богов за ту легкость, с которой мы с Флейм без слов понимали друг друга.

Теперь я могла обратить внимание на остальных. Датрик раздраженно хмурился, надутый, как выброшенная на берег рыба-кузовок; впрочем, не каждый смог бы заметить признаки его недовольства, хотя для меня они и были очевидны. Он стоял, высокомерно выпрямившись, брови его взлетели так высоко, что почти касались волос, а глаза обрели синеву грозовой тучи. Рэнсом, красный как рак, смотрел на него, стиснув кулаки. Руарт вертел головой, посматривая на советника то одним синим глазом, то другим. Тор прислонился к подоконнику рядом с дастелцем, сложив руки на груди; на его губах играла еле заметная циничная улыбка. Он единственный сохранял самообладание — до того момента, когда заметил выражение моего лица.

— Блейз, что случилось?

— Ниамор мертв. Дун-маг до него добрался. — Я повернулась к Датрику. — Ниамор был тем моим другом, о котором я тебе говорила. Думаю, он узнал, кто нам нужен. Это...

Датрик поднял руку, чтобы остановить меня:

— Давай продолжим этот разговор наедине, Блейз.

Я оглянулась на остальных:

— Нет. С какой стати? Флейм и Новисс оба пострадали от его магии, а Тор — мой друг. — К моему удивлению, Датрик враждебно смотрел именно на Тора. Сначала я подумала, что его разозлил Рэнсом, теперь же поняла свою ошибку. Именно Тор вызывал раздражение, даже ненависть советника. За время моего отсутствия случилось что-то, что превратило прежнее безразличие хранителя в недоверие и неприязнь. Я пожала плечами и продолжала: — Это Янко, слуга в гостинице.

Рэнсом не сразу понял мои слова, а когда понял, побледнел. На мгновение мне показалось, что он упадет в обморок. Тор нахмурился. Флейм вытаращила глаза. Датрик недоверчиво посмотрел на меня.

— Этот хромоножка внизу? — переспросил он. — Как такое может быть? Я не обладаю твоими способностями, Блейз, но ведь его уродство — наверняка следствие дун-магии: оно выглядит неестественным. Ни один злой колдун, особенно обладающий подобной силой, не позволит себе оставаться калекой. И я не могу поверить в то, что это просто иллюзия... да тебя иллюзия и не обманула бы.

Я покачала головой:

— Нет, это не иллюзия. Это его истинное состояние, по крайней мере на данный момент. Я скорее думаю, что таково следствие его собственного заклинания: когда-то в прошлом он прибег к столь мощной магии, что не сумел с ней справиться, и она частично обратилась на него самого. Он превратился в калеку, был гораздо сильнее изуродован, чем сейчас, и лишился магической силы. Все, что ему оставалось, — это ждать. Как тебе известно, со временем сила восстанавливается. Подозреваю, что ждать ему пришлось многие десятилетия. Впрочем, теперь его сила возвращается к нему очень быстро, и он использует ее, чтобы придать нормальный вид своему телу. За то время, что я провела на косе Гортан, он перестал хромать, а его магия стала гораздо могущественнее. — Я вздохнула. — Я все время ощущала исходящее от него зловоние дун-магии, но думала, что это следствие наложенного на него заклятия. В конце концов Взгляд меня не подвел. Я просто пришла к неверным выводам.

Пока я говорила, Руарт на подоконнике изображал взволнованную курицу: подпрыгивал, хлопал крыльями, чирикал. Датрик не обращал на него внимания; сомневаюсь, чтобы он

вообще заметил птичку. Тем не менее я встала так, чтобы загородить от него дастелца, и сделала знак Флейм, надеясь, что она догадается отвлечь внимание от странного поведения птички.

Цирказеанка поспешно перевела то, что, должно быть, сообщил ей взволнованный Руарт.

— Может быть, он — Мортред Безумный?

— Ах, чепуха! — с насмешкой оборвал ее Датрик. — Мортред сто лет как мертв!

— Я слышала, что могущественные дун-маги живут очень долго, — спокойно возразила я. Мне начинало казаться, что в одном Руарт прав: Мортред жив и здоров. — Тот злой колдун, которого я убила в Перфе... восьмидесятилетние старики клялись, что он был уже стар, когда они сами еще не вылезли из пеленок... — Я оборвала фразу и напряглась. Тор встревоженно смотрел на меня, а Раурт на подоконнике замер, словно прислушиваясь. Трое обладающих Взглядом, мы все ощутили одно и то же.

Рэнсом был первым из остальных, кто почуял неладное. Он вытаращил глаза и завертел головой, как испуганный детеныш тюленя.

— Что такое? Что случилось?

— Дун-магия, — сквозь зубы сказал Тор. — Наш приятель где-то рядом и только что произнес заклинание.

Рэнсом начал дрожать.

Датрик же мгновенно начал действовать. Одним движением он установил вокруг комнаты защиту. Четыре мерцающих столба выросли по углам, извиваясь, как серебристые морские змеи, а между ними протянулись сияющие полосы, образовав стены из света. Бедняга Рэнсом ничего этого видеть не мог и, не зная о существовании защиты, продолжал дрожать. Как оказалось, из всех нас он был самым мудрым: мы вовсе не были защищены.

Багровая и голубовато-серебристая магия столкнулись; мы с Тором видели заклинание злого колдуна как тусклый шар, мощь которого была скрыта, как пепел на тлеющих углях скрывает их способность разжечь огонь. Датрик же понял одно: созданная силв-магией стена заколебалась и стала трескаться. Рэнсом и Флейм не видели ничего, кроме наших испуганных

лиц, хотя, конечно, Флейм должна была знать достаточно о силв-магии, чтобы догадаться о действиях Датрика.

Трещины расползались по защитной стене, как по поверхности взорванного льда, пока наконец серебристый свет силв-магии не погас, а страшная злая сила не хлынула в комнату. Это почувствовал даже Рэнсом. По помещению пронесся порыв ветра, Руарта выбросило в открытое окно, предметы начали падать. Мои легкие лишились воздуха, и дышать стало больно.

К тому времени, когда мы немного пришли в себя, багровый шар висел в воздухе между Датриком и Рэнсомом. Зловоние было таким, что я съежилась.

Датрик посмотрел на меня. Его золотистая кожа внезапно стала болезненно зеленоватой.

— Где оно?

— Примерно на расстоянии руки от тебя справа, на высоте пояса, — прошептал Тор. — На твоем месте я бы не двигался.

Все замерли. Секунды тянулись мучительно медленно. Я чувствовала себя зачарованной, неспособной отвести взгляд от висящей в воздухе сферы. Хотя мне она едва ли угрожала, я испытывала страх перед излучаемым ею злом; и еще меня наполняла жалость к Флейм. Что она должна сейчас переживать...

— Заклинание предназначено мне? — спросила цирказеанка, и голос ее оказался на удивление твердым. Впрочем, я заметила капельки пота в углах ее глаз. — Мог дун-маг узнать, что я больше не подчиняюсь его заклятию превращения, и попробовать снова?

— Вряд ли, — ответил Датрик. — Сомневаюсь, что ему известно: тебе удалось избавиться от его власти.

Его слова Флейм не успокоили.

— Тогда кто намеченная жертва?

— Ну, наверняка не Блейз, — спокойно ответил Тор, — это очевидно. Янко мог бы метить в меня, если ему неизвестно, что я обладаю Взглядом, но он не может знать, что я сейчас здесь, в этой комнате. Остаются Новисс и Датрик. Все слуги в гостинице знают, что Новисса почти всегда можно найти у тебя, Флейм, так что Янко мог целить в него. Ну и все внизу видели, как Датрик поднялся по лестнице — он ведь вошел через главный зал. — Тор взглянул на хранителя. — Или ты прибег к заклинанию, чтобы тебя не заметили?

Датрик с сожалением покачал головой.

— Что... что заклинание сделает с нами? — заикаясь, спросил Рэнсом. Он с ужасом озирался, пытаясь увидеть то, что было для него невидимым. Никто не ответил ему по той простой причине, что никто этого не знал.

Датрик, нужно отдать ему справедливость, сделался холодно сосредоточенным. В его синих глазах не было заметно и намека на чувство, пока он восстанавливал защиту — на этот раз только собственной персоны. Серебряные нити начали обвивать его, пока советник не оказался окружен сияющим коконом. Затем он сотворил еще одно заклинание: контуры его фигуры расплылись, но зато в комнате появилось шестеро отчетливо видимых иллюзорных Датриков. Мы с Тором, конечно, могли совершенно точно отличить настоящего, поскольку видели не только иллюзии, но и создающие их чары. Я взглянула на Флейм, но та только покачала головой: она была слишком слаба, чтобы попытаться создать собственную защиту.

— Сомневаюсь, что это тебе поможет, сир-силв, — насмешливо сказал Тор. Потом, прежде чем кто-нибудь из нас успел его остановить, он сделал шаг вперед и погрузил руку в середину переливающегося красным шара. Коснувшись его, Тор поморщился; по комнате разлился еще более ужасный смрад, и шар взорвался мириадами красных брызг, ни одна из которых серьезного вреда причинить не могла. Однако зловоние продолжало выворачивать меня наизнанку. В такие моменты было трудно поверить, что не обладающие Взглядом не чувствуют запаха дун-магии.

Я коротко бросила:

— Заклятие разрушено. — Однако страх, который когтями сжимал мое сердце, от поступка Тора только еще больше усилился.

— Можете не беспокоиться, — добавил Тор, когда Датрик и Флейм начали озираться в поисках урона, причиненного дун-магией. — Заклинание не имело злой цели. И я больше не чувствую близкого присутствия дун-мага.

— Тогда чего же, провалиться ему в Великую Бездну, он добивался? — спросила Флейм. Краска вернулась на ее лицо.

Рэнсом вытаращил на девушку глаза: похоже, он раньше не слышал от нее ругательств и был теперь шокирован.

— Он играет с нами, — ответил Тор, — и получает удовольствие от нашего испуга. Он хочет, чтобы мы знали: любой из нас — и хранитель-советник в том числе — окажется в его власти, как только он того пожелает.

Рэнсом стал белым, как пена на гребне волны, и прошептал:

— Да поможет мне Бог! — Потом в нем произошла перемена. Он выпрямился во весь рост и повернулся к Датрику. Превращение смущенного и испуганного мальчишки в величественного наследника престола было поразительным. — Сир-силв, — сказал он, — мое имя не Новисс, как тебе говорили. Я Рэнсом Холсвуд, престолонаследник Бетани. — Флейм резко вскинула голову, что меня удивило: выходит, хоть она и знала, что ее любовник знатен, он не сказал ей, насколько знатен. — Я прошу у тебя защиты для себя и Флейм Виндрайдер с Цирказе.

Виндрайдер? Я вопросительно подняла бровь, услышав это имя, и Флейм ответила мне вызывающим взглядом. Мне было больно думать о том, сколько горя она на себя навлекла. Как говорят на Ксолкасе, когда дело касается не подходящих друг другу пар, «повенчав ветер с облаками, жди дождя».

— Я желаю как можно скорее вернуться на вашем корабле на острова Бетани, — продолжал Рэнсом. — Не сомневаюсь, что мой отец щедро вознаградит тебя.

Брови Датрика поползли вверх. Он тоже явно не знал, кто такой Рэнсом. Советник взглянул на меня:

— Это правда, Блейз?

Пожалуй, его предположение, что мне все должно быть известно, можно было счесть комплиментом.

— По-моему, да, — пожала я плечами.

Теперь пришла очередь Рэнсома изумиться.

— Ты-то откуда знаешь?

Ему было известно, что я обыскивала его комнату — Руарт сказал об этом Флейм, а Флейм — Рэнсому, — но красавчику, конечно, не пришло в голову, что я могла прочесть надпись в его молитвеннике. Я улыбнулась юноше, но ничего не стала объяснять.

— Блейз, — сказал Датрик, — предпочитает знать, что к чему. Впрочем, молодой человек, насколько я слышал, на Бетани нет наследника престола.

Рэнсом вспыхнул.

— Я уверен, что разногласия между моим отцом и мной будут преодолены, как только я вернусь.

Датрик вежливо поклонился. В его следующих словах прозвучала ирония, ясно говорившая о том, что он слышал о недовольстве правителя Бетани сыном, но Рэнсом вряд ли это понял.

— Что ж, в таком случае я буду счастлив помочь тебе вернуться в столицу Бетани как можно скорее. Правда, у нас на косе Гортан есть дела, которые могут на несколько дней задержать нас здесь, но на борту «Гордости хранителей» мы встретим тебя с гостеприимством в любой момент. Тебе, несомненно, известно, что все равно еще какое-то время отправиться в плавание мы не сможем из-за ветров и течений.

— А что насчет сир-Флейм?

Датрик повернулся к постели цирказеанки.

— Я помог ее исцелению, хотя это существенно истощило мои силы. Если же она желает получить еще какую-то помощь, она знает, что для этого нужно сделать.

Мгновение Рэнсом боролся с собой, разрываясь между желанием найти убежище на корабле хранителей и верностью Флейм, сил которой явно не могло хватить, чтобы защитить его. Флейм, да будет благословенно ее доброе сердце, облегчила ему выбор. Я на ее месте не стала бы...

— Отправляйся, Новисс... сир-наследник. Мне легче будет себя исцелить, если не придется беспокоиться о тебе.

Последовал короткий спор: она говорила «иди», он говорил «нет, я не могу тебя оставить», — в котором, конечно, победила Флейм. Прощание было слезливым (со стороны Рэнсома) и вполне прозаическим со стороны Флейм. Рэнсом запечатлел на ее губах страстный поцелуй, который Флейм приняла довольно холодно. Мне хотелось хорошенько стукнуть молокососа...

Я оглянулась на Руарта, который снова сидел на подоконнике. Он чистил перышки и, казалось, не обращал внимания на то, что происходит, но я усомнилась в его равнодушии.

Прощальный выстрел Датрика был предназначен Флейм.

— Ты знаешь, что должна сделать, чтобы оказаться под защитой хранителей. — Советник кивнул мне и распахнул дверь перед Рэнсомом.

— Ах, — едко протянул Тор, — как будто эта защита чего-то стоит! Янко может сделать из заклинаний сир-силва рыбную похлебку!

— Что ты сделал такого, — спросила я, — чтобы разозлить советника?

Тор обиженно посмотрел на меня:

— Я? Я был с ним совершенно вежлив.

Флейм усмехнулась:

— Датрик не хотел, чтобы Тор и Новисс оставались в комнате, и, не зная, что Тор обладает Взглядом, попытался выставить их за дверь с помощью магических иллюзий. Тор его остановил и сказал ему, что он может сделать со своими заклинаниями. Мне не приходилось слышать такого выражения раньше, но оно было весьма красочным. Что-то насчет того, как с их помощью обеспечить себе запор, не так ли, Тор?

— Ну да, примерно в таком смысле... Не могу сказать, чтобы этот тип мне нравился. Он толстокож, как черепаха, и проявляет к своим собратьям не больше сочувствия, чем она. И обладающих Взглядом он не любит, Блейз.

Я пожала плечами:

— А кто из силвов-хранителей любит? Тор, что нам теперь делать?

На этот раз пожал плечами он:

— Мой подопечный теперь вроде не под моим присмотром. Я просто подожду и посмотрю, как пойдут дела. Мы, пожалуй, можем надеяться, что Датрику удастся разделаться с Янко. С помощью всех своих силвов он, возможно, чего-то и сумеет добиться. А пока не перенести ли мне сюда свою постель? Тогда один из нас сможет присматривать за Флейм, пока другой спит. — Тор виновато посмотрел на цирказеанку. — Мы, конечно, мало что сможем сделать, если Янко решит снова на тебя напасть.

— Должно быть, он знает о нас все, — мрачно сказала я, — учитывая, что мы жили у него под носом с самого своего прибытия на косу Гортан.

— Ну, будем надеяться, что об ампутации ему все-таки неизвестно, — сказал Тор, выходя из комнаты, чтобы перенести свою постель.

Я села рядом с Флейм и взяла ее за руку.

— Я не имела права втягивать в свои дела вас — ни тебя, ни его, — сказала она.

Я только отмахнулась:

— Скажи лучше, как ты себя чувствуешь.

— Я слаба, но поправляюсь. — Флейм взглянула на свою культю. — Знаешь, я могу чувствовать руку. Как будто она цела... Я могу шевелить пальцами. Мне приходится все время смотреть на культю, чтобы убедить себя, что руки действительно нет. — Она тихо и горько рассмеялась. — Понимаешь, потом с помощью силв-магии я смогу сделать себе новую. Тогда только вы, обладающие Взглядом, будете знать, что она ненастоящая.

Мы... и она сама. При помощи созданной магией замены нельзя ничего взять, она ничего не чувствует. Творения силв-магии не были ничем, кроме иллюзий. Меня всегда озадачивало, как может быть, что люди настолько верят в иллюзии, что могут даже ощущать на ощупь то, чего в действительности нет.

Я переменила тему:

— Флейм, насчет Руарта... ты должна тщательно скрывать вашу дружбу, особенно от хранителей. Иначе они могут использовать это тебе во вред. — Мне не хотелось уточнять, что именно я имею в виду.

К счастью, прежде чем Флейм успела попросить объяснений, пришел Тор. Он положил свою постель на пол и улыбнулся мне:

— Чья очередь спать первая?

— Моя. Я... — Но у меня не было слов, чтобы описать, что я чувствую.

Тор протянул руку и коснулся моей щеки.

— Мне очень жаль Ниамора. Хочешь рассказать мне о нем?

Я покачала головой:

— Нет. Я никогда не буду об этом говорить. — Я отвернулась, не желая слушать утешений.

Глава 16

Той ночью ничего больше не случилось, если не считать снившихся мне кошмаров: их автору рассказов ужасов хватило бы на всю жизнь. Когда я встала, чтобы сменить Тора, разбуженная собственными страшными снами, отдохнувшей я

себя не чувствовала. К счастью, Флейм спала спокойно и проснулась только на рассвете. Я подала ей воды напиться; спать ей явно больше не хотелось, и мы некоторое время поболтали. Флейм все еще чувствовала себя больной, но признаков лихорадки не было, а остатки снадобья Гэрровина делали боль в ампутированной руке переносимой.

Поскольку Флейм, похоже, хотелось поговорить, я стала расспрашивать ее о жизни на Цирказе. Сначала она отвечала уклончиво, но я не прекращала расспросов, и постепенно она разговорилась.

— Ты ведь бывала в Замке, — сказала она, — и видела, как там живут люди. Правда, ты, вероятно, не знаешь, почему вся знать селится во дворце, под самым носом у суверена. На Цирказе все зависит от воли суверена — а он предпочитает иметь возможность присматривать за своими придворными. Конечно, они могут бывать в своих поместьях летом, когда в столице делается жарко и душно и многие страдают от летней лихорадки, но в остальную часть года все живут в Замке. Каждый аристократ имеет придворную должность: хранитель печати или, скажем, начальница горничных. Можно, конечно, отказаться от этого, но тогда твое поместье конфискуют, а пост отдадут другому вместе с доходом от него, и ты тут ничего не сможешь поделать.

Поэтому все знатные семьи живут во дворце. Каждый день мужчины должны представать перед сувереном, а женщины — перед его супругой, и те решают, кто что в этот день будет делать — отправится на охоту или примет участие в придворных играх. Мужчинам иногда разрешается отправиться в город и поразвлечься в тавернах, женщинам — заняться нарядами или разучить новые танцы. Если кто-то оказывается в немилости у суверена, тому поручается какая-нибудь работа: сбор налогов или председательство в суде. Все так боятся потерять свое положение и доход, что всячески выслуживаются перед сувереном. Даже дети должны подчиняться придворной политике: «Нет, дорогой, тебе нельзя сегодня играть с Наско. Это было бы неблагоразумно. Его отец не угодил суверену».

Флейм передернуло.

— Знаешь, что в этом самое ужасное? Дети вырастают, считая такую жизнь нормальной и цепляясь за свои грошовые привилегии. Я тоже стала бы такой же, как остальные, — та-

кой же пустой и подобострастной, — если бы не Руарт и его семья. — Флейм бросила взгляд на спинку кровати, на которой, спрятав голову под крыло, спал дастелец. — Они открыли мне, что существует другой мир, где все происходит иначе, и что это лучший мир.

Я, конечно, не могла удержаться от вопроса — меня уже давно интересовало, как случилось, что девочка начала разговаривать с птицами.

— Расскажи мне, как вы с Руартом... — начала я.

Флейм в ответ тихо рассмеялась:

— Чтобы понять это, ты должна представить себе, что за жизнь я вела. Большую часть времени я проводила в своих личных покоях... В знатных семьях дети мало общаются со взрослыми, если не считать слуг и наставников, которые учат танцам, фехтованию, этикету и тому подобному. Даже с родителями они видятся только на официальных приемах. В нашей семье это был парадный обед раз в неделю. Посещение одного знатного ребенка другим сопровождается такими сложными церемониями, что мои воспитатели старались как можно реже брать на себя подобную обузу, поэтому большую часть времени я проводила в своих комнатах в одиночестве.

Руарт и его семья жили рядом с моим окном, которое имело широкий подоконник и украшенный резьбой наличник, где было множество углублений и ниш. Сначала я просто кормила птиц; оказалось, что их легко отличить одну от другой, а потом я заметила, что один из птенцов особенно дружелюбен. Это, конечно, был Руарт. Через некоторое время он стал влетать в комнату и проводить со мной много времени. Все это началось, когда мне было всего четыре года. У меня появилась привычка разговаривать с ним, как с человеком. Постепенно я догадалась, что он мне отвечает, — нужно было только научиться понимать... Некоторые слова в языке дастелцев-птиц очевидны: они качают головой в знак отрицания и кивают в знак согласия. Другие жесты более сложны, но об их значении тоже легко догадаться, — «подожди», «иди сюда», «здесь», «там». Когда птица топает лапкой, это означает «я сержусь», когда пожимает плечами — «я не знаю». Что касается чириканья и свиста, то понимать их я научилась так же, как ребенок учится человеческой речи у взрослых. Мы с Руартом одновременно

овладели грамотой, и это тоже помогало обучению. Я писала буквы алфавита, а он клевал ту, на которую хотел указать.

— Ты ходила в школу? — спросила я.

Флейм покачала головой:

— Нет. Дети аристократии на Цирказе не ходят в школу. Получить образование значило бы уподобиться представителям презираемого среднего класса. Зачем учиться читать и писать, когда для этого можно кого-нибудь нанять? Я, правда, научилась... Можно сказать, мне повезло. Мой отец был таким занятым человеком, что не имел для меня времени, а мать постоянно болела. Поэтому я была предоставлена сама себе даже больше, чем другие дети. Мать Руарта настаивала, чтобы я училась, поэтому я заставила управителя отца обучить меня счету, а его писца — грамоте. — Флейм с любовью взглянула на спящего Руарта. — Не будь дастелцев и этих двоих наставников, моя жизнь сложилась бы совсем по-другому...

— Я и не подозревала, насколько все плохо, — сказала я. — Значит, это правда, что Цирказе управляют писцы и счетоводы? Так называемый средний класс?

— Истинная правда. В прошлом такая система работала, потому что суверен держал своих подручных на коротком поводке. Теперь же, — Флейм печально покачала головой, — все разваливается, как и должно было случиться. Так править нельзя. В один прекрасный день образованный класс сбросит со своей шеи аристократию, и она не будет знать, как этому воспротивиться. С какой стати писцам и счетоводам, купцам и управителям делать всю работу, нести всю ответственность — и ничего за это не получать. Знаешь, Блейз, у меня, маленькой девочки, было семнадцать слуг! Семнадцать! Мне никогда не приходилось самой расчесывать волосы, самой надевать туфли. Я ничего не должна была делать сама — ничегошеньки. И чем я заслужила все эти услуги? Если бы не дастелцы, я выросла бы самым избалованным и самым несчастным ребенком на свете. Именно скука заставила меня присмотреться к птицам у себя на подоконнике. Любознательный детский ум, скованный косным окружением, и заставил меня задаваться вопросами... Сколько еще любознательных умов задушила цирказеанская система?

Флейм взглянула на свою культю.

— Я рада, что сбежала. Я сделала бы это снова, даже если бы знала заранее, какую цену придется заплатить.

В глубине сердца я знала, что она имеет в виду не только свою руку.

— Да, — сказала Флейм в ответ на мой невысказанный вопрос. — Если бы я осталась в Замке, мне пришлось бы примириться с худшей участью, чем изнасилование. Я снова и снова подвергалась бы насилию, унизительному и развращающему, каждый день моей жизни. — Она немного помолчала, потом продолжала: — Знатная женщина не может выйти из дому, не закутавшись в покрывало с ног до головы. Все, на что ты смотришь, ты видишь сквозь слой ткани. Считается, что народ не должен видеть наших лиц. А ведь слуги видят нас во всех видах — они нас даже купают. Где тут логика? Таков просто способ указать каждому его место. Поверь, Блейз, это был настоящий ад. В конце концов меня выдали бы замуж без моего согласия ради престижа или коммерческих выгод моей семьи. Я была просто товаром.

Флейм посмотрела мне в глаза. В полумраке она выглядела очаровательной: мягкий свет не позволял разглядеть боль в ее глазах и делал ее красоту более одухотворенной; однако для меня ее истинная прелесть заключалась в сочувствии, написанном на ее лице.

— Прости меня. Мои причитания по поводу жизни в роскоши тебе, которой постоянно приходится бороться за существование, должны казаться бестактными.

Я покачала головой:

— У каждого человека своя тюрьма. Мы просто должны найти способ из нее вырваться.

— Да. Мне дорогу показали дастелцы. А как насчет тебя, Блейз? Как тебе удалось выйти на свободу?

Я задумалась. Была ли старуха нищенка, живущая на кладбище в Ступице, тем человеком, кто научил меня полагаться только на себя? Направили ли меня на правильный путь менодиане с их бескорыстной самоотверженностью? Или Арнадо, показавший мне пример элегантности и чувства чести? А может быть, Датрик, поставивший передо мной цель? Нет, все же скорее дело было в гневе — постоянно сжигающей меня ярости из-за всех тех несправедливостей, на которые меня обрекла моя смешанная кровь.

Флейм, казалось, прочла мои мысли.

— Не говори мне, что тебе помог Датрик. Этот человек — дрянь. Хранители все...

— Ох, не начинай еще и ты! Я только и слышу об этом от Тора.

— Он прав. Если бы не хранители, поддерживающие беспомощную аристократию, потому что им легче управлять тиранами, наши острова были бы лучшим местом, чем они есть. Хранители хвалятся тем, что установили равенство и выборность правителей, но в других государствах, по их мнению, это угрожало бы стабильности, поэтому они оберегают власть местных деспотов.

— По-моему, Руарт — анархист, раз научил тебя всему этому, — проворчала я. — Вы с Тором — два сапога пара. Вы хоть представляете себе, что будет на островах, если правители-тираны вдруг исчезнут? Ведь воцарится хаос!

Флейм весьма неэлегантно фыркнула, и мы обе поспешили переменить тему, опасаясь, что в конце концов поссоримся. Мы еще немного поболтали, но потом Флейм начала метаться, пытаясь найти более удобное положение. Я дала ей еще снадобья, и она уснула, держа меня за руку.

Проснувшись, я обнаружила, что уснула сидя, положив голову на постель Флейм. Она все еще крепко спала. Руарта нигде не было видно.

Разбудили меня шаги Тора, подошедшего к постели.

— Флейм прекрасно выглядит, — сказал он.

Я встала; мгновенное головокружение едва не заставило меня потерять равновесие. Теперь события ночи казались совершенно нереальными.

— Тор, — тихо, чтобы не разбудить Флейм, спросила я, — почему ни ты, ни я не выбежали из комнаты и не проткнули мечом негодяя? Нам ведь не нужно было опасаться магии.

— Знаешь, мне кажется, что именно этого он и хотел добиться. Наверное, он нас все-таки опасается — тебя, во всяком случае. Непонятно, многое ли ему известно обо мне... Может быть, он как раз и рассчитывал, что ты кинешься его искать.

Я обдумала слова Тора.

— Так ты думаешь, это была ловушка? Кто-нибудь вроде вооруженного до зубов Домино... да и не один... ожидал меня за дверью?

— Вполне возможно. Не сомневаюсь: у него есть телохранители, хотя, по-моему, его главное желание было подразнить нас.

— Но... мне и в голову не пришло его прикончить. — Я испытывала растерянность и непонятный стыд. — Я была так напугана, что страх почти парализовал меня.

Тор мрачно улыбнулся:

— Смешно, правда? Я хочу сказать — что он так старался. Этот маг боится нас больше, чем для того есть основания. Он просто не представляет себе, что это такое — Взгляд.

Я поняла, что он имеет в виду. Мы не просто обнаруживали дун-магию; мы чувствовали, мы чуяли ее скверну, могли оценить ее силу и способность причинять зло. Могущество Янко ошеломляло нас, заставляло испытывать ужас и отвращение. Этой ночью я нисколько не сомневалась: в его власти было погрузить в морскую пучину целый архипелаг... он еще наверняка и смеялся при этом. Неудивительно, что мы с Тором не нашли в себе сил действовать.

— Тор, дун-маги... Кто... что они такое?

— Священные книги менодиан говорят, что они порождение морского дьявола.

Я недовольно фыркнула:

— Пустое сотрясение воздуха! Дун-магами рождаются или становятся?

— Ты подозреваешь, что все они начинали жизнь как силвы и были потом превращены в дун-магов?

Я кивнула. Об этом я уже спрашивала Датрика; мне хотелось получить подтверждение.

Тор покачал головой:

— Нет. Точно известно, что у женщин-силвов, изнасилованных или соблазненных злыми колдунами, рождались дети с даром дун-магии. Точно так же у женщин, не обладающих магическими способностями, часто рождаются дети-силвы, если силвом был отец. И я склонен думать, что у злых колдуний всегда рождаются дети, несущие на себе проклятие дун-магии.

— Что делает их такими? Почему они упиваются болью и отчаянием других людей?

— Не знаю. Верования менодиан не хуже прочих — все зло от морского дьявола.

— Чтобы верить в морского дьявола, — сказала я, — нужно сначала поверить в бога.

Тор слабо улыбнулся:

— Да. Я, например, верю.

Мне не хотелось спорить, поэтому я переменила тему:

— А что ты думаешь о затоплении Дастел, Тор?

Он подергал себя за ухо, как будто это могло освежить его память.

— Ходит так много легенд, что трудно сказать — что вымысел, а что факт. Должен признаться, я никогда не верил, что один маг может утопить целый архипелаг, словно пузырчатую водоросль. Так что тут ничего не доказано... А вот что я точно знаю — это что перед исчезновением островов там были всяческие волнения. Обычная вещь — население каждого острова считало, что его угнетают, взимают слишком высокие налоги и мало дают взамен. Такие жалобы слышишь постоянно, и мы на Разбросанных островах — не исключение. Мудрый правитель в таких случаях принимает меры, пока страсти не слишком накалились. Насколько я помню из уроков истории, на Дастелах царствующая семья не обращала внимания на недовольство, и в результате началась гражданская война. Один из принцев присоединился к восставшим. Обе стороны творили ужасные зверства. Еще ухудшило дело то, что вмешались чужаки. Сунули свой нос, как обычно, хранители, менодианская патриархия тоже оказалась замешана, поскольку на одном из Дастел располагался крупный монастырь; Разбросанные острова поддержали правящую династию. Перед самым погружением Дастел произошла решающая битва; восставшие были разбиты, и многие из тех, кто выжил, казнены. От армии-победительницы, впрочем, тоже мало что осталось, так что победа была невеселая. Вот и все, что мне известно.

— А Мортред? И дун-магия?

— Об этом много болтали — только потом. Я как-то нашел летописи за период, предшествующий катастрофе, и там были какие-то неясные указания на то, что на Дастелах пользовались дун-магией. Но ничего определенного... Имя «Мортред»

стали упоминать после погружения островов, а не до события. На местном языке это значит «красная смерть»: люди почему-то решили, что виновник — он. Жаль, что я мало тогда покопался в летописях.

Я задала бы ему много вопросов о его учености и возможности рыться в летописях, но тут Тор сделал виноватое лицо, и вся логика вылетела из моей головы. Мое сердце забилось быстрее: противиться его обаянию было выше моих сил.

Когда через несколько минут я, держа в руке меч, спустилась в уборную, на лестнице все еще чувствовалось зловоние дун-магии. Куда бы я ни бросила взгляд, всюду обнаруживались багровые следы, затруднявшие мне пользование Взглядом. Зловещее сияние расползалось по ступеням, мерцало из-под дверей, обтекало ножки столов и стульев в зале.

Рядом с кухонной дверью за столом расположилась группа хранителей. Все они были в рабочей одежде: ни одного шазубла я не заметила. При таком обилии следов злого колдовства их силв-магия совсем поблекла. Одну из женщин я узнала: она одновременно со мной училась в школе для девочек; однако, когда наши глаза встретились, она никак не показала, что знает меня, поэтому я просто прошла мимо, направляясь во двор.

Когда я через несколько минут возвращалась, в дверях я столкнулась с Янко. Он все так же пускал слюни, только теперь, когда я на него смотрела, он вызывал не жалость, а омерзение.

И он думал, будто мне неизвестно, кто он такой на самом деле... Такая возможность могла никогда больше мне не представиться.

Мой меч взлетел и нацелился ему в грудь едва ли не прежде, чем я сообразила, что делаю.

Мне удалось бы его убить — и тем самым изменить ход истории, — если бы не одна из тех издевательских шуток судьбы, что обрекают даже самые лучшие планы на неудачу. Поваренок, шатаясь под огромной охапкой сухих водорослей для кухонной плиты, выбрал именно этот момент, чтобы войти в дверь позади меня. Протискиваясь мимо и ничего не видя из-за своей ноши, он толкнул меня под руку, и удар, который дол-

жен был бы поразить Янко в сердце, лишь лишил его двух пальцев на левой руке.

Потом все стало происходить одновременно. Янко с воплем ярости обрушил на меня свою магию. Вреда она мне, конечно, не причинила, но вспышка багрового сияния перед глазами заставила меня инстинктивно попятиться. Поваренок взвизгнул и в панике кинул в нас охапку водорослей. Кровь из раненой руки Янко брызнула мне в лицо, и как раз тогда, когда я должна была бы нанести решающий удар, я замешкалась, протирая глаза. Из кухни выглянул хозяин гостиницы и завопил: «Янко, грязная задница, что это ты затеял?» Янко ничего не ответил: он был слишком занят тем, чтобы отразить мой новый удар. И тут нас стало много: все хранители вскочили из-за стола и кинулись к нам.

Я думала, что они мне помогут. Я думала, что это силвы с «Гордости хранителей». Я думала, что теперь Янко не избежать смерти. Я думала, что стану героиней, знаменитой на всех островах...

Однако эти хранители были не с корабля Датрика.

Это были дун-маги — бывшие силвы.

Я испытала шок, увидев багровую скверну дун-магии на этих высоких людях с золотистой кожей, увидев в их прекрасных синих глазах ненависть, жажду причинить мне боль. Силвы-хранители — дун-маги! Для меня это было то же самое, как если бы утром солнце не взошло на небо...

Я сражалась. Видят боги, как я сражалась! Схватив в левую руку стул, я прижалась спиной к стене. Янко, конечно, был уже далеко — расправу со мной он предоставил своим приспешникам. У всех них были мечи, было умение опытных воинов-хранителей, была ненасытная ненависть ко мне. И все же где-то в глубине этих сверкающих глаз я видела след того, кем эти люди когда-то были. Все оказалось так, как говорила Флейм: в них действительно жила память о прошлом, и за ненавистью проглядывали ужас и отчаяние.

Никогда еще бой не доставлял мне так мало радости...

Первые несколько ударов я, размахивая стулом, отразила, потом мне удалось убить одну из нападающих быстрым ударом между ножек стула. Хранители не обратили внимания на смерть женщины, но стали более осторожны. Теперь они нападали парами, нанося удары поочередно, рассчитывая на то,

что рано или поздно я устану и сделаю ошибку. Это были не уличные громилы вроде Теффела и ему подобных — должно быть, против меня сражались выпускники Академии в Ступице. Бывают случаи, когда карты ложатся не в твою пользу. Я закричала, призывая на помощь Тора.

Один из моих противников тоже схватил стул и вышиб у меня мой. Мне удалось нанести ему удар по руке, и из схватки он выбыл, но стула я лишилась. Без него меня, несомненно, ждало поражение.

Тут, когда я уже считала себя покойницей, игра снова переменилась. По лестнице с воплем ярости скатился Тор, размахивая мечом, как ангел-мститель. Великолепным ударом он снес голову одному из хранителей; я даже подумала, уж не калментский ли у него тоже клинок. Для человека, который — по крайней мере в течение последней недели — проявлял странное нежелание носить оружие, не говоря уже о том, чтобы им пользоваться, это был замечательный успех.

Теперь мои шансы несколько улучшились.

Я продолжала сражаться, сосредоточившись на защите, отбивая один удар за другим. Тут уж было не до элегантности, не до тонкостей искусства фехтования. Осталась только тяжелая работа, требовавшая всех сил — отчаянная, жестокая схватка, в которой мы в конце концов должны были проиграть, несмотря на умение и опыт: противников было слишком много.

Тор ранил еще одну из них, женщину, и теперь нам противостояло четверо, не считая Янко. Я краем уха слышала причитания хозяина гостиницы, который метался по залу и умолял нас ничего больше не ломать и вообще лучше продолжить сражение где-нибудь в другом месте. Иногда он обращался к Янко с отчаянным призывом объяснить ему, ради Великой Бездны, что происходит. Янко, не обращая на него внимания, выкрикивал приказания не убивать нас: мы нужны были этому проклятому ублюдку живыми. Потом в зале появилось еще несколько хранителей — бывших силвов, пособников Янко, — и все было кончено.

Меня повалили на пол, выбив меч из руки; кто-то поставил ногу мне на спину, не давая подняться, пока руки и ноги мне связывали куском рыбачьей сети. Судя по звукам, где-то слева от меня такой же процедуре подвергся Тор. Все мое тело болело: глубокая ссадина на щеке от ножки стула, порез на

правой руке, который вроде бы не особенно кровоточил, ушибленный бок, по которому чей-то меч ударил, к счастью, плашмя. Я, конечно, еще сколько-то проживу — достаточно долго, чтобы мечтать о смерти...

Старательно связав, меня перевернули на спину. Я чувствовала себя крабом, лишенным клешней. Янко сверху вниз смотрел на меня, и впервые я увидела его истинное лицо. Никакой ухмылки, умные, безжалостно холодные глаза. Лицо его оставалось таким же изуродованным, но слюни он больше не пускал, и теперь внимание привлекала правая, нетронутая сторона лица. Самым ужасным в этом лице была ледяная ненависть. Янко собственными руками разорвал бы меня на части, если бы думал, что это самая страшная пытка, которой он может меня подвергнуть.

— На этот раз, — сказал он, — ты не сбежишь. И не умрешь тоже. Помни это. — Голос Янко — голос хорошо образованного знатного человека — был тем самым, который я слышала, когда меня пытали на пляже, а не жалким хныканьем Янко-слуги. Он ткнул меня ногой в лицо — так, чтобы попасть по ссадине. Мелкая бессмысленная гадость — однако она содержала в себе обещание будущих мучений. Потом Янко наклонился и приблизил лицо к моему лицу. — Ты очень пожалеешь о том, что встала на моем пути. Знаешь ты, как меня называют, Блейз Полукровка? Мортред Безумный. Только люди ошибаются: безумным я никогда не был. Все, что я делаю, хорошо рассчитано, и так же хорошо будет спланировало то, что ждет тебя. Спланировано до мельчайшей детали. Помни это тоже.

Я отвела глаза в сторону — и сердце мое едва не остановилось. Оттуда, где я лежала, была видна верхняя площадка лестницы, и там, слабой рукой вцепившись в перила, стояла Флейм. На моих глазах контур ее фигуры расплылся: цирказеанка прибегла к силв-магии. Силвы не способны становиться невидимыми, но они умеют делать так, что их трудно заметить. Как это удалось Флейм, слабой и еле держащейся на ногах, я не могла себе представить. Я поспешно отвела взгляд.

Мысли, которые вызвало у меня появление Флейм, наполнили меня новым ужасом. Она отправится к Датрику... Я едва не застонала. Она столько вытерпела ради того, чтобы скрыть

местопребывание Девы Замка! Я не могла бы вынести, если бы ради меня она открыла тайну.

Что касается Тора, я даже думать не хотела о том, что его ждет.

Нас вытащили из гостиницы. Глаза оказавшегося у двери хозяина были большими и круглыми, как монеты в целый сету, а подбородок трясся от страха. Проходя мимо, Янко, возможно, в отместку за какую-то прошлую обиду, хлестнул его заклинанием, и несчастный с визгом рухнул на пол. Я заметила вспухшие на его лице кровавые рубцы и сломанный нос. Вряд ли бы он с этим согласился, но мне подумалось, что он легко отделался.

Перед моими глазами возникла непрошеная картина того, как умирал Ниамор...

Все мы были рыбешками, запутавшимися в сетях несчастий.

Дун-маги отвезли нас в свою деревню, погрузив на морского пони. Нас привязали рядом на спине животного так, что головы и ноги свешивались по сторонам. Веревки были затянуты туго, пошевелиться я не могла, так что все время билась головой о жесткий панцирь. Единственное, что немного утешало, — это что наши с Тором головы оказались рядом.

Когда нас везли по улицам города, обыватели, отправившиеся на рынок, глазели, разинув рты, позабыв о своих покупках. Один или двое отважились спросить сопровождавших нас хранителей, что мы натворили, но ответа не получили. Протестовать никто не пробовал. Чтобы даже задать вопрос силвам с корабля, требовалась смелость, а обитатели косы Гортан никогда не были знамениты ни заботой о соседях, ни безоглядной храбростью. Так что горожане пожимали плечами и отправлялись по своим делам.

Мне удалось немного придвинуться к Тору, так что мои губы едва не касались его шеи.

— С каких это пор ты владеешь калментским клинком? — спросила я шепотом.

— С тех пор, как был повстанцем на Малом Калменте, — молодым и наивным, — ответил он. — Почему, ради всех рыб в море, ты этим интересуешься?

Мне это, конечно, было совершенно безразлично; хотела же я узнать, почему, владея подобным мечом, он никогда его не носил. Мне хотелось понять, как человек, когда-то бывший Копьем Калмента, мог столь сильно перемениться, — только я не знала, как задать такой вопрос.

— Не показывай им, что мы что-то значим друг для друга, — сказал Тор.

Я еле заметно кивнула. Он был прав: нельзя было давать Янко — нет, Мортреду — добавочное средство причинить нам боль. Впрочем, я подумала, что дун-маг, вероятно, уже знает о наших отношениях. Этот человек целыми днями был рядом, в конце концов, и вряд ли он прислуживал в гостинице просто ради развлечения.

Рывки морского пони не делали наше положение более удобным. Моя щека кровоточила, и кровь затекала в глаз, но поделать с этим я ничего не могла. Однако глаза я держала открытыми: мне нужно было следить, не пошлет ли Флейм вслед за нами дастелцев. Она, конечно, так и поступила: нас скоро окружила целая стайка птичек. Проблема была в том, что я никак не могла дать им знать, что мне нужно что-то сообщить. Как оказалось, на этот счет я могла не тревожиться: Руарт Виндрайдер уже обо всем подумал. По крайней мере, я решила, что это именно он: одна из птиц подлетела так незаметно, что я увидела ее, только когда она села на спину морского пони прямо у меня перед носом.

Я быстро прошептала:

— Янко признался в том, что он и есть Мортред. Будьте осторожны — он наверняка догадается, кто вы такие на самом деле. И не позволяй Флейм расплачиваться с Датриком за его помощь — он окажет ее в любом случае. — По крайней мере я надеялась, что это так. Никаких иллюзий по поводу чувства долга у Датрика или привязанности ко мне я не питала, но ведь было же известно, что он планирует нападение на деревню дун-магов...

Дастелец кивнул и упорхнул.

Тор прошептал мне в ухо:

— Ах, любимая, как бы я хотел, чтобы до такого не дошло... — В голосе его звучала скорее печаль, чем страх.

Я вполне разделяла его чувства. Проклятие, во всем была виновата я сама.

Глава 17

В предыдущий раз деревню Крид я видела тоже со спины морского пони, но теперь я испытывала гораздо больше неудобств и гораздо больше страха. Все вокруг провоняло дунмагией, и куда бы я ни бросила взгляд, всюду были видны алые и багровые всполохи. Деревня, окруженная полукругом дюн, смотрела на пляж, а на западе, сразу за последним домом, поднимались скалы (та самая короста на спине угря — косы Гортан, о которой я тебе раньше говорила). Сначала склон был крутым, потом переходил в невысокое плато. Обращенная к морю сторона этого плато обрывалась отвесной стеной, у подножия которой бились волны. Все это я однажды видела с борта корабля, так что теперь меня больше интересовала сама деревня.

За те четыре месяца, что они провели здесь, Мортред и его присные превратили кучку покосившихся лачуг, где жили ловцы мидий, в селение, которое ничем не уступало самым фешенебельным пригородам Ступицы. Вдоль улиц, вымощенных голубыми раковинами, стояли белые дома. Сначала я подумала, что здания возведены из какого-то белого камня, но потом при ближайшем рассмотрении обнаружила, что это вовсе не камень. Строительный материал представлял собой скопление крохотных белых раковин, за сотни лет сросшихся в пористую белую массу; полоса подобного ракушечника тянулась вдоль берега косы Гортан. Белые дома с плоскими крышами, освещенные солнечными лучами, сияли строгой красотой — куда до них было обычным строениям косы Гортан. Интересно, подумала я, почему никто из жителей до сих пор не додумался использовать блоки из ракушечника. Наверное, дело было в том, что никто так не стремился к новшествам, как Мортред Безумный.

Мне еще предстояло обнаружить, что нововведения были его явным талантом. В деревне Крид я увидела много такого, чего никогда раньше не встречала.

И уж точно никогда раньше я не встречала людей, которые бы так выглядели... В них не оставалось ничего человеческого... большинство скорее можно было бы назвать ходячими мертвецами. Некоторых я сначала приняла за гхемфов —

волос у них не было, а кожа выглядела серой. Потом я узнала, что волосы у них просто выпали, а кожа утратила краски в результате многомесячных издевательств и голода. Головы у них выглядели огромными, но это было следствием чрезвычайной худобы. Кожа казалась пергаментом, натянутым на скелет... отличить мужчин от женщин я не могла. Это были, должно быть, по большей части прежние жители деревни, и среди них, возможно, оказалась и та подружка Ниамора, о которой он как-то говорил. Теперь же они стали просто рабами, которых использовали и выкидывали, как только они переставали быть полезными.

На рабов были наложены магические оковы. Заклинания оставили на их телах почти красивые алые узоры, лишая несчастных желания бежать, воли к сопротивлению. Еще более страшным был тот факт, что ни детей младше десяти лет, ни стариков видно не было. Когда-то в деревушке ловцов мидий жили большие семьи... теперь же остались только физически сильные.

Другая группа людей в Криде вызывала, может быть, не меньшую жалость, но другого рода: это были осквернённые злым колдовством силвы. Не все они были хранителями. Я видела татуировки, говорящие о том, что родились они на островах Брет, Мекате или Ксолкас. Они не были ни истощенными, ни оборванными; они сами стали столь же злобными и жестокими, как Мортред, но при взгляде на них мое сердце разрывалось. В их глазах я видела обреченную на поражение борьбу добра против зла. Они никогда больше не могли стать силвами, и это было им известно. Их новая злая сущность ликовала, но внутренняя борьба выдавала себя проблесками ужаса и отчаяния из-за собственной неспособности победить скверну, мольбой об освобождении — о смерти. Какая-то часть меня желала перебить их всех, чтобы избавить от страданий. Другая часть мучилась сомнениями: сумею ли я, окажись у меня возможность, проявить беспощадность. Воспоминания о смерти Ниамора все еще преследовали меня.

Третья группа людей в Криде состояла из настоящих дунмагов. Когда морские пони остановились, они собрались вокруг, несомненно, желая увидеть новую добычу Мортреда. Судя по их татуировкам, они собрались здесь со всех Райских островов. Думаю, их было человек пятнадцать. Их присутствие

меня удивило. Мортред, похоже, сделал то, чего никто до него не делал: объединил целую группу колдунов. Обычно они предпочитали держаться особняком. Даже поселение дун-магов на Фисе, которое я помогла уничтожить, вождя не имело, и его жители были мало связаны между собой.

Мысль о том, какую мощь Мортред сумел сосредоточить в одном месте, заставила меня задрожать.

Тор, должно быть, думал о том же.

— Как же много... — прошептал он. В его голосе прозвучал не столько страх, сколько интерес. Он был озадачен, словно злые колдуны и их могущество представляли собой интеллектуальную проблему, требующую решения. — Мортред, похоже, собирается захватить власть над всеми Райскими островами. Иначе зачем бы ему так много магов? — Тор был прав. Мое сердце оборвалось.

Магические оковы нас, конечно, не удержали бы, так что на нас надели настоящие цепи. Когда нас сняли с морского пони, первым делом нам на ноги надели кандалы — так что мы могли передвигаться, лишь еле шаркая ногами. Потом каждому из нас на плечи положили по толстому и длинному шесту, завели нам руки за спину и приковали запястья к его концам. В результате мы оказались неуклюжими, едва сохраняющими равновесие фигурами с раскинутыми в стороны руками. Поза была мучительно неудобной.

После того как мы были таким образом лишены всякой возможности что-то предпринять, нас отвели в помещение, где находился Мортред. Он был не один: на носилках скорчился Домино, который посмотрел на нас с пылкой ненавистью. Я чуть не застонала. Зачем, ради всех островов в море, не дала я Тору прикончить негодяя? Теперь нам предстояло пожалеть о своем великодушии.

Мортред сидел в окружении осквернённых силвов — его телохранителей. Его кресло, высокое и накрытое роскошным ковром, стояло на возвышении; все убранство копировало приемную главы Совета в Ступице или тронного зала, какие я видела, бывая в различных островных государствах. Теперь можно было не сомневаться, какую роль отводит себе Мортред.

С момента прибытия в деревню мне постоянно приходилось бороться с тошнотой: мерзкий запах дун-магии обрел такую концентрацию, что его почти невозможно было вынести.

Теперь же, в присутствии Мортреда и остальных дун-магов, каждый вдох отзывался болью в груди. Зловоние словно когтями терзало мое тело.

Я заставила себя взглянуть в лицо Мортреду.

Он снова переменился. Левая рука, на которой теперь не хватало двух пальцев, больше не была скрюченной. Раны уже зажили, хотя прошло всего несколько часов с того момента, когда я отрубила ему пальцы, — с каждым часом злой маг становился сильнее.

И тут я увидела, что висит на стене над креслом Мортреда: два калментских меча. Один — как я заподозрила, принадлежавший Тору, — был обнажен и покрыт кровью. Мой меч, в ножнах, служил, казалось, безобидным украшением. Мортред замыслил это, конечно, как оскорбление, но я нашла такую выходку ребяческой. Меня не так легко заставить испытывать бессильный гнев. Я просто порадовалась, что теперь знаю, где находится оружие. Надежда во мне еще не умерла.

Мортред улыбнулся, заметив, куда направлен мой взгляд.

— Блейз, — сказал он, — прислужница хранителей. Одна из обладающих Взглядом. Полукровка. Лгавшая моему слуге Домино. Все основания для наказания, и наказание последует. Оно будет вечным — по крайней мере до твоей смерти в преклонном возрасте. Не ищи в смерти освобождения, полукровка. — Мортред слегка повернул голову, не сводя с меня глаз. — Ты слышишь, Домино? Она не должна умереть от плохого обращения; она должна только мечтать о смерти.

— Я понял, господин.

Мортред снова обратился ко мне:

— Домино в настоящий момент несколько недомогает, как видишь. Несомненно, он позаботится о том, чтобы оказавшаяся причиной его страданий в свою очередь испытала боль. — Потом внимание Мортреда переключилось на Тора: — Ты, насколько мне известно, Тор Райдер с Разбросанных островов. Также один из обладающих Взглядом. Не знаю, почему ты решил вмешаться в мои дела, но об этом решении ты будешь жалеть до конца своих дней. — Мортред кивнул одному из сопровождавших нас ренегатов-хранителей. — Отправь обоих в «забвение» до тех пор, пока Домино не поправится достаточно, чтобы заняться ими лично. Может быть, цирказеанка

разделит с тобой эту радость, Домино, когда прибудет сюда. Это было бы забавно, мне кажется.

Я испытала почти облегчение. Я ожидала, что нас снова подвергнут чему-то вроде пытки кровяными демонами; по сравнению с этим «забвение» казалось почти роскошью, особенно если учесть, что нас не собирались разлучать. Я тогда еще не подозревала, что существуют и более изощренные мучения.

Не знаю, встречался ли ты в своих путешествиях с такой вещью, как «забвение». Его несколько поколений назад изобрел один из владык островов Ксолкас. Это комната, или каземат, или яма в земле — любое место, куда снаружи не проникает ни свет, ни звук, так что узник не может судить о течении времени. Узник получает пищу и воду — в разных количествах и через разные промежутки времени, так что не имеет возможности определить, сколько времени прошло, и никогда не знает, когда получит следующую порцию. Все это мне было известно. Чего я не знала, так это насколько такая пытка ужасна.

Нашим «забвением» была подземная комната со стенами, как я полагаю, из ракушечника (видеть их я никогда не видела). Сначала нас отвели в темную комнату, освещенную единственной свечой у самой двери. В середине пола имелся люк, и через него меня на веревке опустили в «забвение» внизу. Было так темно, что я даже не могла определить, насколько оно было глубоким. Как только мои ноги коснулись пола, веревку вытащили наверх, а Тора спустили вниз, и люк закрылся. Мы остались в темноте такой непроглядной и плотной, что ее, по-моему, можно было резать ножом.

Я стояла неподвижно; до меня только теперь дошло, какими дьявольски изобретательными были наши тюремщики. Мы остались скованными и беспомощными, мы не могли даже коснуться друг друга, не могли друг друга обнять. Мы не имели возможности поправить одежду, когда нам нужно было оправиться. Мы даже не могли почесать там, где чесалось.

Потом я обнаружила, что хотя темнота была абсолютной, тишина таковой не была. Кто-то — или что-то — в «забвении» был еще. Я уловила еле слышный шорох и звук дыхания.

— Мы тут не одни, — сообщил мне очевидное Тор.

— Не одни. — Голос был мужской и совсем слабый. — Здесь нас двое. — Потом из темноты донесся хриплый кашель.

— Кто вы? — спросила я.

— Милосердный боже! Женщина?

Я кивнула, забыв, что никто этого не может увидеть.

— Меня зовут Блейз, — начала я и остановилась. Зачем сообщать о себе лишнее? Хоть на это раз пусть судят обо мне как о личности, а не о полукровке без татуировки на мочке уха.

— Я — Тор Райдер с Разбросанных островов, — заполнил паузу Тор.

Снова донесся кашель, и слабый голос произнес:

— Я — Алайн Джентел, обладающий Взглядом патриарх с Ксолкаса. Как мне кажется, я знаю тебя, Тор Райдер. — Его полный иронии тон намекал на то, что на самом деле он знает Тора очень хорошо.

Последовало долгое молчание, потом Тор сухо произнес:

— Да, мы встречались. Мне очень жаль, что ты оказался здесь, Алайн. Я слышал о том, что ты исчез.

Слабый голос задрожал.

— Милый мальчик, как давно это было?

Милый мальчик, вот как?

Тор прочистил горло.

— Месяца три назад, мне кажется. Сегодня десятый день месяца Двух Лун.

— Ах... А казалось... казалось намного дольше.

Я поняла, что Тор очень взволнован. Я заметила это по его голосу и удивилась. Обычно Тор был слишком скрытен, чтобы проявлять свои чувства.

— А кто второй? — спросила я невидимого Алайна.

— Ты можешь называть меня Эйлса. — Второй голос, донесшийся из темноты, озадачил меня: я не могла определить, принадлежит он мужчине или женщине. И еще мне показалось, что я когда-то его уже слышала... — И мне кажется, что мы тоже встречались, сир-Блейз Полукровка, обладающая Взглядом. — В бесплотном голосе явно слышался смех.

Так и не удалось мне скрыть, что я полукровка... По крайней мере незнакомец добавил любезное «сир».

— Правда? — И тут я вспомнила. — Ты гхемф?

— К твоим услугам.

— Но как... Что случилось?

Будь у меня время подумать, я, наверное, не задала бы вопроса: никому и в голову не пришло бы вести разговоры с гхемфом. Однако на этот раз ответ последовал незамедлительно:

— Дун-маг не одобрил моего присутствия на косе Гортан.

— Но почему?

И снова гхемф ответил с готовностью:

— Меня на поиски Мортреда послал мой народ, сир-Блейз, — все гхемфы Райских островов. Я должен был узнать, что происходит. Мы все слышали разговоры о том, что злой колдун превращает силвов в себе подобных, а это, хоть и не напрямую, касается нас. Захвати Мортред власть над всеми островами, неразумно было бы полагать, что нам удастся по-прежнему жить в относительном покое и благополучии. Было сочтено, что следует оценить ситуацию, выяснить, представляет ли этот Мортред угрозу нашей безопасности. Мортреду, к несчастью, не понравилось, что я задаю вопросы.

Я почувствовала, что вот-вот начну истерически смеяться. Гхемфы обычно ограничивались словом или двумя, этот же держал речь, похожую на официальное заявление. Впрочем, этот гхемф был особенный. Он ведь однажды сказал мне, что некоторые люди не нуждаются в символах...

— Мне кажется, — сказала я наконец, — что у тебя появились основания заключить, что он и в самом деле представляет угрозу вашей безопасности.

— Именно таков и мой вывод, да. — В голосе гхемфа снова прозвучал намек на смех. Гхемф определенно обладал чувством юмора.

— Пожалуй, — перебил его Тор, — было бы хорошо, если бы вы рассказали нам об этом месте. И будьте осторожны, приближаясь к нам: мы прикованы к шестам, которые лежат у нас на плечах.

Алайн протянул руку и коснулся меня, чтобы ощупать кандалы, и я подскочила, когда его пальцы скользнули по моей талии, прежде чем подняться на нужную высоту.

— Ах... Этой пыткой, по счастью, в отношении нас они пренебрегли. — Слабый голос Алайна был полон тревоги. Он глубоко вздохнул, пытаясь не дать себе закашляться. — Вы находитесь в квадратной комнате, имеющей четыре шага в длину и четыре в ширину. В углу, справа от вас, имеется дыра для... для... отходов. Вы, несомненно, чувствуете запах. Через какие-

то — неопределенные — промежутки времени люк открывают... темнота при этом не рассеивается... и спускают нам пищу и воду. Не помногу — только чтобы поддержать жизнь, а о вкусе и разнообразии лучше не говорить. Мы никогда не знаем, когда в следующий раз нас накормят, так что лучше не съедать и не выпивать всего сразу же. Больше мне рассказать вам нечего. Никто ни разу не приходил за мной с тех пор, как меня кинули сюда, а это было сразу же после моего пленения. Три месяца назад, ты сказал? — Голос Алайна стих. Патриарх был явно не только стар; он был и очень болен.

— Я попал сюда всего день или два назад, — добавил Эйлса. — На меня, как и на Алайна, кандалов не надели.

Я села, привалившись к стене спиной, и закрыла глаза, хотя разницы это не составляло. Темнота так облепила меня, что я была, казалось, туго обернута ею. А вот звуки словно усилились: поскольку снаружи до нас ничего не доносилось, даже наше дыхание представлялось ужасно громким. Плечи у меня болели, кандалы натерли запястья до крови, цепи на ногах врезались в тело, какую бы позу я ни приняла. Я уже начала понимать, что маленькая боль может сделаться огромной. За несколько часов мне стало ясно, что не только кровяные демоны могут причинить ужасные страдания.

— Кому-то из вас придется нам помогать, — сказала я. — Мы не можем сами даже поднести ко рту пищу.

— Конечно, — тихо ответил Алайн; в его голосе звучало все то же отчаяние. — Не хотите ли пить? У нас есть вода.

Мы оба напились; за целый день это были первые капли воды, попавшие в рот каждому из нас. Мне стыдно в этом признаться, но мы выпили всю воду, которая была у Алайна и Эйлсы.

— Вам нужно попытаться избавиться от этих шестов, — неожиданно сказал гхемф. Он подошел к Тору, и я услышала шорох: существо, по-видимому, исследовало его кандалы. Последовал глухой удар и восклицание по-гхемфски, которого я не поняла. Потом гхемф сказал:

— Поправьте меня, если я ошибаюсь. На расстоянии примерно ладони от каждого конца шеста есть углубление для железного кольца меньшего диаметра, чем сам шест. Кольца соединены короткими цепями с кандалами на запястьях. Кандалы заперты на ключ.

— Все верно, — согласилась я. — Могу только добавить, что кандалы сделаны на Мекате, а это значит, что подобрать отмычку к замкам практически невозможно, даже если бы у нас были необходимые инструменты. Самые лучшие замки делают на Мекате.

— Это именно то, что следует знать каждой благовоспитанной леди, — сухо сказал Тор.

Я скорчила ему рожу. Я не сомневалась, что он это почувствует.

— Если бы шест удалось состругать, его можно было бы протолкнуть сквозь кольца, и вы освободились бы, — сказал Эйлса.

— У нас нет ничего, чем можно было бы воспользоваться, — ответил Тор.

— У меня есть, — сказал гхемф. — У меня на ногах имеются когти.

Мы обдумали это в молчании. Потом Тор сказал:

— Дерево твердое. Насколько остры твои когти? На это дело могут уйти недели.

— Может быть, неделями вы и располагаете, — с сухим юмором ответил гхемф.

— Тогда начинай с Блейз, — предложил Тор.

Я не стала возражать: слишком мне хотелось избавиться от шеста.

— Хорошо, — сказал гхемф и тут же принялся за дело.

Глава 18

Не знаю, как долго мы пробыли в «забвении». Несколько дней, несомненно, но сколько именно — не знаю. Когда мы наконец оттуда выбрались, я так ни у кого об этом и не спросила. Мне просто хотелось забыть пытку, но, конечно, это мне не удалось. Подобный ад — смесь боли и страха, надежды и отчаяния, в полной темноте, провонявшей нечистотами, — не так легко забыть.

Отсутствие всякой определенности оказалось перенести труднее, чем я думала. Наши тела не умели обходиться без чего-то похожего на суточный ритм. Мне никак не удавалось ус-

нуть, а если все-таки удавалось, я просыпалась в панике, обливаясь по́том, с бешено колотящимся сердцем. Я мечтала о пище и воде, когда их не было, а когда мы их получали, казалось, что едим и пьем мы слишком часто и помногу. Мы пытались ввести какие-то нормы, но еда быстро портилась, а сохранить воду не удавалось, потому что прежде чем выдать нам следующую порцию, остатки прежней просто выливали на землю. Если мы начинали поспешно пить, прежде чем привязать бурдюк к спущенной нам веревке, веревку просто вытаскивали, лишая нас очередной выдачи и пищи, и воды.

Сначала запах меня мало тревожил. Только позже миазмы в воздухе стали с трудом выносимы: они с каждым днем становились все ужаснее, ведь отхожим местом — просто дырой в земле, как и говорил Алайн, — пользовались уже не двое, а четверо. Воды на то, чтобы помыться, у нас, конечно, не было, так что к зловонию от ямы добавлялась еще и вонь немытых тел.

От неестественной позы болели мышцы, на щиколотках и запястьях кандалы оставили язвы; жить с этой постоянной пыткой я постепенно научилась. Не боль, а отсутствие света едва не сломило мой дух. Я знала, что если когда-нибудь выйду на свободу, никогда не смогу пройти мимо слепого нищего, ничего не положив в его миску, даже если это будет моя последняя монетка. Теперь я слишком хорошо понимала, что значит лишиться света. Полная темнота поглощала меня, тянула на дно, заставляла гадать, действительно ли мир существует или он — просто порождение моего ума, игра воображения... Как же я ненавидела тьму!

И все же «забвение» являло собой не только ужас... по крайней мере так казалось, когда я потом оглядывалась назад.

Общество Тора, Алайна и Эйлсы помогло мне сохранить рассудок.

Тор был моей неколебимой опорой, моей любовью. Именно в «забвении» я лучше всего узнала его — хотя даже тогда всей правды о себе он так и не открыл. Может быть, это обстоятельство и оказалось решающим потом, в конце...

Я узнала все о его детстве, о том, что он, сын рыбака, не захотел идти по стопам отца, утонувшего в шторм у рифов Глубоководья.

— Мой отец любил море, а я боялся его переменчивости, — объяснял Тор. — Забавно: вышло так, что я за свою жизнь повидал больше морских просторов, чем отец. Я проплыл через каждый пролив между Большим Калментом и Ксолкасом, посетил каждый порт, видел каждый маяк, перенес множество штормов.

— Чем ты занимался? — спросила я. — Нанялся матросом?

— Нет, просто я много путешествовал, — уклончиво ответил Тор. — Работал, смотрел по сторонам... Когда отец погиб, я определился в подмастерья к писцу. Мне тогда было лет четырнадцать. — Писцы зарабатывали тем, что писали письма, составляли прошения; такая работа высоко ценилась там, где далеко не каждый умел читать и писать. — Когда мне сравнялось шестнадцать, умерла моя мать, а сестра вышла замуж; так что я использовал свою часть наследства для покупки необходимых инструментов: складного столика, перьев, чернил, пергамента, сургуча. В качестве предосторожности я добавил к покупкам меч и лук, хотя не умел ими пользоваться, и отправился в путь, рассчитывая заработать себе на жизнь.

Восемь или девять лет Тор странствовал по Райским островам, узнав за это время о жизни и людях больше, чем за всю предшествовавшую жизнь. Наконец он оказался на Малом Калменте, страдавшем под властью этого выродка, владетеля Килпа, как раз перед началом восстания. К восставшим Тор примкнул скорее случайно, чем по обдуманному решению. Тогда-то он и заработал свой калментский меч — его выковал кузнец по заказу человека, чью жизнь он спас. Это был дар в уплату кровного долга, как и мой клинок.

После того как восстание было подавлено, Тору пришлось скрываться и от хранителей, которые помогали владетелю Килпу, и от калментских войск. Денег у него не было, своих письменных принадлежностей он лишился. Именно тогда он решил, что война ему не по вкусу. Он видел слишком много жестоких убийств, которые последовали за разгромом восстания, когда отряды Килпа опустошали острова, насилуя женщин и детей и убивая любого, кто не мог дать правильного ответа на их вопросы.

Я знала, о чем он говорит: я тоже там была. Я с отвращением отказалась от предложения Килпа: он предлагал мне гражданство и пост в его войсках. Тор пришел к еще более ради-

кальному решению: он поклялся себе, что будет искать лучший способ помочь угнетенным, чем убивая угнетателей. И отложил свой калментский меч...

Я покинула Калмент на корабле хранителей; мой проезд был оплачен, в кошельке водились деньги. Тор, не имея ни гроша, в конце концов сумел добраться до островов Квиллер, нанявшись на провонявшее ворванью китобойное судно. Снова вернуться к прежнему ремеслу он побоялся, поскольку хранителям было известно, что Копье Калмента когда-то был писцом. Вместо этого он сделался учителем грамоты в менодианской общине. Хотя он не принадлежал к единоверцам менодиан, они приняли его, потому что нуждались в его умениях. Там Тор и прожил три года, прежде чем двинулся дальше.

Когда он рассказал об этом, мне многое стало понятно.

— Так вот почему ты с такой легкостью беседовал с Рэнсомом на религиозные темы, — сказала я.

— Да. Молитвенник я выучил от корки до корки. Менодиане имеют обычай во время трапез читать свою священную книгу. А если хотелось получить и десерт, приходилось выслушивать еще и проповедь. А поскольку я обычно бывал голоден... — За суховатый юмор я любила Тора еще сильнее. — Они были хорошими людьми, — добавил Тор более серьезно.

Когда я начала расспрашивать Тора о том, что он делал, покинув общину менодиан, ответы его снова стали уклончивыми. Я подумала, что он, возможно, не хочет подробно рассказывать о своих приключениях в присутствии наших товарищей по несчастью, поэтому не стала настаивать. Про себя же я подумала: не сделался ли Тор чем-то вроде тайного агента? Шпиона какой-нибудь повстанческой организации, борющейся против власти хранителей? Может быть, автором памфлетов? Одним из тех, чьи подстрекательские листовки время от времени появлялись в городах, прославляя свободу и нечто, именуемое «всеобщим правом голоса». Содержащиеся в них идеи часто совпадали с теми, которые Тор высказывал в разговорах со мной. Все это звучало замечательно, но я не могла себе представить, как эти принципы можно осуществить на практике; сомневалась я и в том, что дело кончится хорошо, если какое-нибудь из островных государств удастся заставить им следовать. Я не питала к роду человеческому такой симпа-

тии, как Тор, и уж тем более не питала иллюзий. Я полагала, что если каждый сможет принимать участие в управлении страной, то это приведет к бессмысленной анархии.

— В конце концов править станут те, кто громче всех кричит и кто придумает самые запоминающиеся лозунги, — сказала я однажды в ответ на рассуждения Тора.

— Все дело в образовании, — ответил он мне. — Нужно говорить людям правду.

Так или иначе, Тор так и не объяснил вразумительно, чем зарабатывал на жизнь, распрощавшись с менодианами. Насколько я могу судить, он перепробовал множество занятий почти на всех островах и многое из того, чем он занимался, было направлено на ослабление влияния хранителей — купцов и силвов. Он даже жил какое-то время на островах Хранителей; тогда-то он и повстречал Винтеджа-сапожника.

Тогда я думала, что именно воспоминаниями о менодианах с островов Квиллер и вызван его интерес к Алайну Джентелу. В «забвении» он проводил многие часы в разговорах со стариком. Они тихо обсуждали по большей части религиозные вопросы, пока я разговаривала с гхемфом. Как я поняла, Алайн пытался убедить Тора в своей правоте, и они подолгу обсуждали догмы, взгляды на которые у них сильно расходились. Мне казалось, что познания Тора — довольно необычные для мирянина — в менодианстве и в древних языческих верованиях не уступают знаниям Алайна. На меня их споры нагоняли скуку; я многого в их рассуждениях не понимала, а препирательства по поводу мелких различий в верованиях или в поведении представлялись мне смешной тратой времени. Конечно, к этому времени я уже задавалась вопросом, не менодианин ли Тор. Он, несомненно, верил в Бога, и мне было удивительно, насколько серьезно он относится к своей вере; впрочем, я достаточно часто слышала от него и язвительные замечания о менодианских суевериях. Например, он высмеивал требование целомудрия от не состоящих в браке; он называл это ханжеским человеческим изобретением, которое Бог, вложивший в человека все желания плоти, проклял бы как нечто неестественное. Такие доводы, хотя, несомненно, и правильные, казались мне ненужными, и я никак не могла понять, почему взгляды Тора так смущают Алайна.

Бывали моменты, когда Тор полностью уходил в себя и был готов проводить целые часы в молчании, размышляя о чем-то. Он оставался уравновешенным, даже жизнерадостным и спокойным. Я же вела себя как посаженная в клетку кошка. Я бродила (насколько можно бродить с шестифутовым шестом на плечах по помещению размером с корабельную каюту), я причитала, я жаловалась на судьбу и проклинала Мортреда; я впадала в ярость и рыдала. Всякий раз Тор успокаивал меня, помогал мне взять себя в руки. У него было гораздо больше внутренней силы, чем у меня, но он никогда меня не стыдил, — хотя случаев, когда меня пристыдить следовало, было немало. Я плохо переносила заключение, в особенности потому, что знала: на смену ему придет бесконечная пытка.

— Расскажи мне о себе, — говорил Тор, заметив, что мое отчаяние грозит снова вырваться из-под контроля. — Расскажи мне о своей жизни. Я хочу знать о тебе все. Ты помнишь что-нибудь о своих родителях? — спросил он однажды.

«Забвение» на мгновение скрылось от меня за яркой картиной из другого мира: мимолетным проблеском детства. Запах благовоний, контур лица, незабываемое ощущение тепла и безопасности... И потом опустошительное предательство, когда все это исчезло.

— Иногда, — медленно сказала я, — иногда у меня бывает чувство, что я помню, что был кто-то... Но тут же все исчезает, и я помню только голод, холод и страх.

— Кто за тобой присматривал?

— Парочка спятивших нищих на кладбище на Сумеречном холме. Время от времени. И жившие там старшие дети иногда помогали. Мы присматривали друг за другом. Мне позже рассказывали, что меня, завернутую в одеяло, просто бросили на кладбище, на одной из могил. Думаю, мне тогда еще не было двух лет. — Вопрос Тора раздул угли воспоминаний, которые я намеренно гасила. Теперь, когда они снова разгорелись, я уже не могла не вспоминать, не рассказывать. — Я все время мечтала о том, что родители придут за мной, что все случившееся окажется ужасной ошибкой. Я представляла себе, что меня похитили, чтобы лишить принадлежащего мне по праву рождения... Наивные, глупые мечты.

Я замолчала, тишина длилась долго. Наконец Тор сказал:

— Такое окружение не могло быть безопасным для ребенка твоего возраста. Удивительно, что ты не только выжила, но сумела вырасти в сильную и яркую личность.

Я почти не обратила внимания на комплимент: воспоминания совсем завладели мной.

— Я несколько раз чуть не погибла. Когда мне было шесть или семь лет, например, один из старших мальчишек начал приставать ко мне. Он угрожал мне всяческими неприятностями, если я кому-нибудь расскажу. Сначала я просто старалась насколько возможно его избегать... Потом, видя, что он не отстает от меня, старуха нищенка, вместе с которой мы жили, сказала мне слова, которые я запомнила навсегда: «Дитя, ты должна заботиться о себе. Никто другой этого не сделает». С тех пор я перестала видеть сны наяву. Я поняла, что я, полукровка, одна на свете. Я должна была сама направлять собственную жизнь. Защищать себя. Вот я и начала... Я поднимала такой крик, стоило моему мучителю приблизиться ко мне, что другие дети начали его дразнить. В конце концов он сдался и нашел себе другую подружку. Он-то и начал называть меня Блейз — «Вспышка». Думаю, что он хотел унизить меня, но имя мне очень пришлось по вкусу. До тех пор все называли меня просто «полукровка». Если у меня когда-то и было другое имя, я давно его забыла.

— Ты никогда не пыталась найти своих родителей? — спросил Тор.

— Пыталась, конечно. Когда я стала постарше, я отправилась в архив в Ступице, где хранятся сведения обо всех новорожденных. Я искала запись о девочке, один из родителей которой происходил с Южных островов, другой — с острова Фен. Мне не удалось найти ничего. Возможно, моя мать и не подумала зарегистрировать мое появление на свет. Подозреваю, что она какое-то время держала меня при себе, а потом, когда я начала ходить и люди стали замечать, что я — полукровка, она просто бросила меня. В противном случае у нее начались бы неприятности из-за закона, запрещающего смешанные браки. На островах Хранителей наказание за это — принудительная стерилизация.

— Менодиане многие годы делают все от них зависящее, чтобы избавиться от этих древних предрассудков насчет расовой чистоты, — проворчал Алайн. Впервые я услышала в его

голосе такое раздражение. — Они бессмысленны! Все мы — божьи дети.

— Ага, — кивнула я.

Бедный Алайн... Он потратил уйму времени, пытаясь говорить со мной о Боге, дать мне веру, которая помогла бы мне встретить то, что меня ожидало, но принять предложенное им я не могла. Я не могла поверить в его благого Бога или в небесное блаженство для праведных. Я все подвергала сомнению, ничему не верила просто на слово. Я не могла представить себе Бога, который, желая, чтобы его почитали и чтобы люди соблюдали определенные правила, не сумел бы внятно дать понять, чего он от людей хочет.

Впрочем, Алайн мне нравился. Он был мягким человеком и, даже зная, что умирает, ни разу не поступился своим достоинством и не усомнился в догматах своей веры. Он постоянно старался отдать нам свою часть пищи и воды, говоря, что не стоит их тратить на человека, которого кашель скоро оставит без легких. Алайн постоянно страдал от удушья, но ни разу не пожаловался. Испытывая боль, он нам в этом не признавался. Он никогда не выказывал отвращения или хотя бы неловкости, оказывая нам с Тором те интимные услуги, которые сами себе оказать мы не могли. Алайн был олицетворением всего, чем должен быть менодианский патриарх.

Он был к тому же начитанным, образованным человеком, всегда готовым поделиться своими знаниями. Я многое узнала от него об истории, политике, торговле, договорах между островными государствами; казалось, нет ничего, чего бы он не знал. Например, я воспользовалась возможностью расспросить его о том, что случилось с Дастелами, и запомнила его рассказ на всю жизнь.

Последний монарх Дастел — человек — правил архипелагом коралловых атоллов, постоянно ссорившихся между собой. У него было два сына, и старшего он послал для наведения порядка на самый дальний остров. Наследника звали Вилрин, и он был силвом; остров, который отец отдал ему в управление, самый плодородный и красивый, назывался Скодарт. Жили там гордые и независимые люди, которые, в отличие от остальных островитян — рыбаков, — занимались земледелием и скотоводством. Они производили почти все, в чем нуждались, и противились сбору налогов и прочим требованиям властей, тем

более что законы больше благоприятствовали рыбакам, ловцам мидий и сборщикам водорослей.

Вилрин был молод и впечатлителен. В первый же год своего правления Скодартом он влюбился в местную жительницу и женился на ней без согласия отца, что для наследника престола было обязательным. Положение еще больше осложнилось, когда у молодой пары родились сыновья-близнецы: они были представителями правящей династии, но монарх — глава семьи — их не признал. Когда же Вилрин поддержал многие требования островитян, напряженные отношения между ним и центральной властью стали едва ли не враждебными. Трагедия назревала уже тогда, а с годами ситуация ничуть не улучшилась.

Второй сын монарха, Винцен, оставался рядом с отцом и постепенно стал смотреть на себя как на его любимца. Монарх потребовал, чтобы Вилрин вернулся в столицу; тот отказался и остался на Скодарте, местные жители которого оказывали ему полную поддержку как защитнику своих прав. Разгневанный монарх стал готовить из младшего сына правителя государства...

Винцен был популярен в столице и на центральном острове, но в прочих владениях люди видели наследника престола в Вилрине. Стало ясно, что, какому бы сыну монарх ни отдал предпочтение, беды не миновать. Будь он мудрым правителем, гражданскую войну можно было бы предотвратить принятием более мягких законов, но старик оказался тираном, не терпевшим ни малейшего неповиновения своей воле.

Хранители, конечно, поддержали его. Тор и Флейм были правы: хранители ненавидели любых противников тирании, видя в них источник нестабильности. Они предоставляли монарху силвов-хранителей в качестве военных советников и продавали оружие, в результате чего архипелаг превратился в военный лагерь. Менодиане, с другой стороны, были очень заинтересованы в процветании Скодарта. Там находился один из самых крупных монастырей, располагавший огромной библиотекой, а также семинария. Хотя менодиане старались казаться нейтральными, патриархи на острове находились в добрых отношениях с Вилрином...

Монарх объявил Винцена своим новым наследником, а Вилрина лишил титула. Вилрин объявил об отделении Ско-

дарта и прилегающих атоллов от дастелской монархии и назвал новое государство независимым архипелагом Скодарт.

Старый монарх объявил войну старшему сыну, а младшего послал привести Скодарт к покорности. Винцен высадился на атолле неподалеку от мятежного острова и послал брату примирительное послание, напоминая о родстве и заверяя в своем нежелании причинить зло товарищу детских игр. Винцен, по его словам, был готов к компромиссу и предложил брату встретиться и все обсудить. Они договорились высадиться на маленьком островке — только они двое в сопровождении пажей.

Однако втайне Винцен замышлял предательство. Он послал отряд под предводительством силвов-хранителей, чтобы захватить семью Вилрина, пока тот будет отсутствовать. С помощью магии это удалось — в руки воинов Винцена попали жена, один из сыновей и две младшие дочери Вилрина. Избежал плена лишь второй из близнецов, тринадцатилетний мальчик-силв по имени Гетелред. Как только Винцен узнал об успехе своего предприятия, он напал на Вилрина и убил его. Семья убитого наследника была отвезена в столицу, и старый правитель выпустил прокламацию, обещая пощадить пленников, если Гетелред сдастся.

По словам Алайна, Гетелред с помощью менодианских патриархов пытался явиться в столицу, но корабль, на котором он плыл, попал в шторм, и мальчик не успел к назначенному сроку. Его мать, брат-близнец и две сестры были зверски убиты, а их тела вывешены на стенах города. Их-то и увидел Гетелред, когда его корабль наконец достиг гавани.

— И через сколько же времени после этих событий острова затонули? — спросила я. Слушая Алайна, я думала о том, что все те, о ком он рассказывает, — предки Руарта. Может быть, Винцен — его дед... или прадед?

— Примерно через десять лет, — ответил Алайн. — Гетелред, кстати, сумел скрыться. Менодиане посадили его на корабль и отвезли на Скодарт. Говорят, он лишился рассудка от горя, когда увидел, что сталось с его семьей... Тиран-правитель при помощи хранителей начал карательный поход на Скодарт и вырезал почти все население острова. Война была особенно жестокой из-за того, что на обеих сторонах сражалось много силвов.

— Магия силвов не может использоваться для убийства, — по привычке возразила я.

— Для убийства — не может, но существует масса уловок, к которым прибегают силвы, пользующиеся обычным оружием. Они могут скрыть свое присутствие, пробраться незамеченными в стан врага и вызвать панику, обмануть противника с помощью иллюзий. В конце концов из жителей Скодарта выжила едва десятая часть, потому что правитель сумел призвать себе на службу многих обладающих Взглядом.

— Все войны жестоки, — тихо сказал Тор. — Так каков же вывод из этой истории, Алайн?

— Этого я не знаю. Блейз попросила рассказать, я и рассказал. Думаю, весьма вероятно, что если Дастелы были погружены в море магией одного-единственного человека, то это так или иначе связано с войной.

— Может быть, война просто вызвала неразбериху, которая и позволила дун-магу воспользоваться ситуацией, — заметил Тор.

— Возможно, но война также могла породить причины той ненависти, которую Мортред питает к менодианам, хранителям, силвам и обладающим Взглядом. Все они участвовали в войне на Дастелах.

Мы все думали над возможной разгадкой, но предполагать что-то было бесполезно. Мы не могли прийти ни к каким заключениям, потому что не имели достаточной информации. И все же я решила, что Алайн прав: дун-маг когда-то пострадал, так же как теперь он заставлял страдать других...

Я помнила взгляд Янко в ту первую нашу встречу.

Глава 19

А еще был Эйлса...

Гхемф и я вели долгие разговоры, пока он трудился над моим шестом. Мне приходилось ложиться на пол или прислоняться к стене, в зависимости от того, какую сторону Эйлса обрабатывал. Дело шло медленно: шест изготовили из очень твердого дерева. Когти на ногах гхемфа были крепкими и острыми, но для подобной работы они мало годились. К тому же

когда древесина и расщеплялась, отодрать удавалось только совсем маленькие щепочки. Бог знает что это было за дерево, но, на наш взгляд, хуже быть не могло.

Пока Эйлса работал, мы беседовали, и случалось, что при этом я даже радовалась темноте: благодаря ей меня не так смущали наши физические различия.

Я не видела ни уродливого плоского лица, ни серой кожи, ни отсутствия волос; в темноте даже гхемф казался человеком. И в темноте даже полукровка могла держаться с достоинством. Пока мы оставались пленниками в этом аду, казалось важным думать о нашем сходстве, а не о различиях.

Я запомнила свой первый вопрос: я поинтересовалась, какого Эйлса пола.

Вопрос вызвал смех. Гхемф перестал на минуту трудиться над шестом и ответил:

— Именно сейчас? Я в переходном периоде — ни то, ни другое. Мы все рождаемся самками, Блейз. Затем, достигнув примерно тридцатилетнего возраста, мы начинаем меняться и к сорока годам становимся самцами. Конечно, мы придаем гораздо меньше значения, чем вы, различиям между полами. Молодые гхемфы могут вынашивать и кормить детей, старшие становятся отцами. С возрастом мы делаемся более умелыми работниками, но в остальном ни в занятиях, ни в образе жизни между самками и самцами различий нет. Может быть, будет лучше, если ты станешь думать обо мне как о существе женского пола. Пройдет еще несколько лет, прежде чем я смогу назвать себя самцом.

Хорошо, что Эйлса не могла видеть моего лица. Стараясь говорить как можно равнодушнее, я наконец сказала:

— Все это нам неизвестно.

— Конечно. Мы стараемся по возможности скрывать различия между гхемфами и людьми и обыкновенно не обсуждаем подобные вещи — это считается неблагоразумным.

— Почему? И почему ты теперь открыла все это мне?

Сначала мне показалось, что Эйлса не ответит, но после некоторого размышления она сказала:

— Ну, во-первых, не думаю, чтобы ты сообщила новость кому-либо за пределами этой темницы, если я тебя о том попрошу, — а я прошу. Кроме того, может быть, несчастье, которое сейчас обрушилось на нас, позволяет нарушить обычай.

И еще: мне хочется, чтобы ты — именно ты — побольше узнала о нас. Ты была первым человеком, заговорившим со мной, как... как с равной. Тебе что-то было от меня нужно, но ты с уважением отнеслась к моему отказу; ты даже не рассердилась. Ты и представить себе не можешь, какой приятной неожиданностью это для меня оказалось.

Я почувствовала себя очень виноватой, вспомнив, с какой неприязнью относилась к гхемфам. И еще я подумала о том, каково же им приходится в жизни, если обыкновенная вежливость со стороны человека оказывается таким памятным событием.

Эйлса вздохнула:

— Болтливость не в натуре гхемфов. Даже сейчас говорить обо всем этом мне затруднительно, хотя темнота и помогает. Понимаешь, мы, гхемфы, даже друг с другом разговариваем мало. Нам нет в этом нужды — мы и без слов знаем все, что нужно. Если мать, проходя мимо, коснется своего ребенка, ребенок поймет, что мать его любит. Если кто-нибудь мне что-то дает, я просто благодарно киваю. Движение головы или жест руки значат у нас гораздо больше, чем у людей. Слова мы бережем для самых торжественных моментов.

Кроме того, наша жизнь настолько упорядочена, что очень немногое требует обсуждения. Мы не любим перемен и ненавидим неопределенность. Мы стараемся жить так же, как жили многие столетия; для нас это... необходимо. Нас так мало, а людей так много, и они так нас презирают! Чтобы выжить, мы должны быть абсолютно предсказуемыми. Мы никогда не должны казаться вам, людям, угрозой. Поэтому мы не меняемся, остаемся услужливыми и кроткими. Однако мы не должны никогда оказываться и бесполезными, потому что и это грозило бы нашей расе исчезновением. Вот мы и занимаемся татуировкой знаков гражданства. Мы решительно отказываемся открыть кому-либо секрет нашего искусства, чтобы не оказаться ненужными, и ни разу не нарушили закона ради кого бы то ни было. — Звук, который издала Эйлса, должно быть, у гхемфов обозначал смех. — И этот мой рассказ, несомненно, самая длинная речь, какую я только произносила в жизни.

Я обдумала сказанное Эйлсой, и чем больше я думала, тем большее потрясение испытывала. Я никогда раньше не обращала особого внимания на гхемфов — только злилась на них

за несгибаемую верность закону. Теперь же мне открылась вся трагичность их существования — постоянная неуверенность в будущем, понимание того, что мы, люди, в любой момент можем их истребить, — и что мы достаточно глупы и жестоки, чтобы именно так и поступить, стоит нам счесть себя задетыми.

Я постаралась ответить Эйлсе как можно вежливее.

— Я раньше не любила вас, гхемфов. Мне всегда казалось, что если бы не вы, вся система жестоких законов о гражданстве развалилась бы. Без вас такие полукровки, как я, нашли бы способы обойти закон. Я по-прежнему так думаю, но теперь я понимаю, почему вы так поступаете. Я вижу, что дело тут не в консерватизме, и сожалею, что обращалась к тебе с просьбой о татуировке. Я тогда не представляла себе, что значит такая просьба.

— А я сожалею, что была вынуждена тебе отказать. Ты не могла бы немного повернуть руку? Мне мешает цепь. — Я сделала, как она просила, сдержав стон от пронзившей руку боли. Эйлса продолжала: — Мы, гхемфы, прекрасно знаем, насколько несправедливы законы о гражданстве, однако нам не хватает смелости изменить систему. Мы скорбим и стыдимся, но не думаю, чтобы мы когда-нибудь стали другими. Ты права, что презираешь нас: в присутствии полукровки мы можем только мучиться стыдом.

Только ты, Блейз, не нуждаешься в символе, которым является татуировка на мочке уха. Тебе хватает твоего собственного достоинства, ты — личность. Этого никто у тебя отнять не может.

Может быть, и так... Но законы о гражданстве делают жизнь такой трудной! Однако я удержала горькие слова. Эйлса фактически извинилась передо мной за весь свой род, и было бы грубостью с моей стороны сказать ей, что извинение ничего для меня не меняет. Я предпочла переменить тему:

— Откуда вы, гхемфы, появились?

— Появились? Да ниоткуда! Мы жили здесь всегда. Это вы, люди, приплыли откуда-то. Больше тысячи лет назад...

Я разинула рот. Вот так новость! Это мы — пришельцы, чужаки?

Тор и Алайн услышали последнюю фразу, и я почувствовала, что они оба повернулись к нам. Для них сказанное Эйлсой тоже было сюрпризом.

— Сколько людей приплыло? — заинтересованно спросил Тор. — И на чем?

— И откуда? — добавил Алайн.

— Из какого-то места на западе, далеко, далеко на западе. А может быть, следует сказать, из многих мест. Было много названий... некоторые должны быть вам знакомы, потому что пришельцы назвали свои новые поселения в честь старых: например, Цирказе и Брет. И вы прибывали волнами — на каноэ, парусных лодках, плотах. Бежали от чего-то на родине... Многие из вас очень гордились своим происхождением и не желали смешиваться с теми, кто прибыл раньше или после них. В конце концов, правда, оказалось, что совсем не поддерживать отношения невозможно: приходилось торговать, потому что каждое островное государство было слишком мало, чтобы производить все для себя необходимое.

Многие годы вы вели разговоры о том, что вернетесь в родные места, когда там не будет келвов, но так и не вернулись. Одно дело — плыть на восток с попутным течением, и совсем другое — обратно, против течения.

— Келвы? Кто такие келвы?

Эйлса пожала плечами:

— Для нас это слово ничего не значило. Мы были морским народом, а не народом суши.

В то время я не поняла, что она имеет в виду. Только через много лет мне стало известно, о чем говорила Эйлса. Но это совсем другая история...

Алайн удивленно крякнул:

— Келвы! Только не говори мне, что все эти древние легенды о воинственных демонах-келванах — правда! Я вырос, слушая эти сказки, — у меня была старуха няня, которая только и твердила: «Веди себя хорошо, маленький Алайн, не то явятся воины-келвы на своих скакунах и пошлют тебе страшные сны».

— Это многое объясняет, — тихо сказал Тор. — Я думал, мы появились на одном острове, а потом расселились по остальным, и меня всегда удивляло, как получилось, что каждый архипелаг так держится за свое гражданство и преследует смешанные браки. И еще я гадал, откуда взялись физические различия, не говоря уже о лингвистических, несмотря на то, что торговля между островами всегда процветала.

— Лингвистические различия? — сказала я. — Ты имеешь в виду, что овсянку на Мекате называют «муки», а на островах Квиллер — «скунж»? И что жители островов Фен произносят «р» раскатисто, а на Калменте картавят?

— Да. И еще на всех островах по-разному называют свои укрепленные поселения: крепость, замок, цитадель.

— Укрепление, башня... — подхватила я. — Ага. Как это я раньше не задумывалась!

— Получается, мы не были сначала одинаковыми, а различия возникли только потом. Как раз наоборот. Мы изначально отличались друг от друга, а теперь постепенно делаемся более похожими друг на друга.

Алайн задумчиво проговорил:

— И если действительно существуют келвы, которые вытеснили наших предков из родных мест, скоро ли они отправятся в погоню за нами?

Мгновение стояла тишина, потом Тор невесело рассмеялся:

— Почему-то, Алайн, мне кажется, что у нас хватает неприятностей здесь и сейчас, так что можно не думать еще и об этой угрозе. В конце концов, прошла тысяча лет.

Я думала о другом.

— Эйлса, ты говорила, что тебя послали на поиски Мортреда. Кто тебя послал? Твой народ имеет что-то вроде центрального правительства?

Она покачала головой; видеть этого я не могла, но услышала движение.

— Нет. Если возникает серьезная проблема вроде этой, сообщение передается от общины к общине — предостережение, если хочешь. Ничего подобного на протяжении моей жизни еще не случалось. Тревога из-за Мортреда — первая за несколько поколений.

Послание обдумывается, и те, кто хочет что-то предложить, посылают свои ответы тому, от кого исходило предостережение; этот гхемф и начинает действовать на основании тех мнений, которые чаще всего высказывались. В данном случае многие гхемфы сочли разумным попытаться найти Мортреда и следить за развитием событий, чтобы перемены не застали нас врасплох. Понимаешь, мы думаем, что если власть на Райских островах захватит дун-маг, ему не будет нужды в законах о гражданстве и уж тем более не будет нужды в гхемфах.

— Так это ты послала предостережение?

— Нет. Ох! Прошу прощения — занозила палец... Нет, предостережение исходило не от меня. Тревогу поднял мой дед, но он слишком стар для путешествий, так что я предложила, что отправлюсь вместо него.

— Должно быть, такое решение далось тебе нелегко — раз вы так не любите любые перемены.

Эйлса вздохнула:

— Еще бы... Дома так хорошо и так безопасно! Мы ведь не любители приключений. Впрочем, сказать по правде, я всегда была более беспокойной и более любопытной, чем остальные гхемфы. Это считается серьезным недостатком... А теперь я еще и обнаружила, что мне нравится звук собственного голоса! Дело, наверное, в темноте... Знаете, мне тридцать пять лет, мои женские года закончились, а ни один самец так и не пожелал создать со мной семью. Все они считали меня слишком непредсказуемой. Может быть, это так и есть: ведь вот до чего меня довела моя непоседливая природа!

— А почему Мортред отправил тебя в «забвение»?

— Я слишком много узнала, подобралась слишком близко... он пронюхал об этом и велел меня схватить.

— Но почему он не сделал тебя рабыней, как остальных? — спросил Тор.

Когда Эйлса ответила, я заметила в ее голосе удивление.

— Разве вы не знаете? Он не мог превратить меня в рабыню, потому что на гхемфов магия не действует. В отличие от вас, мы не имеем Взгляда, и все же заколдовать нас нельзя. Вот Мортред и отправил меня сюда. Загадка в другом: почему он не убил меня. — Эйлса снова вздохнула и отодвинулась от меня. — Блейз, мне придется на какое-то время прекратить работу. Мои когти начинают ломаться.

Через некоторое время Эйлса рассказала мне о гхемфах еще кое-что. По ее словам, хотя все они получают при рождении имя, именами они пользуются не так, как люди. Гхемфы называют по имени только тех, о ком говорят в их отсутствие, и никогда не обращаются так к присутствующим. В результате многие гхемфы вообще не знают, как их зовут; Эйлса только случайно узнала свое имя.

С другой стороны, у каждого гхемфа есть так называемое духовное имя, которое они выбирают себе в детстве. Однако

духовное имя они открывают только тому, кого любят: это строго охраняемый секрет, который разделяют лишь с самыми близкими.

Эйлса рассказала мне о гхемфах еще многое, но к моей истории это отношения не имеет, и я не собираюсь болтать лишнего. Некоторые тайны тайнами и должны остаться.

Конечно, большую часть времени в разговорах участвовали все мы четверо. Чаще всего мы беседовали о политике, особенно о взаимоотношениях островных государств и о влиянии на них хранителей.

Тор и Алайн единодушно проклинали их алчность, стремление к обогащению и власти. Тора особенно беспокоило то, что он называл «растущей аморальностью силвов-хранителей».

— Посмотрите на Датрика, — говорил он. — Датрик — советник, один из правителей Ступицы. Как таковой, он должен строго следовать девизу «Свобода, равенство, закон», но что мы видим на самом деле? Он пытается найти Деву Замка, чтобы против ее воли выдать ее замуж. Вот вам и свобода выбора! Отказывается исцелить Флейм, пока это не станет ему выгодно. Вот вам закон! С радостью помогает Рэнсому, но только потому, что тот — наследник престола. Вот вам равенство! — Я догадывалась, что, говоря это, Тор смотрел в мою сторону. — Силвы, пожалуй, ничуть не лучше дунмагов. Может быть, даже хуже. Злые колдуны по крайней мере не притворяются ничем иным. Силв-магия в руках правящей верхушки хранителей скрыта за пеленой лицемерия; с ее помощью укрепляется богатство и власть хранителей-силвов и над собственными согражданами, и над другими островными государствами...

— Раньше ты со всех бедах мира винил политику хранителей, — перебила я Тора. — Теперь ты ополчился на магию как таковую. Уж выбери что-нибудь одно, Тор. Магия-то чем виновата?

— Ну... виновато и то и другое. Их нельзя разделить. Впрочем, хранителей, не являющихся силвами, упрекнуть не в чем: они просто пешки и от высокомерия силвов страдают ничуть не меньше, чем жители других островов. И злоупотребляют своей магией не только силвы-хранители. Так поступают все

силвы, просто на других островах их мало. Всего, я думаю, несколько тысяч — меньше, чем даже гхемфов. В глубине души я уверен, что мы, обладающие Взглядом, должны стремиться положить конец всякой магии, а не только злому колдовству. Она приносит больше вреда, чем пользы. И уж именно магии мы обязаны тем, что острова Хранителей и их правители стали тем, чем стали.

Я обратила внимание на то, что Тор не уточнил, как он собирается избавить людей от врожденного дара к магии, — по-моему, это было все равно что пытаться искоренить большие носы или, скажем, кривые зубы.

— Я никогда не замечала, чтобы Флейм использовала силв-магию во зло, — сказала я. — С этого, пожалуй, можно начать список благодеяний силв-магии: исцеления, драматическое искусство с использованием иллюзий...

— Да, да, мы знаем, — перебил меня Тор. — Но теперь нам еще известно, что силвы могут быть превращены в дун-магов; так можем ли мы продолжать смотреть на магию столь же благодушно? За последние годы исчезло столько силвов... и все они появились снова — но уже дун-магами.

Алайн поддержал Тора:

— Он прав, Блейз. Главное, силв-магия дает власть, и все чаще оказывается, что эта власть безответственна. Власть с очень сомнительной моралью — зло. А бывает, что магия используется в безнравственных целях: я видел, как силвы меняли цвет глаз, чтобы он оказался в тон их костюму! Они растрачивают свою силу на подобные глупости, отказывая при этом в исцелении тем, кто не может заплатить. А теперь само существование силв-магии сделалось угрозой для Райских островов: могущественный колдун обращает в дун-магов всех силвов, каких только встретит. Уж лучше, чтобы магии не было вообще.

Эйлса, которая до этого момента не проронила ни слова, перестала скрести мой шест и высказала вслух то, о чем я только подумала:

— Но как ты можешь рассчитывать положить магии конец? Никто не знает, как избавить острова от дун-магов, хоть силвы стараются этого добиться на протяжении многих поколений; а ты хочешь еще и силв-магию истребить.

— Может быть, если бы обучение использованию магии тех, кто обладает врожденным даром, было объявлено вне закона... — начал Алайн.

Я презрительно фыркнула:

— Оно стало бы подпольным промыслом. На островах Хранителей на такое никогда не согласятся.

Подобные разговоры длились часами, но, конечно, ни к какому решению прийти мы не могли. Я помню, что Тор говорил: если ему удастся как-нибудь выбраться из «забвения» и ускользнуть от Мортреда, он посвятит всю жизнь поискам способа ограничить власть хранителей и избавить Райские острова от всякой магии. Я считала это пустой мечтой и так ему и сказала.

Должна тебе сказать, что мои взгляды все же изменились. Было время, когда я сочла бы саму мысль об ограничении власти хранителей не только неосуществимой, но и несправедливой. Да, Датрик мне никогда не нравился, но к силвам я относилась с восхищением с тех пор, как увидела их в Ступице. Теперь же, хоть я и не разделяла категорического неприятия хранителей и магов Тором и Алайном, события последних дней на косе Гортан изменили мое отношение и к тем, и к другим.

Тор, конечно, стремился к этому чуть ли не с первой нашей встречи, — тем более что желал меня. Да, Тор Райдер умел предвидеть будущее...

И мы все теперь знаем, кто в конце концов оказался прав. Эта циничная плебейка, Блейз Полукровка, была вовсе не такой проницательной, какой всегда себя считала.

От лектора второго класса
Мифодисской Академии исторических исследований,
Яминдатон, Келлс,
Т. айсо Трамина
агенту по особым поручениям
Ш. айсо Фаболду,
Департамент разведки,
Федеральное министерство торговли, Келлс.

47/20 месяца Двух Лун

Благодарю Вас, Фаболд, за то, что Вы позволили мне ознакомиться с Вашими статьями до их опубликования и до очередного Вашего интереснейшего выступления на собрании Общества. Я получил огромное удовольствие от Вашего первого док-

лада, посвященного Райским островам. Пусть Вас не смущают резкие высказывания некоторых этнографов старой школы, предпочитающих разглядывание костей изучению живой истории. Этим ворчунам все равно придется научиться мыслить по-новому.

И какую потрясающе интересную тему вы выбрали для своего первого исследования! Эта Блейз Полукровка — необыкновенная женщина! Не могу не отметить, что ваше восхищение старой дамой с Дастел было заметно в каждом вашем слове. Впрочем, Вы правильно поступили, опустив некоторые подробности ее рассказа. Представляю себе, как горели бы нежные ушки дам, присутствовавших на Вашем докладе, услышь они все, что говорила вам эта неукротимая головешка! Я иногда думаю, не было ли ошибкой позволять дамам посещать открытые для публики заседания Общества. Однако я отвлекся.

Конечно, Вы совершенно правы в своем предположении, высказанном в сопроводительном письме. Расселение представителей келлской расы с равнин Констаншана было волнообразным и происходило в 302 — 719 годах. Этому способствовали два обстоятельства: нужда в хорошо орошаемых сельскохозяйственных угодьях, поскольку равнины Констаншана становились все более засушливыми, и открытие разведчиками проходов в Пикардийских горах. Плодородные, пересекаемые многочисленными реками прибрежные районы, лежащие у подножия гор, как нельзя лучше подходили для основания земледельческих поселений. То обстоятельство, что многочисленные долины и прибрежные острова были уже заселены племенами мореходов, боюсь, ни в коей мере не останавливало наших воинственных предков.

Поскольку келлсы с равнин Констаншана обладали более развитой технологией, особенно в изготовлении оружия (к тому времени были уже известны и длинные луки, и арбалеты), а также приручили лошадей и создали конницу, прибрежные народы, ничего этого не имевшие, оказать серьезного сопротивления не могли. Многие из них сложили оружие и были порабощены. За многие, многие поколения различия между завоевателями и коренным населением сгладились, и если Вы спросите кого-нибудь вроде меня, уроженца Нижней Пикардии, то едва ли получите ответ на вопрос: кем были наши предки — келлсами или пикардийцами.

Боюсь, что мне совершенно неизвестна история пикардийцев, будто бы бежавших за море и наконец обосновавшихся в другом полушарии, на Райских островах. Такое предположение кажется несколько притянутым за уши... Когда я называю коренное население побережья мореходами, я имею в виду плавания вдоль берегов, рыболовство, торговлю между находящимися в устьях рек поселениями. Эти племена не были исследователями океанов.

Что, вероятно, соответствует действительности, — это наличие среди пикардийцев многочисленных различающихся этнически групп населения. Ранние летописи келлсов говорят о том, что жители разных прибрежных долин часто очень отличались друг от друга лингвистически и в культурном отношении и что эти различия иногда подчеркивались и разницей в физическом облике.

Вы спрашиваете, известны ли мне названия «келвы» и «келваны». Действительно, они встречаются в одном раннем литературном произведении, «Записках Тина Весвинтера», и употребляются наравне с наименованием «келлсы» как его синонимы. Совпадение? Не знаю...

Имеются и другие факты, подтверждающие вероятность того, что островитяне являются потомками пикардийцев. Во-первых, это обилие знакомых нам слов в языке Райских островов. Современный келлский язык представляет собой сплав древнего языка Констаншанских равнин (который преобладает) и различных пикардийских диалектов. Если Ваша теория верна, то современный язык Райских островов вполне может быть смесью тех же диалектов; тогда следует ожидать наличия в обоих языках родственных слов. Именно это, судя по Вашему письму, и имеет место. Во-вторых, действительно некоторые географические названия звучат знакомо... Мекате, например. На побережье существует город Макатай — я в нем родился! Мигрирующие народы и в самом деле часто дают своим новым поселениям имена тех, которые им пришлось покинуть.

Таким образом, хотя кажется невероятным, чтобы люди на утлых рыбачьих суденышках — ничего иного у них не было — воспользовавшись течением Солвич, пересекли Обширное море, я начинаю верить в такую возможность. Я намерен посвятить данному вопросу одну из своих статей.

Но кто такие, черт возьми, эти гхемфы? И куда они подевались?

Прошу Вас, присылайте мне записи и всех последующих интервью с Блейз Полукровкой. Я просто очарован!

Искренне Ваш
Трефф айсо Трамин

P.S. Кто была та ослепительная красавица, что сопровождала Вас на собрании Общества? Если исследователи-этнографы пользуются успехом у подобных женщин, я сменю профессию! Я удостоился короткого разговора с девушкой (в присутствии ее родителей, конечно), и у меня осталось впечатление, что она в глубине души восхищается самостоятельностью и независимостью Блейз. Уж не является ли она одной из тех отчаянных феминисток, которые веруют в женское право участвовать в выборах?

Глава 20

По-видимому, у Эйлсы ушло около трех дней (насколько мы могли определить), чтобы сточить концы моего шеста. Теперь мы могли попытаться снять с него железные кольца. Это оказалось нелегким делом. Мне приходилось снова и снова бить шестом в стену, прежде чем кольца начали двигаться и остальные узники смогли их снять. Хотелось бы мне сказать, что, избавившись от шеста, я испытала огромное облегчение; на самом же деле мои мучения удвоились. Алайн попытался растирать мне руки и плечи, не тревожа стертые до крови места, но еще несколько часов меня терзала боль в онемевших мышцах.

Железные кольца теперь свисали с кандалов у меня на руках, но я не жаловалась: они не шли ни в какое сравнение с тем дьявольским шестом.

Когти Эйлсы, должно быть, к тому времени обломались и причиняли ей боль, но она ни разу ничего об этом не сказала. Более того: не успев освободить меня, она принялась за шест на плечах Тора.

Бедный Тор... Ему пришлось дольше моего терпеть эту ужасную пытку, не зная, успеем ли мы освободить его вовремя, чтобы попытаться бежать до того, как Мортред пришлет за нами, желая узнать, что случилось с Флейм. Меня постоянно преследовала одна мысль: не избавь мы Флейм от гнусного клейма, она теперь бы уже пресмыкалась у ног Мортреда, и что он предпримет, поняв, что все сроки прошли? Я предполагала, что он пожелает вытащить меня из «забвения» и допросить, но никто не появлялся в нашей темнице, кроме тех, кто доставлял еду и воду. Тогда я догадалась, что прошло не так много времени, как нам казалось. Ведь определять время мы не могли.

Тора наверняка мучили те же мысли, но он оставался спокоен, как лагуна в безветренный день. Ничто не могло вывести его из равновесия. Боль он должен был испытывать ужасную, но ему хватало мужества еще и шутить по поводу своего положения. Я снова и снова думала о том, какой он необыкновенный. Я знала, что не заслуживаю его, и чувствовала себя самой счастливой полукровкой на всех островах...

Мы, конечно, обсуждали возможность того, чтобы я бежала первой, а потом вернулась с инструментами, необходимыми для того, чтобы освободить Тора, но решили, что риск слишком велик. Правильно это было или нет, но мы решили, что бежать нам с Тором следует вместе — так шанс успеха увеличивался.

Я попыталась помочь Эйлсе освободить Тора от шеста. Пока она трудилась над одним концом, я железным кольцом строгала другой; только в темноте я никак не могла определить, много ли мне удалось сделать.

Мы все время обсуждали, каким образом можно бежать из «забвения», перебрасываясь идеями, словно играющие дети — ракушками. Как можно выбраться через люк, который расположен высоко над нашими головами и к тому же открывается посередине расположенной над «забвением» комнаты? Алайн настаивал на том, чтобы мы в любом случае не брали его с собой: он слишком болен, говорил он, для участия в побеге. В глубине сердца мы понимали, что он прав: он был бы для нас обузой. Если нам удастся бежать, мы вернемся за ним; если же наша попытка окончится неудачей, ему от этого не станет еще хуже, чем уже есть.

После того как Тор освободился от своего шеста, мы еще день или около того подождали, чтобы дать Тору возможность восстановить силы, а потом осуществили план, который к тому времени разработали. После того как нам принесли еду и воду, я, сидя на плечах Тора, попыталась нащупать люк. Как мы и ожидали, дотянуться до него руками мне не удалось. Тогда Алайн и Эйлса подали мне один из шестов, и я начала тыкать им в потолок. После нескольких попыток мне удалось откинуть крышку люка. Тюремщики были так уверены в нашей беспомощности, что не позаботились о том, чтобы запирать его. Впрочем, и при откинутой крышке светлее не стало.

Я уперла один конец шеста в угол крышки, а другой поставила себе на плечо, обхватив руками и удерживая как могла крепко. Теперь дело было за Эйлсой. Втянув когти, она вскарабкалась на плечи Тору, а потом мне на плечи; наконец, на мгновение всем своим весом она навалилась на шест. Бедный Тор! Ему приходилось держать нас обеих — от помощи Алайна толку было мало. Хорошо еще, что Тор был таким высоким и крепким, а гхемфы — тощими и легкими. Эйлса, цепляясь когтями, влезла наверх по шесту. Через несколько секунд до нас донесся ее шепот: ей удалось выбраться через люк. Она вытянула шест наверх, а я спрыгнула с плеч Тора. Он с облегчением растянулся на полу. Думаю, оба мы были неприятно поражены тем, какими слабыми сделало нас заточение.

Наш план предполагал, что я последую за Эйлсой. Если бы я встала на плечи Тору, а Эйлса протянула руки вниз и я ухватилась за них, это должно было удаться. Однако, когда мы попробовали так сделать, я не смогла долго удерживать равновесие: Тор слишком сильно шатался. Нам обоим очень мешали кандалы на ногах. В темноте Эйлса не могла найти мою протянутую руку, и в конце концов мы сдались. Обсудив положение, мы решили, что Эйлсе следует дождаться стражника и оглушить его, чтобы мы могли вылезти наверх по веревке, на которой он обычно спускал нам еду.

Эйлса — весьма смущенная, насколько я могла судить, — закрыла дверцу люка.

Я подумала о том, что вся история гхемфов учила их никогда не нападать на людей, и высказала вслух сомнение: хватит ли Эйлсе духа ударить того, кто принесет нам пищу и воду?

Тор в темноте протянул руку и обнял меня за плечи, стараясь ободрить. Алайн же сказал:

— Не отчаивайся. Наше дело правое, и Бог поможет Эйлсе.

Я почувствовала, как Тор напрягся — слова Алайна вызвали у него раздражение, — однако ничего не сказал. Я с циничной усмешкой подумала: вера Алайна типична для менодиан. Стоит им решить, что правда на их стороне, и они не усомнятся в поддержке Бога, сколько бы поражений ни потерпели. Что ж, оставалось лишь восхищаться такой твердостью в вере...

Я была настолько уверена в том, что Тор, как и я, находит уверенность Алайна смешной, что вздрогнула от неожиданности, когда он сказал:

— Не дашь ли ты нам свое благословение, сир-патриарх?

Его просьба была почтительной и искренней, но я никак не могла поверить в то, что он считает, будто благословение менодианина хоть на йоту увеличит нашу надежду на успех. Я решила, что Тор сказал так скорее ради Алайна, чем ради нас. Патриарху будет приятно думать, что мы и наша затея получили его благословение. Ведь именно Алайну предстояло остаться в этом темном аду и ждать...

Тор потянул меня вниз, чтобы мы встали на колени, а Алайн мог положить руки нам на головы.

— Именем милосердного создателя призываю благословения... — начал старик. Не помню, что еще он говорил: молитвы всегда навевали на меня скуку, да и теперь навевают. Я запомнила только, что говорил Алайн долго и красноречиво, прося Бога о вмешательстве и спасении, а я тем временем размышляла о том, какое лицемерие с моей стороны на коленях выслушивать благословение. Что ж, раз Тор считает, что Алайну это поможет, я была готова подчиниться... Правда, я не сомневалась: Алайн не дурак и прекрасно понимает, что я на самом деле думаю.

Эти последние несколько часов были адом. Я чувствовала себя так, как, наверное, чувствует себя омар в ловушке. Тор, конечно, вел себя как ни в чем не бывало. Он болтал и шутил с Алайном, словно все мы сидели в какой-нибудь таверне на Разбросанных островах. Нам, можно считать, повезло. Могло пройти несколько дней, прежде чем нам снова принесли бы пищу, но прошло, наверное, всего несколько часов, когда дверца люка распахнулась и вниз скользнула веревка. Обычно мы

привязывали к ней бурдюк для воды, чтобы его подняли наверх и наполнили, но в этот раз, прежде чем кто-то из нас успел двинуться с места, следом за веревкой вниз свалилось что-то тяжелое и с грохотом ударилось о пол. К счастью, все мы сидели по углам нашей комнаты...

Алайн стал ощупывать то, что упало.

— О милосердный боже! — прошептал он.

В тот же момент сверху донесся отчаянный шепот Эйлсы:

— О Великий Вихрь! Я не хотела... Это был стражник! Я не думала, что он свалится вниз, когда я его ударю... Я ничего не видела — свет режет мне глаза.

— Поставь свечу рядом с люком, — спокойно велел ей Тор.

Крохотное пламя никак не могло сравниться с полуденным солнцем косы Гортан, но все равно все мы заморгали, глаза у нас начали слезиться. Алайн наклонился над лежащим на полу человеком.

— Он мертв, — печально сказал старик.

Я подняла глаза на Эйлсу.

— Не переживай. Это был превращенный силв, а не раб. — Я видела серебристое сияние под багровыми отблесками; и то и другое быстро угасало. Я обыскала тело, рассчитывая найти что-нибудь, что могло бы нам пригодиться.

Алайн бросил на меня недовольный взгляд:

— Он был человеком, и его смерть должна вызывать у тебя сожаление.

— Нет, — резко ответила я. — Его смерть — благо. Будь он самим собой, он сказал бы тебе то же самое, — добавила я. — Проклятие, ничего полезного у него с собой нет!

Алайн был шокирован моей бесчувственностью.

— Как можешь ты сейчас думать о подобных вещах! — Он склонил голову и начал бормотать молитву по усопшему. Я всегда находила это совершенно бесполезным: даже если загробная жизнь существует, душа человека либо попадает на небеса, либо нет, и никакие молитвы живых не могут изменить место назначения.

— Веревка наверху привязана? — спросил Тор.

— Как раз сейчас привязываю, — ответила Эйлса. — Надеюсь, она достаточно крепкая и выдержит.

— Полезай первой, — сказал мне Тор, и я так и сделала. Снова меня поразило то, какой слабой я стала. Всего-то и нуж-

но было влезть наверх по веревке; раньше это была детская игра, теперь же потребовало усилий.

Тор последовал за мной не сразу. Он задержался, чтобы что-то сказать Алайну; потом они обнялись. Уже не в первый раз у меня возникло чувство, что патриарх и Тор знают друг друга гораздо лучше, чем признаются.

Я коснулась руки Эйлсы. Бедняжка дрожала.

— Не переживай, — повторила я.

— Я нарушила самый строгий наш закон: ни одному человеку любое наше действие не должно приносить вреда.

— Дун-маги, — ответила я со своей обычной практичностью, — не люди. Сами-то они не отличаются гуманностью. Это касается и превращенных силвов. Человек, которым он когда-то был, давно мертв. — Я протянула руку, чтобы помочь Тору выбраться из люка. — Этот человек не по собственной воле сделался злым колдуном, верно, но он стал таким же злом, как и сам Мортред. Ты освободила его от мучений, Эйлса. Ты оказала ему услугу.

Тор, уже стоявший рядом с нами, кивнул:

— Блейз права.

— О Великая Бездна! — воскликнула я, в первый раз за несколько дней разглядев Тора. Выглядел он ужасно: весь в синяках, грязный, тощий... я никогда раньше не видела его обросшим щетиной. — Ты выглядишь как отшельник с острова Брет!

— Наверное, и пахну так же. Только, знаешь, посмотрела бы ты на себя! — Тор ухмыльнулся. — Боже, до чего хорошо выбраться из этой дыры! — Он наклонился, чтобы спустить Алайну еду, бурдюк с водой и свечу, потом встал на колени и посмотрел в запрокинутое лицо патриарха. — Прощай, друг мой. Один из нас вернется за тобой...

До нас донесся слабый голос:

— Да сопутствует вам Бог, мой мальчик. Всем вам.

Тор закрыл люк, и мы снова оказались в темноте.

— Почему-то, — тихо сказала я, — у меня такое чувство, что сир-патриарх Алайн Джентел не очень меня жалует.

В темноте я могла только по голосу догадаться, что Тор усмехается.

— Ты для него слишком большая безбожница. К тому же он считает, что ты плохо влияешь на меня. — Тор пожал пле-

чами. — Таков обычный недостаток большинства патриархов. Они сами так чертовски праведны, что заставляют нас, простых смертных, чувствовать себя вечными грешниками, которым не светит надежда даже заглянуть на небеса. Ладно, пошли, нужно выбираться отсюда.

Мы ощупью добрались до двери и приоткрыли ее. Снаружи было светло: дневной свет падал из высоко расположенных окон какого-то помещения, куда выходила дверь. Дальше нам предстояло импровизировать: никакого плана у нас не было. Это оказалось и к лучшему: все равно ничего из того, что мы могли бы себе вообразить, не сбылось бы.

Мы начали красться по коридору (у нас с Тором и не было иного выбора: ноги у нас по-прежнему были скованы); выглядели и пахли мы, как обитающие в трущобах крысы. Комната в конце коридора оказалась камерой пыток; она располагалась в подвальном помещении и окна имела только высоко под потолком. Всюду вокруг валялись мерзкие орудия палача, однако в комнате никого не было. В одном конце виднелся очаг с широкой трубой.

— Подонки, — прошипел Тор, оглядываясь. — Какие же подонки! — Он поднял с пола молоток и зубило. — Может быть, удастся избавиться от этих проклятых железок. Иди сюда, Блейз, попробуем. — Я была только счастлива подставить ему свои кандалы. Дело шло медленно, но в конце концов и руки, и ноги у нас оказались свободны.

Какое же это было облегчение! Я снова стала чувствовать себя человеком; несколько раз согнув руки и присев, я хоть отчасти вернула себе прежнюю силу.

— Оружие, — сказала я, поднимая щипцы с длинными ручками. Их назначение, вероятно, было доставать горячие угли из очага. Тор выбрал себе нечто среднее между вертелом и мечом; молоток он тоже прихватил с собой. Эйлса с отвращением оглядела все, чем была полна комната, и, подойдя к очагу, взяла длинную кочергу. За все время она не проронила ни слова; похоже, освобождение положило конец ее разговорчивости.

Я все еще высматривала что-нибудь более подходящее в качестве оружия, чем щипцы, когда дверь — не та, через которую мы вошли, а расположенная в другом конце комнаты — распахнулась; мы оказались застигнуты врасплох.

Мне показалось, что все мы застыли в неподвижности, как головастики, вмерзшие в лед после внезапного резкого похолодания. Хотя, конечно, прошло всего несколько секунд, прежде чем в комнате началась суматоха, за эти мгновения я успела подумать очень о многом.

Первой в комнату вошла Флейм.

Я чувствовала себя так, словно получила одновременно удары в горло и в солнечное сплетение.

Флейм! Так, значит, Мортред все же заполучил ее! Но как? Теперь она для меня мертва... Нет, хуже! Дерьмо!

Ее сопровождал Домино. Он мог теперь ходить, хотя все еще приволакивал ногу. Низкорослый убийца по-хозяйски обнимал ее за плечи и смеялся какой-то ее шутке. А Флейм — Флейм улыбалась ему, и ее прекрасные голубые глаза блестели, как влажные раковины-литорины на солнце. Их сопровождало несколько человек, среди них по крайней мере один — прирожденный дун-маг, но все мое внимание было сосредоточено на Флейм.

Цирказеанка была одета так, как раньше я никогда не видела... Я не из тех, кто присматривается к одежде других женщин, но даже я не могла не заметить, что ткань по цвету в точности подходит к глазам Флейм. Она была прекрасна и царственна, словно удостоила своим присутствием придворный прием. Если подумать, раньше я вообще ни разу не видела ее в платье. Длинные рукава плотно облегали руки — в том числе иллюзорную на месте ампутированной. На коже Флейм играли багровые блики дун-магии, мешаясь с серебристо-голубым...

Я ничего не могла понять.

Что, во имя всех богов, произошло?

Мысли мчались у меня в голове одна за другой (к счастью, способность думать и действовать одновременно всегда была моим талантом; пожалуй, именно когда у меня бывало время на размышления, я и совершала свои самые глупые ошибки). Первой моей мыслью было: она не могла превратиться в злую колдунью — мерзкое клеймо мы отрезали вместе с рукой, и Датрик, который еще лучше меня мог видеть последствия дун-магии, подтвердил, что Флейм от них избавилась. Потом я подумала: у Мортреда было время снова наложить на нее заклятие. Потом: но Флейм убила бы себя, случись такое. Потом: не убила бы, если бы Мортред не дал ей такой возможности. По-

том: если все это так, то откуда, ради всех рыб в море, взялась та силв-магия, которую я все еще вижу? Ни один из прочих осквернённых силвов не сохранял так много серебристо-голубого...

Потом я поняла, что на самом деле случилось, и сердце мое оборвалось. Страдальческое «Не надо!» вырвалось у меня в тот самый момент, когда все мы пришли в движение.

Флейм повернулась к Домино и протянула:

— Что же это? Похоже, твои пленники сбежали, друг мой. Как мог ты проявить такую беспечность?

Рука Домино потянулась к мечу, а один из превращенных силвов нанес мне магический удар, который только забрызгал меня алым, не причинив никакого вреда. Другой попытался проделать то же самое с Тором. В тот самый момент, когда Флейм сказала «Дун-магия против них бесполезна — они же обладают Взглядом», Тор метнул молоток.

Молоток размозжил голову колдуна, и тот рухнул мертвым. Похоже, в Торе пробудился дух Копья Калмента: думаю, камера пыток произвела на него сильное впечатление.

Я ударом ноги опрокинула Флейм на Домино, который уже успел обнажить клинок, а сама стала орудовать своими щипцами: широко разведя их концы, я ухватила ими голову оказавшегося за Домино бывшего силва и сильно сжала. Он завизжал и вскинул руки к лицу — что было ошибкой, поскольку позволило мне завладеть его мечом.

Я успела вытащить его из ножен, но воспользоваться не смогла. Шедший последним дун-маг начал звать на помощь, и на его крик прибежало девять или десять человек.

В тесной комнате развернуться было негде, в меня вцепилось много рук, и я почти сразу оказалась лежащей на полу. До меня донесся крик Домино:

— Не убивайте их, не убивайте! — И я не знала, радоваться мне этому или сожалеть. Нас с Тором прижали к полу, окружив кольцом направленных на нас мечей.

— Это превращается в привычку, — пробормотала я.

— От такой привычки я бы избавился, если бы знал как, — с отвращением бросил Тор.

Я услышала, как Флейм протянула:

— Как интересно, Домино! Я и не представляла себе, когда ты предложил проведать узников, что это окажется так ув-

лекательно! — Голубые, как раковины, глаза, смотревшие на меня сверху вниз, были совсем не такими погасшими, как у других бывших силвов. Они победно сверкали — такие же жесткие, как раковины, на которые были похожи.

Мне не хотелось больше думать о Флейм.

Вместо этого я подумала о другом: где, во имя всех штормов, может быть Эйлса?

Глава 21

Нас отвели в сооруженное для Мортреда подобие тронного зала — на самом деле помещение служило всего лишь столовой.

Там на меня снова надели цепи, прикрепленные к кольцам в стене; Тора приковали на другом конце комнаты. К счастью, подвесить нас нашим палачам не удалось — мы оба касались ногами пола. Думаю, такое послабление было ненамеренным с их стороны: просто мы оба были выше среднего роста, а кольца в стене располагались низко.

Темнело, и рабы зажгли факелы. Другие рабы накрывали длинные столы, установленные посередине комнаты. Здесь и в помине не было той вонючей рыбы и водорослей, которыми нас кормили в «забвении». Только что выловленные омары и жареная морская форель, мидии, тушенные в устричном соусе, и морские огурцы, фаршированные мясом краба, салат из ламинарии под молоками, каракатица, сваренная в собственных чернилах и приправленная специями из водорослей... Меня начинал терзать голод от одного взгляда на подобную роскошь.

Когда все было готово, Мортред занял свое место на возвышении. Он воспользовался дун-магией, чтобы скрыть свое уродство: левая сторона его лица выглядела так же, как правая, — для всех, кроме нас с Тором. Лицо его было красиво грубой красотой — угловатые черты казались высеченными из гранита. Однако то, что тело, руки и ноги Мортреда теперь были нормальны, не являлось иллюзией... Он подвел к столу Флейм, поддерживая ее под несуществующую левую руку. Это сразу ясно сказало мне, что об ампутации ему ничего не известно. Мортред и не догадывался, что касается не живой плоти,

а пустоты, скрытой за магической иллюзией. При всем своем могуществе Взглядом он не обладал. Серебристого сияния магии Флейм он не замечал, и призрачная рука была для него столь же реальна, как настоящая.

Флейм сменила наряд. Теперь на ней было алое платье, которое, казалось, было ей несколько велико. Глубокий вырез доходил почти до талии, и то, как Флейм теребила ткань, ясно говорило: она смущена...

Мортред с самодовольной улыбкой бросил мне:

— Видишь? Все прелести, которых ты вожделела, теперь мои, Блейз Полукровка. — Выпустив руку Флейм, он погладил ее дивные золотые волосы. Потом его рука скользнула по ее телу — вызывающим жестом собственника. Флейм невольно передернулась от отвращения, и Мортред рассмеялся. — Ей это не очень по вкусу, а? Она знает, как я собираюсь позабавиться ночью. Ты ведь хорошо это знаешь, не так ли, моя прелесть? — Мортред снова взглянул на меня. — Теперь она такая же, как я, и никогда не станет иной. И из-за того, что поработила ее моя магия, она всегда будет покорна моей воле... она способна теперь только подчиняться. А ведь ты хотела сама разделить с ней ложе, верно? Что ж, если ты будешь паинькой, может быть, когда-нибудь я разрешу тебе присутствовать при наших развлечениях.

Я не знала, то ли мне радоваться тому, что он ошибается в отношении моих сексуальных предпочтений и поэтому не догадывается о моей любви к Тору, то ли ужасаться возможности присутствовать при издевательствах над бедняжкой Флейм и тому, что ей уже пришлось вынести... Давно ли она в Криде? Что она уже вытерпела? Я предпочла бы сама оказаться предметом внимания Мортреда — только едва ли это было возможно. Меня он не желал: я была слишком высокой, и я обладала Взглядом. Если подумать, то ведь и Янко в гостинице смотрел на меня с насмешкой, а не с похотью.

Мортред повернулся к Домино, который стоял с ним рядом:

— Если снова упустишь эту полукровку, я тебя самого скормлю кровяным демонам.

Домино бросил на меня полный ненависти взгляд:

— Что ты собираешься с ней сделать, господин?

— Если хочешь провести с ней ночь, забирай, — но только так, как она есть, понял? Снимать с нее цепи нельзя. — Морт-

ред взглянул на меня, и губы его искривила усмешка. — Думаю, что знаю, как больнее всего уязвить такую тварь. Завтра утром отправьте ее в жерло и оставьте там на недельку-другую. В одиночестве. Дадим ей время подумать о том, что ее еще ожидает.

— А что делать с Райдером?

— Сначала отрежьте ему язык, а потом оскопите. Вырвите глаза и отправьте к рабам. Это заставит его присмиреть, а? И покажите его, когда закончите, Блейз. Пусть посмотрит, что ожидает ее друзей.

Глаза Флейм вспыхнули, и она провела по губам кончиком языка. Что за извращенное вожделение злой колдуньи...

— Позволь мне заняться Райдером, — сказала она. Флейм обернулась к прикованному к стене Тору; он мог слышать каждое ее слово. — Он раньше был моим другом. Мне так хочется показать моим новым друзьям, как я изменилась.

Мортред оглушительно захохотал:

— Конечно, конечно! Пусть это будет наградой тебе за те наслаждения, которые ты доставишь мне сегодня ночью. — Эти слова стерли улыбку с губ Флейм — чего Мортред и добивался. Мортред был не из тех, кто долго позволяет своим приспешникам радоваться жизни.

Отвернувшись от меня, он жестом пригласил всех за стол.

Ужин казался бесконечным.

Нас с Тором, конечно, кормить не стали. Когда комната опустела, Домино со злорадной ухмылкой подошел ко мне. Он стоял, уперев руки в бедра, похожий на воинственного краба.

— Слышала, что сказал сир-маг, а? — спросил он.

Я спокойно встретила его взгляд. Я была уверена, что он не воспользуется предложением Мортреда: слишком я была ему противна.

— Разве ты не собираешься снять меня отсюда сначала? — спросила я.

— Еще чего!

— Тогда раздобудь ящик, чтобы на него встать, коротышка: иначе не дотянешься. Это было бы по силам только настоящему мужчине.

Я подумала, что он убьет меня на месте. Побагровев от ярости, он выхватил меч...

Тор поспешно вмешался:

— Попробуй ее убить, и Мортред прикажет подать тебя на завтрак. Хорошо прожаренным. — Потом он тихо добавил: — Попробуй хоть пальцем ее коснуться, Доминик Скавил из Хетрег Коув, и тебе всю жизнь придется в страхе оглядываться через плечо. — Угроза в его голосе обещала смерть. — Где бы ты ни спрятался, как бы далеко ни убежал, я тебя найду. — Домино потрясенно смотрел на Тора — то ли потому, что тот знал его настоящее имя (откуда, ради всех богов?), то ли потому, что не верил своим ушам: ведь угрожал ему беспомощный пленник.

Я с раздражением закрыла глаза. Мы же договаривались не показывать этим подонкам, что привязаны друг к другу...

— Ну как же, испугал! — осклабился Домино, повернувшись к Тору. — Думаешь, на многое будешь способен? Завтра у тебя не будет ни глаз, ни яиц, ни языка. Ничего, что могло бы потешить красотку, и еще меньше того, чего я боялся бы.

— Не забывай, коротышка, что я — сир-Тор, обладающий Взглядом, — спокойно ответил мой любимый. — Мы, наделенные таким даром, отличаемся от других людей, и забывать об этом не годится. Только тронь ее, и в один прекрасный день я тебя найду и нарублю из тебя мелкую лапшу, даже если мне придется весь путь проползти на коленях и вынюхивать твой след, как собаке.

Было что-то такое в этом высоком островитянине, отчего по спине пробегали мурашки: намек на смертельно опасную безжалостность, которую обычно Тор держал в ножнах. Иногда я замечала ее проблески, когда Тор говорил о хранителях, но ни разу еще его голос и взгляд не выражали такой угрозы. Этот человек был опасен. Даже если бы Домино и желал меня раньше, думаю, что после предостережения Тора его намерения переменились.

Низкорослый убийца отвернулся и позвал стражу. Когда явились двое мужчин — превращенных силвов, он приказал:

— Вы двое будете сторожить их сегодня ночью, понятно? — Потом, повернувшись на каблуке, Домино, хромая, вышел из комнаты.

Я настороженно взглянула на бывших силвов-хранителей. Они равнодушно смотрели на нас с Тором; втянуть их в разговор мне не удалось, но на посту они остались и к тому же явно не собирались спать, так что свободно поговорить с Тором мне

не удалось. Сказать ему мне хотелось так много... Оставалось только надеяться, что он и так знает все, что я хотела бы ему сказать.

Той ночью мне все-таки удалось немного поспать. Я нашла такое положение, при котором цепи не мешали дремать.

Да и ничем больше я все равно не могла себя занять. Можно было тревожиться о том, что случилось с Эйлсой, о Флейм и издевательствах, которые ждали ее этой ночью, о безопасности Алайна, о том, что ждало меня в жерле, о том, что должно было на следующий день случиться с Тором...

Тор... «Сначала отрежьте ему язык...»

Нет, уснуть было легче, чем продолжать думать.

Рассвет наступил слишком скоро.

Попрощаться с Тором мне не удалось. Меня увели первой. Ни Мортред, ни Домино не появились, но стражники явно получили от них ясные распоряжения. Я страдала от голода, жажды, настоятельной потребности побывать в уборной, но никто и не подумал облегчить мои муки.

Никакой надежды на побег я не имела: хотя цепи с меня сняли, руки мои были крепко связаны за спиной, и сопровождали меня восемь человек с мечами наголо. Похоже, у меня сложилась здесь определенная репутация. Я даже слышала, как один из стражников пробормотал, что я — единственная женщина, которой удалось так напугать Домино, что у того схватило живот. Это было бы забавно, только я была не в настроении смеяться.

Меня отвели далеко от деревни — туда, где скалы вдавались в море, нависая над водой. Обрыв был слишком высоким и отвесным, чтобы можно было рассчитывать по нему спуститься... Волны с грохотом разбивались об утесы, как будто видели вызов в самом наличии камня на этом сплошь песчаном острове.

Я все еще не могла догадаться, что эти негодяи хотят со мной сделать.

Жерла я видела и раньше, на островах Цирказе. Там берег скалистый, и есть места, где морская вода врывается в пустоты внутри камня и бьет такими мощными фонтанами через устья подземных туннелей на суше, что земля дрожит. Струи взле-

тают столь высоко, что можно подумать, будто под землей прячется кит...

Жерло на косе Гортан было бледным подобием тех грозных гейзеров. Конечно, тут тоже имелся подземный туннель, но воронка жерла имела в ширину футов двадцать или больше и была слишком широкой и глубокой, чтобы вода могла бить из него фонтаном. Она просто поднималась в каменной воронке, а потом уходила вниз. Даже при самом сильном приливе поверхность воды отделяли от края обрыва футов десять. Воронка была круглой, стены ее уходили вертикально вверх и были покрыты скользкими мокрыми водорослями. Любой несчастный, свалившийся вниз, никогда не смог бы вылезти обратно.

Стоило мне увидеть это все, и я начала выкрикивать протесты.

— Эй, погодите — вам ведь не велели убивать меня! — Я попятилась от края, но один из стражников дернул за веревку, которой были связаны мои руки. — Если вы столкнете меня вниз, я погибну от голода и жажды, не говоря уже о том, что разобьюсь о скалы.

Стражники заржали:

— Погибнешь? Ну, только не ты. Последний пленник, которого мы туда бросили, продержался шесть недель, а он даже плавать не умел. Кормить тебя будут — в каждый отлив будешь получать еду и бурдюк с водой. — Один из подонков мечом перерезал веревку, связывавшую мои руки, и сильно толкнул меня в спину.

Я извернулась и обеими руками вцепилась в его куртку. Мгновение мы оба балансировали на скользком краю воронки. Потом другой стражник схватил приятеля, чтобы не дать ему свалиться вниз вместе со мной. Я еще крепче вцепилась в куртку; третий стражник попытался оторвать мои руки, а четвертый, не такой сообразительный, толкнул меня еще ближе к краю. Я вдруг почувствовала, что лечу вниз, сжимая в руках пустую куртку...

Я упала в воду спиной, и удар вышиб весь воздух из моих легких. Я вынырнула, пуская пузыри.

Немного отдышавшись, я погрозила кулаком негодяям, глазевшим с края воронки. Будь они прирожденными дун-магами, они, наверное, посмеялись бы надо мной; в этом-то и

было самое ужасное — бывшие силвы просто смотрели на меня без всякого выражения. Моя ярость сменилась жалостью. Думаю, тогда впервые в жизни я порадовалась, что не обладаю магическим даром. Ничто на свете не стоило риска стать одной из этих несчастных с их безразличием и жестокостью, которая, казалось, озадачивала их самих. Они походили на детей, совершающих плохие поступки, но еще неспособных понять греховности этого.

Не говоря ни слова, стражники ушли.

Теперь все мое внимание было обращено на ситуацию, в которую я попала.

Дело оказалось не так плохо, как я сначала думала. Я обнаружила, что могу коснуться дна, хотя прилив сейчас достигал верхней точки. Труднее было не дать волнам бить меня о стены; приходилось все время перемещаться к середине провала. В темноте, несомненно, это стало бы еще более трудной задачей.

Я попыталась определить, скоро ли начнется отлив и мне принесут еду, но уровень воды в месяц Двух Лун менялся прихотливо, а я не настолько хорошо была знакома с природой Южных островов, чтобы разбираться в этом.

О Торе я старалась не думать.

Не думать о нем оказалось на удивление легко, потому что совсем скоро мне пришлось бороться с собственными бедами. Я ощутила обжигающую боль в левой руке — боль очень хорошо мне знакомую. Рана на запястье привлекла кровяного демона. Я взвизгнула и оторвала его от руки. Я едва с отвращением не отшвырнула моллюска, но сообразила, что он очень скоро снова найдет меня. Я заколебалась, держа мерзкую тварь в другой, здоровой руке — так она была вполне безвредной. Оглядевшись, я чуть не умерла от страха. Вода кишела гадинами. Я выругалась, только это ничему не помогло. Мне не хотелось думать о том, сколько ран у меня на теле: старые, нанесенные Сиклом, еще не совсем зажили; к ним добавились язвы на спине и плечах — там, где их натер шест; запястья и щиколотки пострадали от кандалов... Будь ты проклят, Мортред!

Я стала бить по воде, чтобы отпугнуть моллюсков, но сообразила, что так я скоро совсем останусь без сил. Наконец я догадалась, что делать: я стала собирать своих мучителей и набивать ими рукава куртки, которую случайно сдернула со

стражника. На концах рукавов я завязала узлы, а сверху крепко зажала, чтобы твари не могли выбраться. Мне не удавалось вылавливать их достаточно быстро: несколько кровяных демонов все же заползли мне под одежду. Каждая секунда, прежде чем мне удавалось от них избавиться, была полна адских мучений. К тому времени, когда начался отлив и вода стала доходить мне лишь до щиколоток, один рукав был набит битком; что делать дальше, я не могла придумать. Даже если бы вода схлынула совсем, это не избавило бы меня от кровопийц: моллюски могли передвигаться не только в воде, но и ползать по скале, а мои раны они находили столь же безошибочно, как находят креветок обученные псы-ныряльщики на островах Фен.

Я подумала о том, не попытаться ли выбросить тварей из жерла, однако если бы бросок оказался неудачным, они свалились бы обратно; да и оказавшись наверху, они вполне могли приползти к краю обрыва и вернуться в воду.

Наконец, когда часть дна обнажилась, я нашла решение своей проблемы. Я взяла камень и стала одного за другим разбивать им кровяных демонов, положив на скалу. Ни до, ни после убийство живых существ не доставляло мне такого наслаждения.

Когда вода схлынула и дно воронки обнажилось почти полностью, я занялась тем, чтобы уничтожить всех своих еще не пойманных мучителей. Я переворачивала камни, осматривала сохранившиеся лужи, разгребала кучи водорослей; кроме нескольких кровяных демонов я обнаружила останки по крайней мере двоих людей. Всюду валялись выбеленные солнцем и морем кости...

В конце концов я решила, что избавилась от моллюсков. Когда я села в ожидании, не появятся ли какие-то мной не обнаруженные, никто меня не тронул. Только после этого я сочла, что могу заняться другими вещами. Я осмотрела стенки воронки и попыталась вылезти наверх, но даже гхемф не смог бы вскарабкаться по отвесной скале. Камень был отшлифован волнами и покрыт слизью, так что напоминал скользкую кожу угря — ни трещин, ни углублений, так что ухватиться было не за что. К тому же сверху нависал карниз...

Больше я ничего не успела сделать: явились двое моих тюремщиков с едой и водой. Они заглянули вниз, и один без всякого сочувствия крикнул:

— Мортред желает знать, как тебе нравится общество кровяных демонов!

Я ничего не ответила.

— Он также велел передать, что твоя цирказеанская подружка наслаждается полученным заданием.

Сердце у меня заколотилось, но я по-прежнему оставалась неподвижной.

Два свертка, оба хорошо упакованные в сухие водоросли, чтобы не разбились при падении с высоты, свалились ко мне сверху и покатились по мокрому песку. Сделав свое дело, стражники ушли. Я изо всех сил старалась не думать о том, что велел передать мне Мортред...

В одном из свертков оказался бурдюк с водой; я выпила почти все, что в нем было, — к этому моменту я умирала от жажды. Во втором свертке оказались излюбленные на косе Гортан блюда: сушеная рыба, паштет из креветок и вареные водоросли. Бывали у меня и более вкусные обеды... Ела я уже не так жадно, как пила, и отложила часть пищи на будущее.

Не успела я покончить с едой и питьем, как сверху донесся какой-то звук. Подняв глаза, я увидела Эйлсу, которая заглядывала в жерло. Она оскалилась в каком-то подобии улыбки — наверное, старалась показать мне, как рада меня видеть, и думала, что такая мимика будет мне понятна. Это бедняжке плохо удалось: гхемфов природа не наградила способностью улыбаться. Тем не менее никогда еще я так не радовалась, увидев уродливое плоское лицо.

Я тоже улыбнулась и приветственно подняла руку.

— Тебе известно, что один из бывших силвов сторожит жерло? — спросила Эйлса. Я об этом не знала, но подумала, что так и должно быть. Мортред, конечно, не собирался позволить мне оставаться на виду без охраны: кто-нибудь мог найти меня и помочь сбежать. — Боюсь, я его убила, — добавила Эйлса. — Странно, как легко это удается, если ты — гхемф. Понимаешь, люди никак не ожидают от нас нападения. Да и о наших когтях люди всегда забывают... За два дня я убила уже двоих.

Я не знала, что ей на это сказать.

— Нужно раздобыть веревку, — сказала Эйлса. — Я скоро вернусь.

— Подожди! — крикнула я. — Не ходи в Крид! Беги, пока есть такая возможность!

Эйлса еще раз изобразила улыбку и исчезла.

— Эйлса! — закричала я ей вслед, но она не вернулась. Оставалось только надеяться, что в Крид она все же не пойдет. А если пойдет, если ее поймают... Лучше бы она сделала крюк и раздобыла веревку в Гортанской Пристани, чем рисковать жизнью, возвращаясь в Крид. Я вполне могла подождать.

Потом я начала терзать себя, думая о Торе. Что, если я ошиблась? Что, если... «Не смей думать об этом», — приказала я себе.

Вздохнув, я уселась на песок. Прилив пока еще не начался; я вспомнила, что в месяц Двух Лун в некоторые дни бывает всего один прилив, зато в другие — целых четыре. Сегодня, похоже, дело должно было ограничиться одним. Я снова вздохнула. Значит, большую часть ночи мне предстоит провести в воде, в темноте отбиваясь от кровяных демонов. Я нисколько не сомневалась, что прибывающая вода принесет с собой новую порцию этих маленьких чудовищ.

Я посмотрела в дальний конец воронки, туда, где дно уходило вниз; там и находился туннель, по которому прилив гнал воду в жерло. Эта часть провала никогда не высыхала, даже в отлив там стояла глубокая вода. Туннель, который соединяется с морем... Я попыталась представить себе, далеко ли до открытой воды, гадая, какова ширина туннеля.

Я подняла с песка бурдюк и внимательно его осмотрела. Он был сделан из плавательного пузыря морской коровы и не пропускал ни воды, ни воздуха. Округлый пузырь кончался узкой трубкой, которая сейчас была плотно заткнута пробкой.

Я снова посмотрела на поверхность воды и решила выкупаться — точнее, понырять. Я быстро обнаружила устье туннеля; по крайней мере в верхней части он был достаточно широк для человека. Волны прибоя заставляли воду устремляться то вверх, то вниз. Я заглянула в туннель и обнаружила, что вскоре он сужается. Проплыть по нему все еще было можно, но развернуться я уже не смогла бы. Решившись, я выбралась бы в море или погибла. Кроме того, было ясно, что на одном вдохе до выхода из туннеля не доплыть, даже если бы он по всей длине оказался достаточно широк. Еще одна опасность подстерегала уже в море: можно было разбиться о скалы. Если

же мне удалось бы справиться с прибоем, то плыть до пляжа предстояло бы долго.

Все это делало ведущий в море туннель последним путем спасения.

Я выбралась из воды и села на солнце, чтобы обсушиться. Соль делала кожу липкой, и я подумала: каково было терпеть такое целых шесть недель... Одежда, высыхая, становилась жесткой и натирала кожу. Может быть, лучше было бы ее вовсе снять. Я как раз решила, что именно так и сделаю, если Эйлса в этот день не поможет мне бежать, когда обнаружила, что у меня появилась компания.

Руарт.

Он пролетел над жерлом, а потом спустился и сел на камень со мной рядом.

— Скажи Флейм, — холодно обратилась я к нему, — что если... если мы выберемся из этой передряги живыми, я придушу ее своими собственными руками. Понятно? Скажи ей это!

Руарт только посмотрел на меня. Выглядел он ужасно. Должно быть, он уже давно не чистил перышки, они казались взъерошенными и пыльными. Бедняжка выглядел поникшим и усталым. Я вздохнула и сказала более ласково:

— Только вряд ли она прислушивается к твоим словам больше, чем к моим, верно?

Руарт только покачал головой и принялся возбужденно чирикать.

Я перебила его:

— Догадываюсь, что ты пытаешься мне сообщить. Тут ничего не надо объяснять: я точно знаю, что она сделала, эта лупоглазая цирказеанская девка... Попадись только она мне в руки! — Я вздохнула. — А тебе я все равно благодарна за то, что ты меня нашел. Есть еще что-то, что ты должен мне сказать?

Руарт кивнул.

Я задумалась: что, на его взгляд, мне следовало бы знать?

— После того как нас схватили, Флейм отправилась к хранителям?

Руарт снова кивнул.

— И они подтвердили, что собираются напасть на Крид?

Новый кивок.

— Это хорошо. Только мне нужно знать когда. Сегодня?

Руарт покачал головой и поднял лапку с двумя растопыренными когтями.

— Через два дня? — спросила я, моля богов, чтобы это не означало две недели.

Руарт снова кивнул.

Хотелось бы мне, чтобы нападение на Крид произошло скорее... Что, черт возьми, заставляет Датрика терять время? Может быть, он надеется, что Янко-Мортред снова появится в «Приюте пьянчуги» и тогда с ним, когда у него за спиной не будет целого отряда бывших силвов и дун-магов, окажется легче разделаться? Но ведь наверняка Датрик уже сообразил, зачем вообще Мортреду понадобилось наниматься слугой в гостиницу: это был идеальный способ следить за всеми, кто только появлялся на косе Гортан. Любой, кто хоть что-то собой представляет, рано или поздно появится в «Приюте пьянчуги». Мортред в ожидании полного восстановления своей силы желал знать, что происходит на всех Райских островах, — и где скорее всего можно узнавать новости, как не в гостинице? Однако теперь всем стало известно, что он дун-маг, и обличье слуги потеряло свою пользу. Датрик, поговорив с Флейм, не мог не понять, что Мортред в Гортанскую Пристань не вернется.

Потом у меня возникла другая мысль: может быть, задержка связана с моим исчезновением. Датрик ведь говорил, что для успешного нападения на деревню дун-магов ему требуется помощь кого-то, обладающего Взглядом. Может быть, лишившись меня, он решил подождать до тех пор, пока не найдет мне замену. Ах, какая в этом была бы ирония судьбы... Впрочем, такое случалось со мной слишком часто, чтобы можно было удивляться.

В конце концов я оставила попытки догадаться о резонах Датрика и снова стала расспрашивать Руарта:

— Когда должно произойти нападение? На рассвете? — Руарт кивнул: я с первого раза попала в яблочко.

Я задумалась о том, что мне следовало бы сообщить Руарту. Наконец я рассказала ему про Эйлсу и добавила:

— Теперь мне нужно знать, что делать, если мне и правда удастся сегодня отсюда сбежать. Мне нужно знать, где найти Флейм и Тора. Ты... э-э... ты знаешь, что Мортред собирается заставить Флейм сделать с Тором?

Птичка покачала головой, и тогда я рассказала о планах злого колдуна. Если бы птицы могли бледнеть, я сказала бы, что Руарт побледнел. Я спросила его, говорил ли он с Флейм с тех пор, как она явилась в Крид.

Руарт покачал головой.

— Проклятие! Значит, придется дожидаться Эйлсы и того, что она расскажет.

Руарт разразился громким чириканьем, которое совершенно ничего мне не говорило. Я только в расстройстве смотрела на него. Тогда он спрыгнул на песок у моих ног и принялся писать на нем клювом. Буквы выходили кривыми, и к тому же он частично стирал их лапками, но все же мне удалось прочесть: «Лечу в Крид найду Тора».

— Что ж, хорошо. Только будь очень, очень осторожен, Руарт. Возможно, ты все равно не сможешь добраться до Тора — его, наверное, Флейм и Домино уже отвели в камеру пыток. Или он где-то в помещении для рабов — приходит в себя после того, что должна была с ним сделать Флейм.

Руарт кивнул.

— И вот еще что: постарайся уговорить ее покинуть Крид.

На это он ничего не ответил. Расправив крылья, блеснувшие яркой синевой, Руарт вспорхнул и улетел.

Я задумалась о том, как ему удалось меня найти. Если он не виделся с Тором, то скорее всего подслушал какой-то разговор обо мне дун-магов. Все равно Руарт молодец: так быстро найти это проклятое жерло... Что касается Руарта Виндрайдера, в одном я была уверена: он очень умен. В остальном же он оставался для меня загадкой.

Я, конечно, доверяла ему, но составить представление о его характере мне не удавалось. Да и как иначе, раз языка его я не понимала и все, что он говорил, мне переводила Флейм. Флейм, которая его любила... Я не могла даже догадываться о том, что Руарт думает, по выражению его лица: ведь лица-то у него не было. Не могла я и представить себе, каково это — быть человеком, замурованном в птичьем теле... родиться птицей.

В добавление ко всем загадкам для меня совершенно непонятной оставалась их взаимная любовь. Как можно влюбиться в кого-то, кто принадлежит к другому виду? И все же этих двоих связывала любовь в самом полном смысле слова, за исключением физической близости. Меня часто трогало то, как

беспокоился Руарт о Флейм, и иногда проявления его нежности были совершенно человеческими, но в других случаях — когда он, например, ловил мошек — я видела в Руарте лишь чисто птичьи черты; тогда я не могла воспринимать его как человека и была не в силах представить себе, как способна Флейм испытывать к Руарту не только сочувствие, но любовь.

Когда-нибудь, обещала я себе, я непременно научусь языку дастелцев. Тогда, может быть, мне удастся понять, каким образом такая красавица, как Флейм, влюбилась в птичку, свободно умещающуюся на ее ладони.

Глава 22

Ко времени возвращения Эйлсы вода начала с шумом заполнять жерло. Я солгала бы, если бы сказала, будто не надеялась, что Эйлса скоро вернется и освободит меня. От одной мысли о том, что мне придется провести ночь в полной воды — и кровяных демонов — воронке, у меня от страха начинали шевелиться волосы. В темноте ведь их не увидишь...

Беда только была в том, что Эйлса вернулась не как моя освободительница, а как пленница. Мне так никогда и не удалось узнать, где и при каких обстоятельствах ее схватили; подозреваю, что стражник, посланный сменить того, которого Эйлса убила, увидел и поймал ее. Она ведь не имела опыта наемницы вроде меня: не умела прятаться, предвидеть поступки врагов, заботиться прежде всего о собственной безопасности...

Когда я увидела Эйлсу, она стояла на кромке обрыва между двух дун-магов. Один из них с усмешкой крикнул мне:

— Рассчитывала, что тебя выручат, а? Не выйдет, полукровка! — С этими словами бездушный выродок столкнул Эйлсу вниз.

С отчаянной надеждой поймать ее я вскочила и рванулась вперед, но опоздала. Скалу покрывал лишь слой воды толщиной в палец...

Никогда не забуду, с каким звуком тело Эйлсы ударилось о камень.

Я опустилась рядом с ней на колени:

— Эйлса...

Она упала лицом вниз. Все ее тело было покрыто кровью. Я осторожно отвязала мешок, который был на спине Эйлсы, и отложила в сторону. Перевернуть ее я боялась: можно было причинить Эйлсе еще больший вред, ведь я не знала, что она сломала.

Сверху издевательский голос прокричал:

— А мы-то думали, что ты обрадуешься компании, полукровка!

Я не стала оглядываться.

Эйлса была жива. Она слегка повернула голову и застонала.

— Эйлса...

Она снова пошевелилась и прошептала:

— Блейз...

— Да. Я здесь. Ты сильно расшиблась? Можешь двигаться?

Она молчала так долго, что я подумала: не потеряла ли она сознание. Наконец Эйлса сделала попытку перевернуться и сказала:

— Лицо болит... Рука сломана. Внутри больно... Переверни меня на спину, Блейз.

Я осторожно перевернула ее. Только теперь стало видно, как сильно она пострадала. Нос был сломан и кровоточил, зубы выбиты, рука повернута под странным углом... но больше всего меня испугало ее хриплое дыхание и яркая кровавая пена на губах. Сломанные ребра проткнули легкие. Только боги знают, как ей еще удавалось говорить.

С яростью и болью я посмотрела на кромку обрыва. Там никого не было.

— Прости меня, — прошептала Эйлса.

Она еще просила прощения!

— Ох, Эйлса! Да какое это имеет значение... Хранители будут здесь послезавтра. Рано или поздно кто-нибудь меня отсюда вытащит. Я могу подождать.

Она еле заметно кивнула:

— Больно, Блейз...

— Да, я знаю. — Конечно, она все поняла по моему тону: я не сомневалась, что она умрет. Я знала, что означают кровавая пена на губах и странный звук дыхания. Даже Гэрровин Гилфитер и его снадобья не помогли бы при таких увечьях. Силв, возможно, и спас бы Эйлсу, но только если бы помощь была оказана немедленно.

Следующие слова Эйлсы показали мне, что она все понимает и хочет сообщить мне то, что считает важным, пока еще в силах говорить.

— Алайн... я его спрятала... нашла лестницу и увела... Решила, что нужно... Он прячется... в кладовой справа... если войти в Крид... с юга.

Разобрать слова было трудно: речь Эйлсы стала неотчетливой. Я вытерла кровь с ее губ.

— Я поняла. Это была правильная мысль. Узнав о нашем бегстве, подонки могли выместить зло на Алайне. Но как тебе удалось скрыться? Ты все время была с нами и вдруг исчезла.

— Прости... нет смелости... Не умею сражаться. По трубе... меня не заметили.

Я вспомнила камеру пыток и широкую трубу над очагом. Я кивнула:

— Ты поступила разумно. Ты все равно ничего не смогла бы изменить.

— Хотела бы я...

— Не разговаривай, если это причиняет боль, Эйлса. — Я стояла рядом с ней на коленях. Мне хотелось обнять ее, но я боялась причинить ей лишнюю боль. Вместо этого я взяла Эйлсу за руку.

— Так много... сказать. Искала тебя везде. Не могла найти. Потом услышала разговор рабов... Пошла за стражником... нашла тебя. — Она сжала мою руку. — Друг...

— Да. Навсегда.

— Не только Эйлса. Мы все — одно. Мы, гхемфы.

Я не очень поняла, что она хочет сказать, но все равно кивнула.

— Хочу дать тебе... Подними мне голову.

Я завернула ее мешок в куртку стражника и очень осторожно подсунула сверток ей под голову. Так ей стало немного легче дышать.

— Хочу пометить... твою ладонь.

Я не представляла себе, насколько это важно, и тихо спросила:

— Как именно?

— Когтями.

Я положила свою правую руку рядом с ее ногой и не стала упоминать, что новые повреждения кожи привлекут кровяных

демонов. Для нее это, очевидно, не было важным, так что я смирилась. Именно так — когтями — гхемфы наносили татуировку на мочку уха, как было мне известно. Чего я себе не представляла, так это насколько остры эти когти, пока они не вонзились мне в руку. Выступила кровь, но тут же, у меня на глазах, из тонкого канала в когте появилась какая-то жидкость. Она, смешиваясь с кровью, впиталась в ранку. Эйлса страдала от ужасной боли, знала, что умирает, и все же ее коготь — всего один — двигался с абсолютной точностью, пока она не закончила тот значок, который хотела нанести. Он выглядел как закругленная буква «М» с горизонтальной чертой позади нее.

— Это бугет... символ... Судно... моего народа. Окуни руку в мою кровь.

Я сделала, как она велела: приложила ладонь к ее горлу, по которому текла кровь с губ. Наша кровь смешалась.

Ранки защипало: казалось, в них проникли крохотные пузырьки.

— Мое имя... Майин. Запомни его.

— Твое духовное имя?

Эйлса еле заметно кивнула:

— Покажи ладонь... моим сородичам... если будет нужна помощь.

Я была тронута. Наклонившись, я поцеловала ее в щеку.

— Майин, — сказала я, — благодарю тебя.

После этого она заговорила всего один раз. Через несколько минут она протянула руку, коснулась моего левого уха и прошептала:

— Жаль, что я не могла...

— Это не имеет никакого значения, — ответила я, и впервые в моей жизни это действительно никакого значения не имело. — Узнать тебя было для меня высокой честью, Майин.

Больше она не сказала ничего, но смерть ее была медленной и мучительной.

Я сидела на камне, вокруг которого бурлила вода, держа тело Эйлсы в объятиях; глупо, но мне не хотелось отдавать ее волнам. Она была мертва, и какое значение имело, что случится с ее мертвым телом... Только для меня значение это имело — огромное значение.

Я так и не могла понять, что побудило ее сделать мне такой дар — сообщить свое имя. Что я для нее сделала? Это Эйлса все время помогала мне: избавила от шеста, пыталась ценой своей жизни спасти меня из плена. Я же только обходилась с ней так же, как обходилась бы с любым человеком в подобных обстоятельствах. Она мне нравилась, верно, но Эйлса, умирая, показала, как много я для нее значила. Я чувствовала себя недостойной, сделавшей меньше, чем должна бы. Ради меня умерло существо, род которого я когда-то презирала, и теперь все, к чему я когда-то стремилась — гражданство, богатство, безопасность, — стало выглядеть мелким. Разве все это имело цену? Я с радостью отдала бы то, о чем раньше так мечтала, за жизнь и здоровье Эйлсы.

Жизнь гхемфа вдруг стала для меня драгоценнее всех моих амбиций.

Я все еще сидела на камне, когда явился Мортред. Он был не один: его сопровождала Флейм, а также Тор.

Мои глаза видели только Тора. Его поддерживали, а точнее, волокли двое вооруженных бывших силвов; Тор был наг, руки и ноги его сковывали кандалы. Мортреда окружали вооруженные телохранители — он, похоже, находил удовольствие в преувеличенных мерах безопасности. Стражники подтащили Тора к самому краю обрыва, чтобы я могла его видеть.

Я не пошевелилась. Я продолжала сидеть на камне по пояс в воде, прижимая к себе Эйлсу, но оторвать взгляд от Тора я не могла. Он слепо смотрел вперед, не глядя вниз, на меня. Я отчетливо различала созданную Флейм иллюзию: пустые глазницы, окровавленный рот, искалеченное тело, но видела это я как магическую дымку, накладывающуюся на реальность. Только тогда я поняла, как боялась, что Флейм не удастся ее затея, что увечья будут настоящими; только тогда я призналась себе, что какая-то часть моего сознания опасалась: не удалось ли Мортреду во второй раз превратить Флейм в свое подобие.

Не думаю, чтобы я слышала издевательские замечания этих выродков. Если и слышала, то теперь не помню. Я даже не помню, чтобы я их видела: я, которая не знала, что такое слезы, горько рыдала.

Потом они ушли, и я осталась одна.

* * *

Что заставило Флейм совершить такой безумно опасный поступок? Добровольно последовать за нами в логово Мортреда, притворяясь, что его заклинание подействовало и рука ее цела? По своей воле оказаться в чистилище, каким было общество Мортреда, позволить ему осквернять себя? Единственная ошибка, одно неверное движение — и она будет обречена, не на смерть, а на нечто гораздо худшее: унизительное мучительное рабство. Ее чар было достаточно, чтобы заставить Мортреда видеть и осязать ее отсутствующую руку, но магия не могла помочь Флейм что-то удержать в пальцах... Продолжать обман было чудовищно трудно: ведь стоит Флейм совершить малейшую неловкость, и Мортред догадается, что ее левая рука — иллюзия. Если же он узнает об этом, то поймет, ради чего рука была ампутирована, поймет, что Флейм лгала, что ее превращение не состоялось.

Я вспомнила отблески дун-магии, которые заметила на Флейм, — следы прикосновений Мортреда. Я вспомнила ее гримасу, когда Мортред упомянул о ночных наслаждениях. Нет, это не было чистилище; Флейм жила в аду. Добровольно. А ведь она заранее знала, чего захочет от нее Мортред...

Однажды он ее уже изнасиловал. Даже если он не догадается об ее обмане, она представляла, какие издевательства ее ожидают.

Флейм была парадоксальна: иногда словно сделанная из рога нарвала, твердого и несокрушимого, а иногда беспомощная и уязвимая, как рыбья икра в волнах прибоя. Она была способна на поступок такой отчаянной смелости, что от одной мысли о нем меня начинало трясти, но не могла заставить себя равнодушно выносить осквернение собственного тела. У нее не было моей прочной раковины... Я подумала, что Флейм не выдержала бы, если бы ее не поддерживал Руарт: она не могла выстоять в одиночку, как могла я.

Я снова опустила глаза на Эйлсу.

Я не знала, что я совершила такого, чтобы заслужить подобную дружбу. Я и сейчас этого не знаю.

Я выпустила тело гхемфа из своих объятий и отдала его волнам.

Я выловила из воды принесенный Эйлсой мешок и развязала его. Она принесла мне еды, бурдюк с водой и веревку. Я

заставила себя попить и поесть: для того, чтобы пережить наступающую ночь, мне требовались силы. Веревка была бесполезна: наверху не было ничего, на что ее можно было бы накинуть. К тому же наверняка где-то поблизости меня стерег новый стражник.

Выпустив веревку из руки, я заметила знак, оставленный Эйлсой на моей ладони. Глаза у меня полезли на лоб: ранки уже зажили, и на их месте не образовались шрамы. Знак сиял золотом, как карп, выпрыгнувший из воды на солнечный свет.

Ты, конечно, заметил его на моей руке. Он все такой же — видишь? — все такой же красивый, каким был в первый день. Дар Эйлсы — бугет, символ ее народа и, как я впоследствии узнала, гарантия безусловной поддержки любым гхемфом от Калмента до Устричных островов. Дар, оплаченный кровью, вместе с которой вытекала ее жизнь...

От агента по особым поручениям
Ш. айсо Фаболда,
Департамент разведки,
Федеральное министерство торговли, Келлс,
Достопочтенному М. айсо Кипсуону,
Президенту Национального общества
научных, антропологических и этнографических
исследований не-келлских народов

1/1 Безлунного месяца, 1793

Дядя, я действительно обследовал «бугет», о котором здесь идет речь. Он точно такой, как его описывает Блейз: татуировка, сияющая золотом. Золотая поверхность гибкая, так что не мешает движениям руки, и, должно быть, тонкая, как бумага. Как ни странно, не похоже, чтобы золото хоть сколько-нибудь стерлось (не забудьте, по словам Блейз, татуировка была сделала больше пятидесяти лет назад!). Если Блейз говорит правду о том, как она получила этот знак — в чем я сомневаюсь, — может ли это быть настоящим золотом? С другой стороны, можно предположить, что это все-таки золото: оно совершенно не потемнело. Я попросил разрешения соскрести образчик для изучения, но Блейз отказала таким тоном, что я счел благоразумным не повторять своей просьбы.

Шор айсо Фаболд

Глава 23

Утром меня ожидал новый кошмар.

Меня удивляло относительное отсутствие ночью кровяных демонов: только один нашел рану у меня на плече, и от него я быстро избавилась.

Утром отсутствие гадин разъяснилось.

Волны качали поблизости тело Эйлсы, и я увидела, что ее лицо съедено. Вся ее голова была покрыта кровяными демонами.

Даже мертвая, Эйлса защитила меня.

Начинался отлив. К полудню, когда прилетел Руарт, я стояла уже всего по колено в воде. В тот же момент, когда я его увидела, я поняла, что случилось что-то плохое: полет его говорил об отчаянной спешке. Я протянула руку, и он опустился на нее, отчаянно крича.

Я перебила его чириканье, назвав самое страшное несчастье, какое только могла себе представить:

— Мортред обнаружил, что превращение Флейм в злую колдунью — подделка...

Руарт кивнул.

«Провалиться ему в Великую Бездну!» — подумала я. Я сразу представила себе Тора — слепого, немого, изувеченного, на сей раз по-настоящему. Еще я представила себе, что Мортред может сделать с Флейм... Первым делом, конечно, он снова наложит на нее заклятие.

— Он опять сделал с ней эту мерзость, — прошептала я.

Руарт кивнул. Шок заставлял его дрожать.

— Когда? Только что?

Он кивнул снова. Коготки птички впивались в мою руку, передавая мне страх и горе, которые испытывал Руарт.

— А Тор? — Язык мой внезапно стал неповоротливым.

Руарт пожал плечами. О Торе ему ничего известно не было.

Теперь я знала, что мне делать.

— Слушай меня, Руарт. Эйлса погибла. Я хочу попытаться выбраться отсюда через туннель, по которому поднимается вода, но это может мне не удаться. Тебе придется полететь к Датрику и заставить его атаковать деревню сегодня. — Говоря

это, я уже отрывала лоскут от своей рубашки, потом надрезала палец осколком раковины, который нашла в песке, и кровью написала на лоскутке: «Необх напасть сдня». Возникшая у меня мысль заставила меня нахмуриться. Одного этого недостаточно, чтобы заставить Датрика действовать, нужно указать ему вескую причину. Поэтому я выдавила еще немного крови и приписала: «Чтобы спасти Девзамк». К этому я добавила свой личный знак, которым всегда подписывала донесения Совету. — Остается только надеяться, что Датрик сохранил достаточно доверия ко мне и записка заставит его действовать. Бери лоскуток и отправляйся, Руарт. Если не сможешь найти Датрика, отдай послание любому силву на борту «Гордости хранителей».

Руарт схватил лоскут обеими лапками, и я подбросила его в воздух.

Птичка улетела, а я стала готовиться к подводному путешествию.

Я вылила воду из обоих бурдюков — и того, что принесла Эйлса, и того, что кинули мне стражники, — заполнила их воздухом и крепко заткнула. Пробки я сделала из кусков куртки стражника. Оба бурдюка я связала веревкой и повесила себе на шею. Потом я несколько раз сделала глубокий вдох и нырнула в устье туннеля.

Сначала все шло легко. Бурдюки норовили всплыть, но потолок туннеля этому препятствовал; места было достаточно, чтобы я могла плыть, и сзади проникал свет.

Потом начался кошмар. Туннель сузился, и мое тело перекрыло солнечный луч, падавший сзади. Свет впереди был таким далеким, что казался всего лишь расплывчатым пятном в темноте. Я выдохнула воздух, и пузырьки защекотали мне лицо. Плыть я уже не могла, поэтому ползла, цепляясь за потолок и пол туннеля. Иногда отлив помогал мне, но некоторые волны прибоя оказывались слишком сильными и толкали меня обратно.

А туннель становился все у́же и у́же...

Мне стало трудно обходиться без воздуха. Я как раз достигла сужения туннеля и должна была протискиваться, вытянув вперед руки и проталкивая перед собой бурдюки. Бедра застряли... Я почувствовала, что задыхаюсь. Вытащив затычку из первого бурдюка, я взяла его узкую часть в рот. Сладкая воз-

можность дышать была небесным блаженством. Выдыхала воздух я обратно в бурдюк: воздух был слишком драгоценен, чтобы его терять. Мне предстояло пользоваться им, пока он сможет приносить хоть какую-то пользу.

Протиснуться дальше мне никак не удавалось. Я отчаянно брыкалась и упиралась в скалу ногами, но, продвинувшись еще немного, застряла совсем безнадежно. В панике я попыталась попятиться, но и это мне не удалось. Я оказалась в западне. Паника помутила мой рассудок. Я не хотела такой смерти, не хотела быть обглоданной кровяными демонами...

Я попыталась повернуться на бок, я царапала скалу пальцами, обдирая кожу. Я извивалась, отталкивалась, подтягивалась... и все равно оставалась на месте. Моряки думают, что таков ад: темнота, холод, одиночество и страх. Они называют это Великой Бездной, где нет надежды, но ждут невообразимые ужасы.

Воздух в первом бурдюке стал непригоден для дыхания, и я взялась за второй, хотя понимала, что каждый новый вдох всего лишь отодвигает смерть; я не желала признать, что потерпела поражение.

Потом на меня обрушилась боль — такая резкая и неожиданная, что я не сразу определила ее источник. Щиколотки... от долгого пребывания в воде раны на них открылись, и этим воспользовались кровяные демоны. Выдержать еще и этот ужас — быть съеденной заживо, не в силах дотянуться до своих мучителей и избавиться от них, — я не могла. Мои отчаянные рывки уже не направлялись разумом, но паника неожиданно принесла успех. Я, как пробка, вылетела из каменной ловушки в более широкую часть туннеля. Боль не прекращалась. Она все длилась и длилась, а мне никак не удавалось извернуться так, чтобы оторвать от себя кровяных демонов. Туннель оставался узким, плыть по нему было невозможно, а свет впереди, тусклый и равнодушный, никак не хотел приближаться. Я знала, что воздуха для того, чтобы доплыть до моря, мне не хватит, но я все равно рвалась вперед, надеясь хотя бы добраться до такого места, где смогу оторвать тварей от своих ног.

Боль победила меня. Не знаю, оставался ли еще во втором бурдюке воздух, когда я потеряла его. Разум мой помутился, во мне больше не было ничего, кроме слепой паники. Я открыла рот, чтобы завизжать, — и вдохнула воздух.

Вода всколыхнулась, ударив меня о потолок туннеля. Я захлебнулась, опять попыталась закричать — и снова вдохнула воздух. Под потолком оказалась ниша, в которой скапливался воздух, проникший в туннель вместе с волнами прилива. Я перевернулась на спину, прижалась лицом к камню и сделала несколько глубоких медленных входов.

Ко мне вернулась способность думать. Я поскребла ноги о камень стены и отодрала кровяных демонов. Избавившись от мучительной боли, я смогла действовать разумно. Я перевернулась на живот и стала подтягиваться, цепляясь за стены; по пути я нащупывала углубления в потолке, где тоже скапливался воздух. Теперь я знала, что выберусь на свободу.

Оказаться на поверхности, увидеть свет, вздохнуть полной грудью было бы райским наслаждением, если бы волна тут же не ударила меня об утес. Отлив, может быть, и был моим союзником, но прибой таковым явно не являлся. Дышать теперь я могла, но мне грозила опасность при новом ударе волны разбить голову о скалу. Я сделала единственное, что могло меня спасти, — поднырнула под волну и воспользовалась обратным током воды, чтобы отплыть подальше от берега.

Когда я снова вынырнула, я все еще не выбралась из опасной зоны. Сделав вдох, я опять ушла под воду и на этот раз поплыла наискосок, а не навстречу волнам. В следующий раз я вынырнула уже там, где опасность мне не грозила. Правда, под водой меня нашел кровяной демон, но на этот раз я быстро от него избавилась, сунув в карман своей туники. Теперь мне предстояло доплыть до пляжа...

Я устала. Не спала я уже больше суток, и мне казалось, что я всю свою жизнь сражаюсь с волнами, кровяными демонами и собственными тревогами. Мне, может быть, и удастся выжить, но человека, которого я люблю, сейчас, возможно, рвут на части, а женщину, которая мне дорога, навсегда превратили в олицетворение зла. Мое послание Датрику, мое бегство, этот нескончаемый заплыв... Все это могло опоздать.

Руарт нашел меня, как раз когда я приблизилась к пляжу рядом с деревней.

Отплевываясь, я спросила его:

— Нашел ты Датрика?

Порхая надо мной, Руарт закивал. Он делал еще какие-то странные движения, и я не сразу поняла, что он пытается мне

на что-то показать. Сначала я не могла ничего разглядеть, но, оказавшись на гребне особенно большой волны, наконец увидела... К берегу приближались два парусника, и один из них должен был бросить якорь прямо напротив деревни.

— Хранители? — спросила я Руарта.

Тот закивал.

Два корабля... Так вот чего дожидался Датрик — подкрепления. Ему был нужен не кто-то, обладающий Взглядом, а второй корабль и сочетание ветров и течений, которое позволило бы «Гордости хранителей» покинуть гавань.

Я развернулась и поплыла к ближайшему из кораблей.

Никогда еще я не слышала такого грохота. Никогда в жизни.

Он не был похож на гром, хотя я не знаю, как описать его иначе. Казалось, сам воздух раздирается от земли до небес. Звук был таким громким, что его скорее можно было почувствовать, чем услышать. Ушам стало больно. Вода вокруг меня содрогнулась. Ничего более громкого и более неестественного я никогда не слышала. И все же мне трудно было поверить, что это дело рук человека. Скорее было похоже на божественное вмешательство; я едва не поверила в Бога менодиан, которого призывал Алайн и который дал волю своему гневу.

Я была уже всего в сотне футов от одного из вставших на якорь кораблей — «Гордости хранителей». Оба судна от кончика мачт до ватерлинии были тесно оплетены серебристым мерцанием силв-магии. Вдоль бортов кораблей, обращенных к берегу, плыли клубы дыма. Дым извергали какие-то металлические трубы, торчащие из бортов, — трубы, которых не было, когда я в последний раз видела «Гордость хранителей»... Через мгновение я снова услышала тот же чудовищный рев.

Я продолжала плыть, почти лишившись рассудка от усталости и страха.

Датрик, когда я вскарабкалась по веревочной лестнице, которую бросили мне с корабля, был на палубе. Он даже рот разинул, увидев, кого матросы выудили из воды. Однако Руарта, который скромно уселся на рею, советник не заметил.

Я стояла во все увеличивающейся луже и глядела на кошмарные штуки, которые издавали — и продолжали издавать — весь этот шум. В воздухе висел удушливый запах, почти не ус-

тупавший зловонию дун-магии. Теперь мне было понятно, что хранители так старательно прятали в трюме.

— Сир-силв, — хрипло спросила я, — что это?

Датрик свысока улыбнулся мне.

— Посмотри, Блейз, — сказал он, — посмотри на Крид.

Я посмотрела. Как раз в этот момент снова вспыхнуло пламя, раздался рев, все окуталось вонючим дымом. Палуба под моими ногами содрогнулась. Мне хотелось убежать и спрятаться, но я продолжала, как велел Датрик, смотреть на Крид. И увидела, как стена здания взорвалась. Когда пыль и дым немного рассеялись, я разглядела черную дыру — огромную, в какую мог бы пролезть человек, — в том, что раньше было стеной дома.

Я почувствовала, что кровь отхлынула от моего лица; мне пришлось ухватиться за поручни, чтобы не упасть. Я мало что понимала, но связь между трубами на корабле, издававшими оглушительные звуки, и разрушенной стеной была ясна. Трубы выбрасывали что-то, как лук выбрасывает стрелу, только эти снаряды летели настолько быстро, что я даже разглядеть их не могла. Более того, попав в цель, они причиняли такой урон...

Никогда еще я не чувствовала такой растерянности. Тор, Алайн и Флейм все еще оставались в деревне, и я не знала, как их спасти.

Я повернулась к Датрику:

— Ты пользуешься силв-магией? Но ведь она не может убивать!

Датрик самодовольно покачал головой:

— Это не магия. Такое доступно каждому, кто знает, чем и как воспользоваться.

— Останови их!

— Остановить? Но ты же сама просила, чтобы нападение было совершено сегодня! Кстати, расскажи-ка мне об этой птичке. Дастелец, как я понимаю? Я слышал о них... Ну, так или иначе, ты наверняка имела веские основания требовать нападения.

Я лихорадочно искала доводы, которые заставили бы Датрика остановиться.

— Там Флейм, а она единственная, кто знает, где искать Деву Замка. Это абсолютно точно — она знает, я совершенно

уверена. Более того, — добавила я в надежде, что это убедит Датрика, — скорее всего Дева Замка тоже в Криде.

— У тебя есть доказательства?

— Жизнью своей ручаюсь.

— Знаешь, Флейм пообещала, что передаст в мои руки Деву Замка, если я спасу тебя.

Дерьмо! Ну почему эта безмозглая красотка никогда меня не слушает?

— Ты согласился?

— Нет. Она настаивала на немедленных действиях, а мы еще не были готовы. Кроме того, я уверен, что она лгала. Если бы она знала, где скрывается Дева Замка, она открыла бы это раньше. Ни одна женщина не согласится лишиться руки, лишь бы не проговориться.

Я фыркнула. Где уж тебе понять, толстокожий выродок... Флейм стоит десятка таких, как ты.

На лице Датрика все еще было написано сомнение.

— Поверь мне, Датрик, — сказала я, — Дева Замка в Криде.

Однако во взгляде, который подарил мне советник, было больше подозрения, чем доверия.

— Если я прикажу прекратить атаку, я лишусь преимущества внезапности. Дун-маг может скрыться.

— Разве ты не послал воинов сторожить дорогу по суше?

— Конечно, послал. И лучников, и силвов. Они уже заняли позицию: мы в любом случае собирались напасть на деревню завтра на рассвете. Блейз, если ты хочешь, чтобы я отказался от своего плана, ты должна привести веские основания. И еще более веские для того, чтобы я приказал прекратить обстрел.

— Я же не знала, что ты... ты собираешься уничтожить Крид! И заодно Флейм и Деву Замка! Послушай, Датрик, что тебя тревожит? Даже если дун-маг переживет этот... этот обстрел, он попадет в руки твоих воинов. — То есть попадет, конечно, если не сумеет проскользнуть мимо, воспользовавшись своей магией... — Беда была в том, что Датрик представлял себе все возможности так же ясно, как и я. Поэтому-то он и поставил корабли на якорь вдали от берега и обстреливал Крид с безопасного расстояния. Датрик и так уже потерял слишком много силвов; он не хотел терять их еще. — Дай мне лодку и

час времени, и я привезу Флейм. Если я найду Деву Замка, я привезу и ее. Всего один час без стрельбы — с того момента, когда я высажусь на берег.

Датрик уже открыл рот, чтобы отказать мне...

У меня из-за спины раздался голос:

— Советую тебе сделать так, как она предлагает. — Обернувшись, я обнаружила, что рядом со мной стоит Рэнсом. Он был бледен, но решителен. — Не сомневайся в моей благодарности, сир-силв.

Намек, содержавшийся в словах наследника, был совершенно ясен, и я увидела, что Датрик задумался. Возможностью еще больше привязать к себе будущего владыку Бетани не следовало пренебрегать... Советник бросил пристальный взгляд на Рэнсома, потом повернулся ко мне и кивнул. Короткий приказ — и стрельба прекратилась. Сигнальщик замахал флагами, передавая тот же приказ и второму кораблю. Жуткий рев, казалось, переворачивал весь мир вверх ногами, и установившаяся тишина оглушила меня.

— Я отправлюсь на лодке вместе с тобой, — сказал мне Рэнсом, — и подожду тебя на берегу.

Я кивнула; я была слишком удивлена и слишком устала, чтобы испытывать благодарность. Впервые Рэнсом проявил настоящую храбрость; похоже, он так нуждался в Флейм, что это придало ему твердости. В лодке, которая везла нас к берегу, он только спросил меня, все ли с Флейм в порядке; несмотря на все старания казаться спокойным, дрожь в голосе выдала его истинные чувства.

— Не знаю, — ответила я. — Кажется, дун-маг снова наложил на нее заклятие. Если это так, тебе придется заставить Датрика приказать своим силвам исцелить ее, пока не поздно. Флейм теперь не сообщит советнику того, что он хочет знать, так что уламывать его придется тебе. Это будет нелегко.

Рэнсом кивнул, и его губы сжались в тонкую линию. Датрику придется плохо, если он заупрямится... Кажется, Рэнсом наконец-то повзрослел.

Я наклонилась и зашептала ему на ухо, чтобы шестеро силвов, сидевшие на веслах, ничего не услышали:

— Что это за ужасные штуки, которыми хранители разрушают Крид?

Рэнсом тоже ответил шепотом, явно довольный, что может похвастаться знаниями:

— Они называют их пушками. Хранители подносят запал к черному порошку внутри ствола, и он взрывается. — Рэнсом озадаченно пожал плечами. — Я на самом деле не понимаю, как это происходит. Как бы то ни было, взрыв выбрасывает из ствола каменное ядро и заставляет его лететь по воздуху.

Я посмотрела на корабль, потом перевела взгляд на берег.

— Все это расстояние — через море до самого Крида? И неужели какие-то каменные шары могут причинить подобные разрушения? — В рассказ Рэнсома поверить было трудно, но придумать лучшего объяснения тому, что я видела, я тоже не могла.

— Некоторые из этих... как их... снарядов сделаны из железа и начинены тем же черным порошком, да еще и гвоздями. Когда они попадают в цель, они взрываются.

— Взрываются?

— Так по крайней мере говорил мне Датрик. Они вроде как лопаются, наподобие бешеных огурцов, когда те созреют. Только эти штуки не семена разбрасывают, а огонь и железо. От них получается очень большой ущерб. — Рэнсом вздрогнул, глядя в сторону корабля: все пушки, казалось, были нацелены в нашу сторону.

— А что это за черный порошок?

— Не знаю. Хранители держат это в тайне, но мне удалось узнать, откуда они его — или его составные части — получают. С островов Брет. Я как-то подслушал разговор силвов.

Брет. Черный порошок, который заставляет пушки реветь и выбрасывать ядра. Пушки настолько важны для хранителей, что они охраняют их и окружают магической защитой, как государственную сокровищницу. Пушки, которые могут разрушать здания на большом расстоянии. Пушки дают силу и власть. И хранители в нарушение всех приличий мечтают вручить властителю Брета Деву Замка, чтобы он был им благодарен.

Все части головоломки заняли свои места.

Теперь я знала, почему Датрик хочет завладеть Девой Замка любой ценой.

Я оставила Рэнсома у лодки на берегу под охраной сопровождавших нас силвов. Я не сомневалась, что если наследни-

ку будет угрожать хоть малейшая опасность, его быстро переправят обратно на «Гордость хранителей», захочет он того или нет, а мне будет предоставлена полная возможность выкручиваться самой.

Подходя к деревне, я не представляла себе, чего ожидать. Пока мы добирались до берега, хранители продолжали обстреливать Крид, и все жители сидели в укрытиях. Датрик сдержал слово: как только я высадилась на берег, стрельба прекратилась. Я осторожно пробиралась к первым домам, прячась за садками для устриц, сваленными на песке. Руарт летел впереди, показывая мне безопасный путь.

— Ты знаешь, где искать Флейм? — спросила я.

Руарт опустился на садок, обернулся ко мне и покачал головой.

— В таком случае нам лучше разделиться. Если найдешь ее ты, прилетай за мной. — Мы добрались до первой улицы, и я показала направо. — Я пойду в ту сторону. — Руарт кивнул и полетел налево.

Кругом были развалины. В стенах и крышах многих из красивых белых домов зияли дыры, а некоторые из них горели. Я видела вокруг раненых и убитых — в основном рабов. Воздух был полон пыли и перьев — перья были всем, что осталось от чьего-то курятника. Рабы беспорядочно метались по улицам; дун-маги отдавали им противоречивые приказания. На меня никто внимания не обращал: думаю, я выглядела так же, как и большинство рабов — со слипшимися от морской воды волосами, в рваной тунике, с лицом, осунувшимся от усталости и тревоги. Я была босой, но это меня не беспокоило: большую часть своей жизни я обходилась без обуви.

Я схватила за плечо раба, который попался мне навстречу. Чтобы коснуться его, мне пришлось сделать над собой усилие: магические узы, делавшие его покорным злым колдунам, издавали жуткое зловоние.

— Что случилось? — спросила я.

Он начал ломать руки:

— Не знаю! Дома начали рушиться! Говорят, хозяин оказался под развалинами. — Он показал на здание, в котором располагалась камера пыток.

Это меня не слишком обрадовало. Тор, возможно, находился там же.

— Где пленник, обладающий Взглядом? И где силв с Цирказе?

Этого раб не знал и начал бросать на меня настороженные взгляды. Я сочла за лучшее отойти от него. Мне было известно, что никто из рабов не станет мне помогать, скорее наоборот. Если я вызову у них подозрение, они позовут кого-нибудь из дун-магов.

Я принюхалась, пытаясь уловить благоухание силв-магии; это было нелегко сделать в месте, провонявшем ее противоположностью — дун-магией. Когда это ничего не дало, я решила проникнуть в дом, где находилась столовая: он оставался цел. Я обнаружила свой меч по-прежнему над троном Мортреда, и чтобы завладеть им, мне не потребовалось и секунды. Меч Тора я тоже захватила с собой. Тут мне повезло: в пустой комнате я сумела поймать дуновение чистого запаха силв-магии. Он почти заглушался миазмами злого колдовства, но все же сомнений у меня не возникло. Значит, Флейм должна быть где-то поблизости.

В глубине дома располагались личные покои Мортреда. В них никого не было видно. Я переходила из комнаты в комнату, ориентируясь по запаху силв-магии.

Без помощи Взгляда я никогда не нашла бы Флейм. Она оказалась в угловой комнате — спальне Мортреда. Одно из проклятых ядер Датрика снесло угол здания, стена из ракушечника превратилась в белую пыль, и мебель в комнате была разбита в щепки. Пыль висела в воздухе, как взбаламученный волнами ил, дышать тут было трудно. Однако я заметила серебристо-голубой проблеск.

Под грудой обломков я нашла Флейм.

Она была в сознании, хотя и пережила шок. Я разгребла мусор и осторожно стряхнула с нее пыль, ожидая увидеть искалеченное тело. Не обнаружив ни ран, ни переломов, я побоялась поверить себе и внимательно осмотрела ее еще раз. Потом я решила, что ее оглушило взрывом, который, должно быть, швырнул ее на другой конец комнаты. Однако нельзя было сказать, что Флейм осталась невредимой: вред был причинен ей еще до того, как в дом попало ядро. На горле Флейм багровело зловещее клеймо дун-магии.

Флейм начинала приходить в себя и даже слабо улыбнулась мне, хотя в глазах ее все еще стоял ужас.

Я опустилась рядом с ней на колени; горло у меня перехватило. Трудно было вообразить, сколько храбрости ей понадобилось, на что она готова была пойти, чтобы спасти нас с Тором.

Прошло несколько секунд, прежде чем я смогла говорить:

— Ах ты, свихнувшаяся тупоголовая идиотка! Ты что же думаешь — я вытащила тебя из того багрового дерьма только ради того, чтобы ты снова в него вляпалась? По доброй воле?

— Попытаться стоило. Датрик не захотел помочь... Я ведь уговаривала его. Только он сказал, что сразу же напасть на Крид не может. Вот я и стала сама...

— Клянусь всеми богами, Флейм! — Я помогла ей сесть и обхватила за плечи. — Ты только посмотри, чем это кончилось, — и на этот раз уже не прибегнешь к ампутации. Может, ты всю жизнь мечтала разгуливать, держа голову под мышкой?

— Тебе в следующий раз в постели было бы мало прока от Тора, если бы я не явилась в Крид. Признай хоть это мое достижение.

— Может быть, его уже все равно искалечили... — Эта возможность так меня пугала, что для благодарности не осталось места.

Флейм покачала головой. Тоска в ее глазах разрывала мне сердце.

— Нет. Мортред ждет, чтобы это сделала я — сделала по собственной воле, — как только превращение состоится. Он наслаждался, говоря мне об этом, — так он себе представляет развлечения. Тор где-то в целости и сохранности.

Не могу и сказать, какое облегчение я испытала.

— А ты не знаешь, где он?

Флейм покачала головой.

Я помогла ей подняться на ноги:

— Можешь идти?

— Наверное... Я только плохо соображаю. Что случилось?

— Расскажу потом. А сейчас я отправлю тебя к хранителям. — Я показала на новое магическое клеймо на ее горле. — Рэнсом заставит их избавить тебя от этого.

В глазах Флейм блеснула надежда.

— Думаешь, на этот раз они согласятся?

— Пусть только попробуют отказать! Я своими руками искрошу их на кусочки. Начиная с Датрика, — мрачно сказала я. —

Хватит с меня вежливых просьб. Так или иначе, давай выбираться отсюда.

— Ох, я же не смогу! Мортред опять наложил на комнату заклятие.

Я усмехнулась:

— Должно быть, чары были наложены и на угол здания, только его больше нет. — Я показала на остатки стены. На ней мигали алым остатки дун-магии, но помешать нам вылезти в дыру они не могли бы.

— Заклятие потеряло силу? — Флейм не могла поверить в такую удачу. — Просто потому, что стена развалилась?

— По-видимому. Поверь мне, нет ничего, что помешало бы тебе пролезть в дыру. Пошли. — Я взяла ее за руку и помогла перебраться через кучу обломков. Однако, выглянув в дыру, я увидела поблизости дун-мага, отдающего какие-то приказания рабам. Я поспешно вернулась в глубь комнаты. — Придется только немного подождать.

— Да что все-таки случилось? Что это был за шум? И где Мортред?

— Как я слышала, засыпан под каким-то рухнувшим зданием. Хранители все-таки нанесли удар. Попроси Рэнсома рассказать тебе все подробности.

— Но что насчет Тора?

— Попытаюсь его найти. — Я вспомнила, что собой представляют многие дома, и ужаснулась: он ведь мог погибнуть... Надежда погасла во мне так же быстро, как и вспыхнула.

— Я могла бы помочь...

— Не говори ерунды. Ты едва держишься на ногах. — Я и сама была не в лучшей форме, но меня по крайней мере не засыпало обломками при взрыве и я не страдала от яда дун-магии. — Тебе нужно как можно скорее избавиться от заклятия. Чем меньше пройдет времени, тем меньше будет ущерб; для исцеления понадобится меньше усилий, и Датрика будет легче уговорить. — Я была раздражена, как потревоженный краб, но заставила себя добавить более мягко: — Флейм, ты сделала достаточно. Теперь моя очередь. Я до сих пор только и делала, что прохлаждалась то в одной темнице, то в другой. — Я ласково провела рукой по волосам Флейм. — Ты и так вытерпела более чем достаточно.

Взгляд Флейм против ее воли скользнул в сторону кровати.

— Ничто не может осквернить твою внутреннюю сущность, — поспешила я добавить. — Если только ты сама на это не согласишься.

— Да, я знаю. Ты мне это показала своим примером. Только... было очень трудно.

Я кивнула. Флейм взяла меня за руку, и мы с пониманием посмотрели друг на друга, стараясь не вспоминать вещи, которые лучше было забыть. Чириканье, раздавшееся у дыры в стене, вернуло нас к реальности.

— Руарт! — воскликнула Флейм, и птичка уселась ей на плечо.

Я отвернулась; белокурая головка Флейм склонилась к Руарту, и они начали разговаривать между собой. Не нужно было понимать птичьего языка, чтобы догадаться: сейчас третий был тут лишним.

Неподалеку раздался грохот: один из горящих домов рухнул, подняв столб искр. Я выглянула в дыру и обнаружила, что улица пуста.

— Пошли, — поторопила я Флейм.

Мы с Флейм вылезли в дыру, Руарт вылетел следом, и мы направились к пляжу. В царящей неразберихе никто не обращал на нас внимания.

Я отвела Флейм к лодке и передала ее на попечение Рэнсома. Когда я сказала наследнику, что не собираюсь возвращаться с ними вместе на корабль, он только равнодушно пожал плечами; не он, а один из хранителей предупредил меня о том, что я, впрочем, и так знала:

— Сир-советник прикажет возобновить обстрел, как только увидит, что цирказеанка в безопасности.

Я кивнула:

— Ничего другого я от него и не ожидала. — Мой сарказм не произвел никакого впечатления: хранители-силвы все как один считали Датрика непогрешимым...

Глава 24

Не успела я вернуться в Крид, как случилось новое событие. Приспешникам Мортреда удалось найти своего господина, и они принялись откапывать его из-под завала. Мортред ничуть не пострадал. Судя по тому, как шипел он на своих под-

ручных, он вообще не нуждался в их помощи и освободился сам, пользуясь собственной силой.

Спрятавшись за руинами дома, я издали наблюдала за Мортредом. Он, пошатываясь, выпрямился во весь рост, и рабы кинулись отряхивать его от белой ракушечной пыли. Мортред прорычал несколько приказов; по вспышкам багрового сияния было видно, в какой он ярости. У меня невольно возникла мысль, что этому выродку, должно быть, благоволит какое-то божество.

Я старалась не попадаться никому на глаза и гадала, что же мне делать.

Пока я могла только слушать, как Мортред кричит на рабов. Один из бывших силвов показал Мортреду на корабли хранителей и, по-видимому, высказал предположение, что нападение совершили они. Как и следовало ожидать, Мортред решил, что хранители используют силв-магию, хотя (как и я) мог бы знать, что такое невозможно. Как я уже говорила раньше, силв-магия не обладает разрушительной силой.

Должна признать, что положение Мортред оценил мгновенно. Он внимательно взглянул на корабли, и у меня сердце ушло в пятки: может быть, вернувшаяся к нему сила позволит ему просто вышвырнуть корабли из воды? Ведь передо мной был тот самый злой колдун, который погрузил на дно моря Дастелы... Впрочем, похоже, Мортред вспомнил, чем подобное действие может для него кончиться, потому что, отвернувшись от кораблей, стал отдавать приказания о том, кому и куда отступать из Крида. Он явно хотел уменьшить потери. Я прислушивалась — не упомянет ли Мортред Флейм, или Тора, или меня, но мы, похоже, его сейчас не занимали. Мортред приказал рабам спасать то, что считал ценным, и я увидела, как рабыни стали заворачивать в яркие ковры с Мекате рулоны ибаанского шелка, а другие — запихивать пуховые подушки в инкрустированные перламутром сундуки. Когда одна из них уронила шкатулку с драгоценностями, из нее посыпались резные костяные ожерелья с янтарем...

Пока рабы собирали вещи, Мортред отправил нескольких дун-магов на разведку в окрестности деревни, а другим велел пробираться в Гортанскую Пристань: если бы им это удалось, они должны были заклятиями подчинить себе капитанов нескольких кораблей. Этот человек не собирался ни просить, ни

покупать то, что ему нужно: он просто брал. Ему нужны были корабли для бегства, и он намеревался их получить. Другое дело, удалось бы дун-магам прорваться мимо засевших в дюнах силвов или нет...

Больше мне ничего не удалось подслушать: Мортред ушел в одно из уцелевших зданий.

Я была в растерянности, не зная, как мне, во имя всех медуз, найти Тора; ведь идти по следу силв-магии, как я сделала с Флейм, я не могла.

Подумав немного, я решила, что самым лучшим способом будет самый дерзкий. Я спрятала мечи, выбрала одного из дун-магов, которого вроде бы раньше не видела (а потому могла надеяться, что и он не знает меня в лицо), и подошла к нему с тем подобострастным видом, с каким держались рабы.

— Сир-маг, главный господин велел мне найти того пленника, что обладает Взглядом, если он еще жив, но я не знаю, где его искать...

Дун-маг даже не взглянул на меня: я была рабыней, а потому недостойна его внимания. Сухо усмехнувшись, он ответил:

— Тебе повезет, если удастся его найти, — пленник оставался связанным в камере пыток. — Он махнул рукой в сторону разрушенного здания и ушел следом за Мортредом.

Я забрала мечи и отправилась на разведку. В конце концов найти Тора оказалось нетрудно. Рухнула только верхняя часть здания, а подвал, где содержался Тор, почти не пострадал. Я проскользнула внутрь через одно из окон, находившихся на уровне земли, и оказалась в камере пыток. Тор был привязан к скамье, но кто-то явился, чтобы его освободить, раньше меня.

Это был старик, худой как скелет, с синеватым испитым лицом, говорившим о том, что смерть его близка, и похожей на растрепанную паклю бородой. Он был в рваной одежде, которая когда-то была черной, от него воняло, и хотя менодианского медальона на нем не было, я сразу поняла, что вижу перед собой патриарха.

— Алайн! — сказала я. Можно было догадаться, что патриарх не останется в укрытии, как только хранители принялись разрушать Крид.

Он кивнул и через силу улыбнулся:

— А ты, должно быть, Блейз. Ты именно такая, какой я тебя представлял. Ах, у тебя есть меч... Не можешь ли ты разрезать веревки? Мне никак не удается их развязать.

Я нерешительно приблизилась к скамье, боясь увидеть искалеченного Тора.

Однако Тор встретил меня улыбкой, той самой редкостной улыбкой, которая говорила, что он еще способен смеяться над жизнью, что ей не всегда удается лечь на его плечи тяжким грузом.

— Ах, любимая, может быть, ты сможешь просветить нас обоих: что там происходит? Алайн вот утверждает, что это — божье наказание за грехи дун-магов. Я же придерживаюсь более прозаических взглядов. По-моему, Бог обычно не позволяет себе таких резких выражений неодобрения, хотя, может быть, и хотел бы.

Я кратко рассказала им, что произошло, разрезала веревки, и Тор вскочил на ноги. Новости он воспринял без особого удивления, а выводы сделал такие же, как и я.

— Значит, этим и объясняется интерес хранителей к Деве Замка, а? Как я вижу, ты принесла мой меч. Это хорошо. А о том, почему ты выглядишь как жертва кораблекрушения, ты мне расскажешь как-нибудь потом... — Он с нежной заботой коснулся моей щеки. — Где Флейм?

— На корабле хранителей. Но Эйлса погибла, как ты, может быть, догадался.

Больше мне рассказать ничего не удалось. Донесся далекий грохот, и через секунду земля дрогнула. Датрик не стал надолго откладывать продолжение обстрела. Он дождался прибытия Флейм, но явно не особенно рассчитывал на то, что мне удастся найти Деву Замка.

— Давайте выбираться отсюда, — жизнерадостно предложил Тор.

Мы подсадили Алайна, вылезли через окно следом за ним и побежали, пригибаясь, к окраине деревни.

— Если мы попытаемся уйти через дюны, — выкрикнула я предостережение, — нас могут подстрелить лучники Датрика. — Рев пушек доносился до нас приглушенно, но вокруг раздавались вопли растерянных людей, грохот рушащихся зданий, удары ядер... Мне казалось, что весь мир обезумел. — Не лучше ли вплавь добраться до «Гордости хранителей»?

— Мне ни за что не доплыть... — начал Алайн. Я оглянулась на него, и вдруг его рядом не оказалось. Алайн кувыркался в воздухе, как тряпичная кукла, подброшенный какой-то невидимой силой. В ту же секунду мы с Тором отлетели назад, подхваченные ураганом воздуха и пыли, как бабочки в зимнюю бурю. Оглушенная, я растянулась на земле, ловя ртом воздух, парализованная шоком. Тор пришел в себя раньше меня; он кинулся к Алайну, опустился перед ним на колени и взял старика за руку. Когда Тор поднял глаза, на лице его было написано изумление.

— Он мертв, — без всякого выражение прошептал он. — Вот так просто... — Тор обратил на меня растерянный взгляд. — Что же это за оружие такое, Блейз? — Ответа от меня он не ожидал; его не интересовали технические подробности, он хотел понять суть и знал, что я помочь ему в этом не смогу.

Шатаясь, я поднялась на ноги, стараясь не смотреть на Алайна. Меня тошнило. У Алайна больше не было ног. У него вообще ниже пупка ничего не было...

— Нужно отсюда уходить, — сказала я.

— Я хочу помолиться за усопших, за Алайна.

Я не верила собственным ушам.

— Тор, мир рассыпается в пыль вокруг нас, а ты собрался молиться?

— Для него это очень много значило бы, — просто сказал Тор.

— Тор, но он же мертв!

— Блейз, было время, когда мы с Алайном были очень близки. Я должен это для него сделать.

Я развела руками:

— Да спасет меня Бог от идиотов! — Мне хотелось рассердиться, но перед моими глазами стояла Эйлса, тело которой я прижимала к себе. Теперь я поняла, что люди никогда не ведут себя рационально, когда дело касается смерти. В такие моменты мы оказываемся лицом к лицу с той хрупкой преградой, которая отделает нас от собственной кончины...

Я заглянула за угол ближайшего дома и увидела перед собой настоящий ад. Обстрел Крида разрушал деревню до основания. Люди умирали — по большей части рабы, многие из них совсем еще юные, дун-маги, бывшие силвы. Когда я посмотрела назад, в сторону дюн, то увидела, как из деревни бегут,

унося какие-то вещи, другие рабы и как их расстреливают из арбалетов засевшие на вершинах воины Датрика. Серебристо-голубое сияние силв-магии осеняло их кружевной завесой. Мне показалось, что я заметила Мортреда, нанесшего удар по защите силвов. Багрово-красное столкнулось в серебристо-голубым, вспыхнул яркий свет, посыпались искры... я не смогла разглядеть, устояла ли защита хранителей. Я перевела взгляд на море. Два корабля, которым не грозило ответное нападение, подошли ближе к берегу. Они обрушивали на нас смерть с полным безразличием к тому, кто гибнет под их обстрелом.

У моих ног упал раб, по лицу которого струилась кровь. Я застыла на месте, потрясенная, дрожащая. Рабы несли самые большие потери. Находясь под действием заклинаний, они утратили чувство самосохранения. Они даже не прятались в укрытия, продолжая делать то, что им было приказано. Я чувствовала себя бессильной. Я хотела сражаться, но не знала с кем.

Тут рядом со мной снова появился Тор. Он, не обращая внимания на опасность, видел перед собой только бойню.

— Да проклянет их Бог, — сказал он тихо. — Да проклянет Бог их всех. — Я не знала, имеет ли он в виду хранителей или дун-магов; может быть, он думал и о тех, и о других. Тор наклонился к лежащему у моих ног рабу и попытался оттащить его к ближайшей стене, которая обещала хоть какую-то защиту. — Блейз, я не могу уйти, — сказал он мне. — Этим людям некому помочь. Некоторые из них истекут кровью, если их не перевязать, а ведь они никому не причинили зла.

Мне хотелось крикнуть ему: «Это не наше дело!» Разве мы не пережили достаточно? Я мечтала об отдыхе. Меня уже просто тошнило от этого всего...

Тор даже не заметил того, что я колеблюсь. Он засунул меч за пояс и направился к рабыне, упавшей посередине улицы; женщина пыталась спрятаться под своей рваной юбкой... Внезапно нас окутала странная тишина. Пушки замолчали, ядра больше не разрушали дома, даже крики постепенно стихли. До меня доносился лишь гул огня пожаров, тихий стон из ближайшего дома, жалобные рыдания какой-то девочки... Тор, казалось, не заметил перемены.

— Блейз, ты не знаешь, где можно найти воду?

— Постараюсь принести, — тупо ответила я. Я не хотела там оставаться. Во мне не было такого, как у Тора, сочувствия к страждущим: я всю свою жизнь была окружена нищими и угнетенными. Я давно усвоила, что если хочешь оставаться в живых, нужно бороться, а не делать из себя мученика. Я не хотела умирать в этом сумасшедшем доме дун-магии и смерти. И все же уйти я не могла. Не могла, пока там оставался Тор.

Так что я осталась.

Впрочем, никакой воды я ему не принесла. Я как раз нашла колодец и наполнила ведро, когда, повернувшись, оказалась лицом к лицу с Мортредом и несколькими бывшими силвами-хранителями. Мортред был безоружен, но его телохранители вооружены до зубов. Сначала Мортред, кажется, не поверил, что видит перед собой меня. Когда же он понял, кого видит, он пришел в такую ярость, что даже забыл, что его магия бессильна против обладающей Взглядом: он прибег к заклинанию. Магический удар не причинил мне вреда, но исходящее от Мортреда зло я ощутила. Поняв свою ошибку, Мортред натравил на меня своих бывших силвов, и через мгновение я уже сражалась за свою жизнь; сталь яростно ударяла о сталь, бешеная пляска нападения и защиты скоро должна была лишить меня сил... Я могла только раз за разом отражать удары.

На самом деле спас меня сам Мортред. Почти обезумев от злости, он все творил и творил заклинания, словно надеялся, что защита, которую мне дает Взгляд, даст трещину. Вместо этого он запутал и ослабил своих приспешников, потому что чары, безопасные для меня, на них действовали. Пользуясь этим, я убивала бывших силвов одного за другим.

Повернувшись наконец к Мортреду, я увидела такое, что потрясло меня. Я поняла, что вижу перед собой зарождение того кошмара, который он, должно быть, когда-то обрушил на Дастелы. Лицо Мортреда светилось багровым светом, и его сила, хотя еще и не достигшая прежних размеров, казалась особенно устрашающей из-за проглядывавшего в глазах колдуна безумия. Именно это дьявольское помрачение рассудка столетие назад сделало невозможное возможным. Я знала, что если Мортреду не помешать, настанет день, когда он снова обретет такую силу.

Я кинулась к нему с поднятым мечом, но он оказался слишком прытким. Мортред окликнул оказавшегося рядом раба, и тот заслонил колдуна, а потом с безумной яростью накинулся на меня, норовя разорвать на части голыми руками. Я попыталась отогнать его мечом, но заклинание совсем лишило его рассудка. Когда я случайно ранила его в руку, он словно не заметил, — упав на землю, продолжал пытаться схватить меня зубами. Пришлось сильно ударить его ногой по подбородку — только тогда он угомонился. Впрочем, разницы для меня это не составило: на смену тому рабу прибежал другой, которого магия заставила искать смерти от моего меча. Мортред все время следил за происходящим, метался по улице и науськивал на меня все новых рабов и рабынь. Он знал, что делает: в его силах было натравить на меня десятка два бедолаг, и они задавили бы меня просто числом. Однако даже в том кошмаре, который тогда царил в Криде, Мортред стремился к другому: он хотел заставить меня страдать. Он прекрасно знал, как ненавистна мне необходимость уничтожать невинных, видел, как стараюсь я не убивать и не калечить, — и смеялся, видя мое отчаяние.

Я могла думать только о том, что пока Тор спасает жизни, я их отнимаю.

Тут я заметила руку Мортреда — его левую руку. Три уцелевших пальца скрючились, хотя только что были прямыми. Даже отбиваясь от рабов, я все же успела подумать о том, что бы это могло значить. Что говорили о Мортреде Безумном старые легенды? Он захотел слишком многого, слишком напряг силы, и это на время исчерпало его магический дар. Я ведь и сама предположила, что причиной его уродства стала его собственная неуправляемая магия: она искалечила его тело подобно тому, как сейчас искривила пальцы. Мортред слишком щедро тратил силы, и магия начинала выходить из-под контроля...

Идея, возникшая у меня, была рождена отчаянием и изнеможением. Я убивала людей, которые не заслуживали смерти, и выносить этого я больше не могла.

— Зачем ты так поступаешь? — крикнула я Мортреду. — Ведь это не я уничтожаю твою деревню и твоих людей. Виноваты хранители — вон их корабли! — Я показала на суда, четкими силуэтами рисовавшиеся на темнеющем море. Обстрел

прекратился, но я не стала обращать внимание Мортреда на это обстоятельство. — Почему ты не используешь свою магию против них? Или ты так слаб, что потопить пару кораблей тебе не по силам? А ведь когда-то ты отправил на дно морское целый архипелаг — Дастелы! Что с тобой, Мортред? Я-то думала, что ты самый великий из дун-магов! — И так далее. Подобные насмешки не тронули бы человека в здравом рассудке, но Мортред уже перешагнул границу безумия. Да, он оставался сообразительным, да, он оставался хитрым; но разум изменил ему, когда он увидел, как все, ради чего он трудился, высыпается у него между пальцев, словно песок. Силвы, на превращение которых в себе подобных он потратил столько сил, умирали вокруг него... Теперь Мортред был во власти собственного безумия.

Он сделал то, что я предложила. Бросив приказ двоим бывшим силвам разделаться со мной, он повернулся к кораблям хранителей и обрушил на них всю свою мощь.

Я похолодела. Что, если магическая защита кораблей окажется недостаточной? Защищены они были, я собственными глазами видела серебристо-голубую филигрань, которая затягивала их от верхушек мачт до ватерлинии, — но что, если этого окажется мало? Что, если я ошиблась и Мортред вовсе не растратил магическую силу? Если мой расчет неправилен, то и хранители, и Флейм могут погибнуть. Тот факт, что три пальца Мортреда снова скрючились, едва ли можно было считать несомненным доказательством того, что колдун теряет власть над собственными заклинаниями. Я поставила на кон жизни других людей... Будь у меня время подумать, я никогда не стала бы так дразнить Мортреда. Я никогда не рискнула бы столькими жизнями, в том числе жизнью Флейм, всего лишь на основании догадки. Даже теперь я иногда просыпаюсь по ночам в холодном поту, представляя себе, как мал был шанс выиграть... и гадая: сделала ли я это, просто чтобы спасти себе жизнь? Может быть. Я не знаю. Когда на тебя наваливаются усталость и страх...

Всего, что потом произошло, я не видела. Я была слишком занята, отражая атаки бывших силвов. Однако видела я достаточно: буро-красное сияние, становившееся все более ярким, охватило Мортреда, потом поток зловонного пламени устремился по воде к кораблям, как раздуваемый ветром лесной по-

жар. Мортред творил то, на что не был способен ни один другой дун-маг или силв: он метнул свою мощь прочь от себя, нанес удар с далекого расстояния. Со все возрастающим ужасом я вспомнила о том, что проплыть от одного конца Дастел до другого можно было не меньше чем за неделю, а ведь Мортред отправил их на дно одним ударом...

Из-за того, что эти мысли отвлекли меня, я получила рану в руку; мне пришлось повернуться спиной к кораблям и сосредоточиться на том, чтобы не позволить себя убить. Одного из своих противников я довольно скоро уложила, говоря себе, что в отличие от рабов осквернённым силвам лучше умереть, но второй...

Второй оказался искусным фехтовальщиком, и только то преимущество, которое давал мне калментский меч, сохраняло мне жизнь. Бывший силв наносил серии быстрых ударов, которые я еле успевала отражать, и каждый раз использовал новый прием. Рано или поздно найдется такой, который мне незнаком... да и усталость давала себя знать.

Однако удача отвернулась от приспешника Мортреда: он споткнулся о тело одного из убитых мной рабов. Этой маленькой заминки мне хватило, чтобы отбить его меч в сторону и вонзить собственный клинок ему в сердце.

Я оглянулась, ища взглядом Мортреда, — и обнаружила, что он исчез. Я кинулась бежать вдоль улицы. Уже стемнело, но все же я разглядела впереди багровый силуэт — сгорбленный человек припадал на изуродованную ногу; следом за ним тянулись ржаво-красные остатки его собственных заклинаний, словно слизь, оставляемая морским пони. Я побежала за ним следом.

На бегу я все-таки сумела взглянуть на корабли хранителей. Они, благодарение богам, никуда не делись, хотя «Гордость хранителей» лишилась одной мачты, а у второго судна горели паруса. Значит, силы Мортреда хватило, чтобы проникнуть сквозь магическую защиту. Впрочем, у меня на глазах матросы-хранители перерубили канаты, удерживающие горящий парус, и он рухнул в море, не причинив вреда. Я выиграла, хоть и была на грани поражения. Какая-то часть моего сознания все время отказывалась верить, что заклинание Мортреда поразит корабли, и теперь наступила реакция: меня начало тряс-

ти. Гибель была так близка! Если бы Мортред чуть лучше владел собой...

Не будь я такой усталой, может быть, мне и удалось бы поймать Мортреда. Только все мои раны болели, а мышцы просто молили об отдыхе.

Мортред бежал на восток от деревни, к прибрежным дюнам. Я подумала, что, может быть, сумею загнать его в ловушку: мне помнилось, что в том направлении лежал залив, на берегу которого меня пытали его подручные. Я не ошиблась, но Мортред знал, что делает. К тому времени, когда я вскарабкалась на вершину дюны, нависавшей над пляжем, Мортред был уже вне досягаемости. У кромки воды кто-то ждал его с нагруженным припасами морским пони — какой-то коротышка. Домино? Морской пони плыл в океан с двумя седоками на спине. Дун-магия все еще ярко сияла вокруг Мортреда, и в этом свете я смогла хорошо его разглядеть. Правая сторона лица колдуна не была уже таким образцом красоты, как раньше: его черты, казалось, потекли и сплавились друг с другом. Несмотря на то что я потерпела поражение, я испытала чувство триумфа: безумие заставило Мортреда совершить одну и ту же ошибку дважды, как я и надеялась. Он потратил слишком много сил; когда он это понял, ему не оставалось ничего, кроме бегства. Конечно, такое увечье не шло ни в какое сравнение с тем, к чему привело затопление Дастел, но все-таки новый вызов Райским островам Мортред сможет бросить теперь не скоро. По крайней мере я на это рассчитывала.

Я стояла, глядя, как морской пони со своими седоками исчезает в сгустившихся над морем сумерках. Постепенно чувство победы растаяло, сменившись разочарованием, ощущением того, что дело не закончено.

Я повернулась и двинулась, хромая, обратно в деревню.

Там всюду были хранители — настоящие, не осквернённые силвы. На то, чем они занимались, не было приятно смотреть. Хранители обшаривали дома в поисках дун-магов, настоящих и бывших силвов, а найдя, убивали. Те, конечно, отбивались. По всей деревне и на окружающих ее дюнах я то и дело замечала вспышки багрового или серебристо-голубого пламени. Хранители не были неуязвимы, и некоторые из них гибли.

Одной из первых мне повстречалась Маллани, та самая беременная женщина, что приходила ко мне, чтобы узнать о будущем ребенке... Я была поражена, увидев ее: живот ее, казалось, стал еще больше, выглядела Маллани измученной.

— Ради всех островов, что ты здесь делаешь? — воскликнула я. — Это же опасно! Тебе следует лежать.

— Датрик велел мне отправляться на берег, — сказала она дрожащим от страха голосом. — Раз я на службе у Совета, беременность ничего не значит. На первом месте должна быть служба...

— Выпустил, как каракатица, чернильное облако! — бросила я. Я была зла, как попавшаяся на крючок рыба. — Здесь слишком много багровой скверны — это может повредить твоему малышу, да и дун-магов еще не всех перебили. Я отправлю тебя сейчас обратно на корабль. — Я огляделась и увидела на главной улице Датрика. Он отдавал приказы подчиненным, и его длинное аристократическое бесстрастное лицо не выражало ни жалости, ни сочувствия к умирающим.

Я двинулась к нему, схватив за руку упирающуюся и протестующую Маллани.

Датрик заговорил прежде, чем я успела открыть рот. Он требовательно спросил:

— Ты знаешь, что случилось с главным дун-магом?

Я рассказала ему о том, что видела. Датрик стал смотреть в море, но к тому времени уже совсем стемнело, и посылать корабль на поиски было бессмысленно. Губы советника сжались в тонкую линию.

— Еще один твой промах, полукровка. Если ему удастся добраться до Гортанской Пристани, он может захватить корабль и отправиться куда угодно. Не слишком-то ты преуспела во всем этом деле.

Я с безразличием пожала плечами. Неудовольствие советника больше не могло ни задеть, ни огорчить меня. Датрику никогда больше не удастся заставить меня чувствовать себя неуклюжим подростком.

— Как Флейм? — спросила я, все еще стискивая запястье Маллани, чтобы не дать ей сбежать.

— Поправляется. Мы избавили ее от скверны дун-магии — она еще не успела сильно распространиться. Надеюсь, Флейм

окажется достаточно благодарной и откроет нам, где искать Деву Замка. В конце концов, мы спасли ее уже во второй раз.

Я подумала: напрасно Датрик рассчитывает на успех. Да благословит Бог Рэнсома! Не знаю, к каким аргументам он прибег, но, главное, они убедили советника...

— Ты выглядишь обессиленной, — продолжал Датрик. — «Гордость хранителей» скоро отплывет в Гортанскую Пристань, чтобы доставить туда раненых. Отправляйся-ка ты тоже. Пойди на пляж и скажи гребцам в лодке, что я велел доставить тебя на корабль. — Конечно, не сочувствие заставило его проявить заботливость: Датрик все еще рассчитывал, что я помогу ему добиться от Флейм нужных сведений. Его не трогало, что я могла погибнуть во время обстрела Крида, но раз уж я выжила, он счел выгодным приберечь меня для дальнейшего использования.

Поверх плеча Датрика я оглядела деревню. Неподалеку я заметила Тора, все еще оказывающего помощь раненым рабам — теперь уже, наверное, бывшим рабам: они станут свободны, когда связывающие их заклинания потеряют силу. Я не думала, что Мортред потратил на них особенно стойкую магию — это потребовало бы от него слишком большого усилия.

— Да, — сказала я, — пожалуй, я так и сделаю. Передай Райдеру, что я в Гортанской Пристани, хорошо? — Я слишком устала, чтобы особенно беспокоиться о том, узнает Тор об этом или нет. — Ох, и эту глупышку я тоже захвачу с собой, — добавила я, показывая на Маллани. — Она не хотела оставаться в стороне от событий, но я сказала ей, что ты будешь недоволен, если дун-магия окажет действие на ее будущего ребенка.

Я по-дружески кивнула Датрику и ушла прежде, чем он успел что-нибудь сказать. Маллани пришлось бежать, чтобы не отстать от меня.

— Ты проныра, — сказала Маллани. Детское словечко, только ребенком она не была; она была женщиной, которая вот-вот начнет рожать.

Я чувствовала себя достаточно старой, чтобы быть ее бабушкой.

— Вот именно.

— По-моему, он не слишком к тебе расположен.

— Думаю, что нисколько не расположен, — ответила я.

От агента по особым поручениям
Ш. айсо Фаболда,
Департамент разведки,
Федеральное министерство торговли, Келлс,
Достопочтенному М. айсо Кипсуону,
Президенту Национального общества
научных, антропологических и этнографических
исследований не-келлских народов

10/1 месяца Второй Луны, 1793

Дорогой дядюшка!

Благодарю Вас за те замечания, которые Вы высказали по поводу последней порции записей с воспоминаниями Блейз Полукровки.

Некоторые Ваши высказывания навели меня на мысль, что Вам будет интересно узнать: во время своей экспедиции мы побывали в деревне Крид. Мы обнаружили, что она давно полностью заброшена. Нам даже трудно оказалось найти в Гортанской Пристани проводника, который согласился бы показать туда дорогу. Нам отвечали, что место это нехорошее, что там разгуливают мертвецы, гнездятся злые духи и нерестится Морской Дьявол. Мы наконец уговорили младшего священника из келлской миссии в Гортанской Пристани (туземцы очень нуждаются в душеспасительном просвещении!) проводить нас в Крид, хотя сам он полагал, что Крид — место духовной гибели, а потому бывать там без крайней необходимости не следует.

Деревня находится в полном запустении; впрочем, еще можно разглядеть то, что описывала Блейз: разбитые голубые раковины, которыми были вымощены улицы, разрушенные стены из белого ракушечника. Многие дома носят следы ущерба от артиллерийского обстрела — тоже в соответствии с рассказами Блейз. Мы даже нашли несколько пушечных ядер! В результате раскопок в одном из самых крупных зданий мы обнаружили и «забвение», о котором говорила Блейз. Все это показалось мне любопытным подтверждением ее истории.

Конечно, в тех записях, что я переслал Вам, речь идет о событиях, имевших место более пятидесяти лет назад — не помню, писал ли я Вам, что Блейз сейчас уже за восемьдесят? — так что

приходится делать поправки на то, что наша рассказчица что-то забыла, а также на ее склонность романтизировать прошлое. Если добавить к этому врожденную склонность островитян к суевериям, то мы как раз и получим историю о борьбе добра и зла с помощью магии.

Вы хотели больше узнать о том, что Блейз представляет собой сейчас. Что ж, ее все еще можно назвать великолепной. Высокая, прямая как шомпол, несмотря на ревматизм, от которого, несомненно, страдают ее суставы, если судить по тому, с каким усилием она встает с кресла. На мой взгляд, для описания Блейз лучше всего подходит слово «внушительная».

Очень легко поверить в то, что она и в самом деле совершила все то, о чем рассказывает. Я однажды допустил ошибку: намекнул, что не верю в существование ни силв-, ни дун-магии. Это ее развеселило, и с тех пор она не упускает возможности, насмешливо блестя глазами, подколоть меня: «Ты в это, конечно, не поверишь, но случилось то-то и то-то...» или «Мне примерещилось, что Мортред прибег к заклинанию...». Как Вы, несомненно, заметили, редактируя записи, я вычеркнул подобные вольности.

Не сомневаюсь, дядюшка, что Вы скажете: это моя собственная вина, ведь я нарушил золотое правило научной этнографии: всегда проявлять почтение к местным верованиям. Согласен: я заслужил все насмешки, которые выпали на мою долю.

Да, безусловно, я получил от Блейз несколько наглядных уроков того, как следует вести полевые исследования! Ее ум все еще очень остер. Иногда, глядя на своих занятых вышиванием сестер, я гадаю: как их оценила бы Блейз, случись ей их повстречать? Боюсь, что не очень высоко. С возрастом Блейз не стала более мягкой. И еще этот огромный меч, который висит над камином: он всегда наточен и хорошо смазан...

Прилагаю к письму новую порцию записей. Я уже почти закончил свой доклад, который готовлю к следующему заседанию Общества, и айсо Дот был настолько любезен, что сделал слайды для волшебного фонаря по тем рисункам, которые предоставил наш художник-ботаник, юный Трекан. Я попросил его сделать и портрет Блейз — точнее, нарисовать ее такой, какой она, наверное, была в тридцать лет.

С нетерпением жду возможности увидеться с Вами на следующей неделе на собрании Общества.

Тетушка Росрис, надеюсь, порадуется, узнав, что мне предстоит сопровождать на это мероприятие госпожу Аниару айси Терон, а также о том, что я больше не обременю вас, моих гостеприимных родственников, своим присутствием: я собираюсь провести несколько дней с семейством Аниары в их городском доме. Он расположен совсем недалеко от здания Общества, на бульваре Второй Луны.

Остаюсь Ваш почтительный племянник
Шор айсо Фаболд

Глава 25

Роды у Маллани начались, когда «Гордость хранителей» еще не вошла в гавань Гортанской Пристани.

Мне удалось найти себе местечко для отдыха — оказавшись на борту, я просто завалилась в первый же попавшийся мне на глаза гамак и тут же уснула мертвым сном, — но через некоторое время почувствовала, что меня сильно трясут за плечо. Сначала я решила, что корабль идет ко дну, и только постепенно до моего сознания дошло, что кто-то выкрикивает мое имя и требует от меня каких-то действий. Я выкатилась из гамака и последовала за взволнованным силвом, все еще окончательно не проснувшись.

Хранитель отвел меня в каюту, и только там, увидев Маллани, я полностью пришла в себя.

— Она хочет, чтобы ты была рядом, — сказала мне одна из ухаживавших за роженицей женщин.

— Да я же ничего не знаю об акушерстве, — попыталась запротестовать я. Это была правда: я много чего делала в жизни, но при родах не присутствовала ни разу. К тому же при взгляде на Маллани душа моя ушла в пятки: я вспомнила, что девять шансов из десяти за то, что ее ребенок не окажется силвом. И именно мне придется Маллани об этом сказать...

— Она просто хочет узнать, силв ребенок или нет, — сказал кто-то.

— С этим вполне можно было подождать до утра, — проворчала я, но тут же обнаружила, что происходящее чудо за-

хватывает... К тому времени, когда ребенок появился на свет, я испытывала глубокую благодарность за то, что мне позволили при этом присутствовать.

Наверное, я должна была бы испытывать боль от знания, что никогда не смогу иметь детей, но почему-то я была способна лишь дивиться рождению новой жизни, радоваться первому вздоху и первому крику ребенка. В какой-то момент, когда головка малыша пробила себе путь на свободу, мне показалось, что дитя, как я и ожидала, не обладает магическим даром; но через несколько минут, когда ребенок выскользнул из тела матери целиком и остался связанным с ней лишь пуповиной, я обнаружила, что ошиблась. Серебристо-голубое сияние окутывало малыша; он источал такую сильную силв-магию, что ее всполохи казались почти лиловыми. Я вытаращила глаза, изумленная тем, что вижу. Потом кто-то перерезал и перевязал пуповину; поток магии, передававшейся от матери ребенку, иссяк, и сияние стало ровным и неярким.

Пока в комнате царила суматоха — хранительницы обнимали и поздравляли мать, восхищались ребенком, — я выбрала момент, чтобы осмотреть плаценту. Мне хотелось исследовать сохранившиеся в ней остатки магии. Присмотревшись, я поежилась: что-то было не так, ужасно не так. Может быть, плацента и не светилась багровым, но я не сомневалась: от нее исходило зловоние дун-магии...

Радостное возбуждение, владевшее мной во время родов, улетучилось.

Маллани прошептала мое имя, и меня подтолкнули к ее постели. Она прижимала к себе ребенка, уже обмытого и запеленатого. Она откинула одеяльце, и я увидела крошечное сморщенное личико, чмокающее губками. Дитя выглядело точно так же, как выглядят все новорожденные, если не считать того, что светилось силв-магией.

— Как он? — лихорадочно спросила Маллани. — Скажи мне, быстро!

— Он всю каюту залил серебристо-голубым светом, — ответила я.

Маллани вскрикнула от радости и прижала к себе сына. Потом она снова взглянула на меня:

— Ты уверена?

— Конечно, уверена. Он просто полон силв-магии.

Вокруг раздавался смех, слова восхищения новорожденным — силвам-хранительницам не о чем больше было тревожиться. Я бочком проскользнула к двери, оставив их радоваться прибавлению их рядов.

Оказавшись на палубе, я глубоко вдохнула морской воздух. Было так хорошо ощутить его чистоту... Я знала, что если посмотрю назад, увижу дым пожарищ и всполохи магии — все, что осталось от Крида... Поэтому я предпочла не оглядываться. Мне хотелось думать о будущем, будущем, где меня ждала безопасность и чудеса, которых я никогда не знала. Дружба и любовь. Радость. Счастье. Свобода.

Никаких хранителей. Никакой дун-магии. Никакого Датрика.

Все радости мира должны были стать моими. Я должна была стать счастливой.

Так почему же я чувствовала такое беспокойство, такую тоску?

Я сидела в комнате Флейм в «Приюте пьянчуги» и смотрела, как она складывает свои немногие пожитки в мягкую кожаную сумку. Ей было трудно и держать сумку, и складывать вещи внутрь, но я понимала, что предлагать помощь не следует. Флейм нужно было научиться справляться с такими трудностями.

Она была так же красива, как и раньше. Ничто из того, что ей пришлось пережить, не коснулось прелести ее лица, только, может быть, добавило глубины взгляду, заставило Флейм выглядеть более зрелой, что само по себе было прекрасно. Внутри остались рубцы и шрамы, и их было слишком много. Флейм не закалилась с детства настолько, чтобы остаться невредимой после всех перенесенных страданий. Иногда я замечала в ее глазах что-то, что вызывало во мне желание прижать Флейм к себе, уверить ее в том, что ее глубинная суть — единственное, что имеет значение, — не осквернена. Я не давала себе воли раньше и теперь, похоже, уже никогда не дам. Оставалось только надеяться, что Руарту хватит мудрости оказаться для Флейм той опорой, в которой она нуждалась.

— Где Руарт? — спросила я.

— О, где-то поблизости. По-моему, отправился прощаться с местной красоткой. — Она, конечно, имела в виду кого-то

из птиц-дастелцев, но я не сразу поняла... Флейм улыбнулась нежной улыбкой, полной любви, и мое сердце сжалось от мысли о трагедии, которую они оба переживают, и от восхищения их мужеством.

— Разве... разве это тебя не волнует?

Флейм удивленно взглянула на меня:

— Конечно нет. Он же птица. А я — человек. Разве можем мы сейчас позволить себе более тесную связь? У нас обоих есть... другие потребности.

— И ты не ревнуешь?

— Не больше, чем Руарт ревновал к Новиссу... наследнику Рэнсому, хочу я сказать. То, что мы с Руартом испытываем друг к другу, слишком драгоценно, чтобы обращать внимание на подобные интрижки. Руарт знает, что я живу только ради дня, когда он сможет сжать меня в объятиях. А пока я пользуюсь его именем как своим. — Флейм говорила достаточно весело, но все же в ее глазах читалась боль. Не думаю, чтобы она хоть когда-нибудь совсем бывала от нее избавлена. — Я договорилась о месте на рыбачьем судне, отправляющемся на Мекате, — добавила Флейм. — Оно отплывает на закате, как только начнется отлив. Так что... давай попрощаемся.

Она неуклюже затянула завязки сумки и выпрямилась, потом с помощью силв-магии соорудила себе иллюзорную руку и показала мне. Я, конечно, видела сквозь голубоватый туман, но иллюзия была достаточно полной, чтобы обмануть любого, кто не обладает Взглядом.

— Неплохо, а? — спросила Флейм. — Хотя... Сама не знаю, зачем это делаю. Отсутствие руки теперь не кажется таким ужасным, как вначале. -- Потом она серьезно посмотрела на меня и снова прошептала: — Давай попрощаемся, Блейз.

Мне хотелось завыть от тоски.

— Да, давай, Флейм.

— Ты останешься с Тором?

Я кивнула.

— Я рада. Только... только прости меня за то, что ты лишилась двух тысяч сету.

Я пожала плечами:

— У меня остается еще часть того, что мне заплатил наследник. — Я стояла прислонившись к стене и думала о том,

как мне будет ее не хватать. Она была мне другом и сестрой, в ней было все, чего не было во мне и что я хотела бы иметь. Рядом с Флейм я каким-то образом чувствовала себя цельной.

И в этот последний момент я не сумела скрыть от нее правду, которую скрывала так долго. Не знаю, что — может быть, циничная усмешка в глазах? — выдало меня.

— Ты знаешь, да? — тихо сказала она, и это было утверждение, а не вопрос.

Я кивнула.

— Давно?

— С тех пор, как ты рассказала мне про Руарта и его мать. Понимаешь, главным доказательством, из-за которого я была уверена, что ты не можешь быть Девой Замка, явилось твое умение пользоваться силв-магией. Я считала, что Дева Замка никак не могла этому научиться, даже обладая врожденным даром. А потом ты рассказала мне о дастелцах и о том, что мать Руарта владеет силв-магией, и тогда я поняла, что она могла оказаться твоей наставницей. Она должна была считать это своим долгом. А суверену Цирказе и его придворным и знать было незачем.

Поэтому-то я и не хотела, чтобы Датрик узнал про Руарта: он мог прийти к тем же выводам, что и я. Он, конечно, познакомился с Руартом вчера, когда я послала ему записку на лоскутке, но я надеялась, что он решит: связь существует между мной и Руартом, а не между вами двоими. Как советник, он должен, мне кажется, хорошо знать историю Дастел. Будь осторожна.

Флейм уныло кивнула:

— Как бы я ни восхищалась тобой, всегда оказывается, что я тебя недооценивала, Блейз. А ты все это время посмеивалась в рукав, ты, здоровенная негодяйка полукровка!

Я ухмыльнулась:

— Чепуха! Я совсем не так хороша собой.

Не имея под рукой другого оружия, Флейм швырнула в меня своим кошельком. Я поймала его и кинула обратно.

— Конечно, как только я узнала, что ты умеешь разговаривать с дастелцами, что ты постоянно имела с ними дело с детства, многое из того, что меня озадачивало, сделалось понятным. Иногда ты бывала наивной, не знала самых простых ве-

щей о реальной жизни — как и полагается Деве Замка, выросшей в затворничестве, — а в других случаях проявляла хитрость и сноровку осьминога, собравшегося стащить приманку из ловушки: именно такой ты должна была стать, общаясь с дастелцами, которые наверняка видят всю человеческую глупость и жестокость.

Вот только разгадать загадку с татуировкой на запястьях, которую тебе должны были сделать по достижении совершеннолетия, мне никак не удавалось. В конце концов я решила, что татуировка должна была быть поддельной — всего лишь магической иллюзией. Каким-то образом тебе удалось избежать нанесения настоящей татуировки. Наверное, ты решила, что в замке суверена на Цирказе риск повстречать человека, обладающего Взглядом, который мог бы тебя разоблачить, невелик. Не знаю, почему у тебя возникла мысль подделать татуировку. Может быть, ты уже тогда задумала побег? Тебе ведь было тогда всего восемнадцать?

Флейм кивнула, надевая кошель на пояс.

— Понимаешь, я уже тогда влюбилась в Руарта. Я знала, что никогда не захочу выйти замуж за кого-то другого. Мы решили, что нужно избежать нанесения татуировки, и во время церемонии я прибегла к магии. Мастер-гхемф и не заподозрил, что на самом деле даже не прикоснулся к моим рукам.

Я хмыкнула:

— Ну, думаю, что на самом деле он знал. Гхемфы, по-моему, в некоторой мере обладают Взглядом.

— Правда? Черт меня возьми! Он и слова не сказал...

— Наверное, он не хотел, чтобы люди узнали об этой их способности. А может быть, просто не хотел доставлять тебе неприятности. Гхемфы ведь очень добросердечны.

Флейм бросила на меня странный взгляд: ей явно было непонятно, откуда я так много узнала о гхемфах, однако она ничего не сказала.

— Ну а после церемонии поддерживать иллюзию было легко, — продолжила она рассказ. — Все же на бегство я решилась только тогда, когда мой отец выбрал мне в супруги властителя Брета. Руарт настаивал, чтобы я оставалась в замке, пока не повзрослею, — он хотел, чтобы я была уверена в своем решении, поскольку обратной дороги у меня бы не было. В кон-

це концов, ему нечего было предложить мне, кроме дружбы, а я, видят боги, не была привычна к материальным тяготам. Но когда этот растлитель малолеток положил на меня глаз и стал настоятельно просить моей руки, даже Руарт согласился, что время пришло. Я тогда не догадывалась, конечно, что властитель обратится к хранителям и попросит их меня найти и что они пошлют кого-то меня выслеживать.

— Ну да, и работорговцы с самого начала знали, что ты — Дева Замка. Ты и рабыней на самом деле никогда не была.

— Это было всего лишь прикрытием. Я заплатила им за то, что они меня увезут. Все устроила дворцовая служанка, моя старая няня, которая мне сочувствовала. Она отнесла к ростовщикам кое-что из моих драгоценностей, чтобы добыть денег. Работорговцы, правда, вознамерились меня обмануть и заработать еще раз, продав меня отцу, но Руарт услышал, как они сговаривались, и я отвела им глаза своей магией. В конце концов они все-таки доставили меня на косу Гортан.

Я усмехнулась. Знали бы работорговцы, в какую передрягу попадут, связавшись с Флейм и Руартом!

— Но один из них проговорился Янко — Мортреду? — спросила я.

— Да, наше везение кончилось. Кто-то, должно быть, сказал ему, кто я такая и что я — силв.

— И тогда Янко наложил на всех, кто тебя видел, заклятие, чтобы они молчали. Он собирался превратить тебя в злую колдунью, а после этого вернуть на Цирказе.

Флейм поежилась:

— Да. Я стала бы пешкой в его руках. Через меня он в один прекрасный день получил бы власть над Цирказе и Бретом. Блейз, ты говорила, что Мортред лишился своей силы. Сколько времени пройдет до тех пор, когда он снова сможет превращать силвов в дун-магов?

— Как я могу судить? Тут даже и догадаться невозможно. В первый раз ему на это потребовалось около сотни лет. Теперь же... Недели, месяцы, годы? Могу сказать одно: я чувствую, что когда-нибудь это случится. Мортред слишком могуществен, чтобы остаться калекой навсегда. И мне кажется, что на этот раз ему столетие не потребуется.

— Значит, он слишком опасен, чтобы оставлять его в живых. Я никогда не буду чувствовать себя в безопасности. А кро-

ме того, раз он способен подчинять себе силвов, он рано или поздно захватит власть над хранителями и их островами.

Я сразу поняла, к чему она клонит.

— Ты собираешься отправиться в погоню за ним, — уверенно сказала я. — Вместе с Руартом. Ах ты, глупая, самонадеянная креветка...

Флейм кивнула:

— Ага. Все это я знаю. Но у меня нет выхода, потому что Мортреда нужно остановить. И еще потому, что, пока он жив, Руарт останется пленником своих милых перышек. — На лице Флейм отразилась ярость. — Он мне нужен, Блейз, — Руарт, я имею в виду. Он нужен мне как мужчина. Мне безразлично, если он окажется горбуном или с лицом как у медузы. Я хочу, чтобы он стал человеком. Я хочу держать его в объятиях, делить с ним ложе, родить от него детей. Ты любишь Тора, ты должна понимать, что я чувствую. — В голосе Флейм звучала храбрость отчаяния, рожденная несбыточным желанием и теми страданиями, что выпали ей на долю на косе Гортан.

Сказать на это было нечего, поэтому я просто кивнула. В душе, правда, я задавалась вопросом: так ли безоглядно я люблю Тора, как Флейм — своего Руарта?

— Что заставляет тебя думать, что Мортред отправился на Мекате?

— То, что он однажды сказал мне, — еще когда считал меня полностью покорной своей воле. У него там имеются приспешники — еще одно селение дун-магов.

— И ты думаешь, что своими силами разделаешься с чем-то вроде Крида?

— Конечно нет. Если я их найду, я просто сообщу хранителям. Самой мне нужен только Мортред. Он мой, Блейз.

Ее свирепость была устрашающей. Потом, немного успокоившись, Флейм улыбнулась:

— Да, кстати, Руарт говорит, что если когда-нибудь дастелцы получат обратно свои острова, он позаботится о том, чтобы ты стала самой первой их почетной гражданкой.

Я была тронута.

— Передай ему, что я очень высоко ценю его предложение. Нет другого государства, гражданство которого я предпочла бы гражданству Дастел. — Я коснулась левой мочки. — Будем надеяться...

Мы обе умолкли, думая о том, как много всего должно случиться, прежде чем я получу заветную татуировку.

Вдруг Флейм нахмурилась, словно неожиданно подумав о чем-то еще.

— Ты знала, что я — Дева Замка, еще до того как мы отправились на «Гордость хранителей» просить Датрика о помощи. Ты могла выдать меня. Ты могла заработать свои две тысячи сету и спасти мне жизнь — и руку, — рассказав ему все.

Я снова кивнула.

Флейм склонила голову набок:

— Ты — настоящая леди, Блейз Полукровка. Такое решение, должно быть, нелегко было принять.

Я отвела глаза:

— Да, нелегко. И каждый раз, как я вижу твою культю, я об этом вспоминаю. Только когда дошло до дела, я не смогла продать тебя даже ради спасения твоей жизни, когда ты предпочла смерть отказу от свободы. Это было бы с моей стороны предательством. — Я посмотрела Флейм в глаза; говорить мне стало трудно. — Я отказалась от возможности заработать кучу денег — ну и что? Ты предложила Датрику Деву Замка в обмен на немедленное нападение на Крид. Ты была готова пожертвовать всем своим будущим, чтобы спасти Тора и меня, хотя отказалась сделать это ради собственной жизни. Этого я никогда не забуду. Никогда в жизни.

Флейм ничего не сказала, только подошла и обняла меня — насколько ей удалось сделать это одной рукой. Мы постояли, прижавшись друг к другу, и ни у одной из нас, по-моему, глаза не остались сухими.

Потом Флейм ушла, закинув на плечо свою сумку. Это была Лиссал, наследница престола Цирказе, но я знала, что для меня она навсегда останется Флейм Виндрайдер.

Глава 26

Я отправилась на поиски Тора. Он был в своей комнате и тоже укладывал вещи.

Тор поднял голову, когда я вошла, и в уголках его глаз возникли морщинки, как бывало всегда, когда он улыбался. Бо-

роду он сбрил и теперь ничем не отличался от того островитянина, которого я увидела в зале «Приюта пьянчуги» в день моего прибытия на косу Гортан.

— Я договорился с капитаном торгового судна, отправляющегося на Спатты, что он захватит меня с собой. У меня там дела, — сказал Тор.

— А я думала, что ты, возможно, будешь сопровождать Рэнсома. — Несмотря на то что я сказала Флейм, я вовсе не была уверена, что Тор захочет взять меня с собой. Я старалась говорить равнодушно и в результате проявила несвойственную мне нерешительность.

— Хранители позаботятся о том, чтобы он вернулся к отцу. — Тор нервным жестом, которого раньше я за ним не замечала, провел рукой по волосам. — Знаешь, я хотел бы, чтобы ты поехала вместе со мной.

— Я знаю.

Тор взглянул на меня со странной робостью:

— Я... э-э... заплатил капитану за двоих.

Я улыбнулась.

Его лицо просветлело, и он озорно ухмыльнулся:

— Ты уверена, что не пожалеешь? Мне так много нужно тебе рассказать. Есть вещи, которые тебе следует знать...

Похоже, будущее рисовалось ему в радужных красках. Я поспешила вернуть его на землю:

— Никаких больше разговоров о супружестве, Тор. Это невозможно.

— Ну, поговорить о будущем все-таки нужно. А сейчас я просто радуюсь, что ты пришла ко мне. Я так боялся, что ты решишь вернуться на острова Хранителей на их корабле... что захочешь по-прежнему им служить.

Я озадаченно вытаращила на него глаза. Неужели после всего, что случилось, он мог думать, что я стану служить хранителям? Неужели он не понял, что не хранители заставляли меня колебаться? Как типично для мужчины: Тору и в голову не пришло, что я могу пожелать связать свою жизнь с другой женщиной вместо того, чтобы покорно следовать за ним.

— Ты предполагал, что я могу продать хранителям Деву Замка? — сказала я. — Неужели ты действительно думал, будто я стану служить людям, которые готовы на что угодно ради

того ужасного черного порошка, чтобы с его помощью угрожать всем островам?

— Нет, пожалуй, я все-таки так не думал. Но я знаю, как много для тебя значит возможность получить гражданство...

— Не так много, как я полагала раньше. Когда-то на Малом Калменте я обнаружила, что цена, которую нужно заплатить за гражданство, может оказаться слишком высокой для меня лично; теперь же я вижу, что за мое гражданство слишком высокую цену пришлось бы платить другим. Как только я поняла, что Флейм — это и есть Дева Замка и что она скорее умрет, чем вернется к отцу, предать ее я уже не могла.

А раз я не смогла выполнить это задание Датрика, не думаю, чтобы мне удалось уговорить Совет предоставить мне гражданство. Хранители, и особенно Датрик, косо смотрят на неудачи. Я ничего не выиграю, если останусь на службе Совета.

— Я не был уверен, что тебе известно: Флейм и есть Дева Замка Лиссал.

— Ты и это знал?

— Да, как только увидел, что ей помогают дастелцы. До этого... ну, я догадывался, несмотря на ее магический дар и отсутствие татуировки на запястьях. Полученные мной известия говорили о том, что Флейм и Лиссал — скорее всего одно и то же лицо. У меня даже было описание Девы Замка, которое вполне подходило Флейм.

Еще одно свидетельство того, что Тор получает информацию, недоступную другим людям... Ко мне снова пришла непрошеная мысль: кто такой Тор? За этой мыслью последовала другая: уж не страдаю ли я морским безумием, если решилась следовать за человеком, который так и не рассказал мне правды о себе?

Думать об этом мне не хотелось.

— Мне нужно уложить вещи, — сказала я Тору. — Я скоро присоединюсь к тебе.

Вернувшись в свою комнату, я покидала в дорожный мешок свои пожитки. Их было немного. Тридцать лет жизни, а я не накопила ничего, что могло бы заинтересовать уважающего себя вора... Я еще не закончила сборы, когда ко мне явился Датрик.

Я не слышала, как он вошел, но уловила запах силв-магии и, обернувшись, увидела его в дверях.

— Почему ты не постучался? — кисло спросила я.

— Дверь была открыта. — Датрик явно не хотел со мной ссориться.

Я не разделяла его желания.

— Что тебе нужно?

— Дева Замка.

Я с отвращением фыркнула:

— Все еще? Великая Бездна, ты никогда не сдаешься, верно? Что ж, могу сообщить тебе новость, Датрик, — я знаю, зачем она тебе нужна. Мне известна цена вашего мерзкого черного порошка: цирказеанка Лиссал для властителя Брета, иначе властитель не станет продавать вам эту гадость.

Мне удалось поразить Датрика; его лицо вытянулось. Наконец он проговорил:

— Значит, ты знаешь... Что ж, тогда ты должна понимать, как важно найти Деву Замка. Блейз, ты ведь видела, что могут сделать пушки...

Я в ярости повернулась к нему:

— Да. Я видела. Это подло!

Датрик удивился:

— Но ты же видела, какого успеха мы достигли в уничтожении той деревни...

— Успеха? О да, замечательного успеха: вы убили сотни людей: рабов, детей, бывших силвов, патриарха-менодианина — всех, кто имел несчастье оказаться в неподходящем месте в неподходящее время, виновных и невинных одинаково. Вы уничтожали дома, уничтожали все, что случайно попалось вам под руку. — Меня преследовало абсурдное воспоминание: перья, летающие в воздухе, — все, что осталось от чьего-то курятника. Птицы ведь тоже не хотели умирать...

— Как смеешь ты, именно ты, поучать меня? Забыла, скольких ты убила своим калментским мечом?

— Когда я убиваю, я по крайней мере смотрю в лицо своему противнику. Он знает, кто именно и почему с ним сражается. Он имеет шанс остановить меня — своими доводами или своим воинским искусством. И я тоже знаю, кого убиваю. Мне приходится нести ответственность за то, что я делаю. И я никогда не убиваю невинных, оказавшихся у меня на дороге, —

просто потому, что они там оказались. — Перед моими глазами возникла картина: рабы, умирающие от моего меча, потому что их подстрекал Мортред; меня охватило чувство вины. — Но этот... этот ад, который вы так подло обрушили на головы людей... — Слова душили меня. — Видели ли те, кто стрелял из пушек, людей, которых они убивали? Были им известно, сколько невинных погибло? Сколько рабов оказались погребены под развалинами домов? Пришлось ли твоим людям почувствовать, что они творили? Знаешь, Датрик, я всегда неохотно пользовалась луком — и теперь знаю почему: слишком легко убивать на расстоянии. Можно быть далеко от своей жертвы, можно не видеть выражение ее лица. То, что вы делали вчера, — аморально и подло.

— Дун-магов нужно было остановить, и иначе добиться своего мы не могли, не рискуя встретить Мортреда и самим стать ему подобными. Нам пришлось действовать на расстоянии. Так было необходимо. Я могу жалеть об этом, но все равно так было необходимо. Может быть, если бы ты служила нам лучше и убила Мортреда в гостинице, такой необходимости удалось бы избежать. — Я поморщилась, и Датрик тут же воспользовался своим преимуществом. — Блейз, неужели ты не видишь, какое замечательное изобретение пушки? Вооружив ими корабли, мы сможем контролировать все морские пути и покончить с пиратством, работорговлей и контрабандой. На суше мы сможем заставить всех подчиняться нашим порядкам. Наши законы, всеобщее равенство распространятся по всем островным государствам. Одной угрозы применения пушек будет достаточно, чтобы положить конец всем мелким дрязгам между островами. Наш флот обеспечит всеобщий мир. Неужели тебе не понятно, Блейз, какое общество мы сможем построить?

— Нельзя построить общество на дерьме, Датрик, а эти твои пушки — дерьмо. Если вы хотите добиться добропорядочности от всех жителей островов, то покажите людям, что благодаря добропорядочности можно жить в мире и процветании. Навязывая свое правление другим, не ждите ничего, кроме ненависти. Вы не сможете построить общества, основанного на порядочности, если сами непорядочны. Проявите на деле сострадание, понимание, уважение к равенству. Научите своих кровожадных силвов-хранителей тому, что свобода только

тогда чего-то стоит, когда она сочетается с законом и ответственностью. Научитесь уважать равенство на деле, а не только проповедовать его на словах.

Что же касается мира, то ваши пушки принесут не мир, а войну. Так всегда случается с новым оружием и с теми, кто с его помощью навязывает свою волю другим. Подумал ли ты о том, что случится, когда ваши противники тоже научатся пользоваться черным порошком? Вот тогда-то вы и узнаете, как хрупок ваш мир. — Собственное красноречие удивило меня; обычно я не бывала так разговорчива. Криво улыбнувшись, я подумала, что начинаю говорить, как Тор.

— Вы едва не прикончили меня этими вашими проклятыми пушками, — заключила я, — так что не ждите, что я доставлю вам Деву Замка.

— Понятно. — Датрик источал негодование — голосом, выражением лица, позой. — И куда же, по твоему мнению, ты теперь сможешь отправиться? Гражданства у тебя нет, да и денег наверняка немного. Без нашей поддержки единственное место, где ты сможешь жить, — это коса Гортан. Если же ты хочешь покровительства хранителей, денег хранителей, гражданства, то все это нужно заработать.

— Все это я заработала уже по крайней мере дважды, — устало ответила я, — но так от вас ничего и не получила. Я отправляюсь с Тором Райдером.

Брови Датрика взлетели вверх.

— С Тором Райдером? Это ты-то? Ты присоединяешься к патриарху? Блейз Полукровка делается менодианкой? — Датрик начал хохотать — неудержимо и цинично. Впервые за все время нашего знакомства я вызвала у сир-силва Датрика такое искреннее веселье. Насколько язвительнее стали бы его издевки, знай он, какую растерянность во мне вызвал... Датрик и не догадывался, что его слова заставили рухнуть весь мой мир.

— Откуда ты знаешь, что он патриарх? — спросила я. Собственный голос доносился ко мне откуда-то издалека.

— Мне следовало догадаться об этом с самого начала — кто еще носит только черное и хранит на лице выражение вселенской скорби, как не менодианин? Но на самом деле мне сказала об этом одна из хранительниц, которая его встречала. Этот Тор Райдер давно уже заноза у нас в боку. Он умен, признаю. Прирожденный смутьян. Когда-нибудь он наступит на мозоль

Совету, и нам придется с ним разделаться. Поберегись, чтобы и тебе заодно не досталось, Блейз Полукровка.

— Уходи, Датрик. Ты сказал достаточно гадостей для одного дня.

Советник, услышав отвращение в моем голосе, бросил на меня ледяной взгляд:

— Сначала я хочу узнать все о той птичке, которую ты присылала с запиской. Это дастелец? Значит, и правда существуют разумные птицы?

Я была слишком взволнована, чтобы продолжать разговор.

— Разнюхивай сам, Датрик. А теперь уходи.

Он не обратил никакого внимания на мой решительный тон.

— Будь я уверен, что вы знаете, где находится Дева Замка, — сказал Датрик резко, — я не позволил бы вам покинуть косу Гортан, пока вы все мне не расскажете.

Я показала на дверь:

— Вон, будь ты проклят!

На этот раз намек до него дошел.

Я захлопнула за Датриком дверь и рухнула на постель. Меня трясло.

Я была слепа, как пескожил в своей норке! Как могла я проявить такую глупость? Конечно, Тор — патриарх! Менодианский священнослужитель. Это объясняло так много! Его нежелание убивать. Его настойчивые разговоры о женитьбе (разве может патриарх жить в так называемом грехе?). Его сострадание. Его желание помолиться за Алайна, да и вообще отношения со старым патриархом. Его стремление создать лучший мир. Его решимость и готовность терпеть. Его знания — на него работали все менодианские общины, сообщая о происходящем на островах. Обращение Тора в менодианскую веру объясняло разницу между тем человеком, который когда-то был Копьем Калмента, и теперешним Тором. И еще эти часы, когда он бывал так далек от меня, так уходил в себя, — он был, конечно, погружен в молитву.

Я чувствовала себя так, словно кто-то сделал пробоину в моей лодке посреди океана.

Тор пришел узнать, что меня задержало.

Он стоял в дверях — высокий, красивый, счастливый. Синие глаза смотрели на меня с любовью. Бирюза в татуировке

на мочке уха блестела на фоне загорелой кожи. Я всегда удивлялась, как такой сильный человек может быть таким мягким, и вот теперь я знала: его сила произрастала из веры, и вера рождала его мягкость.

— Ты готова? — спросил Тор.

— Почему ты не сказал мне о том, что ты — патриарх?

Тор не спросил, откуда я знаю; это было несущественно. Ответил он мне тихо, почти шепотом:

— Я так боялся потерять тебя. Я боялся, что для тебя это окажется важно.

— Так и случилось.

— Почему? Ведь я люблю тебя! — Страдание в его голосе рвало мне сердце.

— Ты любишь Бога больше.

Последовало долгое молчание. Я видела по лицу Тора, как он уязвлен.

— Ты несправедлива, — сказал он наконец.

— Да. Прости меня. Я не то хотела сказать. Если бы я разделяла твои верования, это не имело бы значения. Но я не верю, Тор, в твоего Бога и в воздаяние на небесах. Поэтому я не могу разделить твою жизнь.

Тор сморщился, словно его ударили ножом.

— Блейз, даже моя вера не абсолютна. Я сомневаюсь. Но все же я надеюсь, что существует Бог, которому мы не безразличны. Который награждает тех, кто пытается сделать мир лучше. Если я ошибаюсь, что ж, все равно я рад, что попытался. Нет ничего дурного в том, чтобы помогать другим стать счастливыми.

— Верно. Только я не такой человек. Я слишком эгоистична. Мне вовсе не хотелось околачиваться в Криде, помогая тем, кому меньше повезло, пока хранители стреляли по нам из пушек, — я хотела спастись и побыстрее оттуда убраться. Я не хочу работать для других. Я хочу работать для себя. Я хочу, чтобы именно я была счастлива. Мне требуется гражданство, дом, деньги, которые обеспечили бы мне комфорт. Ох, я не стану теперь топить любого, чтобы добиться своего, как сделала бы раньше, но мне все равно все это требуется.

Кроме того, связь со мной уже причинила тебе зло — ты сражался и убивал, когда твоя религия учит, что это грех. Ты делил со мной ложе, хотя мы и не женаты. Ты даже предло-

жил, что будешь пытать Сикла и Домино. Твоя любовь ко мне поссорила тебя с другим патриархом. — Я имела в виду, конечно, Алайна Джентела. Теперь я знала наверняка то, о чем раньше только догадывалась: Алайн требовал, чтобы Тор меня забыл.

Тор криво улыбнулся:

— Я никогда не считал себя совершенством. И я вовсе не догматик. Я не Алайн Джентел. Я постоянно расхожусь во мнениях по многим вопросам с Советом патриархов. Наверно, так будет всегда. Я не претендую на святость: уж слишком часто она идет рука об руку с ханжеством. Я никогда не поверю, что нечто столь прекрасное, как любовь к тебе, как твои объятия, может быть скверной. Мне кажется, Совету полезно иметь в своем составе кого-то вроде меня: я постоянно бросаю вызов косности. Я стремлюсь до конца жизни оставаться той песчинкой, которая раздражает моллюска и заставляет его создавать жемчужину. Я странный священнослужитель, Блейз. Тебе не будет так уж трудно ужиться со мной.

Кроме того, ты судишь себя слишком строго. Ты рисковала жизнью ради других, а не ради себя. Ты гораздо лучше, чем себя считаешь.

— Да? Может быть. И все равно я недотягиваю до твоих стандартов, Тор. Я не могу служить твоему Богу. Быть патриархом — для тебя важнее всего. Теперь я это понимаю. Ты служишь менодианам, а я думаю, что они преследуют правильные цели, но глубоко заблуждаются в том, почему так надо делать; при всей вашей деловитости вы часто действуете непрактично. Вы творите благо, чтобы угодить Богу, ради наград на небесах. Вы наставляете на путь истинный любовью, личным примером, бескорыстным служением. Так как же сможешь ты путешествовать с женщиной, которая скорее обнажит меч против своих врагов, чем станет их любить? Я служу прежде всего самой себе, Тор, а у тебя совсем другие ценности. Кроме того, ты выполняешь приказания Совета патриархов. Именно поэтому ты и оказался на косе Гортан, верно? Это Совет патриархов, а не правитель Бетани, послал тебя присматривать за Рэнсомом, а заодно, как я подозреваю, поискать Алайна Джентела. Ты отправляешься туда, куда тебя посылает Совет. Ты заботишься о менодианах-мирянах, но подчиняешься Совету, а служишь Богу. И если я правильно понимаю, Со-

вет патриархов принял решение противостоять хранителям и подрывать их влияние в других государствах.

Я не разделяю твое призвание. Я не верю в твоего Бога. И если мне предстоит рисковать жизнью, сражаться я буду не с хранителями. Существует большее зло. Я просто не разделяю твоих взглядов на мир, Тор. Так как же мы смогли бы жить вместе?

Тор молчал.

— Это была просто мечта. Прекрасная мечта, но и только. Думаю, что в глубине души я понимала это еще до того, как узнала, что ты — патриарх. Мы слишком разные. Наши цели слишком друг на друга не похожи.

Тор продолжал молчать.

— К хранителям я не вернусь, — мягко сказала я. — Я узнала о них достаточно. Я отправляюсь с Флейм.

Теперь Тор нарушил молчание; в его голосе прозвучало удивление.

— Но ведь она же наверняка собирается преследовать Мортреда.

Я кивнула, чувствуя уважение к Тору за то, с какой проницательностью он предугадал планы Флейм.

— Это едва ли сулит тебе деньги или комфорт, — сказал Тор.

— Мне небезразлична Флейм, небезразлично, что с ней случится. А если Мортред умрет, я получу гражданство вновь появившихся Дастел, так что, как видишь, что-то эта затея мне все-таки сулит. Иначе со мной не бывает.

— Мне кажется, что ты что-то получила бы, и если бы отправилась со мной. Не говоря уже о том, что менодианская церковь обладает определенным влиянием, когда дело касается вопросов гражданства и прав членов семей патриархов... — Тор старался не показать, что мои слова задели его, но вовсе скрыть этого не мог.

— Я не потому собиралась отправиться с тобой, Тор, что ты обещал мне гражданство, и ты это знаешь. Мне казалось, что достаточно просто любить тебя, но только я ошибалась, Тор. У людей должна быть общая цель, а мы даже не можем иметь детей, которые нас связали бы.

Тор печально склонил голову, признавая свое поражение:

— Каждое твое слово только заставляет меня любить тебя сильнее, — за то, что ты такая, какая есть. В тебе есть все, чего мне не хватает.

— Но ведь я права...

— Права ли? — прошептал Тор. — Может быть... Только я не знаю, как мне теперь снова научиться жить одному, — теперь, когда я встретил тебя.

Я обняла его, и мы долго стояли, приникнув друг к другу. Потом Тор сделал шаг назад.

— Если окажется, что я чем-то могу помочь тебе, свяжись со мной через Совет патриархов.

Я кивнула. Для женщины, которая когда-то не знала, что значит плакать, я что-то часто стала смотреть на мир сквозь пелену слез...

Тор порылся в кармане и достал медальон из черного коралла на цепочке. Он надел его, и символ менодианской веры — спираль внутри треугольника — лег ему на грудь. Жест был символическим — Тор открыто объявлял о том, кем является.

— Я буду молиться за тебя, пока жив, — сказал он.

— Вреда в этом нет, — ответила я.

Мы улыбнулись друг другу — пустыми вымученными улыбками.

— Я никогда не передумаю, Блейз. Помни об этом, если когда-нибудь я тебе понадоблюсь. — С этими словами Тор повернулся и ушел.

Кончила я свой рассказ? Да нет же, я еще не добралась до конца — на косе Гортан произошло еще кое-что.

Конечно, все это во многом лишь начало более обширной истории. Как я говорила в начале своих воспоминаний, на косе Гортан были только посеяны семена новых событий, семена Перемены. Чтобы Перемена свершилась, мне было необходимо расстаться и с хранителями, и с Тором Райдером и связать свое будущее с Флейм и Руартом Виндрайдером. Без меня, без моего меча и моего знания жизни дна они никогда не прожили бы достаточно долго, чтобы свершить то, что они свершили, и Райские острова никогда не стали бы такими, какими их увидели вы. Могло ведь случиться, что когда ваши корабли вошли в гавань Ступицы, вас встретил бы Мортред Безумный.

И если бы я осталась с Тором, он, возможно, лишился бы той энергии и гневной страсти, которые сделали его духовным вождем, тем человеком, который смог бросить вызов и Совету патриархов, и власти хранителей, — а в конце концов и суще-

ствованию самой силв-магии. Если бы я не отвергла Тора, ваши корабли, может быть, встретили бы пушки хранителей.

О да, в конце концов все мы сыграли свои роли в переменах, которые произошли на Райских островах: Рэнсом Холсвуд, ставший правителем Бетани, сир-силв Датрик, ставший главой Совета островов Хранителей, Мортред Безумный, желавший стать повелителем всех островов, бедная дорогая Эйлса, подарившая мне знак на ладони, благодаря которому я в любой момент могла получить помощь гхемфов; даже Следопыт, облезлый пес Танна, тоже сыграл свою роль.

Однако я отвлеклась. Я не рассказала тебе еще, чем кончилось дело на косе Гортан.

Видишь ли, Датрик, одержимый желанием заполучить для хранителей тот черный порошок, не собирался оставлять нас в покое.

Глава 27

После того как Тор ушел, я не пошла прямо на пристань, чтобы присоединиться к Флейм. Было еще кое-что, что мне нужно было сделать. Я хотела найти Танна и удостовериться, что с ним все в порядке. Я хотела попросить Флейм взглянуть на него, посмотреть, не сможет ли она исцелить мальчика, пострадавшего от дун-магии, но забыла и теперь казнила себя за это.

Спустившись в зал, я спросила про Танна. Хозяин гостиницы, который каждый раз чуть не плевался от ярости, увидев меня, буркнул, что уже несколько дней не видел мальчишки. По крайней мере я решила, что он сказал именно это: понимать его было трудно, потому что его сломанный нос все еще выглядел распухшим, как морской огурец, а рот был перекошен.

Я поискала Танна в сарае, где хранились сухие водоросли, но там его не оказалось; тогда я пошла на причал, к корзинам, за которыми мальчик прятал своего любимца, где видела его в последний раз. Там он и оказался. Рядом с ним сидел, уныло поджав хвост и жалобно скуля, Следопыт. Чесотка песика,

похоже, уже не мучила, но выглядел он таким тощим, что можно было с первого взгляда пересчитать все ребра.

Сначала я подумала, что Танн просто спит, но когда я его коснулась, тело мальчика перекатилось на спину, и я увидела его открытые глаза, слепо глядящие вверх. Руки и ноги Танна застыли в гротескной путанице. Смерть его наступила недавно, и это была долгая и мучительная смерть. Тяжелее всего было смотреть на лицо Танна — мальчик умер в горькой безнадежности, окончательно потеряв веру в род человеческий. Он умер в страхе и мучениях, брошенный всеми, кроме верного пса. Думаю, что именно тогда, стоя на коленях перед Танном, я окончательно примирилась с планами Флейм и Руарта. Я поняла, что не могу позволить Мортреду рыскать по островам, оставляя за собой подобные страдания и смерть. Там, на рыбачьем причале, мой гнев превратился в жажду мести. Тор не одобрил бы это чувство, но я радовалась ему: оно делало мой страх не таким огромным.

Я взяла Танна на руки и повернулась в сторону гостиницы. Следопыт с надеждой посмотрел на меня и забил по земле своим тяжелым хвостом. Я собралась прогнать собаку прочь, но тут заметила то, чего не видела раньше: пес сделал трогательную попытку накормить своего умирающего хозяина. У моих ног лежала кучка несъеденных кусков рыбы; они выглядели весьма неаппетитно, но Следопыт сделал все, что мог...

— От тебя воняет, — сказала я. — Ты, пожалуй, самая уродливая псина, какую я только видела. Шерсть у тебя свалялась. И уж чего мне определенно не требуется, так это взвалить на себя заботы о домашнем животном. — Следопыт в ответ радостно замолотил хвостом, опрокинув при этом несколько корзин, и преданно посмотрел на меня карими глазами. Вот так я обзавелась собакой, которая была мне не нужна.

Четверо или пятеро завсегдатаев, бросив единственный взгляд на меня и мою ношу, поспешно покинули зал. Я положила Танна на один из пустых столов. Хозяин гостиницы собрался была разразиться возмущенными протестами, но посмотрел мне в лицо и передумал.

— Я хочу, чтобы мальчика достойно похоронили, — сказала я. — Не вздумай выбросить его на корм рыбам, понятно?

Хозяин гостиницы молча кивнул.

Я отсчитала несколько монет:

— Вот тебе за труды. И когда я в следующий раз окажусь на косе Гортан, я хочу иметь возможность увидеть его могилу. Это тоже понятно?

Он снова кивнул.

Не знаю, зачем я так старалась. Какая разница, что случится с мальчишкой после смерти? Мне следовало сделать для него больше, пока он был еще жив. Я понимала, что веду себя нелогично, но ничего не могла с собой поделать. Должно быть, мной двигало чувство вины.

— А теперь накорми мою собаку, — сказала я трактирщику.

Тот взглянул на Следопыта, который пытался спрятаться под стулом. Стул был маленьким, а пес большим...

— Эту тварь?

Я кивнула.

Я терпеливо ждала, пока Следопыт поглощал лучшее угощение в своей жизни. Он съел бы еще больше, если бы я позволила, но я испугалась, что он лопнет: его живот раздулся, как рыба-шар.

Только тогда я двинулась в сторону пристани. Следопыт поскакал за мной; его лапы разбрасывали рыбью чешую во все стороны.

Руарт Виндрайдер и еще несколько дастелцев встретили меня на полпути, и не нужно было понимать их язык, чтобы догадаться: случилось что-то плохое. Пообещав себе, что в самом скором времени я выучу этот проклятый язык, я поспешила разыскать рыбачье судно, которое должно было отплыть на Мекате.

Теперь, когда ветры и течения не препятствовали судоходству, жизнь в гавани кипела. Пестрое сборище пьяниц и бродяг суетилось вокруг кораблей, рассчитывая заработать сету или два на погрузке: менялы, сидящие на набережной, трудились не покладая рук. Ничего не делали лишь двое сидящих на бочонках стариков — они выглядели такими древними, что, должно быть, уже много лет как забыли, что такое работа.

Когда я нашла рыбачье судно, зажатое с одной стороны торговым кораблем, отправлявшимся на Цирказе, а с другой — безымянной шхуной, от которой за версту несло контрабандой, оно так сияло силв-магией, что могло (по крайней мере для обладаю-

щего Взглядом) осветить вокруг себя море темной ночью. Силв-магии было слишком много, чтобы ее могло породить любое заклинание Флейм.

— Что, черт возьми, случилось? — прорычала я, обращаясь к Руарту. Он, конечно, ответить мне ничего не мог.

Единственным человеком на палубе рыбачьего корабля был Гэрровин Гилфитер, небрежно прислонившийся к поручням. При виде меня он склонил голову и расправил свое невероятное одеяние.

— Гэрровин, — сказала я, — я ищу Флейм. Ты ее не видел?

— Ага, — спокойно ответил он, — была она туточки недавно. Ручка-то ее выглядит распрекрасно. Культя зажила так, что лучше и не пожелаешь.

Я только моргнула. Как он сумел разглядеть культю Флейм? Он же не из тех, кто обладает Взглядом... Мне хотелось поразмыслить об этом, понять, каким образом он чует дун-магию, сообразить, какие из этого вытекают следствия, но времени не было абсолютно.

— Что с ней случилось? — спросила я.

— За ней явились хранители. Прихватили и ее вещички. Девонька на этой посудине уж не поплывет.

Я вспомнила угрозу Датрика: «Я не позволил бы вам покинуть косу Гортан». Он в конце концов все понял, сложил все части головоломки, включая присутствие Руарта... Я его недооценивала.

— А ты не собралась ли на Мекате тоже, девонька? — спросил Гэрровин. — Капитан...

— Нет, — перебила я его, глядя на «Гордость хранителей». Судя по суете на палубе, Датрик собрался тоже отплыть с косы Гортан, как только начнется отлив.

Я отвернулась от Гэрровина, чтобы тот не увидел, что я разговариваю с дастелцами, которые расселись на канате, удерживавшем корабль у причала.

— Руарт, если сможешь найти Флейм, передай ей, что я присоединюсь к ней, как только успею. Скорее всего уже после наступления темноты, когда «Гордость хранителей» выйдет из гавани, — прошептала я.

Птицы улетели, и я тоже повернулась, чтобы уйти, но Гэрровин снова обратился ко мне:

— Я могу учуять страх, и Флейм боялась. — Взгляд, который он бросил на меня из-под своих кустистых бровей, был совершенно равнодушным.

— И ты ей не помог? — спросила я.

— Против хранителей? — с преувеличенным изумлением переспросил Гэрровин. — Девонька, я не связываюсь с магией. Любой магией, если это в моей власти. Флейм и так уже получила от меня больше помощи, чем могла на то рассчитывать.

— До чего же ты добросердечен, Гэрровин Гилфитер, — бросила я.

— Я врач, девонька, не больше и не меньше. На сострадание у меня времени нет. Сострадание не исцеляет больных, но ослабляет того, кто его испытывает. Я думал, что уж ты-то это знаешь.

Я повернулась на каблуке и направилась на главную улицу города. До меня донеслись слова, которые вслед мне крикнул Гэрровин:

— Эй, полукровка, если когда-нибудь окажешься на Мекате, отправляйся в горы и спроси Гэрровина Гилфитера с Небесных равнин, одного из сам-себе-пастухов. Ты еще не видела лучшего, что есть на Мекате, хоть и побывала на равнине.

Я ничего не ответила и двинулась в сторону загона для морских пони на другом конце города. Следопыт не отставал от меня, принюхиваясь, словно шел по следу добычи. Сдававший напрокат морских пони толстяк с деревянной ногой держал их, конечно, в воде, на обнесенном сеткой участке. Когда я явилась к загону, хозяин был не в духе: он только что разогнал стайку местных чумазых мальчишек, единственная радость которых, по его мнению, заключалась в том, чтобы дразнить животных. Он и слушать не пожелал, когда я попросила его продать мне морского пони за скромную цену. Я могла, конечно, просто нанять животное, сделав вид, что собираюсь вернуть потом обратно, но меня саму слишком часто обманывали, и мне не по вкусу было воровать. Другое дело, что у работорговцев и им подобных я украла бы все, что угодно, с удовольствием.

Я клянчила и уламывала толстяка и наконец сбила цену, которую он заломил, до такой, которую могла себе позволить... хоть и еле-еле. Хозяин еще и потому торговался до посине-

ния, что выбрала я самое крупное и сильное животное. Я настояла, чтобы моего пони как следует накормили, а сама тем временем отправилась делать покупки. Я закупила продовольствие (сушеную рыбу и хлеб из водорослей), несколько больших бурдюков для воды, четыре кожаных мешка со швами, промазанными рыбьим клеем, чтобы не пропускали воду, моток веревки и еще кое-какие мелочи. Когда в моем кошельке не осталось ничего, кроме пары медяков, я вернулась за своим сытым морским пони.

Последнее мое словечко, сказанное на ухо хозяину, было о том, что с его стороны будет умно помалкивать о нашей сделке. Я многозначительно похлопала по рукояти калментского клинка, но толстяк только кисло посмотрел на меня.

— На косе Гортан, — сказал он, — все держат рот на замке, если не хотят оказаться с перерезанным горлом.

Может быть, это в какой-то мере и было правдой, но если бы хранителям пришло в голову задать ему парочку вопросов, не думаю, что он стал бы упираться, особенно учитывая, что с помощью силв-магии им ничего не стоило узнать, правду ли он говорит. Впрочем, может быть, все это и не имело такого уж значения: к тому времени, когда хранители узнают, что именно я задумала, я буду уже далеко.

Я вывела морского пони из загона и направила его в открытое море. Пока хозяин открывал мне ворота, появились мальчишки-полукровки и принялись для развлечения кидать камни в мою сторону. Когда я оглянулась, мрачный толстяк снова разгонял их.

При верховых прогулках по морю возникает одна проблема: морские пони обожают нырять и, если получают такую возможность, ныряют, не обращая внимания на то, есть у них седоки или нет. Впрочем, проблема имеет простое решение: чтобы нырнуть, животное должно закрыть дыхало; поэтому в край дыхала вставляется специальное кожаное кольцо, не дающее его закрыть. Естественно, нужно все время присматривать за тем, чтобы кольцо не выскочило. На всякий случай я купила несколько штук в запас.

Я везла с собой и Следопыта, который жалобно скулил в одном из кожаных мешков. Пес иногда высовывал нос наружу и издавал отчаянный вой, совсем не похожий на собачий. От этого воя у меня, как, наверное, и у всех моряков на всех ко-

раблях в гавани, волосы вставали дыбом. Должно быть, в ту ночь в порту только и разговоров было, что о морских драконах, сиренах и прочих подобных существах. Я от души ругалась. Ведь знала же я, какую обузу на себя взваливаю... В конце концов я туго затянула мешок, чтобы Следопыт не мог из него высовываться, и ласковыми разговорами успокоила собаку.

Когда совсем стемнело, я подплыла к борту «Гордости хранителей» со стороны моря и привязала к кораблю на длинной веревке морского пони. В темной воде животное было совершенно невидимо; впрочем, если бы кто-нибудь его и заметил, то едва ли обратил бы внимание: в конце концов, вокруг косы Гортан было полно диких морских пони.

Меня, несмотря на темноту, нашел Руарт и полетел впереди, показывая дорогу. Мы с ним видели все ясно, как днем: силв-магия, защищавшая «Гордость хранителей», заливала все вокруг ярким светом. К счастью, команда была занята приготовлениями к отплытию, и нижняя палуба оказалась пуста. Повреждения, которые корабль получил накануне, были исправлены, хотя я все еще ощущала неприятную смесь запаха горелого дерева и зловония дун-магии.

Руарт показал мне, где хранители заперли Флейм: в каюте, иллюминатор которой смотрел в сторону моря. Ничего лучше и придумать было нельзя. Я попросила Руарта удостовериться, что Флейм в каюте одна, и он взлетел к иллюминатору, а потом тут же вернулся, кивая головой. Снова взлетев, Руарт постучал в стекло, чтобы привлечь внимание Флейм. Иллюминатор тут же распахнулся: Флейм открыла его ручкой своей расчески, чтобы не коснуться защищенной заклинанием рамы. Я кинула привязанный к веревке крюк и мгновением позже уже протискивалась сквозь иллюминатор — нелегкое дело для человека моих размеров. Большая часть моей одежды полетела вниз, в воду, но по крайней мере никто из хранителей меня не заметил.

— Спасение попавших в беду красоток становится, похоже, твоей стихией, — спокойно заметила Флейм. — Только, как я вижу, на этот раз тебе пришлось пожертвовать другой стихии — морской — большую часть одежды.

— Очень смешно, — проворчала я, подтягивая штаны.

— Может, нам стоит предложить какому-нибудь цирку номер «Невероятное спасение вопреки магии»...

— Ох, заткнись, Флейм. Я тебя еще не спасла. Кстати, ты не пострадала? — Несмотря на ее болтовню, выглядела Флейм ужасно: глаза ее казались слишком большими для осунувшегося лица. Прошло всего несколько часов с тех пор, как я видела ее в гостинице, а она словно успела за это время попасть в кораблекрушение. Рядом со мной Руарт возбужденно прыгал и чирикал, явно столь же обеспокоенный, как и я.

— Этот твой приятель знает кое-какие уловки, — сквозь стиснутые зубы ответила Флейм.

— Датрик? Что он тебе сделал?

— Воспользовался силв-магией, чтобы совсем запутать... Он может заставить человека думать, будто мир перевернулся вверх ногами. Он гораздо лучше тренирован, чем я, — где мне с ним тягаться. — Ну уж конечно... Сир-силв, кроме всего прочего, был одним из преподавателей в Академии в Ступице. Ах, выродок! — Он заставил меня забыть, кто я такая, заблудиться во времени и пространстве. Я словно лишилась тела и всех чувств. Я потерялась в бесконечности... это было ужасно. Я думала, что сойду с ума. На какое-то время я и сошла...

Я нахмурилась. Такое использование иллюзий очень смахивало на дун-магию.

— Ты рассказала ему о том, что он хотел знать? — мягко спросила я.

Флейм закрыла глаза:

— Да. Думаю, что да. Я не уверена.

Руарт разразился отчаянным чириканьем, потом неожиданно умолк и опустился на руку Флейм. Она подняла руку, и птица и человек прижались друг к другу щеками.

— Я знаю, знаю, Руарт, — прошептала Флейм.

— Кто наложил магические запоры? — спросила я.

— Он. Датрик.

— Послушай, Флейм, у нас есть средство передвижения. Все, что нужно, — это вылезти в иллюминатор.

— Но запоры?..

— Датрику придется их снять. Позови его сюда — только одного. — Я уже заметила, что в двери изнутри торчит ключ. Сама дверь, конечно, несла на себе заклятие. Я повернула

ключ. — Мы откроем дверь только Датрику. Начинай кричать, Флейм.

Цирказеанка послушно начала звать Датрика. Для такого миниатюрного создания она издавала действительно громкие вопли. Руарт предусмотрительно слетел с ее руки и сел как можно дальше — впрочем, это мало ему помогло: каюта была крохотная. Я встала так, чтобы дверь меня закрыла.

Дважды приходил не тот, кто был нужен. Сначала к двери подошла женщина и вполне любезно спросила Флейм, чего та хочет. Флейм потребовала Датрика, и женщина ушла. Флейм снова начала вопить, и через несколько минут явился кто-то из хранителей и сообщил, что Датрик занят: корабль как раз выходит из гавани. Не может ли Флейм подождать? Этот хранитель, мужчина, попытался войти в каюту, но открыть ему дверь Флейм отказалась. Вместо этого она стала кричать еще громче и нести всякую чепуху.

Через пять минут явился Датрик.

Флейм потребовала, чтобы в каюту он вошел один — что Датрик любезно и сделал. Я тут же приставила меч к его горлу, а Флейм повернула ключ в замке.

Датрик спокойно посмотрел на меня.

— Я думал, ты уже уплыла, — сказал он наконец. — Тот патриарх сел на корабль, который только что вышел в море.

— Я передумала. Сними заклятия, Датрик.

— Она — Дева Замка, Блейз.

— Точно. И она покидает твой корабль — со мной вместе.

— Так ты знала? — Сначала Датрик не мог в это поверить. Потом, когда все-таки поверил, ему захотелось меня убить. Он едва не выхватил меч, но, обдумав ситуацию, опомнился и только сказал: — Ах ты, сука-полукровка, предательница!

— Что ж, теперь мы знаем, что ты на самом деле обо мне думаешь, — пожала я плечами. — Сними заклятия, Датрик.

— Никогда.

— Я знаю и другой способ добиться своего, — промурлыкала я. — Не заставляй меня тебя убить, сир-силв.

— Ты этого не сделаешь. — Однако в голосе Датрика прозвучало сомнение.

— О, сделаю! Ради Флейм я сделаю что угодно.

— Ах ты, извращенка! — выплюнул Датрик.

Я позволила ему так думать.

— Что это ты вдруг стал таким брезгливым? Скажи мне, Датрик, что является извращением: любовь между двумя взрослыми людьми или попытка выдать Лиссал за пятидесятилетнего подонка, который затаскивает в постель пятилетних мальчиков? Но хватит болтовни. Боюсь, что кто-нибудь из твоих друзей забеспокоится, если мы будем слишком долго препираться. Сними заклятие, Датрик. Давай. — Я нажала на меч чуть сильнее, так что он рассек кожу на горле советника. — Давай, Датрик!

Зубы Датрика выбивали дробь, но все-таки он прошипел:

— Тебе не удастся добиться своего!

— Знаешь, Датрик, думаю, что удастся. Флейм, боюсь, что все-таки мне придется его убить. — Я вздохнула и с сожалением поцокала языком, как будто убийство советника было для меня всего лишь мелким неудобством. — Прости меня. Я не думала, что без этого будет не обойтись. — Про себя же я сомневалась, что мне хватит духу зарезать Датрика. Мне и в голову никогда не приходило поднять руку на хранителя-силва, кроме, конечно, силвов, осквернённых дун-магией. Да и надобности не возникало. А уж советника... Еще несколько дней назад это было совершенно немыслимо.

— Я не возражаю, — спокойно сказала Флейм. — После всего, что он сделал со мной, его смерть меня не тронет.

Датрик оскалил зубы:

— Я выслежу тебя, Блейз, даже если на это потребуется вся моя жизнь.

— Не нужно такой мелодрамы. Это не подходит тебе по стилю. Даю тебе последний шанс: мой меч наготове. — Я улыбнулась самой безжалостной улыбкой, какую только смогла изобразить. И Датрик капитулировал. Заклятие исчезло. Я и по сей день не знаю, убила бы я его или нет, но Датрик поверил в угрозу — а знал меня он хорошо.

Я опустила меч и за плечи развернула его лицом к двери. Еще мгновение — и его бесчувственное тело растянулось на полу. Мне кое-что было известно о том, на какую точку нужно нажать: таков был один из самых полезных уроков, который сир-силв Арнадо преподал девчонке-полукровке, мечтавшей о том, чтобы стать агентом Совета.

Руарт что-то прочирикал, и Флейм перевела дрожащим голосом:

— Руарт сказал... сказал, что у тебя теперь появился безжалостный враг.

Я ощутила озноб страха. Руарт был прав. Датрик — человек, который никогда ничего не прощает и церемониться не станет. Случившееся подорвет его авторитет, и он будет искать способы восстановить свой престиж, а заодно успокоить пострадавшую гордость. «Тебе не удастся добиться своего!»

— Давайте отсюда выбираться, — сказала я.

Флейм смутилась:

— Э-э... ты первая.

— Нет, ты. Просто на случай, если он придет в себя.

— Я думаю, что все-таки лучше тебе...

Я сердито взглянула на нее:

— Да вылезешь ты, наконец, из этого чертова иллюминатора!

— Я не умею плавать, — смущенно призналась Флейм.

Я вскинула руки, признавая свое поражение, и вылезла первой. Флейм подала мне свою сумку, потом, проделав головоломный трюк, умудрилась протиснуться сквозь иллюминатор ногами вперед. Она повисла, держась единственной рукой за раму, на какой-то заполненный молитвой момент, потом изящно свалилась в воду. Корабль уже отошел от причала. Я подхватила Флейм.

— Держи, — сказала я и сунула ей в руку веревку, которую успела перерезать. — Наше плавсредство где-то там, на другом конце веревки. Я поддержу тебя, а ты подтащи нас к нему. — Другой рукой я схватила ее сумку, которая качалась на волнах рядом.

С извинительной резкостью Флейм спросила:

— И как, по-твоему, я смогу подтягиваться, имея всего одну руку?

Я все еще искала достаточно дипломатичный ответ, когда Флейм решила проблему: она схватила веревку зубами и перехватила ее единственной рукой, потом повторила этот номер... Впрочем, мысли ее были заняты другим. Флейм глотнула воды, отфыркалась и, задыхаясь, буркнула:

— Только попробуй выпустить меня, и я никогда с тобой не буду разговаривать!

— Тебе следует научиться плавать.

На мгновение выпустив из зубов веревку, Флейм ответила:

— Как-нибудь ты меня научишь. Но только не сейчас! Блейз, будь добра, вытащи меня из этого проклятого океана!

Именно в этот момент откуда-то спереди донесся леденящий кровь вой. Флейм застонала.

— Ничего не говори мне, я сама догадаюсь. Это кричит голодный морской дракон, питающийся девственницами.

— Тогда ни тебе, ни мне не о чем беспокоиться, верно? — любезно сказала я. — Только я думаю, что это подает голос моя собака.

— Твоя собака? Где-то посреди океана — как я надеюсь, в лодке? — ты держишь собаку, которая воет, как душа моряка, увлекаемая в Великую Бездну?

Пожалуй, если смотреть с такой точки зрения, ситуация и впрямь была смешной. Более того: Флейм пока еще не знала, что плыть нам предстоит на морском пони.

Глава 28

К рассвету мы добрались до безлюдного пляжа в нескольких лигах к западу от Гортанской Пристани. Я разожгла костер из водорослей, и мы, пока завтракали, грелись у огня. Руарт, который спокойно проспал всю ночь, сидя на голове морского пони, принялся ловить мошек и искать семена травы. Флейм была совсем не так жизнерадостна; думаю, ее уныние было отчасти вызвано мыслями о том, что устоять против Датрика она не смогла. Нужно было кому-то объяснить ей, что иногда ее ожидают неудачи. Руарт не мог этого сделать: ему в силу его природы слишком во многом приходилось полагаться на Флейм. Ей нужен был друг, не уступающий ей ростом. Я еще раз порадовалась тому, что мы вместе, хотя воспоминание о расставании с Тором слишком часто пронзало мое сердце острой болью.

Другая причина уныния Флейм была более очевидна. Путешествие из Гортанской Пристани на спине морского пони ей, не умеющей плавать, казалось дерзкой попыткой искушать судьбу, хоть я и привязала нас обеих к спине животного.

Сама я была вполне довольна тем, как далеко мы уплыли за эти несколько часов: в своей родной стихии морские пони

развивали прекрасную скорость. Наша зверюга оказалась слишком быстрой даже для кровяных демонов; правда, предполагая, что эти твари — прибрежные жители, я старалась к берегу не приближаться.

Следопыт наконец-то освободился от кожаного мешка и теперь, наевшись, скакал по дюнам и катался в песке — он был похож на ребенка, которому удалось улизнуть от строгой няни. Нам уже пришлось приструнить его в отношении Руарта и птиц вообще. К счастью, Следопыт, похоже, сразу усвоил, что не следует и думать о том, чтобы облаивать, ловить и есть любое существо в перьях. Песик очень хотел угодить своей новой хозяйке.

— Послушай, я, наверное, тебя не поняла, — заговорила Флейм. — Ты в самом деле собираешься ехать на этом... этом морском червяке по задницу в воде до самого Мекате? Два или три дня, не высаживаясь на сушу? Ты страдаешь морским безумием! Что, если на нас нападут акулы? Или если мы во сне свалимся в воду? Или если путешествие затянется и мы останемся без пресной воды? А вдруг начнется шторм или небо затянут облака, так что мы не сможем ориентироваться по звездам? — Флейм все больше впадала в панику. — Милосердные боги, мы же можем вообще не найти Мекате и будем плыть и плыть, пока не свалимся за край мира!

— Когда сидишь на морском пони, вода доходит только до колен, — рассудительно ответила я, умолчав о том обстоятельстве, что в ветреную погоду все обстоит совсем иначе. — Акулы боятся морских пони, а спать мы будем по очереди и к тому же привяжемся к спине животного. Рыбаки говорят, что в это время года штормов не бывает, а течение отсюда принесет нас прямо к Мекате. Дождей не было уже три месяца, и еще недели две погода не переменится. Кроме того, один ученый менодианин в Ступице говорил мне, что мир на самом деле круглый, а потому свалиться за его край нельзя. Если мы будем все плыть и плыть на запад, то в конце концов просто вернемся туда, откуда отправились.

Флейм подарила мне выразительный взгляд.

— Дорогая, у нас нет другого безопасного способа...

— Безопасного?!

— Датрик перероет всю косу Гортан в поисках нас с тобой — особенно потому, что теперь знает: ты и есть Дева Замка. Он

использует силв-магию, чтобы узнать, не видел ли нас кто, и ни один корабль не выйдет из гавани, пока хранители не обыщут его от клотика до киля. Ты не сможешь покинуть остров иначе, чем на морском пони. Моряки в Гортанской Пристани все как один говорили мне, что хорошая погода продержится еще долго. Мы привяжемся к морскому пони и будем присматривать друг за другом. Раньше ты была готова умереть, лишь бы не выходить замуж за властителя Брета, а теперь риск гораздо меньше, уверяю тебя.

— О Великая Бездна! — простонала Флейм. — Должно быть, я совсем лишилась рассудка, раз слушаю тебя! С тех пор, как я встретила тебя, Блейз Полукровка, беды сыплются на меня одна за другой!

— Ничего подобного! — с возмущением воскликнула я. — Ты сама с самого начала накликала все беды на свою голову, я тут ни при чем.

— Ну... может быть. И наверное, мне следует поблагодарить тебя за то, что ты снова меня спасла.

— Не за что, — проворчала я не слишком любезно, потом, чтобы загладить грубость, коснулась ее колена. — После того, что ты сделала ради моего с Тором спасения... Флейм...

Она прервала меня взволнованным жестом, так что я умолкла. На самом деле некоторые вещи мы могли друг другу и не говорить.

Как раз в этот момент Руарт, закончив, по-видимому, свой завтрак, подлетел к нам и опустился Флейм на руку. Он изящно растопырил крылышки и стал перебирать клювом перья на плече.

— Что он говорит? — спросила я.

Флейм взглянула на Руарта, заморгала и наконец рассмеялась:

— Блейз, он просто прихорашивается.

Я почувствовала себя идиоткой.

— Ох... Прошу прощения, Руарт. Вам с Флейм обязательно нужно научить меня понимать дастелцев.

— На это у нас будет мало времени, — печально сказала Флейм, — разве что пока мы совершаем это безумное путешествие на Мекате. Мне очень жаль, что из-за меня нарушились твои планы, Блейз. Где ты договорилась встретиться с Тором?

— Ну... Знаешь, я на самом деле не думаю с ним встречаться. Как выяснилось, он менодианский патриарх, а я просто не могу представить себя в качестве добродетельной жены священнослужителя.

— Ах... — Флейм с сочувствием посмотрела на меня. — Мы с Руартом давно удивляемся... Руарт говорил, что уверен: Тор по крайней мере брат-мирянин. Мне так жаль, Блейз... Что же ты теперь собираешься делать?

Так, значит, я одна была слепой идиоткой, а? Это задевало за живое...

— Ну, — сказала я, стараясь не показать огорчения, — я подумала, что, может быть, вы с Руартом возьмете меня с собой.

— Ты хочешь выследить Мортреда? Серьезно?

— Да, я говорю серьезно. Не могу сказать, чтобы мне этого так уж хотелось, но сделать это нужно. Кроме того, нельзя же позволить, чтобы такая простушка, как ты, совала нос в дела с дун-скверной без присмотра. У Руарта в его теперешнем виде просто не хватит перышек, чтобы защитить тебя от неприятностей. — Птичка тряхнула крылышками и взглянула на меня, склонив голову набок.

Несколько мгновений Флейм просто растерянно смотрела на меня. Потом по ее щекам потекли слезы.

— У меня было так мало друзей, — наконец проговорила она, — только Руарт и остальные дастелцы. Они делают, что могут, но я всегда так нуждалась в ком-то... в женщине, которая меня понимает. Мне никогда и не снилось... Я никогда не думала, что ты захочешь... Проклятие, Блейз... Я просто хочу сказать, что я люблю тебя, здоровенная ты головешка.

— Ну что ж, похоже, мы поладим, — ворчливо сказала я. То, что Флейм случайно назвала меня прозвищем, которое дал мне Ниамор, подействовало на меня сильнее, чем я ожидала; да еще и ее признание в любви... Я почувствовала, что вот-вот растекусь лужицей, как медуза.

Флейм, должно быть, догадалась о моих переживаниях, потому что шмыгнула носом и сказала нормальным голосом:

— Только вот собак я не выношу.

В тот же момент, словно дождавшись нужной реплики в пьесе, Следопыт подбежал к нам и растянулся у ног Флейм. Из его открытой пасти слюна струйкой потекла ей на пальцы.

Ну, отвращение цирказеанки по крайней мере к этому представителю собачьего племени было вполне понятным. Все еще наполовину плешивая шкура, натянутая на кости, с огромным хвостом с одного конца, опирающаяся на четыре лапы размером с тарелку... ничего привлекательного. Я надеялась, что когда шерсть его отрастет и он нагуляет немного мяса на костях, смотреть на него станет приятнее.

— Мне кажется, что на самом деле Следопыт — не совсем собака, — сказала я. — Особенно если учесть, как он воет... Думаю, он, как и я, — полукровка.

— А что собой представляет вторая половина? — с сомнением спросила Флейм.

— Точно не знаю, но подозреваю, что в нем течет кровь ныряльщиков с островов Фен.

Флейм явно никогда не слышала об этих жителях болот, но сказала:

— А-а... Ну, тогда все в порядке. Раз уж он не целиком собака, я, пожалуй, смогу с ним ужиться.

Мы обменялись улыбками. Мы с Флейм Виндрайдер действительно понимали друг друга с полуслова.

Еще через пять минут мы распрощались с косой Гортан, оставили позади волны прибоя и развернули морского пони в сторону Мекате. Я не только не обогатилась на этот раз; я покидала проклятый остров, имея в кошельке меньше денег, чем там было, когда я высадилась на берег... Уж такое это место — коса Гортан.

В очередной раз я поклялась, что никогда больше сюда не вернусь.

От агента по особым поручениям
Ш. айсо Фаболда,
Департамент разведки,
Федеральное министерство торговли, Келлс,
Достопочтенному М. айсо Кипсуону,
Президенту Национального общества
научных, антропологических и этнографических
исследований не-келлских народов

8/2 месяца Одинокой Луны, 1793

Дорогой дядюшка!

Я так рад, что Вы считаете мое второе выступление на собрании Общества успешным. Я никогда не забываю, что некоторые члены Общества раньше говорили, будто финансирование Обществом моих путешествий и публикация материалов экспедиций — следствие исключительно наших родственных связей, а не моих действительных научных достижений; поэтому для меня так ценно одобрение моих статей и докладов. Конечно, критики всегда найдутся: я прекрасно знаю, что не все коллеги одобряют мои методы.

Позвольте мне в этом письме выразить признательность Вам и комитету за приглашение выступить на весеннем собрании. Я с радостью его принимаю. Свой следующий доклад я собираюсь озаглавить «Райские острова: магия, верования и медицина до контакта с келлской цивилизацией». О да, конечно, я буду чрезвычайно рад, если благоприятные отзывы в прессе приведут к тому, что найдутся спонсоры, желающие финансировать новую исследовательскую экспедицию на Райские острова. Там еще столько всего можно открыть!

Вскоре я вышлю Вам новую порцию записей. Думаю, они покажутся Вам особенно интересными, поскольку представляют собой воспоминания врача-аборигена. Впрочем, не беспокойтесь: Блейз занимает в них значительное место, — как я догадываюсь, Ваше восхищение этой внушительной дамой не уступает моему собственному. Кстати, Аниара слушает все мои рассказы о Райских островах с весьма лестным для меня вниманием. Я, конечно, по-прежнему опускаю не подходящие для ее ушей высказывания Блейз. Я вовсе не желаю слишком поощрять широту взглядов Аниары; к счастью, пока это выражается только в ее желании получить позволение женщинам становиться членами нашего Общества. Можете Вы представить себе шум, который вызвало бы такое решение? Как Вы, несомненно, помните, нам долго и упорно пришлось отстаивать позволение женщинам присутствовать на публичных выступлениях, и, как мне кажется, этого вполне достаточно.

Однако я заболтался. Давно пора отправляться в постель.

Прошу Вас, передайте мои уверения в любви и уважении тетушке Росрис.

Остаюсь Ваш благодарный племянник
Шор айсо Фаболд

Запах зла

Благодарности

Многие люди со всех концов света помогали мне в том, чтобы довести трилогию до этого места, и я благодарна им всем.

В первую очередь и больше всего моему литагенту Дороти Ламли из Соединенного Королевства. Без ее настойчивости вы никогда не прочли бы этой книги. Спасибо, Дороти, за веру в меня даже тогда, когда я сама ее не имела.

Труди Канаван из Виктории, также печатающейся в «Вояджере», за ее несравненное умение находить прорехи в сюжете. Она много сделала для того, чтобы я не упала духом.

Расселу Киркпатрику из Новой Зеландии, тоже автору, печатающемуся в «Вояджере», за вдумчивые ценные комментарии и за способность с добрым юмором придавать уверенность коллегам.

Завсегдатаям коридоров издательства — Гисти, Кандо и всем тем, кто поддерживал и веселил меня в течение долгих месяцев работы над книгой.

Всем, кто остроумно и мудро отвечал на вопросы, которые я вывешивала на доске объявлений издательства, и помог мне в выборе названий.

Перди Филлипсу из «Фримантла» за великолепные карты, глядя на которые, испытываешь желание оказаться в изображаемых местах.

Семейству Гилфитеров из Глазго, без обиды воспринявшему мои объяснения насчет того, что их фамилия просто идеально подходит главному герою фантастического романа. Спасибо, Мэтт, что одолжил мне свою фамилию!

Колину из Шотландии, знатоку Интернета, за проявленное терпение и юмор.

Селине из Вирджинии, которая в рождественские каникулы в Глазго читала первую часть рукописи.

Грегу Бриджесу за великолепную обложку и Ким Свивел за редактирование.

И наконец, Стефани Смит и всей команде австралийского отделения «Харпер-Коллинз паблишерс» — Фионе, Линде, Гаяне и всем, с кем я еще не встречалась, за помощь в превращении этой книги в то, чем она стала.

От агента по особым поручениям
Ш. айсо Фаболда,
Департамент разведки,
Федеральное министерство торговли, Келлс,
Достопочтенному М. айсо Кипсуону,
Президенту национального общества
научных, антропологических и этнографических
исследований не-келлских народов

28/2 месяца Одной Луны, 1793

Дорогой дядюшка!

Покорнейше прошу меня простить за то, что в последнее время я Вам не писал: я был очень занят подготовкой проектов для министерства. Там поговаривают о финансировании строительства торгового флота для плавания к Райским островам! Можете себе представить мое воодушевление! Ах как бы я хотел сказать, что наши бюрократы наконец оценили всю возможную выгоду поощряемой правительством торговли с архипелагом — ведь если мы не утвердим там свои позиции, на материке найдутся другие государства (на ум тут же приходят Соединенные Королевства), которые не станут медлить... Но увы! Похоже на то, что чиновники зашевелились только под давлением Лиги келлских миссионеров. Руководители этой религиозной организации просто выдают экспедицию за торговую, чтобы получить правительственные субсидии, которыми, как Вы знаете, поддерживаются только не имеющие отношения к церкви проекты; впрочем, я думаю, что эти планы находят одобрение у некоторых членов кабинета.

На мой собственный взгляд, кстати, миссионеры не найдут на Райских островах благодатной почвы для своего учения. Как Вы, возможно, помните из тех сообщений, что я посылал Вам раньше, там уже существуют монотеистическая религия и организация священнослужителей, именуемых патриархами, а также братства мирян. Последователи этой веры — менодиане — обитают на всех островах.

Как бы то ни было, посылаю Вам записи еще нескольких бесед, переведенных, как обычно, Натаном айсо Вадимом. Это рассказы другого островитянина — лекаря, родившегося в сельской общине пастухов, живущих на острове Мекате. Не думаю, что он стал бы делиться с нами своими воспоминаниями, если бы Блейз не умела так хорошо выкручивать руки. Не могу сказать, чтобы он мне особенно нравился. Этот лекарь всегда вежлив, хоть и несколько раздражителен, но почему-то я не могу избавиться от ощущения, что в душе он посмеивается надо мной. Впрочем, судите сами. Как и раньше, текст подвергся некоторому редактированию. Мы не стали пытаться передать специфический акцент рассказчика из опасения, что читателю это покажется утомительным, да такое и трудно было бы осуществить, имея дело с переводом. Для выговора пастухов-горцев характерно раскатистое «р», что действует на нервы, хотя некоторые находят такую особенность привлекательной. В своем переводе Натан при передаче прямой речи рассказчика использовал обороты, встречающиеся в диалектах наших собственных келлских горцев.

Прошу Вас, передайте выражения моей самой теплой любви тетушке Росрис и попросите ее не торопиться с выводами... Она поймет, что я имею в виду. И Аниара, и я — разумные взрослые люди и хорошо понимаем, что из этнографа, каковым я являюсь, неизбежно участвующего в длительных экспедициях, едва ли получится хороший супруг. Такова ситуация, удовлетворительного разрешения которой ни один из нас пока не нашел.

Остаюсь Ваш почтительный племянник
Шор айсо Фаболд

Глава 1

Рассказчик — Келвин

Я впервые встретился с Блейз и Флейм накануне того дня, когда я убил свою жену... точнее, накануне вечером. И вот теперь, выходит, я должен рассказывать об этом вам. Можете поверить: я не стал бы этого делать, если бы Блейз не твердила, что таков мой долг. Она считает очень важным, чтобы вы, жители Келлса, поняли островитян, и, может быть, она права: насколько я могу судить, ни один из вас пока не проявил особой тонкости восприятия, хоть вы и приплываете на острова постоянно уже десять лет, если не больше.

Ну ладно, ладно... Блейз жалуется, что к старости я стал занудой; так что я начну еще раз — как полагается.

Мы повстречались в зале гостиницы в Мекатехевене одним из тех жарких и влажных вечеров, когда воздух кажется настолько густым, что им трудно дышать. Я помню, как пот тек по моей спине, оставляя пятна на рубашке. Я снял в гостинице комнату на втором этаже, но это была душная клетушка, находиться в которой мне совсем не хотелось. Окно выходило на причалы, где корабли бесконечно качались на волнах, а портовые грузчики буянили всю ночь напролет. Вот я и решил провести вечер в общем зале, хоть вовсе не искал общества: я слишком глубоко увяз в собственных тревогах и не хотел ничего, кроме возможности за кружкой разведенного водой меда попытаться найти выход из безвыходного положения.

Непосредственно в тот момент меня тревожило то, что я должен был явиться в Феллианское бюро по делам религии и закона, а оно уже закрылось; значит, до утра, пока оно не возобновит свою работу, я не смогу выяснить, что случилось с моей женой.

Неизвестность вызывала у меня чувство, схожее со жжением в желудке от слишком наперченной пищи, предвещавшее дальнейшие неприятности. Все, что у меня тогда имелось, — клочок бумаги, на котором было написано, что, будучи супругом Джастриякин Лонгпит из Вина, я должен как можно скорее явиться в бюро. Это было бесцеремонное требование, и никакой очевидной причины откликнуться на него у меня не было. Ни Джастрия, ни я не принадлежали к почитателям Фелли ни в настоящем, ни в прошлом. К тому же феллианство не являлось государственной религией, и Образец веры, как именовался его глава, никакого официального статуса не имел. Сам повелитель Мекате был менодианином, как и большинство, насколько мне было известно, его придворных и гвардейцев.

Тем не менее вызов оставил у меня неприятное чувство, и я не стал колебаться: я тут же отправился в Мекатехевен. Я даже взял с собой вниз на побережье селвера — что вызвало бы серьезное недовольство старейшин моего тарна, если бы они о том узнали, — чтобы добраться как можно быстрее. На спуск у меня все равно ушло два дня, и вот, наконец-то добравшись, я обнаружил, что бюро уже закрылось.

Так и случилось, что я сидел в зале гостиницы, прихлебывал свой мед и никакого внимания на других посетителей не обращал. Насколько было возможно, я старался отвлечься от того обстоятельства, что меня со всех сторон окружает мертвое дерево. Еще больших усилий стоило не замечать запахов: резкой вони угля, пропитавших все помещение ароматов перебродившего пальмового сока и пролитого вина; снаружи в помещение проникало легкое зловоние мангровых болот, мокрых парусов и плесени. Я смутно осознавал, что за столом в другом конце зала идет карточная игра, у дверей группа торговцев обсуждает сделки, а в дальнем углу сидит одинокая женщина... Ничего больше я не замечал: я мог думать — со смесью отчаяния, любви и раздражения — только о Джастрии. Что, ради широких синих небес, она натворила на этот раз?

— Еще меда, сир-путешественник? — Рядом с моим столом возник трактирщик с кувшином в руках.

Мне не полагалось приставки «сир», и я был уверен, что ему это прекрасно известно. Я покачал головой, рассчитывая, что теперь он просто уйдет.

Однако посетителей было мало, а трактирщик оказался разговорчив.

— Ты ведь только что с Небесной равнины, верно? — задал он риторический вопрос: как будто он не знал, что в конюшне стоит мой селвер, да и одет я был в тагард, а за поясом у меня торчал дирк.

Я кивнул.

— Должно быть, ты устал. Хочешь, я скажу жене, чтобы она подала тебе ужин?

— Я не голоден. — Я отмахнулся от него и задел свою кружку: она наверняка слетела бы со стола, если бы он ее не подхватил.

Аккуратно вернув кружку на стол, трактирщик сочувственно вздохнул.

— Ах, тебя мучают жара и влажность. Таковы вы все, жители Небесной равнины. — Он добродушно принялся вытирать пролитый мед.

— У тебя тут останавливаются другие жители Крыши Мекате? — удивленно спросил я. Немногие пастухи селверов рисковали спускаться на побережье. Еще бы: кому захочется добровольно терпеть ужасный климат, не говоря уже о грязи на улицах городов и ограниченности здешних жителей? Мы все были уроженцами Мекате, но пастухи с Небесной равнины и горожане и рыбаки, живущие на тропическом побережье, имели мало общего между собой.

— Горцы-то? Ну, бывает: приезжают продать шерсть селверов или заплатить налоги, — с намеренной неопределенностью ответил трактирщик, и я понял, что он не ожидал, что я пойму его слова буквально. Я подавил раздражение. Мы, жители Крыши Мекате, так полагаемся на запахи, что иногда бывает трудно приноровиться к неточностям и преувеличениям в разговорах горожан. Я и до сих пор делаю такие ошибки, так что жители побережья часто находят меня резким, даже грубым: их вежливая уклончивость кажется мне просто ложью.

Трактирщик, должно быть, принял мой вопрос за проявление желания поговорить — он наклонился поближе и, подмигнув, прошептал:

— Ты заметил красотку с Цирказе в углу?

Я, конечно, не обратил на нее внимания, но теперь, оглянувшись, понял, что трактирщик мне не поверит, если я в этом признаюсь.

Женщина, сидевшая в одиночестве за столом в углу, была поразительно красива: с золотистыми волосами и глазами того же цвета, что и сапфиры, которые мы иногда находим на берегах потоков у себя на Крыше Мекате. Единственным, что ее несколько портило, было отсутствие одной руки. Цирказеанка была в дорожной одежде, носившей следы пребывания в морской воде; от нее пахло солью, усталостью и еще чем-то, чего я не мог определить, но все перекрывал сильный аромат духов. Это была какая-то разновидность тропических благовоний — шипр, пачули или нард... Я не мог сказать с уверенностью.

— И что же эта мечта моряка делает вечером одна в зале гостиницы? — продолжал трактирщик. — Вот что я хотел бы знать!

Я пожал плечами.

— Дела идут все хуже и хуже, — вздохнув, переменил тему трактирщик. Он придвинулся ко мне, и его кругленький животик уперся в крышку стола. — Это все священнослужители-феллиане виноваты. Они не одобряют выпивку. Они не одобряют игру в карты. Им не по вкусу музыка и танцы. Они не выносят шлюх и любителей заключать пари. Словом, они запрещают все, что может хоть чем-то порадовать человека. Ну, я бы и не возражал против этого, если бы они держали свои взгляды при себе, так нет: им непременно нужно заставить тех, кто их богу не поклоняется, чувствовать себя виноватыми, а уж своих единоверцев они за такое в тюрьму бросают. Дошло до того, что, когда феллиане заходят сюда пообедать, все пьянчуги разбегаются.

Я поразился. Когда я в последний раз был на побережье, до подобных крайностей дело не доходило.

Я, правда, стал гораздо меньше путешествовать с тех пор, как мы с Джастрией расстались, однако я оставался врачом, а некоторые растения и другие ингредиенты лекарств раздобыть

на Небесной равнине было нельзя. Прибрежные леса Мекате, может быть, и тянулись узкой полосой, окаймлявшей нагорье, тонкой оборочкой между склонами и морем, но в них росло такое множество разных растений, что у ботаника дух захватывало, а врач мог собрать там бесценные сокровища. Поэтому я спускался с Крыши Мекате по крайней мере раз в год, или покупая нужные мне снадобья в лавках, или собирая растения в лесах. Я всегда старался сделать эти вылазки короткими: то, что я видел на берегах Мекате, неизменно разбивало мне сердце.

Трактирщик продолжал болтать:

— Вы, жители Небесной равнины, имеете голову на плечах. Вы ведь не поклоняетесь Фелли, верно?

Я покачал головой и даже фыркнул от одной мысли, что горцы, разводящие селверов, могут принять эту доктрину. Мы были слишком практичны и слишком довольны жизнью. О, проповедники-феллиане пытались проникнуть на наше нагорье со своими идеями, так же как и менодиане, но все они наталкивались на непробиваемую стену равнодушия и в конце концов отправлялись со своими представлениями о боге, грехе и загробной жизни куда-нибудь в другое место.

Я уже начал гадать, как мне избавиться от болтуна, когда один из игроков потребовал выпивки, и трактирщик отправился их обслуживать. Я решил допить мед и уйти в свою каморку, но пока делал последние глотки, я почувствовал странный запах. Пахло перьями. Я определенно чуял перья, а зал гостиницы поздно вечером казался совсем неподходящим местом для птицы.

Я с любопытством огляделся. Мои глаза не сразу обнаружили то, что учуял нос: какая-то бурая птичка размером с ласточку сидела на стропилах над столом, за которым шла игра в карты. Я не мог определить, что это за птица, но зал гостиницы явно был для нее неподходящим местом. Птица выглядела беспокойной: она то вертела головой и посматривала вниз, то начинала переступать лапками и хлопать крыльями. Один раз она даже перелетела с одной балки на другую, а потом обратно. Бедняжка явно оказалась в западне и не знала, как выбраться наружу. Я ей посочувствовал.

Игроки за столом шумели. Трое из них были уже здорово пьяны; двое других добродушно спорили по поводу предыду-

щей сдачи: они не могли решить, благодаря чему — удаче или умению — единственная женщина среди них выиграла заметную сумму. Я никогда не играл в карты, и их разговор был мне непонятен, но мне показалось, что за столом царит странное напряжение. Кто-то переживал по поводу проигрыша, а женщина была обеспокоена, хотя умело это скрывала. Между игроками шевелило щупальцами подозрение, и запах его очень отличался от острого аромата эля в бочке у стены или горького пива, которое варили в задней комнате.

Я насторожился. Передвигаясь по скамье так, чтобы иметь возможность незаметно уйти в свою комнату, я умудрился опрокинуть свою кружку. Ни один из игроков даже не оглянулся на шум. Да, определенно было пора уходить.

Когда я наклонился, чтобы поднять с пола кружку, один из игроков, молодой парень с пронзительным голосом и покрасневшим от выпивки лицом, бросил на середину стола несколько монет и заявил:

— Теперь твоя очередь, сестрица. Ну-ка посмотрим, побьешь ли ты мою ставку.

Женщина подняла глаза к потолочным балкам, словно обдумывая возможности, потом положила свои карты на стол рубашками кверху, улыбнулась и покачала головой.

— Нет. Этот круг за тобой, приятель. Да и вообще мне пора отправляться в постель.

— Подожди-ка, — вмешался еще один игрок, удержав руку женщины, протянутую за лежащим перед ней выигрышем. — Не можешь ты всех нас обыграть, а потом просто уйти!

Она пристально взглянула на него, теперь уже не улыбаясь. Будь я одним из ее партнеров, я бы встревожился: в этой женщине было что-то такое, от чего у меня защипало в носу.

— А я думаю, что вполне могу, — сказала она, отводя удерживающую ее руку. — Не хочешь проигрывать, так не играй. Ведь...

Ей не удалось договорить. В тот самый момент, когда я поднялся, чтобы отправиться наверх, дверь зала распахнулась, и внутрь ввалилась целая толпа.

Это были не клиенты, пришедшие промочить горло, тут сомневаться не приходилось. Один из них был в синей мантии, башмаках на котурнах и цилиндрической шляпе с узкими полями — так одевались феллиане-священнослужители, это

мне было известно. Остальные выглядели бандитами: у всех в руках я заметил длинные дубинки с закругленными концами. Жрец обвел комнату взглядом и указал на игроков. Громилы с дубинками окружили стол. В зале воцарилась полная тишина. Торговцы незаметно испарились, воспользовавшись боковой дверью. Цирказеанка не двинулась с места; я тоже.

Кто не остался неподвижным, так это игравшая в карты женщина; однако ее движение было таким незаметным, что я сомневаюсь, что вновь пришедшие его заметили. Она положила руку на рукоять меча — ножны висели на спинке ее стула. Я был заинтригован: я и представления не имел о женщинах, которые пользуются мечами. Я разрывался между опасением привлечь к себе внимание, если попытаюсь уйти, и нежеланием оставаться в зале.

Тут заговорил трактирщик:

— Сир-жрец! Прошу тебя, это приличное заведение...

Жрец бросил на него испепеляющий взгляд.

— В приличных заведениях не допускают азартных игр.

Один из молодых людей, сидевших за столом, вскочил на ноги с явной агрессивностью.

— Сир-феллианин, какое тебе дело?

— Это дело владыки нашего, — ответил жрец, и от его тона у меня мурашки побежали по телу. — Ты согрешил против него, оскорбил веру, мальчик. — «Мальчику» было никак не меньше двадцати пяти, так что такое обращение само по себе было унизительным. — Покажи мне свои большие пальцы.

Парень залился краской, и я почуял запах страха и возмущения. Он неохотно вытянул перед собой руки. Жрец взглянул на них и кивнул громилам с дубинками.

— И остальные тоже, — бросил он другим игрокам.

Один из них спокойно ответил:

— В этом нет необходимости. Мы добровольно признаемся: все мы феллиане, за исключением этой леди. И мы воистину сегодня согрешили перед Фелли. Я приношу свои извинения. Мы покинем это греховное место и отправимся по домам каяться и молить Фелли о прощении. — Он поднялся и низко поклонился жрецу. Только тогда я заметил, что он тоже обут в башмаки на котурнах; они все оказались в таких башмаках, за исключением женщины.

Если игрок думал, что тем дело и закончится, он ошибался.

— Думаю, этого мало, — возразил жрец. — Покаяние — недостаточное наказание, мальчик. Вас ждут тюрьма и штраф.

Воинственный парень горячо выпалил:

— Ты переходишь границы, сир-жрец! Я сын бюргера Дункана Кантора, а мои друзья...

— Ни один человек и ничей сын не выше закона, установленного владыкой нашим. — Жрец еще раз кивнул вооруженным дубинками приспешникам. Не прошло и нескольких секунд, как игроков, не обращая внимания на их протесты, вытащили из зала. Теперь жрец переключил внимание на женщину.

— Эй ты, покажи мне свои большие пальцы.

На мгновение мне показалось, что она откажется, однако за спиной жреца все еще стояли четверо с дубинками, и наконец женщина пожала плечами и протянула по очереди обе руки. Жрец, удовлетворив свое любопытство, кивнул, но все же внимательно взглянул в лицо женщине; потом без предупреждения протянул руку и откинул волосы с ее левого уха. Татуировка, говорящая о гражданстве, на мочке отсутствовала. Я не разбирался во внешних особенностях жителей разных островных государств, но что-то в женщине — она была высокой и смуглой, с темными волосами и пронзительно зелеными глазами — сказало жрецу, что в ее жилах течет смешанная кровь.

— Полукровка, — прошипел жрец, и ненависть, прозвучавшая в этом единственном слове, заставила меня разинуть рот. Как может один человек презирать другого только из-за случайности его рождения?

— Верно, — спокойно ответила женщина. — И я прибыла на Мекате только сегодня вечером. — Я знал, что она лжет, хотя и сомневался, что кто-нибудь другой мог бы это заметить. Женщина была спокойна, как вода горного озера. — Закон гласит, что не имеющие гражданства могут находиться на любом острове три дня.

— Ты развращала нашу молодежь! Игра в карты! — Злоба жреца была так ощутима, что заставила меня поежиться.

Женщина ответила ему решительным взглядом.

— Не припоминаю, чтобы мне пришлось учить их играть или ставить деньги на кон. Они явно были хорошо знакомы с этим делом еще до того, как появилась я.

— Твое поведение типично для выродков-полукровок. Мы не желаем, чтобы тут такие появлялись. Покажи-ка мне свое клеймо.

Я поморщился от его тона и от исходящего от него запаха еле сдерживаемой ярости. Женщину, казалось, не встревожило то, как сузились глаза жреца и каким зловещим сделался голос, но его слова заставили ее замереть на месте. Я затаил дыхание. Женщина держалась великолепно, в ней чувствовалось достоинство, которого трудно было бы ожидать от человека в ее положении; все это заставляло жреца выглядеть тем, кем он на самом деле и был: мелочным и злобным человечком. Однако в женщине проглядывало не только достоинство; под ним скрывался постоянный глубокий гнев, заставлявший опасаться ее даже и без меча в руке. Напряжение между ней и жрецом нарастало. Не говоря ни слова, женщина точным движением расстегнула тунику так, чтобы жрец мог видеть отметину у нее на спине. Это было уродливое клеймо: пустой треугольник, выжженный на лопатке. Когда-то рана плохо зажила, и плоть вокруг нее вспучилась.

Женщина застегнула тунику.

— Прости меня, — сказала она, и ирония в ее голосе была лишь прикрытием клокочущего внутри гнева. — Я не знала, что играть в карты здесь запрещено законом. Догадаться об этом по поведению других игроков я не могла. А теперь, с твоего позволения, я уйду. — Женщина отвернулась от жреца, возможно, намереваясь взять ножны с мечом.

То, что произошло в следующий момент, произошло так быстро, что и я, и цирказеанка выкрикнули предостережение слишком поздно. Жрец сделал знак одному из громил с дубинкой, и тот с быстротой плюющегося селвера ударил своим орудием женщину по голове. Наши крики все же о чем-то ее предупредили, и она успела повернуться так, что основной удар пришелся ей по плечу, но все равно она оказалась беспомощной. Точнее, я так подумал, но тут же моя уверенность улетучилась... Когда женщина пошатнулась, еще один из громил попытался сильно толкнуть ее, чтобы ударить о стену. Женщина резко согнулась, словно споткнувшись, и каким-то образом

бандит перелетел через нее. Прежде чем он успел упасть на пол, женщина выпрямилась, и громила врезался головой в стену. Он вырубился начисто. Все это казалось случайностью, но что-то в плавной грации движения женщины заставило меня усомниться... Все же нанесенный ей удар был таким сильным, что она побледнела и была вынуждена опереться о стену, чтобы не упасть. Струйка крови склеила волосы у нее на виске. Я подумал, что ее слабость — не притворство: она почти теряла сознание, и движение только ухудшило ее состояние.

Я вскочил, чтобы вмешаться.

— Погоди-ка маленечко, — обратился я к жрецу, — уж это ни к чему. Вы поранили женщину, а она ведь не сопротивлялась. Я врач. Дай-ка я осмотрю ее. — Поколебавшись, я кивнул на парня на полу и добавил: — Да и его тоже.

Жрец холодно посмотрел на меня.

— Нам тут не нужны лекари-идолопоклонники.

— У них обоих может быть сотрясение мозга...

— Ты смеешь спорить со мной, пастух? — не скрывая неудовольствия, бросил жрец.

Он махнул рукой своим приспешникам, и один из них завернул женщине руки за спину; наручники оказались на ней прежде, чем она смогла запротестовать. Громилы явно не раз проделывали подобное. По знаку жреца они потащили женщину на улицу. Лицо стоявшей рядом со мной цирказеанки стало белым, как луговой подснежник. Жрец повернулся к нам.

— Ваши большие пальцы.

Я заморгал и попытался добиться своего:

— Женщине нужна помощь! — Я двинулся к двери, но жрец загородил мне дорогу. — Тогда дай мне заняться мужчиной. — Я указал на лежащего на полу бандита, который еще только начинал шевелиться.

— Ваши большие пальцы! — рявкнул жрец, и в голосе его была такая властность, что я замер на месте.

Цирказеанка пожала плечами и протянула руки. Жрец глянул, кивнул и снова повернулся ко мне. Я понятия не имел, чем он интересуется, но позволил ему посмотреть на мои пальцы. Он этим удовлетворился и сказал:

— Вы здесь — чужаки. Следуйте примеру чистых сердцем, и вам будут рады на побережье. Не соблазняйтесь греховными приманками, которые вы сегодня видели в этом прибежище

скверны. — Запах искренности окутывал его, клубясь вокруг. Жрец и в самом деле верил в то, что говорил! Позади него поверженный громила, шатаясь, поднялся на ноги и стал озираться в поисках своих сообщников.

— Ох, думаю, и шанса такого нет, — миролюбиво ответил я, — не грехам же станем мы подражать.

Жрец не обладал достаточным воображением, чтобы почувствовать сарказм. Он склонил голову, подошел к столу, на котором валялись деньги картежников, и, достав кошель, сгреб в него монеты, которые лежали посередине стола. Их было не очень много: деньги в основном лежали перед каждым из игроков, но жрец не обратил внимания на эти горки монет и вышел из зала. Он также не прикоснулся к мечу полукровки, который так и остался висеть на спинке стула.

Я сделал шаг к поднявшемуся с пола бандиту, собираясь предложить ему свою помощь, но тот поспешно выскочил в дверь. Цирказеанка молча села за стол картежников. Я повернулся к трактирщику.

— Что это была за ерунда насчет больших пальцев?

— Ох, жрец проверял, есть ли у вас знак почитателей Фелли: им татуируют на больших пальцах синие кружки — при рождении или в момент обращения.

— А если человек переменит веру? — спросил я.

Трактирщик посмотрел на меня так, словно не мог поверить в подобную наивность.

— Раз став феллианином, им остаешься на всю жизнь. Это не та вера, от которой можно отказаться... по крайней мере оставшись в живых.

— В такое... в такое невозможно поверить! Неужели родители могут приговорить своих детей к пожизненному обязательству?

Трактирщик пожал плечами, показывая, что разделяет мою неспособность понять такое.

— А клеймо на плече женщины? — продолжал я расспросы.

— Оно свидетельствует о ее бесплодии. Мужчин-полукровок кастрируют, а женщин — стерилизуют и выжигают клеймо в знак того, что операция произведена.

— Кастрируют? Стерилизуют? Да кто же это делает? — Мне приходилось слышать о таком, но я почему-то считал, что к подобным зверствам больше не прибегают.

Трактирщик поежился, словно вопрос его смутил.

— Власти. Здесь, на Мекате, — жрецы Фелли и стражники повелителя. Таков закон во всех островных государствах, хотя я слышал, что менодианские патриархи проповедуют против него.

— Это же варварство!

— Ты, житель Небесной равнины, лучше бы отправлялся восвояси, — с сочувствием посоветовал мне трактирщик. — Мир слишком ужасен для таких, как ты.

Я поморщился. Может быть, он и был прав. Я оглянулся на стол картежников и уже собирался сказать об остававшихся там монетах, когда заметил, что они исчезли. Цирказеанка приближалась к нам, держа в руке меч другой женщины.

— Ты не должна этого делать! — выпалил я, не подумав.

Она с невинным удивлением посмотрела на меня.

— Чего?

— Брать все эти деньги.

— Какие деньги?

— Те, что остались на столе.

— Их забрал жрец.

— Он взял только часть!

Я посмотрел на трактирщика, ожидая, что он меня поддержит, но тот только озадаченно вытаращил глаза.

— Да, их забрал жрец, — сказал он. — Все забрал, я видел.

Цирказеанка кивнула.

— Куда они отвели игроков? — спросила она.

— В Феллианское бюро по делам религии и закона, — ответил трактирщик. — Там есть камеры. Завтра они предстанут перед феллианским магистратом. Обе стороны выставят адвокатов, которые будут цитировать Священную Книгу, которая, ясное дело, вдохновлена Фелли, и тот, кто будет лучше цитировать, выиграет дело.

Я разинул рот.

— Это же абсурдно! — Я не так уж разбирался во всем, что касалось судов, адвокатов и магистратов — у нас на Крыше Мекате ничего подобного не водится, — но все равно сказанное трактирщиком показалось мне просто смешным.

— Не для почитателей Фелли, — возразил трактирщик. — Они верят, что Фелли всемогущ и не может ошибаться, так что если магистрат и адвокаты молят о наставлении — а они это делают, — результатом будет то, чего желает Фелли. Прими-

тивная логика. — Трактирщик фыркнул. — Это одна из причин того, что я — менодианин, а не почитатель Фелли.

Я почувствовал к нему симпатию, но вступать в религиозный спор мне не хотелось. У себя на Небесной равнине мы не верим ни в каких богов вообще, что представляется мне гораздо более разумным. Я снова взглянул на цирказеанку.

— Так ты утверждаешь, что не брала деньги? А как насчет меча, который ты держишь?

Мой вопрос ее, казалось, удивил. После некоторой заминки она ответила:

— Я его не краду.

Я растерянно заморгал. В конце концов, меч был у нее в руке, но в ее голосе прозвучала несомненная честность, так что я не знал, чему верить — глазам или ушам.

Цирказеанка кивнула нам с трактирщиком и двинулась к лестнице.

Я посмотрел на трактирщика, но его воинственность исчезла. Более того: он пятился от меня, словно усомнившись в том, что я и в самом деле безобиден. Я пожелал ему доброй ночи и тоже отправился наверх; я был все еще растерян, но хорошо понимал, что поднимать шум было бы глупо. В конце концов, все это меня не касалось.

Я поднялся на несколько ступенек, когда почувствовал, что за мной наблюдают. Я обернулся, но единственной, с кем я встретился взглядом, оказалась птица. Та самая птица, что сидела на балке потолка, только теперь она перелетела на перила лестницы. Она смотрела мне вслед до тех пор, пока я не дошел до своей двери. У меня возникло странное чувство, как будто я соприкоснулся с чем-то, чего не в состоянии понять: птица никак не должна была испытывать чувств, которые я учуял в этом существе.

Глава 2
Рассказчик — Келвин

Рано утром на следующий день я явился в Феллианское бюро по делам религии и закона, источая сильный — по крайней мере для моего носа — запах тревоги. К моему изумлению,

перед зданием уже собралась толпа. Большинство составляли богатые торговцы в сопровождении жен и слуг. Некоторые женщины плакали, а мужчины были столь же мрачными, как их одежды. Они переговаривались, ожидая открытия бюро, перебирая четки и шаркая ногами в своей неудобной обуви.

— Что происходит? — спросил я старика, который торговал жареной морской живностью. От жаровни исходил такой сильный запах, что кончик носа у меня задергался.

Старик безразлично пожал плечами, переворачивая лопаточкой раковины на решетке жаровни.

— Сыновей торговцев вчера арестовали за игру в карты. Родители явились, чтобы их освободить.

Я смотрел на толпящихся вокруг людей. Одна женщина обнимала другую и причитала:

— Ах, Лийта! Разве я не говорила ему всегда, чтобы он был хорошим мальчиком! Я запретила ему выходить из дому вечером, а он не послушался!

Она была одета в красное платье с синей шалью на плечах и в кожаные сандалии. Поскольку это была женщина, никого не интересовало, не окажутся ли ее ноги осквернены пылью. Мужчинам — и жрецам, и мирянам — следовало носить башмаки на котурнах и ни при каких обстоятельствах не прикасаться к земле; им также запрещалось носить одежду ярких цветов, кроме синего. Феллиане не могли ходить по улицам в одиночку: жрецы предписывали им всегда находиться в обществе по крайней мере одного единоверца, по-видимому, в предположении, что это обеспечит их хорошее поведение. Запреты, налагаемые на женщин-феллианок, не были столь строги: им не полагалось только изменять супругу или соблазнять мужчин своим поведением или одеждой. Джастрия однажды объяснила мне эту странность. Дело было не в более снисходительном отношении к женщинам, а в довольно мерзкой особенности феллианства: считалось, что женщины не стоят того, чтобы заботиться об их душах. Владыка Фелли презирал женщин, и Священная Книга была полна рассуждений об их легкомыслии и пустоте, делающих их не способными ни к праведности, ни к истинной учености. Женщина, похоже, могла попасть в рай только в том случае, если ее супруг на протяжении жизни проявлял достаточно благочестия, чтобы ему было позволено прихватить ее с собой. Поэтому богатые женщины часто обза-

водились больше чем одним мужем в надежде, что хоть один из них поможет жене попасть на небеса. Джастрия с циничным смехом заметила как-то, что подобный прагматизм говорит об уме женщин, а не об его отсутствии.

— Тебе придется ждать, если у тебя дело к Образцу веры, — сказал мне продавец моллюсков. Он расколол раковину и с громким чавканьем высосал содержимое. — Ах, объедение... Неужели не хочешь попробовать? — Я покачал головой. — Образец веры сначала займется избалованными сынками богатеев и только потом снизойдет до пастуха с Небесной равнины. — Старик фыркнул, словно говоря, что не слишком высокого мнения о феллианах. — Будь осторожен, горец: у жрецов чувствительная кожа.

— По крайней мере ты не опасаешься их критиковать, — сказал я и отошел так, чтобы оказаться с наветренной стороны от жаровни. Запах жарящейся плоти всегда вызывал у меня тошноту. Я размышлял о том, что мое необдуманное вмешательство накануне вечером вполне могло задеть чувствительную кожу по крайней мере одного жреца. Оставалось только надеяться, что мне не придется столкнуться именно с ним.

— Повелитель Мекате все еще гарантирует свободу вероисповедания всем жителям острова, — кивнул продавец моллюсков. — Впрочем, не хотел бы я оказаться одним из феллиан. У них собственная система законов, и верующим приходится несладко: жизнь у бедняг чертовски трудна. Так ты уверен, что не хочешь моллюска? Они у меня свеженькие: я их жарю, пока они еще шевелятся. — Он помахал у меня перед носом маленьким осьминожком, держа его за щупальце; несчастное существо было еще живым.

Я поспешно сделал шаг назад, наткнулся на что-то и извинился прежде, чем осознал, что прошу прощения у вбитого в землю столба. Продавец живности ухмыльнулся. Я почувствовал, что краснею. Таков один из недостатков рыжеволосых людей: когда они краснеют, это очень заметно.

Я отошел, чтобы подождать где-нибудь в тихом уголке.

Через несколько часов я все-таки попал в кабинет Образца веры, радуясь хотя бы тому, что не нарвался на того жреца, которого видел накануне.

Мне лишь ценой больших усилий удалось скрыть то отвращение, которое у меня вызвала комната: на мебель, стоявшую в ней, пошли вовсе не отмершие сучья... Особенно меня поразил огромный стол. Целые деревья были загублены только ради того, чтобы один человек получил в свое распоряжение роскошный кабинет. Я с содроганием смотрел на эту бессмысленную жестокость. Словно подчеркивая расточительность людей, за окном позади стола открывался вид на ряд деревьев, древних гигантов, — всего, что осталось от девственного леса. Даже теперь эти деревья оставались средоточием жизни: в трещинах коры росли папоротники и орхидеи, лианы и вьющиеся растения оплетали могучие стволы, среди лишайников наверняка кишели насекомые и мелкие ящерицы. Яркое плодородие жизни заставляло комнату казаться еще больше похожей на гробницу.

Приближаясь к столу, я споткнулся о разноцветную плетеную циновку. Образец веры, маленький чисто выбритый человечек, терпеливо ждал, пока я восстановлю равновесие и подойду к его столу. В соответствии с требованиями религии мантия окутывала его от шеи до запястий, оставляя голыми только ноги ниже колен. Синий цвет мантии должен был символизировать небеса, так же как котурны — поднимать его над земной скверной. До смешного высокая шляпа выражала стремление вверх, к царству владыки Фелли. Шляпу удерживала на голове лента, завязанная большим черным бантом под подбородком.

— Меня зовут Образец веры Ди Пеллидри, — с холодной вежливостью сказал феллианин. — Присядь. Ты хотел меня видеть?

Клерк уже сообщил ему мое имя, поэтому я сказал:

— Истинно так. Дело в женщине, которая когда-то была моей женой, — Джастриакин Лонгпит из Вина. — Я сел, едва не опрокинув стул: так меня смутило его равнодушие, запах которого я ни с чем не мог спутать. Он хотел, чтобы я поскорее ушел. Он видел во мне досадную помеху.

— Ах да, мне принесли бумаги. Так что там с ней? — Образец веры вытащил из стопки на столе папку и начал перелистывать бумаги в ней.

— Сир-жрец, я ж ничегошеньки не знаю. Она здесь? Это твое ведомство пожелало, чтоб я явился к тебе.

— Ах да, теперь я вспоминаю. Она здесь, в камере в подвале. — Он сложил руки перед собой. — Мой печальный долг заставляет меня сообщить тебе, горец, что ее осудили за грех прелюбодеяния.

— Осудили? — заикаясь, выдавил я, отчаянно стараясь понять, о чем он говорит: я не был уверен, что правильно понял жреца.

— Да, ее осудил суд веры.

— Так ее собираются наказать?

— Ее вынесли смертный приговор: побивание камнями.

Я задохнулся.

— Смертный приговор? За прелюбодеяние?

— Верно. За такое преступление полагается смерть.

Он не мог бы поразить меня сильнее. Я чувствовал себя так, словно получил пинок в живот. Я начал судорожно искать слова, пытаясь найти какой-то смысл в ситуации, в основе своей смысла не имеющей.

Жрец ждал, все такой же вежливый и равнодушный. Я втянул воздух в надежде, что какой-нибудь запах подскажет мне, что делать, о чем спрашивать, что говорить. Не получив никакой помощи, я заставил себя думать.

— Прелюбодеяние? — наконец выдавил я из себя. — Раз так, то пострадать-то от этого мог только ее супруг. Какое отношение это имеет ко мне?

Глаза Образца веры сверкнули.

— Владыке Фелли, да святится имя его, было нанесено оскорбление. Владыка ненавидит любое осквернение закона, и разврат в его глазах — смертный грех. Твоя жена понесет положенное наказание.

Такого просто не могло быть! Я попытался успокоиться, найти какой-то логический путь положить конец немыслимому.

— Джастрия — из народа Небесной равнины. Она не из твоих единоверцев. Как же тогда можно говорить, что она согрешила против твоего бога?

Глаза жреца снова сверкнули, но он сдержал свои чувства: я даже ничего не учуял.

— Когда язычники вмешиваются в нашу жизнь, он или она должны подчиняться нашим законам. Таково наше право, дарованное нам повелителем Мекате и самим владыкой Фелли.

Все, что я сумел ошарашенно пробормотать, было:

— Джастрия вмешалась в вашу жизнь? — Я просто представить себе не мог, чтобы она связалась с кем-то из феллиан. Она всегда презирала их бредовую веру.

— Она соблазнила одного из правоверных.

У меня оборвалось сердце.

Ох, Джастрия, что же ты натворила?

Я сглотнул, все еще пытаясь найти какие-то доводы, которые остановили бы это безумие.

Думай, думай же! Разве не гласит поговорка: «Говори с ткачом о шерсти, с флейтистом — о музыке, с женой — о любви»?

Придется играть в их игры, раз нет другого выхода...

— Джастрия мне больше не жена, так что она не могла совершить прелюбодеяние.

— Ты с ней развелся? А где бумаги?

— Мы на Крыше Мекате не пользуемся бумагами, Образец веры. Я уже несколько лет не... э-э... не имел сношений с Джастрией. По нашим обычаям это означает, что мы развелись.

— Этого недостаточно с точки зрения феллианского закона.

— Вы не признаете наши обычаи? Ладно. Мы и в брак вступили по своим обычаям. Тут тоже никаких бумаг не было. Значит, с вашей точки зрения, мы не были женаты. Ты не можешь обвинить в прелюбодеянии женщину, которая не выходила замуж.

— Ты играешь словами, пастух! И с истиной ты тоже играешь. Твоя жена развратничала и будет наказана. Да и вообще то, что она, возможно, не была замужем, значения не имеет: она соблазнила одного из правоверных! Ее поймали на месте преступления, даже не в помещении, как полагалось бы любой приличной женщине, но под деревом, где она совокуплялась на траве, подобно дикому животному! Ее любовник — женатый человек, даже если она сама — незамужняя. Ее судили и вынесли приговор, и изменить этого нельзя. — Тон Образца веры ясно показывал, что его судьба Джастрии не трогает, а мое отношение удивляет — теперь, когда он все мне объяснил. Мой нос уловил намек на негодование, но и только. — У нее остается мало времени, — продолжал Образец веры. — Казнь состоится на закате на площади.

— На закате? Сегодня?

— Сегодня.

— О Сотворение! — Я сидел на стуле напротив этого ханжи-жреца, чувствуя себя так, словно меня выпотрошили... Наконец мне удалось достаточно спокойно сказать: — Ты никогда не умеряешь своих решений милосердием, Образец веры? Вы зовете своего бога, владыку Фелли, милосердным. Это и есть его милосердие?

— Не тебе подвергать сомнению решения владыки Фелли, язычник. — И поза жреца, и его запах содержали предостережение.

— А как насчет любовника Джастрии? Его тоже убьют?

— Мне не нравятся слова, которые ты выбираешь, пастух. Мужчина уже понес наказание за свой грех. Его осудили и казнили за незаконную связь с язычницей.

Я глубоко вздохнул, пытаясь успокоить бурю мучительных переживаний.

— Нет ли способа, которым я мог бы помешать казни Джастрии? Или по крайней мере задержать приведение приговора в исполнение?

— Нет. Решения суда веры никогда не отменяются. Да и как такое было бы возможно? Они принимаются только после того, как судьи помолятся о том, чтобы владыка Фелли их просветил, а потому никогда не могут оказаться ошибочными. Единственная причина, по которой твоя жена еще жива, заключалась в необходимости уведомить тебя, поскольку ты — пострадавшая сторона и дело твоей жены тебя касается.

Я почувствовал, как вся кровь отхлынула от моего лица.

— Ты хочешь сказать, что, явившись сюда, я ускорил смерть Джастрии?

Образец веры пожал плечами.

— Мы в любом случае не стали бы надолго откладывать казнь.

Мгновение я просто сидел, не в силах выговорить ни слова. Наконец я через силу прошептал:

— Джастрия... Могу я ее увидеть?

— Несомненно, и это очень правильно: развратницу следует заставить посмотреть на человека, которому она причинила зло, и выслушать его обвинения. Я пошлю кого-нибудь

проводить тебя в камеру. — Жрец позвонил в колокольчик и отдал приказание появившемуся служителю.

Я с трудом поднялся: ноги мне словно не принадлежали. Уже оказавшись у двери, я помедлил и повернулся к Образцу веры.

— Побива... Побивание камнями... что это? — Мой голос тоже показался мне чужим... говорил за меня кто-то другой, а слова долетали издалека.

Ди Пеллидри поднял голову от бумаг.

— О, это значит, что ее будут забрасывать камнями, — с прежним равнодушием ответил он, — пока она не умрет.

Я покачнулся: мое тело было не в силах действовать, пока разум пытался примириться с реальностью, стоящей за этими словами.

Пеллидри уже не смотрел на меня. Он сунул папку с делом Джастрии под другие и взялся за лежащую сверху. Следующая папка, следующее преступление, следующее наказание... Обычная ежедневная работа. Мне страшно хотелось убить его, избавить мир от его самодовольного ханжества. Впервые в жизни я отчаянно желал уничтожить другое живое существо.

— Сюда, — сказал мне феллианин, который должен был проводить меня в камеру Джастрии. Ему пришлось взять меня за локоть и вытащить из кабинета Образца веры.

Камеры были просторными, сухими и голыми. В каждой двери виднелось забранное решеткой окошко, и нам предстояло разговаривать, находясь по разные стороны двери. Я попросил разрешения войти внутрь, но мне, конечно, отказали. Меня тщательно обыскали, и после этого мой сопровождающий ушел, предоставив дальнейший надзор стражнику, сидевшему за столом в конце коридора.

Я заглянул в окошко. В камере оказались две женщины: игравшая в карты полукровка и Джастрия. Обе они сидели на единственной плетеной циновке. Полукровка только что сказала что-то, что заставило Джастрию рассмеяться, и от этого смеха на меня нахлынули воспоминания, тем более мучительные, что я знал, как близка Джастрия к смерти.

Джастрия... своевольная, упрямая, прелестная женщина — и ее должны убить последователи варварской религии только

за то, что она подарила свое тело какому-то неизвестному мне мужчине. О Сотворение, какую же высокую цену заплатили эти двое за свою страсть...

— Джастрия... — прошептал я, и она подняла голову.

По долетевшему до меня запаху я понял, что она не ожидала меня увидеть.

— Кел! — Она подошла к двери, не веря тому, что говорили ей ее чувства. — Мне показалось, что я раньше чуяла тебя, но я решила, что ошиблась.

— Мне прислали сообщение, что я должен явиться, так что я приехал.

Она смотрела на меня встревоженными, окруженными темными кругами глазами.

— Ох, Кел, мне так жаль... Тебе не следовало приезжать. — Джастрия сглотнула. — Тебе сказали, что случилось? Они собираются меня убить, знаешь ли.

Я кивнул.

— Джастрия, как ты могла сделать такую глупость? — Я не хотел этого говорить и забрал бы слова назад, будь такое возможно. Ее ждала смерть, а тут еще я начал ее упрекать... Я запустил пальцы в волосы, как часто делал в расстройстве.

Джастрия тихонько засмеялась.

— Ах, ты же знаешь меня, Кел. Я готова на что угодно ради новых ощущений. Я должна была прожить жизнь во всей полноте, все попробовать, испить из всех чаш. Пока это продолжалось, я наслаждалась. — Последняя фраза была ложью, и мы оба это знали. Джастрия искала не наслаждения, а отчаянно пыталась достичь спокойствия духа, которое все время от нее ускользало. Она подняла руку и вытащила гребень, удерживавший ее волосы. Рыжая грива рассыпалась по плечам.

— Я старался, — сказал я, — старался заставить их передумать, да только они не пожелали слушать.

— Они сказали когда? — спросила Джастрия. Она выглядела гораздо более спокойной, чем я.

Я помолчал, позволив ей сначала втянуть воздух и понять, что сейчас она услышит плохие новости. Обычная на Небесной равнине вежливость... как будто кто-нибудь мог оказаться готов к тому, что я должен был сказать.

— Они сказали... сказали... сегодня вечером. На закате, на площади.

Джастрия беззаботно пожала плечами, но обрушившаяся на меня волна ее эмоций пригвоздила меня к месту: ужас, горечь, безнадежность... Все это я чувствовал, стоило мне только вдохнуть. Наконец, преодолев шок, она сказала:

— Ну и что? Здесь, в тюрьме, все равно не жизнь для того, кто был рожден на Небесной равнине.

Я обнаружил, что хочу задавать вопросы. Мне необходимо было получить ответы, чтобы понять.

— Ох, Сотворение, но почему, Джас, почему? — Что заставило ее покинуть меня, покинуть то безопасное место, которое я устроил для нее посреди всей грязи и зловония побережья? Что привело к такому разочарованию в жизни, что ей стало безразлично, будет она жить или умрет? Ей ведь всего двадцать девять!

Джастрия взглянула на меня с выражением жалости.

— Я не могла больше выдержать, Кел. Я должна была быть самой собой, а не прокисшим молоком, как все вокруг. Ты ведь какой-то частью души понимаешь это, верно? Поэтому-то я и вышла за тебя.

Я таращил на нее глаза, не уверенный, что понял ее правильно. Может быть, Джастрия видела во мне больше того, чем я являлся в действительности; может быть, она думала, что нашла родственную душу, такую же неугомонную, как ее собственная. Она думала, что у меня такое же мятежное сердце, как у нее. Но я вовсе не был бунтарем, я не рвался разбить форму, в которой был отлит: мне скорее хотелось создать новые формы. Я не собирался бороться со старейшинами тарна, мне нужно было, чтобы они одобрили новшества. Мне не доставляло удовольствия шокировать свою семью, причинять боль тем, кто меня любил. Я вполне мог жить в рамках неизбежных ограничений, не сходя от этого с ума. Я хотел сделать жизнь на Крыше Мекате лучше, а Джастрия стремилась ее разрушить. Она называла меня бесхребетным, а я ее — безрассудной. Она говорила, что я — зверь, который сдох слишком давно, чтобы имело смысл снимать с меня шкуру. Я говорил ей, что она похожа на детеныша травяного льва, который тявкает на луну и думает, что от этого луна рассыплется.

И все же одно было верно: я не был отлит в той же форме, что и обычный пастух с Небесной равнины. Я был врачом, травником и хирургом, меня обучали дед с бабкой, родители, дядя.

Как и все в моем доме, я путешествовал по Небесной равнине, помогая младенцам появиться на свет, выхаживая больных, зашивая раны, готовя лекарства. С того самого времени, как я стал достаточно взрослым, чтобы носить тагард и дирк, я сопровождал дядю на побережье, чтобы закупать травы и снадобья, которыми мы пользовались. Когда я стал взрослым, меня начало интересовать применение новых лекарств и растительных сборов, и я получил от старейшин тарна разрешение спускаться на побережье, когда пожелаю, чтобы искать нужные составные части. Мне даже выдали на эти цели часть золота из сокровищницы. В результате я занимался тем, что редко выпадало на долю горцев: путешествовал. Правда, я никогда не покидал Мекате, но все же избег жестко регламентированного существования, которое было уделом большинства жителей Небесной равнины. В определенном смысле именно это помогло мне сохранить рассудок.

После женитьбы я, конечно, брал Джастрию с собой, надеясь, что это излечит ее от беспокойства, от недовольства жизнью. Только Джастрию ничто не могло удовлетворить. Когда мы бывали на побережье, она относилась ко всему вокруг с отвращением, но стоило нам вернуться в Вин, и она начинала противиться всем и вся. Я пытался понять ее, и частично мне это удавалось. Однако большая часть моей души только кричала: почему ты не можешь быть довольна тем хорошим, что тебе выпадает? Почему не хочешь соблюдать правила ради сохранения действительно ценных вещей? Если бы каждый ходил, куда хочет, делал, что хочет, хрупкий мир Небесной равнины разрушился бы. Так что правила были необходимы...

В конце концов тарн — мой тарн — изгнал Джастрию. Ее отправили в изгнание на год в наказание за постоянные нарушения. Я достаточно сильно любил ее для того, чтобы поселиться с ней вместе на побережье. Я зарабатывал на жизнь тем, что оказывал услуги местному населению, и думал, что так мы просуществуем этот год... Но в первый же раз, когда я отправился наверх, чтобы увидеться с семьей, Джастрия исчезла. Она просто ушла, оставив мне короткую записку.

Я многие недели разыскивал ее... да и потом, возвращаясь в Мекатехевен, продолжал поиски. Джастрию я так и не нашел.

И вот теперь, находясь в тюремной камере, она спрашивала меня, понимаю ли я, почему она была так беспокойна, так не способна приспособиться к нормальной жизни...

— Понимаю? — переспросил я. — Отчасти. Немножко... В конце концов, я никогда не хотел сидеть дома и сделаться копией своего отца. Но, Джас, ты же попросту убила себя. Разве оно того стоило?

— Знаешь, мне стало все едино. Я думала, свобода делать все, что захочу, разрешит мои проблемы, да только ничего не вышло. Я ведь так и не стала свободной, на самом деле свободной. Жители Небесной равнины презирали меня за то, что я *хотела* быть не как все; жители побережья презирали меня за то, что я *была* не как все. Вот и оказалось, что я нигде не могу быть счастлива.

— Тот мужчина... — начал я и тут же понял, что не знаю, как задать вопрос.

— Тот, с которым меня поймали? — догадалась Джастрия. — Он просто заплатил мне, Кел. Я его даже не знала.

Я отвернулся: меня начало тошнить.

Мое отвращение вызвало у Джастрии вспышку ярости.

— Я рада умереть! Слышишь? Рада!

Я не знал, что сказать. Я понимал, что подвел Джастрию. Я чувствовал себя беспомощным все годы, пока мы были женаты, и теперь я тоже чувствовал себя беспомощным, глядя на нее сквозь решетку.

— Мне жаль, — сказал я бессмысленные в такой трагической ситуации слова.

Джастрия вздохнула.

— Это не имеет значения. Мне не следовало выходить за тебя. Ни за кого не следовало. Да и не знаю я, что нужно было бы сделать: лекарства от разрушения души нет. Недаром говорят: тот, кто плюет в небо, получит плевок в лицо. Что ж, я плевала в небо по доброй воле.

— Неужели я ничего не могу сделать? Не нужно нам говорить о том, что ты умрешь. Нужно попытаться найти способ остановить это безумие. Ты не знаешь кого-нибудь, к кому я мог бы обратиться?

Джастрия просунула руку сквозь решетку и приложила палец к моим губам.

— Перестань, Кел! Это не та беда, в которой может помочь одно из твоих снадобий!

— Сотворение, Джас...

Мы смотрели друг на друга, вдыхая запахи отчаяния и ужаса, ощущая друг друга так, как никто, кроме горцев, не способен: все оттенки чувства отражались в воздухе, и с каждым вдохом мы узнавали о них. Все, что я мог сказать Джастрии, было в моем запахе, лишенное словесных прикрас и принятых в обществе иносказаний. Она вдыхала мое горе, вину и любовь, а я — ее сожаления, печаль, все еще не угасший гнев. Я чуял следы той страсти, которую когда-то давным-давно Джастрия питала ко мне.

Как же молоды мы были тогда...

Поверх плеча Джастрии я посмотрел на вторую узницу. Женщина прислонилась к дальней стене, сложив руки на груди и опустив голову. Она, должно быть, слышала каждое сказанное нами слово.

Джастрия переступила с ноги на ногу и вздохнула.

— Кел, есть одна вещь, которую ты можешь для меня сделать.

— Да?

— И это, наверное, самая трудная вещь, о которой я когда-нибудь тебя просила.

Я помолчал, насторожившись: снова подвести ее я не хотел.

— Что именно?

— Я боюсь того, что они хотят со мной сделать. Говорят... говорят, такая смерть может оказаться медленной... и мучительной.

— Ты слышала об этой казни?

— О побивании камнями? Да. — Джастрия кивнула.

— Я... я мог бы тебе что-нибудь дать... если меня к тебе снова пустят... снадобье... — Но ведь стражники обыщут меня и отберут...

Запах Джастрии сказал мне, что она думает так же.

— Мне говорили, что... э-э... привилегия оскорбленного супруга — бросить первый камень. — Джастрия откашлялась. — Ты ведь сильный, Кел.

Я ощутил тошноту. Нет! Только не это! Ни за что! Я подавился поднявшейся к горлу желчью.

— Прошу тебя, Кел...

— Ты не знаешь, о чем меня просишь! Я же врач! И когда-то я любил тебя больше всех на свете.

— Ох, я знаю! Но я, как всегда, эгоистична... и перепугана. Я не стала бы просить о таком менее достойного человека.

Она вертела мной, как делала это уже тысячи раз раньше. Было совершенно невозможно, чтобы она не представляла себе, о чем меня просит... совершенно невозможно. Ее запах даже нес в себе что-то неприятное... Но что я мог сказать? Я коснулся лица Джастрии, просунув пальцы между прутьями решетки, пытаясь скрыть свою боль — чтобы она ее не ощутила.

— Если... если мне позволят.

— Обещаешь?

— Клянусь.

— Ты хороший человек, Кел. Ты заслуживал лучшей жены.

Только я в этом сомневался. Я подвел Джастрию, сомнений в том не было.

— Иди теперь, — сказала Джастрия. — Да будет с тобой всегда Сотворение.

Я еле смог выговорить благословение, положенное умирающим:

— Покойся в Сотворении с миром. — Я стиснул прутья решетки, не решаясь уйти.

Другая женщина подняла голову и подошла к нам. Ее лицо было спокойным. Она кивнула мне и сказала:

— Не сдавайся. Попытайся пробиться к повелителю Мекате или к его канцлеру. — Она положила руку на плечо Джастрии.

Я кивнул.

— Попытаюсь. А ты как? Вчера мне показалось, что у тебя сотрясение мозга.

— Да. Думаю, так и есть. — Она криво улыбнулась. — Иначе меня сюда не заперли бы. Ты сегодня утром не видел белокурую цирказеанку?

Я покачал головой и повернулся к выходу, но стражник в конце коридора рявкнул:

— Остановись! Дождись сопровождающего. — Он позвонил в колокольчик, чтобы вызвать кого-то из своих собратьев. — Стой, где стоишь.

Я сел на нижнюю ступеньку лестницы и опустил голову на руки. Я чувствовал себя совершенно беспомощным, меня угнетала вина. Но где я допустил ошибку? Я не знал. Я так и не смог понять, как мог бы сделать Джастрию счастливой, но ведь должен был существовать способ? Я просто не сумел его найти...

Через минуту или две по лестнице спустился стражник, но явился он не за мной: он сопровождал цирказеанку. Она все еще была в дорожном костюме, пренебрегая феллианскими правилами, обязывающими женщин носить юбки; к тому же за плечом у нее висел меч той женщины, что была заперта в камере. Меня так обуревали собственные чувства, что я едва обратил внимание на странное появление цирказеанки, да еще и вооруженной, и не вспомнил, что ею интересовалась узница.

— Кто-то явился к полукровке, — сказал стражнику сопровождающий ее феллианин и взглянул на меня. — Ты собрался выйти отсюда? Ладно, подождешь, пока цирказеанка закончит свои дела, и я выведу вас обоих разом. Сиди, где сидишь. — Он с гаденькой улыбочкой повернулся к цирказеанке. — А тебя я должен обыскать.

Я с растущим недоумением смотрел, как стражник старательно, хотя и без вольностей, ощупывал женщину, не обращая никакого внимания на меч у нее за плечом, как будто его там и не было, и рылся в ее кошеле, привешенном к поясу.

Женщина сняла портупею, пока стражник рылся в кошеле, и положила меч рядом с дверью в камеру. Ни один из стражников его почему-то не замечал. Феллианин продолжал ухмыляться, лапая красотку; она стоически терпела. Закончив обыск, стражник указал цирказеанке на дверь камеры и, в последний раз подмигнув, сел рядом со своим собратом. Я ошарашенно таращился на меч. Что, ради Сотворения, тут делается, если стражники пустили в тюрьму вооруженную посетительницу? Не могли же они не заметить меча? Он был огромным, рядом с ним цирказеанка казалась особенно миниатюрной.

Полукровка заняла место Джастрии у решетки в двери. Цирказеанка подняла с пола меч и вместе с портупеей просунула между прутьями, хотя рукоять едва не застряла между ними. Потом красотка вынула что-то — это было похоже на

кусочек металла с крючком на конце — из кошеля и тоже передала полукровке. Стражники, занятые собственными разговорами, не обратили на это абсолютно никакого внимания.

Полукровка довольно сварливо, на мой взгляд, сказала:

— Что так тебя задержало?

— Привет, я тоже рада тебя видеть, — ответила цирказеанка. — И не стоит так благодарить меня за то, что я, рискуя собственной шеей, пронесла твой меч под носом у стражников.

— Заткнись, Флейм, — добродушно хмыкнула полукровка. — Этот рыжий горец у тебя за спиной слышит каждое твое слово.

— Да какая разница! Он же из тех, кто обладает Взглядом.

Полукровка знаком велела подруге отодвинуться от решетки так, чтобы она могла на меня посмотреть; я по-прежнему сидел на нижней ступеньке лестницы.

— Ничего подобного.

— Говорю тебе, так и есть.

— Да брось!

— Не спорь, Блейз, он же видит меч. И он заметил, как я сгребла денежки с карточного стола.

Это отвлекло полукровку от разглядывания меня.

— О, чудесно, значит, это тебе удалось!

— Я забрала большую часть, да, только несколько монет позволила увидеть и жрецу-феллианину: подумала, что иначе у него могли бы возникнуть подозрения.

Полукровка снова принялась меня разглядывать. Ее имя — Блейз, Вспышка — очень ей подходило.

— Он не из тех, кто обладает Взглядом, Флейм. Я каким-то образом узнаю своих собратьев: чувствую свое родство с ними, что ли. А этот лохматый горец мне не родня.

— Ну, все равно мои иллюзии его не обманывают.

— Правда? — Полукровка нахмурилась, продолжая с интересом на меня смотреть.

Если бы я все еще не пытался справиться с тем кошмаром, который свалился на меня этим утром, я, может быть, что-нибудь и сказал бы, возмутился бы тем, что они говорят обо мне, как будто меня тут нет, но отчаяние, поглотившее меня, оставило меня равнодушным и к их странным именам, и к их странному разговору.

Флейм пожала плечами.

— Не тревожься. Он никому ничего не скажет. Он ведь пытался помочь тебе вчера вечером. Ты разве не помнишь?

— Смутно. Я вроде отключилась на какое-то время.

— Угу. Какой-то молодчик с дубинкой справился со знаменитой воительницей Блейз. Такое событие не скоро забудется.

— Ну да, ну да, временами я бываю безмозглой, как омар в кипятке. Я все знаю, и не нужно, черт тебя возьми, тыкать этим мне в нос. У меня и так в результате адски болит плечо, а головная боль такая, словно в черепе поселился кит и бьет хвостом. Так как все-таки вышло, что ты мне не помогла? Хороша подруга!

— Все произошло чертовски быстро... и к тому же я подумала, что жрец, возможно, обладает Взглядом.

Блейз скривилась.

— Ну и что? Без риска жить неинтересно.

— Но зато гораздо более спокойно. И вообще в неприятности нас втравила эта твоя проклятая игра!

— Эй, а на что, интересно, ты собиралась купить еды? Что-то я не заметила, чтобы ты пошла наниматься в судомойки.

Цирказеанка подняла бровь, и Блейз неожиданно ухмыльнулась.

Ответной улыбки не последовало. Вместо этого Флейм деловито поинтересовалась:

— Ты знаешь, что они собираются с тобой делать?

В голосе полукровки прозвучал смех.

— Завтра утром меня вышлют на косу Гортан.

Растерянность на лице Флейм могла бы вызвать улыбку.

— И это после всех усилий, которые мы приложили, чтобы смыться из проклятой дыры!

— Смешно, правда? Да и все равно я подумала, что лучше мне отсюда выбраться где-нибудь поближе к вечеру. — Она понизила голос до еле слышного шепота, но в те времена слух у меня был отличный. — Мою соседку по камере должны на закате подвергнуть на площади публичной казни. Думаю, это отвлечет внимание и стражников, и зевак.

Я отвернулся, чувствуя тошноту, и постарался больше не слушать.

* * *

Мекатехевен всегда вонял. Он вонял дымом от ям углежегов, от плавилен и кузниц, тухлой рыбой и удобрением из рыбьих костей, которое в мешках ожидало на причале отправки на другие острова. Протекающая сквозь город местами заболоченная река и сточные канавы добавляли смрада. Город расползся по берегу, словно намереваясь его сожрать: мерзкая злокачественная опухоль. Год от года он раскидывал свои щупальца все шире, уничтожая леса и пачкая все вокруг. Он высасывал красоту земли и извергал скверну помоек и отхожих мест.

Я часто удивлялся тому, как люди могли додуматься до создания такого кошмара, а уж создав его, захотели по доброй воле жить в этой зловонной клоаке.

К тому же Мекатехевен когда-то был настоящим притоном; однако надо отдать феллианам справедливость: по мере того как они распространяли свою веру в одном квартале за другим, преступность сокращалась. Их благотворительность несколько уменьшила нищету, которая ее питала, а молодчики с дубинками скоро сделали любое нарушение закона небезопасным делом.

Во время своих первых посещений побережья я старался всячески избегать столицы. Когда же Джастрию изгнали с Небесной равнины, я прожил в Мекатехевене три месяца — пока она не сбежала. Мне такая жизнь была противна, и я никак не мог понять, как Джастрия могла находить в ней что-то приятное, как она могла даже думать о том, чтобы найти для себя место в городе, полном мерзостей и нечистот, не говоря уже о феллианах с их абсурдной и безжалостной религией. Я тогда не догадывался, что не Мекатехевен привлекает ее, а Крыша Мекате вызывает отвращение; ну и еще ее манили приключения.

Конечно, в столице жили и почитатели других богов: сам повелитель, властвовавший над всеми островитянами — и феллианами, и горцами, — был, например, менодианином. К несчастью, я не мог придумать, как ничтожному пастуху добиться аудиенции у главы государства или его канцлера за те семь часов, что у меня оставались.

Я пытался. Сотворение мне свидетель, я испробовал все, что мог: подкуп, лесть, ложь и правду. Только ничего удивительного не было в том, что меня постигла неудача.

Публичная казнь, как оказалось, обладала собственной извращенной привлекательностью. Когда вечером я пришел на главную площадь города, она была уже полна народа, и не все собравшиеся были феллианами. Люди шныряли туда и сюда, возбужденные, в непристойном ожидании. Я по своей наивности думал, что казнь будет мрачным событием, свершающимся в подобающей трагедии атмосфере траура. Вместо этого на площади происходило нечто похожее на карнавал: толпа источала запахи вожделения, нетерпения, жаркого пота, животной жажды крови.

В одном конце площади в землю был врыт столб, рядом с которым стояло ведро с песком: им предполагалось засыпать пятна крови по окончании казни. Повсюду на площади виднелись кучки камней, и мальчишки, собиравшие их, веселились вовсю. На площади, впрочем, не было ни одной женщины-феллианки: побивание камнями — дело мужчин... дело религии, предназначенной для мужчин. Небольшие группы последователей других религий держались подальше от центра площади. Они по крайней мере вели себя достаточно настороженно.

Прозвонил колокол, обозначив закат солнца, но было еще вполне светло, когда Джастрию вывели к столбу. Она выглядела величественной, моя Джастрия, величественной и гордой. Уж я-то точно ею гордился. Она была одета в длинное одеяние, ее волосы рассыпались по плечам — как она любила их носить... Джастрия высоко держала голову и сама подошла к столбу. Ее взгляд невозмутимо обежал толпу и наконец остановился на мне. Она еле заметно улыбнулась и спокойно позволила привязать себя к столбу. Теперь она стояла, окруженная кольцом мужчин, ожидая смерти. Ее мучители не подходили близко: им нужно было место, чтобы размахнуться, место, чтобы все хорошо видеть, место, чтобы злорадствовать. Их эмоции буквально обрушились на меня: благодаря запахам я чувствовал все малейшие оттенки — вонь развращенных, озверевших людей...

Рядом со мной один мальчишка сказал другому:

— Целься ей в нос. Спорим, что я попаду в нее раньше тебя.

Второй рассмеялся и тщательно выбрал камень из кучки.

— Ты с этого расстояния в бычий зад и то не попадешь.

В их разговор важно вмешался третий:

— Потише, вы! Кто-нибудь может подумать, что вы и в самом деле заключаете пари, и тогда вам несдобровать! Да и не следует сразу целиться в лицо: проповедник, которого я слышал вчера вечером, говорил, что сначала нужно переломать ей ноги, потом целиться в тело и уж только напоследок — в лицо.

— Почему? — спросил первый мальчишка.

— А так выходит дольше, да и больнее. Проповедник говорил, что грешники должны умирать медленно. Так они получают время поразмыслить о своих грехах, и к тому же их мучения становятся... как это... предостережением другим.

Я был не в силах слушать дальше и отошел.

Тут вперед вышел Образец веры Ди Пеллидри и встал рядом с Джастрией; за ним ковыляли на своих котурнах другие священнослужители. За высшими иерархами следовали послушники в черных одеждах, неся каждый корзину с пятью крупными камнями — для благочестивых жрецов. Стоявший рядом со мной парень, догадавшись, что я не принадлежу к феллианам, принялся вводить меня в курс дела:

— Им положено кидать раньше, чем это позволят нам. Вроде того, что такова их привилегия. Небось ради нее некоторые и рвутся в жрецы. А ты, пастух, знаешь эту шлюшку с Небесной равнины? Она смазливая, ничего не скажешь.

Я не ответил. Образец веры перечислил преступления Джастрии и огласил приговор, потом затянул молитву владыке Фелли. После каждой строфы он поливал землю душистым маслом — в честь Фелли мудрого, Фелли всемогущего, Фелли справедливого. Когда он закончил, Джастрия плюнула на землю.

Толпа ахнула, затем раздались яростные вопли.

Образец веры взглянул на меня. Я поднял руку и показал ему камень, который я давно уже судорожно стискивал в пальцах.

— Это твое право, — сказал Образец веры, склонив голову, чтобы скрыть свое удивление. Он явно не ожидал, что я воспользуюсь этим преимуществом оскорбленного супруга.

— Эй, — ухмыльнулся стоявший рядом со мной парень, — так это твоя жена, а? Ну давай, пастух! Покажи этой сучке!

Я вышел вперед, подкидывая в руке камень, чтобы определить его вес. Сколько же раз я делал это еще мальчишкой, отправляясь охранять стада селверов от травяных львов! Было очень важно, даже жизненно важно, чтобы все мы научились кидать камни: жители Небесной равнины не убивают никого и никогда, и поэтому мальчишка-пастух должен уметь попасть в бок травяного льва с такой силой, чтобы причинить боль, но не ранить и не изувечить.

Толпа всколыхнулась от мерзкого предвкушения: словно ветер пробежал по траве. Я ощущал кислый потный запах нечестивого вожделения. Я встретился глазами с Джастрией и за вызовом, написанным на ее лице, прочел все то, чего не хотел бы видеть: страх смерти, сожаление о жизни, давшей ей так мало счастья, признание своего поражения, гнев. В глазах Джастрии не было только любви... и нерешительности.

Я увидел, как ее губы шевельнулись, и понял слова, которые она прошептала:

— Да воссоединюсь я с Сотворением. Давай, Келвин!

Взгляд Джастрии теперь предназначался мне, только мне одному. Выражение ее глаз заставило меня похолодеть: не хотел я знать того, что в этот последний момент она чувствовала.

Я прошептал ее имя и подумал: «Да простит меня Сотворение».

Я замахнулся. Время остановилось или это так кажется мне только теперь, когда я вспоминаю тот день? Мне представлялось, что я вижу, как вращается камень, вылетевший из моей руки... один раз, другой, третий — площадь была велика. Я не испытывал ни малейшего сомнения в результате: я знал, как сильна моя рука и как верен глаз. Еще ребенком я всегда кидал камни дальше и точнее всех. Казалось, я целый век следил за камнем в воздухе. Мог ли я в самом деле слышать, как треснула кость, когда он ударил Джастрию в висок? Так мне по крайней мере запомнилось...

Джастрия поникла у столба, на лице ее все еще оставалась слабая улыбка. Камень расколол ей череп. Рана была святотатством, положившим конец ее красоте, так же как и жизни, — мешанина крови, мозга, осколков кости...

Так и пришел конец моей невинности. Откуда ты знала, Джастрия, что я окажусь способен на такое? Откуда ты знала, что я смогу с легкостью отбросить все, что составляет суть любого жителя Небесной равнины? Ты знала меня лучше, чем знал себя я сам.

Я отвернулся, чувствуя глубокое отвращение; я стал совсем не тем человеком, который этим вечером вошел на площадь. Я знал, что никогда уже не буду думать о себе так, как думал раньше. Я начал проталкиваться сквозь толпу. Она бурлила вокруг меня, как водоворот. Люди стучали камнями и выкрикивали оскорбления: я лишил их развлечения, жульнически помешал насладиться видом медленной и мучительной смерти, не дал отмерить справедливое наказание грешнице. Те, кто был далеко от меня, наваливались на стоявших ближе, и я понимал, что им хочется разделаться со мной, чтобы успокоить свои чувства.

Я поднес к губам свисток, чтобы позвать селвера, и сильно в него дунул. Те, кто был ближе всего ко мне, заколебались, не понимая, что происходит: человеческому уху такой свисток не слышен. Двое парней, увидев мое лицо, даже попятились. А на краю площади, там, где появился Скандор, началась паника. Не могу осудить тех, кто поспешил убраться с его дороги. Скандор, разозлившись, плевался и угрожающе скалил свои желтые зубы. Результат бывал устрашающим — да Скандор и в самом деле становился грозным противником: он был способен плеваться зловонной жгучей жидкостью с удивительной точностью на пятнадцать шагов, и получить такой плевок никому не захотелось бы: от зуда и вони избавиться было невозможно в течение нескольких дней.

Я оставил своего селвера некрепко привязанным к одному из огромных деревьев позади бюро по делам религии и закона; ему было достаточно дернуть повод, если бы он мне срочно понадобился, чтобы освободиться. Так и случилось. В ответ на мой свисток Скандор побежал меня искать, расталкивая людей на площади своей длинной шеей и сварливо щелкая зубами на тех, кто не спешил убраться с дороги.

Чего я никак не мог ожидать даже в самых фантастических обстоятельствах, так это что, когда селвер явится на мой зов, на нем кто-то будет сидеть.

Глава 3
Рассказчик — Келвин

Не будь селверов, не существовало бы и народа Небесной равнины.

Не так уж много всего растет на этом плато. Оно расположено высоко — в тысячах футов — над уровнем моря, благодаря чему не страдает от тропической жары и представляет собой скалу, еле прикрытую тоненьким слоем почвы. Однако дожди на Крыше Мекате выпадают в изобилии. Моряки говорили мне, что Мекате омывает теплое течение с юго-запада; ветры, дующие оттуда же, круглый год несут полные влаги облака. Обрывистые склоны плато гонят облака вверх, и, охлаждаясь, они проливаются дождем. Говорят, погода на Небесной равнине такова, что если вы не видите, идет ли дождь, то это только потому, что туман слишком густой.

Селверы, к счастью, любят влажный климат и процветают на том изобилии трав, которые покрывают Небесную равнину, а народ Крыши Мекате процветает благодаря селверам. Их навоз служит топливом для наших очагов и удобрением для наших посевов. Их шкуры дают нам кожу, а шерсть — одежду и одеяла; из костей изготовляются иглы, украшения и бесчисленные другие поделки. Из молока селверов мы делаем сыр, масло, творог. Их твердые как сталь копыта служат прекрасным материалом для ножей и всяких разных инструментов. Мы никогда, конечно, намеренно не убиваем селверов — народ Небесной равнины никого не убивает по своей воле, — но мы — люди практичные, и если селвера приходится забить из-за увечья или если он умирает от старости, в дело идет все до последней шерстинки.

Ты никогда не видел селвера? Ага. Ну тогда представь себе овцу — очень большую лохматую овцу с ногами, как у пони с островов Хранителей, хвостом и ушами оленя, мордой козла и шеей... ну, не знаю, у какого еще животного бывает такая длинная шея. У селвера шея необыкновенной длины и устремлена прямо вверх. Нет, селверы совсем не похожи на ваших келлских лошадей. И покрыты они спутанной шерстью, а не воло-

сами. Масти они бывают серой, черной, белой и всех оттенков коричневого.

Каждый житель Небесной равнины, как только научится ходить, получает по крайней мере одного селвера, а того, на котором предстоит ездить, отбирают особенно тщательно, потому что вообще-то это не слишком симпатичные животные. Они драчливы и обидчивы, чуть что — кусаются и плюются, а своей длинной шеей умеют наносить болезненные удары. Они глупы и не особенно преданны своим хозяевам. Из всех селверов, на которых мне случалось ездить, Скандор был лучшим: он отличался хоть какой-то сообразительностью и послушно прибегал на свист, хотя ему и было безразлично, кто в свисток дует. При этом он терпеть не мог, чтобы кто-нибудь, кроме меня, на нем ездил; это было одной из причин, почему я так удивился, когда на мой зов он прибежал со всадницей на спине.

Это оказалась женщина по имени Блейз, которая, по моим представлениям, должна была все еще сидеть в тюремной камере. Нельзя сказать, чтобы она управляла селвером: он сам решал, куда ему бежать, и ничто, кроме сломанной ноги, не смогло бы его остановить, — но ей все-таки каким-то чудом удавалось удерживаться в седле. Она даже выглядела довольно уверенной в своих силах. Меч в портупее висел у нее за плечом.

Когда они добрались до меня, Скандор встал как вкопанный; женщина наклонилась вперед и протянула мне руку, чтобы помочь взобраться на селвера.

Я ее руки не принял. Я прорычал:

— Что, во имя тьмы Безлунного месяца, ты делаешь на моем селвере?

— Не могли бы мы обсудить это позднее? Мне кажется, что отсюда лучше поскорее убраться: толпа похожа на рой рассерженных ос, который ищет себе жертву, и я подозреваю, что имеют они в виду как раз тебя.

Она была права, так что я ухватился за ее руку, и она втянула меня на селвера. Я выхватил у нее поводья и сильно ударил пятками в бока Скандора. Тот понял намек и принялся плеваться, разворачиваясь. Зловонные брызги заставили толпу поспешно расступиться. Переполоха добавил какой-то ще-

нок-переросток с непропорционально большими лапами, который тяпнул человека, замахнувшегося камнем. Парень выронил камень и бросился бежать, а пес переключил внимание на священнослужителя-феллианина, который имел неосторожность ткнуть его посохом: с рычанием подпрыгнул и разорвал рукав мантии. Жрец споткнулся и покатился по земле. Толпа ахнула и попятилась еще дальше. Я не понимал причины всеобщего смятения, пока не вспомнил, что мужчинам-феллианам не позволено касаться земли, а уж для жреца это и вовсе ужасное осквернение.

— Ох, дерьмо! — прошипела Блейз, уворачиваясь от брошенного кем-то камня. Камень пролетел мимо, а Блейз сильно шлепнула Скандора по шее. Оскорбленный селвер прибавил ходу.

— Где моя сумка? — прорычал я. Отправляясь на площадь, я привязал ее к седлу Скандора, а теперь ее там не было: ее место заняла какая-то другая.

— Там, где ты оставлял селвера.

— Как это тебе удалось не оказаться оплеванной, — проворчал я; я был сердит на Скандора. Проклятие, ведь предполагалось, что это мой скакун! Он не должен был позволить себя украсть. Тут кто-то попытался схватить селвера за поводья, и он немного оправдал себя в моих глазах, ударом шеи отшвырнув наглеца прочь и добавив к этому новую порцию плевков. Толпа завопила еще пронзительнее и расступилась перед нами.

— Он любитель плеваться, верно? — сказала Блейз. — Думаю, я просто не дала ему времени возразить против моих действий.

К этому времени мы оказались уже на краю площади, и я дернул за поводья, направив Скандора к бюро по делам религии и закона. Разозленные феллиане продолжали кидать в нас камни; один просвистел рядом, слегка оцарапав мне ухо, другой, к счастью, угодил в круп селвера, в результате чего тот помчался по улице как на крыльях, оставив толпу далеко позади. Брошенные нам вслед камни упали на землю, не причинив вреда.

Я направил Скандора вокруг здания — к арке, ведущей в помещение суда. Вокруг было безлюдно — все стражники, должно быть, отправились смотреть на казнь. Наконец мы добра-

лись до ряда могучих деревьев позади бюро. Я остановил селвера там, где оставлял его привязанным, — действительно, там на земле лежала моя сумка. Рядом оказалась и цирказеанка с собственным мешком на плече.

— Все, приехали, — сказал я сидевшей впереди меня женщине. — Я знать не желаю, как ты улестила моего селвера; просто слезай и оставь меня в покое. — Весь ужас содеянного мной тяжело давил на меня, и я хотел одного: остаться в одиночестве. Чтобы оплакать Джастрию. Чтобы найти способ жить дальше. Я хотел уехать из этого проклятого города и никогда туда не возвращаться. Мне и так уже приходилось прижимать руки к бедрам, чтобы скрыть дрожь.

Не знаю, что могло бы случиться дальше, но тут мы оказались лишены выбора. Раздался громкий звон колокола, сопровождаемый отчаянными криками. Я подумал, что это имеет какое-то отношение ко мне и к тому, что случилось на площади, но тут Флейм бросила:

— Проклятие! Блейз, они обнаружили, что ты сбежала. Нужно побыстрее отсюда сматываться.

Еще не договорив, она кинула мне мою сумку, и я невольно выпустил поводья, чтобы ее подхватить, а Блейз протянула цирказеанке руку, чтобы помочь ей забраться на селвера.

— Эй! — запротестовал я. — Что это вы затеяли?

Не обращая на меня внимания, Флейм уселась позади меня, а Блейз схватила поводья и ударила селвера пятками.

В этот момент из-за угла здания выбежали с полдюжины стражников, возглавляемые торопливо ковыляющим на своих дурацких котурнах жрецом. Все стражники были вооружены пиками; к счастью, ни у одного из них не оказалось лука. Селверы — крупные и сильные животные, но трое всадников, двое из которых к тому же такие великаны, как я и Блейз, — это было чересчур. Скандор замотал головой и уперся всеми четырьмя ногами. Жрец завопил, чтобы мы не двигались. К моему ужасу, это был тот самый жрец, которого я повстречал в гостинице. Бежавший впереди стражник, размахнувшись, кинул в нас пику... а поводья были не у меня — их держала эта проклятая полукровка.

Ей удалось развернуть Скандора, и пика пролетела мимо. Я выставил ногу и ударил подбежавшего стражника в грудь. На мгновение наши глаза встретились; стражник не удержал-

ся на ногах и покатился по земле. Из-за толчка мы все трое едва не потеряли равновесие и чуть не свалились с селвера. Блейз подтянулась в седло, ухватившись за луку, и втащила меня — клянусь небесами, ну и сильна же она была! Я вцепился в Флейм и ее тоже посадил прямо.

К этому моменту стражники уже почти окружили нас, а Скандор все не желал трогаться с места...

— Флейм! — рявкнула Блейз. — Сделай что-нибудь, ты, напичканная силв-магией идиотка! — Чего она ожидала от однорукой цирказеанки, я не мог себе представить. Сама она продолжала дергать за поводья, пытаясь заставить Скандора двинуться вперед. — А ты, рыжеволосый-как-тебя-там, — продолжала она вопить, — вытащи мой меч!

Следующий стражник уже готов был ударить нас пикой. Я попытался извлечь меч из ножен за спиной у Блейз. Он был слишком длинным. Мне удалось это сделать, только привстав на стременах, а сначала еще нужно было вытряхнуть из них ноги Блейз. Я чуть не выронил оружие, не сразу поняв, что управляться с ним можно только двумя руками, и тут же едва не отсек голову сначала Блейз, а потом себе. Даже и справившись с мечом, я совершенно не представлял себе, что с ним делать, и только неуклюже махнул им в сторону стражника. Я, может быть, и не выглядел грозным, но меч-то выглядел, и стражник отскочил.

Блейз извернулась и выхватила у меня меч, проклиная мою неумелость в таких выражениях, что у меня загорелись уши. Потом без всякого усилия, казалось, она взмахнула клинком, целясь не в стражников, а в жреца, который пытался повиснуть на поводьях селвера. Я закричал, пытаясь ее остановить, но тут же понял, что недооценил Блейз: она не собиралась убивать жреца, а с замечательной ловкостью — Скандор в этот момент как раз начал разворачиваться — рассекла ленту, удерживавшую на голове жреца его смешную шляпу. Шляпа свалилась как раз под копыта Скандору. Блейз расхохоталась, а жрец побагровел и от ярости лишился способности говорить.

К этому времени стражники окружили нас, и хотя Скандор наконец решил, что ему лучше начать двигаться, вырваться из круга нацеленных на нас пик он не мог.

— Схватим их со всех сторон разом! — закричал кто-то из стражников.

Однако неожиданно — без всякой, на мой взгляд, причины — все феллиане замерли как вкопанные, и на лицах их отразилось изумление, а потом и страх. Из-за угла здания выбежали еще несколько стражников, и они с разбегу врезались в тех, что окружали нас. В воздухе разлилось благоухание — сильное и дразнящее. Пачули? Я не мог определить, вспомнил только, что ощущал этот аромат в гостинице. Откуда ни возьмись появился тот неуклюжий пес, что нападал на священнослужителя на площади; когда он начал хватать за ноги стражников, хаос еще увеличился. Потом пес занялся шляпой жреца. Один из стражников попытался ударить его мечом, но поднятый клинок так и не опустился. Стражник непонятно почему побледнел и выронил оружие. Блейз в конце концов удалось справиться со Скандором, и селвер, растолкав остолбеневших стражников, побежал прочь. В последний момент Блейз наклонилась и кончиком меча подцепила с земли шляпу жреца. Так мы и скакали с ней по улице, как со знаменем поверженного противника. Под нашим весом Скандор даже не запыхался. Оставшиеся позади стражники и жрец растерянно смотрели нам вслед.

— Что они увидели? — заинтересованно поинтересовалась Блейз.

— Ничего особенного, — ответила Флейм. — Я просто скрыла нас в тумане, а потом добавила пожар и парочку чудовищ. Вполне достаточно, чтобы мы смогли беспрепятственно смыться. — Она вздохнула. — Я только что снова нарушила закон: ни один суд не сочтет это оправданным применением магии.

Я ничего не понял и уже открыл было рот, чтобы задать вопрос, но сообразил, что не знаю, что сказать. Блейз отбросила шляпу и передала мне меч, чтобы я снова сунул его в ножны. Почему-то это оказалось даже труднее, чем извлечь его: я порезался сам и уколол острием Скандора, который обернулся и возмущенно фыркнул, а Блейз ударил рукоятью по голове.

— Проклятие, Блейз, — раздраженно бросила Флейм, — что это тебе приспичило играть со шляпой этого проповедника? Нас могли убить, пока ты развлекалась.

— Он приказал своему приспешнику ударить меня дубинкой, Флейм, а потом кинул в тюрьму. Можешь мне поверить: я

испытывала искушение еще и не так разделаться с этим лицемерным выродком. — Блейз оглянулась через плечо и усмехнулась. — Ты видела, какое у него было лицо, когда мы уезжали?

Флейм хихикнула. Я почувствовал, что оказался в компании двух умалишенных, сбежавших из местного сумасшедшего дома.

Я дождался, пока от погони нас стало отделять приличное расстояние, перехватил у Блейз поводья и остановил Скандора. Мы миновали спуск к реке, и сумерки наконец сгустились. Мимо прошел фонарщик, и на столбах закачались, мигая, масляные фонари. В этот час большинство горожан сидели дома за вечерней трапезой, и нас как будто никто не видел — если не считать все того же щенка-переростка, который теперь обнюхивал ноги селвера.

— В чем дело? — оборачиваясь в седле, спросила Блейз.

— Слезайте, — едва сдерживая гнев, бросил я. — Слезайте обе.

— Хорошо, — ответила она, — только нельзя ли нам сначала проехать немного дальше? На мой вкус, мы еще слишком близко от этой кучи навоза — бюро по делам религии и закона.

— Слезайте, — холодно повторил я. — Просто слезайте и оставьте меня в покое.

— Ай-ай, — раздался сзади голос Флейм, — что это ты вдруг полез в бутылку?

Блейз поспешно перебила ее:

— Флейм, этого беднягу вонючие лицемеры-жрецы только что заставили убить собственную жену. Он вправе быть не в духе.

— Не будем говорить о том, что сделали со мной они, — взорвался я, — и с моей женой тоже. А вот вы... Что сделали со мной вы? У вас что, мозги как у древоточца, и вы не видите, что натворили? Я гражданин Мекате. Мне предстоит всю жизнь прожить на этом острове, а вы только что превратили меня в беглеца, устроившего побег из тюрьмы и скрывающегося от правосудия. Жрец сможет узнать мое имя по книге записей в гостинице. А я как раз узнал, что случается с жителями Небесной равнины, перебежавшими дорожку феллианам. Моя жена умерла всего лишь за то, что легла с одним из них. Как вы думаете, что они сделают с человеком, который помог чьему-то побегу из их тюрьмы?

Обе женщины сидели абсолютно неподвижно.

— Ох, дерьмо, — выдохнула Флейм. — Извини меня. Я и в самом деле не подумала. Я... я не знала насчет твоей жены. Это она была в одной камере с Блейз? Я правда не знала...

Я повернулся, чтобы посмотреть на нее, и чуть не уткнулся носом в клюв птички, сидевшей у нее на плече. Она напоминала ту, которую я видел в зале гостиницы. Я и представления не имел, откуда она появилась, когда и почему. Мне казалось, что весь мир сошел с ума и вот-вот развалится на части.

Совершенно неожиданно Флейм прижалась лицом к моей спине, окутав меня облаком своего сочувствия.

— Мне в самом деле жаль, — прошептала она.

Странный жест едва не лишил меня мужества. Слишком много всего на меня свалилось. Мне хотелось дать себе волю, выплакаться, хоть немного избавиться от душившего меня чувства вины. Хорошо было бы наорать на этих женщин, встряхнуть их, чтобы они начали хоть что-то понимать... Вместо этого я сделал глубокий вдох и снова повернулся к Блейз. Она все еще сидела, извернувшись в седле, и смотрела на меня. Она кивнула, присоединяясь к высказанным Флейм чувствам.

— Мы не собирались вовлекать тебя в наши дела, — сказала она. — Мы просто хотели украсть твоего селвера. Но когда я села в седло, он побежал на площадь, и тут я поделать ничего не могла. Можем ли мы теперь как-нибудь исправить дело?

— Разве что сдаться, — прорычал я. — А уж тогда вы объясните феллианским жрецам, что случилось.

— Э-э... а что-нибудь, кроме этого? — Ей хватило совести смутиться, хоть и было ясно, что она не собирается жертвовать своей свободой ради моей.

Я только стиснул зубы в бессильном отчаянии.

— Конечно, мы оставим тебя, если ты настаиваешь, — продолжала Блейз. — Нам нужно добраться до ближайшего анклава гхемфов. Ты случайно не знаешь, где...

— Если ты думаешь, что гхемфы вам помогут, то у тебя морская лихорадка, не иначе. Они никогда не нарушают закон.

— И все-таки мне нужно найти гхемфов. Нам требуются некоторые сведения, которыми они, возможно, располагают. — Взгляд ее был твердым. Она не просила меня об услуге; она явно ожидала, что я ей помогу.

— Сотворение, хватает же у тебя духа чего-то от меня хотеть!

На этот раз она просто молча кивнула.

Я снова дернул за поводья.

— Мне это по дороге, — сказал я со вздохом.

Я все еще не мог поверить в то, как быстро рушится мой привычный мир...

Анклав гхемфов был невелик: десяток домов на берегу старицы, заполняющейся водой во время прилива, что извивалась по окраинам города. Вся эта местность была полна прудов со стоячей водой, соединенных скрытыми мангровыми зарослями протоками, в которые вода попадала во время высоких приливов. Переплетение ветвей и торчащих из болотистой почвы корней создавало почти непреодолимый барьер, скрывавший анклав гхемфов. Эти существа предпочитали уединение и, похоже, не очень страдали от обилия москитов.

Неподалеку от анклава гхемфов начиналась одна из двух троп, карабкающихся по Обрыву и ведущих на Небесную равнину. Гхемфы установили на тропе знак, указывающий на вход в их поселение: без него обнаружить узкую дорожку было бы трудно. Мы остановились у развилки, и Блейз осветила знак откуда-то взявшимся у нее фонарем, чтобы убедиться: мы попали туда, куда хотели. На дощечке значилось всего два слова: «Гхемфы. Татуировка». Цена указана не была, да этого и не требовалось: услуги гхемфов ценились одинаково на всех Райских островах. Не имело значения, был ли знак гражданства фигуркой кролика с телом из дешевого перламутра, как у меня, или изображением глаза с дорогим аквамарином в качестве радужки, как у цирказеан. Вы получали татуировку с тем камнем, который соответствовал вашему гражданству, и на том дело заканчивалось. Единственное, за что люди когда-либо хвалили гхемфов, была их неподкупность. От них нельзя было добиться нарушения закона, какую бы взятку вы им ни предложили.

Проблема гражданства не слишком беспокоила нас, жителей Небесной равнины, но я слышал достаточно о порядках в других местах, чтобы знать: жизнь без него была нелегкой. Отсутствие соответствующей татуировки делало человека бесправным, не имеющим легального статуса. Его могли на законных основаниях выслать из любого островного государства,

и те не имеющие гражданства, кому удавалось выжить, становились преступниками или отправлялись в места вроде косы Гортан.

Мы свернули с основной тропы и при свете фонаря стали пробираться к домам. К тому времени уже, должно быть, наступила полночь, хоть определить время по звездам я не мог: в воздухе Мекатехевена было слишком много дыма и миазмов, и дымка скрывала небо.

Пес по-прежнему сопровождал нас, то путаясь под ногами у Скандора, то исчезая в чаще; выныривал он оттуда весь перемазанный грязью. Его лапы больше напоминали лапы травяного льва, а не собаки: они были размером с лепешку и, похоже, имели перепонки между пальцами. Я даже засомневался, собака ли это. Бегал пес тоже странно: его задняя часть все время норовила обогнать переднюю, и в результате никогда нельзя было точно сказать, бежит он прямо на вас или куда-то в другое место. На шкуре участки свалявшейся шерсти чередовались с проплешинами, словно выеденными паразитами. Одного взгляда на это чудовище было достаточно, чтобы начать чесаться.

Блейз дернула за поводья, останавливая Скандора.

— Это и есть их дома? — спросила она меня. Строения, к которым вела дорожка, скрывались в темноте, как и следовало ожидать в это время суток, а под деревьями и вовсе ничего нельзя было разглядеть.

— Думаю, да, — ответил я. — Я никогда здесь раньше не бывал. Ты собираешься кого-нибудь разбудить?

— В этом нет нужды, — раздался голос из темноты. — Вам нужно сделать татуировку?

— Нет, — ответила Блейз. — Мне просто нужен кто-нибудь из гхемфов, а лучше бы кто-нибудь из их старейшин.

Последовало короткое молчание, затем донеслось:

— Я здешний старейшина.

Блейз соскользнула на землю и передала мне поводья. Не говоря ни слова, она протянула гхемфу правую руку ладонью вверх, и смутная тень, стоявшая перед одним из домов, приблизилась. Блейз подняла фонарь, чтобы осветить то, что держала на ладони. Я заметил блеск золота. Гхемф издал изумленное шипение. Что бы Блейз ни показала ему, это явно по-

разило его, но взять то, что она ему протягивала, гхемф не попытался.

— Кто это сделал? — спросил он. Я говорю «он», но на самом деле ни малейшего представления о том, какого это существо пола, я не имел; даже нюх ничего мне не сказал. Впрочем, гхемфы вообще не имели запаха; в этом отношении они были так же незаметны, как утренняя роса.

— Эйлса, — ответила Блейз. — Она также оказала мне честь, сообщив свое духовное имя.

— Это действительно большая честь, — прошептал гхемф. — И ты пришла сюда, чтобы сообщить о ее смерти.

— Э-э... да. Ты... ты ее знал?

— Она не из моего выводка. Мы никогда не встречались.

Блейз кивнула, хотя я не был уверен, что слова гхемфа оказались ей понятны.

— Уже поздно, — сказала она. — Мне о многом нужно рассказать, но, может быть, лучше отложить это до утра. Нет ли здесь места, где мы могли бы укрыться на ночь?

Гхемф, казалось, растерялся, словно Блейз попросила его о чем-то, что было не в его власти, но потом показал в сторону темного строения и ответил:

— Вон там есть амбар.

— Это нам прекрасно подойдет.

— Там найдется корм и вода для вашего селвера. Для себя у вас вода есть? — спросил гхемф, распахивая перед нами двери амбара.

— На ночь хватит, — ответила Блейз.

— Тогда я пожелаю вам приятного отдыха. — Гхемф растаял в темноте. Я не видел, в какой дом он вошел, да и вошел ли. Я не мог разглядеть его в темноте, но мне показалось, что он был мокрым, а то, что я принял за одежду, было всего лишь набедренной повязкой или полотенцем. Мне это показалось странным. С какой бы стати ему купаться в темноте?

Амбар оказался большим, так что мы смогли улечься на соломе, да и Скандору хватило места. Появление большого незнакомого пса повергло в панику двух коз и десяток кур, ночевавших в амбаре, но как только переполох прекратился, мы наконец смогли устроиться на ночь с относительным комфортом. Прежде чем закрыть глаза, я сказал:

— Это ведь ваш пес, верно? Уж мне он точно не принадлежит.

Блейз рассмеялась в темноте.

— Да. Это Следопыт. Он наполовину ныряльщик с островов Фен — водяная собака.

— Ага. Я просто хотел удостовериться...

— Вот видишь, Блейз? — проворчала Флейм. — Ему тоже не нравится эта здоровенная кормушка для блох.

— Неблагодарные! — возмущенно воскликнула Блейз. — Скольких феллиан сегодня искусал этот пес, защищая нас!

Думаю, тут она была права. Только симпатичнее от этого зверюга не стала.

Задолго до рассвета меня разбудил кошмар, которого я не мог и не хотел потом вспоминать. Видит небо: действительность была достаточно ужасной. Взгляд, который бросила на меня Джастрия... Момент, когда камень размозжил ей висок... треск костей, запах крови. Джастрии больше не было, и вина за то, что легкое облачко ее жизни рассеялось, лежала на мне.

Джастрия... Как мог я так ее подвести?

Я скинул тагард, который использовал как одеяло, и вышел наружу. Ночью прошел дождь, и воздух немного посвежел. Кое-где даже проглядывало чистое небо с сияющими на нем звездами. Стоял месяц Двух Лун, и я прошел по залитой лунным светом дорожке мимо домов к берегу реки. Там имелся причал, и ступени вели к заполнявшей русло грязи — прилив еще не начался, — но нигде не было видно лодок. Я уселся на причале, удивляясь тому, как много звуков рождается на окружающих болотах: кто-то шлепал по грязи, крабы щелкали клешнями, илистые прыгуны хлопали хвостами, отмечая границы своих владений, — тысячи голосов, которые я слышал, но не мог понять.

Я все думал о том, что сделал неправильно, почему так и не смог помочь Джастрии. Я был не в силах найти ответы на свои вопросы и кончил тем, что просто расплакался. Мучительные всхлипывания раздирали меня, поднимаясь из каких-то темных глубин моего существа.

Я так погрузился в свое горе, что не учуял приближения Блейз. Слышать я тоже ничего не слышал: несмотря на свои размеры, она могла передвигаться неслышно, как травяной лев

по лужайке. Я обнаружил, что Блейз рядом, только когда она села на причал и обняла меня за плечи. Она позволила мне выплакаться, потом протянула платок. Практичная женщина. Платок был мне очень нужен.

— Не думаю, что ты мог что-то сделать, чтобы ее спасти, — сказала Блейз, когда я наконец успокоился. — Она хотела умереть, вот и все.

Я чувствовал себя совершенно открытым перед ней, и мне было все равно. Шепотом я спросил:

— Но почему, почему?

— Иногда, — заговорила Блейз, старательно подбирая слова: похоже было, что ей уже случалось размышлять об этом, — иногда люди рождаются не в том мире, который им подходит. Они стараются понять его, но не могут. Некоторые ищут выход в том, чтобы попытаться изменить мир: такие становятся революционерами. Другие пробуют переделать себя, чтобы соответствовать ожиданиям окружающих, и оказываются ужасно несчастными, вроде крабов, пытающихся плавать, как рыбы: такое просто противно их природе. Многие из этих людей, подобно Джастрии, в конце концов просто сбегают в надежде, что найдется место, где никто не будет требовать от них, чтобы они стали такими же, как все. Мечта о свободе обычно оказывается иллюзией: ведь свои проблемы они уносят вместе с собой. Беда Джастрии заключалась в том, что она не знала, как управлять собственной судьбой. Ее трагедия была трагедией женщины, которая ничего не умеет: для таких нет шанса вырваться. У мужчин обычно бывает больший выбор.

— Что же мне было делать? — спросил я, на самом деле не ожидая ответа. Найти его должен был я сам, но ответила мне Блейз.

— Ты не мог решить ее проблемы, — сказала она скорее раздраженно, чем сочувственно. — Они принадлежали только ей. И в конце концов она смогла найти лишь один способ их разрешить. Так проявилась ее слабость, а не твоя.

— Она говорила об этом с тобой? — Я почувствовал горечь, даже ревность.

— Да, хотя и не прямо. Мы много о чем говорили. Она знала, что ее ждет смерть. Она хотела, чтобы кто-то ее понял, а рядом оказалась я.

Прозрение было как ослепительная вспышка.

— Она могла бежать с тобой вместе, ведь верно? Она тоже могла спастись. Ты ей это предлагала, да? О небеса, она отказалась от свободы, которую ты ей предложила!

Блейз с сочувствием посмотрела на меня.

— Да.

Меня передернуло; все мое существо восставало против этой мысли.

— Целый день я лез из кожи вон, пытаясь найти хоть кого-нибудь, кто выслушал бы, кто имел бы власть остановить расправу. Менодианский патриарх. Командир гвардии. Канцлер. Сам повелитель... И все это время у нее была возможность спастись, а она от нее отказалась. — Я испытывал ужасную горечь по отношению к Джастрии и пытался с ней бороться. Джастрия была мертва; так как же я мог на нее сердиться? Но только я все равно был в ярости.

— Таков был ее выбор, — сказала Блейз.

Я вытаращил на нее глаза, готовый выместить свой гнев на той, что совсем его не заслуживала.

— Ты что, не могла ее заставить? А ты хоть пыталась?

Глаза Блейз сверкнули, но ответила она спокойно:

— Я пригрозила, что ударю ее рукоятью меча по голове и вынесу ее бесчувственное тело на плече. Она ответила, что стоит мне сделать шаг к ней, и она закричит и скажет стражникам, что у меня — отмычка и меч. Так что я оставила ее в покое. Она хотела умереть сильнее, чем я — спасти ее жизнь; это так — можешь мне поверить.

Она говорила правду: мой нос это подтвердил.

Мне не сразу удалось найти слова, чтобы выразить мысль, которая уже давно не давала мне покоя: мучительное подозрение, никак не желавшее уходить.

— Я не могу избавиться от чувства... что она хотела именно меня сделать своим убийцей, потому что... потому... — Я умолк: дальше говорить я не мог, слова были слишком ужасны.

Сначала Блейз не поняла, о чем я, потом изумленно взглянула на меня.

— Ты хочешь сказать — она попросила тебя не потому, что боялась боли сама, а чтобы причинить боль тебе?

Я кивнул и попытался объяснить, все время помня о том, что рядом со мной женщина, которая носит меч не в виде украшения.

— Убить другого человека — самое ужасное, что может совершить житель Небесной равнины. Это единственное преступление, которое наказывается пожизненным изгнанием. Мы там, у себя, даже мышей не убиваем. А для меня такое еще непростительнее, потому что я — врач, целитель, призванный спасать жизни. — Мой голос упал до шепота. Мне с трудом удавалось заставить себя продолжать. — То, что я ее убил... запятнало мою душу. Запятнало навсегда. Она должна была знать, как это будет. Блейз, какое ужасное зло я ей причинил, если она сочла, что я заслуживаю подобного наказания?

Блейз задумалась, и я ощутил исходящий от нее запах осуждения. Она решила, что я собрался превратить трагедию Джастрии в собственную трагедию из-за извращенности своей души. Она не сказала вслух: «Ах ты подонок, это вовсе не твоя трагедия», но я прочел ее мысль по глазам, да и запах сказал мне то же самое. Осуждение Блейз пахло как горящее масло.

Я не мог ее винить. Она не знала меня, не знала Джастрию, не знала народ Небесной равнины. Вполне возможно, она зарабатывала на жизнь, убивая людей. И она не видела того прощального взгляда, который бросила на меня Джастрия. В последние секунды жизни моя жена была полна триумфа — того триумфа, который победитель стремится показать ненавистному противнику. Она считала, что выиграла битву, а я даже не знал, что эта битва между нами идет... Я чувствовал себя так, словно меня выпотрошили.

В глубине души я знал, что сам должен буду найти ответ на вопрос, который задал Блейз. Однако даже если мне удастся его найти, вряд ли я смогу когда-нибудь обрести душевный покой; если же нет — меня ждала бесконечная душевная боль.

Тогда я не знал, конечно, что наступит время, когда гибель одной женщины будет казаться мелочью, чем-то тривиальным по сравнению с теми тысячами невинных, которых ждала смерть от моей руки, и смерть ужасная. Я, который никогда не хотел вообще никого убивать, кончил тем, что стал убийцей такого множества людей, что их и сосчитать невозможно. Душевный покой, которого я искал после смерти Джастрии, сделался ускользающей мечтой, мучившей меня всю жизнь.

* * *

Я вернулся в амбар, чтобы забрать Скандора и вывести его попастись. Я отвел его на берег и привязал на лужайке, где его не было бы видно ни с дороги, ни с реки. К тому времени, когда я вернулся, вокруг суетились гхемфы, и один из них разговаривал с Блейз и Флейм. Я не был уверен, тот ли это, что встретил нас ночью, или нет. Различить их было трудно. Гхемфы одевались и выглядели одинаково. Кожа у них была сероватой и чем ниже, тем темнее, так что ноги с перепонками между пальцами выглядели черными, как уголь. Тела их были лишены волос, и мне никогда не удавалось отличить мужские особи от женских. У некоторых на лицах было больше морщин, но оставалось только гадать, являлось ли это признаком преклонного возраста.

Когда я подошел, Блейз повернулась ко мне и вежливо сказала:

— Келвин, это — самый главный старейшина анклава. Прошу прощения: я не знаю твоего семейного имени — Джастрия называла тебя просто Келвином — и не могу представить тебя как следует.

— Гилфитер.

Брови Блейз поползли вверх.

— Ты случаем не родич Гэрровина Гилфитера?

— О небеса, ты знакома с моим дядей?

Блейз начала смеяться.

— Все летучие рыбы океана, я в жизни встречала всего двоих жителей Небесной равнины, так они оказались еще и родственниками!

Я пожал плечами.

— Чудо в другом: удивительно, что ты вообще повстречала жителя Небесной равнины. Очень немногие из нас покидают Крышу Мекате. А уж если тебе так повезло, то самые вероятные кандидаты — я и дядюшка. Мы спускаемся вниз, потому что мы оба — врачи и должны добывать лекарства и целебные травы.

— Ты говоришь не с таким сильным акцентом, как он.

— Покидая Небесную равнину, я предпочитаю, чтобы меня понимали. Дядя Гэрровин — старый греховодник, который любит морочить людям головы. — Я повернулся к гхемфу. — Спасибо, что приютили нас в своем амбаре. Я сейчас уеду: не хочу навлекать на вас неприятности, сегодня утром я не самый популярный человек в Мекатехевене.

Гхемф поднял руку.

— Мы сочтем за честь, если вы задержитесь и примете участие в нашей утренней трапезе. Мы специально приготовили еду, которая по вкусу людям.

Я удивленно заморгал и оглянулся на Блейз, гадая, что она могла накануне показать гхемфам такого, чтобы заслужить подобное отношение. Обычно гхемфы не разговаривали с людьми, а если и разговаривали, то только по делу, да и все их высказывания бывали односложными. И уж тем более никогда они не предлагали человеку разделить с ними трапезу.

Блейз ответила мне совершенно невинным взглядом.

— Не сомневаюсь, что Келвин может немного... э-э... задержаться.

Мне следовало бы отказаться. Мне следовало бы попрощаться и уехать. Я уже открыл рот, чтобы сказать об этом, но Блейз меня опередила.

— Я ведь так и не представилась, — сказала она мне. — Я — Блейз Полукровка, не имеющая гражданства уроженка Ступицы на островах Хранителей. Моя подруга — Флейм Виндрайдер с Цирказе. И мне действительно очень стыдно за то зло, которое мы тебе причинили.

Я посмотрел на нее — в первый раз посмотрел по-настоящему. Блейз была крупной широкоплечей женщиной с густыми темными волосами длиной до плеч. Я считаю себя высоким мужчиной, но она была выше. Никто не назвал бы ее красавицей, но в ней чувствовался характер, а глаза ее смотрели так проницательно, что это вызывало смущение. Хоть она и извинилась за то, что втянула меня в свои дела, виноватой она не выглядела.

— Стыдно? Да ты снова поступила бы точно так же, — резко ответил я: сомнений в этом у меня не было.

Флейм уже открыла рот, чтобы с возмущением запротестовать, но тут ее славненькая ручная птичка села ей на плечо и зачирикала, и Флейм промолчала. Мы с птичкой посмотрели друг на друга, и у меня по спине побежали мурашки. Мое желание как можно быстрее распроститься с этой компанией только усилилось.

Я повернулся к старейшине гхемфов, чтобы попрощаться, но тут оказалось, что нас окружает целая толпа: гхемфы принесли в амбар скамьи и стол и уже расставляли на нем исходящие паром блюда. Прежде чем я успел возразить,

меня ласково усадили и сунули в руки кружку с каким-то горячим питьем. Я запротестовал, размахивая руками, в результате чего большая часть напитка расплескалась, но гхемфы успели исчезнуть; остались только двое из них — старейшина сел напротив Блейз, а второй расположился рядом со мной.

— Что вы хотели бы узнать? — сразу перешел к делу старейшина.

Я перестал протестовать и принялся вытирать пролитое, используя для этого салфетку из водорослей, лежавшую рядом с моей тарелкой. По крайней мере тогда я подумал, что это салфетка; позже я заметил, что сидящий рядом со мной гхемф свою жует...

Блейз поставила свою кружку на стол, и теперь я получил возможность рассмотреть ее ладонь. На коже виднелось что-то вроде золотой инкрустации, какой-то узор — несомненно, творение искусного татуировщика-гхемфа. Должно быть, его Блейз и показала встретившему нас накануне гхемфу. Я все еще продолжал таращиться на ладонь Блейз, гадая, в какую историю влип, когда полукровка заговорила:

— Я разыскиваю могущественного злого колдуна. Одно из имен, которыми он себя называет, — Мортред, Красная Смерть, и когда я в последний раз с ним столкнулась, он направлялся на Мекате. Похоже, где-то на этих островах есть поселение дун-магов. Многие из них — бывшие силвы: Мортред обладает властью превращать голубую силв-магию в багровую скверну... превращать силвов в дун-магов.

Эта новость явно не обрадовала старейшину гхемфов, но и не удивила тоже.

— Что тебе за дело до него? — спросил он после долгой паузы.

— Мы хотим его остановить, и у нас к нему есть личные счеты, но дело даже не в этом. Мортреда нужно уничтожить, прежде чем он обретет еще большее могущество и причинит непоправимый вред. Он жаждет политической власти и недавно едва не завладел Девой Замка Лиссал, наследницей суверена Цирказе. Он также пытался убить Рэнсома Холсвуда, наследника трона островов Бетани. — Блейз умолкла и поднесла к губам кружку с питьем. Стоило ей сделать глоток, и глаза ее остекленели. Должно быть, напиток был ужасным на вкус. Я в этот момент тоже собрался отхлебнуть из своей кружки, но тут поспешно поставил ее на стол.

— Разве такая задача не подходит больше силвам-хранителям? — спросил гхемф.

— Они, конечно, тоже заинтересованы в том, чтобы найти логово дун-мага, но справиться с ним могут только обладающие Взглядом, потому что только на них не действует дун-магия. Только обладающие Взглядом способны видеть дун-магию.

— И ты — одна из них?

— Да. Флейм владеет силв-магией.

Я слушал все это, и мои подозрения росли. Дядюшка Гэрровин часто развлекал детишек на Небесной равнине рассказами о магии, о силвах, которые обманывают людей, создавая иллюзии, и усилием мысли излечивают болезни, а также о злых дун-магах, которых он встречал и побеждал во время своих путешествий. Я уже вышел из возраста, когда верят подобным сказкам.

— И почему ты думаешь, что мы — гхемфы — сумеем тебе помочь?

— Потому что когда люди живут слишком далеко от ваших анклавов и не могут принести к вам своих новорожденных для татуировки, вы сами отправляетесь к ним. Нет такой дыры на всех Райских островах, где бы вы не бывали, — за исключением, конечно, косы Гортан. Поэтому вам легче, чем кому бы то ни было, заметить что-то необычное... неправильное. Не такое, каким ему следовало бы быть.

Гхемф склонил голову, соглашаясь с Блейз.

— Мы обычно не вмешиваемся в дела людей. Мы делаем татуировки, свидетельствующие о гражданстве, чтобы ваши правители могли следить за исполнением законов, но это уже не наша... не наша забота. Все, чего мы хотим, — это чтобы нас оставили в покое.

Тут в первый раз заговорила Флейм:

— Вы в самом деле думаете, что злой колдун, дорвавшись до власти, оставит гхемфов в покое? Эйлсу убили приспешники Мортреда. Дун-маги не терпят никого, кем не могли бы управлять. Вы, гхемфы, слишком независимы, и они увидят в этом угрозу. Кроме того, Блейз сказала мне, что вы нечувствительны к магии. Злые колдуны ненавидят всех, кто невосприимчив к их заклинаниям.

Блейз подняла руку с татуировкой и сказала:

— Этот знак Эйлса нанесла своей кровью, умирая. Думаю, вы должны знать, что все сказанное Флейм — правда.

Старейшина гхемфов ничего не ответил.

Флейм отхлебнула из своей кружки — не получив, судя по всему, вреда — и с аппетитом принялась за стоящее на столе угощение. Я тоже заставил себя кое-что попробовать; блюда состояли, насколько я мог судить, в основном из рыбы и из грязи мангровых болот. Попытавшись запить их содержимым своей кружки, я едва не подавился: напиток походил на уксус с привкусом водорослей.

Второй гхемф, тот, что сидел рядом со мной, повернулся к Блейз и тихо сказал:

— Эйлса была моей сестрой по выводку, мы росли вместе. Позволь мне поблагодарить тебя от имени всего выводка за ту заботу, что ты, судя по полученному тобой знаку, проявила в отношении Эйлсы. Мы хотели бы отметить тебя.

— Отметить?

— Оказать тебе почести.

— Для меня было честью знакомство с Эйлсой, — сказала Блейз. — Я потеряла настоящего друга. — Мне было трудно представить себе, что она говорит правду, но чувство Блейз было неподдельным: о том, что это так, я мог судить по запаху, столь же острому, как вкус предложенного гхемфами напитка. Она искренне оплакивала неведомого мне гхемфа, существо, принадлежащее к другой расе — расе, которая, насколько мне было известно, всегда старалась держаться в стороне от человеческих забот.

— Порф, — неожиданно сказал старейшина. — Это, должно быть, Порф.

Блейз нахмурилась. Название, несомненно, о чем-то ей говорило.

— Где это? — спросила Флейм.

— Остров к северо-востоку от Мекате. Я там разделалась с дун-магом... лет семь-восемь назад, — небрежно ответила Блейз, словно говоря о погоде или о чем-то столь же тривиальном. — Он пробрался на пост губернатора острова и даже основал школу для таких же, как он сам, на ближнем к Порфу берегу Мекате. Нам пришлось вычищать эту грязь через

год или два после гибели губернатора. Нескольким дун-магам удалось скрыться, и мы их так и не нашли. Так что вы слышали насчет Порфа?

Гхемф понурился.

— Да по большей части слухи. Одна из нас побывала у озера, именуемого Плавучая Заросль, чтобы сделать татуировку детишкам из деревни на берегу. Она говорила, что люди там перепуганы. Они рассказывают об озерных духах, о странных чужаках, о том, что из селения на острове посреди Плавучей Заросли никто больше не появляется на берегу.

— Она побывала на том острове?

— О, конечно: это же был ее долг, ты же понимаешь. Она не обнаружила там детей — ни одного ребенка. Жители были мрачными и велели ей убираться. Она сделала это с радостью: по ее словам, там все было каким-то неправильным. Это единственное место, о котором нам сообщили как о... странном.

Блейз нахмурилась еще сильнее.

— Эйлса говорила мне, что магия на гхемфов не действует, но видеть ее вы можете? Поняла бы ваша посланница, например, что повстречала людей, порабощенных дун-магами?

— Мы не видим цвета магии и не ощущаем ее запаха, как на это способны те, кто обладает Взглядом, но она должна была почувствовать... вибрации. Только наша сестра очень молода, это было ее первое путешествие, и возможно, она сама не поняла, что означают ее ощущения.

— Спасибо вам. Думаю, нам следует там побывать. Только у нас возникли некоторые неприятности с местными жрецами-феллианами, и нам может оказаться затруднительно покинуть Мекатехевен на корабле. Не существует ли дороги по суше, которая вела бы в какой-нибудь другой порт?

Оба гхемфа посмотрели на меня.

Я неохотно сказал:

— Единственная возможность — подняться на Небесную равнину и спуститься с другой стороны, к бухте Ниба. Там имеется порт Лекенбрейг, откуда на Порф ходит пакетбот.

Словно по команде Блейз и Флейм улыбнулись.

— Ох, нет, — простонал я, переводя взгляд с одной на другую. — Нет! Категорически нет. Никуда я вас не повезу!

От агента по особым поручениям
Ш. айсо Фаболда,
Департамент разведки,
Федеральное министерство торговли, Келлс,
Достопочтенному М. айсо Кипсуону,
Президенту национального общества
научных, антропологических и этнографических
исследований не-келлских народов

48/2 месяца Одной Луны, 1793

Дорогой дядюшка!

Спасибо за Ваше письмо. Сразу отвечаю на Ваш вопрос: да, услышать, как Гилфитер говорит о гхемфах как о чем-то совершенно обычном, было для меня шоком; его свидетельство является, пожалуй, одним из самых веских аргументов в пользу того, что эти существа — реальность, а не часть созданного культурой Райских островов мифа. В конце концов, Гилфитер — человек науки, врач, хоть и происходит из пастушеского народа, обитающего в глухих горных деревушках; он образован и не склонен к суевериям. И тем не менее тот факт, что сейчас на Райских островах никаких гхемфов нет и к тому же, если они существовали, от них не осталось никаких артефактов, требует объяснений. Почему не сохранилось никаких письменных свидетельств их существования, почему островитяне так неохотно говорят о них? Как я уже писал Вам раньше, проблема нуждается в дальнейшем изучении.

Теперь что касается Вашего второго вопроса: нет, лично я не беседовал ни с одним почитателем Фелли. Дело в том, что теперь их осталось совсем немного: культ утратил популярность. Повелитель Мекате, насколько мне известно, ограничил власть феллианских жрецов. Мне кажется, что к этому приложил руку, по мере того как его собственное влияние росло, Тор Райдер. Однако более подробно об этом я Вам напишу в другой раз.

Мои личные дела таковы: я провел прошлую неделю с Ниарой на празднестве графства, где живут ее дядя (Шеветон айсо

Трекалд, которого Вы, по-моему, знаете) и тетя; у них мы и останавливались. Потом я вернулся в город, чтобы продолжить подготовку к новому путешествию. Я еще не получил уведомления о назначении, однако меня попросили продолжать работу, так что, думаю, назначение состоится. Натан согласился вновь отправиться на острова в качестве моего переводчика, однако возникли трудности с подбором рисовальщика. Аниара, да благословит ее бог, предложила свои услуги! Конечно, я никогда не согласился бы на подобное, даже если бы мы были уже женаты. Путешествие связано со слишком большими тяготами для представительницы прекрасного пола. Тем не менее Аниара так же взволнована перспективой новой экспедиции на Райские острова, как и я сам, хотя, мне кажется, она и будет по мне скучать. Она заставила меня пообещать, что, если я вправду туда отправлюсь, я снова повидаюсь с Блейз, если та еще жива.

Мне приходится на этом письмо закончить: мне только что доставили пакет с бумагами: формы (заполняемые в трех экземплярах) для заказа научной аппаратуры. Для экспедиции будут изготовлены новые подзорные трубы и эти новомодные микроскопы, чтобы изучать образцы растений и насекомых.

Мой самый теплый привет тетушке Росрис.

Ваш любящий племянник
Шор айсо Фаболд

Глава 4
Рассказчик — Келвин

— Это было самое ужасное угощение, какое я только пробовала в жизни, — сказала Блейз, когда мы выехали на тропу, ведущую к подножию Обрыва. — Если гхемфы считают, что так положено питаться людям, я бы уж предпочла есть то же, что едят они.

— Я слышала, что они едят рыбу сырой, — отозвалась Флейм, — вместе с костями. А мне их угощение не показалось таким уж плохим. Напиток, конечно, имел странный вкус, а в остальном — ничего особенного.

— «Не таким уж плохим!» Флейм, еда была отвратительной! У тебя вкус как у веслоноса, который роется в придонном иле!

— Ничего подобного. Мой вкус воспитывался на творениях лучших дворцовых поваров Цирказе. Да и не тебе меня учить! Я видела, как ты уплетала пескожилов, тушенных вместе с медузами, когда мы оказались на мысу Кан.

— Я тогда была голодной. После двух дней, проведенных в открытом море на спине морского пони, любая харчевня покажется верхом совершенства, да и вообще на мысе Кан она была единственной.

— И к тому же в меню там, как я заметила, было единственное блюдо. Ты должна была обратить внимание на то, что я-то к нему не прикоснулась.

Я наконец осознал, что их постоянная перепалка была всего лишь дружескими подначками. Мне для этого потребовалось некоторое время: на Небесной равнине подобный стиль разговора не был принят. К счастью, членом моего семейства был дядюшка Гэрровин, который со смесью родственной любви и раздражения — как я понял, немного повзрослев, — называл меня «рыжеголовым несчастьем с двумя левыми ногами и ловкостью селвера, пытающегося открыть кувшин с молоком».

Блейз и Флейм, решил я, состояли в любовной связи. Я чувствовал запах их взаимной привязанности. Меня это не смущало: на Небесной равнине в таких отношениях не видели греха. Подобные пары возникали, и это воспринималось окружающими разве что с некоторой жалостью. Дети были величайшей радостью жителей Небесной равнины, и невозможность для однополых супругов иметь потомство огорчала их самих и их близких, вот и все.

Гораздо больше меня беспокоило то положение, в котором оказался я сам. Я все еще с трудом мог поверить в свалившееся на меня несчастье. Все запуталось еще до того, как мы покинули анклав гхемфов. Я намеревался уехать оттуда — уехать в одиночку — и изо всех сил гнать Скандора, чтобы феллиане не смогли меня перехватить. Однако вышло так, что мы все вместе в отча-

янной спешке бежали из селения гхемфов, лишь слегка опередив преследователей.

Мы еще продолжали сидеть за столом, когда в амбар ворвался подросток-гхемф и начал что-то кричать на своем непонятном языке. Старейшина поспешно перевел нам его слова: «С началом прилива в протоке появилась лодка стражников-феллиан. Их сопровождают гвардейцы повелителя».

Я не стал ждать. Я даже не поблагодарил гхемфов. Я выбежал из амбара, схватив свою сумку и седло Скандора, и кинулся туда, где оставлял его пастись. Оглянувшись через плечо, я заметил Блейз и Флейм, которые бежали следом за мной в компании верного Следопыта. Лодки пока видно не было, так что у нас оставалась возможность скрыться незамеченными.

Наверное, я мог просто вскочить на селвера и бросить женщин. Однако мне пришло в голову, что в таком случае их скорее всего схватят, и кто знает, что они могут наговорить феллианам о моем участии в побеге Блейз из тюрьмы. Вот и вышло так, что, пока я колебался, Блейз схватила меня за руку и оказалась в седле позади меня. Подавив вздох, я дождался Флейм и помог ей сесть на Скандора тоже.

К счастью, я знал местность, поскольку часто собирал там лекарственные травы. Я пустил Скандора рысью через лес, и мы не сбавляли темпа, пока не удостоверились, что погони за нами нет. Когда мы добрались до узкой тропы, ведущей сквозь заросли бамбука, я позволил селверу идти дальше шагом. Я велел своим спутницам помалкивать, но скорее из нежелания вести разговор, чем ради безопасности; впрочем, им я об этом не сказал.

Горожане и жители окрестных деревень постоянно рубили бамбук для всяких хозяйственных надобностей, но в тот день нам никто не повстречался. Примерно через три часа, когда бамбук сменился широколиственными деревьями, мы остановились у ручья, чтобы наполнить водой бурдюк; я накопал клубней дикого батата, чтобы потом испечь их на костре: ни у кого из нас в сумках никакой еды не было. Еще через четыре часа мы начали подъем по тропе, ведущей на Крышу Мекате. Теперь мы могли быть уверены, что погони близко нет: для этого нам было достаточно просто оглянуться и посмотреть вниз. К тому времени мы все слезли со Скандора, чтобы он мог отдохнуть. Вот тогда-то Блейз и Флейм и затеяли разговор насчет еды, которую подавали нам гхемфы.

Флейм подъем давался тяжело — она явно не была привычна к тяготам. Единственная ее рука была нежной и белой — рукой женщины, никогда не работавшей по дому и не мотыжившей огород. Я задумался о том, давно ли была ампутирована другая ее рука; культя, которую я разглядел, когда Флейм мылась у ручья, выглядела так, как если бы заживала уже несколько месяцев.

Мне хотелось бы шагать впереди и не обращать внимания на навязавшихся мне против моей воли спутниц, но врач во мне был более мягкосердечен. Я заподозрил, что цирказеанка вовсе еще не оправилась от той травмы, что выпала ей на долю. Выражение ее глаз оставалось страдальческим, и это говорило мне даже больше, чем ее манера постоянно отставать. Загадочное благоухание, окружавшее ее, не могло скрыть от меня легкого запаха боли. Эта девушка пострадала, и пострадала ужасно; причиненный ей вред не имел никакого отношения к ее физическому увечью. Флейм постоянно болтала со своей ручной птичкой, словно с человеком; я даже подумал, все ли у нее в порядке с головой.

Когда мы добрались до поросшего травой уступа, где Скандор мог пастись, я решил устроить привал. Флейм с облегчением растянулась на траве. Блейз проявила гораздо больше осторожности. Я заметил, как внимательно она озирается, как изучает уступ; подойдя к его краю, она всмотрелась в дымку, окутавшую уже пройденную нами часть тропы, а потом бросила взгляд вверх. Только после этого сняла она портупею с мечом. Эта женщина ничего не принимала на веру, и я задумался о том, какова должна была быть ее жизнь. Разобраться в Блейз было гораздо труднее, чем в Флейм: большую часть времени ее запах ни о чем мне не говорил. Она была одной из тех немногих жительниц равнин, которые могли, если желали, так глубоко скрывать свои чувства, что в воздухе не оставалось их следов.

Я снял с седла Скандора сумки, ослабил подпруги и отпустил животное пастись.

— Мы отдохнем здесь в течение часа, — сказал я и тоже отправился посмотреть на уходящую вниз тропу. Мы были уже значительно выше прибрежной полосы и навозной кучи — Мекатехевена. С такой высоты особенно заметны были шрамы, оставленные на земле каменоломнями, шахтами, выруб-

ками леса. Над строениями города стояло облако зловонных испарений, накрывавшее и полосу илистой воды, уходящую от устья реки в океан.

— Как же они все изгадили! — сказала стоявшая рядом со мной Блейз.

Флейм перекатилась на бок, чтобы тоже посмотреть на открывающийся вид.

— Великая бездна, я никогда в жизни не была так высоко! Все кажется отсюда таким маленьким! Мы уже почти на вершине, да?

Я покачал головой.

— Мы еще и половины пути не прошли. Нам придется заночевать где-нибудь рядом с тропой.

Флейм поежилась.

— Надеюсь, нам удастся найти уступ достаточной ширины. Не хотела бы я скатиться ночью вниз... Блейз, говорила же я тебе, что лучше плыть на корабле. Я могла бы создать иллюзию...

— Это тебя ослабило бы.

— А что, подъем на эту проклятую гору прибавляет мне сил?

Блейз не обратила внимания на жалобы Флейм.

— Сколько времени потребуется нам, чтобы пересечь Крышу Мекате и спуститься на побережье с другой стороны?

— Это зависит от того, будут ли у вас селверы для такого путешествия, — ответил я. — Пешком — дней десять, если вы будете идти быстро. И еще пара дней на спуск к Лекенбрейгу.

— У нас есть монетки для того, чтобы нанять селверов.

— Деньги, которые вы украли у картежников, — резко бросил я.

— Верно. — Блейз с любопытством взглянула на меня. — Я играла с богатыми бездельниками, которым урок пошел бы только на пользу. Деньги для них мало что значат, и я не испытывала угрызений совести, облегчив их кошельки, когда у нас не было ни гроша даже на еду. Я жульничала, знаешь ли, хотя вряд ли в этом была нужда: мальчишки оказались никуда не годными игроками. Ну а уж потом Флейм прикарманила денежки. — Блейз склонила голову к плечу и посмотрела мне в глаза. — Ты в самом деле такой честный человек, Келвин Гилфитер, или ты просто еще один праведный лицемер?

Мне с трудом удалось сдержать гнев.

— Мы на Небесной равнине не воруем. И купить что-нибудь тебе тоже окажется нелегко. Мы не пользуемся деньгами.

Блейз встретила мои слова с недоверием.

— Зачем пользоваться деньгами, если покупать нечего? — стал я объяснять. — Все, что нам нужно, мы получаем и так. Когда мне нужен новый тагард, кто-нибудь его мне соткет. Когда дети ткача болеют, я их лечу. Когда нужно починить мост, этим займутся все жители тарна. А уж если нам потребуется что-то, что можно раздобыть только на побережье, мы можем попросить деньги из сокровищницы Небесной долины.

— А эти деньги откуда берутся? — все еще скептически поинтересовалась Блейз.

— Тарны продают излишки шерсти в Мекатехевене.

— Тарны? — переспросила Флейм.

— Вы, наверное, назвали бы это деревней — десять домов, расположенных рядом. Тарн распоряжается тысячей селверов, по сто голов на дом. Обычно в каждом доме живут десять человек. Таким образом, тарн — это сотня горцев.

— А что такое тагард? — продолжала расспрашивать меня Флейм.

Я показал на шерстяное полотнище, которое носил поверх штанов и рубашки. Тагард служил плащом или шалью, а то и одеялом в случае нужды.

— Вот это он и есть, одежда всякого жителя Небесной равнины — и мужчины, и женщины. Приверженцы старины вроде моего дяди Гэрровина носят под тагардом только белье, а я предпочитаю надевать еще и штаны.

— Шерсть селвера, — сказала Блейз, потрогав ткань.

Я кивнул.

— Это расположение клеток говорит о том, что владелец принадлежит к дому Гилфитеров, а сочетание темно-зеленого и красного указывает на наш тарн.

Поняв все значение сказанного мной, Блейз подняла брови.

— На Небесной равнине трудно остаться неузнанным, верно? Так объясни мне, как же нам выжить в ваших краях, раз мы не сможем купить ничего, что нам нужно?

— Если к вам отнесутся с симпатией и доверием, то вам дадут или одолжат все, что вам требуется. Если же нет, вас отведут к началу спуска и предложат убираться.

— Гэрровин говорил, что Небесная равнина — это рай.

Я с недоверием поднял брови: уж я-то знал своего дядюшку.

— Он также говорил, что рай должен иметь свои правила. И то, что для одного человека — рай, для другого — ад, — добавила Блейз.

Вот это было уже больше похоже на дядины высказывания.

— Гэрровин всегда слишком много болтает. Он ведь проводит дома от силы месяц-другой зараз, а потом снова отправляется в странствия. Это само по себе — нарушение наших традиций. Для дядюшки делается исключение из-за его врачебного искусства: он говорит, что путешествует ради расширения медицинских познаний. Я-то подозреваю, что истинная причина в другом: для него на Небесной равнине слишком много ограничений. Тем не менее он каждый раз, когда возвращается, обучает нас многим новым приемам, так что старейшины терпят его чудачества. — Я помолчал, потом уточнил: — Дело в том, что наша среда обитания очень хрупкая, и мы выживаем только потому, что соблюдаем ограничения и придерживаемся правил. Да, Небесная равнина — рай, но только этот рай не просуществует долго, если все мы начнем поступать, как каждому вздумается. Таков парадокс: райская жизнь имеет свою цену, а потому для некоторых оказывается адом.

Когда я договорил, обе женщины некоторое время молчали. Потом Флейм протянула мне свою культю.

— Скажи мне, Келвин, — начала она, явно желая переменить тему, — что ты видишь?

Я не понял ее вопроса.

— Ты говоришь о своей руке?

— Да.

— Она была ампутирована выше локтя, и ампутирована не очень давно. Зажила рана хорошо.

Флейм взглянула на Блейз.

— Вот видишь, я же тебе говорила.

Не знаю, что Флейм при этом сделала, но что-то она сделала определенно: Блейз отшатнулась, как если бы в нее чем-то кинули. Единственным, что я заметил, был сильный запах того благовония, которым пользовалась Флейм. Она часто так пахла, и аромат дразнил меня, потому что я никак не мог найти ему название. Сейчас запах был таким сильным, что почти

вызывал отвращение, но я так и не мог сообразить, что же он мне напоминает.

— Он обладает Взглядом, — заключила Флейм. — Он понял, что моя рука, которая выглядит целой и здоровой, — иллюзия. И все-таки он не заметил волшебного огненного шара, который я только что кинула в него. Он не пригнулся.

— Я-то и видела, и пригнулась, — сказала, хмурясь, Блейз. — Я почувствовала твою магию, и этого оказалось достаточно, чтобы я машинально отшатнулась. А он не видел и не почувствовал ничего: он даже не моргнул. — Она с интересом посмотрела на меня.

— Что за шар? — озадаченно спросил я.

Флейм недоверчиво покачала головой.

— Ничего не видел, говоришь? Ни иллюзии, ни созданного силв-магией светящегося шара? Что же он за человек?

— Рационально мыслящее существо, — проворчал я.

— Не может же он притворяться? — спросила Флейм, сомнения которой явно не рассеялись.

Я заскрипел зубами.

— Знаете что? Меня очень раздражает, когда обо мне говорят так, словно меня тут нет. И мне начинает казаться, что у вас обеих сильный приступ морской лихорадки. Я не верю в магию, потому что ее не существует. Вы обе уже вышли из возраста, когда позволительно верить в заклинания, приметы и легенды. Вы еще скажите мне, что Дастелы ушли под воду по злой воле дун-мага, как рассказывают сказители на побережье.

Птичка, сидевшая на плече Флейм, взлетела и кинулась прямо мне в лицо, отчаянно чирикая.

— Руарт! — окликнула ее Флейм. Птичка вернулась на прежнее место, но могу поклясться: смотрела она на меня очень сердито.

Блейз улыбнулась.

— Поосторожнее, Гилфитер: смотри, куда ставишь ногу, а то как бы она не оказалась у тебя во рту. Руарт — житель Дастел. Он не любит, когда при нем высказываются сомнения в существовании дун-магии. Более того: мы все считаем, что тот самый злой колдун, которого мы выслеживаем, виноват в гибели Дастел.

— Блейз! — воскликнула Флейм. — Ты не должна рассказывать ему о птицах-дастелцах!

Блейз ухмыльнулась.

— Да какая разница? Он же не верит ни единому слову.

Я почувствовал, что с меня хватит. Они насмехались надо мной, а я такого не заслуживал. Я поднялся на ноги.

— Пора двигаться дальше.

Флейм застонала.

— Час еще не прошел... — пожаловалась она.

— Может быть, и нет, — ответил я с улыбкой, которая мне самому напомнила голодного травяного льва. — Я просто не могу больше слушать вашу бессмысленную болтовню.

Впечатление от моего заявления оказалось несколько испорчено тем, что я забыл о расстегнутых подпругах. Когда я стал садиться на Скандора, седло соскользнуло, и я растянулся на земле.

Со мной часто случалось подобное. Очень часто...

К тому времени, когда мы нашли место для ночлега, начался дождь — не сильный, но непрерывный. Мне удалось разжечь костер между наспех сдвинутых камней. В качестве топлива послужил старый навоз, оставленный селверами, бывавшими в этих местах. Я испек выкопанные по дороге клубни, и мы плотно, хоть и без разнообразия, поужинали. Единственной защитой от дождя нам служила тонкая накидка из промасленного войлока, которую я всегда вожу в своей сумке, однако она была рассчитана на одного человека, а не на троих, так что нам пришлось тесно сгрудиться, поджав ноги и привалившись спинами к скале. Ситуация располагала к серьезной беседе, так что я не удивился, когда Флейм сказала:

— Я и в самом деле опечалена тем, что случилось с твоей женой, Келвин. И мне жаль, что мы втянули тебя в такие неприятности. Может быть, мы все-таки могли бы что-то исправить? Может быть, нам написать письмо повелителю Мекате, когда мы благополучно уберемся с острова?

— Это наивно, Флейм, — прервала ее Блейз. Я подумал, что ей, должно быть, часто приходится говорить подруге о ее наивности. — Вряд ли кто-то обратит внимание на письмо беглой заключенной и ее сообщницы, объясняющих, что они принудили Гилфитера им помогать.

Флейм вздохнула.

— Пожалуй, ты права.

Блейз повернулась ко мне.

— В самом ли деле тебя будут преследовать даже на Небесной равнине? Или стражники гонятся только за нами?

— О да, они явятся на Небесную равнину. Меня они хотят схватить не меньше, чем вас.

Блейз бросила на меня скептический взгляд, и я объяснил:

— Тут дело в отношениях между нами, горцами-пастухами, и властями на побережье. Мы платим повелителю налог тканью, сотканной из шерсти новорожденных селверов. Это очень тонкая шерсть — ее называют шерстяным шелком, — и она высоко ценится. — Я коснулся рукава своей рубашки. — Вот это, например, шерстяной шелк. Получая от нас такую подать, власти нас не трогают. Никому не позволено являться на Небесную равнину без нашего согласия. Мы сами устанавливаем свои законы, сами решаем свои дела, сами учим своих детей. Конечно, раз в год к нам приходит гхемф, чтобы нанести татуировку на мочки новорожденных. Однако имеется одна загвоздка: любой из нас, как только спускается с Обрыва, подпадает под действие законов побережья и не может искать убежища на Небесной равнине, если в чем-нибудь провинился.

К тому же есть еще одно обстоятельство. Почему-то жители побережья нас опасаются... даже попросту боятся. Мы выше ростом и сильнее. Мы представляемся им странными — с нашими рыжими волосами, светлой кожей и непривычным акцентом, а главное — с нашими верованиями, которые они считают греховными, поскольку мы не поклоняемся никаким богам. Большая часть земли на Мекате принадлежит нам, а не им. Жители побережья владеют узкой полоской земли и цепляются за нее, как папоротник за трещину в скале. Им, похоже, требуется постоянное подтверждение того, что мы не свалимся им на голову и не скинем их в океан.

Так что за мной гнаться они будут, даже если бы со мной не было вас, — для них это вопрос принципа. А уж если они меня схватят, наказание выберут самое суровое. Я понял это, как только услышал от гхемфа, что повелитель послал в погоню своих гвардейцев — он, похоже, поддерживает феллиан. И

преследователи не медлят: они еще ночью послали в море лодки, чтобы помешать нам сбежать на корабле.

Флейм выругалась так грубо, что я изумленно заморгал. Не обращая на меня внимания, она добавила:

— Значит, дело действительно плохо. Прости нас.

— Они же не могли знать, что мы укрылись в селении гхемфов! — возразила Блейз.

— Конечно, не могли. Они туда явились просто потому, что причал гхемфов ближе всего к началу тропы, ведущей на Небесную равнину. Наверняка другие стражники искали нас по всему городу.

Птичка Флейм, которая сидела у нее на колене, зачирикала. Девушка сказала:

— Руарт интересуется: что же ты теперь будешь делать? Твой народ тебя спрячет?

— Не знаю. И не надо пытаться уверить меня в существовании говорящих птиц, — с отвращением добавил я. — То, что я родился среди пастухов, не делает меня тупым, необразованным и готовым верить в сказки.

Флейм мгновение помолчала, потому заговорила странно напряженным голосом:

— А то, что я разговариваю с птицей, не делает меня ни лгуньей, ни безумной. Может быть, мне и было бы трудно доказать, что я понимаю Руарта, но доказать, что он понимает тебя, я могу. — На меня буквально обрушился запах ее гнева.

— Осторожнее, Флейм, — предостерегающе сказала Блейз, но в ее голосе мне послышалась усмешка. — Ты же сама недавно говорила, что незачем ему знать о птицах-дастелцах.

Однако мои слова задели цирказеанку, и теперь ее было не остановить.

— Ладно, пора ему узнать. Нам ведь предстоит вместе путешествовать.

— Ничего подобного! — возразил я.

Флейм решительно продолжала, обращаясь не ко мне, а к Блейз:

— Блейз, мы разрушили его жизнь. Ему придется отправиться с нами: ведь ничего больше не остается. Мы должны ему помочь, а он, может быть, поможет нам. В конце концов, он невосприимчив к силв-магии, а возможно, и к дун-магии тоже. — Флейм повернулась ко мне. — Скажи Руарту, чтобы

он что-нибудь сделал — что-нибудь, конечно, что может сделать птица. Придумай что-нибудь сам.

Я посмотрел на птичку. Солнце еще не совсем село, и я мог хорошо ее разглядеть. Руарт глядел на меня, склонив голову, блестящими синими глазами.

— Хорошо, — согласился я, уверенный в том, что смогу разоблачить любой их трюк. — Флейм, закрой глаза и сиди абсолютно неподвижно. Ты тоже, Блейз. — Флейм пожала плечами и выполнила мои указания, Блейз с усмешкой сделала то же самое. Потом я сказал:

— Руарт, сядь мне на руку и пять раз меня клюнь.

Руарт не стал медлить. И стесняться не стал тоже: изо всех сил клюнул пять раз мою руку, лежавшую на колене. Взлетев на плечо Флейм, он с довольным видом посмотрел на меня. А я почувствовал, как мой разумный и упорядоченный мир разваливается у меня на глазах второй раз за два дня.

— Ах, боже, — раздраженно бросила Флейм, открыв глаза и увидев кровь у меня на руке. — Руарт, как тебе не стыдно! — Она виновато мне улыбнулась, а Блейз от всей души расхохоталась.

Глава 5
Рассказчик — Келвин

По правде говоря, я старался совсем не думать о Руарте. А также о силв-магии. И о дун-магии тоже.

Спал я плохо, а на следующее утро, когда мы снова двинулись в путь, решительно пошел вперед, ведя в поводу Скандора, не дожидаясь постоянно отставших женщин. Блейз, конечно, с легкостью могла бы идти со мной наравне, но предпочитала не оставлять Флейм. Меня это вполне устраивало: мне было лучше одному. Иногда меня догонял пес Блейз, Следопыт — сплошные лапы и высунутый язык, — чтобы проверить, не потерялся ли я, но в остальном мне не мешали предаваться печальным размышлениям. О Джастрии. О том ее последнем взгляде.

К середине утра я добрался до конца тропы. В воздухе все еще висел туман, как это обычно и бывало на Небесной равнине; он не рассеялся и к тому времени, когда меня догнали Блейз и Флейм.

— Подождем, пока прояснится? — спросила Блейз, вглядываясь в мутную белизну. Эта полукровка даже не запыхалась после подъема.

— Дожидаться такого можно несколько дней. Нет, мы пойдем дальше.

— Но я что-то не вижу ни одной тропинки...

— А их и нет. На Небесной равнине нет ни дорог, ни троп, ни даже самых маленьких тропинок.

— Ни одной?

— Ни одной. Только в каждом тарне между домами лежат камни, чтобы можно было ходить, не замочив ног и не вытаптывая траву. Вот что: пока вы здесь, вы должны соблюдать обычные для нас правила. Нельзя идти по следам того, кто идет впереди: иначе можно протоптать дорожку.

Флейм широко раскрыла глаза.

— А чем вам не угодили дорожки?

— Я уже говорил: природе Небесной равнины легко причинить вред. Здесь растут только луговые травы и камыши, а дожди идут часто и бывают сильными. Если не будет травы, почва окажется размыта. Эрозия — самый страшный враг Небесной равнины. Поэтому мы не прокладываем троп. Вы должны идти не за мной, а рядом, и следить за тем, чтобы не нарушить слой почвы.

Флейм с беспокойством посмотрела на пелену тумана.

— Все это очень хорошо, но как мы найдем дорогу?

Я показал на юг.

— Мой тарн в пяти часах езды отсюда рысью. Даже в самом густом тумане я не заблужусь, потому что чую дом.

— Неужели он так сильно воняет? — с невинным видом спросила Флейм.

Я не смог определить, говорит ли она серьезно или просто дразнит меня.

— Он совсем не воняет. Мой тарн пахнет свежеиспеченным хлебом, дымом очагов, сухими цветами, из которых наш сосед-ткач делает краску для шерсти. Еще он пахнет лепешками, которые моя невестка только что сняла с плиты.

— И ты все это чуешь, несмотря на туман?

— Я шучу. Тарн Вин слишком далеко отсюда. До него день пути, потому что идти мы будем шагом, хоть по очереди и можно ехать на Скандоре. У жителей Небесной равнины хороший нюх, но все-таки не настолько. — На самом деле я, конечно, чуял все, о чем сказал, и запах лепешек заставлял меня глотать слюнки: есть хотелось ужасно. Только выдавать чужакам слишком много наших секретов я не собирался.

— Так как же ты найдешь дорогу в таком тумане? — настаивала Блейз.

— Я знаю каждую травинку на пути домой, не беспокойся. Флейм, ты можешь немного поехать на Скандоре.

Она поморщилась и выразительно потерла бедра.

— Предпочитаю идти пешком. Я могу исцелить себя, но это довольно утомительно.

Мне совсем не нравились голубые тени, окружившие ее глаза.

— Садись в седло, — сказал я. — Теперь, когда на селвере будет ехать всего один человек, а не три, тебе будет гораздо удобнее.

Флейм открыла уже рот, чтобы начать спорить, но Блейз поддержала меня, и Флейм подчинилась. Блейз пошла со мной рядом.

— Жители Небесной равнины в самом деле обладают лучшим нюхом, чем другие люди?

Я небрежно пожал плечами.

— Откуда мне знать? Я знаком только со своим собственным носом.

Однако Блейз не отставала.

— Скажи, чем пахнет Флейм?

— Чем-то сладким. Только сегодня она не пользовалась своими благовониями, и за эту милость я ей весьма благодарен.

— Это не благовония, — сказала Блейз, — это силв-магия. Ты ее не чуешь сейчас, потому что Флейм перестала создавать иллюзию, будто у нее есть левая рука.

Я поморщился.

— Прошу тебя! С меня достаточно этой чепухи!

— Очень многие люди верят в магию, Гилфитер.

— Однако это не делает ее истиной. Очень многие люди верят во владыку Фелли, верят, будто его порадовала смерть Джастрии. Вера — не доказательство.

— А каковы религиозные взгляды жителей Небесной равнины?

— На самом деле у нас их вовсе нет. Мы верим в то, что являемся частью мира, и верим, что должны передать его своим потомкам таким, каким получили сами. Когда мы умираем, нас хоронят, и постепенно мы становимся частью земли. Именно так, как часть земли, мы поручаем себя заботе следующих поколений. И будучи частью земли, которая их кормит, мы в свою очередь заботимся о них.

— Никакого небесного блаженства, никакого ада? И вы не верите в то, что творцом мира, создавшим и вас, был бог?

— Нет. Зачем тут нужен бог или другое существо? Мы просто есть. Мы живем, мы умираем, и цикл начинается заново. Мы с радостью ждем времени, когда станем землей. Мы видим в этом не столько смерть, сколько постепенное перерождение в ту самую землю, что вскормила нас, и тем самым участие во всех тех жизнях, что наступят после нас. Мы верим в то, что земля обладает сознанием, которое недоступно нам при жизни. Смерть — не конец, она просто другое состояние, настолько отличное от того, что нам известно, что даже и размышлять о нем бессмысленно.

— Вы верите, что ваши предки стали частью вас?

— В определенном смысле.

— Ни обрядов, ни богов, ни храмов, ни патриархов?

— Ничего такого у нас нет.

— Похоже на то, что это — религия для меня. — Говоря так, Блейз улыбнулась мне, но в ее улыбке проскользнуло что-то печальное, почти трагическое. Пожав плечами, она переменила тему. — Ты все еще отрицаешь, что Руарт понимает нас?

Я покачал головой.

— Нет, я же не слепой. Я убедился, что понимает. Только вот даже старина Скандор прибегает ко мне, стоит свистнуть, и магия тут ни при чем. Может быть, порода Руарта отличается от других птиц. Значит, существуют разумные птицы. Не сомневаюсь, что в мире множество чудес, а я просто недостаточно путешествовал, чтобы их увидеть; может

быть, в некоторые из них мне было бы так же трудно поверить, как и в это.

— Упрямый ты человек, Келвин Гилфитер.

— Я врач, человек, изучающий науку исцеления. Я предпочитаю ознакомиться с фактами, прежде чем прописать лекарство.

Блейз оглянулась, чтобы убедиться: Флейм на Скандоре не потерялась в тумане, потом сказала:

— Ты и впрямь недостаточно путешествовал, пастух, совершенно недостаточно.

Я только хмыкнул и положил конец разговору, накинув на голову угол тагарда, чтобы защититься от сырости. Существует множество вещей, которые можно выразить с помощью тагарда.

Солнце пробилось сквозь туман как раз к тому моменту, когда около полудня на следующий день мы добрались до Вина.

Представившаяся мне возможность показать своим спутницам, что Небесная равнина — одно из самых красивых мест на Райских островах, доставила мне какое-то извращенное удовольствие. Не знаю, почему мне хотелось, чтобы им понравилась моя родина, однако это было так. Может быть, все заключалось просто в желании убедить Блейз в том, что мне не требуется далеко путешествовать, чтобы увидеть красоты мира.

А Крыша Мекате, несомненно, была одним из чудес света. Мы называем ее Небесной равниной, но на самом деле она вовсе не плоская: мягкие холмы прорезают каменистые русла потоков, кое-где поднимаются скалы, которым ветер и дожди придали самые причудливые формы, а широкие лужайки покрыты цветущими растениями, меняющими цвет с каждым новым сезоном. Тогда как раз расцветали розовые вьюнки и сероголубоватые кошачьи лапки. Как только выглядывало солнце и щупальца тумана таяли, раскрывали лепестки белые маргаритки, и цвет лугов менялся у нас на глазах, однако стоило набежать облаку, и маргаритки снова закрывались; от этой живой переменчивой красоты трудно было оторвать взгляд.

Мы остановились на вершине склона, спускающегося к потоку Вин, по которому получил название и наш тарн. Дома выстроились вдоль берегов, по пять на каждом; их двери отделяло от воды ровно такое расстояние, чтобы жилища не залило

даже в самый сильный разлив. Дома были встроены в склон берега так, чтобы как можно меньше нарушать естественный ландшафт. Общая комната каждого дома выступала вперед, но на крыше, засыпанной землей, росли цветы и овощи; две части тарна соединял каменный пешеходный мост, а плоские камни, положенные между домами, позволяли ходить к соседям, не нарушая почвенный покров.

— Это и есть твой тарн? — спросила Блейз. — Это Вин?

Я был задет тем, что вид не произвел на нее, похоже, никакого впечатления.

— Да. Кстати, иных поселений ты на Крыше Мекате не увидишь. У нас нет городов, только тарны. И в каждом десять домов определенных семейств, которые соединяют точно такие же каменные дорожки.

— А где же ваши стада селверов?

— На пастбище. Рядом с тарном остаются только те селверы, которых мы доим. Пастухи присматривают за животными днем и ночью и перегоняют стада с одного пастбища на другое, чтобы не нанести вреда растительности. Мы все по очереди пасем селверов. — Я пристально взглянул на женщин. — В тарне вы должны быть особенно осторожны, чтобы не повредить почву. Если пойдете в другой дом, не сходите с лежащих между домами камней.

— А как насчет Следопыта? Как к нему отнесутся твои соплеменники? — спросила Блейз.

Флейм фыркнула.

— Как будто этой ходячей заразе хоть где-нибудь порадуются!

Я с сомнением глянул на пса.

— Мы не держим домашних любимцев. И у нас не найдется корма для такого крупного животного. Мы ведь, как правило, не едим мяса.

Блейз вытаращила глаза.

— Так что же тогда вы едите?

— Молоко, сыр, творог, ягоды, орехи, лепешки из муки, которую делаем из клубней батата, плаценту селверов в сезон окота... — Флейм издала странный придушенный всхлип, так что я остановился. — Она, кстати, была бы тебе очень полезна, — сказал я ей.

— Да уж конечно...

— Ладно, — сказала Блейз и дважды хлопнула в ладоши. Следопыт внимательно посмотрел на нее, словно желая удостовериться, что правильно ее понял, и заковылял прочь.

Я почувствовал себя виноватым перед проклятым животным.

— Мне очень жаль...

— Ничего. Он наполовину ныряльщик, а это охотничьи псы. Следопыт может о себе позаботиться.

Мы начали спускаться по склону, и один из деревенских мальчишек, сын шорника Хайдвина, увидев нас, помчался к моему дому, чтобы сообщить родным о моем возвращении. Я не сомневался, что они уже знали об этом: у нас в семье всегда шутили, что матушка может учуять меня с другого конца Небесной равнины, но дети обожали первыми высматривать посетителей или возвращающихся из путешествия.

Хотя я отсутствовал всего шесть дней, к тому моменту, когда мы добрались до дверей, вся моя семья собралась в общей комнате приветствовать меня. Я поздоровался с каждым по старшинству, касаясь их щек, — такова была традиция: с бабушкой, с отцом, с матерью, с дядей, с братом и его женой. Что касается остальных членов нашей семьи — моей двоюродной сестры и ее мужа, — они, должно быть, пасли стадо. Я повернулся, чтобы представить Блейз и Флейм. Они неловко жались у двери позади меня, явно чувствуя себя не в своей тарелке. К тому же им, наверное, показалась странной наша общая комната с ее лакированными стенами и полом и немногочисленной каменной и деревянной мебелью.

— Я привел с собой на Небесную равнину двух чужестранок, — сообщил я своим родным, тем самым принимая на себя формальную ответственность за Блейз и Флейм. — Им нужно пересечь Крышу Мекате, чтобы попасть в Лекенбрейг. Это — Блейз Полукровка, а рядом с ней — Флейм Виндрайдер. — Я не упомянул Руарта, сидевшего на плече Флейм. Потом я назвал по именам членов своей семьи. — Думаю, моего дядю Гэрровина вы знаете. Ты давно вернулся, дядюшка? Мы с тобой, должно быть, разминулись в Мекатехевене.

Гэрровин улыбнулся своей немного циничной улыбкой.

— Видать, так и вышло. Я пару недель собирал лекарственные растения по дороге домой и добрался до Вина только вчера. Как я понял, ты спускался вниз по требованию феллианс-

кого Образца веры, Кел. — Повернувшись к Флейм, он вежливо поклонился. — Рад видеть тебя, девонька. Похоже, тот мясник и в самом деле оказался мастером своего дела.

— Мясник? — насторожилась Флейм.

— И мы рады видеть тебя снова, Гэрровин, — довольно поспешно, как мне показалось, перебила ее Блейз. — Думаю, что хорошее состояние руки Флейм — в большой мере твоя заслуга.

Гэрровин с пониманием усмехнулся и обратился ко мне:

— Чего хотели от тебя эти фанатики-феллиане, Кел?

Я помолчал, чтобы предостеречь своих близких, дать им возможность подготовиться...

— Они казнили Джастрию за то, что она легла с одним из них. — Все мои родные испытали шок: мне сразу сказал об этом их запах. Джастрия покинула Небесную равнину четыре года назад, но ее отсутствие оставалось так и не заполнившейся пустотой, занозой, постоянно тревожившей членов моей семьи. Этому по крайней мере я мог теперь положить конец. Я посмотрел на брата, Джеймвина, и его жену Тессрим. — Из смерти рождается новая жизнь. Я не приведу в этот дом новую жену. Право родить ребенка теперь ваше. — Тессрим, которой было уже за тридцать, начала плакать, и Джеймвин обнял ее за плечи. Я сделал им бесценный подарок, отказавшись от своего преимущества — права привести в семью десятого ее члена. В тот момент я не видел в этом жертвы со своей стороны, но все же ощутил, как увядают мои надежды и мечты. Этими словами я отсек какую-то часть своей жизни, которую уже никогда не смогу вернуть.

Бабушка улыбнулась мне, и улыбка словно осветила ее лицо изнутри.

— Ты хорошо поступаешь, Кел. Мы печалимся вместе с тобой, но новое рождение принесет радость в этот дом.

Я улыбнулся ей в ответ: мне хорошо было известно, как огорчала ее невозможность молодым членам семьи завести детей из-за ее долголетия. Иногда случалось, что старики намеренно выходили под дождь ненастной ночью, надеясь простудиться и положить конец своей жизни, мешающей их любимым внукам продолжить род. Никто из нас не хотел, чтобы такое случилось с бабушкой.

Матушка сочувственно положила руку мне на плечо — этого было достаточно, чтобы я ощутил всю ее любовь и беспокойство обо мне, — потом повернулась к Блейз и Флейм.

— Пойдемте, ваша одежда промокла. Я одолжу вам сухие тагарды и покажу, где можно вымыться и переодеться. К тому времени, когда вы приведете себя в порядок, на столе будет еда.

Я кивнул ей, благодаря за гостеприимство, и тоже отправился мыться.

Окинув взглядом комнату, которую я когда-то делил с Джастрией, я попытался представить себе, какой она виделась бы чужаку. Само помещение было высечено в скале и располагалось на двух уровнях; все поверхности были покрыты многими слоями лака. Лак мы изготовляли из копыт и костей селверов; ежегодное нанесение его на все в доме на протяжении поколений сделало это медового цвета покрытие твердым, как сталь. Туннель, прорытый на поверхность, служил окном, в которое сквозь полупрозрачные пластины лака лился рассеянный свет. Постелью служил располагавшийся на высоте колена верхний уровень пола с кипой мягких шкур селверов и теплых шерстяных одеял. В углу на этом же возвышении хранились мои запасные тагарды, рубашки и белье. Это была простая комната, без всяких украшений, без шкафов, без стульев. Интересно, как ее нашли бы Блейз с Флейм, подумал я. Матушка разместила их в комнате моей двоюродной сестры, точно такой же.

Следом за мной в комнату вошел Джеймвин с тазом и полотенцем.

— Тебе придется помыться здесь: ванную заняли девоньки.

— Спасибо.

Брат заметил мою рассеянность и сказал:

— Ты думаешь о Джастрии.

Я размышлял о другом, но тут же вспомнил о Джастрии, как только он назвал ее имя. Я увидел ее умственным взором, привольно раскинувшуюся на постели, манящую. Мне еще раз представился запах ее женственности, ее страсти, вспомнилась ее манера откидывать волосы и играть завязками рубашки, чтобы соблазнить меня.

— Да, — сказал я, — некоторые ее черты будет трудно забыть.

— Я оценил твое решение больше не жениться. Только ты уверен, что это правильно, парень?

Он часто называл меня парнем, чтобы подразнить. Я, тридцатилетний, был старшим братом.

— Да. Жениться на другой женщине я не хочу.

— А может быть, стоит? Плоха была не женитьба как таковая, плоха была жена.

— Не осуждай мертвых, Джейми.

— Да ладно... Я не мертвую осуждаю, я правду говорю. Она была беспокойна и заставляла и тебя слишком часто проявлять эту черту. Тебе легче было бы найти свое место, будь у тебя другая жена — кто-нибудь вроде моей Тесс.

Мне с трудом удалось вовремя сдержать дрожь. Внешне Тесс была достаточно привлекательна, но обладала душой педанта, с воображением, как у клеща в шкуре селвера, и абсолютно без чувства юмора. Единственным, что заставляло ее улыбнуться, бывало вкусно приготовленное блюдо или хорошо сотканный тагард. Я поспешно скинул одежду и принялся мыться.

Джейми продолжал, не замечая моей реакции:

— Я люблю тебя всей душой, братец, но твои выходки часто меня беспокоят.

Я вытаращил на него глаза, забыв вытереться.

— Выходки? Какие выходки?

— Да брось, ты же знаешь, о чем я. Ты вроде дяди Гэррови-на, вечно норовишь удрать с Небесной равнины. Да и когда ты здесь, вечно экспериментируешь с травами и настоями да книги читаешь, хоть и так давно стал лучшим врачом на Крыше Мекате. Это ненормально, парень.

— Ты, может быть, еще порадуешься моим новым знаниям, случись твоему младенчику заболеть.

Джейми пожал плечами и виновато улыбнулся.

— Это уж как пить дать — поэтому я тебя и не ругаю. Только я все равно тревожусь: я же вижу, что счастья тебе нет, парень. Ты все никак не приноровишься к положенной форме.

Приноравливаться к положенной форме! Сотворение, сколько же раз я слышал это выражение! «Ты должен соответствовать ожиданиям, Кел!», «Не нарушай порядок, Кел!», «Ты должен найти свое место, а ты не сможешь это сделать, если не будешь приноравливаться к положенной форме...»

— Я житель Небесной равнины, Джейми, — бросил я раздраженно. — Здесь мое место, и я с раннего детства ни разу не

нарушил ни единого из правил тарна. — По крайней мере когда оставался на Небесной равнине...

— Конечно, конечно, — поспешно согласился Джейми. — Я ни в чем таком тебя не обвиняю, но для большинства из нас положенная форма — самое удобное местечко, чтобы жить. Так оно и должно быть, и меня печалит, что для тебя-то все иначе. — Потом Джейми все-таки заговорил о другом, видя, что есть темы, которых я не желаю касаться. — А девонька, которую ты привел с собой, та, что помоложе... Никогда не видел таких красоток. — Он восторженно закатил глаза.

Я постарался ответить в том же тоне:

— А еще женатый человек! Позор на твою голову! Ну-ка кинь мне полотенце.

Джейми кинул.

— Тесс выцарапала бы мне глаза, если бы узнала, — сказал он печально, — только если какая-нибудь женщина и могла бы меня соблазнить, то как раз эта девица. Не повезло ей с рукой. — Джейми хлопнул меня по плечу и вышел из комнаты.

Не успела плотная шерстяная занавесь, служившая дверью, опуститься, как тут же поднялась снова. На этот раз явилась матушка. Мгновение она неподвижно стояла в дверном проеме. Я знал, в чем дело: она впитывала все оттенки моего запаха. На Небесной равнине есть поговорка: «От материнского носа нигде не спрячешься». У того, кто первым это сказал, должно быть, была в точности такая же матушка, как у меня. Для меня-подростка это всегда было наказанием: она точно знала, когда во мне просыпалось вожделение и к кому именно из сверстниц...

— У тебя более серьезные неприятности, чем ты говоришь, — решительно высказалась матушка.

Ах, эти матери...

— Может быть. — Я подошел и коснулся ее щеки, пытаясь приободрить, хотя, конечно, мой запах сообщил ей совсем о другом. Матушка многое могла бы сказать, но такое было не в ее привычках. Она просто позволила мне ощутить ее любовь, ее поддержку, ее тревогу. Она окружила меня запахами моего детства, напомнила о тепле и безопасности, на которые я всегда мог рассчитывать. Однако матушка не могла скрыть от меня того, что чувствовала: страха. Я чуял, как страх прячется за всеми ее мыслями, словно мышь, которая боится выбежать на середину комнаты.

— Будь осторожен, — сказала она наконец, потом тоже коснулась моей щеки и ушла.

Следом за матушкой явился Гэрровин. Я поманил его в глубь комнаты, гадая, кто придет следующим. Страх матушки взволновал меня, и я заподозрил, что после разговора с Гэрровином буду чувствовать себя еще хуже. Я нашел чистую рубашку и натянул ее.

— Ты притащил с собой гнездо ос, мой мальчик. — Гэрровин запустил в волосы руку жестом, который давно уже стал и моим тоже. Иногда я думал, что мы с дядюшкой — зеркальные отражения друг друга, и разделяет нас только время: я стал тем самым мужчиной, которым он был тридцать лет назад. Мы оба обладали длинными носами, волосами, похожими на нечесаное руно селвера, и веснушками, норовившими покрыть всю кожу без остатка. У Гэрровина было больше седины, а я отличался более высоким ростом и широкими плечами, но в остальном сходство было так велико, что нас часто принимали за отца с сыном.

— Гнездо ос? — повторил я за ним. — Ты имеешь в виду женщин-чужестранок?

Дядюшка кивнул.

— Их самых. Обе по самые кудрявые макушки в магии.

Я застонал.

— Не начинай еще и ты! Дядюшка, не хочешь же ты сказать, что все истории, которые ты рассказывал нам в детстве, происходили на самом деле?

Гэрровин пожал плечами.

— Кто может сказать, что происходит на самом деле, а что — нет? Сам я магии не вижу, и вреда мне она причинить не может. Только мне приходилось встречать людей, которые от нее пострадали, — включая твою цирказеанскую красотку. И я наблюдал, как магия обманывала людей: заставляла видеть то, чего нет, или не видеть то, что у них под носом. Может быть, нужно верить в магию, чтобы она на тебя действовала. Не знаю. Чуять я ее чую — уж это точно. И мне совсем не нравится то, что с ее помощью делается. Хранители со своими иллюзиями силв-магии обманывают тех, кто им противится, а дун-маги убивают, калечат, развращают. Я их боюсь, мальчик мой, хоть меня тронуть они и не могут. Магия — вещь нездоровая и скверная настолько, что от нее нет снадобий.

— Так это болезнь? — спросил я, все еще пытаясь найти какое-то рациональное зерно во всех этих россказнях о магии.

Дядюшка пожал плечами.

— Может, оно и так. Только на мой взгляд копаться в этом вредно для здоровья. Твоя цирказеаночка по милости дун-мага заработала язву, которая постепенно превращала ее в злую колдунью.

— Ты хочешь сказать, — фыркнул я, — что болезнь дурно влияла на ее психику.

Гэрровин не обратил внимания на мою попытку применить научный подход к легенде.

— Вот ей и отрезали руку. Я помогал, а потом смылся: надумал вернуться домой и отдохнуть тут в тишине и покое, пока весь переполох уляжется. И что же я нахожу? Мой собственный племянник притаскивает тех самых нарушительниц спокойствия! Когда я увидел их на пороге, я понял, что судьба держит нас в кулаке и не выпустит, пока не выжмет досуха. — Дядюшка вздохнул. — Есть личности, притягивающие неприятности, как скалы Синдура притягивают молнии, и ты привел к себе домой даже не одну, а двух таких, мой мальчик.

— Они просто женщины, — возразил я, — а не стихийное бедствие.

— Эти две притягивают неприятности, — повторил Гэрровин. — Не знаю, чем пользуется дун-маг — колдовством, заразой, отравой, — но мне достоверно известно, что Флейм была заражена, а полукровка помешала ему добиться своего. Кем бы и чем бы ни был этот дун-маг, больше всех на свете он возненавидел наших двух красоток. Так что будь осторожен, мой мальчик. Дун-маги знамениты своей мстительностью и не прощают даже малейшей обиды.

— Что касается данного конкретного мага, Блейз и Флейм, похоже, считают, что он на Порфе, и собираются его преследовать, — сказал я, выбирая чистый тагард.

— Вот и пусть. И лучше бы им отправиться туда побыстрее.

— Я не собираюсь их задерживать. Только мои неприятности, дядюшка, касаются другого. За моей шкурой охотятся феллианские жрецы. — Я принялся укладывать складки тагарда; к моему огорчению, некоторые потайные крюч-

ки оказались не на месте: я явно отощал, пока был на побережье.

Гэрровин, хмурясь, внимательно посмотрел на меня.

— Ты лучше расскажи мне все как есть, Кел. Дело, похоже, серьезное.

— Так и есть. — Пока я в общих чертах описывал все, что случилось в Мекатехевене, мне все-таки удалось справиться с тагардом. Слушая меня, Гэрровин изо всех сил старался приглушить свои эмоции, чтобы остальные домочадцы не уловили, как сильно он встревожен.

— Сотворение, Кел, в хорошенькую же заварушку ты вляпался! Не успеет селвер и хвостом тряхнуть, а эти жрецы уже явятся сюда с воплями и требованиями о выдаче — выдаче вас всех.

— Они не могут точно знать, что мы поднялись на Небесную равнину. — Оправдание было глупым, и Гэрровин отнесся к нему так, как оно того заслуживало.

— Конечно, им это известно! Куда еще может отправиться горец на селвере? Но это еще не самое худшее. Ты уже говорил кому-нибудь о том, каким образом умерла Джастрия?

— Блейз знает. Она слышала, как Джастрия просила меня... И она видела мое лицо после того, как... Не сомневаюсь, что теперь уже знает и Флейм. У этих двух нет секретов друг от друга.

— Не говори никому из наших. Они не поймут.

— Но ведь Джастрия все равно должна была умереть — медленно, мучительно, под улюлюканье толпы!

— Да, мальчик мой, я знаю. Но наши соплеменники будут думать не об этом. В их головах застрянет одно: ты мог такое сделать. Тебе понятно?

Я подумал и медленно проговорил:

— Меня будут считать чудовищем... склонным к насилию.

— Во всяком случае, способным на насилие. И этого будет достаточно. Мальчик мой, нас всегда объединяла и хранила вера: вера в то, что мы лучше, чем люди с побережья. На нас с тобой и так уже косятся, потому что мы время от времени покидаем Крышу Мекате. Люди это терпят, потому что мы — врачи, и они нуждаются в наших лекарствах. Только если они узнают, что ты способен убить, для тебя все будет кончено. Навсегда.

Я упал на постель и закрыл лицо руками.

— Неужели это правда? Даже несмотря на то что Джастрию все равно ждала смерть? — прошептал я. Бессмысленный вопрос... Я знал ответ. В глубине души я знал его еще тогда, когда соглашался убить Джастрию. Я просто не хотел признаваться в этом себе.

— Да, боюсь, что так, мой мальчик. Не говори о том, что случилось на площади, даже родным. Никогда не говори. И надейся на то, что никто ничего не узнает от других. Держи язык за зубами, Кел.

Глава 6
Рассказчик — Келвин

В домах горцев общая комната тянется во всю ширину дома, и это единственное относительно просторное помещение. В одном конце находится каменный очаг, на котором и готовится пища; топливом служит навоз селверов. Теплый воздух по каменным трубам расходится по всему дому и нагревает воду в ванной. В середине общей комнаты имеется углубление с длинным каменным столом посередине: за ним мы едим, и благодаря такой конструкции нам нет нужды в стульях. В дальнем конце комнаты расположены покрытые лаком полки, высеченные из склона холма, на которых хранится семейное богатство: книги, наследие многих поколений. Все они написаны на изготовленном из шкур селверов пергаменте. В городах вроде Ступицы давно уже появились типографии и печатные книги, но у нас, на Крыше Мекате, все манускрипты остаются рукописными. В нашем доме на тех же полках хранились и бутылки из темного стекла, приобретенные Гэрровином и мной в Мекатехевене для различных лекарств. Рядом с полками располагался каменный рабочий стол: на нем мы с дядюшкой растирали лекарственные травы, толкли и смешивали разные снадобья.

Когда я вернулся в общую комнату, Блейз была уже там и разглядывала книги на полках, матушка, бабушка и Тессрим занимались готовкой, а отец с Джеймвином ушли к ручью, чтобы накачать воды в домашнюю цистерну. Гэрровин пошел с

ними: он, несомненно, воспользовался случаем рассказать им о том, что жрецы-феллиане преследуют Блейз, Флейм и меня за побег из тюрьмы. Я подошел к Блейз.

— У вас впечатляющее собрание книг, — сказала она. — Неужели их столько же в каждом доме тарна?

— Да, конечно. У нас, в доме Гилфитеров, книги в основном посвящены лечению болезней, целебным травам и лекарствам — мы ведь семья врачей. Каждый дом имеет свою специальность. В каждом тарне найдутся дома прядильщиков, ткачей и шорников, конечно, но дома врачей встречаются реже. Мы лечим больных из всех тарнов в этом районе Небесной равнины. То же самое можно сказать о некоторых других специальностях: горшечниках, жестянщиках, красильщиках.

Блейз поставила на место книгу, которую просматривала.

— А что будет, если девушка из дома гончаров выйдет замуж и войдет в семью красильщиков?

Я поежился. Вопрос казался достаточно невинным, но я ясно учуял кроющееся за ним неодобрение, а сама мысль о том, что Блейз позволяет себе осуждать нас, была неприятна.

— Специальность определяется домом, а не семьей. То же самое, кстати, происходит и с именем. Все, кто живет в этом доме, — Гилфитеры до тех пор, пока они в нем живут, независимо от того, в каком доме родились. Обычно мужчины и женщины стараются найти себе супруга из дома той же специальности. Если же нет, то один из них должен переменить свои интересы. Исключений не бывает. В этом и заключалась одна из проблем Джастрии. Она родилась в доме изготовителей лака, но это ремесло она ненавидела. Когда мы поженились, она сказала, что станет акушеркой, только ей это совершенно не подходило. Она не желала учиться... она... она была бестактна с пациентками и в то же время не умела настоять на своем.

— И никакого выбора у нее не было?

— Выбор в таких случаях невелик: или мужчина переходит в дом жены, или они оба выбирают себе какое-то третье занятие. Только тут еще все зависит от того, в каком доме окажется свободная комната. В одном доме никогда не живет больше десяти человек.

— Но ведь наверняка можно построить новый дом.

— Мы этого не делаем.

Некоторое время Блейз задумчиво смотрела на меня.

— И, наверное, новых тарнов вы не строите тоже.

Я покачал головой.

— На Небесной равнине и так уже пасется максимально возможное число селверов. Нельзя строить новые тарны: от этого пострадают все.

— Так вот почему ты дал своему брату разрешение завести ребенка... Вся эта система очень... жесткая. — Лицо Блейз оставалось бесстрастным, но скрыть свое неодобрение от моего носа она не могла.

— Ты можешь так считать, но учти вот еще что: никто из жителей Небесной равнины не страдает от голода, холода или одиночества. Никто и никогда. — Мои слова были всего лишь отражением общеизвестного факта, но я не мог не заметить, что они задели какую-то чувствительную струнку в душе Блейз. Она бросила на меня острый взгляд, словно хотела спросить: «Откуда ты знаешь?..» Вот тогда-то я и сообразил, что ее собственное детство, должно быть, было нищим и несчастным. Я поспешил добавить: — У нас на Небесной равнине почти не случается преступлений — ни убийств, ни воровства, — потому что никто не страдает от бедности или небрежения.

— Но и свободы у вас нет.

Я пожал плечами.

— А что более важно?

— Тебе следовало спросить об этом Джастрию.

Я почувствовал себя так, словно получил пощечину, и попятился. Блейз немедленно извинилась:

— Прости меня. Я сказала гадость. Я не хотела причинить тебе боль.

— Нет? А чего же ты тогда хотела?

— Высказать собственное мнение.

— Ну да, я заметил.

— Может быть, наш разговор помог бы тебе понять, что двигало Джастрией.

Я кивнул: возможно, Блейз говорила правду. Она была резкой, эта полукровка, но злонамеренной она мне не казалась. Я отвел глаза и стал без надобности перекладывать пестик, которым мы в ступке растирали травы.

— Я хотел бы кое о чем попросить вас с Флейм. Я предпочел бы, чтобы никто не знал, как в точности умерла Джастрия.

Чтобы никто не знал... о моем участии. Могли бы вы не упоминать?..

— Об этом и просить не нужно, — спокойно ответила Блейз.

Я покраснел. Почему-то, разговаривая с Блейз, я становился неуверенным в себе, как новорожденный детеныш селвера, пытающийся встать на ножки. Она меня подавляла.

— Как ты думаешь, долго ли нам будет безопасно оставаться здесь? — переменила тему Блейз.

Я бросил взгляд за дверь: Гэрровин перед домом разговаривал с группой наших соседей; на мой взгляд, там собралось по одному представителю от каждого дома.

— Похоже, дядюшка как раз рассказывает нашу печальную историю. Отец наверняка поделится с нами новостями за ужином. — Во мне снова проснулось раздражение. — Жаль, что вы не нашли лучшего способа разжиться деньгами, чем обыгрывать тех парней.

— Я тоже об этом жалею. В мои планы не входило раздражать феллиан.

— Разве ты не говорила, что вы добрались до Мекате на морском пони? Если вам требовались деньги, почему было не продать животное?

— Мы совершенно вымотались к тому моменту, когда добрались до мыса Кан. Мы просто рухнули на песок, а пони взял и уплыл. Поверь, то был не самый удачный день в моей жизни.

Я чуть не рассмеялся. Так приятно было узнать, что и эта женщина способна совершать глупые ошибки.

— Она винит меня, конечно, — сказала подошедшая к нам Флейм. — Что-то там насчет того, что тот, кто правит морским пони, не должен беспокоиться о нем на берегу: привязывать животное — дело пассажира. По крайней мере так она заявила, когда проклятая скотина исчезла в волнах. Правда, тогда было уже немножечко поздно... — Флейм ухмыльнулась, но тут же нахмурилась, вспомнив о чем-то. — Послушай-ка, Блейз, а почему Гэрровин заговорил о мяснике?

— Да ерунда! Просто выражение такое.

Однако Флейм гнула свое.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что наняла тогда неумелого хирурга, известного тем, что режет своих пациентов насмерть?

— Нет, разве что ты желаешь услышать от меня именно это, — бесстрастно ответила Блейз.

Флейм открыла рот, потом закрыла его, пытаясь понять, что может означать этот загадочный ответ, и наконец сказала:

— Я смутно припоминаю, что тот хирург говорил что-то насчет ампутации руки у собственной жены.

— Ты тогда была в бреду.

Флейм продолжала хмуриться, пытаясь разобраться в своих воспоминаниях. Взгляд, который она бросила на Блейз, был полон подозрений. К счастью, как раз в этот момент матушка позвала нас к столу. Пока я ходил звать отца, Джеймвина и Гэрровина, она показала женщинам, куда садиться. Поскольку моя двоюродная сестра и ее муж отсутствовали, места было достаточно для всех.

Сначала за едой все шло спокойно. Матушка без всяких просьб поставила плошку с водой и насыпала каких-то семян для Руарта. Я гадал, не опозорится ли он, напачкав на столе, и все время искоса на него поглядывал, пока Блейз не бросила на меня выразительный взгляд. О небеса, каким образом эта женщина всегда умудрялась читать мои мысли?

— Вам повезло, — сказал отец, когда все тарелки были расставлены. — У нас сегодня мясо. Один из селверов Томвина вчера сдох, и тушу разделили между всеми домами тарна.

Блейз, которая поднесла было ко рту ложку похлебки, едва не подавилась, а Флейм поспешно отодвинула тарелку.

— Сдох от чего? — небрежно поинтересовалась Блейз.

— Ах, от старости, я думаю, — ответил отец. — Но вы не беспокойтесь: моя женушка хорошо умеет готовить мясо, чтобы оно не было жестким.

— Я думала, что вы все вегетарианцы, — невыразительным голосом сказала мне Блейз.

— Мы просто не убиваем ради того, чтобы получить пищу. Ну а если пища умирает сама собой, то не пропадать же ей.

На лице Блейз появилось странное выражение.

— Действительно... — пробормотала она. После этого наши гостьи в основном налегали на творог, салат и лепешки с маслом. Остальные ничего против не имели: мясо селвера — лакомство, которое нечасто нам перепадает.

Наконец, как я и ожидал, отец заговорил о событиях в Мекатехевене.

— Гэрро рассказал, что вас разыскивают феллиане, — обратился он к Блейз.

— Боюсь, что так, — кивнула она.

— Мы — представители всех домов, хочу я сказать — обсудили дело.

— Мы не хотим причинить неприятности вашему тарну.

— Ну, неприятности все равно будут — из-за участия моего сына. Тут теперь ничего не поделаешь. Выгораживать вас мы не станем — это решено. Но любви к феллианам мы не питаем, особенно после того, что они сделали с одной из нас. — Он имел в виду Джастрию, конечно. — Мы поможем вам выбраться... Вы уверены, что не хотите больше мяса?

— Нет, спасибо. Когда мы должны будем уехать?

— Ну, можно не торопиться, пока мы не получим предупреждения. Джейми приведет с пастбища несколько селверов, чтобы вам было на чем ехать, а моя жена и Тесс приготовят вам припасы в дорогу.

— Твердый сыр и лепешки, — сказала матушка. — Они долго не портятся.

— Вы очень добры к нам.

— Когда доберетесь до спуска к бухте Нида, — продолжал отец, — просто отпустите селверов. Они сами найдут дорогу обратно. Брать вам их с собой смысла нет.

— Ты упомянул о предупреждении... — сказала Блейз.

— Да. Мы всегда его получаем. Как только гвардейцы и жрецы-феллиане появятся на Небесной равнине, они отправятся прямиком в тарн Гар — они всегда так делают. Люди с побережья не знают, где находится тарн Вин, даже если им известно, что Кел отсюда. Пришельцы будут задавать вопросы в Гаре; там их задержат, а тем временем нам дадут знать. Люди с побережья приходят пешком, и им нужно будет нанять и селверов, и проводников... да и поторговаться придется. У вас будет много времени для того, чтобы скрыться. Только не рассчитывайте, что ради вас мы станем лгать. Мы сообщим стражникам, что вы были здесь, и скажем, куда вы направились, если они спросят. Да все равно нечего беспокоиться, что они вас поймают.

— Можешь не говорить мне, я и сама догадалась, — улыбнулась Блейз. — Проводники на Небесной равнине имеют прискорбную привычку сбиваться с дороги.

— Что-то вроде этого, — подмигнул ей отец. Блейз, к моему удивлению, явно ему нравилась, хотя обычно он не слиш-

ком жаловал тех, кто приходил с побережья. Отец отхлебнул теплого молока, глядя на меня поверх края кружки. Исходивший от него запах печали стал таким сильным, что я чуть не поперхнулся... но по крайней мере я оказался предупрежден о том, что меня ожидало. — И вот что, Кел... Есть еще кое-что... Мне очень жаль, мой мальчик, но тарн решил отправить тебя в изгнание.

Я почувствовал дурноту, но сказать мне было нечего.

Флейм и Блейз изумленно взглянули на отца.

— Вот так запросто? — спросила Флейм.

— Да. Мы должны оберегать тарн и сохранять мир между побережьем и Небесной равниной.

Матушка стиснула мою руку.

— И надолго? — спросила она отца.

— По крайней мере на год, а лучше — на два. — Отец вздохнул. — У Гэрровина есть знакомцы на всех островах, он тебе скажет, к кому обратиться, и даст денег для начала. Ты же знаешь: ты сможешь работать врачом где пожелаешь. Ты сможешь проводить Блейз и Флейм до берега, а оттуда отправиться в другое островное государство, пока до всех портов Мекате не дошла весть о том, что тебя ищут. Мы объясним чиновникам повелителя, как случилось, что ты случайно оказался втянут в дела нарушивших закон чужестранок. — Отец откашлялся и виновато взглянул на Блейз. — Мы постараемся очистить твое имя, Кел. Напиши нам, когда устроишься, а мы дадим тебе знать, когда ты сможешь вернуться. Не тревожься, мы, остальные, справимся с помощью больным, даже если Гэрровин снова сбежит. Тесс стала прекрасной акушеркой, знаешь ли, у нее легкая рука на младенчиков.

Я кивнул. Примерно такого развития событий я и ожидал после разговора с Гэрровином, но все равно было больно... Целых два года вдали от Небесной равнины! Мысль не укладывалась у меня в голове. Я постарался не смотреть на Блейз: боялся, что гнев слишком ясно окажется написан у меня на лице. Я положил ложку на стол: есть мне больше не хотелось.

После обеда Джейми взял селвера и отправился туда, где паслось наше стадо. Ориентироваться ему предстояло по запаху: пастухи могли отогнать животных куда угодно. Мы все, конечно, прекрасно знали запах своих селверов. Матушка принялась суетиться, командуя Тесс и отцом; заботы были ее защитой от горьких мыслей. Бабушка задремала у очага, а мы с

Гэрровином уселись в углу: ему предстояло за полдня рассказать мне все, что нужно знать о жизни на чужих островах. Я чувствовал себя так, будто свалился с селвера, но еще не долетел до земли. Рано или поздно последует болезненный удар, пока же меня не покидало чувство приближающегося несчастья. И все же какая-то часть меня испытывала радостное возбуждение. Мне представлялся шанс увидеть мир, найти новые травы, новые лекарства, поговорить с другими целителями. Даже довольно пессимистический взгляд Гэрровина на мое будущее не мог полностью заглушить это чувство.

— Заработать на жизнь лечением больных не так легко, как полагает твой отец, — предостерег он меня. — Богатые могут себе позволить лечиться у силвов, и поверь: силвы часто справляются с делом лучше, чем такие, как мы с тобой, особенно если пациент обращается к ним в начале болезни. Остаются бедняки, а они много не заплатят, сам понимаешь. Это было одной из причин, почему я отправился на косу Гортан. Там нет силвов-целителей, так что можно рассчитывать и на богатых пациентов... Только не советую я тебе туда соваться, особенно теперь. Нет, отправляйся лучше на Брет. Там есть женщина, которая поможет тебе устроиться. И можешь захватить мой сундук с лекарствами.

— А где он находится? — спросил я.

— Я оставил его у приятельницы в Мекатехевене, как обычно. — Сундук был огромным, слишком большим и тяжелым для того, чтобы поднимать его на Небесную равнину каждый раз, когда дядюшка возвращался из своих странствий.

— Не думаю, что я попаду туда в ближайшее время, — хмыкнул я.

— Я могу устроить, чтобы она переслала его, куда нужно. У меня есть еще одна приятельница — на Порфе, в Амкабрейге. Замечательная девонька по имени Анисти. Ты все равно попадешь в Амкабрейг: пакетботы из Лекенбрейга заходят туда по пути на архипелаг Ксолкас, а потом на Брет. Я отправлю сундук к Анисти морем. Давай-ка я запишу для тебя ее имя и объясню, как найти ее дом.

— Нет, дядюшка. Это ведь значит, что тебе пришлось бы спуститься в Мекатехевен, чтобы все организовать, а я не уверен, что сейчас такая поездка была бы безопасной.

— Ничего подобного. Я просто заплачу одному из тех гвардейцев, которые вас ищут, чтобы он передал письмо моей приятельнице.

Я вытаращил на Гэрровина глаза, не веря своим ушам.

— Как это? А если он прочтет твое письмо?

— Ах, племянничек, не считай меня таким уж недотепой, ладно? Я вполне способен составить письмо, которое не вызовет никаких подозрений. Да и феллиане никогда не подумают, будто я настолько бестолковый, чтобы помочь им выследить тебя.

Я только беспомощно развел руками. Дядюшка всегда был эксцентричен... В моей жизни, похоже, мало что от меня теперь зависело, а в компании Блейз Полукровки мне предстояло провести больше времени, чем хотелось бы.

— Тебе понравится Анисти, — продолжал Гэрровин. — А время у нее в доме ты можешь провести с пользой: покопайся-ка ты в моих книгах, которые там хранятся.

— В книгах?

— Да. Я собирал их многие годы. Тащить их все наверх, на Небесную равнину, было бы слишком большой морокой, вот я и оставил их в доме Анисти Бритлин. Кроме того, это дает мне предлог частенько к ней заглядывать. Умненькая девонька эта Анисти, — подмигнул мне Гэрровин.

— И что там за книги?

— В основном про магию, в особенности дун-магию. Меня это всегда занимало. Ты не задумывался о том, откуда вообще магия взялась?

— Ну, не могу сказать, чтобы магия меня особенно занимала. И что же ты узнал из своих книг?

— О, большую часть из них я пока не читал. Всегда находились другие занятия, когда я бывал у Анисти, знаешь ли.

— Ну и проказник ты, дядюшка!

— А я никогда и не отпирался... У проказников жизнь веселая, иногда вспоминай об этом, Кел. Тебе не повредило бы стать не таким серьезным, мальчик мой.

— Знаешь, дядюшка, — сказал я, — я вот думаю: не пойти ли мне прогуляться...

Гэрровин оторвался от листа бумаги, на котором записывал адрес Анисти, собрался было возразить мне, но потом кивнул.

— Верно, Кел, тебе нужно попрощаться со здешними местами. А я тем временем найду тебе какую-нибудь обычную одежду. Пожалуй, будет лучше, чтобы ты, пока находишься на Мекате, не носил тагард: в нем ты выделялся бы из толпы, а это не то, что тебе сейчас требуется.

Я кивнул, хотя уже и не слушал болтовни дядюшки.

Выйдя из дома, я двинулся вверх по склону холма. С каждым шагом на меня наваливались все новые воспоминания: как отец нес меня на плечах, отправившись за грибами, как мы с матушкой шли по траве, держась за руки, как мы с Джейми бежали наперегонки, покатились кубарем под горку и растянулись среди маргариток, как мы с Джастрией в жаркий полдень занимались любовью за скалами на вершине холма... Ярче всего вспоминались запахи: сладкий аромат покрытых пыльцой пчел на полевых цветах и влажных от тумана спелых ягод земляники, кислая вонь шкур промокших под дождем селверов, чистый запах только что окрашенного тагарда, повешенного на веревку сушиться...

Джастрия по доброй воле отказалась от всего этого, потому что жаждала свободы. Из-за нее я получил свободу, которой вовсе не желал.

Я сел на вершине холма, закрыл глаза и погрузился в море запахов, словно пытаясь впитать достаточно, чтобы хватило на всю жизнь: мне хотелось запомнить каждый.

К действительности меня вернул Следопыт: он ткнулся мокрым носом мне в лицо и принялся меня вылизывать. От него сильно пахло рыбой. Открыв глаза, я оттолкнул пса. Пусть Следопыт и был самым уродливым из когда-либо встречавшихся мне собак, сейчас он казался до смешного самодовольным: на траве передо мной лежала пойманная им в ручье рыбина. Убедившись, что я оценил его улов, Следопыт принялся с удивительной ловкостью разделывать добычу, отделив плавники и хребет. Съев половину рыбины, он предложил кусочек и мне; когда я отказался, он с довольным видом доел остальное. Я привык к собакам, которых приходилось видеть в Мекатехевене, но этот пес совсем на них не походил.

Теперь, когда я думаю о тех временах, я вижу, что в моей жизни все оказывалось не таким, каким казалось... даже наш приближавшийся отъезд.

* * *

Я вернулся домой и занялся сборами: мне хотелось взять с собой как можно больше лекарств. Пока их вез селвер, количество не имело значения, но должен был наступить момент, когда все свое имущество мне предстояло тащить на себе, так что пришлось себя безжалостно ограничивать, особенно когда я заметил, какого размера головку сыра матушка приготовила нам в дорогу.

К тому времени, когда на следующее утро Джейми вернулся с двумя селверами для Блейз и Флейм, у меня все уже было готово. Гэрровин снабдил меня деньгами, адресами и таким количеством советов, что хватило бы на всю жизнь. Отец подарил мне свой лучший дирк, матушка приготовила огромный мешок припасов — так она лучше всего могла выразить свою любовь и заботу. Моя матушка никогда не была разговорчива...

Я повертел в руках дирк. Короткое лезвие было из стали, которую выплавляли на побережье; изготовленная из копыта селвера рукоять от возраста стала черной, как обсидиан. Это был скорее универсальный инструмент, чем оружие. На Небесной равнине оружие нам не требовалось. Я благодарно кивнул отцу и улыбнулся матери, гадая, откуда взялся комок в горле, мешавший мне дышать.

Теперь оставалось только попрощаться.

Блейз взялась за поводья своего селвера, пытаясь подружиться с ним, однако животное продолжало плеваться и скалить зубы. Флейм с сомнением посмотрела на собственного скакуна и пробормотала, что, хотя в детстве ездила на пони с островов Хранителей, от этого мало проку, когда дело доходит до езды на селвере.

Я как раз помогал навьючить поклажу, когда Тесс сказала:

— Кто-то едет к нам.

Отец, затягивавший подпругу, поднял голову. Из всех нас он обладал самым чутким носом и теперь уточнил то, что еще не почувствовала Тесс:

— Из Гара. Старший сын Мадригара Элсина.

Он, как всегда, оказался прав. К нам приближался Дерингар, один из красильщиков из дома Элсинов, мой ровесник. Он мчался вниз по склону с такой скоростью, что все мы толь-

ко рты разинули. Дерингар натянул поводья, только оказавшись рядом с первым домом, и даже дальше поехал верхом в нарушение всяких правил. Отца это заставило гневно нахмуриться, а мою более чуткую матушку — побледнеть. Мы с Гэровином обменялись взглядами, а Блейз, заметившая наше беспокойство, прищурилась. Немного было такого, чего эта женщина не замечала... Из всех домов тарна выбегали люди; к тому времени, когда Дерингар спрыгнул с селвера, всем уже стало известно, в каком он возбуждении.

Я покорился обстоятельствам; горе, которое я испытывал, легло мне на плечи парализующей тяжестью.

Дерин, глядя на меня в упор, заговорил:

— Прибыли чиновники из Мекатехевена, и с ними двадцать стражников. Они говорят, что преследуют троих нарушителей закона, и один из них ты, Кел Гилфитер из Вина.

Я лишился способности говорить. Двадцать стражников!

— У них бумага с печатью повелителя, и они должны отвести тебя в Мекатехевен.

Я кивнул, зная, что худшее еще впереди.

— Мы задержим их до утра. — Дерин перевел взгляд на моего отца. — Торвин, мы, жители Гара, требуем пожизненного изгнания для Кела.

У отца отвалилась челюсть.

— За то, что он помог этим девонькам? — спросил он, не веря своим ушам. — Это небольшое преступление, да и выбора у него не было.

— Ну так, значит, он не открыл вам правды, Тор. Его рука бросила тот камень, что убил его жену, — так сказал нам один из феллиан. Стражник даже не догадывался, о каком ужасном преступлении говорит, — он просто случайно обмолвился, что Кел, должно быть, очень силен, раз сумел нанести такой удар. Мы получили подтверждение этому у других феллиан. — Дерин смотрел на меня так, словно видел впервые в жизни, а ведь мы с ним играли вместе детьми, вместе пасли стада, шептались о девчонках... — Ты убийца, Кел, и мы, жители Гара, не желаем видеть тебя на Небесной равнине. Никогда больше.

Я повернулся к отцу и попытался оправдаться:

— Феллиане хотели убивать Джастрию медленно. Я пытался избавить ее от боли.

Матушка упала в обморок, Гэрровин подхватил ее и уложил на траву. Отец этого словно и не заметил. Он пристально смотрел на меня, и его запах был лишен всяких эмоций. Дерингар развернул своего селвера и уехал, на этот раз более осторожно выбирая дорогу. Тесс бросила на меня испуганный взгляд и прошипела:

— Пойдем в дом, Джейми.

Он стряхнул ее руку, когда она вцепилась ему в рукав, и наклонился над матушкой; на меня он так и не посмотрел. Тесс развернулась и скрылась в доме; будь там дверь, которой можно было бы хлопнуть, она непременно это сделала бы. Ее возмущение повисло в воздухе, как душное облако.

— В дорогу, — сказал я Блейз.

Она кивнула и помогла Флейм сесть в седло. Я навьючил на Скандора последнюю сумку и повернулся к Джейми.

— Как она?

Джейми, стоявший на коленях рядом с матушкой, приподнял ей голову; на мой вопрос он не ответил и вместо этого задал собственный:

— Так это правда, Кел? Ведь ты врач!

Я кивнул, и он отвел глаза. Я не мог ничего объяснить ему так, чтобы он понял.

— С ней все будет в порядке, — сказал Гэрровин. — Вам лучше отправляться.

Когда я сел в седло, отец положил руку на узду.

— Мальчик мой... — Мы с болью смотрели друг на друга. Мне хотелось спросить его: неужели все так переменилось? Мне хотелось сказать ему, что я по-прежнему его сын. Разве я стал не тем, кем был всегда? Но я боялся услышать ответ...

— Пиши, — сказал он наконец. — Пиши почаще — ради матушки. — И я понял, что для него действительно все переменилось, и переменилось навсегда.

Я кивнул и попросил Гэрровина:

— Передай матушке, что я ее люблю.

Вот так мы покинули Вин.

Я иногда задумываюсь о том, что сделали бы жители Небесной равнины, если бы знали, что случится со мной в будущем, если бы могли предвидеть, что я буду виноват в стольких смертях, что мне едва ли найдется соперник на Райских ост-

ровах, включая самого Мортреда. Может быть, они просто удовлетворенно покивали головами и сказали: «Ну что ж, мы ведь знали, что в нем это есть, не так ли?»

От агента по особым поручениям
Ш. айсо Фаболда,
Департамент разведки,
Федеральное министерство торговли, Келлс,
Т. айсо Трамину,
лектору второго класса
Мифодисской академии исторических исследований,
Яминдатон, Келлс

2/2 месяца двух Лун, 1793

Дорогой Треффl

Я так и знал, что Вас заинтересует новый персонаж в моих сказаниях Райских островов. Я от души посмеялся, когда Вы написали, что хотели бы быть историком Райских островов, потому что жизнь там гораздо интереснее, чем у нас. Я-то всегда думал, что в нашей собственной истории слишком много сражений и завоеваний...

Мне тоже хотелось бы, чтобы Вы познакомились с Гилфитером. Несмотря на свои годы, он остается похожим на медведя великаном, хотя, конечно, его торчащие во все стороны волосы и борода теперь совершенно седые. Думаю, что в молодости он производил сильное впечатление, по крайней мере когда не спотыкался и не ронял предметы. Такие неприятности с ним все еще случаются. При нашей последней встрече он опрокинул на Натана кружку с горячим чаем и испортил два листа записей. Жители Осгата на острове Арута, города, где он теперь поселился, обращаются с ним со странной смесью почтения, благоговения и страха (ни такого острова, ни такого города вы не найдете на старых картах Райских островов, хотя на тех, что сделаны после открытия островов мореплавателями Келлса, они и отмечены).

Боюсь, я так и не проникся к Гилфитеру особой симпатией, хотя должен признать: в свое время он был выдающимся врачом; думаю, что и он в свою очередь не слишком меня жалует.

Гилфитер основал в Осгате медицинскую школу и все еще остается кем-то вроде нашего главного хирурга в отставке. Учиться медицине в эту школу стремятся жители всех Райских островов. Впрочем, на медицинскую репутацию Гилфитера все еще бросают тень события его жизни. Мне приходилось слышать, как его называли Гилфитером-Убийцей.

Должен сказать, Трефф, что Вам, как это ни печально, придется подождать, прежде чем Вы сможете получить следующую порцию перевода; эти бумаги сейчас находятся у моего дяди. Не сомневаюсь, что слова Гилфитера о том, что он виноват в смерти множества людей, заинтриговали Вас и вызвали желание узнать больше. Узнаете, не сомневайтесь!

Когда Вы собираетесь покинуть свой Яминдатон ради столицы? В городе появилась новая таверна, о которой все только и говорят. Там подают напиток, именуемый шоколадом, — похожую на сироп коричневую жидкость, которую изготовляют из бобов, импортируемых с Райских островов. Очень, надо отметить, вкусный напиток. Смешно, не правда ли: я ни разу не пробовал его в Спаттсшилде — центре торговли бобами, — но теперь стал завсегдатаем этой таверны в двух шагах от моей квартиры. Когда приедете, непременно угощу Вас чашечкой...

С дружескими чувствами
Шор

Глава 7
Рассказчик — Келвин

Я прекрасно понимал, что нет никакого резона бежать из Вина, словно все травяные львы Небесной равнины хватают нас за пятки. Мы, горцы, не спешим выдавать своих, что бы они ни совершили. Да, конечно, жители Гара согласятся стать проводниками стражников, да, они приведут их в Вин, а мой

отец сообщит, что мы направились к спуску на побережье. Проводники предложат показать феллианам дорогу к началу тропы, но двинутся кружным путем. К тому времени, когда через много дней они достигнут границ Небесной равнины, мы уже давно скроемся.

Впрочем, все это не означало, что мы можем терять время понапрасну, тем более что я хотел завернуть в тарн Кин, чтобы повидаться с семьей Джастрии, а тарн Кин лежал в стороне от нашего маршрута. Мы должны были ехать быстро, что не всегда давалось легко. Блейз казалась прирожденной наездницей и как-то между прочим упомянула, что еще в детстве тайком каталась на пони в Ступице, а с тех пор на ком только не ездила — от морских пони до буйволов на островах Фен и горных козлов на Калменте. Я не имел представления о том, что это за животные, но одно было ясно: Блейз справится и с селвером. Совсем иначе обстояли дела у Флейм. Она еще не привыкла к потере руки, а главное, боялась свалиться с селвера на землю. Она мрачно цеплялась за седло и старалась не жаловаться, так что я предоставил обучать ее верховой езде Блейз... Только в результате продвигались мы не всегда быстро.

Не успели мы выехать из Вина, как появился Следопыт и побежал рядом с селвером Блейз. Мне не хотелось разговаривать, так что я ехал впереди, только иногда притормаживая, когда женщины слишком отставали.

Во второй половине дня пошел дождь, и мы разбили лагерь у подножия скал Синдур, которые хоть немного защищали от ветра. Теперь по крайней мере благодаря щедрости моего отца у нас была палатка из шкур селверов, защищавшая от влаги, и достаточно теплых одеял.

Блейз нашла в траве несколько лепешек, оставленных селверами, и разожгла костер. К тому времени, когда я поставил палатку, стреножил селверов и пустил их пастись, Блейз уже вскипятила воду в котелке; вскоре был готов ужин. Не знаю, как Блейз сумела это сделать, но ей удалось поджарить на углях сыр, завернутый в лепешку. Я не был голоден и совсем не собирался ужинать, но запах оказался таким соблазнительным, что я быстро прикончил свою порцию. Впрочем, моего настроения это не улучшило, и сразу после ужина я завернулся в одеяло и улегся спать в палатке.

Когда среди ночи я проснулся, дождь прекратился и на небе засияли обе луны — одна серебряная, другая золотая. Их свет придал всему миру зеленовато-голубую окраску. Было так светло, что можно было бы, наверное, читать. Меня не сразу отпустило сновидение... нет, кошмар: Джастрия стояла на крыше нашего дома, окруженного жрецами-феллианами, которые кидали в нее комки сухого навоза. Джастрия звала меня на помощь, и я отвечал ей: «Не бойся, я тебя спасу». Джастрия благодарно улыбнулась мне, и тут я поднял камень...

Я отбросил запасной тагард, который использовал как одеяло, и выбрался из палатки, чувствуя себя совсем больным. Следопыт тут же ткнулся в меня носом, но я не обратил на него внимания; спустившись немного по склону холма, я уселся на камень и обхватил колени руками. Ночь была холодной, но я этого не замечал.

Научусь ли я когда-нибудь жить в мире с собой после того, что совершил? Я не мог себе такого представить. *Я убил свою жену.* Женщину, которую когда-то любил так сильно, что был готов умереть за нее. Женщину, в которой когда-то видел будущую мать своих детей. Женщину, которую когда-то так пламенно желал, что даже мысль о близости с другой казалась святотатством. Женщину, которая под конец страстно захотела наказать меня за что-то, что я совершил... или не совершил.

Женщину, которой я совершенно не знал.

Следопыт подошел, положил голову мне на колено и заскулил. Я рассеянно погладил его, и пес благодарно лизнул мне руку.

— Мне не особенно нравятся собаки.

Я вздрогнул и поднял глаза. Я был так поглощен своим горем, что не заметил, как ко мне подошла Флейм. На этот раз ее птички поблизости не было видно.

— Только почему-то, — продолжала Флейм, когда Следопыт переключил свое слюнявое внимание на нее, — я ужасно привязалась к Следопыту. Блейз я, конечно, ничего не говорю. Это наш со Следопытом секрет. — Флейм почесала пса за ухом, и тот принялся колотить меня хвостом с такой силой, что мне пришлось его оттолкнуть.

Не глядя на меня, Флейм села на соседний камень.

— Думаю, ты сейчас не жаждешь общества, но мне хотелось сказать тебе, насколько я огорчена тем, что твои сородичи узнали, как умерла Джастрия. Я тоже не могла уснуть. —

Покачав головой, она прошептала: — Я все говорю и говорю тебе, как мне жаль, хоть и знаю, что это ни капельки не помогает. — Я ничего не ответил, и Флейм продолжала: — Когда я решила преследовать Мортреда, я думала, будто дело касается только его и меня. Я думала, будто, что бы я ни делала, мир не станет хуже, а немножко улучшиться может. Однако, приняв свое решение, я разрушила твою жизнь. Твои близкие были к нам так добры, а теперь они несчастны из-за того, что узнали... Такого не случилось бы, если бы мы не украли твоего селвера. Я не могу сказать ничего, что облегчило бы твое горе, но все-таки хочу, чтобы ты знал: я все вернула бы обратно, если бы могла.

От удивления я нарушил молчание:

— Так это была твоя идея — преследовать Мортреда? Не Блейз?

— Нет, идея была моя. Блейз присоединилась просто потому, что не хотела отпускать меня одну в логово подонка. У нее к нему собственный счет, но не думаю, чтобы она занялась им, не сообщи я ей о своих планах.

Я обнаружил, что мне многое нужно пересмотреть в своих взглядах на этих женщин.

— Почему? — спросил я. — Что для тебя настолько важно, что тебе непременно нужно разделаться с Мортредом?

— Причина очевидна. Руарт. Пока Мортред жив, Руарт и прочие дастелцы остаются птицами.

Я кивнул, пытаясь принять это поразительное заявление на веру, но так и не смог. Я готов был согласиться с тем, что дастелские птицы разумны, но все же мысль о том, что в один прекрасный день они превратятся в людей, казалась мне абсурдной.

— Есть и еще кое-что. Дело в том... Мортред, кажется...

Однако что бы Флейм ни пыталась мне тогда сообщить, слов для этого у нее не нашлось. Оглядываясь назад, я понимаю, как близко тогда Флейм подошла к тому, чтобы сказать мне нечто, что избавило бы нас от ужасного горя и боли... нечто, что изменило бы все наши жизни. Она не пыталась, конечно, скрыть правду; она сама тогда еще не поняла, в чем дело. Она ощущала что-то, но это что-то было слишком неопределенным, чтобы ему можно было найти название. А к тому времени, когда Флейм разобралась, было слишком поздно... и в этом-то и заключалась ее трагедия.

Когда наконец она снова заговорила, заговорила она совсем о другом, как я догадался.

— Мортред очень могущественен. Моя силв-магия — ничто по сравнению с его силой. Когда мы в последний раз видели его, Мортред растратил большую часть своей магии, но не думаю, что он ослабел надолго. — От Флейм исходил сильный запах отвращения и страха — такой сумятицы эмоций, что я едва не задохнулся. — Большинство плохих людей имеют в себе что-то доброе. Так и с Мортредом: он даже осознает это и терзает себя с таким же злорадством, как и других. Он однажды сказал мне, что был очень счастливым в детстве, пока вся его семья не была предана и истреблена. Может быть, именно это воспоминание — воспоминание о том, что было у него отнято — и делает его таким чудовищем. Он безумен, Кел. И это ужасное безумие — он не любит убивать, потому что смерть кладет конец страданиям его жертв. Мортред хотел бы, чтобы каждый человек на Райских островах вечно терзался страхом, болью, отчаянием — а он сам упивался бы этим. И все-таки, совершая свои преступления, он страдает сам. Он — несчастная извращенная душа, и убить его было бы милосердием. — Флейм сделала глубокий вдох, словно само дыхание было для нее непосильным трудом. — Знаешь, он ведь чуть не превратил меня в свое подобие. Дважды. Ты хоть представляешь себе, что чувствует силв, сделавшийся злым колдуном?

Я покачал головой. Я ведь и в существование магии не верил... И все-таки — почему стражники не увидели, как она передала Блейз меч сквозь решетку? Почему феллиане не смогли помешать нашему бегству?

Флейм продолжала:

— Само ощущение дун-магии для нас мучительно. Она жжет нас, и обращенный силв живет, постоянно испытывая эту пытку. Только это мелочь по сравнению... Гораздо страшнее невозможность забыть, кем он был. Силв помнит свои убеждения, сохраняет свою личность, а вынужден совершать поступки, невозможные и отвратительные для себя прежнего. Он безжалостно убивает тех, кого любит, корчась при этом в агонии, но не в силах преодолеть завладевшего им зла. Теоретически возможно исцелить такую жертву, вернуть ей силв-магию, если осквернивший ее злой колдун умрет, только теперь уже ее собственная дун-магия никогда этого не позволит.

Осквернённый силв использует свою черную силу для того, чтобы оставаться дун-магом, и запертая в глубине его души светлая сущность никогда не сможет вырваться из плена. Он не позволит другим исцелить себя и не позволит себе послушаться той части своей души, которая так отчаянно жаждет снова сделаться силвом. — Рука Флейм с такой силой вцепилась в шерсть Следопыта, что бедный пес завизжал, но Флейм этого даже не заметила. — Большего ужаса я не могу себе представить. Это хуже, гораздо хуже, чем смерть. — Флейм дрожала, как в лихорадке.

Я смотрел на нее, потрясенный, и не знал, что сказать. Сотворение, думал я, он ее изнасиловал. Или еще хуже...

С пугающей страстью Флейм прошептала:

— Я хочу, чтобы Мортред умер, Кел. Я так хочу, чтобы он умер, что это желание пожирает меня. — Она виновато улыбнулась, догадавшись по моему лицу, какое впечатление на меня произвела. — Ты же сам спросил о нем...

К вечеру третьего дня мы повстречали стадо селверов, которое пасли двое парней из тарна Кин. Я смутно помнил их по прошлогоднему летнему празднику; один из них был родичем Джастрии. Пастухи страшно обрадовались нам: даже для тех горцев, кто никогда не мечтал о другой жизни, месяц на пастбище — дело скучное и монотонное. Они поздоровались со мной, назвавшись Коркином и Беланкином, но глаза их при этом не отрывались от Флейм. Мальчишки пытались вести вежливый разговор, но им явно трудно было связать два слова в ее присутствии. После того как месяц не видишь никого, кроме селверов, любая женщина покажется красавицей; этим ребятам — им едва исполнилось по восемнадцать — Флейм, должно быть, представлялась чудесным видением. К Блейз с ее огромным мечом они отнеслись скорее с опасливым уважением.

Мы поужинали вместе; к нашим припасам пастухи добавили свежее молоко. Блейз и Флейм обрадовались отдыху — Флейм к этому времени так измучилась, что едва могла ходить после того, как слезала с селвера. Впрочем, когда я предложил ей мазь для мозолей, она улыбнулась и ответила, что вполне способна исцелить себя сама. К счастью, двое пастухов были только рады всячески ей угождать: они занялись ее селвером и даже нагрели на костре воды, чтобы она могла вымыться. Блейз

наблюдала за их суетой с циничной улыбкой и только подмигнула мне, когда один из парней предложил помассировать Флейм спину.

Я не остался с ними — мне нужно было еще побывать в Вине.

Встреча с членами дома Лонгпитов была тяжела для всех нас. Родители Джастрии любили дочь, но совершенно ее не понимали, не понимали причин ее беспокойства. Они порадовались, когда она вышла замуж, огорчились тому, что замужество не разрешило ее проблем, пришли в отчаяние, когда ее изгнали. Они продолжали любить Джастрию, и теперь известие о ее смерти разбило им сердце.

Для меня тяжелее всего оказалось учуять за их горем кое-что еще: облегчение. Какая-то недостойная часть их душ радовалась тому, что Джастрии больше нет, поскольку ничто больше не будет нарушать их покой. Покой для нее, покой для них... Мне больно было это понять, родители Джастрии упали в моих глазах, и на какой-то миг я возненавидел все, что было связано с Небесной равниной. Джастрия заслуживала лучшего.

Рано утром следующего дня, в еще худшем настроении, чем при отъезде, я вернулся в лагерь. Как только я туда добрался, мы попрощались с пастухами, которые показались мне чрезвычайно чем-то довольными, несмотря на ненастную погоду. Нам пришлось весь день ехать под дождем; небо прояснилось только поздно вечером.

Я за весь день не сказал и двух слов, и даже постоянная перепалка, которой с таким удовольствием развлекались обычно Блейз и Флейм, стихла под непрекращающейся моросью. Только вечером, когда мы остановились на ночлег, они снова принялись за свое: Следопыт, вывалявшийся в вонючей грязи, встряхнулся так, что забрызгал Флейм с ног до головы. Та взвизгнула, замахнулась на пса сумкой, которую в этот момент сняла с седла, и предъявила Блейз ультиматум:

— Ну все! Или ты научишь эту вонючку приличным манерам, или мы его сегодня зажарим на углях на ужин!

— Не получится, — ответила Блейз с полной серьезностью. — Гилфитер ведь не станет есть мясо намеренно убитого животного.

— Пусть он лучше поостережется, а то я обглодаю его ребра на завтрак!

— Ребра Гилфитера?

— Да Следопыта, ты, дуреха со Взглядом!

Объект ярости Флейм отполз в сторону и попытался спрятаться за Блейз, но оказался для этого слишком велик.

Блейз со вздохом взглянула на пса.

— Эх ты, здоровенная дубина! Предполагается, что это ты будешь меня защищать, а не наоборот! Вот если бы ты научился отгонять от Флейм всех любвеобильных мужчин, что слоняются вокруг, тебя, может быть, и стоило бы держать. Прошлой ночью я глаз не сомкнула... Флейм, ты случайно огрела эту грязную собаку не лепешкой?

Флейм взглянула на то, что сжимала в руке.

— Э-э... да, так и есть. Ничего, она завернута... кажется.

Блейз еще раз вздохнула и отобрала у нее растрепанный сверток.

Устанавливая палатку, я думал о разговоре, который только что услышал. Ведь не имела же Блейз в виду... не могла же она в самом деле... Я оглянулся на Флейм и покраснел от собственных мыслей. Ну не с обоими же парнями? Да и разве она не предпочитает женщин? Блейз заметила, как я покраснел, и бросила на меня насмешливый взгляд. Я покраснел еще сильнее и с остервенением принялся вколачивать колья. Ну уж вопросов она от меня не дождется! Вместо этого я сказал:

— У меня есть мазь для Следопыта. Я приготовил ее еще дома, да забыл отдать тебе. Мазь поможет от чесотки, по крайней мере я так думаю. Селверам, когда у них такое бывает, она помогает.

Этой ночью я снова не мог уснуть. Это уже становилось привычкой, и я подумал, не следует ли мне приготовить себе снотворное. Однако, провертевшись с час, я поднялся, решив отправиться на долгую прогулку. Взошли обе луны — на исходе, поскольку приближался Безлунный месяц, но все же света, который они лили с безоблачного неба, было достаточно.

Я не отошел еще далеко от лагеря, когда понял, что гуляю не один.

Обернувшись, я увидел Блейз и безнадежно вздохнул. Эти две женщины словно сговорились досаждать мне!

— Что тебе? — спросил я, когда она меня догнала, не скрывая своего раздражения.

Она, конечно, заметила мое настроение.

— У тебя бессонница, — сказала она, — а если ты и засыпаешь, то спишь беспокойно. Я и подумала: не смогу ли тебе помочь.

Я подумал, не предлагает ли она себя, но прогнал эту мысль. В ее словах не было и намека на сексуальное приглашение.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я, стараясь, чтобы мой голос прозвучал ровно.

— Понимаешь, я тут думала... Теперь, когда я увидела, как вы живете в Вине, когда познакомилась с твоей семьей, да еще и проговорила всю прошлую ночь с теми двумя молодыми идиотами из Кина, я могу сопоставить это с тем, что мне говорила Джастрия. Думаю, теперь я хорошо понимаю ее и знаю, что ею двигало. — Я повернулся и пошел дальше, а Блейз зашагала со мной рядом. — И мне кажется, что ты был прав: она и в самом деле хотела причинить тебе боль.

— Ну да, это-то я знаю. Она хотела причинить мне самую сильную боль, какую только могла. Только что я сделал такого, чтобы заслужить подобное наказание?

— Может быть, обманул ее, хоть и ненамеренно. И все равно для нее это был обман. Она видела, как ты сбегаешь на побережье, и считала, что ты делаешь это, чтобы сохранить здравый рассудок. Она видела, как Гэрровин отправляется даже еще дальше. Она думала, что сможет уговорить тебя забрать ее с Небесной равнины, совсем забрать. Но ты не пожелал быть честным с собой. Ты до сих пор не хочешь.

— И как это следует понимать?

— Кел, посмотри на себя. И посмотри на своего брата. Джеймвин врач, как и ты. Он готовит лекарства и посещает больных в окрестных деревнях, но на побережье он не спускается. Ты не увидишь, чтобы он пробовал что-то новое, чтобы искал новые целебные травы, чтобы придумывал новые способы лечения. Он не стал бы играть с огнем и не женился бы на женщине вроде Джастрии, мятежной и страстной. Вы с ним далеки, как разные берега океана. Он счастлив, оставаясь в Вине, счастлив, делая то же, что делали ваши отец и дед, счастлив, женившись на Тесс. Ты же не такой человек, чтобы просидеть всю жизнь в Вине. И твой дядюшка не такой. Джастрия

видела это, она видела в тебе то же самое, что видела в себе. Она разглядела в тебе стремление к новому, готовность принять вызов, неравнодушие. Она рассчитывала, что ты спасешь ее от рутины, превращавшей ее в камень. Вместо этого ты постоянно возвращался в Вин и принимал предписанный образ жизни — по крайней мере притворялся, будто это так. Думаю, Джастрию приводило в ярость твое нежелание признать, что ты такой же мятежник, как и она.

Мне хотелось дать волю собственному гневу, уличить Блейз во лжи, крикнуть, *что я не такой!* И все же в глубине сердца я не мог отрицать, что все эти годы единственным, что делало жизнь в Вине приятной — или хотя бы выносимой, — было сознание того, что иногда я могу его покинуть. Разве так должен был смотреть на свой дом нормальный горец? Мне просто не хватило смелости признаться себе в этом, осознать свои потребности, как это сделал Гэрровин, и провести большую часть жизни вдалеке от Небесной равнины.

Наконец я тихо сказал:

— Джастрия часто уговаривала меня... но я все возвращался и ее за собой тянул. Возвращался в безопасность. В этом, знаешь ли, есть соблазн: в безопасности и определенности, когда всегда известно, что и как делать. Когда не нужно думать... Мне просто не хватило мужества бросить Небесную равнину, зная, что тогда не будет определенности, не будет безопасности. Я любил Джастрию, но любил недостаточно, я не дал ей того, чего она хотела.

— Думаю, что и сам ты хочешь того же. Это и ожесточило ее.

— Что ж, значит, я получил то, чего хотел, верно? — с горечью сказал я. — Ну так объясни мне, почему мне так плохо? — Ответа я не ожидал и не получил.

Мы в молчании прошли еще около мили, прежде чем я медленно заговорил:

— Вот она и наказала меня. Она отказалась от возможности бежать, которую ты ей предложила, и вместо этого заставила меня ее убить. Она насладилась местью, потому что считала, будто я ее предал.

— Думаю, все так и было. Ей казалось, что надежды нет... и ее терзал гнев. Твоей вины здесь нет.

— Ты же только что сказала, что в несчастье Джастрии виноват я.

Блейз схватила меня за руку, заставив остановиться.

— Нет, я такого не говорила. — Она повернула меня к себе лицом, так что мне пришлось посмотреть ей в глаза. — Я предложила тебе объяснение. Джастрия была взрослым человеком. Она должна была сама принимать решения. Она могла бы обеспечить себе достойную жизнь вдали от Небесной равнины. Она была умна, привлекательна и не нищенствовала. Дорогу к саморазрушению она выбрала добровольно, только, как рыбка на крючке, винила в своем несчастье рыбака, а не себя. Повторяю: твоей вины здесь нет.

Я повернулся и двинулся дальше; Блейз пошла рядом.

— Гилфитер, я знаю, что тебе приходится вынести.

— Как ты можешь иметь об этом хоть малейшее представление? Я убил свою жену!

Блейз успокоительно положила руку мне на плечо.

— Ну хорошо, мужа я не убивала. По крайней мере пока. Но я убила Ниамора — друга, человека, которого я любила и уважала, хоть он и был проходимцем. Это случилось... всего месяц назад, на косе Гортан.

Мне не удалось сдержать горечь.

— Ну и что? Ты носишь меч, женщина. Несомненно, тебе случалось убивать многих. Как я понимаю, ты так зарабатываешь себе на жизнь.

— Как правило, своих друзей я не убиваю.

Ее голос дрогнул, и я так удивился, что застыл на месте и вытаращил на нее глаза.

Блейз воспользовалась этим, чтобы объяснить:

— На него напал дун-маг и бросил беднягу гнить заживо. Не могу себе представить более ужасной смерти. Ниамор попросил меня убить его, что я и сделала.

К моему несказанному удивлению, у нее на глазах блеснули слезы.

Сотворение, ну и удивляли же меня эти две женщины каждый раз, когда я думал, будто все насчет них понял! Сначала Флейм, которую я считал мягкой, как масло, оставленное на солнце, оказалась движущей пружиной замысла избавить острова от человека, который, по слухам, был могущественным злым колдуном, а теперь Блейз, казавшаяся мне жесткой, как

копыто селвера, оплакивала смерть друга и так сочувствовала моему отчаянию, что рассказала об этом...

— От такого легко не избавишься, — сказала Блейз. — И уж не забудешь никогда. Мне показалось, тебе может стать легче, если ты будешь знать, что кто-то понимает твои чувства.

Я был странно тронут ее словами.

— Так и есть, — наконец нашел я в себе силы ответить вежливо.

Мы двинулись обратно, в сторону лагеря.

— Спасибо тебе за мазь для Следопыта, — сказала Блейз. — С твоей стороны это было проявлением редкой доброты — я даже удивилась, что ты вспомнил о собаке, несмотря на собственные печали. Ты необыкновенный человек, Келвин.

— Да нет, я просто целитель, а несчастный пес страдает болезнью кожи.

— Все равно спасибо. — Блейз вдруг начала принюхиваться. — Что это за аромат? Вечером я его не чувствовала.

— Так пахнут лунные цветы. Она распускаются только по ночам в месяц Двух Лун. Считается, что их запах — афродизиак, и новобрачные часто в это время отправляются пасти селверов, чтобы найти лунные цветы и... — Я смутился и умолк. Говорить с Блейз об этом мне не хотелось.

Она рассмеялась.

— Тогда будем надеяться, что рядом с лагерем лунных цветов нет.

Я улыбнулся.

— Я их там не учуял, да и вообще, наверное, действие лунных цветов скорее миф, чем медицинский факт. Впрочем...

— Впрочем, что?

— У лунных цветов интересный способ размножения. Пойдем я тебе покажу.

Я выбрал направление, откуда долетал самый сильный запах, и неуклюже начал в темноте искать цветы. Наконец мы нашли целую поросль, покрывавшую вершину холма, словно снег. Дул легкий ветерок, разносивший аромат далеко вокруг, — идеальные условия для оплодотворения. Женские цветки поднимались на высоких стеблях, их полупрозрачные лепестки ловили ветер, как паруса; нижние ветки растений были покрыты тысячами мелких снежно-белых мужских цветков, которые, казалось, внимательно присматривались и ждали.

— Они прелестны, — сказала Блейз, — только, пожалуй, чересчур сильно пахнут.

— Смотри, — сказал я.

Порыв ветра подхватил один из женских цветков, и он оторвался от материнского растения, так что пахучие железы на стебле выбросили в воздух облако аромата. Ветер поднял цветок высоко вверх, и в ответ сотни мужских цветков подпрыгнули в воздух: запах женского цветка заставил распрямиться их стебли-пружинки.

Вокруг женского цветка закружился вихрь белых лепестков. Некоторое время ветер нес это облако над холмом, пока один из мужских цветков не коснулся женского. Широко распростертые лепестки обхватили меньший цветок и сжали его в любовном растительном объятии. Мягко покачиваясь на воздушных волнах, соединившиеся цветки поплыли прочь, оставляя за собой благоухающий след.

Я услышал, как Блейз, затаившая дыхание, глядя на это чудо, шумно выдохнула воздух.

— Да... Теперь я понимаю, почему такое зрелище может пробудить в молодых сексуально озабоченных пастухах страсть. — Блейз посмотрела на меня, и мы долгое мгновение не могли отвести друг от друга глаз. В этот миг наши жизни могли выбрать другое направление... потом что-то в позе Блейз сказало мне, что, хотя она не возражала бы против того, чтобы лечь со мной посреди цветов, в глубине души она предпочла бы, чтобы с ней был другой человек.

Я сам изумился тому, каким острым оказалось мое разочарование. До сих пор я не смотрел на Блейз как на желанную женщину; теперь же я обнаружил, что жажду ее близости, ее нежности, ее утешений. Мысль об обладании ею, о том, чтобы отдаться ей, стала невыразимо соблазнительной.

Сотворение!

«Не будь таким дураком, — раздраженно сказал я себе. Блейз любит Флейм. Она предпочитает женщин, а Флейм — мужчин, и это печально. — Если уж тебе приспичило с кем-нибудь переспать, мой мальчик, ты лучше бы поволочился за цирказеанкой».

Она, пожалуй, не откажется, судя по ее поведению с пастухом — или пастухами — из Кина.

Мы с Блейз одновременно повернулись и пошли к лагерю.

— Ты все-таки как-нибудь расскажи мне, что такого особенного в том, как ты улавливаешь запахи, — сказала через некоторое время Блейз.

— Да о чем тут рассказывать? — легкомысленно махнул я рукой и тут же испортил впечатление от своего жеста, наткнувшись на колючий куст. Ругаясь, я остановился, чтобы отцепить от себя шипы. — Мы, горцы, имеем чуткие носы, вот и все.

— Носы чуют больше, чем глаза видят, — пробормотала Блейз, глядя на мои безуспешные старания: шипы этого растения, которое пастухи называли «подожди немножко», были загнутыми, и вытащить их было нелегко. — Думаю, все не так просто. Я ведь не безмозглая, Гилфитер. Ты узнаешь о том, чего знать вроде бы не можешь. Уж не магия ли это? — Она подошла и стала помогать мне отцепить от куста мой тагард.

— Магии не существует, — раздраженно ответил я. — У нас носы не такие, как у всех, и ничего больше. Ты должна была заметить, что у всех горцев носы прямые и более длинные, чем у жителей побережья. Внутреннее строение тоже очень отличается — по крайней мере так считает Гэрровин. Я-то в отличие от него не делал вскрытий других островитян. Дядюшка, видишь ли, не может резать только живую плоть, а мертвые тела исследовал досконально. Он говорит, что анатомически наши носы более сложные и имеют больше нервных окончаний. И ты наверняка заметила, что кончик носа у нас иногда подергивается — когда мы принюхиваемся.

Наконец освободив меня от колючек, мы двинулись дальше; тут же появился Следопыт и принялся скакать вокруг, как щенок-переросток... впрочем, он и был им. Пес, похоже, опять охотился: морда у него была в крови. Я отогнал Следопыта от себя и продолжил:

— Ничего необычного в нашем нюхе нет. Он просто более острый, чем у других людей.

— Такой острый, что ты заранее узнаешь, когда кто-нибудь приближается к твоей деревне? И даже определяешь, из какой деревни гость? И можешь назвать гостя по имени?

Я в изумлении вытаращил на Блейз глаза. Проклятие! Много же она сумела понять из нескольких неосторожных слов моего отца!

— Мы не говорим о таких вещах с чужаками, — наконец выдавил я из себя.

— Ну, мне-то ты можешь рассказать: я слишком много видела и слышала, да и о многом догадалась. Даже Гэрровин кое о чем проболтался, когда лечил Флейм на косе Гортан. Он способен чуять дун-магию. И ты на самом деле не шутил, когда сказал, что определишь по запаху дорогу к своей деревне сквозь туман. Кел, не стоит думать, будто из-за того, что я высокого роста, да к тому же женщина, мозги у меня, как у туши кита, выброшенной на берег.

— Э-э... нет, конечно... Ничего такого я не думаю. Дело просто в том, что мы не любим... — Я снова умолк. Проклятие!

— Все равно нам нужно поговорить.

Следопыт, уловив мое смущение, попытался подпрыгнуть и утешить меня, лизнув в лицо. В отчаянии я воскликнул:

— И почему, ради широких голубых небес, ты держишь эту тупую собаку?

— Следопыт напоминает мне о причине, по которой я вместе с Флейм собираюсь убить злого колдуна, — совершенно серьезно ответила Блейз. — Каждый раз, как я его вижу, я вспоминаю о его прежнем хозяине, мальчике по имени Танн. И все-таки ты не отвертишься, Гилфитер, от того, чтобы все мне рассказать, да и от того, чтобы помочь нам.

Я растерянно посмотрел на нее.

— Помочь тебе убить кого-то? Ты что, совсем лишилась рассудка? Я — врач, хирург. Я лечу людей, а не убиваю их. — Тут я вспомнил о Джастрии и покраснел.

— Я не прошу тебя убивать.

— Ты просишь меня помочь вам, и на уме у тебя убийство.

— Не убийство, а казнь убийцы. Самого мерзкого убийцы, который когда-либо существовал. Танн стал одной из его жертв: Мортред подверг его пытке дун-магией и оставил умирать в мучениях.

Убежденность в ее голосе заставила меня замолчать.

— Я — врач, — пробормотал я через некоторое время, но сам понял, как беспомощно прозвучали мои слова.

Блейз всплеснула руками.

— Чтоб мне стать крабом без клешней! Еще один миротворец! Что во мне есть такого, что люди, думающие, будто с не-

годяями можно мило пить чай и вежливо беседовать, так и льнут ко мне? Мы с тобой еще поговорим, — снова повторила Блейз. — Это я тебе обещаю.

Глава 8
Рассказчик — Келвин

Может быть, народ Небесной равнины и вынес мне приговор за то, что я совершил, но верность своему соплеменнику и нашим традициям остались нерушимыми. Через шесть дней мы спустились на побережье, а феллиане и гвардейцы далеко отстали, и я знал, что должен благодарить за это проводников из тарна Гар.

В начале тропы мы отпустили селверов, не снимая с них седел и вьюков с палаткой и одеялами. Я задержался на мгновение, глядя, как они исчезают в тумане; мне казалось, что они уносят с собой часть моего сердца, часть, которая никогда ко мне не вернется. Так оно, я думаю, и было, потому что я никогда больше не увидел отца, не поговорил с матерью, не пошутил с братом. Я никогда больше не побывал в Вине, не проехался на селвере по Небесной равнине, не ощутил аромата лунных цветов в месяц Двух Лун.

Я повернулся и двинулся следом за Блейз и Флейм вниз по тропе. Я был человеком, лишившимся части себя, и в это мгновение я мог только ненавидеть женщин, которые принесли мне такое несчастье.

Спускаться было нелегко: тропа была совсем не такой торной, как та, что вела в Мекатехевен. Крутой извилистый спуск кончался узкой полоской берега; в глубине бухты Ниба располагался портовый городок Лекенбрейг. Я однажды побывал там, и никакого желания возвращаться туда у меня не возникало. Большинство лесов в окрестностях города было полностью вырублено, изничтожено ради песчаных карьеров. Речные наносы содержали много олова, и поэтому деревья и вся живность, что гнездилась на них, были стерты с лица земли. Мне иногда казалось, что я улавливаю аромат этой сложной богатой жизни, которой больше не существовало, словно голые

пески не могли совсем избавиться от своего плодородного прошлого.

Вот и на этот раз, когда мы спускались ниже и ниже, оставляя позади полосы тумана, открывавшееся взгляду опустошение разъедало мне душу. Зная, как бурлит жизнь в прибрежных лесах, я не мог смотреть равнодушно на мертвый пейзаж, расстилавшийся перед нами, как карта на пергаменте.

— В чем дело? — спросила Блейз, когда на следующий день мы наконец пересекли эту пустыню и двинулись по пыльной дороге к городу. — Что так тебя огорчает?

— Разработки, — сквозь зубы ответил я. — Ты знаешь, сколько жизней погублено ради них? — Я обвел рукой песчаное море, кое-где испещренное лужами безжизненной воды.

— Тебя так задевает гибель растений? — озадаченно сказала она.

— Именно. Ведь каждое из них кишело жизнью. А теперь ничего не осталось.

Блейз задумчиво посмотрела на меня; ей явно не сразу удалось понять, как человек может так переживать из-за участи существ, лишенных разума.

— Неужели это так важно? — наконец спросила она.

— Уничтожение жизни и красоты всегда важно, — ответил я.

— Но ведь нам нужно олово.

— А моему народу — нет.

— Не каждый может жить так, как живут горцы. — Блейз резко оборвала себя, поняв, что ненамеренно проявила жестокость: Джастрия ведь не смогла... — Прости меня. Тут простых ответов нет, Гилфитер.

— Я бы сказала, что без леса жара чувствуется сильнее, — попыталась примирить нас Флейм. — Здесь гораздо жарче, чем в Мекатехевене, где часть деревьев сохранилась. Далеко еще до Лекенбрейга?

— День ходьбы.

— А потом?

— Потом мы купим билеты на пакетбот до Порфа.

— Может быть, его придется дожидаться?

— Это уж как повезет. Между Лекенбрейгом и Порфом идет оживленная торговля, и купцы все время плавают туда и обратно. Значение имеет другое: наши преследователи знают, что

мы должны спуститься на побережье, и наверняка последуют за нами. Они могут догнать нас, пока мы дожидаемся корабля.

Я попытался сделать так, чтобы мы меньше привлекали к себе внимание: переоделся в поношенную дорожную одежду Гэрровина, выкрасил свои рыжие волосы соком ягод кеф, который обычно использовался в тарнах для нанесения темных узоров на глиняную посуду, и сбрил бороду. Вот с чем я ничего не мог поделать, так это с веснушками. Быть горцем — значит быть веснушчатым... Флейм покладисто спрятала свои золотые волосы под шарфом и стала носить тунику без пояса, хоть это и не помогало скрыть ее соблазнительные формы. А вот замаскировать рост и зеленые глаза Блейз было невозможно; к тому же она категорически отказалась спрятать меч и портупею и резко отчитала меня, когда я это предложил. Правда, издали ее можно было бы принять за мужчину, и Следопыт укреплял такое впечатление: женщина едва ли выбрала бы себе подобного любимца.

Обе женщины принялись убеждать меня в том, что все эти предосторожности на самом деле не нужны: с помощью иллюзий можно добиться ничуть не худшего результата. Я не обратил на их слова никакого внимания, как и на веселый взгляд, которым они обменялись. Труднее было не замечать неожиданного запаха благовоний, который каждый раз, как только мы встречались на дороге с кем-нибудь, окутывал Флейм.

Мы продолжали тащиться по жаре, страдая от отраженного песком безжалостного солнечного света и жалея о том, что нам нельзя было взять с собой селверов. Около полудня мы остановились на отдых у одного из прудов, радуясь, что удалось найти одинокое дерево и укрыться в его тени.

— В одном ты прав, Гилфитер, — сказала Блейз, растянувшись на песке у воды, — здешние окрестности — адская пустыня, похожая на косу Гортан. Как ты думаешь, воду из пруда можно пить?

Не дожидаясь моего ответа, она напилась. Топлива для того, чтобы вскипятить воду, у нас не было, а пить хотелось. Когда, вытирая воду с подбородка, Блейз устремила на меня решительный взгляд, я понял, что теперь мне не отвертеться: предстоял серьезный разговор. До сих пор мне удавалось избежать его, каждый раз ускоряя шаг, как только Блейз загова-

ривала о моем нюхе; кончилось тем, что Флейм предложила ей завязать язык узлом:

— Проклятие, каждый раз, когда мне хочется отдохнуть, ты начинаешь приставать к Келу, и он вскакивает и предлагает нам поторопиться. Будь так добра, держи рот на замке. Мне нужно хоть раз спокойно посидеть и расслабиться.

На этот раз Блейз явно не собиралась позволить мне уклониться от разговора.

— Я желаю знать, что такого особенного в обонянии горцев, Гилфитер. Это может оказаться важным. И я хочу объяснить тебе, что может сделать силв-магия.

Я напился из пруда, потом уселся, прислонившись спиной к стволу дерева.

— Мы не любим говорить о своих способностях с чужаками, — наконец ответил я. — Наше чутье — наша защита.

— Я готова поклясться, что никому не расскажу о том, что услышу от тебя.

— Я тоже, — сказала Флейм, — хотя бы ради того, чтобы этот разговор наконец состоялся и больше не висел у нас над душой.

— Да тут не о чем на самом деле рассказывать. Мы просто обладаем более чуткими носами, чем другие.

— Насколько чуткими? — спросила Блейз, пристально глядя на меня. — Что ты чуешь прямо сейчас?

— Во-первых, скажите мне, что вы сами чуете, — предложил я.

Обе женщины глубоко втянули воздух. Как ни странно, то же самое сделал Руарт. Он сидел на мешке Блейз, как всегда, с интересом наблюдая за всем происходящим.

— Следопыта, — в один голос сказали Флейм и Блейз и расхохотались. — Да что в этом нового? — добавила Флейм. — Это несчастное животное всегда воняет.

— Больше ничего? — спросил я.

Последовала новая попытка принюхаться.

— Мазь, которой я намазала Следопыта, — сказала Блейз. — Мой собственный пот. Твой пот. От пруда пахнет сыростью. Вот и все, пожалуй.

— Дерево тоже пахнет, — сказала Флейм. — Смолой или еще чем-то растительным.

— Больше ничего? — еще раз спросил я.

Они покачали головами.

— Так что же чуешь ты? — с любопытством повторила Блейз. Она непременно хотела это узнать.

— Все, что нас окружает. Песок, наши тела, дерево, содержимое наших мешков. В коре живут муравьи. — Я указал на дорогу, по которой нам предстояло идти. — Впереди есть какие-то люди. Это, конечно, не горцы, их-то я сразу бы отличил. Мы пахнем совсем не так, как остальные, может быть, потому, что не едим мяса. Среди тех людей несколько женщин. По крайней мере у одной из них младенчик: я чую грудное молоко. У кого-то из мужчин плохие зубы. У людей есть животное... животное, которое ест растения. Вол, должно быть: здесь их часто запрягают в тележки. Еще у них несколько кошек и куры. Наверное, впереди ферма: я различаю запах готовящейся еды... рыбы, водорослей, томатов.

— И далеко они от нас?

Я пожал плечами.

— Зависит от ветра. Может быть, в миле. За фермой вдалеке — море. Если я сосредоточусь, я его чую. Сильнее всего оттуда доносятся запахи порта: деготь, мокрые паруса, гниющее дерево. А город смердит выгребными ямами и помоями.

— Значит, ты и в самом деле мог найти по запаху свой тарн в тумане! Ты не теряешься во всем этом изобилии? — спросила Флейм, зачарованно глядя на меня. — Ощущать вонь Следопыта достаточно противно; не могу себе представить, каково это: чуять все, что тебя окружает. — Эта девушка с Цирказе постоянно удивляла меня: она так много замечала, видела любые мелочи и то, как они влияют на людей. Блейз хотела выяснить, как можно воспользоваться моими талантами, она же просто беспокоилась за меня.

— Хм-м, — протянула Блейз, — вонь всех выгребных ям Лекенбрейга разом, должно быть, нелегко вынести.

— Ну, это воспринимается как... как шум где-то вдалеке. Вот мы сейчас разговариваем, и ты не обращаешь внимания на шелест листьев у тебя над головой и стрекотание цикад. С запахами точно так же. Я не хочу нюхать выгребные ямы, поэтому я закрываю для вони свое сознание, если уж не могу избавить от нее нос.

— А как нюх служит горцам для защиты? — спросила Блейз.

— Никто не может подкрасться к нам незамеченным. Как громкий шум разбудил бы тебя ночью, так и неожиданный за-

пах разбудит меня, а то и весь тарн. В прошлом это служило нам хорошую службу, когда чужаки пытались захватить нашу землю или наши стада.

— Какой прок в предостережении, если вы все равно не станете сражаться? Вы ведь не воюете? — не отставала от меня Блейз.

— Нет. Нам и не нужно воевать: мы исчезаем в лугах. Достаточно свистнуть селверам... Огромное стадо, подчиняющееся звукам, которых человеческое ухо не слышит, может быть очень... очень опасным. Селверы к тому же не любят чужаков. Ты и представить себе не можешь, насколько странно, что Скандор позволил тебе сесть на себя... Так или иначе, ни один чужак долго на Небесной равнине не задерживался. Нас никогда не удавалось завоевать.

— Ты различаешь разных людей по запаху? Твой отец ведь определил, кто к вам едет, верно?

— Ну да. Ты, может быть, никогда не забываешь лиц. Мы никогда не забываем запах, и у каждого человека он свой. Если я встречу тебя через десять лет, я вспомню, как пахнет твое тело. Твой аромат незабываем, Блейз Полукровка.

Флейм хихикнула.

— А не намекает ли он, что от тебя воняет?

Блейз не обратила на подначку внимания.

— Нет, Гилфитер, ты не все нам рассказал. Гэрровин както обмолвился, что чует страх. Ты не только улавливаешь человеческий запах, ты улавливаешь эмоции. Чужие эмоции.

Флейм бросила на меня изумленный взгляд.

— Ты хочешь сказать, что можешь определить... э-э... нравишься ты мне или нет?

Я ухмыльнулся.

— Это неприлично! — возмутилась Флейм.

— Не тревожься. Таких тонкостей я не улавливаю. Вот если бы ты меня ненавидела или сильно желала... или хотела причинить вред — тогда другое дело. Оттенки не всегда бывают ясны.

Блейз задумчиво склонила голову.

— А как насчет обмана? Можешь ты определить, когда человек лжет?

— Иногда могу. — Я помолчал. — Практически всегда могу, если человек лжет с умыслом, пытается обмануть. Только это

отличить и ты можешь, мне кажется, хоть и не обладаешь тонким нюхом.

В благодарность за такой своеобразный комплимент Блейз слегка улыбнулась.

— Думаю, ты опасный человек, Келвин Гилфитер. Ты, наверное, знаешь обо мне много больше, чем мне хотелось бы.

Я улыбнулся в ответ, постаравшись сохранить равнодушное выражение лица. Блейз, конечно, в будущем в моем присутствии станет вести себя осторожнее, да что толку? Мой нос говорил мне о людях, даже таких сдержанных, как Блейз, гораздо больше, чем ее глаза и инстинкты.

— Ты должен быть дьявольски искусным врачом, — тихо проговорила Блейз. — Ты носом чуешь болезнь. — Как всегда, она сразу уловила то, что было для меня всего важнее. На Небесной равнине мы, врачи, говорим пациентам, что они больны, а не наоборот. — Значит, — продолжала Блейз, — ты сможешь сказать нам, когда погоня доберется до Лекенбрейга?

Я кивнул.

— Да. Я запомнил запах. Вы этого не знаете, но проводники из Гара несколько раз приводили чужаков совсем близко к нашему лагерю, а потом сворачивали в сторону. — Так делалось, несомненно, намеренно: проводники хотели показать мне, что я в их власти, а моя свобода зависит от их великодушия. Но также они хотели, чтобы я мог узнать своих преследователей, потому что я был горцем, а те, кто хотел меня поймать, — нет.

— Сколько их всего?

— Двое жрецов-феллиан и десять стражников плюс восемь гвардейцев повелителя. Проводники из Гара не сопровождают их на побережье, конечно.

— Ты можешь отличить феллиан от людей повелителя?

— О да. Эти дурацкие шляпы феллиан, когда намокнут, имеют специфический запах. К тому же...

— Да?

— Религиозный фанатизм тоже имеет свой запах, особенно когда феллиане начинают молиться. А теперь не пора ли нам в путь?

— Нет еще, — ответила Блейз к нескрываемой радости Флейм. — Я хочу, чтобы ты понял, на что способна Флейм... на что способен любой силв. Поэтому-то мы можем особенно

не беспокоиться о погоне, если ты предупредишь нас, когда преследователи окажутся рядом, а это ты, похоже, сделать сможешь. Из нас получилась хорошая команда: силв, создающий иллюзии, двое обладающих Взглядом — птица, которая может многое разведать, и я со своим мечом на случай потасовки, а также нос, который чует все на свете.

— Я ни в какую команду не вхожу, — ответил я возмущенно. — Пойми ты это наконец. Я отправляюсь в Амкабрейг на Порфе, чтобы забрать сундук с лекарствами, когда его туда пришлют, а оттуда — на Брет. Вот и все. Меня не интересуют ваши дела. Вы вдвоем разрушили мою жизнь, и чем скорее мы расстанемся, тем лучше.

Блейз и бровью не повела.

— Тем не менее я хочу показать тебе, на что годится силв-магия.

— Пока не увидит, не поверит, — усмехнулась Флейм, и у меня возникло неприятное ощущение, что я каким-то образом оказался в их власти. Я носом чуял, как они наслаждаются ситуацией.

Идти по жаре было все труднее. Даже Следопыт еле тащился, жадно пил из каждого пруда, мимо которого мы проходили, и иногда залезал в воду целиком, чтобы охладиться. Потом он отряхивался, обдавая нас брызгами. Пройдя несколько миль, мы приблизились к небольшому селению, которое я учуял еще во время привала. Оно состояло из нескольких хижин, кое-как слепленных из покрытых битумом пальмовых листьев; камни, которыми они были придавлены, не удержали бы их при сильном ветре; наверняка хижины уже не раз сносили осенние бури.

— Деревушка нам подойдет, — сказала Блейз. — Давай-ка убедим этого толстокожего скептика, что магия существует. Спрячь нас, Флейм. Говорить тоже будешь ты.

— Надеюсь, обладающих Взглядом там нет?

— Насколько я могу судить, ни одного.

В воздухе неожиданно разлилось благоухание: тот самый липкий запах, который иногда окутывал цирказеанку.

— Я готова, — сказала она, — пошли.

Чем ближе мы подходили к хижинам, тем сильнее становился запах. Я нисколько не сомневался, что его каким-то образом испускает Флейм. Может быть, так пахнет ее пот? Но

каким образом она усиливает запах по желанию? Ученый во мне испытывал любопытство.

Когда мы подошли, в пыли перед хижинами играли несколько курносых детишек. У одного из них оказались больные легкие, и дольше нескольких месяцев он без должного лечения не протянул бы. Пыхтя, он кинулся в хижину, как только заметил нас, и принялся звать мать.

— Мама, мама, тут дама пришла!

На его крик, впрочем, откликнулась не женщина: из хижины вышли пять или шесть мужчин. Все они были сутулыми и тощими — как и следовало ожидать при постоянном недоедании и тяжелой работе. По опыту своих прежних путешествий я знал, что они скорее всего старатели: бедняки занимались промывкой отвалов песка, извлекая с помощью своих плоских тазов — дулангов — оставшиеся крупицы руды. Это была тяжелая и неблагодарная работа.

Блейз одной рукой ухватила за шкирку Следопыта, а другой — меня и оттащила немного назад. Я уже открыл рот, чтобы предостеречь ее — запах этих людей мне не нравился, — но она жестом велела мне молчать, а сама опустила на землю свой мешок и беззвучно извлекла из ножен меч. Ни один из мужчин даже не взглянул в нашу сторону; все они не сводили глаз с Флейм. Что ж, тут ничего удивительного не было: так на их месте поступил бы всякий.

Флейм улыбнулась, ничуть не обескураженная недружелюбным приемом, и любезно спросила:

— Не скажете ли вы мне, добрые люди, эта ли дорога ведет в Лекенбрейг?

— Ну и дела, — хищно ухмыльнулся один из мужчин. Он пах, как травяной лев, учуявший добычу. — Хорошенькая девчонка и бродит тут совсем одна! Что скажете, братцы?

— Оставь девку в покое, — раздался голос из хижины. В дверях стояла пожилая женщина, за юбку которой цеплялись несколько детей. Это прозвучало скорее как хныканье, а не приказ, и никто из мужчин на него внимания не обратил.

— Не попросить ли нам красотку задержаться? — хихикнул самый старший из них и потянулся к Флейм; однако каким-то образом его рука ухватила только воздух.

Остальные решили, что он дурачится, но я явственно почуял его изумление. Я смущенно переступил с ноги на ногу.

Все происходящее мне не нравилось. Рядом со мной Блейз стояла совершенно спокойно, одной рукой опираясь на рукоять меча, другой все еще удерживая Следопыта. Я не мог учуять никаких эмоций ни с ее стороны, ни со стороны Флейм. Обе женщины были спокойны, как вода пруда в безветренный день.

— Вот что я тебе скажу, — заговорил первый мужчина — по-видимому, предводитель этой шайки, — мы, так и быть, укажем тебе дорогу, только сперва поцелуй-ка каждого из нас.

Один из парней загоготал:

— Уж я-то знаю, куда она меня поцелует! — и сопроводил свои слова непристойным жестом — на случай, если кто-то не понял его похабной шутки.

Я сделал шаг вперед, но Блейз снова схватила меня за руку и дернула назад. В результате я споткнулся о собственную ногу и тяжело плюхнулся на землю. В течение нескольких секунд я, как рыба, выброшенная на берег, ловил ртом воздух и смотрел на развернувшуюся передо мной сцену сквозь пелену слез.

Флейм небрежно — парень должен был заметить ее движение — пнула охальника между ног. Я так и не понял, почему он не увернулся, но так или иначе боль согнула его пополам.

— Вот сюда? — любезно поинтересовалась Флейм.

Женщина поспешно утащила детей в хижину. Остальные почему-то по-прежнему не обращали внимания ни на меня, ни на Блейз, ни на Следопыта. Я все еще пытался отдышаться, а Блейз с трудом удерживала своего пса, отчаянно рвавшегося в бой; его оскаленные зубы не сулили ничего хорошего любому противнику, до которого ему удалось бы дотянуться. И по-прежнему никто из мужчин даже не смотрел в нашу сторону... Блейз помогла мне подняться на ноги.

— Прошу прощения. Я не хотела тебя уронить, — шепнула она мне в ухо.

Вся компания вытаращила глаза на пострадавшего, словно не понимая, каким образом он оказался на земле. Предводитель, не обращая внимания на остальных, попытался схватить Флейм. Она не спеша сделала шаг в сторону и отошла туда, где стояли мы.

Как это ни удивительно, мужчины по-прежнему в нашу сторону не смотрели; они как будто даже не заметили, что Флейм удалилась от них. Предводитель снова схватил воздух, потом в ужасе отшатнулся. Старик завизжал. Приятель валявшегося на земле парня набрался смелости и потянулся к чему-то, что, должно быть, мерещилось ему в воздухе. Не сумев коснуться ничего материального, он в ужасе завопил:

— Это призрак! Берегитесь! Он высосет из всех нас души!

Вся компания, не задумываясь, обратилась в бегство. Кто-то нырнул в хижину, кто-то попытался спрятаться на задворках.

— Ну что, пошли дальше? — спокойно спросила Блейз.

— Итак, — спросил я, когда мы отошли на какое-то расстояние от селения, — что, по-вашему, там произошло? — Я старался говорить равнодушно, но на самом деле я был потрясен.

— Флейм создала иллюзию самой себя, которая выглядела как настоящий человек, а нас заставила раствориться в воздухе. Совсем невидимыми мы, правда, не стали: если бы общее внимание не было сосредоточено на иллюзии, нас даже можно было бы разглядеть; поэтому-то я и держала меч наготове. Осторожность никогда не помешает.

— Иллюзии, конечно, нематериальны, — добавила Флейм. — При желании я могу сделать их довольно плотными, но это требует массу энергии. Проще создавать их из воздуха — поэтому-то руки тех, кто пытался меня схватить, проходили сквозь тело призрака.

— А тем временем, — снова заговорила Блейз, — настоящая Флейм разговаривала с ними и огрела того дурня. Он не ожидал удара, потому что таращился на иллюзию. Это и есть две особенности силв-магии: создание иллюзий и маскировка реальности. Умелое использование иллюзий может заставить человека поверить во что угодно. Третье свойство силв-магии — создание защиты, четвертое — целительство... Есть еще куча всяких странных вещей, которые может сотворить силв-маг, например, зажечь волшебный огонь: он светит, как фонарь, но не заметен ни для кого, кто не обладает Взглядом. Очень полезное умение, кстати. Дун-магия действует иначе: она разрушает, убивает, оскверняет. Мерзость!

Им удалось заинтриговать меня, хотя я все еще не пришел в себя от всего, что мне пришлось увидеть.

— Расскажите мне поподробнее о целительстве.

— Силв может в определенной мере излечивать других людей, — кивнула Флейм. — Правда, это отнимает много сил. Если болезнь тяжелая, лучше, чтобы ее лечили несколько силвов. И мы не все можем вылечить. Для себя мы способны сделать многое — изнутри. В нашей власти даже при желании воспрепятствовать зачатию, что оказывается очень кстати. — «Особенно если тебя изнасиловали», — эти слова, не произнесенные Флейм, словно повисли между нами в воздухе.

— А что такое создание защиты? — спросил я.

— Способность установить магический барьер, сквозь который ни дун-маг, ни какое-либо другое живое существо не может пройти... за исключением обладающих Взглядом, конечно. Мы, правда, обнаружили, что от Мортреда такой барьер не защита — он слишком могуществен. Так по крайней мере было раньше: я не могла от него заслониться. Моя силв-магия при нем просто исчезала. Установить защиту я не могла совсем, и даже поддерживать иллюзию, будто моя рука цела, мне удавалось с трудом. Очень неприятное чувство, скажу я вам. — Благоухание, окружавшее Флейм, развеялось, а воспоминания вызвали душный запах страха.

Я обдумывал то, что видел в селении. Должно же быть этому научное объяснение: магии ведь не существует. Массовая галлюцинация. Да, должно быть, какой-то вид галлюцинации. Флейм при желании может испускать странный запах благовоний, а он обладает галлюциногенными свойствами. Какое-то отклонение в обмене веществ силвов... особые выделения, когда они потеют. Мои мысли разбегались. Мы, жители Небесной равнины, и так называемые обладающие Взглядом имеем иммунитет к такому воздействию, поэтому иллюзий мы не видим. Этим можно многое объяснить: почему жрец не забрал все деньги с игорного стола, почему стражники не заметили, как Флейм передала Блейз в камеру ее меч, почему нам удалось так легко скрыться после казни Джастрии.

Нет, это не магия; наука все может объяснить. Так и должно быть.

— Почему это у меня такое ощущение, что нам ни в чем не удалось тебя убедить? — через некоторое время спросила Блейз.

Я ничего не ответил.

— Великая Бездна, Гилфитер, ты упрям, как один из ваших проклятых селверов!

Она была права: я был упрям. И все же смутные сомнения не покидали меня. Трудно было объяснить, как Флейм удается управлять чужими галлюцинациями. Более того, во время демонстрации случилось кое-что, что мне совсем не понравилось. Мне не сразу удалось понять, что же это было, а когда удалось, мои сомнения еще усилились. В какой-то момент ее игрищ с иллюзией — галлюцинацией! — я ощутил болезненный укол в сознание, неприятный толчок.

Если бы я не был человеком науки, я назвал бы это прикосновением зла.

От агента по особым поручениям
Ш. айсо Фаболда,
Департамент разведки,
Федеральное министерство торговли, Келлс,
Достопочтенному М. айсо Кипсуону,
Президенту национального общества
научных, антропологических и этнографических
исследований не-келлских народов

14/2 месяца Двух Лун, 1793

Дорогой дядюшка!

Посылаю Вам новую порцию перевода. Надеюсь, Вам по-прежнему интересно читать воспоминания Гилфитера; бедняга все еще пытается понять изменившийся мир, в котором вынужден жить. Хоть Гилфитер мне и несимпатичен, я, по мере того как узнаю историю его жизни, начинаю ему сочувствовать.

Я подумываю о том, чтобы написать статью «Медицина на Райских островах: шаманство или наука» и представить ее на годичном собрании нашего общества — она явилась бы продолжением моих предыдущих сообщений. Вас по крайней мере это заинтересовало бы: Вы ведь спрашивали меня, насколько действенны средства, применяемые тамошними целителями, и не могли бы наши костоправы чему-нибудь у них научиться. Когда я вспоминаю того надутого старого шарла-

тана, который лечил меня от лихорадки пару месяцев назад, я склонен сказать «да»!

С другой стороны, мне известно, что врачи, обучавшиеся в медицинской школе Гилфитера, придают большое значение вещам, явно никакой ценности не имеющим: например, поддержанию сугубой чистоты, ради чего постоянно отскребают и себя, и все вокруг, как будто это имеет значение для успеха борьбы с болезнью или благополучных родов. Другой их излюбленный конек — особые диеты. В этом отношении они напоминают мне тетушку Росрис с ее кашками и бульонами. И еще у них есть абсолютно отвратительный обычай: использовать живых пиявок... я уж не говорю о том, что эти целители готовят снадобья из паутины и плесени. Не могу и представить себе, как человек в здравом уме может видеть во всем этом пользу.

Жители островов Хранителей много рассказывают, конечно, о чудесных исцелениях с помощью силв-магии; однако когда я попросил представить мне доказательства, я услышал в ответ, что теперь такого больше не бывает. Право же, иногда островитяне ведут себя по-детски: только и говорят о прежних временах, когда все вокруг было полно магии.

Как Вам понравился подход Гилфитера к проблеме силв- и дун-магии? Медицинская проблема! Интересно, верно? Мне очень понравилась эта его теория: она многое объяснила бы, на мой взгляд. Однако об этом мы еще поговорим.

Спешу сообщить Вам радостное известие: меня официально уведомили о том, что в экспедиции к Райским островам будут участвовать корветы «Непотопляемый» и «Стремительный», а также бригантина «Келлский воин»; я назначен главой антропологической службы, а также научным руководителем всей экспедиции! Есть, правда, и ложка дегтя в этой бочке меда: в плавание с нами отправится множество миссионеров, включая даже монахинь аутериальского ордена, и мне они подчиняться не будут. Специально для них предназначены два купеческих корабля, которые тоже включены в состав экспедиции.

До отплытия пройдет еще не меньше четырех-пяти месяцев, и за это время столько всего предстоит сделать!

Мой самый нежный и почтительный привет тетушке Росрис.

Ваш покорный племянник
Шор айсо Фаболд

Глава 9
Рассказчик — Келвин

— Думаю, будет нелишним, если ты научишься понимать Руарта, — сказала Блейз, когда мы снова двинулись в сторону Лекенбрейга. — Да и время так пойдет быстрее.

Я огляделся. Во все стороны тянулись покрытые слепяще белым песком пустоши с чередой лишенных жизни прудов. Вдалеке виднелось еще одно нищее селение из слепленных на скорую руку хижин, а у одного из прудов — стоящие по колено в воде загорелые до черноты старатели со своими дулангами. Кое-где попадались засохшие стволы лесных гигантов, грустное напоминание о когда-то существовавшем здесь тропическом лесе. Картина эта была лишена всякой радости и больно ранила мою душу жителя Небесной равнины.

Я был согласен на все, что могло бы помочь отвлечься от этого кошмара.

— Да, — кивнул я, — хорошая мысль. — Я вытер лицо. Хотя день был безветренным, все мы были покрыты тонким слоем пыли. Капли пота, стекавшие по нашим лицам, оставляли на них темные потеки, похожие на русла ручьев на склоне холма.

Флейм объяснила мне некоторые основы птичьего языка.

— Чтобы его понять, ты должен все время за ним наблюдать, — сказала она. — Это в основном язык знаков, и смысл по большей части передается позами, движениями крыльев и лапок, наклоном головы, а не звуками.

Она перечислила мне некоторые знаки, и птичка у нее на плече охотно их продемонстрировала. Сначала это казалось мне сверхъестественным и смущало, как если бы законы реального мира вдруг оказались нарушены. Поэтому я постарался не думать о Руарте как о птице и стал представлять его себе дастелцем, таким же разумным существом, как и люди, но не способным к человеческой речи. Так дело пошло легче. К концу первого дня я уже мог понять многие самые расхожие фразы вроде «Не знаю», «Да, конечно», «Я голоден», «Поверни налево», «Посмотри туда». Теперь мне было известно, что при-

открытый клюв в сочетании с наклоном головы означал улыбку, а если Руарт при этом еще и задирал хвост, то он покатывался со смеху. Чтобы передать более сложный смысл, Руарт начинал петь; тут нужно было прислушиваться к высоте и длительности трелей. Это было для меня особенно трудно: я всю жизнь считал, что одна птичка чирикает точно так же, как любая другая.

Переночевав на песке у пруда, на следующее утро мы увидели вдалеке Лекенбрейг; уроки птичьего языка продолжались всю дорогу. Блейз, как я обнаружил, тоже продолжала учиться, в результате чего между нами возникло шутливое соперничество: я старался догнать ее, а она стремилась сохранить превосходство. Это в общем-то был способ продолжить наш спор, не упоминая напрямую его предмета: стану я или нет помогать им избавить мир от могущественного дун-мага.

Наконец к концу дня мы добрались до города; я как раз осваивал значение растопыренных крыльев. Первое, чем поинтересовалась Блейз, которую, по словам женщин, иллюзия превратила в мужчину с острова Фен, был пакетбот. Новости нас не порадовали: похоже, нам предстояло дожидаться его больше недели. Единственного судна, совершавшего рейсы до Амкабрейга — второе, как выяснилось, потеряло мачты, попав в шторм, — в порту не было. Места на пакетботе, который отправлялся на архипелаг Ксолкас и дальше — на Брет, были распроданы на два ближайших рейса.

Мы остановились в гостинице на берегу, из окон которой открывался вид на один из причалов. Там было шумно, воняло, но хоть не драли три шкуры. Я не провел в гостинице и десяти минут, как обнаружил, что впадаю в депрессию такую же непроглядную, как ночь в Безлунный месяц. Меня мучили запахи — тухлой рыбы, дегтя и пеньки, китового жира, человеческих экскрементов, чьего-то семени на моем матраце, дешевых духов, которыми пропахла тощая подушка, вареной капусты из кухни, собачьей и кошачьей мочи повсюду на улицах... и человеческих эмоций. Эмоции были откровенными и несдерживаемыми: страх и отчаяние, вожделение и алчность. Какое чувство ни назови, все они были тут, и я чувствовал их острый и всепроникающий запах. Мне всегда трудно давались первые дни на побережье; у себя дома мы, зная, как чувствительны носы соседей, держали свои страсти в узде. На Небес-

ной равнине мы, так сказать, говорили шепотом; в прибрежных городах население вопило.

Растянувшись на постели, я почувствовал, что тону в ощущении потери: я был изгнан до конца своих дней. Никогда не вернуться мне к надежности и предсказуемости жизни на Крыше Мекате, никогда не вернуться к существованию, которое я раньше вел. Чистые и свежие ароматы Небесной равнины стали теперь только воспоминанием. Ах, Джастрия, как же ты мне отомстила...

Никогда еще я не жалел себя так отчаянно.

Когда я не спустился к ужину, как мы договаривались, Блейз пришла и постучалась в мою дверь. Я знал, что это она — нос предупредил меня об этом, — но не пошевелился. Она постучалась еще раз, громче, я снова не ответил. Мне следовало бы знать, что это не поможет: через мгновение она просунула кончик меча в щель между створкой и косяком двери и откинула щеколду.

Я остался лежать на кровати с ее нищенски тонким матрацем, отсутствующим постельным бельем и грязным одеялом. Единственным освещением в клетушке были отсветы фонарей, падавшие сквозь лишенное стекла окно: на причале продолжалась погрузка оловянной руды на торговый корабль.

— Ты полагаешь, что всегда вправе войти в комнату, даже если дверь заперта? — спросил я, не глядя на Блейз.

Она не обратила внимания на мое недовольство.

— Я принесла тебе немного козьего молока, — сообщила она, — и бобы, тушенные с лепестками лилии. Да, и еще омлет. И раз уж я взяла на себя труд добыть пищу, которую ты ешь, будь так любезен ее съесть.

Я сел, чувствуя себя пристыженным, хоть и ответил ворчливо:

— Слушаюсь, госпожа. Ты говоришь совсем как старая карга у нас в тарне, которая учила малолеток грамоте. — Я зажег огарок свечи, а Блейз тем временем разложила принесенное на единственном, кроме кровати, предмете мебели — умывальнике.

— Я не собираюсь позволить тебе киснуть. Кроме того, у меня есть к тебе разговор.

— Опять разговор? А что, если я чувствую себя слишком по-крабьи?

— По-крабьи?

— Не в духе.

Блейз сунула тарелку мне в руки, и должен признать — пахла еда аппетитно. Я принялся за омлет, воздержавшись от замечания о том, что мои соплеменники смотрят на поедание яиц так же, как на употребление в пищу убитых животных. Я сказал себе, что зародыш в яйце давно уже погиб, и прагматично съел все до крошки.

— Спасибо, что спросил: мы с Флейм сытно поужинали. Она теперь отправилась спать.

Я не обратил внимания на ее сарказм.

— Она все еще слаба. За последний месяц нам совсем не удавалось отдыхать.

— Я мог бы приготовить для нее тоник. Давно ли ее рука была ампутирована?

Блейз задумалась, отсчитывая дни.

— Я не уверена... Часть времени я провела в темной яме, где день не отличался от ночи, и как-то ни у кого не спросила, долго ли... Ампутировали ей руку по крайней мере за десять или двенадцать дней до того, как мы смылись с косы Гортан. День ушел на то, чтобы раздобыть морского пони, потом еще три дня мы плыли, десять дней добирались оттуда, где высадились на берег, до Мекатехевена... Два дня — в городе, день — в тюрьме... сколько дней прошло после этого?

Я тоже занялся подсчетами.

— Шестнадцать... нет, семнадцать дней. — Значит, с момента, когда я впервые их увидел, прошло восемнадцать суток... а казалось, что полжизни.

— Тогда получается месяца полтора.

Я вытаращил на Блейз глаза.

— Не может быть, наверняка больше. Ее рука хорошо зажила.

— Действие силв-магии, — пожала она плечами. — Советник Датрик занялся Флейм... после некоторого принуждения. Да и сама Флейм, конечно, постаралась, как только немного пришла в себя.

Я обдумал услышанное, прикидывая, мог ли так быстро поправиться кто-нибудь из моих собственных пациентов. Что этим силвам известно такого, чего не знаю я?

Блейз озабоченно продолжала:

— Я все же тревожусь о Флейм. С тех пор как мы покинули косу Гортан, одна неприятность сменяет другую. Да и то, что предшествовало нашему путешествию, было, конечно, настоящим адом. А мне нужно, чтобы она опять стала сильной. Мы нуждаемся в ее иллюзиях ради безопасности, не говоря уже о борьбе со злым колдуном. Хотелось бы мне, чтобы у нее была возможность отдохнуть и набраться сил. Ведь хотя ее причитания насчет отдыха и выглядят шутливыми, на самом деле, мне кажется, она дошла до предела. Похоже, она считает, что у нас совсем мало времени и если мы промедлим, случится что-то ужасное. Думаю, на самом деле Флейм не такая сильная, как притворяется. — Блейз принялась мерить шагами мою каморку.

Я насмешливо улыбнулся.

— Только не говори мне, будто знаменитая воительница Блейз верит во всякие там неопределенные предчувствия.

— Да, я научилась иногда к ним прислушиваться. Бывает, что предчувствие, как зеркало, отражает то, что существует, но нам еще не видно. Вот и теперь я думаю, что Флейм где-то в глубине души знает нечто, о чем ни один из нас осознанно не догадывается. Иногда у меня возникает опасение, что какое-то осквернение дун-магией в ней сохраняется... То осквернение, что совершил Мортред. Превращенный в дун-мага силв... связан с тем колдуном, который его совратил. Наделив свою жертву скверной, Мортред должен только подождать, пока она явится к нему — явится по собственной воле. Так мне еще на косе Гортан говорила Флейм — она чувствовала эту отвратительную связь.

— И ты думаешь, что именно это с ней и происходит сейчас?

— Не знаю. Она больше не заражена дун-магией — меня в этом уверяли все, включая советника Датрика с островов Хранителей. Но может быть... может быть, что-то все-таки осталось. Может быть, поэтому ей так не терпится снова встретиться с Мортредом.

— Ты обладаешь Взглядом — по крайней мере ты мне так говорила. Разве ты не разглядела бы дун-магию, если бы она все еще сохранялась в Флейм?

Блейз остановилась и задумчиво посмотрела на меня.

— Должна бы разглядеть, но я не улавливаю ничего, за что можно было бы ухватиться. Теперь багрового отсвета на ней нет... но ведь и мои возможности ограничены: я даже не смог-

ла определить, родится ли у беременной женщины ребенок-силв.

Ее слова меня заинтересовали, так что Блейз рассказала мне о хранительнице Маллани, которая обращалась к ней в надежде выяснить, будет ли силвом ее ребенок.

— Странно, — сказала Блейз, закончив рассказ, — плацента была такого насыщенного цвета, что скорее походила на полную дун-магией... Может быть, младенец стал силвом только во время родов — получив всю ту силв-магию, что содержалась в плаценте... или я просто не смогла ничего узнать о ребенке, пока он еще оставался в теле матери.

— Так, может быть, твой Взгляд не так уж много видит?

— Ох, заткнись, Гилфитер! Я уж думала, нам удалось убедить тебя в том, что на свете существует не только наука и математические закономерности. Когда наконец ты соизволишь признать реальность магии?

— Наверное, тогда же, когда перестану оплакивать потерю своего дома и семьи, свою разрушенную жизнь.

Это заставило Блейз умолкнуть. Мы в упор смотрели друг на друга в мрачном молчании; наконец я сказал:

— Похоже, вам предстоит задержаться здесь на некоторое время, пока мы дожидаемся пакетбота, — вот у Флейм и появится возможность набраться сил. Только разве ты не говорила, что магия Флейм бессильна против злого колдуна? Что он слишком могуществен? Так как ты рассчитываешь победить его? — Я все еще, конечно, не верил в то, что они рассказывали мне насчет магии, но узнать о планах Блейз мне было интересно.

— У нее не получалось установить защиту, но иллюзиям он верил... К тому же Мортред и в самом деле ослабел. Я надеюсь, что на восстановление сил ему потребуется много времени, хотя рассчитывать на это и не следует. Чем скорее мы нападем на него, тем лучше. Может быть, поэтому Флейм так спешит, не считаясь со своей слабостью. Все, что нам нужно, — это созданная ею иллюзия, которая позволила бы мне подобраться достаточно близко, а там уж меч меня не подведет... только нужно, чтобы Флейм была сильной. Мелкая уловка — вроде призрачной руки — дается ей легко, но скрыть нас, и к тому же на долгое время, — дело другое, это требует много сил.

Должно быть, у меня на лице был написан скептицизм, потому что Блейз сочла нужным добавить:

— Похоже, придется рассказать тебе всю историю наших несчастий.

— Да ничего ты не должна мне рассказывать, — нетерпеливо оборвал я ее. — Через неделю или около того мы сядем на пакетбот, а еще через неделю высадимся в Амкабрейге, после чего едва ли когда-нибудь увидимся. Меня, кстати, это вполне устроит.

— Не слишком-то ты любезен.

— Любезен! Не многого ли ты от меня хочешь? Если бы не вы, я смог бы вернуться из Мекатехевена без кучи стражников, повисших у меня на хвосте! Я все еще мог бы оставаться со своей семьей и жить на Небесной равнине... — Я постарался не давать волю своей тоске и взялся за бобы. Они оказались вкусными.

— И все-таки я тебе расскажу нашу историю, хочешь ты слушать или нет.

Я пожал плечами.

— Валяй. Хоть поразвлекусь, все равно заняться нечем.

— Настоящее имя Флейм, — начала Блейз, — Лиссал. Она Дева Замка с Цирказе...

Я как раз подцепил вилкой боб и собирался отправить его в рот, когда она это сказала. Я уронил вилку на тарелку и с разинутым ртом уставился на Блейз.

— Наследница престола?

— Ты же можешь определить, — усмехнулась Блейз, — правду ли я говорю. — Она подошла и уселась на постели рядом со мной. — Я собираюсь рассказать тебе, кто я такая и кем была — вообще все о нас и о том, почему мы выслеживаем злого колдуна... — За этим последовала история их приключений на косе Гортан.

Странная это была история. Выходило, что Флейм с помощью Руарта сбежала с Цирказе, потому что отец собирался выдать ее за властителя Брета. Хранители старались устроить этот брак, чтобы угодить монархам и Брета, и Цирказе, — ради получения торговых привилегий. Как ни странно это звучало, получалось, что все это было затеяно ради приобретения ингредиентов для черного порошка, который хранители использовали, чтобы стрелять из пушек — оружия, которое недавно изобрели. Хранители, и особенно советник Датрик, так стремились найти Флейм, что устроили на нее настоящую охоту.

И в качестве охотницы они выбрали Блейз.

Одновременно Датрик разыскивал дун-мага по имени Мортред и тех силвов, которых тот похитил и обратил в подобных себе. Преследователи и преследуемые встретились на косе Гортан. Там Флейм случайно привлекла к себе внимание Мортреда. Она была похищена, изнасилована, а потом лишилась руки, чтобы избавиться от дун-скверны. Ей на помощь пришли Блейз и менодианский патриарх по имени Тор Райдер, но и сами попали в беду. Вот тут-то и появилась гхемф Эйлса — с ее помощью Блейз удалось освободиться, но сама Эйлса погибла.

Вскоре после этого два корабля хранителей атаковали деревню Крид, прибежище Мортреда и его подручных на косе Гортан. Самому злодею и его приспешнику Домино удалось бежать в Гортанскую Пристань на уцелевшем морском пони; там они захватили «Свободу хранителей» — корабль, на котором только что прибыли подкрепления для Датрика — и заставили команду доставить их на Мекате.

Тем временем Блейз привела в ярость Датрика, отняв у него Флейм, и две женщины следом за Мортредом отправились на Мекате.

Мне приходилось поверить в услышанное... точнее, поверить в то, что Блейз считала все это правдой. Обмана я не чуял, хотя и догадывался, что кое о чем она умолчала. Блейз ни слова не сказала о своих чувствах к наделенному Взглядом патриарху Тору Райдеру... о них я узнал много позже. Когда Блейз закончила рассказ, уже давно наступила полночь.

Я молча обдумывал то, что услышал. Блейз не стала требовать, чтобы я немедленно высказал свое мнение, как поступили бы на ее месте большинство женщин; она просто отошла к окну и стала глядеть в темноту.

— Откуда ты узнала, что дун-маг отправился на Мекате? — спросил я.

— Он допустил промах — сказал Флейм, что у него здесь еще один опорный пункт. Поскольку Крид был стерт с лица земли, казалось логичным, что он постарается скрыться там. «Свобода хранителей» даже побывала в Мекатехевене, чтобы пополнить припасы. К тому времени, когда мы добрались до порта с мыса Кан, корабль уже покинул гавань. Местный купец, обладающий Взглядом, сообщил властям, что и корабль, и команда просто залиты багрянцем дун-магии, да только на-

чальник порта оказался идиотом, и пока он мямлил, «Свобода хранителей» уплыла. Тогда-то мы с Флейм и решили обратиться к гхемфам... но не успели, вляпавшись в неприятности с фелианским жрецом.

— Значит, — сказал я, — ты обрела врага в лице советника с островов Хранителей. Разве это не создаст тебе проблем в будущем?

— Да. Сир-силв Ансор Датрик не прощает обид, а в Ступице его влияние велико. А уж связи... Его жена, мерзкая сучка, происходит из одной из самых знатных семей силвов.

— Судя по твоему рассказу, он не слишком умен. Почему он не приставил к Флейм охрану?

Блейз отвернулась от окна, ухмыляясь.

— Потому что думал, будто я уже покинула косу Гортан вместе с Тором Райдером.

— Что ж, признаю: ты рассказала мне занятную историю.

— Хорошо ее обдумай, Гилфитер. А теперь спокойной ночи. Уже поздно.

После ее ухода я долго не мог уснуть. Я лежал, глядя в потолок, и пытался решить, что в словах Блейз соответствовало действительности и что было самообманом. Язвы, вызванные дун-магией, например... Не были ли они какой-то разновидностью гангрены? Может быть, этот Мортред узнал способ заражать людей, а люди менялись просто под влиянием болезни? Да еще и история о младенце, который родился у женщины-силва на корабле хранителей... может быть, инфекция передалась ребенку от матери? Мне показалось интересным то, что Блейз говорила насчет цвета «магии». Ну а магическая защита... Что она собой представляет — сеть из лучей света, непреодолимая для Флейм? Не была ли она загипнотизирована — сначала Мортредом в Гортанской Пристани, а потом Датриком на борту его корабля? Некоторые врачи на Небесной равнине пользуются внушением, чтобы облегчить боль, и я знал, что такой способ бывает чрезвычайно эффективным. И если сильный гипнотизер скажет, что установил магическую защиту, тогда те, кто подвергся внушению, не смогут ее преодолеть.

Должно же быть всему этому рациональное объяснение! Мир, несомненно, полон чудес — разве я, житель Небесной равнины, мог в этом усомниться! — только делает его таким

удивительным Сотворение, а не заклинания. Чтобы объяснить невероятное, нужно просто обнаружить логику за всеми мелкими чудесами, из которых и состоит жизнь.

И все-таки уснуть мне долго не удавалось.

Суета на причалах Лекенбрейга никогда не прекращается. Днем и ночью причаливают корабли, тут же начинается погрузка, по берегу тянется непрерывная вереница повозок, грузчиков с тюками на спине, матросов. Этого, конечно, следовало ожидать: одна оконечность Мекате отделяется от другой крутыми обрывистыми скалами, а каждая бухта от соседней — непроходимым тропическим лесом, болотами, мангровыми зарослями. Самый легкий способ попасть из одного селения в другое или переправить свои товары — по морю.

Торговые суда и пакетботы кружат вокруг Мекате и по часовой стрелке, и против. Из Лекенбрейга ведется торговля с другими островными государствами — архипелагом Ксолкас, островом Брет, Ступицей на островах Хранителей. Кроме того, там полно рыбацких суденышек: для всех островитян или по крайней мере жителей побережья дары моря — повседневная пища.

Как только выяснилось, какая бурная деловая жизнь кипит в порту, Флейм принялась искать торговый корабль, на котором мы смогли бы добраться до Амкабрейга, города на южном берегу Порфа, не дожидаясь пакетбота.

— Ведь Блейз, — сказала она мне, не стесняясь присутствия подруги, — станет злой, как голодная акула, если ей придется ждать в этой дыре неделю или две.

— Что ж, терпение — не самая сильная моя добродетель, — согласилась Блейз. — Так что всем будет лучше, если наша затея удастся.

На следующий день они обе ушли из гостиницы, прихватив с собой Следопыта: притворились мужем и женой, прогуливающими собачку. Руарт тоже улетел, сообщив, что попытается найти других птиц-дастелцев. Как я понял, жители Дастел расселились после того, как их острова ушли на дно, по всем архипелагам, и теперь их потомков можно было встретить повсюду. Руарт надеялся, что в Лекенбрейге тоже живет стая, и если это так, он сможет многое узнать от своих соплеменников.

Я остался в своей каморке, дожидаясь, пока все они вернутся. Из тех снадобий, что у меня были с собой, я приготовил тоник для Флейм, а потом занялся тем, что стал записывать все, что успел узнать о птичьем языке дастелцев. Закончив дела, я сел у окна и принялся смотреть на упорядоченный хаос разгрузки и погрузки товаров на корабли. Меня очаровали паруса местных суденышек: они были разноцветными, сплетенными из алых и золотых, бирюзовых и пурпурных широких полос. Я и раньше несколько раз видел такие, но больше привык к серой парусине, изготовленной из пеньки или льна с острова Фен.

К полудню все вернулись в гостиницу, но успеха добился один только Руарт: он нашел небольшую группу своих соплеменников. «Компания озорников, — сказал он о них, — но помочь товарищу будут только рады». Блейз же принесла огорчительную новость: ни один из капитанов торговых кораблей не согласился взять нас на борт.

— Но почему? — спросил я за обедом, когда все мы собрались в зале гостиницы. — Мы же готовы заплатить!

— Никто ничего не хотел объяснять, — ответила Блейз. — В конце концов только Руарту удалось с помощью своих новых друзей-дастелцев выяснить, в чем тут дело. Все пакетботы, включая те, что совершают рейсы вокруг Мекате, принадлежат одной большой семье Дендриди. Как ты понимаешь, это чрезвычайно богатое семейство. Все его члены менодиане и в большой милости у повелителя, так что им даже удалось протащить закон, запрещающий любым другим судам брать на борт пассажиров. У нарушителя могут конфисковать его корабль, а капитану — запретить выходить в море. Ясное дело: поэтому мне и не удалось найти никого, кто захотел бы рискнуть. Уж очень опасно наступать на мозоль семейству Дендриди.

Руарт зачирикал, но так быстро, что ни я, ни Блейз не смогли уследить за его словами.

— Вы поняли, что он сказал? — спросила Флейм, когда птичка умолкла.

Мы с Блейз покачали головами.

— Он говорит, что смог бы уговорить парочку молодых соотечественников отправиться на снастях торгового корабля на Порф, особенно если мы сумеем спрятать для них где-нибудь на палубе запас зерен. Попав на Порф, они смогут начать

выслеживать дун-мага, а потом, когда мы доберемся до Амкабрейга, все нам доложить.

Блейз приободрилась.

— Они и правда возьмутся за такое?

— Дастелцы ненавидят дун-магов, — просто сказал Руарт и, если я правильно понял его пантомиму, добавил: — И особенно — этого: понятно почему. Если здешние ребята не захотят, я отправлюсь сам. — Флейм недовольно поморщилась, но ей хватило ума промолчать. Думаю, Руарту не понравилось бы, если бы она стала указывать ему, что он может и чего не может делать.

— Прекрасно, — сказала Блейз. — Это нам очень помогло бы. Нужно только, чтобы хотя бы один из них обладал Взглядом: иначе слишком опасно.

— Если все действительно так, как вы думаете, — сказал я, тщательно подбирая слова, — Мортред наверняка знает, что жители Дастел стали птицами, — это же результат его собственного проклятия. — Даже если бы я все-таки поверил в магию, насчет этого я все равно продолжал бы сомневаться. Дастелы исчезли больше девяноста лет назад, а значит, Мортреду должно было бы быть больше ста... Однако сейчас я не стал говорить о такой странности. — Так разве появление этих птичек не вызовет его подозрений?

— Он знает, что дастелцы-люди превратились в птиц, — сказала Флейм, — но вряд ли ему известно, что их потомки тоже разумны. Это секрет, который тщательно охраняется. Поскорее доедай свой обед, — добавила она, — мне становится трудно поддерживать иллюзию, а объяснить неожиданное изменение нашей внешности было бы трудно.

Когда мы все поднялись из-за стола, Блейз тихо сказала:

— Нам еще больше недели ждать пакетбот и, боюсь, придется по большей части сидеть по своим комнатам. Не годится утомлять Флейм, а выйти в своем настоящем виде мы не можем. Надеюсь, ты не слишком заскучаешь, Гилфитер.

— Переживу. — Я не стал объяснять, что меня мучила не скука, а необходимость постоянно выдерживать пытку, которой подвергался мой нос... и сознание того, что на Небесную равнину я никогда не вернусь.

Тремя или четырьмя днями позже в Лекенбрейг явились феллиане — жрецы и стражники — и гвардейцы повелителя. Я

их не видел, но учуял. Ночевали они где-то на другом конце города, а на следующий день принялись методично обыскивать дома. Узнав от меня направление, Руарт отправился на разведку и скоро их обнаружил. Под конец дня он узнал, где наши преследователи остановились: в казарме городской стражи. Хуже того: они еще и привлекли местные силы порядка себе в помощь. Теперь нас разыскивали уже не двадцать человек, а сто семьдесят. Чтобы немного нас подбодрить, Руарт сообщил, что двое птиц-дастелцев готовы отправиться на Порф; более того, тем же вечером туда отплывает судно с грузом канатов для верфей Амкабрейга.

Флейм, сделав себя почти невидимой, пробралась на корабль и за несколько минут попрятала в разных местах запас зерен для наших разведчиков. Когда с началом отлива судно вышло в море, две птички уютно устроились на марсовой площадке.

Утром следующего дня несколько местных стражников явились с обыском в нашу гостиницу. Им, похоже, было уже известно, что трое постояльцев собираются отплыть на следующем пакетботе: у местной стражи были свои источники информации. Хозяин гостиницы поднялся к нам и вежливо сообщил, что городская стража хочет с нами познакомиться и ждет нас в зале. Достаточно было бросить взгляд в окно, чтобы увидеть стражников и на причале: явная мера предосторожности, чтобы не дать нам сбежать.

Блейз восприняла новость совершенно спокойно; я мог только надеяться, что такое же впечатление она произвела и на хозяина гостиницы: он должен был видеть созданную Флейм иллюзию, а я понятия не имел, что она собой представляет. Все, что я мог видеть, был ее вежливый поклон.

— Мы сейчас спустимся, — сказала она; потом, повернувшись к Флейм, попросила: — Подай мне, пожалуйста, куртку, дорогая.

Флейм — в роли супруги Блейз-мужчины — выполнила просьбу; только подала она ей не куртку, а меч. Я просто задохнулся от такой дерзости, но хозяин гостиницы поклонился и спокойно вышел из комнаты. Блейз распахнула перед нами дверь.

— Говори как можно меньше, — шепнула она мне, когда я проходил мимо нее. — Флейм будет трудно скрыть твой акцент.

Я кивнул, хоть и пробормотал себе под нос:

— У вас обеих, должно быть, морская лихорадка.

— Будем надеяться, среди стражников нет обладающих Взглядом, — добавил Руарт, — иначе вы все окажетесь по шею в гуано.

В зале нас дожидались шестеро стражников, а еще несколько околачивались перед гостиницей. Блейз без колебаний спустилась по лестнице, следом за ней шла Флейм, а я немного отстал; Руарт тем временем вспорхнул на балку под потолком. Только в этот момент, увидев его наверху, откуда ему все было видно, я догадался, каким образом Блейз выигрывала тогда в Мекатехевене: проклятая пичужка сообщала ей, какие карты у ее партнеров. Сотворение, что за бесшабашная компания! Неудивительно, что они влипли в неприятности.

— Как я понимаю, ты хотел увидеться с нами, воин? — обратилась Блейз к главному стражнику; в ее голосе прозвучала точно отмеренная доза высокомерия по отношению к нижестоящему и любезности в адрес незнакомца. — Меня зовут Дукрест. Это моя жена Лисс. С нами мой слуга. Что-нибудь не в порядке?

Стражник покачал головой.

— Прости, что потревожил вас, сир-путешественник. Мы ищем беглецов, но вы к ним явно не имеете отношения. Больше мы вас не побеспокоим. — Он поклонился и махнул рукой своим людям. Они двинулись к дверям — все, за исключением самого молодого — щуплого подростка лет четырнадцати. Мы все заметили, каким ошарашенным он выглядел: смотрел на нас, словно у каждого выросла вторая голова. Флейм улыбнулась пареньку.

К счастью, никто из стражников ничего не заметил. Они прошли мимо мальчишки, который все еще стоял, разинув рот, и покинули гостиницу.

Блейз тихо выругалась.

— Он обладает Взглядом? — шепотом спросила Флейм.

Блейз кивнула. Флейм подала знак Руарту, и тот, что-то чирикнув, вылетел следом за парнишкой, когда тот, придя в себя, двинулся следом за остальными.

Я глубоко вздохнул и ощутил то же, что чувствовал по дороге в Лекембрейг, когда Флейм устроила спектакль в селении старателей: то же самое отвращение, боль, чувство, будто творится что-то ужасно неправильное.

— Давайте-ка сядем и закажем выпивку, — как ни в чем не бывало сказала Блейз. — Руарт в случае чего нас предупредит.

Я чуть не подавился словами, пытаясь взять себя в руки, потом выдавил:

— Если паренек обладает Взглядом, не думаешь ли ты, что нам следовало бы бежать?

Блейз покачала головой, села за один из столов и знаком велела принести нам выпивку.

— Мой опыт говорит, что обычно опасность испаряется, если ты не обращаешься в бегство. Попытка скрыться только показывает всем, что дело нечисто и стоит устроить за тобой погоню. Три кружки сидра, пожалуйста. — Последняя фраза предназначалась служанке.

— Ты постепенно привыкнешь к замашкам Блейз, — мягко сказала мне Флейм. — Путешествовать в ее обществе — все равно что ехать на акуле. Пока крепко держишься — все в порядке; ну а если свалишься — тут тебе и конец.

— Это замечательно успокаивает, — проворчал я. — Пока приятели данной акулы будут отгрызать мне ноги, я смогу утешить себя мыслью, что та, на которой я еду, опасности для меня не представляет. — Флейм засмеялась. Я снова сделал глубокий вдох и обнаружил, что отвратительное чувство близости зла наконец исчезло.

Служанка принесла нам сидр, и я уткнулся в свою кружку, страстно желая оказаться где-нибудь в другом месте.

Через двадцать минут Руарт вернулся и подлетел к нашему столу.

— Беспокоиться не о чем, — сообщил он.

— Но ведь парнишка обладает Взглядом, верно? — спросила Блейз.

— О да.

Блейз нахмурилась.

— Едва ли он станет нам сочувствовать. Он же из городской стражи! Почему он не сказал своему начальнику, что мы лжем?

Большую часть ответа Руарта я не понял, и Флейм пришлось переводить. Как выяснилось, Руарт проводил отряд до следующей гостиницы, где тоже был устроен обыск. Все это время мальчишка не разговаривал ни с кем — ни с кем и ни о чем.

— И все-таки я предлагаю смыться, — сказал я. — Прямо сейчас.

— Что ты можешь сказать о мальчишке по его запаху? — спросила меня Блейз.

— Он пах так, словно свалился вниз головой с селвера, — ответил я. — Он был растерян, смущен, запутан. Как только он опомнится, он наверняка что-то предпримет.

— Если мы сейчас уйдем из гостиницы, это сразу же вызовет подозрение, — сохраняя прежнее спокойствие, сказала Блейз. — Мы остаемся.

— Это безрассудство, — стоял я на своем, хоть и восхищался хладнокровием Блейз. Неужели ничто и никогда не может лишить ее самообладания?

— Ничего подобного. Послушай, паренек вряд ли хоть раз в жизни сталкивался с силвом или силв-магией, разве что видел издали хранителей, когда те тут бывали. Он или побоится рассказать о том, что видел, чтобы его не обвинили в фантазиях, или свяжет серебристо-голубую дымку, созданную Флейм, с хранителями. А связываться с хранителями — себе дороже.

Я допил свой сидр.

— Хорошо бы, чтобы ты оказалась права, Блейз. Ведь если ты ошибаешься, у тебя на совести окажется тяжелый груз, когда мы все будем прохлаждаться в феллианской тюрьме.

Флейм фыркнула.

— Не тревожься, Кел. Она, как всегда, рассчитывает, что мои иллюзии вызволят нас из беды. Боюсь, что такова уж моя судьба: вечно спасать эту беспомощную девицу. — Она с усмешкой взглянула на Блейз; та только закатила глаза.

Я поднялся.

— Пойду в свою каморку, и пусть мир разваливается на части, — сказал я кисло. — Руарт, предупреди меня, пожалуйста, когда придет время впадать в панику.

Вернувшись к себе, я перетащил кровать к окну, чтобы можно было, сидя там, следить за входом в гостиницу. Я совершенно искренне ожидал, что стражники вернутся. Вместо этого через три часа я заметил приближающегося парнишку. Он сменил форму городской стражи на обычную одежду и мчался так, словно за ним гнался рассерженный селвер.

«Проклятие! — подумал я. — Вот и начинаются неприятности».

Глава 10
Рассказчик — Келвин

Декан Гринпиндилли родился в бедном домике на сваях на илистом берегу бухты Китаму. В отлив обнажалось дно — серая липкая поверхность, казавшаяся надежной опорой, но готовая поглотить любого, кому хватило бы глупости на нее ступить. Никто никогда не посещал жилище Гринпиндилли иначе, как в прилив на лодке.

Сам домик, выстроенный из плавника, был не намного больше шалаша. Ничего, что можно было бы назвать мебелью, там не имелось, за исключением очага из обожженной глины и бочки для сбора дождевой воды; жилище служило крышкой ловушки для рыбы. В прилив рыба попадала в туннель из вбитых в дно кольев, который заканчивался плетеной ловушкой, расположенной под домиком. Когда вода отступала, отец Декана, Болчар, спускался по лесенке и вылавливал добычу из жидкой грязи. Мать Декана потрошила рыбу и солила и сушила то, что не съедали члены семьи. Раз в месяц Болчар на лодке отправлялся на берег, чтобы набрать дров для очага и обменять в деревне соленую рыбу на овощи, старую одежду или еще что-нибудь.

В первые семь лет жизни Декан, или Дек, как его называли родители, ничего другого, кроме своего домика, не видел. Он помогал матери выпаривать соль из морской воды и вялить рыбу, раскладывая выпотрошенные тушки на солнце; в его обязанности входило убирать их перед дождем. Вся жизнь Дека заключалась в попытках увернуться от вечно недовольного сварливого отца — что было нелегко, поскольку убежать было некуда, — и в чудесных историях, которые рассказывала мать.

Когда мальчику исполнилось семь, отец в первый раз взял его на берег. Деку, впрочем, не удалось насладиться гостеприимством жителей деревни: Болчар заставил его собирать плавник на берегу. С тех пор Дек каждый раз сопровождал отца, и обеспечение семейства дровами стало его обязанностью. Сколько бы выброшенных на берег деревяшек он ни натаскал, отец никогда не бывал доволен, и дело всегда кончалось оплеухами.

Посетители в домике на сваях были редкостью: отец и мать Дека не имели ни родных, ни друзей. Раз или два в год неожиданно налетевший шквал заставлял какое-нибудь суденышко искать укрытия рядом с жилищем семьи Дека, и тогда рыбаки, вскарабкавшись по лесенке, рассаживались на полу, чтобы переждать непогоду. Мать Дека угощала их горячим питьем из водорослей, а отец заводил разговор о том, каким малым стал улов.

Такая жизнь совсем не подходила для подрастающего мальчишки, но узнал об этом Дек только потому, что мать его была сказительницей.

Звали ее Иния. Когда-то ее называли сир-Иния Гринпиндилли. Когда-то она была хорошенькой младшей дочерью любящих родителей. Ее отец был купцом из Мекатехевена; обладая Взглядом, он вел прибыльную торговлю с силвами: закупал полотно у хранителей, имевших ткацкое производство на Брете.

Иния была изнеженным и избалованным ребенком; любимым ее занятием было сидеть на площади перед домом и слушать рассказы профессиональных сказителей. Если бы все шло как положено, она вышла бы замуж за сына кого-нибудь из компаньонов отца, жила бы в богатом доме по соседству с родителями и растила бы собственных детей. Отец, впрочем, не спешил с замужеством младшей и любимой дочки, да и ей жизнь в родительском доме нравилась. Когда Инии исполнилось девятнадцать, она стала приставать к отцу, чтобы он взял ее с собой, когда в следующий раз отправится на Брет: ей страшно хотелось побывать в другом островном государстве, испытать приключение. Отец был рад угодить девушке, и они вместе отправились на принадлежавшем семейству торговом судне на Брет. Сначала путешествие было вполне благополучным: обогнув мыс Кин, капитан взял курс на запад вдоль берега Мекате. Однако к северу от бухты Минкан на мореходов обрушился необычный для этого времени года шторм, корабль лишился мачт и стал беспомощной игрушкой ветра и течений.

В конце концов его выбросило на скалы у северной оконечности бухты Китаму. Иния в это время находилась в своей каюте; когда корпус судна разломился, ее выбросило в воду. Девушка сильно пострадала: ей рассекло щеку, колено оказалось раздроблено. Грозные волны швыряли доску, за которую она уцепилась, пока не вынесли на мелководье. Там Инию на

следующий день и нашел Болчар, возвращавшийся на своем ялике из деревни. Он отвез девушку в свой домик на сваях — и уже больше не отпустил.

Сначала все было просто. Израненная Иния страдала от боли и потери крови. Она металась в бреду на подстилке из водорослей, с трудом ела рыбный суп, которым ее кормил Болчар, — ее губы, как и щека, были разорваны. Даже и поправившись, Иния долго не могла говорить: прошли месяцы, прежде чем она смогла вымолвить хоть слово, да и то речь ее оставалась искаженной. Колену Инии уже ничто не могло помочь, и ей до конца жизни приходилось волочить за собой изуродованную ногу. Когда наконец Иния поднялась с подстилки и оглядела мир, в котором ей теперь предстояло жить, она расплакалась. Она уже не раз замечала жадный блеск в глазах Болчара и знала, что ее ждет. Она поняла, что не сможет никогда покинуть домик на сваях.

Сопротивляться было бесполезно: Болчар был достаточно силен, чтобы делать с ее телом, что пожелает. Если Иния подчинялась, он ее хотя бы не бил. А когда родился Дек, Болчар получил дополнительный рычаг, чтобы управлять ею: достаточно было замахнуться на ребенка, и Иния соглашалась на все, лишь бы умиротворить Болчара.

Зеркала, чтобы разглядеть свое лицо, у нее не было, но Иния ловила взгляды рыбаков, изредка посещавших дом на сваях; она видела, как раздражают их ее попытки заставить понять ее неразборчивую речь. Однажды она услышала, как ее со смехом назвали полоумной женой местного сумасшедшего. Даже если бы ей удалось бежать, что бы с ней стало? У нее будущего не было, но сыну она хотела дать хоть что-нибудь...

Иния жила ради Дека. Она твердо решила, что, когда он подрастет достаточно, чтобы уметь позаботиться о себе, он начнет новую жизнь. Ее рассказы, которые так охотно слушал малыш, должны были подготовить его к существованию в мире, который не ограничивался бухтой Китаму, — Иния описывала сыну свою прежнюю жизнь, свою семью, торговые династии Мекатехевена. Пересказывала она и пересуды о политике, услышанные за обеденным столом в отцовском доме, и легенды о приключениях и чудесах, которые слышала в юности от профессиональных сказителей, — все, что могла вспомнить.

Дек впитывал эти рассказы как губка. Если ему иногда бывало трудно отделить правду от вымысла, винить его в этом не приходилось: ведь своими глазами он мало что видел. Он даже не знал, что обладает Взглядом, — никаких магов, ни добрых, ни злых, в бухте Китаму не водилось.

Когда Деку исполнилось двенадцать, Иния велела ему бежать, когда в следующий раз он отправится с отцом на берег. Она велела ему добраться до Мекатехевена, до ее родных. Дек отказался покинуть ее. Каждый раз, когда мальчик отправлялся на берег, Иния шептала ему одно и то же, и каждый раз он возвращался. Потом, когда ему уже почти сравнялось четырнадцать, вернувшись с берега, он не обнаружил матери. Она исчезла. Не осталось никаких следов того, что с ней случилось.

Деку и не было нужды их искать. Он знал. После того как они с Болчаром уплыли, начался отлив, оставив за собой серую грязь, достаточно глубокую, чтобы в ней мог утонуть высокий мужчина... и уж тем более женщина, выпрыгнувшая из окна дома на сваях.

И он знал, почему Иния это сделала: только так она могла заставить его покинуть бухту Китаму.

Дека терзало раскаяние, но еще более сильной была пылавшая в нем ненависть. В следующий раз, когда они с Болчаром отправились в ялике на берег, Дек оглушил отца веслом и утопил его. Жалел он только об одном: что не сделал этого раньше, когда еще можно было спасти мать. Он отправился в прибрежную деревню и сообщил старосте, что Иния упала в воду, Болчар прыгнул следом, чтобы ей помочь, и оба они утонули. Дек предложил жителям деревни свой ялик, дом на сваях и главную ценность — ловушку для рыбы — в обмен на плату за проезд до ближайшего города. Им оказался Лекенбрейг.

Лекенбрейг поразил мальчика. Сколько ни описывала ему Иния городскую жизнь, он оказался не готов даже к самым первым впечатлениям. Шум и суета, размер зданий — зданий, выстроенных из камня! — толпы народа, разнообразие красок и запахов — все это заставляло Дека дрожать.

Он последовал совету рыбака, который привез его в Лекенбрейг, и обратился за помощью к городской страже. Начальник стражников оказался добрым человеком, отцом сына примерно одних лет с Деком. Он выслушал паренька и взял

его под опеку; к счастью, Деку хватило сообразительности придерживаться той же версии гибели родителей, что и рассказанная им деревенскому старосте. Была предпринята попытка разыскать семью Инии в Мекатехевене, а тем временем Дек поселился в казарме и сделался любимой забавой стражников. Как можно было не подшутить над мальчишкой, который не знал, как разбить яйцо или на что нужны деньги, который никогда не сидел на стуле, не пил из бутылки и не доставал воду из колодца, не носил башмаков, не гладил собаку и не слышал, как мурлычет кошка! Стражники не были злыми людьми, но от их бесконечных насмешек Деку приходилось несладко. Парнишка научился глуповато улыбаться в надежде, что стражникам надоест потешаться над его невежеством.

Со временем пришел ответ из Мекатехевена. С тех пор как разбился корабль и пропали Иния и ее отец, минуло семнадцать лет, и старший брат Инии, который теперь возглавлял семейное дело, хоть и признавал, что осиротевший мальчишка вполне может быть его племянником, не видел смысла в его прибытии в Мекатехевен. Впрочем, купец был человек щедрый. Он предложил оплатить обучение Дека, чтобы тот со временем смог поступить в городскую стражу, и прислал денег на приобретение одежды и других необходимых вещей.

Начальник стражников посоветовал Деку принять это предложение. «Твой дядя не обязан тебя содержать, — говорил он. — Может быть, твоя матушка и могла рассчитывать на часть наследства, но ты же не можешь доказать, что ты ее сын, да и в любом случае ты незаконнорожденный. Лучше возьми деньги и сделайся стражником, как он предлагает».

Дек был слишком неопытен, чтобы разбираться в людях. За всю свою жизнь он близко знал всего двух человек: отца, который его регулярно бил и никогда не проявлял к нему ни малейшей привязанности, и мать, которая из любви к нему не побоялась умереть. Дек ничего не знал о людях, чье отношение к нему лежит между этими крайностями, но что-то говорило ему, что начальник стражников к нему расположен. Он решил последовать его совету и вступить в городскую стражу; в память о матери Дек взял фамилию Гринпиндилли.

Первый год службы показался Деку нескончаемым: ему приходилось терпеть бесконечные розыгрыши. Постепенно,

впрочем, он научился верить не всему, что ему говорили, и узнал достаточно о том новом мире, в котором теперь жил, чтобы стать его частью.

На том, однако, проблемы Дека не кончились. Одно дело — быть четырнадцатилетним учеником, и другое — стать стражником, макушка которого не доставала до верхней пуговицы на мундирах остальных: за тот год, что Дек прожил в городе, он ничуть не вырос. Хотя сытная еда позволила ему немного набрать вес, а постоянные упражнения сделали мышцы сильными, Дек просто не имел такого сложения, которое требовалось для службы в городской страже. Начальник согласился подождать еще немного, но всем было ясно: если Дек в самое ближайшее время не вырастет, ему придется искать другое занятие.

Вот так обстояли дела, когда стражникам приказали заняться поисками беглых преступников: полукровки, вооруженной мечом, рыжего веснушчатого горца с Небесной равнины и белокурой красавицы-цирказеанки.

Когда Дек вошел в зал гостиницы, где, как было известно, остановились трое путешественников, купивших билеты на пакетбот, отправляющийся на Порф, все, казалось, должно было ограничиться рутинным допросом. Не было никаких подозрений насчет того, что эти трое как раз и окажутся беглецами, так что Дек ужасно удивился, увидев перед собой именно тех, кого стражникам велели ловить, — полукровку, горца и цирказеанку. Более того, полукровка сжимала рукоять меча с таким видом, словно очень хорошо знала, как им пользоваться.

— Как я понимаю, ты хотел увидеться с нами, воин? — сказала она. — Меня зовут Дукрест. Это моя жена Лисс. С нами мой слуга. Что-нибудь не в порядке?

Дек вытаращил глаза. Полукровка притворялась мужчиной, и никто не замечал обмана! У парнишки отвалилась челюсть.

Бендер, стражник, командовавший патрулем, поклонился.

— Прости, что потревожил вас, сир-путешественник. Мы ищем беглецов, но вы к ним явно не имеете отношения. Больше мы вас не побеспокоим, — сказал он и махнул рукой в сторону двери.

Дек был не в силах пошевелиться. Он видел серебристо-голубые отсветы, игравшие на всех троих незнакомцах. Это было очень красиво: сияние трепетало и меняло оттенки. «Это

силв-магия», — подумал Дек. Так об этом рассказывала ему его мать.

Дек знал, что должен был бы доложить об увиденном Бендеру, но тут высокая женщина посмотрела на него — посмотрела прямо ему в глаза — и улыбнулась. Дек ощутил незнакомое раньше чувство — чувство узнавания; полукровка словно сказала ему:

— Мы с тобой родня, паренек, ты и я. — Ее скрывала силвмагия, но Дек знал, что колдунья — не она. Она была одной из обладающих Взглядом.

И он обладал Взглядом тоже.

Все еще в состоянии шока, Дек повернулся и вышел следом за остальными из гостиницы. Весь остаток дня он сопровождал Бендера и его людей, но мысли его были далеко. Он пытался вспомнить все, что мог, из рассказов матери о силвмагах и обладающих Взглядом. Обладающих Взглядом она называла «своим народом», а силвами восхищалась; она всегда жалела, что не обладает их талантами...

— Тогда бы я ни за что тут не осталась, — говорила она Деку. — Я могла бы в любой момент, как только пожелала бы, бежать отсюда...

Деку совсем не нравилась мысль о том, что он мог бы выдать обладающую Взглядом или силва, а в друзьях он отчаянно нуждался. Когда стражники вернулись в казарму, Дек незаметно переоделся в обычную одежду и побежал в гостиницу. Какая-то часть его души дрожала от страха, как илистый прыгун в клюве у цапли: Дек знал, что силвы — могущественные маги, обладающие нешуточной властью, но, с другой стороны, Дек испытывал приятное волнение от того, что он — один из обладающих Взглядом и сейчас встретит кого-то из своего народа. Он ведь до сегодняшнего дня и не знал, что обладает Взглядом! Деку никак не удавалось унять дрожь.

Как только я увидел, что паренек направляется к гостинице, я постучал в дверь комнаты Блейз и Флейм.

— Мальчишка идет к нам, — сообщил я им.

— Так я и думала, — сказала Блейз. — Создай иллюзию, Флейм.

Превратившись в мужчину, полукровка вышла на лестничную площадку.

Парнишка, войдя в гостиницу, сразу двинулся к лестнице, но тут раздался бас хозяина:

— Постой-ка! Куда это ты собрался?

Блейз, стоя на площадке, перебила его:

— Все в порядке, хозяин. Этот паренек — к нам. — Она ободряюще улыбнулась, и Дек поднялся по лестнице.

Заглянув в дверь комнаты, он обвел взглядом нас всех. Наконец парнишка с запозданием сообразил снять шапку и начал вертеть ее в руках.

— Меня зовут Дек... то есть Декан Гринпиндилли.

Блейз поманила его внутрь.

— Заходи, Декан. Я — Блейз Полукровка. Вон там сидит Флейм Виндрайдер, а рыжий лохматый горец — это Келвин Гилфитер. — Представлять Руарта она не стала — намеренно, как я понял. — Ты хотел увидеться с кем-то из нас?

— Ты обладаешь Взглядом, — без предисловий сказал Дек. — Я тоже. — Парнишка взглянул на Флейм. — А ты — силв.

— Возможно, — кивнула Блейз. — Ну и что из этого?

— Вы те самые преступники, которых ищут. Я ничего никому не сказал.

— Спасибо, — серьезно сказала ему Блейз.

Последовало молчание. Паренек все вертел в руках шапку и переступал с ноги на ногу.

Флейм пожалела бедолагу.

— Проходи и садись, Декан. — Она похлопала по постели рядом с собой. — Ты смело поступил, придя сюда к нам. Откуда ты знал, что мы тебя не заколдуем?

— Ты не можешь этого сделать, — уверенно ответил Дек. — Я ведь обладаю Взглядом. Да и вообще мама говорила, что силвы — хорошие.

Блейз презрительно фыркнула.

— Силвы, мой мальчик, по большей части бесчестные и жестокие лицемеры, которым нельзя верить ни на грош. Впрочем, некоторые из них мне нравятся.

Флейм кинула на нее сердитый взгляд и снова обратилась к Деку:

— Лучше расскажи нам, паренек, чего ты хочешь.

— Я хочу отправиться с вами. Меня вот-вот выгонят из городской стражи, потому что я ростом не вышел. Я хочу вместе с вами сражаться с дун-магами.

Мы все растерялись, услышав такое.

— Почему ты решил, что мы собираемся сражаться с дун-магами? — спросила Флейм.

— Потому что именно это делают силвы и обладающие Взглядом, — уверенно ответил Дек.

— Э-э... — смущенно протянула Флейм, — не всегда... Ладно, Дек, давай начнем сначала: расскажи-ка нам о себе. Кто ты и откуда взялся?

Вот тут-то Дек и рассказал нам свою историю, которую я только что пересказал.

Когда паренек закончил, Блейз, подняв брови, бросила на меня вопросительный взгляд. Я знал, что ее интересует.

— Пахнет правдой, — ответил я на ее безмолвный вопрос. — Мальчишка ничего не выдумал.

Блейз подняла брови еще выше.

— Даже и?.. — Ее интересовало, почему Дек так небрежно упомянул о том, что убил своего отца. По правде сказать, меня тоже шокировало это равнодушное признание в отцеубийстве. Мальчишка мог спокойно промолчать об этом: никто бы его не выдал, ведь старосте деревни и городской страже он рассказал совсем другую историю.

В конце концов я пожал плечами.

— На пареньке нет вины. Болчар похитил и изнасиловал его мать, бил и унижал их обоих. Дек видит в этом убийстве просто справедливое возмездие, правосудие.

— И почему же ты хочешь сражаться с дун-магами? — спросила мальчишку Блейз.

— Мама говорила мне, что обладающие Взглядом должны это делать.

— Но сама-то она не сражалась.

— Так это потому, что отец ее похитил. Иначе она тоже стала бы.

— Хорошо, — кивнула Блейз. — Вот что я тебе скажу: мы и в самом деле собираемся сражаться с дун-магами. Ты слышал что-нибудь об их поселении на Порфе?

— В казарме иногда об этом говорили. Рассказывали, что раньше было опасно приближаться к городу... забыл, как он называется... но потом явились хранители, и их силвы навели там порядок. Только это было давно... наверное, несколько лет назад, когда меня еще здесь не было.

Блейз хмыкнула. Потом я узнал, что это она очистила Порф от дун-магов по приказанию хранителей.

— А потом? Недавно ничего слышно не было? — спросила она.

Дек покачал головой.

— Если что-то и случилось совсем недавно, мы ничего не узнаем, пока не вернется пакетбот. Так могу я отправиться с вами?

— Слишком опасно, — сказала Флейм. — Тебе сначала следовало бы вырасти и стать настоящим воином.

— Я никогда не стану по-настоящему высоким. Но я же обладаю Взглядом! Это же на пользу делу, верно?

— У дун-магов есть множество способов расправиться с человеком, — сказала Блейз, — не обязательно с помощью магии — и уж тогда Взгляд тебе не поможет. Наоборот, ты можешь оказаться в проигрыше: если тебя ранят, силв не сможет тебя исцелить, как исцелил бы обычного человека.

— Я не боюсь.

— А следовало бы.

— Ох...

Дек приуныл, и губы у него задрожали. Однако унывал он недолго.

— Мама рассказывала мне о воине, обладавшем Взглядом... ну, в древние времена. Он созвал на свой остров всех силвов, и они все вместе вылечили его от раны.

Флейм рассмеялась.

— Я знаю это сказание. В нем говорится о правителе острова Чис, жившем лет двести назад. Чис — один из островов Цирказе. Правитель сказал силвам, что если они его не исцелят, то у него еще хватит сил приказать их всех казнить. Говорят, силвы постарались, и правитель выздоровел. Этот человек в самом деле существовал и действительно обладал Взглядом. Мои наставники заставили меня все о нем выучить: он знаменит тем, что изобрел часы с маятником... — Блейз бросила на цирказеанку выразительный взгляд, и та смутилась. — Это всего лишь сказание, Дек. Правитель мог выздороветь и без помощи силвов. А на самом деле дун-маги очень опасны.

— Не знаю, что и делать... Куда-то же мне нужно податься!

— Выполнять приказания ты умеешь? — спросила Блейз.

— Я же учусь на стражника. Мы ничего не делаем, кроме как выполняем приказания.

— Мы купим тебе билет до Порфа и возьмем с собой, — решила Блейз, удивив этим нас с Флейм. — Приходи на причал к отплытию следующего пакетбота. — Блейз велела парнишке вернуться в казарму и следующие несколько дней вести себя как обычно. Не успела дверь за Деком закрыться, как Флейм и Руарт накинулись на Блейз.

— Как ты могла такое сделать! — кричала Флейм. — Ты что, уже забыла, что случилось с Танном? Он остался бы жив, если бы ты не впутала его в свои делишки!

Лицо Блейз помрачнело.

— Да будет проклята Бездна, Флейм, неужели ты думаешь, что случившееся с Танном ничему меня не научило? Я пытаюсь помочь этому мальчику, а не убить его!

— Блейз права, Флейм, — вмешался я. — Если бы она не пообещала взять парня с собой, он отправился бы на Порф самостоятельно и скорее всего влип в неприятности.

— Как ты можешь это знать!

— Такое намерение было просто написано у него на лице, а уж запах чувствовался как от котла с горячим дегтем на причале. — Меня больше интересовало другое: как Блейз, не обладая моим нюхом, все поняла. Иногда эта женщина слишком хорошо разбиралась в людях...

Флейм только шмыгнула носом.

Руарт принялся хлопать крыльями и чирикать.

— Полезный у тебя талант, Кел, — перевел я для себя его жесты.

— Слишком полезный, чтобы растрачивать его попусту, — согласилась Блейз. — Ты нам нужен, Гилфитер. Мы не знаем, с чем столкнемся на Порфе, и уж тем более — когда доберемся до Плавучей Заросли. Ты обеспечил бы нам то преимущество, которого нам так не хватает.

— Я врач, — холодно ответил я ей, — а не воин. Я отправляюсь в Амкабрейг и буду дожидаться там, пока Гэрровин не пришлет мне свой сундук со снадобьями. После этого я следующим же пакетботом доберусь до Брета. Если вы рассчитываете, что я сделаю что-то еще, вы себя обманываете.

Я повернулся, чтобы вернуться в свою комнату.

— Я тебя расстроила, — сказала Блейз. — Проклятие, Гилфитер, ты чувствителен, как морской анемон: стоит тебя коснуться, и ты сворачиваешь щупальца.

Я вздохнул.

— Ты права. Послушай, Блейз, я так и не знаю, как мне примириться со смертью, которую я причинил. Не проси меня добавить к ней еще и другие. Ты как-то назвала меня миротворцем. Ты не ошиблась: именно такой я и есть.

Я ушел в свою комнату и закрыл за собой дверь. Меня трясло. Как часто что-нибудь напоминало мне о том моменте, когда камень вылетел из моей руки и положил конец жизни...

Джастрия. Прекрасная, запутавшаяся, беспокойная, невыносимая Джастрия... И убил ее я.

Я прислонился спиной к двери и пожалел, что у меня так мало силы.

Глава 11
Рассказчик — Келвин

На борт пакетбота Следопыта не пустили. Матросы сочли его багажом, который и следует отправить с грузовым судном, за плату, конечно. Блейз приняла это без возражений. Она велела псу вернуться на причал и дважды хлопнула в ладоши. Следопыт, поджав хвост, спрятался между ящиков.

Нам отвели две каюты по левому борту: в одной разместились Флейм и Блейз, в другой — мы с Деком и еще двое пассажиров. Это были изготовители парусов, собиравшиеся закупить на Порфе сырье. Не успел пакетбот войти в порт Лекенбрейга, как Дек явился на причал, сияя в предвкушении приключений. Блейз, которая вовсе не хотела, чтобы бегство одного из городских стражников связывали с нами, распорядилась, чтобы он сразу же отправлялся в каюту и не высовывал оттуда носа. Я заподозрил, что Флейм к тому же укутала его облаком своей магии — знакомое благоухание разлилось в воздухе, — но определенно сказать не мог, и это меня злило. Ну, в одном-то случае без магии точно не обошлось: когда Блейз свистнула и Следопыт, проскользнув по

сходням, спрятался за чьими-то узлами на палубе, а потом следом за Блейз отправился в каюту, никто из матросов и глазом не моргнул.

Я мог допустить, что силвы способны выделять какие-то вещества, вызывающие галлюцинации; но понять, как Флейм управляет тем, что именно видят другие, мне не удавалось. Из услышанных рассказов я заключил, что если с помощью силв-магии человек делался практически невидимым — обычным людям, да и магам тоже, было трудно сосредоточить на нем взгляд, — для обладающих Взглядом он выглядел окутанным голубоватым сиянием. Когда я расспрашивал Флейм о механизме этого явления, ответы ее были туманными — не потому, мне кажется, что она хотела меня обмануть, а потому, что она просто не знала ответа.

— Я сосредоточиваюсь на том, что хочу изменить или скрыть, представляю себе, как все должно выглядеть, и так оно и получается, — сказала мне Флейм. — Нужно только напрячь силы. Мелкие иллюзии вроде наличия у меня руки я могу поддерживать даже во сне. О большинстве других я должна все время думать. Это нелегко. — Она тепло улыбнулась мне. — Это просто магия, Кел. Ты можешь не тревожиться.

Пакетбот перед отплытием тщательно обыскали феллиане, но на нас они не обратили никакого внимания. Я стоял перед ними — шестифутовый рыжий (краска с волос уже смылась) горец, а все, что они могли, похоже, разглядеть, был невзрачный слуга купца-хранителя (Блейз) и его жены (Флейм). Хоть я и отдавал должное ловкости Флейм, все это мне не нравилось.

О первом дне нашего путешествия я мало что помню. Это было мое первое плавание, и как только пакетбот покинул защищенную от ветра бухту, я стал думать, что первый день окажется для меня и последним. Никогда больше я не собирался подвергать себя таким страданиям. Немного позже я решил, что о будущем думать бесполезно: все равно я этого плавания не переживу. Еще немного позже я понял, что и не хочу его пережить... Никогда еще я не чувствовал себя так отвратительно; никогда даже представить себе не мог, что можно себя так отвратительно чувствовать.

Через несколько часов, бесчисленное количество раз опорожнив желудок, я от изнеможения наконец уснул.

Проснувшись утром, я удивился: я не только остался жив, но даже чувствовал себя человеком. Мне удалось подняться на палубу; я был слаб, но снова испытывал интерес к жизни. Блейз и Дек были уже там — они опирались на поручни и болтали, явно весьма довольные друг другом. И они оказались вовсе не единственными пассажирами, наслаждавшимися свежим воздухом: еще человек шесть прогуливались по палубе.

Дек смотрел на Блейз с выражением обожания, несмотря на то что она то и дело развеивала его самые дорогие сердцу фантазии.

— Как зовут твой меч? — услышал я вопрос мальчишки, когда подходил к ним.

— Зовут мой меч? — озадаченно переспросила Блейз.

— Ну да. У него же есть имя? Или это секрет?

— Да просто меч, Дек. С какой стати, ради всех летучих рыб, ему иметь имя?

— Мама говорила мне, что у всех героев были мечи, имевшие имена. Иногда это бывали волшебные имена, и если ты не знал имени меча, то тебе не удавалось вытащить его из ножен...

— Никакого имени у него нет. Ни один из моих сапог не имеет имени, да и пояс тоже... Имя есть только у моей собаки. Наверное, я не тяну на героя. — Заметив меня, Блейз ухмыльнулась. — Рада видеть, что ты все еще жив.

— Я и сам сомневался, что доживу до утра. Как поживает Флейм?

— Отвратительно. Она ни за что не хочет выходить из каюты до прибытия. Как я понимаю, моряк из нее не получится. На морском пони ее, правда, не тошнило, но корабль — другое дело.

— Я загляну к ней попозже, хоть и не знаю, чем мог бы ей помочь. Себе-то я помочь не смог.

— Ну и ужасно же ты выглядел, — сообщил мне Дек. Судя по всему, я произвел на него впечатление тем, как много раз перегибался через борт. Может быть, это даже немного искупало тот факт, что у меня не было меча.

— Если Флейм страдает морской болезнью, — сказал я, — не означает ли это, что мы... э-э... вернули себе свою настоящую внешность?

— Боюсь, что так. Только я не стала бы об этом особенно беспокоиться. Никто из матросов не собирается теперь, когда мы вышли в море, связываться с нами. Самое худшее, что они могут сделать, — сообщить по возвращении в Лекенбрейг, что мы сбежали на этом пакетботе. Впрочем, моряки не любят лезть в такие дела, так что, может быть, и не станут доносить.

Я обдумал ее слова и стал прикидывать, долго ли мне придется дожидаться в Амкабрейге сундука Гэрровина. Наверняка несколько недель, а то и больше. Достаточно долго, чтобы беда меня нашла.

— Пойду-ка я взгляну на Флейм, — сказал я.

Плавание оказалось достаточно спокойным. Некоторые из моряков кидали на нас подозрительные взгляды, но молчали. Следопыт выходил на палубу только ночами, и ему прекрасно удавалось не попадаться никому на глаза. Среди пассажиров ходили, правда, слухи о появлении на борту призрачной собаки, но тем дело и кончилось.

Флейм всю дорогу лежала пластом и даже исхудала. Морская болезнь, похоже, оказалась неприятностью, против которой ее целительство было бессильно. К счастью, ей по крайней мере удавалось удерживать в себе то, что она пила, и мы сумели предотвратить обезвоживание организма.

Дек облазил весь пакетбот: для мальчишки это был просто рай. После того как он почти всю жизнь провел в тесном домишке, даже небольшой корабль казался ему достаточно просторным, а после строгостей в казарме полная свобода была настоящим наслаждением. К тому времени, когда мы причалили в Амкабрейге, он знал пакетбот от клотика до трюма и завел дружбу со всеми членами команды и теми пассажирами, которые снисходили до разговоров с ним.

Руарт большую часть времени проводил с Флейм и приставал ко мне с просьбами придумать, как ей помочь. Когда цирказеанка засыпала, я заставлял его учить меня языку дастелцев. Я старательно занимался: меня очень заинтересовало сочетание телодвижений и звуков, а сама мысль о расе разумных птиц, живущих на всех островах с тех пор, как Дастелы скрылись под водой, меня буквально завораживала. Имей в виду: не всему в этой истории я верил — ну, например, тому, что птицы когда-то были людьми. Я читал, да и рассказы Гэр-

ровина это подтверждают, что мифы обладают странной способностью с течением времени превращаться во мнении людей в реальные события. Калментцы думают, что горы на их островах выплюнул дракон; жители островов Фен считают своими предками морской народ с рыбьими хвостами; островитяне со Спаттов клянутся, что их архипелаг — все, что осталось от третьей луны, упавшей в море. Всем этим россказням я, конечно, тоже не верил.

Блейз много времени проводила на палубе, размахивая своим огромным мечом: она тренировалась, чтобы не утратить своего искусства, как я понимаю. Остальные пассажиры обходили ее стороной и только между собой судачили о бесстыжей потаскухе-полукровке. Должно быть, учителем Блейз был мастер своего дела: я видел, как методично она разрабатывает каждую группу мышц. Как врач я не мог не восхищаться ее превосходной физической формой и теми стараниями, которые она прилагала, чтобы ее сохранить. Я и сам не маленький, я силен и закален, а мои медицинские обязанности на Небесной равнине требовали, чтобы я много разъезжал; и все-таки я скорее наткнулся бы на любой предмет мебели, оказавшийся поблизости, чем проявил ловкость и грацию. Блейз же была быстрой и гибкой и двигалась так плавно, что смотреть на нее было одно удовольствие. Когда я сказал ей об этом, она ответила:

— То, что ты видишь, в моем деле может составить разницу между жизнью и смертью.

— В твоем деле?

Блейз заколебалась: думаю, после того как она оставила службу хранителям, говорить об этом ей было нелегко.

— В разрешении всяких проблем, — сказала она наконец. — Я бродячая искательница приключений. Истребительница дунмагов.

Она сказала это достаточно шутливо, но ее слова что-то задели в моей душе. Я понял, что в некоторых отношениях мы с ней не отличались друг от друга: на нас обоих шла охота, мы оба были бездомными, осужденными на изгнание. Блейз было отказано в праве иметь жилище из-за того, что она была полукровкой; мне запретили возвращаться домой. В этом была своего рода мрачная ирония: она, не смеющая официально оста-

ваться в любом островном государстве больше трех дней, обрекла на скитания и меня.

За время плавания несколько раз возникала надобность в моих медицинских умениях. Я — как и Флейм с ее силв-магией — мало чем мог помочь от морской болезни, но бывали и другие случаи. Ребенок одной пассажирки слег с шестидневной лихорадкой. К счастью, я узнал об этом прежде, чем болезнь распространилась, а в моем мешке оказались необходимые лекарства. Один из матросов свалился с реи и сломал руку. Открытый перелом со смещением не представлял бы для меня проблемы на Небесной равнине, но накладывать шины и зашивать рану в качку было не так легко; все же я мог быть уверен, что мне удалось спасти бедняге руку и даже ее подвижность в будущем. Блейз мужественно помогала мне; вид крови ее не смущал, а мои действия явно интересовали. Она задавала разумные и уместные вопросы, и я не мог не подумать, что из нее получился бы превосходный хирург.

После того как операция была закончена, Блейз задумчиво посмотрела на меня; она явно оказалась вынуждена признать, что совершила в отношении меня ошибку. Я догадывался, что раньше она думала обо мне иначе.

— Чему ты так удивляешься? — раздраженно спросил я, когда мы вышли из кубрика, сделав для больного все, что могли. — Я же, в конце концов, врач.

Блейз хватило совести смутиться. В проходе было темно, и лица ее я не видел, но по запаху понял, как она растеряна.

— Я... Проклятие, Гилфитер... Прости меня. — Она остановилась, а корабль качнуло, так что меня бросило к ней. — Понимаешь, бывает так чертовски трудно находиться рядом с тобой. — Отодвинувшись от меня, она добавила: — Ты слишком много обо всех знаешь. Никак не удается сохранить свои мысли при себе, раз ты все можешь определить по запаху. Ума не приложу, как ты это выдерживаешь... Ты знаешь, какие чувства кто испытывает, знаешь, нравишься ты, или тебя ненавидят, или над тобой смеются... знаешь, какие чувства люди испытывают друг к другу. Это же должно быть ужасно!

— Ко всему привыкаешь. Видишь ли, я ведь никогда не знал другой жизни. Кстати, о чем ты думаешь, мне неизвест-

но, я могу судить только о чувствах. Ты была удивлена — это я ощутил, но почему удивлена, я не знаю.

— Ах, ты вот о чем... Понимаешь, ты такой неуклюжий. Вечно обо все спотыкаешься, все роняешь — а вот тем, как ты действовал, когда вправлял руку, нельзя было не залюбоваться. Каждым движением... Вот я и удивилась. Я как старатель, промывающий песок в пруду, но не замечающий океана за перешейком. Так и тут: всего тебя целиком я не разглядела.

У меня перехватило дыхание. Вслух Блейз говорила одно, но тело ее сообщало мне гораздо больше.

Блейз смущенно рассмеялась.

— Ну вот, опять! Ты знаешь, о чем я думаю.

— Что ты чувствуешь, — автоматически поправил ее я и тут же покраснел.

— Что ж, достаточно и этого: да, я нахожу тебя привлекательным.

Корабль снова качнуло, и я снова на нее налетел. Я уперся руками в стену и отодвинулся от Блейз.

— Только ты не собираешься, зная это, ничего предпринимать, — с уверенностью сказала Блейз.

— Тебе и острый нюх не нужен, чтобы во всем разобраться.

Блейз усмехнулась.

— Это инстинкт, — сказала она. — И он говорит мне, что ты не испытываешь интереса.

— Ты любишь кого-то другого.

— Все-таки ты слишком много знаешь, Келвин Гилфитер.

— Ты это уже говорила.

— Какая разница, даже если я кого-то люблю?

— Для меня, — покачал я головой, — разница есть.

Блейз пожала плечами.

— Его со мной рядом нет, Кел, и никогда не будет. Существуют и другие чувства, помимо любви. Существует... близость, когда два человека нравятся друг другу... когда их друг к другу влечет. Имей это в виду, если передумаешь.

Я смотрел вслед Блейз, когда она стала подниматься по трапу на палубу.

Его? Мужчины? Так это не Флейм? Я чувствовал себя дураком. Несмотря на свое чутье, я, похоже, совершенно ошибся в Блейз. Я еще сильнее покраснел и порадовался, что Блейз

ушла и этого не заметит. Прислонившись к стене, я печально думал о том, каким идиотом оказался.

Прошло много времени с тех пор, как я делил постель с женщиной. С тех пор, как мы с Джастрией... больше четырех лет. И все равно то, что я чувствовал, казалось изменой. Я вздохнул и решил узнать, не продаст ли мне кто-нибудь из команды бутылку спиртного.

Наличие пациентов по крайней мере помогало мне не думать о том, что ждет меня в будущем, и о странном неприятном ощущении, продолжавшем меня преследовать: какое-то зло все время было рядом, и я никак не мог стряхнуть с себя страх перед ним.

Ночью накануне прибытия в Амкабрейг я проснулся, обливаясь потом и понимая, что только что испытал прикосновение этого зла: оно меня и разбудило. Уснуть я больше не мог и поднялся, чтобы выйти на палубу. Ночь была чудесная; на безлунном небе сияли звезды, и мы были еще достаточно далеко от порта, чтобы его зловоние не мешало мне наслаждаться чистым соленым запахом моря. Может быть, мне и удалось бы прогнать свои неопределенные страхи, но тут на палубу вышла Блейз. Это не могло быть совпадением: должно быть, ее Взгляд сделал ее восприимчивой к тому непонятному воздействию, что разбудило меня.

— Отчего ты проснулась? — спросил я ее.

— Не знаю. Понимаешь, я с приветом: стоит пробежать мышке, и я просыпаюсь. Впрочем, чтобы оставаться в живых, мне нужно спать вполглаза.

В словах Блейз прозвучала горечь — воспоминание о жизни, которую я с трудом мог себе представить. Какое право я имел плакаться о том, что потерял? По крайней мере потерянным я когда-то обладал...

— Почему-то мне кажется, что не мышка заставила тебя подняться на палубу, девонька. Блейз, как пахнет дун-магия?

Перед тем как ответить, Блейз долго молчала.

— Ничто больше так не пахнет, — наконец сказала она. — Это не тухлятина, не какой-то естественный процесс распада... Это просто вонь зла. — Такое описание не слишком много мне сказало, и Блейз, должно быть, это почувствовала, потому что добавила: — Ужасно неправильный запах, запах чего-

то, что не должно существовать, потому что нарушает порядок мироздания. В истинном зле нет логики, совсем наоборот. Так что дун-магия пахнет этой неправильностью.

— Думаю, что я иногда ее чую, — спокойно сказал я. — Просто легкое дуновение, которое тут же исчезает, но после него я никак не могу отдышаться. Кажется, это и разбудило меня сейчас.

— Ах... — Блейз помолчала. — Я до сих пор ничего не чувствовала, а уж я принюхивалась, можешь мне поверить. Мне пришло в голову, что Мортред, если он бывал здесь, оставил какой-то след, как слизень. Так и должно было случиться, но с тех пор прошли недели... слишком много времени, чтобы я могла уловить запах. Ты — другое дело: у тебя нос гораздо чувствительнее моего, так что ты, возможно, чуешь этот старый запах. Может быть, Мортред побывал в Лекенбрейге; может быть, его корабль стоял рядом с этим суденышком... или на пакетботе недавно плыл какой-то другой дун-маг.

— Или мы чувствуем тот остаток дун-магии, о котором ты говорила: след, который Мортред оставил на Флейм.

— Может быть.

Все это было очень логично, все хорошо объясняло, и в такое объяснение было так легко поверить...

Правда была гораздо более жестока... и обнаружить ее было так трудно! Какими же глупцами мы оказались...

— Теперь недолго, — сказал я Флейм. — Мы уже миновали мыс, защищающий гавань. Чувствуешь, как уменьшилась качка корабля? — Я постепенно становился опытным мореходом.

Флейм кивнула.

— Думаю, что я не выдержала бы, если бы пришлось терпеть ее и дальше.

Я был склонен с ней согласиться. Выглядела Флейм ужасно: она похудела, ее волосы утратили блеск и висели спутанными прядями, под глазами легли темные тени. В первый раз после того как я встретил ее, мне не приходилось делать над собой усилие, чтобы не поддаться ее красоте, ее бессознательной сексуальности.

— Блейз говорит, что вы на некоторое время задержитесь в городе, так что ты сможешь восстановить силы, — утешил я Флейм.

Она вцепилась в мою руку.

— Ты ведь отправишься с нами, верно? — Ее умоляющие глаза казались слишком большими и блестящими на осунувшемся лице. Руарт, устроившийся на висевшей под потолком лампе, взъерошил перья, присоединяясь к просьбе цирказеанки.

Я покачал головой.

— Нет, Флейм. Это не моя война.

— Эта война касается всех.

— Я врач, — снова повторил я, — а не воин.

— Ты эгоист, — сказала мне Флейм. — Думаешь только о себе и не заботишься о других. Разве так должен поступать хороший врач? Ты хоть знаешь, сколько людей умирают, и умирают в мучениях из-за таких, как Мортред? Как может настоящий целитель стоять в сторонке и равнодушно смотреть на страдания невинных?

Если бы все это сказала Блейз, я просто пожал бы плечами, но от Флейм я порицание услышал впервые, а потому покраснел.

— Ты и представить себе не можешь, — продолжала Флейм, — каково быть зараженной дун-магией... какое это мучение. Умирающих по воле злых колдунов ты тоже не видел. — К боли и горечи в голосе Флейм примешивалось презрение, и я покраснел еще сильнее.

— Перестань, Флейм, — прочирикал Руарт, и девушка тут же принялась извиняться:

— Прости меня, Кел. Мне не следовало этого говорить. Просто я так устала и так тревожусь...

Я пробормотал какие-то вежливые слова и поспешил подняться по трапу на палубу. Блейз стояла у поручней, глядя на приближающийся берег. Почти все пассажиры тоже уже собрались на палубе, но никто из них не решился встать рядом с Блейз. Ее выразительные упражнения с мечом во время плавания обеспечили ей уединение, которое никто не решался нарушить без приглашения. Я подошел к ней.

— Похоже, тебя считают заразной, — сказал я.

— Это иногда бывает кстати, — усмехнулась Блейз. — Как там Флейм?

— На взводе.

— Да, я тоже заметила. Она упрекала меня в том, что я обращаю больше внимания на Следопыта, чем на нее, а Руарту предложила отправляться в твою каюту, раз у него нет другого занятия, кроме как учить тебя своему языку. Я никогда еще не видела ее такой сварливой.

— Ты сама-то не подвержена морской болезни, — с чувством сказал я.

Блейз рассмеялась.

— Ну да, хоть и повидала немало штормов. Морские путешествия кажутся мне ужасно скучными: вечно приходится тесниться в каком-то закутке. Пожалуй, только это плавание было другим: ты оказался очень интересным спутником, Кел. Мне было так приятно общаться с тобой.

Я изумленно вытаращил на нее глаза, гадая про себя, не решила ли Блейз надо мной подшутить, однако и выражение ее лица, и запах говорили об искреннем дружелюбии. Я выдавил из себя улыбку и стал вспоминать, о чем мы говорили. Оказалось, что мы и правда много беседовали: на корабле в общем-то больше и делать нечего. Блейз очень интересовалась жизнью на Небесной равнине и выспрашивала обо всем, начиная со свадебных церемоний и кончая производством сыра из молока селверов. Она была буквально заворожена моими медицинскими познаниями, так что мы часами обсуждали разные снадобья, методы лечения и операции. Блейз и сама знала немало благодаря путешествиям на разные острова. Когда я поинтересовался, зачем ей все эти медицинские подробности, она лукаво улыбнулась и ответила:

— Ах, у меня такая работа, что никогда не знаешь, не пригодятся ли медицинские познания. Иногда мне кажется, что я трачу столько же времени на лечение ран, сколько и на нанесение их.

Знание — такая вещь, что распространяется в обе стороны. Блейз побывала во всех островных государствах, и ее рассказы для меня, горца, не высовывавшего нос за пределы родного острова, были экзотическим блюдом. Блейз была остроумна и наблюдательна, она умела едко высмеивать глупость и верно судила о людях. Блейз могла быть грозной воительницей, распугивавшей пассажиров корабля, но под суровой внешностью

скрывался острый ум. И она наконец перестала называть меня Гилфитером... по крайней мере иногда.

Над нами по снастям сновали матросы, сворачивая паруса; корабль замедлил ход.

— Я разговаривал со своими соседями по каюте, — сказал я. — Они собираются закупить в Амкабрейге те полосы из высушенных листьев, из которых изготавливаются паруса вроде этих. — Я показал на яркие полотнища, которые матросы крепили к реям. — Они называются «пандана» — по названию растения, которое встречается только на Порфе и в последнее время доставляется в Амкабрейг все реже.

Блейз помолчала, потом спросила:

— Откуда, интересно, у меня такое чувство, что за твоими словами скрывается какой-то другой смысл?

— Пандана — водное растение, которое добывают на Плавучей Заросли. — А судя по тому, что рассказали гхемфы, посередине Плавучей Заросли находился тот самый остров, среди жителей которого не было детей.

— Ах... Так эти торговцы туда и направляются?

Я покачал головой.

— Нет. Они хотят купить то, что удастся найти в Амкабрейге. Я просто подумал, что тебе будет интересно об этом знать.

Блейз кивнула, ничем не выдавая своих чувств. К нашему кораблю приближалась маленькая лодка.

— Это лоцман, — сказала Блейз. — Попробую-ка я уговорить Флейм подняться на палубу. — Она двинулась к трапу, но обернулась, как будто вспомнив о чем-то. — Мы и в самом деле очень нуждаемся в тебе, Кел.

— У вас есть Дек и Руарт — оба они обладают Взглядом. От них вам будет гораздо больше пользы, чем от меня. Я ведь мало что умею.

— Мы могли бы рассчитывать на твой нюх. Этот твой талант гораздо ценнее, чем Взгляд.

— Блейз, в последний раз говорю тебе: я врач. — Мне уже надоело повторять одно и то же снова и снова. — Я не убиваю людей и не помогаю в этом другим, даже если речь идет о дунмагах. Я не разделяю твоих взглядов на мир. — Вся кровь отхлынула от лица Блейз, и на мгновение мне показалось, что

она упадет. Я протянул руку, чтобы поддержать ее. — Что случилось?

Блейз сделала глубокий вдох и слабо улыбнулась.

— Блохи возвращаются, чтобы искусать собаку, которая их вскормила. «Я не разделяю твоих взглядов на мир...» Что-то очень похожее я однажды сказала одному человеку. В этом была причина того, что мы расстались. Жизнь любит над нами посмеяться, как я вижу.

Мне еще не раз предстояло в будущем вспомнить эти слова.

Глава 12
Рассказчик — Келвин

Не знаю почему, но мне совершенно не понравилась гостиница, в которую нас отвела Блейз. Она выбрала ее потому, что останавливалась там раньше, и безошибочно нашла туда дорогу — не так уж плохо для человека, который бывал на Порфе семь лет назад. Гостиница располагалась на окраине и поэтому была дешевой и тихой. Ее хозяйка оказалась местной повитухой, добродушной женщиной средних лет, которая согласилась готовить для меня вегетарианские блюда и угостила нас превосходным медовым напитком со специями. Сад гостиницы соседствовал с заросшим цветущими кустами кладбищем, так что запахи здесь оказались скорее деревенскими и не так уж оскорбляли мой нос. Гостиница даже располагалась поблизости от дома той женщины — Анисти Бритлин, — которую мне порекомендовал Гэрровин и к которой он должен был прислать свой медицинский сундук. У гостиницы были, конечно, и недостатки: например, мне приходилось ночевать в одной постели с Деком, а потолок нашей каморки на чердаке был таким низким, что я не мог выпрямиться во весь рост, не стукнувшись головой. Дек находил это обстоятельство чрезвычайно смешным. Ему также очень нравились циновки на полу: они были сплетены из таких же ярких полос панданы, как и паруса пакетбота, и если смотреть на них долго, рисунок начинал, казалось, извиваться, как змея.

Эти мелочи не должны были бы заставлять меня постоянно чувствовать себя не в своей тарелке, и тем не менее... У меня было такое же ощущение, как перед сильнейшей летней грозой: туча еще не выползла из-за горизонта, но дышать уже трудно. Я даже ловил себя на том, что посматриваю на небо, только, конечно, никакой грозы так и не было. Я человек не мнительный, поэтому понимал, что для моего беспокойства существует реальная причина; я просто никак не мог ее обнаружить.

Дело тут было не в тех новостях, которые сообщили нам наши разведчики — птицы-дастелцы, ожидавшие нас на причале, — я их просто не слушал, да и вообще старался избегать участия в разговорах, которые вели Блейз и Флейм насчет своих намерений. Я ничего не хотел знать ни о дун-магии, ни об их планах борьбы с ней.

Моя тревога, безусловно, никак не была связана с приятельницей Гэрровина: Анисти оказалась очаровательной старушкой лет семидесяти. Ее лицо было морщинистым, но розовые губы постоянно улыбались, а темные глаза блестели так, словно она никогда не знала ни горя, ни бед. Она тепло обняла меня, когда я пришел в ее расположенный позади кладбища маленький домик, окна которого выходили на океан.

— Я рада видеть любого из племянников Гэрровина, — воскликнула она. — Ах, батюшки, до чего же ты на него похож!

Анисти настояла, чтобы я выпил горячего шоколада с испеченным ею кокосовым пирогом; за угощением я рассказал ей, как поживает Гэрровин, одновременно оглядывая комнату. Плита и раковина располагались в пристройке за домом, и тесное помещение вмещало только стол, два стула, комод и большой — очень большой — книжный шкаф. Его полки были забиты книгами и свитками. Когда Анисти заметила, что я поглядываю на книги, она улыбнулась и сказала:

— Ах, это же все не мое, дорогой мальчик. Книги принадлежат Гэрровину. Он попросил разрешения оставить их у меня и заказал для них шкаф. Гэрровин говорил, что на старости вернется и все их прочтет... — В глазах Анисти появилось мечтательное выражение. — Он такой красавчик!

— Он дал мне письмо для тебя, — немного растерявшись от такого проявления чувств, сказал я, протягивая ей листок.

Представление о Гэрровине как о красавчике нужно было переварить.

Анисти долго, краснея, разбирала каракули дядюшки.

— Ах, он такой негодник! — чопорно поджала она губы, но запах ее сказал мне, что она вовсе не рассержена, а довольна. — Гэрровин пишет, что ты, наверное, захочешь ознакомиться с книгами и бумагами, пока дожидаешься прибытия его сундука. Добро пожаловать! Приходи в любое время, когда захочешь. Просто позор, что все эти знания хранятся тут без всякой пользы. Я сама пыталась читать кое-что, только материи эти не для меня: они сухие, как выброшенные на солнце кораллы, и гораздо менее занимательные. — Она снова мне улыбнулась. — Так что приходи, когда захочешь, мой дорогой.

Я пообещал, что непременно воспользуюсь ее приглашением.

Я решил, что мое беспокойство с Флейм тоже не связано. Оказавшись на твердой земле и вернув себе аппетит, она быстро поправилась. Через неделю румянец вернулся на ее щеки, глаза и волосы обрели блеск. Флейм казалась молчаливой и не отвечала на подначки Блейз, как раньше, но я считал, что силы с каждым днем к ней возвращаются. Я приписывал отсутствие прежней живости ее тревоге о том, что ее ждет: ей предстояло столкнуться с человеком, который ее изнасиловал и заразил какой-то ужасной болезнью, из-за чего ей пришлось ампутировать руку, — для любого нормального человека этого было достаточно, чтобы впасть в подавленность.

У меня не было особого опыта в помощи жертвам нападений и насилия. Такие вещи редко случались на Небесной равнине и обычно бывали следствием психического заболевания виновника, однако Гэрровин много рассказывал мне о том, что видел в других местах, и о тех последствиях, которые бывают после таких ужасных травм. Сравнивая то, что я видел, с рассказами Гэрровина о влиянии, которое насилие могло оказать на личность жертвы, я находил мужество Флейм поразительным.

— Ты уверен, что с ней все в порядке? — однажды после того, как я побывал у Флейм, спросил меня Руарт. Он опустился мне на плечо, когда я вышел из гостиницы и уселся на скамье в саду.

— Она хорошо себя чувствует, — ответил я. — Пожалуй, я посоветовал бы вам поскорее отправиться в путь: понимаешь, бездействие и ожидание могут быть для Флейм особенно тяжелы, ведь ей предстоит снова встретиться с тем чудовищем. К тому же когда пакетбот вернется в Лекенбрейг с известием о том, что мы перебрались на Порф, феллиане и гвардейцы могут отправиться в погоню.

Мальчик-слуга, которого хозяйка послала узнать, не желаю ли я чего-нибудь, остановился как вкопанный, разинув рот, и вылупил на меня глаза.

Я ответил ему недовольным взглядом.

— В чем дело, мальчик? Ты что, никогда не видел, как человек сам с собой разговаривает?

Мальчик продолжал таращиться.

— Принеси-ка мне медового напитка.

Руарт слетел с моего плеча и устроился на перекладине стола. Только теперь мальчишка побежал выполнять мой заказ.

— Я обеспокоен, — продолжил разговор Руарт. — Мне кажется, что Флейм... изменилась.

— Ее ведь изнасиловали. Такая травма не проходит бесследно: воспоминания то и дело возвращаются. Ты не можешь ожидать, чтобы Флейм оставалась такой же...

— Ты думаешь, я этого не знаю? — перебил меня Руарт. — Я ведь был там, не забывай.

Я почувствовал, что земля уходит у меня из-под ног.

— О Сотворение, — прошептал я, гадая, правильно ли я понял его слова, — ты видел, как это произошло?

— В первый раз — нет. Флейм пошла в уборную во дворе гостиницы, где мы тогда жили. Когда она не вернулась, я отправился ее искать. Флейм лежала на земле... и я видел, как явились приспешники Мортреда и унесли ее. Я полетел следом.

Руарт умолк, и пауза, казалось, тянулась целую вечность.

— Да, — наконец заговорил он снова, — я видел, что он сделал с ней, потом, той же ночью, в своем доме. Я был там, я слышал все, что он ей говорил. — Руарт по-птичьи склонил голову и взглянул на меня одним глазом, но взгляд его был совершенно человеческим. — И он... он был не один. Они все...

Последовала новая долгая пауза. Я с трудом сдерживал тошноту.

— А потом Флейм отправилась к нему в Крид. Отправилась по доброй воле — чтобы спасти Блейз и Тора. Я присутствовал и при этом тоже. Ночь за ночью...

Выслушав Руарта, я долго не мог говорить. Я открывал рот, но не находил слов, которые выразили бы мои чувства. Я вспоминал то, что однажды рассказала мне Блейз: Флейм и Руарт выросли вместе, они были неразлучны. И он ничем не мог помочь ей, потому что был всего лишь птицей, и единственным человеком, который понял бы его, была сама Флейм...

Я пытался представить себе, какие чувства испытывал бы, случись подобное с Джастрией и со мной. Нет, такое и вообразить было невозможно... Нестерпимая боль и унижение, которые по-настоящему понять мог бы только другой мужчина... мужчина даже в облике птицы.

Когда мальчик-слуга вернулся с медовым напитком, я осушил кружку одним глотком.

— Не знаю, как вы оба это пережили, — сказал я Руарту.

— Придет день, и я убью его.

Слова Руарта могли бы показаться смешными: он был меньше моей ладони, с клювом короче моего ногтя, с когтями менее острыми, чем шипы розы. И все же в нем чувствовалась такая холодная ярость, что угроза выглядела просто констатацией факта и вовсе не казалась смешной.

Скорее всего мое беспокойство не утихало просто потому, что я снова и снова ощущал ужасное зловоние — такое сильное, что оно превосходило запах и напоминало удар физической силы. Каждый раз оно оказывалось более сильным и более зловещим.

— Дун-магия, — говорила мне Блейз. — Кто-то из злых колдунов недавно побывал здесь.

Да, так она говорила, только я был практически уверен: сама она в это не верила. Она считала происходящее вспышкой чего-то, что осталось во Флейм от осквернения ее Мортредом, чего-то, что Флейм отчасти могла в себе контролировать, но от чего окончательно избавится только в тот день, когда Мортред умрет.

* * *

Через десять дней после того, как мы прибыли в Амкабрейг, во время завтрака в саду Блейз сообщила мне, что они решили отправляться дальше.

— Я советую тебе тоже перебраться куда-нибудь из Амкабрейга или по крайней мере спрятаться — на случай, если пакетбот в следующий раз привезет приказ здешним властям схватить нас, — сказала она.

— Если хочешь, мои друзья-дастелцы встретят корабль на пристани и выяснят, что смогут, — предложил Руарт. — Из таких мелких и незаметных птичек, как мы, получаются хорошие шпионы.

Я кивнул и поблагодарил Руарта. Он был совершенно прав: хоть на Порфе не такой жаркий климат, как на самом Мекате, все равно окна здесь не имеют стекол, а решетки или ставни — не преграда для птичек: все привыкли, что они часто залетают в помещения, и никто не обращает на них внимания.

— Приятельница Гэрровина Анисти, — сказал я, — предлагает мне поселиться у нее, если меня будут разыскивать. — Я уже несколько раз ходил к Анисти читать книги Гэрровина, но сундук так пока и не прибыл. — Единственная неприятность, которая может меня ждать, — это затруднения с переездом на Брет, если здешние стражники начнут на меня охотиться.

Флейм налила себе в кружку простокваши.

— Если ты пробудешь здесь достаточно долго, мы вернемся обратно, и тогда я с помощью иллюзии смогу изменить твою внешность, — сказала она.

Я покраснел. До чего же меня раздражала эта моя особенность — заливаться краской, словно я стеснительная барышня, а не взрослый мужчина! Вот и теперь — Флейм предлагала мне свою помощь после того, как я отказался помогать им, и это меня смутило. Блейз, негодяйка, скривила губы, наслаждаясь моей растерянностью: она, конечно, сразу догадалась, отчего я покраснел. Флейм ничего не поняла, но Блейз-то читала меня как раскрытую книгу. Дек, временами отличавшийся исключительной тупостью, громко поинтересовался:

— Почему ты стал таким красным, сир-Гилфитер?

— Не твое дело, — прорычал я.

Блейз наконец пожалела меня и переменила тему разговора.

— Знаете, мне, пожалуй, не особенно нравятся эти орхидеи. — Я оглядел беседку, в которой мы сидели: к каждой перекладине были привязаны плетеные корзинки, из которых свешивались яркие соцветия. Марин, хозяйка гостиницы, очень гордилась своими орхидеями и по нескольку часов каждый день за ними ухаживала.

— Почему? — удивилась Флейм. — Они такие красивые!

Я пододвинул к ней блюдо с пирожными — как знак примирения, — и она с улыбкой взяла одно. Будь я моложе и впечатлительнее, эта улыбка растопила бы мое сердце; теперь же я часто смотрел на нее просто ради удовольствия полюбоваться совершенной красотой.

— Слишком кричащие, — сказала Блейз, — слишком хвастливые. Слишком крупные, слишком плотские, слишком экзотические. Словом, чересчур похожие на меня. Я предпочитаю изящные розовые благоухающие цветочки — обладающие всем, чего мне не хватает. Глупо, правда?

— Розовые? — с отвращением переспросил Дек.

— Да. А за эту гримасу, мой мальчик, тебе полагается наказание: после завтрака отправляйся и найми для нас повозку. Мы отправимся к Плавучей Заросли со всеми удобствами.

— В этом нет нужды, — возразила Флейм. — Я вполне могу идти.

— А кто сказал, что повозка нужна тебе? — пожала плечами Блейз. — Может, я хочу поберечь свои старые коленки.

— Не смей меня опекать! — бросила Флейм, добавив ругательство, поразившее всех нас своей грубостью.

Я знал, что иногда Флейм сквернословит — эта привычка возникла у нее еще в детстве, в результате общения с дастелцами, — но никогда еще не слышал от нее подобной непристойности. Это было на нее не похоже, и все мы потрясенно вытаращили на нее глаза.

— Флейм! — с упреком чирикнул Руарт.

— Я сыта вами по горло! — воскликнула Флейм. — Вечно сплетничаете обо мне у меня за спиной! — Она погрозила пальцем Руарту. — А ты, паршивый пучок перьев, предатель! Ты все время проводишь с Блейз и Келом, а не со мной! — С этими словами, полными злобы, Флейм вскочила из-за стола и кинулась прочь, оттолкнув по дороге хозяйку гостиницы и выбив из ее рук поднос. Предназначенные нам на завтрак оладьи

были спасены только благодаря эгоистическому героизму Дека, кинувшегося к Марин и подхватившего тарелки.

— Вот, видали? — пропыхтел он. — Вы все передо мной в долгу! Если бы не я, вы все остались бы без завтрака!

Руарт полетел следом за Флейм, Дек принялся уничтожать оладьи, а Марин отправилась на кухню за новой порцией. Блейз взглянула на меня.

— Ей становится все хуже.

Я кивнул.

— Да.

— Когда ты только встретил ее, она не была такой.

— Нет.

— Похоже, ампутации руки было недостаточно. Даже и лечения Датрика и других силвов было недостаточно.

— Существуют болезни, которые возвращаются через много времени после того, как, казалось бы, были излечены.

— Дун-магия — это не болезнь, — язвительно поправила меня Блейз.

Я пожал плечами.

— Ты же сама спросила мое мнение, не так ли?

Блейз всплеснула руками.

— Да спасет меня Великая Бездна от врачей-пастухов с мозгами как у селвера!

Мы в упор смотрели друг на друга, а Дек завороженно наблюдал за нами, не забывая при этом уплетать оладьи.

— Ты в самом деле думаешь, что дун-магия — это болезнь? — после долгого молчания спросила Блейз.

— Да, я так думаю. Наверняка, конечно, тут ничего сказать нельзя, но думаю я именно так. В одном ты права: Флейм не была полностью излечена. Таких болезней много: болотная лихорадка, например, возвращается снова и снова, даже если давать заболевшему отвар целебной коры, особенно если лечение не было начато достаточно рано. Ты сама говорила, что Флейм получила помощь не сразу после того, как Мортред заразил ее.

— Да, только у нее же была не болотная лихорадка, Кел... Флейм умрет?

— Откуда мне знать? Опыта лечения дун-магии у меня нет. Я до недавнего времени вообще не верил в ее существование.

Блейз бросила на меня недовольный взгляд.

— Я спрашиваю тебя не потому, что думаю, будто ты понимаешь в дун-магии. Я рассчитываю на твой нюх. Я хочу знать, что твой нос говорит тебе о состоянии Флейм... о том, что у нее не в порядке.

Под ее напором я сдался и сделал то, чего врачу никогда делать не следовало бы: я стал гадать.

— Не знаю, убьет ли Флейм эта болезнь в конце концов или Флейм с ней справится, но мой диагноз, основывающийся на том, что я чую, таков: в настоящий момент болезнь не угрожает жизни Флейм.

Взгляд Блейз стал острым как стальной клинок.

— И что это значит, если говорить простым человеческим языком?

— Я не думаю, что она вскоре умрет или даже тяжело заболеет. Мне кажется, что болезнь развивается циклически: она будет появляться и исчезать, у Флейм будут хорошие и плохие дни. Мне кажется — и повторяю, это всего лишь предположение, — что вы успеете сделать то, что задумали.

— Шанс на это увеличится, если с нами отправишься и ты.

Я виновато потупился: возможно, она была права.

— Блейз, ты не можешь ожидать от меня помощи в убийстве кого-то, кого я даже не знаю и кто не причинил мне никакого вреда. К тому же как я могу быть уверен, что смерть Мортреда повлияет на течение болезни Флейм, разве что поможет ей сосредоточиться на инфекции и победить ее? Флейм требуются отдых и забота, а не преследование по всем островам злодея, который ее изнасиловал.

Глаза Дека широко раскрылись, но мы не обратили на мальчишку внимания.

— Может быть, тебе следовало бы найти силва, который занялся бы лечением Флейм, раз уж вы думаете, что это может помочь.

— У нас имеется силв — сама Флейм, — возразила Блейз. — И она старается... как мне кажется.

— А не лучше ли было бы привлечь кого-то другого? Или нескольких силвов? Ты сама говорила, что в прошлый раз Флейм потребовалась помощь не единственного целителя.

— Даже если бы мне удалось найти целителей-силвов, они были бы мне не по карману, да Флейм и слышать об этом не

захочет. Она говорит, что может сама о себе позаботиться. Она просто хочет найти Мортреда и убить его.

— Тогда, пожалуй, именно этим вам стоит заняться, и как можно скорее. Мне жаль, что я не могу вам больше ничем помочь.

— Ты мог бы, да только не хочешь, безмозглый костоправ, — бросила Блейз, потом печально добавила: — Что ж, тут ничего не поделаешь... Завтра утром мы отправляемся. — Она криво улыбнулась. — По крайней мере я верю в то, что смерть Мортреда излечит Флейм — полностью и немедленно.

Блейз забыла, что я могу определить, когда кто-то лжет...

На следующий день они и в самом деле отбыли. Блейз пошла на компромисс: тележку нанимать не стала, но купила осла, на которого были навьючены все их вещи и запас продовольствия. Флейм, должно быть, извинилась перед своими спутниками, потому что отношения между ними снова стали сердечными.

Я глядел им вслед и, как ни странно, чувствовал себя покинутым. Они были источником стольких неприятностей, а теперь я только и мог думать о том, как мне их всех будет не хватать: Флейм с ее добрым сердцем, красотой и мужеством, Блейз с ее насмешками над собой, честностью и надежностью, Руарта с его бесконечным терпением и мудростью, которых трудно было бы ожидать от птицы, Дека с его энтузиазмом и романтизмом, которые не смогло угасить даже трудное детство. С внезапной болью в сердце я понял, что все они — мои друзья. До сих пор единственным моим другом была Джастрия, да и то я сделал ошибку, женившись на ней. А теперь ее не стало...

Я прошел в беседку с орхидеями и попросил принести мне эля. Настойчивый внутренний голос шептал: «Если таковы твои чувства, ты просто не имеешь права отпустить их одних. Если ты будешь с ними, они получат больше шансов на победу. Тебе всегда будет ее не хватать. Отправляйся следом, глупец. Отправляйся к ней!»

Я выпил эль и заказал новую кружку. Постепенно алкоголь принес мне приятное чувство жалости к себе...

К счастью, прежде чем я совсем расчувствовался, меня призвали к выполнению долга врача: кухарка умудрилась отрезать себе кончик пальца, и мне пришлось накладывать на рану швы.

После этого по окрестностям разнесся слух о том, что я — врач, который берет недорого, и в гостиницу потянулись пациенты. Мне даже пришлось несколько раз сходить в лес за городом, чтобы набрать целебных трав и мхов взамен моего быстро тающего запаса. Я почти каждый день навещал Анисти, выпил бессчетное количество чашек горячего шоколада и съел множество испеченных ею пирогов, просматривая собранные Гэрровином записи. Находиться рядом с Анисти было на удивление приятно: от нее пахло умиротворенностью и довольством; этот запах напоминал мне о яблоках и теплом летнем ветерке. Скоро я уже рассказывал старушке о своем изгнании и о том, как Блейз и Флейм звали меня отправиться с ними вместе на Плавучую Заросль. Единственное, о чем я не мог говорить, хоть и не ожидал порицания со стороны Анисти, была смерть Джастрии и мой поступок. Эта рана все еще оставалась слишком свежей.

Я уже начинал думать, что сумею достаточно приятно заполнить время ожидания и даже заработать немного денег, если только стражники с Мекате не явятся меня разыскивать... и все же часто ловил себя на том, что смотрю на дорогу, по которой ушли мои друзья, и гадаю: выбрал я правильное решение или всего лишь удобное, позволяющее не испытывать боль снова.

Когда причалил следующий пакетбот из Лекенбрейга, дастелцы провели разведку и сообщили мне, что с ним, по-видимому, не прибыло никаких распоряжений местной страже; не приплыли на нем и полные благочестивого рвения феллиане. В порту говорили о другом: в Амкабрейг явились хранители, разыскивавшие свое похищенное судно и обнаружившие его обгорелые останки на пляже Порфа; это вызвало некоторые дипломатические трения: корабль оказался, конечно, «Свободой хранителей», захваченной Мортредом на косе Гортан после того, как ему удалось скрыться из Крида.

Поговорив с дастелцами, я облегченно перевел дух, поняв, что меня — по крайней мере на Порфе — не разыскивают, и решил остаться в гостинице.

Дни шли за днями, и я чувствовал себя все более захваченным тем, что содержали книги и свитки Гэрровина. Только Сотворению известно, где он все это нашел; Анисти говорила, что Гэрровин собирал свою коллекцию много лет. Как я понял, их

дружба была очень давней. Голос Анисти, когда она говорила о Гэрровине, делался мягким, хотя, похоже, иллюзий насчет своего приятеля она не питала.

— Он как бабочка: порхает с цветка на цветок, — беззлобно говорила она. — Высосет нектар и летит дальше, старый негодяй, да еще и предпочитает давно расцветшие цветочки — в них больше сладости, по его словам. — Анисти начинала хихикать, а я краснел, как подросток, и утыкался в книгу.

Собрание Гэрровина содержало свитки с описанием того, как магия возникла на Райских островах, книги, рассказывавшие о применении силв- и дун-магии на протяжении веков, медицинские отчеты об исцелениях с помощью силв-магии. Я прочел о том, как древние боги моря даровали силв-магию некоторым семьям из первых жителей Райских островов и как люди, которым этого показалось мало, добавили к ней свои тайные умения, превратив ее в злое колдовство. Тогда — так было сказано в книге — другие боги, на этот раз небесные, даровали другим семьям островитян Взгляд, чтобы можно было бороться с дун-магией.

Исторические хроники описывали, как правители островов Хранителей изобретательно способствовали появлению силвов, чтобы число жителей с магическими способностями росло. Эта целенаправленная политика насчитывала почти пять столетий и была обязана своим успехом, вероятно, отсутствию на островах Хранителей наследственной власти: правящие семьи в остальных островных государствах всегда стремились ограничить число своих подданных, обладающих могуществом.

Больше всего, конечно, меня интересовали работы на медицинские темы. Первым делом я просмотрел все, что стояло на полках, и отобрал книги, где говорилось об исцелениях с помощью силв-магии и о передаче колдовских способностей по наследству. Все их я внимательно прочитал.

Через шесть дней после отъезда Блейз и остальных хозяйку гостиницы Марин вызвали к роженице. По дороге она остановилась рядом со мной — я читал в саду — и сказала:

— Еще один младенчик вот-вот появится. Я на этой неделе приняла семь родов, можешь ты себе такое представить? — Я улыбнулся и помахал ей вслед рукой.

Мальчик-слуга принес мне кружку медового питья. Прихлебывая его, я продолжал читать, но неожиданно рядом со мной раздался голос:

— Ты врач Гилфитер?

Я удивленно поднял глаза: погрузившись в размышления, я не слышал, как кто-то вошел в садовую калитку. Передо мной стоял средних лет мужчина, судя по одежде, торговец, хотя и с мозолистыми руками работяги.

— Повитуха Марин просит тебя осмотреть ее пациентку: она хотела бы получить твой совет. Я провожу тебя.

Я удивился еще больше: Марин при всем своем дружелюбии очень ревниво относилась к своему ремеслу, никогда не обсуждала со мной своих пациенток и не спрашивала моего совета.

— Хорошо, только мне нужно взять свои инструменты и снадобья. Подожди меня здесь. — Я поднялся к себе, собрал все, что могло понадобиться, и снова спустился.

Имя моего провожатого, как сообщил он мне по дороге, было Кеоти. Он владел небольшой стеклодувной мастерской поблизости; я обратил внимание на его бочкообразную грудь и обожженные губы и предположил, что это отметины его ремесла, хоть я и мало знал о стеклодувах — на Небесной равнине мы стеклянной посудой не пользуемся, а в случае необходимости покупаем сосуды на побережье.

— Кем тебе приходится пациентка? — спросил я, пока мы торопливо шли по улице.

— Племянницей, — ответил Кеоти. — Она из деревни. Совсем еще девчонка: ей не исполнилось и тринадцати. Мать отослала ее к нам месяца два назад.

— Что с ней случилось?

Я сразу почуял нерешительность Кеоти: лгать ему не хотелось, но и говорить правду — тоже. Наконец он тихо сказал:

— Бедная девчушка... С ней плохо обошлись. Поэтому-то родители и отправили ее к нам. Она дочка сестры моей жены, зовут ее Джинна. Жена говорит, что она распухает. — Заметив мой недоуменный взгляд, Кеоти неохотно объяснил: — В положении она.

Я не сразу понял, что он имеет в виду. На Небесной равнине мы не считаем нужным, говоря о беременности, прибегать к иносказаниям. Сердце мое заколотилось. Я знал, конечно, как вызвать выкидыш, но мы, горцы, никогда такого не делаем: аборт у нас приравнивается к убийству. Гэровин научил меня нескольким приемам: он считал, что бывают случаи, когда избавление женщины от нежелатель-

ной беременности оказывается благодеянием для всех, хотя не думаю, чтобы он когда-нибудь применял свои умения на Крыше Мекате.

— Слушай внимательно, мой мальчик, — говорил он мне, — и запоминай. Никогда не знаешь, когда какое знание тебе понадобится.

Мои собственные воззрения на этот счет были двойственными, и я предпочел бы, чтобы мне никогда не пришлось разрешать это противоречие на практике. Я и не ожидал, что такое когда-нибудь случится: в конце концов, в нашей семье акушерством занимались женщины.

На мгновение мужество мне изменило; я хотел только одного — оказаться дома, как-нибудь вернуть себе ту жизнь, которую я вел в Вине... жизнь, которая не требовала принятия трудных решений.

— Но дело, видишь ли, не только в этом, — продолжал Кеоти. — Когда Джинна только приехала к нам, она все больше молчала и много плакала. Мы думали, что она пойдет на поправку, да только в последнее время она сильно переменилась. Всегда-то она была тихой, послушной малышкой, доброй и милой, а теперь я ее просто не узнаю. Да ты сам увидишь. — Больше он ничего не сказал и только ускорил шаг.

Я понял, что влип в неприятности, еще прежде, чем мы дошли до дома Кеоти. Я определенно чуял зло... дун-магию, если Блейз была права по поводу этих миазмов. Зловоние буквально душило меня, заставляло болеть все тело. Мне хотелось избавиться от него, повернуться и бежать прочь.

— Что с тобой? — спросил Кеоти, заметив, как я ловлю ртом воздух.

— Аллергия, — солгал я. — Ты не беспокойся, это пустяки. — На мгновение я остановился, пытаясь разобраться в том, что чувствую. Я не мог позволить злу заполонить меня. Должен же быть какой-то способ разделаться с ним, сохранить контроль над собой, победить боль... Я заставил себя дышать ровно и глубоко. — Пошли.

Чем дальше мы шли, тем сильнее становилось зловоние. Наконец мы остановились перед маленьким домиком, рядом с которым располагалось большое строение, пропахшее древесным углем, поташом и чем-то еще, чего я не мог определить. Я заставил Кеоти задержаться у входа, чтобы взять

себя в руки и по запаху определить, что ждет меня внутри. Сомнений быть не могло: источник мерзкой вони находился в домике.

Я печально усмехнулся в душе: я так категорически отвергал все заверения Блейз и Флейм в существовании дун-магии, а вот теперь сам с ней столкнулся.

— Давай войдем, — сказал я, приготовившись вытерпеть еще большие мучения: мои суставы уже болели, а в носу чесалось.

Кеоти познакомил меня со своей женой — величественной женщиной с необъятной грудью и монументальными ягодицами, — и она провела меня наверх. Пол в доме был покрыт такими же яркими циновками из листьев панданы, как и в гостинице; посреди спальни стояла постель, и на ней лежала девочка. Меня поразило, что ее запястья и лодыжки оказались привязаны к столбикам кровати. При нашем появлении Джинна оскалилась и разразилась ругательствами. Особенно тяжело слушать ее было потому, что слова, которые она выкрикивала, были совершенно детскими: Джинна явно просто не знала взрослых непристойностей и проклятий, а потому не могла придумать ничего другого, кроме перечисления обычных телесных функций. Все это производило трогательное и душераздирающее впечатление.

Милые темные глаза девочки смотрели на меня из-под длинных детских ресниц; нежные розовые губы и румяные щеки еще не утратили детской округлости. Рядом с постелью воздух казался густым, почти непригодным для дыхания; я подумал, что долго этого зловония не выдержу.

Я повернулся к Марин и вопросительно поднял брови. Заговорить я не рискнул: на меня накатывали такие волны тошноты, что я боялся с собой не справиться.

— Никогда такого не видела, — тихо сказала повитуха; по ее запаху я почувствовал, как сильно она встревожена. — Я не знаю, что с ней. — Она откинула одеяло, и Джинна забилась, стараясь сбросить веревки. Однако вызвано это было не болями: девочку сотрясала ярость. Я ясно ощутил тяжелое облако ненависти и гнева.

Марин подняла рубашку девочки, и я ощупал ее живот. Руку мне пришлось отдернуть: кожа была обжигающе горячей, но не из-за жара, а отчего-то еще.

— Сколько недель ее беременности? — спросил я.

— Около восемнадцати, — ответила Марин. — Ребенок шевелится.

Гэрровин предупреждал меня о том, что при таком сроке аборт делать не следует: он считал, что это слишком опасно для матери. Что ж, по крайней мере от необходимости принимать решение я оказался избавлен.

Мне было нужно уйти из этой комнаты, я задыхался от миазмов боли и ненависти. Я не хотел больше слышать грязную брань, извергаемую этими детскими устами. Я кивнул на дверь, предлагая Марин выйти.

На кухне нас ожидали полные беспокойства тетя и дядя Джинны. Мне пришлось ухватиться за спинку стула, чтобы не упасть.

— Что случится, если ее отвязать? — спросил я. Во рту я ощущал вкус крови: чтобы справиться со своими чувствами, мне пришлось сильно прикусить губу.

Кеоти и его жена обменялись виноватыми взглядами.

— Она все время пытается убежать, — наконец сказал Кеоти. — Она твердит, что хочет вернуться к тому мужчине, который... сделал с ней такое. Это... это странно. Сначала она радовалась, что ей удалось от него скрыться. Как мы понимаем, она убежала, рискуя жизнью, после того как провела несколько дней взаперти, подвергаясь надругательствам. Ее начинало трясти, как только об этом заходила речь. А теперь она ведет себя так, словно этот... этот мужчина — ее любимый, хотя она так его никогда не называет. Ерунда какая-то...

Мне это тоже было непонятно, но я не мог не вспомнить все, что рассказывала мне Блейз насчет заражения дунмагией.

— Девочка — силв?

Снова Кеоти и его жена искоса взглянули друг на друга.

— Мы — богобоязненные люди, — пробормотал Кеоти, — мы от магии держимся подальше. Наш проповедник говорит, что иметь такую силу греховно, а мы добрые менодиане.

— Однако, как я понимаю, из силвов получаются хорошие целители.

— Ну да, так я слышал.

— Так Джинна силв или нет?

Ответила мне в конце концов его жена, вытирая передником вспотевшие ладони:

— Ах, беда: в нашей семье и правда силв-магия передается из поколения в поколение, сир-Гилфитер. Мы и сами не рады и боремся, как можем... Когда родные узнали, что Джинна может создавать иллюзии, ей крепко-накрепко запретили это делать. Ее учили не давать воли магии, и она охотно слушалась. Джинна у нас послушное, добродетельное дитя... хотя теперь...

— Где она жила?

— Да уж чего там, расскажи ему, — кивнула Кеоти жена. — Если ему нужно это знать, чтобы помочь бедняжке, что уж там скрывать... — Женщина посмотрела мне в глаза. — Я что угодно сделаю, чтобы спасти дочь сестры, сир-врач. Пока с ней не началось, она была такой милой девочкой...

— Ее отец — плетельщик циновок, — сказал Кеоти. — Он собирает пандану на Плавучей Заросли, потом режет и сушит листья и делает из них циновки. — Кеоти показал на яркие половики. — Это его работа. Когда он привез к нам Джинну, он говорил, что на острове посреди озера поселились какие-то чужаки и что он считает виновником одного из них... А еще он рассказывал, что из деревень вокруг Плавучей Заросли стали пропадать люди... девушки. Когда мужчины отправились их искать, они тоже исчезли, так что теперь никто больше не хочет туда соваться.

— Дун-маги, — сказал я.

— Дун-маги? — переспросила Марин. — О таком я еще не слышала. Люди на базаре говорят, что чужаки, должно быть, разозлили духов озера... или чудовищ, которые живут в воде. Легенды о них мне рассказывали еще в детстве. Ох, боже, только бы у нас снова не появились дун-маги!

— Снова?

— У нас на Порфе, прямо тут, в Амкабрейге, лет семь или восемь назад появился наместник — дун-маг, — объяснил Кеоти. — Только хранители и помогли нам от него избавиться. Какие ужасы он творил ради удовлетворения своих прихотей! Сколько людей погибло, пока не разобрались, что он собой представлял! Говорят, дун-маги питаются страданиями и смертью... — Голос Кеоти задрожал, когда он увидел, как переменилось лицо его жены. — Джинна?..

— Я думаю, что ее изнасиловал дун-маг. Думаю, он заразил и ее своей болезнью. И боюсь, ребенок тоже заражен.

— Болезнью? — прошептал Кеоти.

— Я полагаю, что дун-магия — это болезнь. Мне кажется, что и Джинна, и ее ребенок страдают ею. Жар у девочки — следствие дун-магии, а не лихорадки.

Шок, который обрушился на Марин, Кеоти и его жену, когда они осознали весь ужас сказанного мной, лишил их слов.

— Ты хочешь сказать, — наконец выдавила из себя Марин, — что Джинна тоже — дун-маг? И родит еще одного?

— Мне это кажется вероятным. — Боль, мучившая меня, немного отступила, и я мог с ней справиться. Я взглянул на свои руки, все еще сжимавшие спинку стула. Стоило мне ослабить хватку, как пальцы начали дрожать.

— Не можешь ли ты хоть чем-нибудь помочь? — умоляюще спросила меня жена Кеоти.

— У меня нет опыта в лечении дун-магии. Я не обладаю Взглядом и даже не могу с уверенностью утверждать, что мой диагноз верен. Я посоветовал бы вам найти человека, способного при помощи Взгляда точно определить, в чем дело... и еще: отбросьте свои предубеждения против силв-магии и найдите целителя-силва. Может быть, он сможет помочь, особенно если вы не станете ждать.

— Обладающие Взглядом! Силвы! — воскликнул Кеоти. — Это же Порф! Кто здесь имеет такие дарования? Да даже если целитель-силв и найдется, разве будут мне по карману его услуги?

Жена бросила на него осуждающий взгляд. Как я догадался, она полагала, что денежки у супруга водятся, только вот расставаться с ними он не любит.

— Джинна — силв и родилась на Порфе, — сказал я. — Где есть один силв, найдутся и другие. Не поискать ли вам силвов среди богатеев? Полагаю, как раз их таланты и позволяют им процветать. А если они не захотят исцелить вашу племянницу, объясните, что тогда на острове станет двумя дун-магами больше.

— Они могут ее убить! — запричитала жена Кеоти. — Разве ты не знаешь, что силвы говорят про дун-магов?

— Да, — резко сказал я, — мне известно, как люди относятся к дун-магам. Только смерть будет для Джинны лучшим выходом по сравнению с тем, что ждет ее, если не удастся ее исцелить. Если я прав, вам нужна помощь силвов, и немедленно. Еще немного, и Джинна будет противиться любым попыткам ее изле-

чить. Может быть, уже сейчас поздно. Простите меня, но теперь я должен идти. — Я не стал слушать их протесты и горестные причитания: мне было необходимо как можно скорее уйти подальше от источника дун-магии. Вот уж никогда не думал, что собственное обоняние может причинить мне такие мучения!

Выйдя из дома, я еле успел добежать до канавы: боль согнула меня пополам, и меня вырвало. Сделав несколько глубоких вдохов, я прислонился к стене сада, поросшей цветущим вьюнком, и зарылся в него лицом. Я все еще ощущал миазмы дун-магии, но по крайней мере теперь они не были удушающими, как в доме. У меня за спиной открылась дверь, и на улицу вышла Марин.

— Сир-врач! С тобой все в порядке? — с опаской поинтересовалась она. Я молча кивнул. Наверное, я был весь в пыльце, и от меня воняло рвотой... — Ты выглядишь больным.

Я махнул рукой в сторону дома.

— Похоже, так на меня действует дун-магия.

— Там... там дела плохи?

— Да, — снова кивнул я. — Да. По-моему, очень плохи. — Я мог не знать, что такое дун-магия, но в одном я теперь был совершенно уверен: она была злом. Меня снова скрутило и вырвало.

От агента по особым поручениям
Ш. айсо Фаболда,
Департамент разведки,
Федеральное министерство торговли, Келлс,
Достопочтенному М. айсо Кипсуону,
Президенту национального общества
научных, антропологических и этнографических
исследований не-келлских народов

24/2 Безлунного месяца, 1793

Дорогой дядюшка!

Я получил Ваше письмо, где Вы интересуетесь островами Хранителей и лично сир-силвом советником Датриком. Вы, конечно, правы: в 1740-х годах Ступица была политическим центром Райских островов, и Совет являлся средоточием власти хранителей. В те времена даже существовала поговорка: «Сто-

ит главе Совета хранителей нахмуриться, как крестьяне на острове Фен вздрагивают» (остров Фен — самый дальний от Ступицы из Райских островов).

Чтобы удовлетворить Ваш интерес, я попросил Натана перевести свою беседу с Блейз касательно этого предмета; прилагаю перевод к письму. Мы как раз обсуждали действия Датрика после того, что случилось на косе Гортан, и политику, проводимую Ступицей. Конечно, Блейз узнавала обо всем из вторых рук — в то время она все еще была на Мекате.

В дальнейшем перевод, который я представляю на Ваш суд, будет состоять из разных частей — воспоминаний как Гилфитера, так и Блейз. Я пытался, насколько возможно, расположить их в хронологическом порядке; надеюсь, наличие разных рассказчиков (в начале каждой части я отмечаю его имя) Вас не запутает.

До этого момента я был самого высокого мнения о здравом смысле Гилфитера: мне нравился научный склад его ума, хоть сам он и не был мне особенно симпатичен. К сожалению, впоследствии мое к нему уважение пошатнулось — на мой взгляд, он утратил объективность. Однако к этому я еще вернусь.

Мне кажется, мое выступление на тему медицины на Райских островах было очень хорошо встречено, Вы не находите? Ну, если не считать того странного типа из Суверенных Штатов, который вздумал утверждать, будто импы — существа такие крошечные, что мы их даже не видим — как раз и вызывают болезни. Аниара потом пыталась его защищать; ее склонность кидаться на помощь неудачнику (а в данном случае еще и иностранному неудачнику), конечно, очень мила, но в некоторых обстоятельствах приводит в бешенство!

Мне представляется, что ежегодное собрание общества — неподходящее место для того, чтобы называть веру в магию родственной религиозной вере, пусть Аниару за ужином слышали только мы с Вами и Натан. Епископ Хоран, если бы до него дошло сказанное Аниарой, заставил бы ее посещать свои лекции на тему кризиса веры. Боюсь, что моя прелестная Аниара никогда не удостоится просветления, поскольку, как известно, лишь безупречная вера позволяет увидеть величие Бога. Аниара вечно стремится иметь доказательства, и хотя ее религиозные убеждения, я не сомневаюсь, непоколебимы, она все же не желает ничего принимать на веру.

Должен признаться, что нахожу этот недостаток Аниары огорчительным. Тетушка Росрис уверяет меня, что с возрастом Аниара избавится от него, но я не уверен... Это создает для меня затруднение, которое мне предстоит разрешить до отплытия на Райские острова.

Прошу прощения за то, что так много внимания уделяю своим личным делам.

Остаюсь Ваш покорный племянник
Шор айсо Фаболд

Глава 13
Рассказчица — Блейз

Я несколько раз, по милости советника Датрика, бывала в здании Совета хранителей в Ступице, лично докладывая о выполнении поручений. Не могу сказать, что так уж радовалась этим посещениям: приходилось надевать дурацкий наряд (а Блейз Полукровка в юбке — зрелище, которое нелегко забыть) и прилично себя вести, то есть быть кроткой и вежливой — роль, которая никогда мне хорошо не давалась.

Тем не менее такие визиты предоставляли возможность увидеть изнутри строение, которое считается самым роскошным на всех Райских островах, и надо признать — заслуженно. Здание Совета со своими многочисленными башнями и куполами расположено на самом высоком холме Ступицы. Ты его, конечно, видел. Оно производит сильное впечатление, даже если смотреть на него только снаружи; внутри же просто дух захватывает. Стены главного зала выложены золотой и серебряной филигранью, а фарфоровый купол, кажется, плывет на недосягаемой высоте. Белые облака, изображенные на голубом фоне, напоминают летнее небо, и плиты подогнаны так искусно, что снизу швы между ними незаметны. Это впечатление простора усиливалось порхающими певчими птицами, которых выпускали в зал, когда там должно было состояться заседание Совета. Полагаю, ожидалось, что птичьи трели вдохновят членов Совета на принятие справедливых и благород-

ных решений. Я также слышала, что во избежание неподобающего попадания птичьего помета на головы членов Совета и ради особенно звонкого и прочувствованного пения птиц за сутки до заседания переставали кормить.

Признаюсь: в первый раз, когда я туда попала, я была полна благоговения. Мне с трудом удавалось оторвать взгляд от окружающих меня чудес, чтобы отвечать на вопросы, которые мне задавали. Один из советников рассмеялся, увидев мое наивное восхищение, и сказал своему соседу: вот что получается, когда уличным бродяжкам дозволяется грязнить своим присутствием здание Совета. Мне было тогда всего шестнадцать лет, и будь у меня меч, советник мог бы пожалеть о своей издевке. К счастью для нас обоих, входить в здание Совета с оружием не разрешалось.

Мягкие скамьи в зале заседаний Совета полукругом окружали центральную площадку; вместе с писцами, секретарями и приставами, обладающими Взглядом (они должны были удостоверять, что незаконное применение магии места не имеет) зал вмещал почти восемь сотен человек. При более узких встречах Внутреннего Совета использовался только стол в середине зала, и в таких случаях ради обеспечения секретности четверо силвов устанавливали магическую защиту, чтобы никто не мог подслушать разговоров правителей. Внутренний Совет заседал за массивным столом, вырезанным из ствола дерева келмари: это редкое дерево росло только в лесах Абана, одного из островов Бетани, и было подарком правителя, добивавшегося торговых льгот. Соответствующий договор был заключен, но острова Бетани недолго получали от него выгоду: Совет хранителей предложил такие же условия другим островным государствам, чтобы распространить на них свое влияние. Кстати, вскоре земли на острове Абан скупили хранители, любившие массивную мебель, и леса там теперь все вырублены.

Как ни странно, после всех прошедших лет я в первую очередь вспоминаю не замечательный потолок зала, не грубость советника, не массивный стол, а птиц с их прекрасными голосами, безуспешно бившихся в нарисованное на куполе небо.

Однако сейчас мы говорим о 1742 годе, когда Лордом-Хранителем был человек по имени Эммерлинд Бартбарик. Он был тогда уже стар и правил больше двадцати лет. Внешняя неприв-

лекательность главы Совета была тем удивительнее, что традиции островов Хранителей рассматривали физическую красоту едва ли не как главное условие для занятия столь высокого поста. Конечно, большинство советников добивались совершенства своей внешности при помощи иллюзий; Бартбарик мог позволить себе эксцентричные поступки: он называл такое использование силв-магии расточительством и позволял всем любоваться своим бульдожьим подбородком. Бартбарик обладал острым умом, административными и финансовыми талантами и дальновидностью в коммерческих делах, что и привело к его избранию Лордом-Хранителем, несмотря на отказ улучшать внешность с помощью магии. В его правление экономическое господство хранителей на всех Райских островах достигло вершины, а сам он сделался самым богатым владельцем флота торговых кораблей.

Фантастическое богатство Бартбарика было такой же легендой Ступицы, как и его семейная жизнь. Он женился на шестнадцатилетней девушке из знатной семьи силвов и с завидной регулярностью принялся производить на свет потомство. Его четырнадцать дочерей, к несчастью, унаследовали бульдожий подбородок отца; впрочем, они не разделяли нежелания Бартбарика улучшать внешность с помощью иллюзий.

Пятнадцатым отпрыском главы Совета оказался Фотерли Бартбарик; мальчик рос в окружении женщин — слепо любящей его матери и многочисленных сестер. Позже, став взрослым, Фотерли обнаружил склонность давать взятки, чтобы добиться желаемого, и пользоваться своим богатством, чтобы отравить жизнь тем, кого считал своими противниками. Плохо его знавшим Фотерли казался изнеженным, женственным и не очень умным; его даже часто называли Фотом Фатом. О подобном отношении многие вскоре пожалели, потому что Фотерли был беспринципным интриганом, безжалостным к пытавшимся ему противостоять. Другое его прозвище — Барт Варвар — подходило ему гораздо больше. К тому времени, когда я впервые попала на заседание, Фотерли уже был членом Внутреннего Совета (благодаря, как перешептывались, подношениям советникам, а вовсе не отцовскому покровительству).

К 1742 году стало ясно, что Эммерлинда Бартбарика, Лорда-Хранителя, пора заменить на более молодого человека. Его

лучшие дни миновали; он спотыкался при ходьбе, пускал слюни, часто терял нить разговора. У всех на устах было имя Фотерли как будущего Лорда-Хранителя, однако такой выбор был бы глупостью: Фот Фат был недостаточно изобретателен, чтобы поддерживать процветание и военную мощь островов Хранителей. Некоторые члены Совета это понимали. Еще до того, как я отправилась на Цирказе, а оттуда на косу Гортан и Мекате, возникли группировки, выдвигавшие на пост главы Совета Датрика. Какими бы двойственными ни оставались мои чувства к нему, даже я должна была признать, что он стал бы лучшим Лордом-Хранителем, чем Фотерли.

Правда, Датрик не входил во Внутренний Совет, хотя явно к этому стремился. Его должность называлась советник-исполнитель, или «действующий» советник; другими словами, он должен был выполнять разнообразные поручения Совета по всем Райским островам. Конечно, в его обязанности не входило осуществлять их лично — он просто следил за тем, чтобы все было сделано как надо. Для большинства таких дел он пользовался услугами не имеющих официального статуса агентов вроде меня, хотя в распоряжении Датрика имелся и собственный штат, корабль и почти неограниченный бюджет, что давало ему власть и влияние. Датрик был привлекателен, любезен и умен, он обладал несомненной харизмой, в результате чего пользовался поддержкой многих советников. Конечно, он мог быть безжалостным и надменным, что создало ему немало врагов — врагов, которые были бы только рады растерзать его на куски, когда Датрику пришлось доложить Совету, что ему не удалось захватить Деву Замка, а Мортред не был уничтожен во время обстрела Крида...

К тому времени, когда Датрик предстал перед Внутренним Советом, Фотерли и старший Бартбарик буквально пылали яростью, и, по всем рассказам, перед столом из дерева келмани Датрику пришлось несладко: его обвинили в некомпетентности — ведь Дева Замка была у него в руках, но сумела ускользнуть; ему в вину поставили расточительную трату пороха, которого теперь у хранителей было мало — властитель Брета отказался продавать им селитру; его упрекнули в том, что он пользовался услугами глупой женщины (меня), а не воинов-силвов; его отчитали за то, что он полагался на полукровку сомнительного происхождения (опять же меня), и за слу-

чайное убийство влиятельного патриарха-менодианина (Алайна Джентела) во время обстрела Крида (похоже, Патриархия не теряла времени даром и заявила уже протест Совету хранителей).

Когда через три часа Датрик вышел из зала Совета, он с трудом сдерживал ярость. Случилось так, что в тот же день он встретился с Арнадо, моим учителем, который должен был получить у него новое задание. Вместо инструкций, которых ожидал Арнадо, Датрик, бегая по кабинету, обрушил на него ядовитый поток злобных обвинений против меня и Тора.

Арнадо так встревожился, что на следующий же день написал мне письмо, рассказав о случившемся и предостерегая об опасности.

«Я редко видел, чтобы один человек так ненавидел другого, как Датрик ненавидит тебя, — писал он. — Блейз, милая, будь очень, очень осторожна. Если ваши дороги когда-нибудь пересекутся — а он уже принимает для этого меры, — он причинит тебе все зло, на какое только окажется способен. Датрик уже отдал приказание всем силвам, находящимся на службе Совета, немедленно схватить тебя, где бы они тебя ни повстречали. Именно так: он утверждает, что хранители вправе хватать неугодных в любом островном государстве и переправлять их в Ступицу. Мне это кажется похищением, но Датрик не видит тут нарушения законов. Более того: он назначил высокую награду за поимку тебя или Девы Замка. Блейз, ты оскорбила гордость надменного человека, и он этого не забудет. Берегись.

Да, еще одно: Датрик, похоже, испытывает необыкновенную неприязнь к менодианину по имени Тор Райдер, который недавно был избран в Совет Патриархии. Датрик поручил одному из моих коллег раскопать любую грязь, которую можно было бы на него вылить. Думаю, он постарается очернить Райдера перед менодианами. Как я понял из того, о чем Датрик проговорился в гневе, это тоже каким-то образом связано с тобой. Ну, ты не теряла времени даром, милая моя!»

К несчастью, единственный мой адрес, известный Арнадо, был адресом той гостиницы, где я останавливалась в Ступице, а отправлять туда письмо было бесполезно; поэтому Арнадо не придумал ничего другого, как послать его на остров Тенкор Тору Райдеру в надежде, что тот знает, где меня найти.

К тому времени, когда письмо дошло, Тора на Тенкоре уже не было.

Интересно, изменилась бы моя судьба, если бы письмо, написанное человеком, которому я была небезразлична и который научил меня всему, что умел сам, дошло до меня раньше, чем это случилось в действительности?

Вряд ли. И все же именно подобные мелочи — запоздавшее предостережение, несостоявшаяся встреча, неверное указание — определяют события, от которых зависит судьба человека; по большей части мы даже не осознаем, насколько они важны. Иногда приходится признать, что не только ты определяешь свой путь.

Подозреваю, что та словесная порка, которой Датрик подвергся на Внутреннем Совете, лишь укрепила его решимость стать Лордом-Хранителем. Он очень болезненно переживал унижения, а разве есть лучший способ их избежать, чем сделаться самым страшным хищником в стае? Теперь все его помыслы были сосредоточены на том, чтобы добиться власти над островами Хранителей.

Большинство людей на его месте начали бы с того, что попытались склонить на свою сторону других советников. Именно они в конце концов каждый год выбирали своего предводителя. Однако Датрик поступил более хитро. Он начал обрабатывать людей, пользующихся влиянием: богатых купцов, хорошо знающих, что прибыль приносит только твердая власть, знатных силвов, для которых мысль о том, что могущественный дун-маг может угрожать их семьям, была ужасна.

Датрик встречался с ними со всеми; за ним тянулся шлейф намеков и слухов, как тянется слизистый след за морским пони. Причина того, что злой колдун ускользнул, говорил он, в том, что Лорд-Хранитель не предвидел всех опасностей и не дал Датрику достаточных ресурсов. Датрик добился великой победы, но не смог завершить дело; просто чудо, что ему удалось стереть с лица земли поселение дун-магов, имея всего два корабля и будучи вынужденным полагаться на негодных помощников, даже прибегать к услугам предательницы-полукровки, поскольку он не мог заплатить настоящим воинам и умелым агентам. Несмотря на все это, он все же нашел Деву Замка, хоть и лишился ее из-за все той же предательницы-полукровки.

Лорд-Хранитель стар, шептал Датрик своим самым доверенным друзьям. Вы заметили, как он пускает слюни? Его разум уже не тот. Вы слышали, как он назвал сир-силва Хатика Хаммерлингом на прошлой неделе, а ведь советник Хаммерлинг шесть лет как умер? Нам нужен новый правитель — человек напористый и проницательный, способный сделать хранителей хозяевами Райских островов. Человек, который не боялся бы использовать силу, не боялся бы устанавливать справедливость с помощью пушек. Неужели мы позволим властителю Брета шантажировать нас, неужели мы слабы и нерешительны, как какие-то жители Спаттов? Неужели позволим ему диктовать нам, что следует и не следует покупать? И разве позволительно прятать голову под крыло, когда где-то может возникнуть новое поселение дун-магов? Мы — самое могущественное государство, какое только существует в мире! Нам нужен столь же сильный вождь, который понимает потребности торговли и значение силв-магии!

Как я уже говорила, Датрик обладал и харизмой, и обаянием.

Люди начали шептаться, что нет другого такого смелого и проницательного человека.

После петушиных боев на окраине Ступицы распаленные болельщики вдруг устроили избиение полукровок. Двое горожан были убиты по ошибке, несколько лавок сожжено, какого-то нищего придушили во сне... и имя Блейз Полукровки стало проклятием для любого законопослушного жителя островов Хранителей.

Я же в это время была на Порфе и совершенно не подозревала о том, какие адские кары готовит мне Датрик.

Глава 14
Рассказчик — Келвин

До того, как я увидел Джинну, я оправдывал свой отказ принимать участие в делах Блейз и Флейм тем, что меня их затея не касается, что Мортред ничего мне не сделал, что дун-магия, возможно, не такое уж зло, как они изображают, что

они верят в сомнительные истории вроде затопления Дастел по воле Мортреда... После же того, как я побывал в доме Кеоти, я уже не мог больше относиться к дун-магии как к чему-то, лично меня не касающемуся. Может быть, я и не поверил в ее сверхъестественную природу, но с тех пор я никак не мог считать, будто борьба со злом — не мое дело.

Учти: болезнь для меня всегда пахла плохо, но никогда еще я не ощущал такого зловония зла, а то, что заразило Джинну, было, несомненно, злом. Оно не имело права на существование. Дуновение того же зла я иногда чувствовал рядом с Флейм, но оно бывало настолько слабым, что я начинал гадать, не мерещится ли мне. Теперь же я знал наверняка. Если это и была дун-магия, то я хотел избавить от нее мир.

Если бы меня позвали к Джинне до того, как Блейз и Флейм отправились в путь, все могло бы сложиться по-другому; однако они уже десять дней как выехали, и было слишком поздно пытаться их догнать.

В результате я задержался в Амкабрейге, читая книги Гэрровина и дожидаясь прибытия его сундука.

Удивительно, насколько в целом все свидетельства о происхождении магии совпадали. Все источники соглашались в том, что народы, приплывшие на острова из каких-то дальних мест, спасаясь от келвов, магии не знали. Она была дарована им — хотя и лишь некоторым — уже после прибытия. Поразило меня и то, что во всех текстах содержалось одно и то же утверждение: дун-магию породило извращение силв-магии. Подробности бывали разными, авторы, например, расходились во мнениях о том, кто именно даровал магию людям, — но эти два основополагающих момента всюду были одинаковы.

Особенно меня поразили сведения о медицинской стороне силв- и дун-магии. Я не мог оторваться от разнообразных сведений, собранных Гэрровином по всем островным государствам, и сравнивал их с содержанием свитков, которые дядюшке удалось получить от целителей-силвов. Это было захватывающее чтение: ведь тут были собраны сокровища, накопившиеся за несколько столетий, — от мифологии и местных предрассудков до догадок и научных знаний. Трудность заключалась в одном: как отличить установлен-

ный факт от легенды. И снова все авторы были согласны в одном: став дун-магом, человек оставался им навсегда; талант силв-мага мог передаваться по наследству, если хоть один из родителей им обладал, в то время как с дун-магией все было сложнее: дети колдунов-мужчин всегда оказывались дун-магами, но только если женщина обладала даром силв- или дун-магии. От связи дун-мага с обычной женщиной дети не рождались; впрочем, некоторые авторы объясняли это тем, что обычные женщины редко выживали после близости с дун-магом.

Когда силвы вступали в брак с обычными людьми, нельзя было с абсолютной уверенностью сказать, будет ли их потомство обладать даром силв-магии, хотя в девяти случаях из десяти случалось именно так. Обладание Взглядом, с другой стороны, бывало гораздо более случайным, хотя наследственность играла определенную роль; в некоторых местностях обладающие Взглядом рождались чаще, чем в других. Впрочем, тут никакой твердой закономерности не было: дети с такой особенностью рождались в самых обычных семьях по всем островам.

Примерно через две недели после отъезда Блейз и остальных я наткнулся на чрезвычайно интересный труд, посвященный дун-магии и озаглавленный «Трактат о сравнительном изучении четверых дун-магов и достоверно выявленных силвов». Он был написан жившим на островах Квиллер врачом, не обладавшим даром силва, примерно сто лет назад. В нем говорилось, что дун-маг может делать все то, на что способен силв, хотя, может быть, не так хорошо: созданные им иллюзии, например, никогда не будут столь же совершенны. Однако разрушительная магия злого колдуна, способного убить или осквернить (что предполагало способность подчинять других своей воле), силву недоступна. Врач с островов Квиллер, да и вообще никто, не мог сказать ничего определенного о самых могущественных злых колдунах, но по общему мнению их сила значительно превосходила силу обычных дун-магов.

Я вздохнул и позволил свитку покатиться по столу; как раз в тот момент, когда я откинулся на стуле, в дом из сада вошла Анисти. В огрубевших от работы руках старушка несла орхидеи.

— Ох и жарко же сегодня, — сказала она, кладя цветы на краешек стола.

— Прости меня, — сказал я, — я занял весь стол своими бумагами...

— Ерунда, — перебила она меня. — Мне так приятно, что теперь у меня появилась компания. Как продвигаются твои занятия?

Я снова вздохнул.

— Не так хорошо, как хотелось бы. Я надеялся найти какие-нибудь указания на то, как помочь моим друзьям, как исцелить Флейм от последствий заражения дун-магией, но об этом в книгах Гэрровина говорится очень мало. В них идет речь только об исцелениях с помощью силв-магии, а Флейм лечили лучшие мастера этого дела и все же не избавили ее от осквернения полностью.

— Плохо... Она умрет?

— Не знаю... Самое печальное, что меня все время преследует чувство: разгадка лежит прямо у меня под носом. Мне кажется, я уже встречал в этих книгах ключ к проблеме, но не узнал его. — Я уныло пожал плечами. — Наверное, теперь это уже не имеет особого значения. Вряд ли я увижу Флейм снова.

Анисти бросила на меня проницательный взгляд.

— Ты сделал ошибку, мой мальчик.

Я вопросительно посмотрел на нее.

— Тебе следует всегда слушаться своего сердца, а оно ведь говорило тебе, что ты будешь им нужен.

— Теперь это не имеет значения, — повторил я и начал складывать книги и свитки в шкаф. — Прошло уже восемнадцать дней, как они выехали, и я понятия не имею, где они могут быть.

— Ну, ты еще можешь их догнать, — мимоходом заметила Анисти, наливая воду в кувшин, чтобы поставить в него орхидеи. — Они ведь отправились длинным путем?

Я ничего не понял и переспросил:

— Что значит — длинным путем?

— Разве ты не знаешь? — удивилась Анисти. — Есть три способа добраться до Плавучей Заросли. Можно на корабле доплыть до северного берега и от Раттиспи подняться по Лентяйке... Лентяйка — это река. Однако я не советовала бы выбирать этот путь: уж очень трудно найти капитана, который

согласился бы плыть туда. Потом есть дорога, которую выбрали твои друзья: вокруг хребта Килгар. На это уйдет не меньше трех недель, а то и больше — погода там обычно скверная, а тропа петляет по долинам, где в дождь можно утонуть в грязи. И наконец, есть третий путь: нужно подняться на перевал Килгар и на плоту спуститься по Попрыгунье. Отсюда три дня пути до ее истоков, потом еще два — на плоту: всего пять дней. Только, знаешь, плотовщики дорого берут. Наверное, поэтому твои друзья и выбрали кружную дорогу. Если ты отправишься прямо сейчас, ты доберешься до Плавучей Заросли одновременно с ними, самое большее — на день-два позже.

Я буквально окаменел. На мгновение сердце у меня перестало биться. Только теперь я осознал, как радовался тому, что могу не принимать решения... по крайней мере мне так казалось после того, как я увидел Джинну. Я не хотел иметь дела с дун-магией. Я не хотел снова испытывать двойственные чувства в отношении Блейз и Флейм. Как же я был бы рад отойти в сторонку и сказать: «Ну что ж, теперь все равно поздно». И вот я лишился такого удобного оправдания...

— Я же все равно не знаю, как помочь Флейм, — промямлил я.

— Да знаешь ты это, — безжалостно сказала Анисти. — Ты же сам только что сказал, что знаешь, милый мальчик, только еще не понял. Тебе просто нужно подумать, вот и все. Со временем твой разум свяжет между собой те знания, которые у тебя уже есть.

Я все еще колебался.

Анисти села напротив меня, и неожиданно я увидел перед собой совсем другую женщину: решительную, проницательную, женщину, с которой следует считаться.

— Келвин, я присматриваюсь к тебе с того самого дня, как ты появился в Амкабрейге, и мне очень печально видеть, что ты не прислушиваешься ни к своему сердцу, ни к своей совести. Тебя изгнали из дома, и надежды вернуться у тебя нет, у тебя нет определенных планов, и тем не менее, когда тебе предложили дружбу и цель в жизни, ты от них отвернулся. Келвин, благородная цель рождает в человеке волю к жизни, а беспечно отвернуться от друзей просто глупо. Друзья — это все, что у тебя осталось. Разве ты этого еще не понял?

Я мог только молчать. В устах Анисти все звучало так просто, а на самом деле...

Или все-таки существовало простое решение?

— Я понимаю: ты считаешь, что врачу не следует участвовать в убийстве, даже если это убийство дун-мага. Когда-то и я думала так же, но потом здесь, в Амкабрейге, появился наместник, который оказался злым колдуном, и случилось это не так уж давно. Ну и мерзкой тварью он был... Первым делом он принялся истреблять обладающих Взглядом, которые могли бы предостеречь людей, прежде чем они поняли, что происходит. Потом он, пользуясь принуждением, захватил власть и с помощью иллюзий придал ей законный вид, а дальше развернулся в полную силу. Чего мы только не испытали тогда... Все это удалось ему только потому, что сначала никто ему не противился, а когда сопротивление началось, у него оказалось достаточно прихвостней и достаточно власти, чтобы подавить недовольных.

И знаешь, кто спас нас от ада, который мы сами помогли создать из-за своей слепоты и страха?

Я, вытаращив глаза, смотрел на Анисти. Передо мной сидела все та же старушка с седыми кудряшками, морщинистым лицом и доброй улыбкой, но неожиданно оказалось, что она много, много более значительная личность. Я просто не замечал этого.

Анисти сама ответила на собственный вопрос:

— Твоя Блейз Полукровка, которую послал к нам Совет хранителей.

Я продолжал изумленно смотреть на Анисти.

— Кто ты такая?

— Сейчас? Просто старушка, любительница покопаться в саду, поболтать с друзьями, полюбоваться видом из окна, которая довольна жизнью и радуется визитам твоего озорника-дядюшки. А вот кем я была? Это совсем другая история. Я была женой человека, который правил Порфом, когда появился дун-маг... глупой легкомысленной женщиной, не ценившей то, что имела, до тех пор, пока всего не лишилась. — На мгновение я ощутил запах ее горя, тут же сменившийся ее обычным солнечным ароматом. — Ну вот, опять я разболталась! Причитаю по поводу прошлого... да только смысла в этом нет. А ты, мой мальчик, отправляйся в свою гостиницу, собери вещички и

догоняй Блейз и остальных. Друзья — это все, что есть у нас в жизни, а тебе нужно научиться жить в мире со своей совестью.

Я почувствовал словно дуновение холодного ветра. Анисти была права. Если я откажусь помочь своим друзьям в этом деле с дун-магией, мне предстоит страдать по поводу еще одной вины. Я был глупцом, так погруженным в одну моральную проблему, что не замечал других, ничуть не менее важных.

Я встал и поцеловал Анисти в щеку.

— Спасибо тебе, Анисти. Гэрровин был прав, когда сказал мне, что ты — мудрая женщина. Ох... а как же быть с его сундуком?

— Он будет ждать тебя здесь, когда ты вернешься.

Если у меня и были сомнения в том, правильное ли решение я принял, они рассеялись по пути в гостиницу. Впервые за последние недели я чувствовал себя умиротворенным.

Глава 15
Рассказчик — Келвин

Я стоял, глядя на Попрыгунью, и думал о том, что если у меня и был когда-то здравый смысл, то теперь я явно его лишился. В самом ли деле я настолько спешил добраться до Плавучей Заросли?

— Восемь сету, — сказал мне перевозчик.

Я заколебался.

Горное озеро, от которого начиналась Попрыгунья, наполнялось потоком воды, вырывающимся из-под скалы на склоне горы; было такое впечатление, что река начинает свою жизнь, вырвавшись из темницы и яростно плюясь белой пеной и брызгами. Покой горного озера немного умиротворял ее, но все равно даже скалы и узкие протоки Попрыгуньи не могли помешать ей страстно рваться вниз.

Я затратил три дня на то, чтобы подняться на хребет Килгар, вместе с другими путниками, в основном торговцами, пробираясь по узкой тропе.

— Восемь сету? — переспросил я, и мне даже не понадобилось притворяться возмущенным; хоть Анисти и предупреди-

ла меня, что путешествие вниз по Попрыгунье обойдется дорого, я все же не ожидал такой несусветной цены.

Перевозчик пожал плечами.

— Это еще без иллюзий. Иллюзии обойдутся в одно сету сверх того.

— Нет, иллюзии мне не нужны, — рявкнул я, хотя и не представлял себе, о каких иллюзиях он говорит. Восемь сету! Просто грабеж за путешествие, которое и длится-то всего один день!

— В цену входит кормежка, — утешил меня перевозчик, — и ночлег.

— Сколько времени займет спуск?

— Два дня. Только сегодня мы не отправимся.

Я не мог удержаться от того, чтобы не бросить взгляд на бурный поток и на плоты, привязанные к причалу на озере. Они представляли собой просто поплавки из нескольких слоев бамбука с настеленным поверх них полом... если хоть один из поплавков напорется на камень, пассажиры могут оказаться в воде.

— Ты берешь восемь сету за то, чтобы спустить меня вниз по такой реке на хлипком плотике? Это же гиблое место!

Перевозчик ухмыльнулся.

— Ты так думаешь? То, за что ты платишь, ты получишь, сир-путешественник. За восемь сету у тебя будет опытный плотовщик: мой брат Маки. Он в этом деле лучший. Да еще и я — рулевой. Ищешь смерти? Найми кого-нибудь, кто возьмет меньше. У меня есть родич, который еще только учится, — попробуй договориться с ним.

Торговаться было бесполезно, с опозданием сообразил я. Перевозчик прекрасно знал, что я не смогу проделать обратный путь по горным тропам до Амкабрейга, а потом отправиться в обход хребта Килгар. Я выбрал этот маршрут, чтобы добраться до Плавучей Заросли быстро, и перевозчик это понимал, хоть и не знал, зачем мне туда нужно.

Я сунул руку в кошель и вытащил монеты.

— А почему мы не можем отправиться сегодня?

— Вода стоит слишком высоко, в горах шли дожди. — Видя мою растерянность, перевозчик пожалел меня и добавил: — Мы не начинаем спуск, пока он не станет более безопасным.

Он снова усмехнулся, а я вздохнул. Люди обожали дурачить простофиль-горцев с Крыши Мекате. Иногда мне каза-

лось, что рыжие волосы и веснушки воспринимаются как признак слабоумия.

— Меня зовут Келвин Гилфитер, — сказал я, тем самым подтверждая свое согласие занять место на его плоту.

— А я — Джакан Тассини. Вон видишь домик с новой соломенной крышей? — Перевозчик показал на ряд домиков на сваях у кромки воды. — Ты можешь там расположиться — бесплатно, — пока мы не будем готовы. Одеяла — за отдельную плату. Кормежка, если согласен на обычную еду, — пять медяков.

— Ты же только что сказал...

— Кормежка бесплатная только после начала спуска.

Я еще раз вздохнул, вскинул на плечо свой мешок и пошел к указанному мне домику. Это было примитивное строение с деревянным каркасом, стенами из плетенных из панданы циновок, соломенной крышей и бамбуковым полом. Одна-единственная комната: ни мебели, ни уборной, ничего. Само селение было даже меньше, чем тарн на Небесной равнине, но все же, похоже, имело собственного патриарха-менодианина. Он сидел на земле рядом с домиком, окруженный деревенскими ребятишками, и что-то им рассказывал. Когда я проходил мимо, вся малышня вытаращила на меня глаза: должно быть, рыжие волосы были здесь в новинку.

В домике уже находились несколько человек: все они ждали, когда вода спадет и можно будет спуститься по реке. Это были по большей части те самые торговцы, которые со своими нагруженными ослами поднимались вместе со мной по тропе. Им нужно было поскорее распродать свой товар: время — деньги.

Все жители Небесной равнины с детства пасут селверов, и это учит их терпению, но сидеть в ожидании в этой захолустной деревушке было тяжело. Теперь, когда я убедил себя, что принял правильное решение, я хотел только догнать своих друзей вовремя, чтобы от меня была какая-то польза, чтобы Блейз, Флейм и Деку не пришлось бороться с дун-магом без той помощи, которую мог оказать им мой нос. К тому же меня все время преследовало странное чувство: нечто чрезвычайно важное, что мне следовало знать, было совсем рядом и тем не менее ускользало от меня.

* * *

К счастью, когда на следующее утро мы проснулись, выяснилось, что вода спала до уровня, который делал спуск возможным. Джакан велел мне собрать вещи и идти на причал, но перед отплытием попытался выжать из меня еще сету за иллюзии.

— Иначе ты перепугаешься, а то и сделаешь какую-нибудь глупость, — убеждал он меня. — А благодаря иллюзии спуск на плоту покажется тебе таким же легким, как поездка на осле.

— С какой стати мне платить за то, чего я даже не увижу? — спросил я.

— Ах, так ты обладаешь Взглядом! В таком случае... — Джакан пожал плечами, — дополнительной платы я с тебя не возьму. — Он привязал мой мешок к плоту и показал, куда я должен сесть. С боков плота имелось несколько веревочных петель, и Джакан обратил на них мое внимание. — Держись за них, когда начнет болтать, и не отпускай. Лучше еще и ноги продень тоже. — Он усмехнулся, ожидая от меня вопроса о том, какова вероятность перевернуться вместе с плотом, но я промолчал.

Первый плот с торговцами и их товарами отчалил раньше нас, и я следил, как мощное течение подхватило его, вынося из озера на стремнину. Напор воды был такой, что плот даже выгнуло...

К этому времени подошли и остальные пассажиры нашего плота. Первой явилась женщина с двумя детишками — мальчиком лет восьми и грудным младенцем — и большим узлом. Она сообщила, что зовут ее Стеласс и что она везет малышей к бабушке и дедушке на Плавучую Заросль. Как выяснилось, она вышла замуж за жителя Амкабрейга и не была дома шесть лет. Ее, похоже, совершенно не смущала перспектива путешествия с двумя детьми по бурной реке, буквально усеянной порогами.

Вторым пассажиром оказался патриарх. Он тоже направлялся на Плавучую Заросль, где, как я предположил, проживает его паства. Прежде чем сесть на плот, он снял свой коралловый медальон — символ его ранга — и черную мантию, оставшись в обычной дорожной одежде. Это меня оза-

дачило: может быть, он ожидал, что окажется в воде, и потому решил избавиться от мантии — не самого удобного одеяния в таком случае? У меня появилось еще больше опасений по поводу спуска по реке. Менодианин вежливо кивнул мне, и мы с ним обменялись ничего не значащими замечаниями о погоде.

Путешествие оправдало мои самые худшие ожидания. Как только мы оказались за пределами озера, нас подхватило быстрое течение, и мы помчались с устрашающей скоростью, иногда скользя по кипящей воде, как ласточки в воздухе, иногда протискиваясь между камнями и прыгая по порогам с безрассудством шпорцевой утки. Джакан, расставив ноги, стоял на носу с шестом, которым он отталкивался от скал; иногда, упав на колени, он с яростной энергией греб, чтобы направить плот прочь от водоворотов. Не прошло и нескольких минут с момента отплытия, как все мы промокли насквозь от брызг; мокрыми мы оставались все время пути.

Я цеплялся за веревочные петли, словно от этого зависела моя жизнь; возможно, так оно и было. Меня поразили Стеласс и ее сын: они сидели в середине плота, продев ноги в петли, как и советовал Джакан, но хватались за веревки лишь по распоряжению Джакана или его брата Маки — а это случалось только в самых опасных местах. В остальное время они сидели спинами вперед, по-видимому, не замечая того, что творилось вокруг. Можно было подумать, что они сидят в собственной кухне, обсуждая события спокойного, ничем не примечательного дня. Даже когда плот подпрыгивал на перекатах или им приходилось наклоняться, чтобы не задеть за камни, они воспринимали это с равнодушием, граничащим с безрассудством. Маки создал иллюзию, это я мог определить по запаху, но мне трудно было поверить в то, что она могла рождать полное спокойствие, какое, судя по всему, испытывали Стеласс и ее сын. Я оглянулся на патриарха. Он держался невозмутимо, но выражение его глаз выдавало его: он так же ясно видел все вокруг, как и я. Должно быть, он из обладающих Взглядом, решил я, хотя его запах говорил мне так же мало, как и запах Блейз.

Через несколько часов мы причалили к берегу, чтобы плотовщики могли отдохнуть. В полдень мы сделали еще одну ос-

тановку, на этот раз в прибрежной деревушке, чтобы пообедать; еду нам приготовили местные жительницы. Тут я воспользовался возможностью спросить патриарха, что видели Стеласс и ее сын и что делало их такими спокойными.

Он бросил на меня странный взгляд.

— Они видят спокойную реку, медленно текущую между берегов: ни камней, ни стремнин, ни перекатов.

— Это же безумие, — сказал я. — Разве они не чувствуют толчков? Разве на них не попадают брызги?

— Иллюзии в руках искусного силва обладают большой силой.

— Тогда я рад, что у меня к ним иммунитет.

Взгляд патриарха сделался пристальным.

— Любопытный выбор слов...

— Я врач. — Должно быть, мой ответ был таким же ворчливым, как голос пьяницы, страдающего от похмелья; впрочем, примерно так я себя и чувствовал.

— Ты обладаешь Взглядом?

— Нет, просто у меня иммунитет. Я никаких иллюзий не вижу.

Как раз в этот момент нас позвали плыть дальше, и у меня больше не было возможности поговорить с патриархом, пока мы не остановились на ночлег. На ужин, как и на обед, нам подали по большей части дичь из окрестных лесов и рыбу из реки. Я не мог заставить себя есть все это, но, к счастью, у меня еще оставался сыр, сушеные бананы и ямс, купленные в Амкабрейге, так что, добавив к этому вареные листья папоротника, приготовленные местными жительницами, я вполне смог насытиться.

Потом, когда я готовился ко сну в отведенном нам домике, менодианин поманил меня наружу. Он, по-видимому, наставлял своих единоверцев и выслушивал их жалобы, потому что спросил меня:

— Ты сказал, что ты врач? Здесь есть ребенок, нуждающийся в лечении. У него какое-то скверное кожное заболевание.

«Скверное» оказалось явным преуменьшением. Сыпь покрывала все тело бедного мальчишки и вызывала нестерпимый зуд, а расчесы только ухудшали дело. Ничего подобного я раньше не видел, хоть и знал, что в тропических районах Ме-

кате дети страдают тяжелыми болезнями кожи, в основном грибковыми. К несчастью, у меня с собой не было необходимых трав. Я долго объяснял родителям мальчика, какие растения нужно найти и как делать из них припарки. Они как будто слушали внимательно, так что можно было надеяться, что ребенок вылечится.

Когда мы вышли из хижины, патриарх поблагодарил меня и добавил:

— В этих глухих углах жители никогда не видят силвов-целителей, да они, наверное, и не приняли бы помощи от магов. Они консервативны, а их менодианская вера учит, что магия греховна. Наши плотовщики зарабатывают лишние сету благодаря таланту Маки, но бьюсь об заклад: от деревенских они это скрывают. В эти дальние селения обычные врачи тоже не заглядывают... и в этом ужасная трагедия. — Глубина его сочувствия страждущим тронула меня: я видел, что он и в самом деле беспокоится за этих людей, словно за собственных родственников.

— Нельзя же заботиться разом обо всех, — сказал я и тут же пожалел о своих словах. Все это меня не касалось... И когда только я научусь правильно вести себя с людьми, которые так откровенно выплескивают свои эмоции?

Ответом мне был еще один странный взгляд.

— Давай прогуляемся к реке, — предложил мне патриарх. — Я хотел бы поговорить об этом твоем иммунитете.

Я не видел причины отказать ему; менодианин казался мне приятным человеком, и пахло от него добротой. Так что я объяснил ему, что не вижу силв-магии — ни ее сияния, ни созданных ею иллюзий, хотя запах ощущаю. Впрочем, углубляться в описание особенностей обоняния жителей Небесной равнины я не стал.

— И ты предполагаешь, что такое свойственно и остальным горцам? — спросил он, когда мы дошли до реки и уселись на причале.

Искренний интерес менодианина льстил мне, и я начал развивать свою теорию:

— Да, я так думаю, хотя и не могу доказать. По-моему, дело в иммунитете к болезни, которым все мы обладаем и который проявляется в неспособности видеть серебристо-голубое сия-

ние, чем бы оно ни являлось, и иллюзии. Подозреваю, что и лечение силва мне не помогло бы, да и сквозь магическую защиту я прошел бы, даже ее не заметив — как вы, обладающие Взглядом.

Менодианин не стал отрицать, что обладает им, но посмотрел на меня изумленно.

— Болезнь? Ты считаешь силв-магию болезнью?

— Да.

Он постарался не рассмеяться — этот священник был человеком вежливым.

— Силвы с островов Хранителей были бы счастливы услышать такое. — Он улыбнулся. — А как насчет дун-магии? Она тоже болезнь?

— Возможно.

— У тебя есть доказательства? Если это болезнь, то как она передается? И почему ею не заражаются все подряд?

— По словам обладающей Взглядом, которая однажды присутствовала при родах женщины-силва, похоже, что младенец получил свой дар благодаря плаценте матери. Только все это ужасно трудно доказать, — с досадой признал я.

— Интересная теория. Если это болезнь, то ее можно излечить, верно?

Я засмеялся.

— Не все болезни излечимы, знаешь ли. Даже и силвы оказываются иногда бессильны, мне кажется. Конечно, я вовсе не убежден, что такая вещь, как исцеление силв-магией, существует. Больше всего меня озадачивает цвет, который видят обладающие Взглядом. Чем он может быть? Каким-то выделением? И почему другие его не видят?

Менодианин внимательно смотрел на меня, наполовину заинтересованно, наполовину насмешливо, как если бы считал меня несколько свихнувшимся.

— А дун-магия? — спросил он. — Что ты думаешь про дун-магию?

— Подозреваю, что это одно и то же.

— Прошу прощения?

— Силв- и дун-магия — одно и то же. Именно описание родов женщины-силва навело меня на такую мысль. Та обладающая Взглядом говорила, что силв-магия в плаценте была

настолько концентрированной, что почти приобретала цвет дун-магии.

— Ну, теперь я уверен, что ты не можешь говорить серьезно!

— Совершенно серьезно. Я подозреваю, что дун-магия — просто более тяжелая форма той же болезни, а Взгляд — менее выраженное проявление того иммунитета, которым обладаю я.

Мои слова его поразили. Я чувствовал сильный запах шока. Менодианин долго молчал.

— Это, кстати, может объяснить осквернение. Насколько мне известно, это может случиться только с силвом — не с обладающим Взглядом, не с обычным человеком. — Он молчал, так что я начал объяснять: — Осквернение — это когда...

— Я знаю, что такое осквернение, — резко перебил меня патриарх. — Меня более интересует то, что тебе об этом известно.

— Тот дун-маг, который может в одиночку осквернить силва, должен, как я думаю, быть особенно тяжело болен. Он заражает свою жертву собственной разновидностью болезни... может быть, каким-то образом отравляет ее кровь. Болезнь прогрессирует, и таким образом появляется еще один дун-маг. — Я умолк, почувствовав его отстраненность. — Да ты же ничему этому не веришь.

— Я священник, — медленно произнес он, — и к тому же человек, видевший много проявлений магии — как доброй, так и злой. Я убивал дун-магов, считая, что совершаю праведное дело, потому что это единственный способ бороться с ужасным злом, которое не должно существовать в мире. Теперь ты говоришь мне, что дун-маги могли стать тем, чем стали, из-за болезни... что это не их вина, что в один прекрасный день их даже можно будет излечить. Это... это очень тревожная мысль для менодианина. — Он повернулся и посмотрел на меня. В темноте я не мог видеть выражения его лица, но запах его беспокойства чувствовал отчетливо. — Я не ученый. Я предпочитаю смотреть на проблемы с духовной точки зрения и искать духовное решение, хотя достаточно практичен, чтобы принимать другие ответы, если духовное решение найти не удается.

В конце концов, Бог дал нам всем мозги, чтобы мы ими пользовались.

Ты о многом заставил меня задуматься, горец. Завтра ты должен будешь объяснить мне, откуда ты так много знаешь об осквернении. А сейчас, пожалуй, сюрпризов с меня достаточно. Пора отправляться спать.

Менодианин встал; я видел только силуэт высокого широкоплечего человека; на мочке его уха блеснул камешек в татуировке, говорящей о гражданстве Разбросанных островов.

Кто-то раньше описывал мне этого человека...

— Сотворение! — воскликнул я пораженно. — Ты вовсе не священник с Порфа...

Он снова повернулся ко мне и удивленно ответил:

— А я никогда и не говорил, что таковым являюсь.

— Ты Тор Райдер, верно?

Он замер на месте.

— Откуда, ради всех морских ветров, ты это знаешь? — тихо спросил он.

— Она... она тебя описывала. Я просто не ожидал встретить тебя здесь. Она говорила, что ты отправился на Спатты...

— Блейз, — еще более тихо пробормотал менодианин. — Ты знаешь Блейз. — Волна боли, исходящая от него, была так сильна, что у меня перехватило дыхание, но голос его оставался спокойным и твердым. — С ней все в порядке?

— Было в порядке... когда я видел ее в последний раз, несколько недель назад, в Амкабрейге. — Проклятие, он же любит ее! Это открытие меня смутило. Патриарх и Блейз? Это и был тот человек, о котором Блейз говорила, что любит кого-то?

— Она все еще там?

Я покачал головой. Мне приходилось делать усилие, чтобы находить нужные слова, и я не мог понять, в чем дело.

— Нет. Она с Флейм и Руартом отправилась на Плавучую Заросль.

Менодианин кивнул, как будто это и ожидал услышать, но рад получить подтверждение.

— Завтра... завтра ты расскажешь мне, кто, дьявол тебя побери, ты такой. Но не сейчас... не сейчас.

Он двинулся обратно к деревне, и его боль облаком тянулась следом, хоть он и не подозревал, что я чувствую это.

Глава 16
Рассказчица — Блейз

Значит, теперь снова моя очередь рассказывать, да? Надеюсь, ты отнесешься с доверием к моим словам, поскольку, как я понимаю, ты не всегда веришь тому, что говорит Келвин.

Брось, сир-этнограф, отпираться тут бесполезно! Нос Келвина сразу сообщает ему, когда на тебя нападает скептицизм. Раздражает, правда? Его никак не удается обмануть, уж я-то знаю. Я пыталась, только этот длинноносый тип видит меня насквозь.

Так о чем мне тебе рассказать? О путешествии из Амкабрейга к Плавучей Заросли? Ну да, неприятное было путешествие, что и говорить. Я не раз пожалела, что мы не выбрали более короткий путь через Килгарский хребет и вниз по Попрыгунье, только обошелся бы он нам, как я выяснила, наведя справки в городе, много больше того, что мы могли себе позволить на мой жульнический выигрыш в карты.

Дело было не в том, что дорога оказалась долгой (хотя и это тоже имело место), и не в том, что непрерывно шел дождь (а шел он постоянно), и не в том, что всех нас измучили влажность и жара (можешь мне поверить, нет ничего приятного в том, чтобы день и ночь обливаться потом); отравляло нам жизнь поведение Флейм и наше с Руартом растущее убеждение в том, что с ней происходит что-то очень плохое. Отдых в Амкабрейге восстановил физические силы Флейм, так что проблема в основном была в ее психике. Флейм стала угрюмой. Ее настроение быстро менялось: она то была прежней, то делалась просто невыносимой. Иногда на нее нападала безумная ревность, и тогда она обрушивалась на Руарта, а то и на нас обоих с руганью, которая была не просто грубой: мы терялись и от нелогичности, и от пугающей злобности Флейм.

— Как ты думаешь, что с ней творится? — по нескольку раз на день спрашивал меня Руарт.

— Должно быть, это какие-то следствия заражения ее дунмагией, — вздыхала я в ответ. — Остаточные явления, которые со временем исчезнут. — Надежда ведь умирает последней...

— Ей становится хуже, а не лучше, — возражал мне Руарт. Ему не нужно было обращать мое внимание на поведение Следопыта: если раньше пес прыгал вокруг Флейм и норовил лизнуть ее в лицо, то теперь он проявлял в отношении ее ту же опаску, что и в отношении змей, которые кишели вокруг дороги.

По правде сказать, я не знала, что творится с Флейм, а главное, понятия не имела, что тут можно поделать.

Бедняга Дек! Он-то думал, что отправляется на борьбу со злом в компании безупречных героев, а вместо этого оказался рядом с непредсказуемой, непостоянной, сквернословящей женщиной, мрачной и встревоженной птичкой, неуклюжей надоедливой собакой и воительницей с большим мечом, которая так же разбиралась во всем происходящем, как вареный лобстер! Впрочем, Деку все же удавалось иногда насмешить меня своими романтическими взглядами на мир: «Ах, сир-Блейз, тебе непременно потребуется знамя с твоим гербом на нем, когда ты выйдешь на битву с дун-магом! Иначе как твой противник узнает, кто на него напал?»

В глубине души я так жалела, что рядом нет Тора! Мне не хватало его советов, его трезвого взгляда на вещи, его быстрого ума и способности видеть картину в целом. Мне не хватало его ласкового взгляда, его рук, касающихся моего тела... И все же разумом я понимала, что поступила правильно; если бы мне пришлось решать заново, я снова рассталась бы с ним...

Что же касается более недавних событий, я остро сожалела, что Келвин Гилфитер не отправился с нами. Он был нам нужен. Особенно нужен он был мне: он мог бы определить, не больна ли Флейм; я хотела бы, чтобы его нос заранее оповещал меня об опасности; мне был бы так полезен его свежий взгляд на вещи... Почему-то, когда Гилфитер был рядом, я могла находить новые решения, видеть события с неожиданной стороны. Иногда он бывал ворчливым (Дек говорил в таких случаях, что на него напала хандра), но даже в периоды наибольшей мрачности в глубине глаз этого рыжего горца мелькал живой блеск. Мне нравился его скептицизм, его любопытный ум, его желание понять окружающий мир. Я ценила его добросердечие и восхищалась его мужеством: он

прекрасно понимал, что делает, когда убил Джастрию, понимал, что ему придется нести это бремя всю жизнь. Он не искал для себя оправданий. Он пожертвовал частью того, во что свято верил, чтобы избавить ее от страданий; это обошлось ему еще дороже, чем он ожидал, но и новые несчастья он переносил по большей части с достоинством. В Келвине было что-то ужасно привлекательное: мальчишеское выражение веснушчатого лица в обрамлении лохматых рыжих волос, детская любознательность, которой он не терял даже в самые трудные моменты. Он был неуклюжим, кончик носа у него шевелился, он краснел, как влюбленный подросток, но когда он был рядом, мне казалось, что мир становится лучше.

И все-таки, дьявол его побери, этого упрямого волосатого врача-вегетарианца с нами не было. Проклятие на всех воркующих миротворцев! А уж как мне было противно оказываться раскрытой книгой просто потому, что от меня, оказывается, пахнет, как от циветы...

На полпути к Плавучей Заросли я сказала Руарту, что нам, пожалуй, следует вернуться в Амкабрейг: Флейм, говорила я, стала слишком непредсказуемой. Пока она такая, у нас нет ни единого шанса справиться со столь изворотливым негодяем, как Мортред. Руарт согласился со мной, но когда мы попробовали уговорить Флейм, она категорически отказалась возвращаться. Когда на нее находило, она гневно упрекала нас в желании помешать ей отомстить, в стремлении присвоить себе всю славу победы над Мортредом, отстранив ее. В моменты же просветления, когда я пыталась что-то доказать ей, она оказывалась просто не способна понять, что проблема существует. Она озадаченно смотрела на меня своими невинными голубыми глазами и говорила, что с ней все в порядке, с чего это мы поднимаем такой шум? Или у нас просто зубы стучат от страха? Мортред все еще жив, и каждый миг проволочки может означать, что еще один силв осквернен, еще один ребенок захвачен в рабство, еще одна женщина изнасилована... неужели это то, чего мы хотим?

Все было, конечно, не так. Однако я не хотела, чтобы какая-нибудь обуза мешала мне при схватке с Мортредом, а Флейм, на мой взгляд, стала именно обузой.

— Придется попытаться, — со вздохом сказал мне Руарт так, чтобы Флейм его не слышала. — Может быть, когда Мортред умрет, она окончательно поправится.

В этом-то, конечно, и заключалась главная проблема. Мы должны были уничтожить Мортреда ради Флейм, а если мы откажемся от своей затеи, мы никогда не узнаем, можно ли было ее исцелить.

Так что мы продолжали путь.

По дороге я старалась как можно больше узнать о Плавучей Заросли от местных жителей и от попутчиков, и все же первый взгляд на нее поверг меня в изумление. Я ожидала увидеть озеро, пусть и заболоченное, но все же представляющее собой водное пространство. Когда мы достигли вершины холма и увидели внизу Плавучую Заросль, никакой воды там не было и в помине — то есть она там, конечно, была, но полностью скрытая растениями — плавучими растениями.

— Это и есть пандана, — сказал Дек.

— Откуда ты знаешь?

— Ну, говорили же, что она растет на Плавучей Заросли, — пожал плечами парнишка.

— Теперь только нужно узнать, где именно прячутся дун-маги, — сказал Руарт. — Озеро-то большое.

Он был прав. Мы находились у южного конца озера шириной в три-четыре мили, а северный его конец даже с вершины холма было не разглядеть.

— Может быть, в деревнях на берегу живут птицы-дастелцы, — предположила Флейм, — и мы сможем узнать об этом у них. — Сейчас она была такой же, как раньше.

— Если мы их не найдем, можно спросить обычных жителей, не происходит ли где-то чего-то странного, — сказала я, не сомневаясь, что ответ на свой вопрос мы получим.

— Я могу летать вокруг, пока не замечу отсветов дун-магии, — предложил Руарт.

В конце концов нужные сведения мы добыли именно так, как рассчитывала я. Деревенские жители были только рады поговорить о свалившихся на них несчастьях, хотя их рассказы и были довольно путаными. Как нам сказали, что-то очень странное происходило на острове посередине озера. Там раньше

ше существовало селение, в котором жили сборщики панданы и их семьи, теперь же по какой-то непонятной причине приблизиться к острову стало невозможно.

Когда я стала расспрашивать о подробностях, крестьяне только переминались с ноги на ногу и обменивались боязливыми взглядами. Не могли они подплыть к острову, и все тут. Никто больше не хотел теперь заниматься и сбором панданы, поскольку не было никакой уверенности, что удастся вернуться домой. Люди стали исчезать. Должно быть, виноваты духи озера... С другой стороны, говорила же девушка из соседней деревни, что ее захватили какие-то чужаки...

О дун-магии никто ничего не знал — здесь жили богобоязненные менодиане, как они с гордостью сообщили мне... ну, слухи-то, конечно, ходили... Жители деревни были напуганы. На берегу озера видели незнакомых людей, они без спроса и ничего не заплатив забирали лодки, а если хозяева возражали, то заболевали и умирали. Лучше было не высовываться, когда на берегу появлялись чужаки, лучше было спрятаться и позволить им брать, что они хотят. Старосте деревни хватило смелости послать донесение повелителю в Мекатехевен, но до Мекате было далеко, а наместник в Порфе сидел тихо как мышка и не осмеливался и пискнуть без приказа начальства.

Сборщики панданы с радостью готовы были предоставить нам лодку, хоть и за безбожно высокую цену, но категорически отказались быть проводниками.

— Придется уж вам самим мутить воду шестами, — сказал один из них, — это дело ваше. Только не рассчитывайте, что мы поможем вам разбудить чудовище. — Другие сборщики, собравшиеся вокруг нас, закивали. Не знаю, были ли эти слова метафорой...

Я осмотрела лодку. Это была широкая плоскодонка, рассчитанная на то, чтобы перевозить груды листьев панданы, а не людей. Управлять ею было трудно. Следопыт тут же вскочил в лодку и все обнюхал, оставшись, по-видимому, довольным, потому что улегся посередине и громко заколотил хвостом по дну.

— В какой стороне остров? — спросила я.

— Прямо на север, — сказал хозяин лодки, показывая вдаль.

— Ты свихнулся, Скедрисс, — сказал ему какой-то старик. — Не увидишь ты больше своей лодки.

Тот только пожал плечами.

— Ну и что? От нее все равно никакой пользы — никто из нас не отважится выйти на промысел. А денежки мне пригодятся: кормить-то семью ведь нужно.

Я пообещала, что сделаю все от меня зависящее, чтобы вернуть лодку, и мы принялись торговаться. Сначала нам не удавалось договориться: хозяин лодки заломил совершенно сумасшедшую цену; однако когда я предложила в уплату еще и осла, мы ударили по рукам, и лодка стала нашей. Думаю, что после такой сделки парень перестал тревожиться о том, получит ли лодку обратно.

— Уж не собираетесь ли вы отправляться сразу же? — ошеломленно спросил Скедрисс, увидев, что мы начали грузить в лодку свои пожитки.

— Почему бы и нет? — пожала я плечами.

— До заката остается всего час!

— А сколько времени плыть до острова?

— Часа два, а то и больше, если заплутаете: ведь будет уже темно. Хотя, если подумать, вы скорее всего заблудитесь и при дневном свете.

— Мы отправляемся немедленно, — положила я конец его возражениям. Заблудиться я не боялась: если Мортред где-то поблизости, Взгляд поможет мне его обнаружить, я ведь увижу багровое свечение.

Скедрисс пожал плечами и протянул мне шест.

— На озере есть несколько глубоких мест, где шест не достает до дна, — сказал он. — Тогда гребите веслами. Течение направлено с юга на север, только оно очень медленное всюду, кроме устья Попрыгуньи, — он показал в сторону, — и истоков Лентяйки на северной оконечности.

— Что за Лентяйка? — поинтересовался Дек.

— Ну, Лентяйка — это река, хоть и не такая, как Попрыгунья. На самом-то деле Лентяйка по всей длине судоходна, по ней можно добраться до побережья на плоскодонке вроде этой. Вот обратно плыть трудно из-за встречного течения... Мы раньше сплавляли по Лентяйке пандану на бамбуковых плотах до самого Раттиспи.

— Думаешь, ты сумеешь справиться с этой лоханкой? — спросил усевшийся на нос суденышка Руарт. — Она и на лодку-то не очень похожа.

— Выкрутимся, — буркнула я, укладывая последний мешок.

— Я умею управляться с шестом, — сообщил Дек.

Я уже собралась запретить ему это, когда сообразила, что мальчишка вовсе не хвастается: он ведь всю жизнь плавал на ялике по мелководью бухты Китаму. Я протянула Деку шест.

— Так я и знала, что не напрасно прихватила тебя с собой, — сказала я ему.

Дек ухмыльнулся и с помощью собравшихся на берегу сборщиков панданы оттолкнул лодку от берега.

Мы с Флейм вооружились веслами и стали помогать Деку направить неуклюжее суденышко через узкую полоску чистой воды к зарослям панданы.

— А теперь куда? — спросил Дек. Это был не праздный вопрос: на первый взгляд мы оказались перед сплошной стеной растительности — кошмаром для любого путника. Пандана росла купами, каждая высотой в человеческий рост; потом нам предстояло узнать, что бывают и вчетверо более высокие... Каждый куст имел центральный ствол, похожий на бочонок, от которого отходили стебли с расположенными на них по спирали длинными узкими листьями. Плотные листья длиной в три-четыре шага были желтоватыми в середине и зелеными по краям; они оказались усажены устрашающего вида шипами. Стебли, словно не выдерживая веса листьев, сгибались посередине, так что кончики листьев доставали до воды.

— Ну и страшилища, — пробормотал Дек, — похожи на зелено-желтых пауков.

— И больших пауков, — с почтением сказал Руарт.

От нашей лодки расходились волны, и пандана закачалась. Я заглянула в черную глубину воды и разглядела толстые корни, переплетающиеся друг с другом, образуя сплошную сеть, в которой запутывались отмершие листья: они служили пищей этим растениям-самоедам. Нам повезло: пандана росла не сплошняком. Она образовывала плавучие острова разного размера: от трех-четырех кустов до больших скоплений, тянущихся на несколько сотен шагов. Только высаживаться на эти

острова не хотелось: листья, вооруженные смертоносными шипами, торчали со всех сторон, угрожая пришельцу.

— Вон туда, — показала я Деку на узкий проход между двумя островами. — Мы с Флейм будем отталкиваться веслами, если окажемся слишком близко от кустов, а Руарт может иногда летать на разведку, чтобы показывать нам дорогу на север.

— А что будет, когда стемнеет? — с сомнением спросил Руарт.

— Мне кажется, что тогда мы заметим дун-магию — ее красный отсвет на небе.

На это никто ничего мне не ответил.

Будь обстоятельства другими, я могла бы счесть Плавучую Заросль красивой. Неподвижная черная вода там, где кусты расступались, отражала, как зеркало, растительность и небо. Пандана плавала на ней с обманчивой, учитывая шипы, безмятежностью, а протоки извивались между зарослями, как звериные тропы в девственных джунглях. Иногда листья переплетались вверху, и тогда протоки превращались в туннели, мягко колеблющиеся от разбегающихся за нашей лодкой волн. Возникало ощущение, что озеро с его растительностью — единый живой организм, безразлично наблюдающий за нашим продвижением. Иногда мы, оказавшись в тупике, бывали вынуждены возвращаться, но по большей части благодаря разведывательным полетам Руарта нам удавалось этого избегать.

Впрочем, я была не так уж уверена в том, что заросли вполне безопасны. Изредка мы слышали странные звуки, зловещие напевные ноты, не имевшие, казалось, определенного источника. Какой-то жуткий шепот разлетался между кустами панданы, умирая так же загадочно, как и родился. Может быть, и независимо от звуков, иногда возникало движение: что-то поднималось из глубин на поверхность, и у меня на мгновение рождалось ощущение, что за нами наблюдают. Если я достаточно быстро оборачивалась, мне удавалось заметить какое-то большое существо, тут же скрывавшееся под водой. Дек клялся, будто сумел разглядеть одно из них и что это была русалка.

Я беспокоилась: ненавижу вещи, которых не могу объяснить, а у меня не исчезало ощущение, что за нами следят.

Следят или охотятся? Я старалась убедить себя, что существа, ведущие себя так скрытно, не могут представлять для нас большой угрозы, и все-таки я не могла чувствовать себя в безопасности. Я не стала говорить Деку, что русалок не существует. Пареньку возможность повстречаться с жительницей вод, похоже, казалась интересной и неопасной; пусть уж он лучше верит в русалок, чем начнет воображать, что мы окружены чудовищами. Дек, умело управлявшийся с шестом, явно наслаждался доказательством того, какой он полезный член команды.

В отличие от него Флейм оставалась мрачной. Она неуклюже орудовала веслом единственной рукой, хотя и очень старалась. Она почти ничего не говорила и даже не вскрикнула, когда низко нависавший лист оцарапал ей шею. Я попыталась вспомнить, когда мы с ней в последний раз перекидывались шутками, и поразилась, придя к выводу, что это было еще в Амкабрейге. Гнет тревоги от этой мысли только увеличился. Мне отчаянно хотелось обсудить с ней, как мы будем сражаться с Мортредом и Домино, когда обнаружим их, но каждый раз, когда я об этом заговаривала, Флейм отворачивалась. Руарт, конечно, как и я, стремился обсудить возможности, и мы с ним подготовили несколько различных планов действий; к несчастью, все они предполагали, что Флейм воспользуется своей магией, чтобы при помощи иллюзий скрыть наше передвижение по селению злых колдунов, а теперь ни один из нас не мог быть уверен, что в самый ответственный момент она не подведет.

Когда на небе погасли последние отсветы заката, мы зажгли фонарь и повесили его на носу лодки. Если этого оказывалось недостаточно, чтобы осветить нам дорогу, Флейм любезно создавала колдовской огонь. Впрочем, как я и ожидала, общее направление теперь нам указывал омерзительный красный отсвет дун-магии. Мы не всегда видели его с лодки, но когда нам бывало нужно сориентироваться, Руарт взлетал и давал нам указания.

Загадочные существа в воде стали смелее: они подплывали совсем близко к лодке, потом бесшумно исчезали в темноте. Мне так и не удавалось их рассмотреть, но то обстоятельство, что Следопыт не выказывал никакого беспокойства, меня обо-

дряло. Более того: когда мы привязали лодку к кусту панданы, чтобы немного отдохнуть и подкрепиться, пес тут же прыгнул в воду.

— Ух ты! — восхитился Дек. — Он же нырнул! Вы видели? Он нырнул прямо в глубину, как черепаха!

Мы с Флейм стали всматриваться в темную воду, но Следопыта не увидели. Через некоторое время, показавшееся нам ужасно долгим, пес показался позади лодки с рыбиной в зубах. Я попыталась отобрать у него добычу, но это не встретило понимания, и нам пришлось втаскивать в лодку Следопыта с рыбой вместе. Ясное дело, после этого псу приспичило отряхнуться; окатив нас всех брызгами, он с довольным видом принялся ужинать.

— Мерзкое животное, — пожаловалась Флейм, хотя и достаточно снисходительно. Я с беспокойством отметила, в каком напряжении нахожусь: каждый раз, когда Флейм открывала рот, я с ужасом ждала, что она скажет...

Мы двинулись дальше. Когда Дек уставал, я на некоторое время сменяла его, толкая лодку шестом. Странные мелодичные ноты продолжали доноситься из темноты — печальные, прекрасные, заставляющие мурашки пробегать по спине...

Примерно через два с половиной часа после того как мы покинули деревню, Руарт в очередной раз отправился на разведку и отсутствовал долго.

— Плохие новости, — вернувшись, сообщил он. — Они установили магическую защиту на всех до единой протоках вокруг острова. Нет никакой возможности проникнуть туда.

— Ты облетел вокруг всего острова? — спросила я.

— Нет. Это заняло бы слишком много времени. Но я летал вправо и влево и нигде не мог найти неперегороженной протоки. Там хватит дун-магии, чтобы осветить целый город... Блейз, Мортред намного сильнее, чем мы думали!

Я задумалась. На нас с Деком и Руартом магическая защита действия не оказала бы, а Флейм могла ее разрушить, но только в том случае, если установивший ее дун-маг уступал ей в силе. Если же защита — дело рук могучего колдуна, да еще и использовавшего помощь других...

Я вздохнула. Мортред был хитер: он полагался на непроходимость зарослей панданы и расходовал силу только на защиту проток.

— Пробраться через пандану мы не сможем: высадиться на плавучий остров все равно что ходить босиком по ножам. Неужели придется отступиться? — спросил Дек. На лице его было написано горькое разочарование.

— Кто говорит о том, чтобы отступиться? — сказала я. — Если Флейм не может пройти сквозь защиту, это просто значит, что ей придется поднырнуть под нее. Да и вообще лучше не разрушать чары: Мортред об этом узнал бы.

Флейм в ужасе посмотрела на меня.

— Поднырнуть? Плыть под водой? Ты что, рехнулась? Разве ты забыла, что я не умею плавать?

— Я и не предлагаю тебе плыть, — возразила я. — На самом деле я предлагаю тебе опуститься под воду и пройти под защищенной частью протоки.

Флейм растерянно посмотрела на меня и пробормотала что-то о том, что у полукровок нет половины мозгов. Даже Дек смотрел на меня с сомнением. Ни один из нас не забыл о странных существах в воде.

— Я пойду с тобой вместе, Флейм, — сказала я, стараясь вложить в свой голос уверенность, которой на самом деле не чувствовала. — И Следопыт тоже. Руарт, покажи нам, где начинается опасное место.

Руарт провел нас по извилистому туннелю между кустами панданы, смыкавшимися над протокой. Флейм поморщилась, когда шипы начали скрести по бортам лодки. Впереди я видела красное сияние дун-магии. Я остановила лодку как раз перед препятствием.

— Мы уже на месте? — спросила Флейм.

Я кивнула. Она, конечно, не могла видеть то, что видела я.

— Дек, проведи лодку вперед и подожди нас.

Паренек с сомнением посмотрел на переливающийся красный занавес.

— А больно не будет?

— Нисколечко. Для нас, обладающих Взглядом, это просто туман.

— А как насчет... насчет этих тварей в воде? — спросил Дек.

Без этого напоминания мы прекрасно обошлись бы... Я ничего не ответила и решительно выбросила Следопыта за борт, потом, сняв сапоги и большую часть одежды, последовала за ним. Держась за борт, я обратилась к Флейм:

— Я сначала пойду на разведку. Ты можешь зажечь колдовской огонь под водой в двух шагах от лодки? Я хочу выяснить, глубоко ли заходит защита.

Она кивнула, но на лице ее по-прежнему были написаны страх и неуверенность.

Огонек скользнул под воду, даже не моргнув, и продолжал ярко гореть. По мере того как Флейм опускала его глубже, опускалась и я. Сияющий занавес колдовской защиты доходил до самого дна... Я вынырнула на поверхность.

— Ты можешь послать огонек под куст панданы, немного левее?

Флейм молча сделала, как я просила. На этот раз я нырнула под заросли, и Следопыт последовал за мной. Пес нырял с открытыми глазами, а клапаны на ноздрях у него закрылись. Все оказалось так, как я думала: магическая препона под плавучим островом отсутствовала. Все, что нам нужно сделать, — это нырнуть достаточно глубоко, чтобы пробраться между корнями панданы...

Я снова вынырнула.

— Это будет нетрудно, — весело сказала я, пытаясь ободрить Флейм, хоть сама и продолжала тревожиться. Я не могла забыть те серые тени, что мелькали в воде. — Оставь свой огонек под водой, Флейм.

Она только хмыкнула.

— Ты сможешь держать глаза закрытыми, — улыбнулась я ей.

— Держи меня как следует, а то я наведу такую иллюзию, что ты от нее всю жизнь не избавишься!

Я не стала спрашивать, какую именно иллюзию она имеет в виду: при ее чувстве юмора это мог оказаться прыщ на кончике носа или что-нибудь в этом роде.

Флейм неохотно вылезла из лодки, и я подхватила ее, прежде чем она ушла под воду.

— Я сейчас буду считать, — сказала я. — На счет три сделай глубокий вдох, и мы с тобой нырнем.

Флейм печально кивнула, и я начала считать.

Глава 17
Рассказчица — Блейз

Две пульсирующие колонны света, подобно столбам ворот в неизвестность, поддерживали ажурный занавес защиты. Алое кружево перекрывало водное пространство и уходило вверх в черноту ночи, растворяясь где-то в высоте.

Дек, на плече которого устроился Руарт, глубоко вздохнул и оттолкнулся шестом, направляя лодку вперед по протоке. Паренек поморщился, пересекая барьер, но его первое соприкосновение с творением дун-магии оказалось безболезненным, и он без всяких препятствий перебрался на другую сторону.

Флейм вцепилась мне в волосы и едва не вырвала прядь, когда я нырнула, ориентируясь на колдовской огонек и прижимая ее к себе. Как раз когда мы достигли самого глубокого места, я увидела в воде перед собой несколько серых теней, и именно в этот момент огонек погас. Флейм, перепуганная тем, что оказалась под водой, забыла о своей магии. Поскольку глаза у нее были плотно зажмурены, она не догадывалась, что в результате мы оказались в еле освещенном багровыми отсветами подводном мире.

Я мысленно выругалась. Теперь я не могла видеть серых существ и не представляла себе, где они находятся. Задрав голову, я смогла разглядеть смутное пятно фонаря на носу лодки. Выбора у меня не было. Я рванулась к поверхности, волоча за собой Флейм. Следопыт последовал за мной: в воде он чувствовал себя так же свободно, как и на земле. Что-то задело и оцарапало мою руку. Пандана? Потом я ощутила толчок, отбросивший нас с Флейм в сторону... и наши головы вынырнули на поверхность.

— Да краб тебя заешь, Флейм! Будь так добра, оставь хоть немного волос у меня на голове! — прорычала я.

Дек широко улыбался.

— Ух ты! Это и есть дун-магия? Как я здорово прошел сквозь нее! Только вот воняет, как от тухлой рыбы... А вы в порядке? Вы чуть не врезались вон в тот куст панданы.

— Это я заметила, — довольно резко ответила я. — Кто-то позволил проклятому колдовскому огоньку погаснуть.

Мне было больно: пряди волос я все-таки лишилась, а из царапины на руке торчало несколько обломанных шипов панданы. Я влезла в лодку, потом втащила Флейм и Следопыта. Следопыт немедленно отряхнулся, обдав Дека брызгами.

Флейм, отдышавшись, успокоилась.

— Прости, что выдрала тебе волосы. Только это ведь ерунда: у тебя еще вон сколько их осталось.

— Я и не подозревала, что ты так о них мечтаешь, — ответила я, потирая больное место. Ее попытка шутить, хоть и не слишком удачно, меня порадовала.

— Если бы ты выпустила меня, уж я бы позаботилась, чтобы ты осталась лысой! Как ты думаешь, этот подонок не мог еще и на берегу установить защиту?

— Сомневаюсь. Слишком много нужно на это сил. — Я тревожно огляделась и тут же заметила серую тень, скользнувшую под поверхностью воды. Отсветов дун-магии было недостаточно, чтобы я смогла разглядеть существо, но мне показалось, что оно движется в воде с изяществом скорее дельфина, чем рыбы. Оно приблизилось к лодке, потом отплыло и неподвижно замерло в воде в нескольких шагах от нас. Я различила только блеск глаз, следящих за нами. Глаз, в которых я прочла интеллект...

— Дек, — прошептала я, — уведи отсюда лодку, только двигайся осторожно и тихо. Мы, должно быть, уже недалеко от острова. Руарт, ты не осмотришь окрестности?

Дек взялся за шест и начал отталкиваться. Серая тень скользнула вдоль борта и исчезла.

Ночью стало холодно, а мы были мокрыми. Мы с Флейм порылись в своих мешках и достали сухую одежду.

— Как ты себя чувствуешь? — отталкивая в сторону все еще мокрого Следопыта, который норовил прижаться ко мне боком, спросила я Флейм, когда она натянула сухую тунику.

— Как будто меня избили, — ответила Флейм. — Что-то врезалось в нас в воде. Что это было? — Голос Флейм звучал резко, в нем появилась необычная злость. По крайней мере для прежней Флейм это было необычно...

— Не знаю. — Я в самом деле не знала, но не могла избавиться от мысли, что толкнуло нас живое существо и что стол-

кновение было намеренным. Меня начал бить озноб. Возможно, дело было в близости к дун-магии или в том, как посмотрела на меня — словно впервые видела — Флейм. Я сказала себе, что не следует быть мнительной. — Ты не могла бы зажечь колдовской огонек? Мне нужно вытащить колючки из руки.

Она сделала такое одолжение, но с полным равнодушием к моим неприятностям... меня снова пробрал озноб. «Это не та Флейм, которую я знала раньше», — подумала я.

Дек отвлек меня от печальных мыслей.

— Господи, вот теперь-то и начнутся настоящие приключения, верно? — Глаза его сияли предвкушением.

Я вздохнула. У меня приступ морской лихорадки, не иначе. С чего вообще я ввязалась в эту авантюру? Даже у Гилфитера оказалось больше мозгов: вот он и не пожелал связываться с дун-магией. А теперь мне придется не только присматривать за Флейм, но еще и следить, чтобы Дек не впутался в неприятности, сочтя себя легендарным героем. Я прочла ему коротенькую, но выразительную лекцию на тему о том, что следует подчиняться приказам... Как жаль, что с нами нет Тора! Он настолько лучше справлялся с подобными вещами, чем я...

Руарт отсутствовал минут десять. Когда он вернулся, то, усевшись на носу лодки, сообщил на обычной своей смеси жестов и чириканья:

— Держи курс прямо вперед. До берега шагов двести. Поблизости никаких строений нет... по крайней мере нет огней. Самые заметные следы дун-магии в миле или двух справа. Думаю, там и расположена деревня.

— Мы причалим здесь, — решила я, — и немного поспим, а на рассвете оглядимся. Дек, будь добр, погаси фонарь. Дальше мы будем двигаться только при свете колдовского огонька Флейм.

— А они его не увидят? — спросил Дек.

Я покачала головой.

— Определенное проявление магии могут видеть только обладающие Взглядом и тот, кто его вызвал. Остальные видят только следствия заклинания. Например, трудно не заметить увечья, нанесенные дун-магом. А вот теперь, мой мальчик, нам лучше помалкивать. В случае необходимости будем перегова-

риваться только шепотом. Где-нибудь поблизости может оказаться охрана. Флейм, перемести свой огонек вперед, чтобы было лучше видно. А ты, Руарт, показывай дорогу.

Остров оказался очищен от леса, насколько можно было судить при свете созданного Флейм колдовского огонька. Там, где мы причалили, тянулось засеянное чем-то поле, но никаких строений поблизости видно не было. Мы с Деком вытащили лодку на берег и у ее кормы разбили что-то вроде лагеря.

— Клянусь рыбьими потрохами! — проворчал Дек. — Ну и воняет же здесь! А часовые у нас будут? Не возражаю дежурить первым.

Мне еле удалось удержаться от смеха при виде такого энтузиазма.

— Не думаю, что в этом имеется надобность. У нас же есть Следопыт, а Флейм может установить простую защиту, которая будет действовать, даже когда она спит.

— Если кто-нибудь наткнется на защиту, будет столько шума, что мы сразу же проснемся, — обнадежила парнишку Флейм. Она, казалось, снова стала прежней. — Для Мортреда моя защита, конечно, не окажется препятствием, но я сразу узнаю, если она будет нарушена. Я установлю ее в двух сотнях шагов от лагеря, чтобы получить предупреждение заблаговременно. Да и иллюзия сделает нас почти невидимыми. Не беспокойся, Дек. Я здорово умею устанавливать защиту, а мои иллюзии обманут кого хочешь — в том числе и Мортреда. Я это точно знаю — убедилась на практике.

— Ну... — Дек был одновременно и разочарован, и впечатлен. Он зачарованно смотрел на Флейм, когда та, отойдя на некоторое расстояние, установила защиту одним усилием воли. — Только почему защита такого странного цвета? Разве чары силва не должны светиться серебристо-голубым? Флейм в Амкабрейге мне так говорила!

Я оглянулась. Колонны света отливали пурпуром, а филигранная завеса между ними — серебристым, розовым и лиловым.

— Обычно так и есть, — неохотно сказала я. — На этом проклятом острове, похоже, на всем оказывается отсвет дунмагии...

Несмотря на это объяснение, Дек выглядел смущенным.

— А завтра что будет? У меня ведь нет меча. — Он расстелил свою подстилку и приготовился улечься. — Есть только нож для разделки рыбы.

— Никто не собирается посылать тебя в бой, — сказала я. — Дек, нас ведь всего трое, не считая Руарта; было бы колоссальной глупостью воевать с целой общиной дун-магов. Нам сначала нужно разведать, что здесь происходит. Считай, что завтра мы займемся сбором информации.

Мальчишка сразу повеселел.

— Будем шпионить?

— Если угодно.

— А что, если они на нас нападут? У тебя по крайней мере есть меч...

— У тебя есть гораздо более совершенное оружие, — сказала я ему. — Ты обладаешь Взглядом. А все мы вместе вооружены еще лучше — иллюзиями Флейм. Завтра с утра пораньше мы под их прикрытием подберемся к селению. Если удастся, мы убьем Мортреда, если же нет — просто разведаем как можно больше и отступим, чтобы обдумать свои планы.

Дек снова пришел в хорошее настроение.

— Ты уже делала так раньше, да? Вдвоем с силвом пробиралась к врагам, наносила удар и снова скрывалась?

— Да. — Мы с Арнадо. Много раз... Я, обладающая Взглядом, чтобы выследить дун-мага, силв, чтобы скрыть нас с помощью иллюзии, два меча, чтобы убить... — Вот что, Дек: если ты попадешься дун-магу, первое, что он... или она... сделает, это наложит на тебя заклятие — скажет, что ты в его воле и должен делать все, как он скажет. Ты, конечно, ничего такого не почувствуешь, только смотри подыграй ему, притворись покорным. А уж потом, если подвернется случай, беги.

— Ты говоришь так, будто это пара пустяков. — Дек с сомнением посмотрел на меня; он, конечно, был полон энтузиазма, но ему хватало сообразительности понять, что не все так просто.

— Иногда... иногда дун-маг бывает хитер и устраивает проверку: не обладаешь ли ты Взглядом... и то, что тебе велят сделать в доказательство, может оказаться трудным. Например, причинить кому-то боль.

Дек обдумал услышанное, потом с тревогой посмотрел на меня.

— И что же мне делать в таком случае?

— Ты окажешься перед выбором, и никто за тебя его не сделает. Ты должен будешь взвесить все обстоятельства и решить. Только помни: какой бы выбор ты ни сделал, назад не оглядывайся. — Никогда нельзя думать о том, как ты поступаешь с другими... что иногда приходится делать... как, например, с Ниамором... По крайней мере нужно стараться об этом не думать.

Дек обдумал мои слова, и на его лице отразилось еще большее беспокойство.

Скоро вернулись Флейм с Руартом.

— Не забудь защиту со стороны берега, — напомнила я ей. — Не хватало еще, чтобы кто-нибудь обнаружил нас с лодки.

Флейм кивнула и села у воды, чтобы замкнуть защитное кольцо.

— Дек, — тихо сказала я парнишке, который улегся и завернулся в одеяло, — если ты собираешься посвятить жизнь борьбе с дун-магией, то запомни: она не похожа на героическую легенду. Тут все очень реально, грязно и печально. Умирают люди, которым следовало бы жить. Люди страдают. Тебе тоже придется страдать. Главное, запомни: ты не станешь героем, если позволишь себя убить. Ты будешь просто мертвым. Обычно удается достичь гораздо большего, проявив трусость и оставшись в живых, чем героически погибнув. — Парнишка нахмурился, и я поняла, что не убедила его. Он ведь мечтал о знаменах и мечах, о благородных сражениях между героями и злодеями. В мире, каким его рисовал себе Дек, не было невинных жертв, и герой не пытался безуспешно засунуть кишки обратно в свой распоротый живот, в то время как злодей удалялся с победой.

Я продолжала более мягко:

— Ты можешь подождать нас здесь, если хочешь. Ты еще очень молод. Ты сможешь разобраться во всем, о чем я тебе говорила, когда станешь постарше, когда наберешься опыта, чтобы не делать ошибок. Всегда ведь можно передумать...

Деку не понадобилось и секунды на размышления. Он покачал головой:

— Нет, я пойду с вами. Просто мне жаль, что у меня нет меча, вот и все.

— Я тебе скоро его раздобуду, обещаю. И я позабочусь о том, чтобы ты научился им пользоваться.

Дек радостно заулыбался, а я подавила вздох.

К нам присоединилась Флейм. Она была угрюма, что меня не удивило: на следующий день ей так или иначе предстояло столкнуться с человеком, который ее изнасиловал и осквернил.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросила я ее, когда Дек уснул.

Флейм взяла меня за руку.

— Ты слишком много тревожишься. Со мной все в порядке. — Она мне улыбнулась своей прежней полной любви улыбкой. Клянусь: в ней не было и намека на предательство. Она было той же Флейм, что и раньше: смелой, решительной, лукавой... — Конечно, я испытываю напряжение, но и облегчение тоже — облегчение от того, что все скоро кончится. Он где-то рядом, Блейз. Я это чувствую.

Я согласилась с ней. В окружающей остров дун-магии было что-то, от чего так и разило Мортредом.

Я стиснула руку Флейм.

— Мы обязательно его остановим, — сказала я ей.

Как ни странно, я спокойно уснула. Должно быть, я спала крепко, потому что не услышала, как Флейм среди ночи покинула наш лагерь. Я проснулась только за час до рассвета, когда кто-то сильно ударил меня в бок.

Глава 18
Рассказчик — Келвин

Нам с Тором Райдером не удалось поговорить до середины следующего дня, когда плот сделал очередную остановку. Тем утром нас подняли рано, и у нас не было возможности уединиться, пока мы не причалили к берегу, чтобы пообедать. Подали нам угрей, испеченных на углях. Я доел остатки сыра.

Райдер со своей миской уселся рядом со мной поодаль от остальных.

— Тебе не нравится эта еда? — спросил он.

— Мои сородичи не употребляют в пищу специально убитых живых существ.

— Это, должно быть, нелегко.

— Ну, на Небесной равнине трудностей не возникает.

Райдер улыбнулся.

— Тебе виднее. Джакан сказал мне, что тебя зовут Келвин Гилфитер, и я догадался, что ты, должно быть, с Крыши Мекате. Меня интересует, как ты повстречался с Блейз. Не расскажешь ли? — Внешне он казался спокойным, на лице его ничего нельзя было прочесть, только от меня-то скрыть свои чувства он не мог.

— Почему бы и нет? — пожал я плечами. — Думаю, Блейз хотела бы, чтобы ты узнал, что с ней все в порядке... если бы могла предположить, что наши дороги пересекутся. Знаешь, ей ведь и в голову не приходило, что ты за ней последуешь. Как я понимаю, твоя цель именно такова?

— Более или менее, — кивнул Райдер. То, как он сказал это, заставило меня заподозрить, что говорить неправду ему очень неприятно.

— Мы... э-э... встретились в Мекатехевене. Они с Флейм добрались туда, приплыв на морском пони с косы Гортан и высадившись на мысе Кан.

Я с изумлением увидел, что патриарх побледнел.

— Они... что? Как только им могла прийти в голову такая опасная... и такая глупая затея? — Даже зная, что все кончилось хорошо, он не мог успокоиться.

Я рассказал ему то, что знал о приключениях Блейз и Флейм: с того момента, когда Блейз спасла Флейм от Датрика, до игры в карты в гостинице Мекатехевена, потом вкратце описал, как мы добрались до Амкабрейга и там расстались. О собственных обстоятельствах я распространяться не стал, упомянув лишь, что оказался в Мекатехевене в связи со смертью моей жены. Эвфемизм, конечно, да что поделаешь... Я сомневался, что когда-нибудь окажусь в силах спокойно сказать: «Это было как раз тогда, когда я убил свою жену. Чтобы она не мучилась, знаешь ли».

— Так как же случилось, — спросил Райдер, — что ты теперь направляешься к Плавучей Заросли, после того как столь решительно отказался быть втянутым в это дело?

Я пожал плечами, стараясь не показать своих чувств (и скорее всего самым жалким образом выдав себя).

— Я понял, что дун-магии нужно положить конец. Я своими глазами увидел, какая это... скверна: совсем юную девчушку изнасиловал дун-маг... или компания дун-магов... так что она тоже стала одной из них.

Райдер нахмурил брови.

— И что дальше?

— А еще мне объяснили, что у меня ничего не осталось в жизни, кроме друзей, а Блейз и Флейм стали мне друзьями.

— Ну, судя по всему, они скорее подложили тебе огромную свинью. Из-за них тебя изгнали с Небесной равнины.

— Они во мне нуждаются, — просто ответил я.

Патриарх вежливо кивнул, хоть мне было ясно: он не представляет себе, какая от меня может быть польза.

— Флейм не очень здорова, — объяснил я. — Мне кажется, ее не полностью очистили от осквернения дун-магией. Время от времени это проявляется. Я врач и, может быть, смог бы помочь.

— Если дун-магия — действительно болезнь.

— Вот именно.

— Тебе известно, что уже выпало на долю этим женщинам?

Я кивнул.

— Мне рассказала Блейз... и Руарт. Флейм тоже — отчасти. Никто не должен испытывать такие страдания.

Мы переглянулись, испытывая какой-то смутный стыд, словно были в чем-то виноваты.

— Мне не следовало оставлять их одних, — сказал Райдер.

— Мне тоже, — вздохнул я. — Почему вообще ты уехал?

— Я полагал, что мой долг — завершить то, чего не сумел закончить Алайн Джентел на Спаттах. Он был тем самым священником, которого убили пушки хранителей в Криде. В конце концов на Спатты я так и не попал; я передумал и прямиком отправился к верховному патриарху на Тенкор: я понял, что срочно должен сообщить ему о пушках хранителей, о Мортреде и о том, как он оскверняет силвов, о Деве Замка Лиссал. На Спатты я собирался выехать потом.

— Но вместо этого верховный патриарх отправил тебя сюда.

— Да. Чтобы найти Мортреда и Флейм.

— Так ты — агент менодиан?

— В том же смысле, как Датрик — агент Совета хранителей. Я выполняю поручения Патриархии. — Райдер отодвинул свою миску, почти не прикоснувшись к рыбе. — Теперь я, правда, сам стал членом ее Совета... — Он криво улыбнулся. — Никогда к этому не стремился — слишком много на меня легло обязанностей вроде присутствия на скучных совещаниях и обсуждения вопросов насчет того, достаточно ли у нас единоверцев в какой-нибудь деревушке, чтобы основать там молельню, или схоластических дискуссий о природе греха. По счастью, первое, что мне поручили, было найти Флейм и в случае необходимости защитить ее, а Блейз — помочь избавиться от Мортреда и его присных.

— Откуда ты знал, где их искать?

— Этого как раз я и не знал. Я просто шел по следу Мортреда. Я выслеживал его так же, как это стала бы делать Блейз: расспрашивая обладающих Взглядом, хотя обратиться к гхемфам я не догадался. Я полагался на помощь менодиан. Гилфитер, как я слышал, врачи с Небесной равнины очень искусны. Сможешь ли ты помочь Флейм?

— Не знаю.

Райдер тихо, почти про себя, проговорил:

— Когда случаются подобные вещи, моя вера слабеет. Иногда... иногда так трудно верить в то, что Бог справедлив.

Я не знал, что ему сказать, поэтому просто переменил тему.

— И как же поступит Патриархия с Лиссал? Вернет ее отцу и обречет на нежеланный брак?

Райдер изумленно заморгал.

— Ты знаешь, кто Флейм на самом деле? Похоже, немного есть такого, что было бы тебе неизвестно.

— Да. Блейз рассказала мне обо всем: почему она отправилась на косу Гортан и что там произошло. Да, я знаю, что Флейм — Дева Замка.

Райдер пристально посмотрел на меня и сказал, качая головой:

— Должно быть, Блейз очень высоко тебя ценит.

— Блейз передо мной в большом долгу.

Райдер помолчал, обдумывая мои слова, потом ответил на мой первый вопрос:

— Нет, конечно, мы не отправим Флейм обратно на Цирказе, чтобы ее выдали замуж. Это мерзкую сделку задумали властитель Брета и хранители: властитель хотел, чтобы хранители официально одобрили его брак с гражданкой другого островного государства, а те стремились получить от этого выгоду.

— Хранителям нужны ингредиенты того черного порошка, который они используют в своих пушках.

— Да. Это какой-то минерал, добываемый на Брете; его называют селитрой и находят в пещерах. Я не узнал бы подробностей, если бы не везение: возвращаясь с косы Гортан, я познакомился на корабле с торговцем, который поставлял селитру хранителям. Он рассказал мне, что хранители уже давно покупают ее в небольших количествах, а теперь, когда им понадобилось много, властитель уперся и требует от них ответной услуги. Деньги ему не нужны, он желает иметь наследника, а Дева Замка, похоже, единственная женщина, которая ему приглянулась. Обычно он предпочитает маленьких мальчиков.

— Блейз говорила, что черный порошок страшнее дун-магии, он за минуту может сровнять с землей целый город. Тот, в чьих руках окажется черный порошок, станет хозяином Райских островов.

— Боюсь, она права. Как будто у хранителей и без того мало власти! Я видел на косе Гортан такие вещи... Самое отвратительное — это когда силвы используют свое целительство как предмет сделки. Да и вообще то, что они творят во имя своего девиза «Свобода, равенство, закон», просто не поддается описанию. Они делаются все более алчными, они грабят другие острова с помощью хитрых уловок и ростовщичества. Они добиваются власти любой ценой, а следы преступлений скрывают с помощью иллюзий. По мере того как их сила растет, оправдания для ее применения делаются все более туманными, так что в конце концов хранители перестают осознавать, какими черными стали их души. Не знаю, что хуже: дун-маг, понимающий, что он творит зло и наслаждающийся этим, или силв, который не видит того, что его поступки греховны. —

Взгляд Тора был скорее обеспокоенным, чем угрожающим, но я чувствовал в нем нарастающий гнев.

— Хранители все еще охотятся за Флейм?

— О да, не сомневаюсь. Флейм — одна из немногих ключевых для будущего Райских островов фигур: она — наследница престола Цирказе. Дело в том, что хранителям для их проклятого черного порошка требуются и другие ингредиенты. Рэнсом... Блейз тебе о нем говорила? Так вот Рэнсом, наследник престола Бетани, глупый мальчишка, влюбившийся в Флейм, был на борту «Гордости хранителей». Он-то и рассказал мне, что там сильно пахло серой, а я давно знаю, что хранители скупают серу на Цирказе. Это не показалось бы мне подозрительным, если бы они не скрывали своих сделок. Люди глупы — они верили слухам о том, что сера нужна хранителям для их магии. Если Флейм уцелеет и унаследует трон Цирказе, на который имеет все права, она сможет воспрепятствовать приобретению хранителями так нужной им серы. С другой стороны, если она попадет в лапы властителя Брета, хранители не только наложат руки на селитру, но и получат в свое распоряжение залежи серы.

— Поэтому менодиане и послали тебя охранять Флейм?

— Да. И предложить ей убежище на Тенкоре — на столько времени, на сколько она пожелает.

— На мой взгляд, невозможно загнать птичку в клетку после того, как дверца была открыта. И я говорю не только о Флейм. Райдер, хранители узнали вкус победы с помощью пушек. Блейз очень выразительно описала мне все, что творилось в Криде. Неужели ты думаешь, что хранители спокойно откажутся от такого преимущества просто потому, что не могут найти Флейм?

— Что ж, в наших силах сделать так, чтобы хранителям стало трудно получать необходимые ингредиенты. К несчастью, скорее всего дело кончится тем, что каждое островное государство станет стремиться получить в свое распоряжение пушки. Может быть, правда, это будет лучше, чем если ими будут владеть одни хранители... Как бы то ни было, видит Бог: мысль о том, что все получат это гнусное оружие, приводит меня в ужас.

Я о таком не думал, но сразу же почувствовал, что он прав. Все правители островных государств, конечно, уже прослышали про пушки после того, что случилось на косе

Гортан, и страх или жажда власти заставят их стремиться узнать секрет.

В этот момент к нам подошел Маки, сообщивший, что пора отправляться в путь: нам оставалось уже недалеко до Плавучей Заросли. Возможности продолжить разговор у нас не было, но, усаживаясь на плот, я размышлял о том, почему Райдер мне так много сообщил; я решил, что он счел возможным положиться на мнение Блейз. Если уж такая многоопытная воительница хотела, чтобы я к ним присоединился, значит, мне можно доверять. Впрочем, было кое-что, говорившее мне, что тут кроется и другое: по запаху я чувствовал, что патриарх, каким бы выдержанным ни казался, испытывает сильное душевное волнение. Тогда я не мог себе это объяснить.

Не знал я, например, что старик — верховный патриарх, практичный и дальновидный человек, готовил Райдера на роль своего преемника, а сам Тор Райдер был достаточно проницателен, чтобы понимать: он подошел к перекрестку, и от того, куда он двинется, будет зависеть многое. Если он выберет ту жизнь, какую вел до сих пор, он мало сможет влиять на события. Если же он согласится принять власть над менодианами — и административную, и духовную, и мудро ею воспользуется, он получит, возможно, шанс изменить жизнь Райских островов к лучшему. Загвоздка была в том, что это была не та судьба, которой он желал лично для себя.

Да, решение ему предстояло нелегкое. Райдер не был амбициозен, от природы он был склонен скорее к действиям, а не переговорам и компромиссам. Ему доставляла удовольствие его работа агента Патриархии. Он терпеть не мог собраний и споров по поводу доктрины, всей политической кухни Патриархии. Одна часть его личности стремилась прочь от ответственности, которая должна была лечь на его плечи. С другой стороны, Райдер превыше всего на свете хотел избавить Райские острова от магии и от тирании хранителей.

Другими словами, Тор Райдер желал изменить мир.

К концу дня мы добрались до деревни Калгари рядом с устьем Попрыгуньи. Я спросил, где проходит дорога, идущая вокруг хребта, и узнал, что она кончается в соседней деревне, Гилси, в нескольких милях к востоку. До нее было слишком далеко, чтобы я по запаху мог определить, добра-

лись ли туда Блейз и Флейм. В Калгари никто не знал, появлялись ли они на Плавучей Заросли: расспрашивать о них нужно было в Гилси. Райдер поинтересовался островом, о котором в Мекатехевене говорили гхемфы, и на него обрушилась лавина рассказов о хранителях, похищениях, магических преградах и злобных озерных духах.

Никто из местных жителей не захотел отвезти нас на остров; одолжить нам лодку они тоже отказались. Даже Райдеру с его умением уговаривать удалось только купить у Джакана и Маки их плот. По-видимому, плотовщики, прежде чем подняться обратно вдоль Попрыгуньи, обычно продавали свои плоты местным сборщикам панданы, которые потом сплавляли на них заготовленные листья по Лентяйке к берегу моря. Сейчас, впрочем, никто не занимался сбором панданы — люди боялись плавать по озеру, — так что покупателей у братьев не находилось.

Райдер торговался с плотовщиками с восхитившим меня искусством; затраты на приобретение плота мы с ним разделили между собой поровну. Мы с Райдером даже и не обсуждали объединения усилий; как-то само собой получилось, что действовать дальше нам предстояло вместе. Не могу сказать, чтобы я полностью ему доверял. Внешне он оставался все таким же спокойным, погруженным в размышления, но мой нос говорил мне и кое о чем другом. Райдер был человеком сильных страстей, и под внешней невозмутимостью в нем пылал гнев, готовый в любой момент вылиться в насилие. «Представляешь ли ты, — спросил он меня однажды, много позднее тех событий, — как трудно мне иногда бывает побороть желание уничтожить некоторых представителей рода человеческого?» Не знаю, следовало ли мне восхищаться тем, как жестко он держал под контролем свои чувства, или бояться его: эти чувства, вырвавшись на поверхность, превратили бы его в очень агрессивного человека. Во всяком случае, относился я к нему с осторожностью. Еще несколько недель назад я вообще не понял бы его. До определенного момента я вел жизнь, в которой не было места тому чувству ярости, которое носил в себе Райдер. Однако с тех пор мне пришлось столкнуться с Образцом веры Ди Пеллидри в Феллианском бюро по делам религии и закона... мне пришлось сжимать в руке камень, который оборвал жизнь Джастрии... я познакомился с Флейм и узнал о том, что творят дун-маги. Теперь я знал, на что способен, если ока-

жусь в безвыходном положении. А если уж я мог совершить насилие, то тем более мог это сделать Райдер.

Моя настороженность еще усилилась, когда перед прибытием в деревню он извлек из мешка огромный меч. Теперь он носил его за спиной — в точности как Блейз. Когда вечером Райдер принялся точить и смазывать оружие, в его движениях проскальзывали те же опыт и изящество, что и у Блейз, и я в смущении отвернулся. Однако я тут же вспомнил о его сочувствии к больному ребенку, о причиняющей ему такие страдания любви к Блейз и усомнился в том, что он и правда опасен. Способность так хорошо чуять эмоции человека не всегда преимущество: иногда она может только увеличить растерянность...

Мы даже и не стали обсуждать, следует ли нам отправиться дальше той же ночью. К тому времени, когда Райдер кончил торговаться с плотовщиками, были приобретены дополнительные припасы, а местным жителям заданы все вопросы, задать которые было безопасно, давно уже стемнело, и мы решили, что глупо пытаться добраться по озеру в неизвестное нам место. Думаю, правда, что если бы я сообщил Райдеру, что на самом деле представляет собой мое обоняние, он настоял бы, чтобы мы отправились немедленно, но я не рассказывал ему об этой особенности горцев. Я совершил ошибку, но я не мог знать, что мы почти нагнали Блейз и Флейм и что они как раз этим вечером отправились на остров. Может быть, дело заключалось еще и в том, что я не имел опыта в противостоянии дун-магам, и это делало меня менее напористым, чем Райдер; я еще не понимал, что любое потерянное мгновение может отделять жизнь от смерти, разум от безумия.

Глава 19
Рассказчик — Келвин

Райдер разбудил меня на следующее утро задолго до рассвета. Небо еще едва окрасилось лучами зари, но извиняться за ранний подъем он не стал.

Мы спали на плоту и, торопливо позавтракав хлебом, бесшумно отчалили. Похоже, мы были единственными живыми

существами на озере, кто уже проснулся. Райдер умело и с изяществом управлялся с шестом, так что я даже брюзгливо подумал: а есть ли хоть что-то, что он делает плохо? В мои обязанности входило веслом отталкивать плот от зарослей панданы с ее острыми шипами. Я достаточно быстро убедился, что справляюсь с делом плохо. У нас на Крыше Мира не было рек достаточно больших для того, чтобы плавать по ним даже на плоскодонке. Я чувствовал себя неуклюжим и неумелым. Райдер, конечно, был слишком вежлив и не комментировал это обстоятельство.

Мы решили сначала побывать в Гилси, где оканчивалась дорога, идущая в обход хребта: мы хотели узнать, прибыли ли Блейз и остальные. Начать с этого казалось разумным. По дороге я пытался решить: говорить ли Райдеру об особенностях моего нюха. Открыть ему это было для меня нелегко, как было нелегко посвятить в мою тайну и Блейз с Флейм. Мы, горцы, имеем так мало преимуществ, и еще многие поколения назад было решено, что сообщать кому-либо о нашей особенности было бы глупо. Мне очень не хотелось заговаривать на эту тему, но все же я решил, что рассказать Райдеру следует.

— Есть кое-что, что мне нужно сообщить тебе, — сказал я, — хотя мне хотелось бы, чтобы ты сохранил услышанное в секрете.

Райдер вопросительно посмотрел на меня.

— Я священник, Гилфитер. Мы привыкли хранить секреты.

— Я... я различаю запахи с необычной остротой.

Это его, казалось, смутило.

— Правда? Я и не заметил.

Я покраснел. Как всегда — стал красным как помидор. Сделав глубокий вдох, я продолжал:

— Я хочу сказать, что чую — людей, все на свете... издали. Я по запаху могу определить, что Блейз и остальные были в этой деревне вчера, но уплыли еще до наступления темноты.

Райдер не сказал ни слова, только бросил на меня странный взгляд и продолжал направлять плот к деревне — что само по себе было достаточным ответом. Солнце еще не встало, но деревня уже просыпалась — запахло дымом из кухонь.

Пытаясь оправдать свое признание, я сказал:

— Такая способность может оказаться очень полезной.

— Не сомневаюсь, — ответил Райдер. Он уловил мою антипатию к нему, и она его удивила, это я мог определить по запаху. Если уж на то пошло, мои чувства удивляли меня самого: Райдер ведь не сделал ничего, что оправдывало бы подозрение или неприязнь.

Поговорив с жителями деревни, Райдер долго молчал, потом спросил:

— Как ты узнал обо всем — о том, когда они отплыли?

— По оставленным ими следам. Можешь считать, что у меня достаточно опыта... Сильнее всего пахло у кромки берега, так что я предположил, что они воспользовались лодкой.

— А можешь ты... э-э... учуять их сейчас?

— Я чую достаточно, чтобы утверждать, что они были в деревне. Однако след не настолько ясен, чтобы я точно мог указать направление. — Мы плыли на север просто потому, что так нам сказали сборщики панданы. — Вода хранит запахи иначе, чем земля. Она течет, и запах перемещается с ней вместе. Кроме того, у озера сильный собственный запах.

Мы приблизились к стене, образованной зарослями панданы; отдельные плавучие острова разделялись узкими извилистыми протоками.

— Вон туда, — показал я, и Райдер направил плот в указанную мной протоку, хотя на лице его было написано сомнение. Я объяснил ему: — Я чую открытую воду за кустами, да и остров в той стороне — оттуда воняет дун-магией.

Райдер удивился, но ничего не сказал. Думаю, что он-то еще зловония не чувствовал. Мой нос сообщил мне и еще об одном обстоятельстве, которое не могло обрадовать Райдера...

— Флейм собирается предать Блейз и Дека, — сказал я тихо.

— Откуда ты можешь это знать?

— Я улавливаю запах ее намерения.

Ему оказалось нелегко поверить в мои слова.

— Предательство в отношении лучшей подруги — очень скверный поступок, — объяснил я. — Мысль о нем пахнет отвратительно.

— Ты думаешь, что она опять подверглась осквернению? Снова?

— Нет, не снова. По-моему, это все то же перерождение, от которого она полностью не излечилась, — напомнил я Райдеру наш прежний разговор.

— Невозможно, — решительно покачал он головой. — Датрик и остальные силвы заметили бы это. Кроме того, не забывай: я был рядом, да и Блейз тоже. И Руарт. Трое обладающих Взглядом. Мы бы заметили любые следы дун-магии, если бы они сохранились. Их не было, клянусь.

— Думаю, что мой нос более чувствителен, чем... чем обычно бывает Взгляд. Я учуял, что с Флейм не все в порядке, раньше, чем это уловила Блейз. И она говорила, что раньше не замечала отблесков красного в магии Флейм. Болезнь дун-магия или нет, только Флейм становится все хуже.

Мне не удалось убедить Райдера, но спорить дальше он не стал. Он орудовал шестом, а я тем временем рассказывал ему о том, что узнал о магии из книг Гэрровина в Амкабрейге; в свою очередь он сообщил мне все, что знал о дун-магии. Ничем из того, что было нам известно, объяснить происходящее с Флейм было нельзя, так что мы в конце концов стали говорить о других вещах.

Райдера интересовала Небесная равнина. Хотя он там никогда не бывал, оказалось, что знает он о жизни горцев больше, чем любой известный мне чужак. Да и вообще Райдер оказался на удивление осведомленным человеком. Когда я поинтересовался, откуда он так много знает, он ответил:

— Видишь ли, в молодости я был писцом. Я много путешествовал и читал все, что только мне попадалось. Именно моя любовь к знаниям и заставила меня заинтересоваться учением менодиан. Только у них были открытые для всех библиотеки и ученые. Только менодиане, если не считать верхушки хранителей, обладали информацией, содержавшей ответы на все мои вопросы. Хранители держат свои знания в секрете, а менодиане пытаются дать знания людям... Теперь я обязательно побываю на Небесной равнине, раз, по твоим словам, каждая ваша семья хранит записи и документы, касающиеся собственной профессии. Это же такое богатство! Как ты думаешь, смогут ли писцы-менодиане побывать в тарнах и сделать копии текстов?

Я обдумал его вопрос.

— Полагаю, что мои соплеменники не станут возражать. Нам нужно сохранить для себя только селверов, потому что их шерсть — единственный товар, на который мы можем выме-

нивать нужные нам вещи из внешнего мира. Что же касается знаний... Не думаю, что за них можно назначить цену. Знания должны быть доступны без всякой платы. Обратись к моему дяде Гэрровину, он, я уверен, поможет.

— Гэрровин Гилфитер твой дядя? — Я кивнул. — Занятный человек. Он, вероятно, сохранил жизнь Флейм своими травами и снадобьями. Единственный «хирург», которого мы нашли, чтобы ампутировать ей руку, был мясником, убившим собственную жену.

— Дядя — очень знающий врач. Правда, от вида крови ему делается дурно, так что вам повезло, что он согласился помочь. Он, знаешь ли, в своих путешествиях собрал множество книг по медицине, только я думаю, что наши собственные записи лучше. Мы, жители Небесной равнины, уже очень давно изучаем болезни и их причины, способы лечения и все такое прочее. На Крыше Мекате умерших всегда вскрывают перед погребением, и все подробности о причине смерти и лечении вносятся в книги. У нас имеются такие записи за тысячу лет.

Райдер задумчиво кивнул и принялся подробно расспрашивать меня о нашей медицине и хирургии. Как в свое время Блейз, он напомнил мне, что, обладая Взглядом, не может рассчитывать на лечение силвов.

— Это касается и многих других патриархов, — добавил он. — Нас очень интересует все, что удается узнать о тех методах лечения и снадобьях, которые помогают при болезнях.

Его объяснения казались вполне разумными. Не будь у меня такого острого нюха, я бы ему поверил — ведь рассуждал он вполне логично. Однако я знал, что он лжет или в лучшем случае говорит не всю правду. Чего я не мог понять — так это зачем ему нужно меня обманывать. У Тора Райдера были собственные резоны, собственные планы, и мне не следовало об этом забывать.

Пока мы пробирались через заросли панданы, я несколько раз замечал, что под водой за нами следует какое-то существо. Когда я оглядывался, мне удавалось заметить круги на воде и серую тень; впрочем, она никогда не позволяла мне себя как следует разглядеть. Я даже не мог различить, разные это твари или одна и та же, упорно нас преследую-

щая. Можно было бы решить, что из-за необычного окружения воображение играет со мной шутки, если бы не одно обстоятельство: я не чуял этого существа. Течение воды, конечно, уносит запахи, но все же не может скрыть того, что совсем рядом, — а эта... эти существа скользили под самым нашим плотом. Отсутствие запаха было для меня катастрофой. Я чувствовал себя так, будто неожиданно ослеп, и такое мне ужасно не нравилось.

Не только это было зловещим в окружающем нас плавучем мире: временами мы по получасу, а то и больше, пробирались по черной воде извивающихся туннелей, освещенных лишь редкими солнечными лучами, прорывающимися сквозь густую завесу колючих листьев. Туннели разветвлялись и сливались; это было похоже на сеть артерий, вен и капилляров. Еще более пугающим было то, что иногда туннели смыкались позади нас, словно намереваясь отрезать нам возможность отступления. Глупость, конечно: я прекрасно понимал, что плавучие острова движутся только потому, что мы потревожили стоячую воду. Чувство опасности, наверное, усугублялось еще и странными звуками: резким свистом, иногда вырывавшимся, казалось, со всех сторон из водных глубин, — это походило на завывания ветра между каменными зданиями. Я, может быть, и счел бы эти звуки пустяком, если бы не то обстоятельство, что воздух был неподвижен, а сами звуки производили впечатление... неслучайных — похожих на язык. Только кто — или что — мог здесь разговаривать? И с кем? Я поежился.

До острова мы добирались около двух часов и прибыли туда вскоре после того, как рассвело. Недалеко от берега мы попали в место, где зловоние дун-магии оказалось густым как мед, только не сладким, а вызывающим тошноту. Райдер сказал, что это установленная злыми колдунами защита; я ее не видел, и преодолели мы ее без проблем, если не считать того, что меня вырвало.

— Мы рядом с кем-то, — прошептал я, когда наш плот проплыл еще сотню шагов. Я показал в сторону: — Вон там — двое в лодке. А подальше еще двое... От них сильно воняет дун-магией.

— Должно быть, часовые, — шепнул Райдер в ответ. — Можешь ты указать такой путь к берегу, чтобы они нас не увидели?

Я кивнул. Благодаря своему нюху я с легкостью мог определить, каких туннелей следует избегать.

Мы продолжали продвигаться, и вскоре плот выплыл из зарослей на солнечный свет. Несколько плавучих островов безмятежно покачивались на воде впереди нас, а за ними виднелось селение. Райдер ловко остановил плот, упершись шестом в дно; к счастью, мы оказались скрыты от жителей деревни за кустами панданы.

— Знаешь, Гилфитер, — тихо произнес Райдер, — я должен перед тобой извиниться. Я думал раньше, что ты преувеличиваешь возможности своего обоняния. — Он огляделся, оценивая обстановку. — Пожалуй, нам стоит понаблюдать вон оттуда — там нас не увидят. — Он показал на низкую — высотой едва ли до пояса — поросль, тянущуюся до самого берега. Она была достаточно густой, чтобы за ней можно было спрятаться, но сквозь ветви мы могли бы видеть деревню. Наш плот сел на мель, а мы, стоя на коленях, стали наблюдать за происходящим.

От ближайшего дома нас отделяло шагов двадцать. Самым большим строением в деревне был амбар с высокими и широкими дверями. Двери были закрыты, так что мы не видели, что находится внутри, однако что-то там происходило — вокруг стояли несколько вооруженных стражников. По деревне сновали и другие люди, но они, похоже, занимались своими повседневными делами. Несколько цапель бродили по мелководью перед амбаром, на берегу виднелись вытащенные из воды лодки. Вонь стояла ужасная.

— У тебя есть какое-нибудь оружие? — спросил, критически оглядывая меня, Райдер: должно быть, он хотел оценить, какая польза от меня будет, когда начнутся неприятности.

Я покраснел — опять.

— Только дирк. Ну и еще хирургический нож в моем мешке.

— Ты воспользуешься дирком?

— Ты имеешь в виду в схватке? Не знаю, — честно ответил я.

Он кивнул, приняв это к сведению. Я развязал мешок и вытащил кинжал — он был достаточно острым, чтобы рассечь вдоль волосок селвера. Райдер тоже порылся в своем мешке, вытащил тетиву и с обманчивой легкостью надел ее на лук.

— Что ты сейчас чуешь? — спросил он меня.

В его голосе все еще звучал скептицизм, поэтому мой ответ в значительной мере был продиктован мальчишеским «Вот я тебе сейчас покажу».

— По большей части только дун-магию — ее зловоние все забивает. Но я сказал бы... — я помедлил, производя подсчет, — что в деревне находятся сорок пять — сорок шесть человек, не считая тех четверых, что несут дозор в лодках. — Я понизил голос до едва слышного шепота. — Большинство сидят в домах, из них около двадцати — обычные люди. Остальные — Блейз, Флейм и Дек и еще один — должно быть, твой злой колдун...

— Ты уверен? Откуда ты можешь знать, что это он?

— Ну, дело в том, что он воняет сильнее всех. Гораздо сильнее. И еще от двоих тоже — должно быть, они прирожденные дун-маги. Все другие... — Я заколебался. — Наверное, это и есть те, кого ты называешь осквернеными силвами. От них слегка пахнет так же, как раньше пахло от Флейм, но в основном — отвратительно. — Такое описание и близко не передавало всей мерзостности запаха. — Их всего девятнадцать: трое перед амбаром, пятеро вокруг деревни... на довольно большом расстоянии. Можно предположить, что стоят на часах вроде тех, что в лодках на озере. Блейз, Флейм и Дек где-то поблизости, я думаю, что в амбаре, но точно сказать не могу — все слишком пронизывает запах дун-магии.

— Можешь ты определить — они одни?

— С ними главный колдун и один обычный человек, а также примерно двенадцать бывших силвов. И еще те два дун-мага. Руарта я вообще не чую, может быть, потому что он такой маленький, а дун-магия уж очень смердит.

Морщинки в углах глаз Райдера углубились, но это было единственным внешним проявлением той боли, которую он испытывал.

— Как, Бога ради, — тихо прошептал Райдер — скорее себе, чем мне, — сумела эта идиотка снова попасть в лапы дун-магов? — Он мог иметь в виду обеих женщин, но я знал, что говорит он о Блейз. — Я не ожидал, что здесь окажется так много оскверненых силвов, — уже более ровным голосом обратился он ко мне. — Я предполагал, что тут прячется маленькая

группа приспешников Мортреда, но он явно уже давно готовил для себя второе убежище. Со злыми колдунами я мог бы справиться: они привыкли слишком полагаться на магию и вряд ли хорошо владеют оружием. Но бывшие силвы... Многие из них прошли подготовку в академии хранителей — это опытные бойцы.

Я печально кивнул.

— На «Свободе хранителей» было восемь силвов — по крайней мере так мне говорила Блейз. Они все могут быть здесь.

— Мортред уже давно охотится на силвов-хранителей — желает иметь в своем распоряжении лучших... Так скажи мне, горец, как мы с тобой — с одним мечом на двоих и без помощи магии — сможем вызволить двух безрассудных женщин и мальчишку из этой ловушки?

Я ничего не мог предложить.

Глава 20
Рассказчица — Блейз

Получить удар по ребрам — не самый приятный способ проснуться. Как только сапог врезается тебе в бок, ты понимаешь, что влипла хуже некуда. Еще не открыв глаз, я потянулась за мечом — и у меня под рукой, где ему полагалось быть, меча не оказалось.

Лучи рассвета окрасили небо перламутром, к тому же наш лагерь освещало несколько колдовских огоньков — таких, какие зажигают силвы; только все они имели зловещий красноватый оттенок... Первым, кого я увидела, был Мортред.

Пнув меня в бок, он отступил на безопасное расстояние и теперь смотрел на меня сверху вниз, держа в руке фонарь.

— Привет, Блейз, — промурлыкал он. — Вот мы и встретились снова. — Позади него выстроились осквернённые силвы, все как один хранители, все с обнаженными мечами, за исключением одного — со взведенным арбалетом. Позади экс-силвов стояли два дун-мага.

Одно неверное движение, и я умру. Конечно, не сделав движения, я все равно умру, и, возможно, гораздо более мучитель-

но... Дек зашевелился на своей подстилке и высунул голову из-под одеяла. От изумления он пискнул, как морской огурец, на который наступили.

— Тихо, малыш, — предостерегла его я.

— Здравый совет, — кивнул Мортред.

Я пристально смотрела на него и с трудом узнавала. В нем ничего не осталось от калеки, которым был Янко, слуга в «Приюте пьянчуги» в Гортанской Пристани, ничего не осталось и от пародии на человека, каким стал он после поражения в Криде. Мортред был прекрасен — голубоглазый южанин, высокий, стройный, с очаровательной улыбкой, не смягчавшей, впрочем, жестокой радости в его глазах и злорадства в голосе. Заметив, как я поражена, он добавил:

— Обожаю сюрпризы. Ты разделяешь мое мнение?

Я могла думать только об одном: как удалось Янко стать таким?

— Не возражаешь, если я встану? — вежливо сказала я. — Лежа я чувствую себя в невыгодном положении.

Мортред изумленно вытаращил глаза, потом расхохотался.

— Не лезешь в карман за словом, а, Блейз? Ну ничего — скоро я заткну тебе рот.

Он сделал еще один шаг назад, потом знаком разрешил мне подняться. Я встала с подчеркнутой осторожностью — так, чтобы враги все время видели мои руки. Дек последовал моему примеру. Двигаясь нарочито медленно, я воспользовалась возможностью бросить быстрый взгляд вокруг — чтобы оценить, насколько тяжело наше положение.

Защита, установленная Флейм, конечно, исчезла. Сама Флейм стояла на коленях позади силвов, зажимая рукой пасть Следопыта. Пес обеспокоенно скулил, но не вырывался — в конце концов, предполагалось, что Флейм — наш друг... Она равнодушно смотрела на меня. В ней не было заметно голубизны силва — только полная апатия.

Руарт сидел неподалеку на ветке и непрерывно чирикал, обращаясь, насколько я могла судить, к Флейм. Он пытался заставить ее взглянуть на него, чтобы что-то ей сообщить, но Флейм, похоже, не обращала на него внимания. Никто другой тоже не обращал внимания на птичку, и это было хорошо: значит, наши враги не знали про Руарта.

Мой ум метался, как малек, спасающийся от губана; мне нужно было быстро сообразить, что же случилось. Защита исчезла, и Следопыт был обезврежен... обе эти вещи могли случиться только в одном случае: если Флейм нас предала. Она, должно быть, встала ночью и предупредила Мортреда. Она намеренно отдала нас с Деком в руки злого колдуна... нас, но не Руарта.

Мортред поманил одного из силвов, чтобы тот нас обыскал; бывший хранитель подчинился, хотя и с большой осторожностью. Может быть, моя репутация опередила меня... Я улыбнулась ему, оскалив зубы: я всегда стараюсь показать, что моя репутация заслуженна, даже если это не соответствует действительности. Найти силв ничего не нашел: меч у меня уже отобрали, а остальное оружие было вне досягаемости. Следопыт зарычал, шерсть его встала дыбом. Происходящее ему не нравилось, да и к Флейм он уже давно относился с настороженностью. Эх, нужно мне было к нему прислушаться...

Что ж, в какой-то степени я к нему прислушивалась, как прислушивалась к Гилфитеру и к собственным сомнениям. Только ничто и никто не предупредил меня, что Флейм готова нас предать... что она сделает это при первой возможности. Я ведь наблюдала за ней и сравнивала то, что вижу, с ее состоянием в Гортанской Пристани, когда она страдала от заражения дун-магией. Сходства не было: теперь дун-магией от нее пахло редко и еле заметно. Ее поведение стало хуже, это правда; хуже и зловреднее. Мне все еще трудно было поверить в то, что случившееся с ней было просто возвращением той скверны, от которой она пострадала на косе Гортан. Осквернённые силвы выглядели не так, как Флейм. В их глазах сохранялось выражение затравленности: в них доброе начало безуспешно боролось с тем, чем они стали. Это были сильные и здоровые люди, вынужденные делать то, чего делать они не хотели, беспомощные перед более могущественной магией.

Флейм же просто казалась больной... вялой и иногда разъяренной.

Я что-то упустила... все мы упустили нечто ужасно важное.

— Ты переменился, — сказала я Мортреду. Мой ум все еще метался, оценивал, ловил малейшие подробности, пусть и не важные. Никогда не знаешь, что может в дальнейшем пригодиться. Если, конечно, у тебя это «в дальнейшем» будет... Флейм от-

пустила Следопыта и теперь стояла позади силвов, безразлично глядя в пустоту.

Мортред светился даже не красным, а почти лиловым цветом. Он казался более высоким, чем я помнила, возможно, потому, что мог теперь стоять прямо. Глаза его стали более ясными и менее... Менее яростными? Нет, дело было в другом. Безумие тоже никуда не делось, просто теперь Мортред лучше держал себя в руках. Самообладание — да, именно. Колдун полностью держал ситуацию под контролем, чего раньше не было. Сердце у меня оборвалось. Не было никакой надежды на то, что теперь он поддастся на те же уловки, которые я с успехом использовала в Криде.

— Ты хорошо выглядишь, — сказала я спокойно. — И стал очень, — я оценивающе оглядела его с ног до головы, — красив. Как ты этого добился? — Я постаралась, чтобы в моем голосе не было и следа насмешки.

Глаза Дека стали огромными, как у осьминога; он смотрел на меня так, словно не мог поверить своим ушам. Мортред улыбнулся своей очаровательной улыбкой.

— Мне потребовалось для этого почти сто лет, но я наконец нашел решение своей маленькой... э-э... проблемы. — Он поманил меня за собой и двинулся прочь от нашего лагеря.

— Не возражаешь, если я сначала надену сапоги? — спросила я так, словно это была совершенно разумная просьба, на которую он, несомненно, согласится.

Жестом, который должен был продемонстрировать его великодушие, Мортред разрешил мне обуться. Я села и натянула сапоги, не вытряхивая: не такая уж удачная идея, если ночуешь под открытым небом; впрочем, на этот раз никто в них не заполз. Дек сунул ноги в башмаки, не спрашивая разрешения.

Все наши вещи остались лежать на земле. Я заметила, однако, что экс-силв, в руках которого был мой меч, взял его с собой. Похоже, кисло подумала я, скоро мне предстоит навсегда распроститься с моим калментским клинком. Потеря, которую я вполне заслужила своей глупостью...

По пути в деревню Мортред держался от меня на почтительном расстоянии, а его подручные окружали меня плотным кольцом. Я с мерзким чувством представляла себе, как позади

меня идет суетливый нервный бывший силв, целясь мне в спину из арбалета... Колдовские огоньки сопровождали нас, гнусные остатки когда-то чистых чар...

— Исцеление силв-магией, — сказал Мортред.

— Прошу прощения? — вежливо переспросила я.

— Ты спрашивала о том, как я решил свои проблемы.

— Тебя исцелили *силвы?* — недоверчиво переспросила я.

— Мои собственные силвы, — поправил меня Мортред, показывая на окружающих нас хранителей.

— Осквернённые силвы? Не можешь же ты ожидать, что я в такое поверю! Они же наверняка лишились своих талантов, как только ты превратил их в свои подобия, даже если ты и сумел их... э-э... принудить. — Однако и произнося эти слова, я уже понимала, что ошибаюсь: об этом говорили зажженные силв-магией огоньки.

Мортред самодовольно улыбнулся. Все его повадки говорили о том, что он считает себя непобедимым.

Когда я почувствовала, что больше он ничего не скажет, я переменила тему:

— Подкрепления, которые Датрик вызвал на косу Гортан, тебе, как я вижу, пригодились.

— Несомненно. — Мортред продолжал улыбаться, и я услышала, как Дек со свистом втянул воздух. Мне было понятно почему: воспоминание заставило глаза Мортреда блеснуть диким огнем.

Я дважды хлопнула в ладоши, словно аплодируя.

— Поздравляю. Да и внешность теперь у тебя совсем не такая, как была у слуги Янко. — Следопыт послушно исчез в кустах, лишь бросил на меня укоризненный взгляд.

Мой разум продолжал работать на полных оборотах в поисках выхода. Мортред не убил меня сразу; это, безусловно, было ошибкой с его стороны. Однако единственная моя надежда заключалась в том, что Флейм не сказала Мортреду про Руарта и, возможно, о том, что Дек обладает Взглядом. Я искоса взглянула на нее. Флейм шла сбоку от группы силвов и выглядела совсем сломленной. Мое сердце больно сжалось, и гнев, который я чувствовала раньше, растаял. Кто я такая, чтобы хоть представить себе, через какие муки она прошла?

Через полчаса мы оказались на вершине невысокого холма, откуда открывался вид на деревню — несколько домиков, окруженных огородами. Одно строение выглядело заметно больше остальных. Оно не имело окон, лишь верхняя часть стен была решетчатой, а высокие двойные двери выходили к озеру. Какой-то склад, решила я. Возможно, жители деревни хранили там собранную пандану. На песке неподалеку виднелось несколько плоскодонок вроде той, на которой приплыли мы, а на бамбуковых распорках сушились рыбачьи сети. Все в деревне отливало красным; багровые полосы извивались между домами, касаясь их стен.

Было очень рано: солнце еще не встало, хотя небо окрасилось розовым. Из труб нескольких домов в сырой холодный воздух поднимались клубы дыма. Пока мы спускались, солнце взошло, и деревня словно разом проснулась. Засуетились люди: кто-то шел с ведрами за водой, кто-то устроил стирку на мелководье, один мальчишка принялся кормить одомашненных цапель, другой — рвать бананы. Это могло бы быть обычное прибрежное селение где угодно на Мекате, если бы не красные отблески, лежавшие на всех обитателях и предметах. Кто-то тут прибегал к дун-магии в такой степени, что мне стало ясно: это гнездо злых колдунов, второй Крид.

Жители этой деревни не казались так давно порабощенными, как тамошние, они не были такими изможденными. Пока... Впрочем, признаки неволи были налицо: никто друг с другом не переговаривался, не раздавались веселые приветствия, женщины, стиравшие белье, не сплетничали и не смеялись. И нигде не было видно маленьких детей: ведь они быстро умирали, когда власть захватывали дун-маги. Дети являлись для них обузой, от которой следовало немедленно избавиться.

Первым, кто приветствовал нас на окраине деревни, был Домино. Он не переменился ни на йоту. Во взгляде, который он бросил на меня, смешались едкая ненависть и нескрываемое удовольствие. У меня он вызывал такое же отвращение, как раньше, на косе Гортан, когда он пытал меня и наслаждался моими страданиями.

— Привет, Полукровка, — с улыбкой приветствовал он меня.

— Привет, Домино. Ты все такой же коротышка, как я посмотрю.

Он зашипел от ярости и собрался ударить меня, но стоило Мортреду нахмуриться, и Домино тут же отступил. Я вздохнула: и когда только я научусь не давать воли языку? Домино, несомненно, заставит меня пожалеть о сказанном...

Приспешники Мортреда отвели нас прямо в большое строение. Это действительно оказался амбар для сушки листьев панданы. Сейчас он был пуст; сохранились лишь рамы для листьев и очаг посередине.

— Сторожите их, — сказал Мортред бывшим силвам. — Если женщина скажет хоть слово или пошевелится, убейте мальчишку. Домино, Лиссал, вы пойдете со мной.

Дек побледнел и с ужасом взглянул на меня. Я, подражая языку дастелцев, сделала знаки, означающие «сиди смирно» и «молчи» в надежде, что он поймет, — но даже еле заметное движение с моей стороны заставило одного из стражников угрожающе поднять арбалет. Я решила, что больше так рисковать не буду.

Время тянулось медленно. Все молчали. Я оставалась настороже, но настороже оставались и наши стражи — а их было десять человек. Они окружали нас со всех сторон, но на достаточном расстоянии, чтобы мое нападение, если я на него решусь, было безрезультатным. Каждый раз, когда я хотя бы переносила вес с ноги на ногу, пальцы на арбалете или рукоятях мечей напрягались, и все взгляды устремлялись на Дека. Бедняга Дек быстро постигал, чего в действительности стоит быть героем.

Прошло примерно полчаса, и сквозь решетку в амбар влетел Руарт. Он уселся на балке — так, чтобы я могла его видеть.

— С Флейм, — сообщил он, — все хорошо. Мортред сказал ей, что отведет ее на свой корабль. Он скоро отплывает. И еще он твердит ей, что не причинит тебе вреда.

Я еле заметно кивнула в ответ, но не решилась ответить Руарту, и через некоторое время он снова улетел.

Я испытала едва ли не облегчение, когда наконец вернулся Мортред в сопровождении Флейм, Домино, двух дун-магов и нескольких осквернённых силвов.

Они явно уже решили, что делать со мной, потому что без всяких переговоров между собой сразу же принялись действо-

вать. Один из силвов перекинул веревку через балку высоко под потолком, другие схватили меня за руки. Веревка кончалась петлей, и тот, который ее держал, направился ко мне...

Они собираются меня повесить.

Я начала отчаянно сопротивляться. Краем глаза я заметила, как Дек, воспользовавшись суматохой, рванулся к двери.

Мне удалось ударить под колено одного из тех, кто меня держал, а когда он свалился, упереться ногой ему в живот; потом я упала на одно колено, так что второй силв потерял равновесие, и изо всех сил ударила его в нос свободной рукой, с радостью услышав, как хрустнула кость. Теперь обе мои руки были свободны, и я схватила меч первого из моих противников. Тут мне повезло: взмахнув им, я рассекла руку одного из хранителей, а потом вонзила клинок в бок дун-мага. В тот же миг на меня сзади словно напал разъяренный морж: шесть или семь человек навалились на меня, прижали к полу и накинули петлю мне на шею. Вся потасовка не длилась и минуты.

Тот силв, которого я ударила в лицо, ощупал сломанный нос, застонал и, увидев кровь на пальцах, вознамерился нанести сапогом удар мне в лицо. Поскольку я все еще лежала на полу, удерживаемая многими руками, сопротивляться я не могла; единственное, что было в моих силах, — это немного повернуть голову, так что удар пришелся в ухо. На какое-то время мир для меня померк... Когда я снова пришла в себя, оказалось, что меня поставили на ноги, связав руки за спиной. Мои мучители больше меня не держали... Я покачнулась, и тут же веревка рывком вернула меня в прежнее положение.

Петля меня душила. Я выпрямилась, и давление на горло ослабло — я смогла вдохнуть воздух... еле-еле. Правым ухом я не слышала ничего, кроме громкого непрерывного звона. Я осторожно осмотрелась. Ворота амбара были закрыты, а Дека, прижав к стене, держали приспешники Мортреда. На щеке мальчишки расплывался кровоподтек. Силв, которому я сломала нос, пытался остановить кровь; Флейм равнодушно смотрела на него. Стоявший рядом с ней Домино так стиснул кулаки, что, должно быть, ногти впивались в ладони. Тот дун-маг, которого я ударила мечом, лежал на полу, и клинок все еще торчал у него в боку. Мой отчаянный удар развернул его так, что я усомнилась в способности экс-силвов исцелить ранено-

го. Мой собственный меч лежал на полу, куда силвы бросили его во время переполоха.

Мне было непонятно одно: почему я до сих пор жива.

Мортред подошел и встал передо мной.

— Ты вела себя глупо, — сказал он.

— Ничего подобного, — возразила я, все еще ловя ртом воздух. — Вы ведь собираетесь меня повесить, и я не простила бы себе, если бы умерла без сопротивления.

На мгновение воцарилась тишина; потом Мортред расхохотался.

— Да возьмет тебя Великая Бездна, Блейз Полукровка! Не так уж много на свете людей, которым удается меня рассмешить! — Он покачал головой с насмешливым сожалением. — Как жаль, что мы противники! Я сумел бы достичь большего, чем смею мечтать, если бы располагал твоей поддержкой. — Никакого сексуального подтекста в его словах не было: Мортред никогда не находил меня привлекательной. Он просто имел в виду, что из меня получилась бы хорошая приспешница.

— Никогда не поздно попытаться, — ответила я, стараясь говорить дружелюбно. Удивительное дело: на что только не подвигнет петля вокруг шеи...

Дек возмущенно пискнул: он явно не мог поверить в то, что я сказала подобную вещь... Я не обратила на него внимания.

— Ах нет, — вздохнул Мортред. — Мы же оба знаем, что ты осталась бы совершенно ненадежной. Да и ты ошибаешься: я не собираюсь тебя вешать, как бы мне того ни хотелось. Я даже не собираюсь разрешить замучить тебя до смерти, как бы того ни желал Домино. Ты наверняка будешь рада узнать, что я заключил сделку с Лиссал: вы с мальчишкой оба останетесь в живых.

Радоваться я не торопилась: ни одному слову Мортреда я не поверила.

Он повернулся к Флейм.

— Ты не хочешь что-нибудь сказать Блейз, прежде чем мы уедем, дорогая?

Она нерешительно сделала несколько шагов в мою сторону. Я бросила взгляд на свой меч на полу, потом снова на Флейм.

— Домино убьет нас с Деком, — сказала я решительно, — как только ты отвернешься.

— Если он это сделает, я не стану помогать им, — вяло ответила Флейм. Тонкие шупальца алого сияния опутывали все ее тело. — Мортред знает об этом.

— Он лжет тебе, Флейм. Он убьет нас и скроет нашу смерть от тебя, — бросила я. — Потребуй, чтобы он забрал нас с собой.

Алое сияние сделалось более ярким, зловоние дун-магии усилилось. Мортред улыбнулся мне — на случай, если я не догадалась, кто был источником чар.

— Но я не хочу, чтобы вы нас сопровождали, — капризно сказала Флейм, потом с детской нелогичностью добавила: — Мы с ним договорились. Вы остаетесь в живых, а я делаю то, чего он хочет. И знаешь, какая-то часть меня желает тебе смерти. Если ты будешь с нами, я могу просто... — Флейм умолкла, словно забыла, что хотела сказать. Что ж, это было и к лучшему: мне показалось, что она собиралась пообещать убить меня своей рукой.

— Ты убедилась? — мягко обратился к Флейм Мортред. — С Блейз все в порядке. А теперь пора на корабль, дорогая. Мы скоро отплываем.

Я бросила на свой меч еще один отчаянный взгляд, хотя и понятия не имела, что было бы, если бы Флейм его мне подала... да и Флейм просто отвернулась и вышла из амбара на солнечный свет. Я в беспомощном гневе заскрипела зубами.

Мортред не сразу последовал за Флейм.

— Ах, бедняжка! Она разрывается между желанием подвергнуть тебя пыткам и спасти тебе жизнь. Как же занятно за этим наблюдать! Силв- и дун-магия — вечная битва... Мне ужасно нравится смотреть, как она мучается. Физические страдания жертвы не доставляют мне такого удовольствия — конечно, за исключением ужаса, который вызывает их ожидание. Душевная же боль... Ах! — Кончиком языка он облизнул губы. Жест был столь же недвусмыслен, как и его слова. Все еще глядя мне в глаза, он приказал силвам: — Оставьте нас, а мальчишку заберите с собой.

— Это ты мне говоришь? — ответила я. — С радостью, только развяжите веревку.

Домино, похоже, хотел возразить, но одного взгляда злого колдуна оказалось достаточно, чтобы он передумал. Коротышка покосился на меня, и я пожала в ответ плечами, показывая, что тоже не догадываюсь о намерениях Мортреда. Бывшие силвы без звука покинули амбар, унося с собой раненых; уволокли они и Дека, который во все горло протестовал. Паренек вел себя, может быть, и мужественно, но не очень разумно, потому что только заработал еще одну оплеуху. Единственное, что было хорошо, — это что мой меч по-прежнему остался лежать на полу.

Мортред все так же стоял на почтительном от меня расстоянии. Думаю, он переоценивал мои способности: мне еле-еле удавалось не задохнуться, а уж о возможности напасть на кого-либо и думать было нечего. Домино остался в амбаре; он стоял, скрестив руки на груди, у дверей.

Мне удалось слегка повернуть голову и разглядеть, что другой конец веревки был привязан к опоре стены. Это была дьявольская ловушка: если я стояла прямо, мне было достаточно удобно, я даже могла вертеть головой; однако наклониться я не могла. Не могла я и повиснуть... Я попробовала ослабить веревку, которой были связаны мои руки, но узлы на ней затягивал мастер своего дела. Мои пальцы теребили их без всякого результата. Я поняла, что самой мне не освободиться, и не приходилось рассчитывать, что Руарт или Дек смогут мне помочь или что Флейм захочет это сделать...

Проклятие, подумала я. Неужели опять! Как, Великая Бездна, удается мне всегда так влипать? Что есть во мне такого, что не дает мне вести нормальную жизнь?

Я повернулась к Мортреду и спросила философским тоном — это было трудно, потому что чувствовала я себя далекой от философского спокойствия:

— И что теперь? Странно, что ты до сих пор меня не повесил. Ты же знаешь по прошлому опыту, что оставлять меня на попечение подручных неразумно. Я женщина находчивая — спроси хоть коротышку Домино. Тебе не кажется, что лучше было бы докончить дело самому?

«Ну вот, — решила я, — теперь ты начнешь гадать, что я затеваю».

Мортред нахмурился, но все же повернулся к Домино и сказал:

— Мы с Лиссал уезжаем, как только Айклин упакует багаж и отнесет вещи в лодку. Сразу же убей эту женщину и мальчишку тоже — но только когда до нас не сможет донестись ни звука. Я совсем не хочу, чтобы Лиссал услышала крики. Ты понял? Она должна думать, что я выполнил ее просьбу просто подержать Блейз взаперти, пока мы не будем далеко от этого острова.

Домино нахмурился.

— Да разве она поверит в такое?

— Она сейчас так заморочена дун-магией, что поверит всему, что бы я ни говорил, если только не столкнется с прямыми доказательствами обратного. Так что помни: никаких криков, пока мы не будем далеко. Сейчас я выйду и громко распоряжусь, чтобы с Блейз хорошо обращались, — пусть Лиссал слышит. Ты все понял?

— Да, сир-хозяин.

— На этот раз я не прощу ошибок. Не вздумай чего-то придумывать. Ты не должен развязывать Блейз. Ей надлежит умереть там, где она находится сейчас, оставаясь связанной. Как ты это сделаешь, решай сам.

Домино злобно улыбнулся мне.

— Пожалуй, я забью ее до смерти листьями панданы. Ненавижу, когда умирают быстро...

Мортред фыркнул.

— Ты, Домино, ничего не смыслишь в настоящих пытках. — Он искоса глянул на меня. — Вот мы с Блейз понимаем, что истинное страдание — это страдание души, верно, Блейз? Попробуй сначала забить до смерти мальчишку у нее на глазах. — Мортред не стал ждать моего ответа и двинулся к дверям, подтолкнув к выходу и Домино. Уже на пороге он обернулся ко мне.

Сердце у меня заколотилось. Я не знала, что сейчас от него услышу, но понимала, что меня ждет адское мучение. Так и вышло...

— Хорошая была мысль, — любезным тоном сообщил Мортред, — ампутировать Лиссал руку. Это подействовало: в совокупности с силв-магией избавило ее от заражения. Однако есть кое-что, чего ты тогда не знала... и не знаешь до сих пор. Какое же это удовольствие для меня! Ты ведь и понятия не имеешь, почему Лиссал тебя предала, верно? Я даже подумывал, не открыть ли тебе правду: ты умерла бы, страдая от ярости и

беспомощности... но нет! Ведь истинная пытка заключается в мелочах. Ты умрешь, не зная, почему Лиссал тебя предала, не зная, что с ней происходит. Ты умрешь, не зная, каковы мои планы и что я готовлю для Лиссал. Ты умрешь в мучительных догадках — это и есть самое изысканное наслаждение для меня. — Улыбка Мортреда была полна яда. — Незнание станет самым страшным для тебя мучением, Блейз. Да и жизнь твоя утратит смысл, потому что достичь цели тебе не удалось. Мое же наследие, тот ужас, который я оставлю за собой, распространится на все острова, и ты ничего, абсолютно ничего тут поделать не сможешь. Вот так-то, моя дорогая.

Ну и выродок!

Мортред с улыбкой снова повернулся к двери.

— Мортред... — Он взглянул на меня, удивленно подняв брови. — Кто ты такой?

— Что ты имеешь в виду?

— Только одно: кто ты такой? Ты погрузил в море Дастелы и сделал это не без причины. Может быть, у твоего левого уха потому и нет мочки, что на ней была татуировка, говорящая о гражданстве Дастел?

Теперь уже Мортред смотрел на меня заинтересованно.

— И почему же, ради Бездны, я, по-твоему, стану об этом рассказывать?

— Разве не было бы приятно, чтобы хоть кто-то... понял всю грустную иронию твоей жизни?

Мортред поколебался, потом улыбнулся: он оценил сказанное мной. На какое-то мгновение он сделался почти человечным.

— Ты ведь и так знаешь, верно?

Я кивнула.

— Думаю, что ты — Гетелред, а значит, законный наследник монарха Дастел. В этом-то и заключается ирония судьбы — ты потопил весь архипелаг и остался без своих наследственных владений.

Если мое предположение было правильным, отцом Мортреда был Вилрин, наследник престола, убитый своим братом Винсеном. Отец Вилрина и Винсена был последним монархом Дастел. После смерти Вилрина Гетелред попытался сдаться

своему деду, чтобы спасти жизни матери, сестер и брата-близнеца, но прибыл слишком поздно.

Историю предательства нам с Тором рассказал Алайн Джентел. После убийства Вилрина началась жестокая гражданская война, залившая Дастелы кровью и кончившаяся, только когда острова ушли под воду.

Мортред подошел ко мне ближе.

— Откуда ты узнала? — В голосе его звучал искренний интерес.

— На самом деле я ничего не знаю, — честно ответила я. — Это всего лишь догадка. Ты похож на южанина, да и говоришь с акцентом дастелца... и еще тот трон, который ты соорудил для себя в Криде... и то, как ты теперь держишься. От тебя так и несет знатностью. Что-то рассердило тебя так сильно, что ты утопил целый архипелаг. Последний монарх Дастел повинен в убийстве отца, а затем и матери, сестер и брата-близнеца Гетелреда — он приказал повесить их тела на крепостной стене, так что они были первым, что увидел Гетелред, когда менодианский корабль, на котором он плыл, чтобы сдаться, вошел в гавань. Сколько тебе тогда было? Двенадцать лет?

Мортреда окутало облако алых всполохов.

— Мне было тринадцать.

— Но Гетелред же не мог быть дун-магом...

— Нет, конечно. Он... я от рождения силв.

— Так что же случилось?

— Спроси менодиан, — прорычал Мортред. — Спроси это менодианское обладающее Взглядом отребье.

— Вряд ли у меня будет такая возможность, не так ли?

Мортред расхохотался.

— А ведь верно! Ладно, расскажу — это так забавно! Сегодня происходит много всяких забавных вещей... Мне приятно сознавать, что ты лучше поймешь меня и то, чем я могу стать... так пусть же твое воображение терзает тебя до самой смерти. Ты знаешь обо всем, что тогда случилось, но известно ли тебе, почему я опоздал сдаться, Блейз? Причина была в том, что эти вечно хнычущие святоши пожелали сначала позаботиться о раненых. Они пожелали излечить ничтожных людишек вроде солдат моего отца, и в результате мы не прибыли к назначенному сроку. Гвардейцы деда изнасиловали мою мать и девочек-сестер, прежде чем убить, — и все потому, что я на сутки

задержался. Когда я прибыл, мои родные были всего лишь падалью на городской стене, и глаза их выклевали чайки.

Так и вышло, что менодиане развернули корабль и отвезли меня в свой монастырь на Скодарте. Я говорил им, что мой проклятый дед явится и всех перебьет, но они не обратили на мои слова внимания. Я был для них всего лишь сопливым мальчишкой.

Багровое зарево полыхало вокруг Мортреда, и мне с трудом удалось не отшатнуться, хоть я и знала, что вреда мне причинить оно не может. Мортред продолжал:

— У менодиан был пленник — дун-маг, которого они держали в подземной темнице. Они не казнили его, потому что менодиане — они же трусы! — убивать не любят. Они обрекли его на многолетнее заключение и полагали, что вырваться на волю он не сможет, потому что его камера находилась глубоко под землей. Допускались к нему только обладающие Взглядом, на которых его магия не действовала. — Мортред с искренним весельем усмехнулся. — Я про него, конечно, прослышал.

Я догадалась, что случилось дальше. Неизбежность избранного Гетелредом пути была мне ясна, как лунная дорожка на спокойной воде.

— И тогда ты воспользовался иллюзией, чтобы проникнуть к дун-магу, — сказала я. — Ты предложил ему свободу в обмен на могущество. — У меня перехватило дыхание при одной мысли об этом.

— Разговаривать с тобой, Блейз, — чистое удовольствие, — ответил Мортред, хотя на лице его было написано не удовольствие, а злоба. — Люблю догадливых.

— Ты сознательно попросил осквернить себя...

— Силв-магией никого нельзя убить, — тихо сказал Мортред, — а убить я хотел очень многих.

Я не сразу смогла заговорить снова.

— Тот маг, должно быть, не слишком хорошо знал свое дело: он не научил тебя, как избежать последствий использования силы самому.

На это Мортред ничего не ответил; он продолжал развивать свою мысль.

— Я ведь был, как ты понимаешь, не осквернённым силвом. Почему, по-твоему, я так могуществен? Я приветствовал соединение противоположностей. Это было не оскверн-

нение, а обращение. Я радовался ему, я приветствовал свое могущество. Ах, Блейз, ты и представить себе не можешь, каково это — чувствовать в себе силу! Я так и не смог понять, почему силвы, которых я подчиняю себе, сопротивляются. Сопротивление делает их слабыми, они часто не могут разобраться в себе и становятся способными только подчиняться. Наверное, отсутствие у них инициативы должно меня радовать — никто из них никогда не будет мне опасен. Именно то, что тогда произошло со мной, подало мне идею превращения силвов в злых колдунов. Мне просто не удавалось осуществить ее на практике до последнего времени, когда ко мне начала возвращаться сила.

— Ты ведь не собирался топить острова, верно? — Эта мысль возникла у меня непонятно откуда.

— Нет, конечно. Я хотел уничтожить только часть — я ведь собирался править Дастелами. — Мортред пожал плечами. — У меня просто оказалось больше сил, чем я ожидал, да и неопытен я был в те времена. — Он криво улыбнулся. — Мой дорогой дедушка, конечно, послал за мной погоню, и возглавил ее дядюшка Винсен. Весь Скодарт и окружающие острова восстали против них. Ты вроде бы хорошо знаешь историю — представь себе, какой кровопролитной была гражданская война. Я просто выжидал, стремясь сначала научиться управлять своей силой. Менодиане, конечно, отвернулись от меня, как только учуяли во мне дун-магию. — Мортред снова пожал плечами. — Это уже не имело значения. К тому времени у меня была собственная армия. Я надумал утопить столицу вместе с дворцом деда и его гвардейцами; вместо этого в море погрузился весь архипелаг. Как же это было... эффектно! Думаю, я повторил бы все снова, окажись я в том же положении, что и тогда.

— А птицы? — спросила я. — Почему ты превратил островитян в птиц? — Я старалась не показать Мортреду охвативший меня мучительный страх: этот человек обладал невероятной силой, большей, чем кто-либо другой. Может быть, он и в самом деле способен повторить свое ужасное деяние? Способен ли он на такое *сейчас?*

— Когда я увидел, что случилось, я не захотел, чтобы умерли все, — объяснил Мортред. — Разве это было бы настоящим наказанием? Гораздо лучше было оставить их в живых надолго — чтобы они поняли, что я сделал с ними и с их островами! Малень-

кие, незаметные птички, любую из которых человек с легкостью раздавит в руке или посадит в клетку... но сохраняющие все ужасные воспоминания. — Мортред злорадно улыбнулся.

Если он собирался поразить меня, то вполне в этом преуспел. Полное равнодушие к страданиям жертв, отсутствие раскаяния — их, возможно, следовало ожидать, и все же огромность его преступления потрясала.

Мортред, заметивший мою реакцию, явно ею наслаждался.

— Оно того стоило, Блейз! Стоило моего искалеченного тела, стоило бесконечных лет слабости, когда я едва мог сотворить ерундовое заклинание, стоило долгого ожидания. — Улыбка Мортреда стала издевательской. — Потопление Дастел было самым впечатляющим оргазмом, который мир только видел или увидит в будущем.

С этими словами он двинулся к дверям, собираясь выйти из амбара. Мортред так наслаждался подобным финалом, что я решила подпортить ему удовольствие.

— Как звали твоих маленьких сестричек, Гетелред?

Злой колдун застыл на месте.

Может быть, у меня и не такой чуткий нос, как у Гилфитера, но уязвимые места у любого человека я чую сразу же. Я знала, что мои слова не сделают мою судьбу более легкой, но это уже не имело значения. Мне было необходимо увидеть, как он корчится от боли.

Что ж, я ведь никогда и не говорила, будто я — славная девочка...

От агента по особым поручениям
Ш. айсо Фаболда,
Департамент разведки,
Федеральное министерство торговли, Келлс,
Достопочтенному М. айсо Кипсуону,
Президенту национального общества
научных, антропологических и этнографических
исследований не-келлских народов

59/2 месяца Темной Луны, 1793

Дорогой дядюшка!

Я был очень рад узнать, что комитет одобрил мой доклад о религиозных обрядах на Райских островах. Теперь я поручу сво-

им помощникам сделать слайды на эту тему для волшебного фонаря.

Подготовка к следующей экспедиции идет полным ходом. Я успел обнаружить, что поддержка со стороны миссионеров имеет определенные преимущества: церковь давит на министерства, и в результате дело движется быстрее. Как мне кажется, некоторый интерес проявляет и Его Превосходительство Протектор. К несчастью, этот интерес, похоже, подогревается в основном Ее Превосходительством: она желает, чтобы в экспедиции участвовали и женщины. Можете вы себе такое представить? Уж не сошла ли с ума эта благородная дама? Иногда я гадаю: почему мы во время революции, избавившись от королей и королев, не освободили Келлс и от аристократии? Зачем нам нужны эти мешающие прогрессу останки былого? Протектор с супругой могли бы и ограничиться тем, чтобы открывать всякие выставки или закрывать летние сессии Палаты Прений, что им как раз и положено делать.

Аниара, конечно, горячо поддерживает Ее Превосходительство.

Кстати, Аниара сделала для меня несколько прелестных рисунков на темы Райских островов. Она необыкновенно талантлива! Я собираюсь использовать эти рисунки как иллюстрации для книги о своих путешествиях, если у меня когда-нибудь появится достаточно времени, чтобы ее написать. Наброски Аниары пером — само совершенство. Тетушке Росрис будет приятно узнать, что я совершил некоторые шаги для того, чтобы придать нашим отношениям с Аниарой более формальный статус. Впрочем, Аниара не торопится с ответом. Я не осуждаю ее: как я уже указывал раньше, из этнографа получился бы не очень хороший супруг. Мы оба понимаем, что в случае нашего брака Аниаре придется много времени проводить в одиночестве.

Пожалуйста, заверьте тетушку Росрис в моих нежнейших чувствах и передайте ей, что присланный ею роман я читаю с удовольствием.

Ваш преданный племянник
Шор айсо Фаболд

Глава 21
Рассказчик — Келвин

В одном сомнений не было: мне повезло, что рядом был Райдер, потому что собственных идей у меня не возникало. Мы вдвоем противостояли четырем десяткам врагов, и хотя они не могли причинить нам вреда магией — или чем-то, что так мерзко воняло, — в этом у них и не возникло бы нужды при том количестве мечей и ножей, которыми они были вооружены, не говоря уже о луках.

Я ежился, чувствуя свою полную бесполезность. Если уж говорить о безопасности, то мы были, на мой взгляд, слишком близко от первого из домов деревни — настолько близко, что могли бы подслушать разговоры, если бы они там велись. Однако Райдер не обращал никакого внимания на возможную угрозу; он был готов к бою, и запах его возбуждения, немного похожий на аромат перебродивших яблок, окрашивал все остальные долетавшие до меня запахи. Проклятие, подумал я, неужели он, как любой нормальный человек, не испытывает страха? Сам я чувствовал себя полевым цветочком, окруженным стадом пасущихся селверов.

— Ты можешь определить, — спокойно спросил Райдер, — не ранена ли Блейз... или Флейм?

Я как раз собрался ответить ему, когда на поверхность озера рядом с нашим плотом вынырнуло какое-то крупное существо. Я так и подскочил, едва не свалившись в воду. Райдер отреагировал быстрее, чем травяной лев, преследующий зайца. Только что он стоял на коленях, глядя на деревню, и вот уже он с обнаженным мечом в руке готов был встретить пришельца.

Я схватил его за руку.

— Погоди, — прошептал я, — это всего лишь Следопыт.

Пес заскулил и стал карабкаться на плот; хвост, которым он принялся вилять, вспенивал воду. Я ухватил его за шкирку и втащил на плот: что угодно было лучше, чем позволить ему продолжать плескаться. На Следопыте я увидел что-то вроде ошейника с привязанной к нему веревкой.

Райдер опустил меч и отодвинулся, пытаясь не дать псу окатить себя брызгами.

— Это еще что? — спросил он.

— Следопыт — собака Блейз.

— Это не собака. — Райдер отвернулся и снова стал смотреть в сторону деревни. — Это ныряльщик с островов Фен — ты только посмотри на перепонки на лапах. Где она им обзавелась?

— В Гортанской Пристани, насколько мне известно. — Я удивился: мне казалось, что о Следопыте Райдер должен был знать.

На меня обрушилась целая волна эмоций Райдера: боль, ревность, горе... и печальная ирония. Он смеялся над собой за то, что завидует мне из-за моих доверительных отношений с Блейз. Прежде чем я успел во всем этом разобраться, Райдер шепнул:

— Смотри! Там что-то происходит.

Из амбара вышла Флейм — одна. Она не смотрела ни влево, ни вправо — она просто прошла мимо стражников и села в одну из ожидающих у кромки воды лодок.

— Ее не стерегут, — прошептал Райдер, и я уловил горечь в его голосе. — Ты был прав. Она предала остальных. Что тебе о ней теперь говорит твой нос?

— Трудно судить... Вокруг слишком много дун-магии...

Прежде чем Райдер принял решение о дальнейших действиях, из амбара вышли еще несколько человек.

— Парнишка — это Дек, — сообщил я Райдеру. — Тот самый, о котором я тебе говорил. Остальных я не знаю, но среди них — два дун-мага. — Дек казался ужасно испуганным, и не могу сказать, что я упрекнул бы его в этом. Он не был связан, но силвы-хранители крепко держали его за руки.

— Мортреда среди них нет, — заметил Райдер. — И Домино тоже. И Блейз. — Среди вышедших из амбара мы разглядели троих раненых: у одного из силвов был расквашен нос, у другого — рассечена рука, а третьего вынесли на руках. Райдер подавил довольный смешок:

— Не годится поворачиваться спиной к этой женщине!

Мы продолжали наблюдать, но ничего интересного больше не происходило. Приспешники Мортреда просто стояли на берегу; большинство из них хранили молчание и не двига-

лись. Пригнувшийся рядом со мной Райдер испытывал все большее беспокойство, хотя по нему сказать этого было бы нельзя: у него не дрогнул ни единый мускул.

Как раз в тот момент, когда, как я чувствовал, Райдер собрался начать действовать, из амбара показалась еще одна фигура. Это был низенький человечек, разодетый в пестрые одежды.

— Домино, — прошептал Райдер.

Домино заговорил с кем-то из силвов, окружавших раненых, потом показал на берег, где в лодке все еще сидела Флейм. Мы слышали его голос, но разобрать слов не могли.

— Злой колдун все еще в амбаре, — прошептал я. — Я в этом уверен.

— Вместе с Блейз?

Я кивнул.

— Я не вижу Руарта.

— Я тоже его не чую.

— Проклятие! Я думал, что он не улетит далеко от Флейм. Он мог бы рассказать нам, что происходит, если только нам удалось бы его поймать... и если бы мы смогли его понять.

— Я немного знаю его язык.

— Знаешь? Прекрасно. А Блейз... С ней по-прежнему все в порядке?

— Пока да. — Я пытался уловить оттенки в ее запахе, которые сказали бы мне больше, но безуспешно. Эта проклятая воительница слишком хорошо умела держать себя в руках; кроме того, все заглушало зловоние дун-магии. По мне тек пот, желудок сводило. Мне приходилось стискивать кулаки, чтобы не позволить рукам трястись. Великая Бездна, думал я, эта дрянь меня отравит!

Райдер склонил голову. Мгновение я не мог понять, в чем дело, потом догадался: он молился. Что ж, больше особенно и нечего было делать: мы вдвоем против десятков врагов...

Флейм неподвижно сидела в лодке, по-видимому, совершенно не интересуясь тем, что происходило вокруг, и не делая попыток скрыться. Дек оказался тщедушным парнишкой, и державшим его силвам не приходилось прилагать усилий, чтобы не дать ему сбежать. Домино отдал какое-то приказание, и несколько человек направились к кустам панданы, рос-

шим у берега. Они зачем-то принялись срезать колючие листья и складывать их у амбара.

Следопыт, растянувшийся на плоту, изредка издавал низкое рычание.

«Мы с тобой оба страдаем, — подумал я. — Невозможно терпеть этот жуткий смрад...»

Зловоние было таким густым, что становилось трудно дышать, трудно думать. Меня уже давно вырвало всем, что я успел съесть утром, и теперь я съежился на плоту, мечтая о смерти. Морская болезнь не шла ни в какое сравнение с этой пыткой.

Из амбара вышел высокий человек — вышел один.

— Райдер, — прошептал я, — это он! Злой колдун!

Райдер помотал головой.

— Нет, это не Мортред.

— Ну хорошо, скажем иначе: это тот, кто обладает здесь всей силой.

— Мортред — калека. Он выглядел таким сплющенным... и у него оставалось не особенно много силы — он слишком щедро ее расходовал.

— Да ты посмотри на него! Ты же должен видеть его могущество — от него воняет совсем уж нестерпимо!

Райдер присмотрелся внимательнее.

— И в самом деле — дун-магии там очень много, — согласился он и тут же резко втянул воздух. — Господи на небесах! Это и правда он! Он исцелился!

— Заодно и силу свою восстановил. Никакой слабости в этом человеке нет. — Даже и тогда я не мог унять любопытство: мне хотелось узнать, что же собой представляет дун-магия, понять ее причины.

— А мы-то думали, что он ослабел... Как, да заберет его морской дьявол, сумел он стать таким?

— Руарт, — перебил я его, — Руарт где-то здесь. Я его чую. — Мы осмотрели окрестности и наконец заметили птичку на коньке амбара.

— Нам нужно заманить его сюда, — сказал Райдер.

Это казалось невозможным. Как нам дать знать о себе Руарту, не привлекая внимания всех остальных на берегу? Мы беспомощно смотрели, как Руарт перелетел на крышу сосед-

него с амбаром дома... по крайней мере теперь он был немного ближе к нам, чем раньше.

— Я схожу туда, — сказал Райдер. Я открыл рот, чтобы запротестовать, но Райдер уже все решил и сполз с плота. Он оказался на тянущемся рядом с деревней огороде. Там росли тапиока, бананы и всякие травы — имбирь, каланг, куркума, лемонграсс, чили, перец. К счастью, они были достаточно высокими, чтобы обеспечить Райдеру хоть какое-то укрытие. Я следил за ним, затаив дыхание. Рядом со мной Следопыт продолжал рычать, так что мне пришлось зажать ему пасть.

Каким-то образом Райдеру удалось незамеченным добраться до первого дома. Оказавшись там, он поднялся на ноги и дальше двинулся открыто. Меча в руке он не держал — клинок все еще оставался в ножнах у него за плечом, — а лук он с собой не взял. Рядом с дверью стояло деревянное ведро, Райдер взял его и собрался идти дальше, но тут из дома кто-то выглянул.

— Сиди внутри и не высовывайся! — рявкнул на человека Райдер.

От выглянувшего из дома старика разило страхом, дун-магией и той кислятиной, которой воняет подползающая на животе подобострастная собака. Он немедленно послушался. Райдер бросил взгляд в мою сторону и ухмыльнулся.

«Великие небеса! — подумал я. — Он еще и наслаждается приключением!»

Райдер теперь был на открытом месте, где собравшиеся на берегу могли его видеть, но никто не обращал на него внимания. Для приспешников Мортреда он был просто рабом с ведром в руках. Я продолжал следить за его продвижением: теперь уже Райдер был рядом с домом, на котором сидел Руарт. Райдер, должно быть, тихо окликнул птичку по имени; я его не слышал, но Руарт явно услышал, потому что слетел на водосточный желоб и посмотрел вниз.

Мортред подошел к лодке и заговорил с Флейм. Она не проявила желания беседовать, так что говорил в основном один Мортред.

Райдер передвинул портупею так, чтобы при взгляде сзади она не была особенно заметна, и пошел обратно в сторону плота. В руке он по-прежнему нес ведро. Я подумал, что мне, на-

верное, не хватило бы мужества повернуться к врагам спиной и так спокойно идти... Я перевел дыхание, только когда Райдер добрался до плота, никем, по-видимому, не замеченный. Облегчение было таким, что у меня затряслись руки, и пришлось стиснуть кулаки, чтобы Райдер ничего не заметил.

Руарт подлетел к нам. Он был в ужасном состоянии... Я ожидал, что он выскажет удивление нашим с Райдером появлением, но он только сказал:

— Она не желает со мной разговаривать... — Горе и отчаяние вытеснили все другие эмоции.

Когда я перевел слова Руарта Райдеру, тот сурово сказал:

— О состоянии Флейм мы поговорим потом. Сейчас нам нужно знать, что происходит. Где Блейз? Удалось ли тебе побывать внутри амбара? Великая Бездна, Гилфитер, что он говорит?

Мне оказалось трудно расшифровать ответ Руарта — так быстро он чирикал и взмахивал крыльями.

— Домино должен убить Блейз и Дека. Мортред увозит Флейм с острова. Кел, можешь ты помочь? А ты, Тор? Вы же знаете, как она пострадала... да и сейчас...

Я чуть было не прибег к своей обычной мантре: «Я врач, а не воин. Я не умею сражаться».

— Так что он говорит? — не скрывая беспокойства, отвлек меня от моих мыслей Райдер. Я перевел сказанное Руартом.

Райдер еще раз оглядел берег.

— Даже если не считать рабов, там два десятка мужчин и женщин, которые скорее прикончат нас, чем вступят в переговоры. Нам нужно время, чтобы составить план, Руарт. Сколько у нас есть времени... когда они убьют Блейз?

— Как только Мортред и Флейм уедут. Теперь уже в любой момент... — Я перевел это Райдеру.

Райдер бросил на меня мрачный взгляд и сообщил мне свое решение, снова не поинтересовавшись моим мнением:

— Гилфитер, вы с Руартом отправляйтесь следом за Флейм. Вы — ее последний шанс. Возьми этот плот и плыви. Если сумеешь, выясни, что с ней случилось, и помоги.

— Я? Ты хочешь, чтобы я ее освободил?

— Она не пленница. У тебя может появиться возможность с ней поговорить. Придумай что-нибудь. Используй любой

шанс связаться с менодианскими патриархами. Скажи им, что это я тебя послал. Скажи им, что долг, возложенный на всех менодиан верховным патриархом, — помочь Флейм в безопасности добраться до Тенкора. Тебе будет нужна помощь, и менодиане тебе ее окажут.

Я последую за вами, если смогу... надеюсь, вместе с Блейз и тем пареньком. Оставляй сообщения у всех патриархов по дороге, чтобы мы знали, где вас искать. Только помни, что доверять Флейм нельзя, она может выдать вас обоих. От нее тут ничего не зависит — никогда об этом не забывай.

Я усомнился в том, что он хорошо представляет все, о чем так уверенно говорит. Нам предстояло следовать не только за Флейм, но и за Мортредом. Я облизнул губы, которые неожиданно высохли.

— А ты? — хрипло спросил я. Только ответ я уже знал: его намерения были ясны моему носу.

— Я не могу позволить ей умереть в одиночестве, — прошептал Райдер. — Я не могу просто повернуться и уйти... не могу. — Говорил он, конечно, не о Флейм.

— Она не хотела бы твоей смерти, Райдер. Это привело бы ее в отчаяние. — Я понимал, что он собирается пробиться к Блейз, но ведь спасти ее он не смог бы. — Их больше двух десятков, — напомнил я. — Приспешники Мортреда почти все в этой деревне, рядом с амбаром, не говоря уже о рабах, которым дун-маги прикажут на вас напасть.

— Кел прав, — подтвердил мои слова Руарт.

— Руарт со мной согласен, — перевел я. — И тебя послали присматривать за Флейм, а не за Блейз. — Райдер сам сообщил мне об этом. Так говорить было жестоко с моей стороны, и я это прекрасно понимал; к тому же никогда еще в жизни мне не было так трудно говорить — на самом деле я хотел, чтобы он попытался спасти Блейз, какой бы безнадежной такая попытка ни была... Мысль о том, что Блейз просто умрет и ни один из нас даже не попытается ее спасти, была как желчь у меня на языке.

Райдер посмотрел на нас, и его запах сказал мне, что мои слова вызвали у него презрение.

— Часть бывших силвов Мортред заберет с собой, — наконец сказал он. — Может быть, у меня окажется шанс пробить-

ся — это все, что мне нужно. — Он посмотрел мне в глаза. — Тебе не понять.

Как же хорошо я его понимал! Я совершенно точно знал, какие чувства он испытывает. Поражало меня другое: мои собственные чувства...

Я непременно должен был высказать одно предложение, хоть от страха меня начало тошнить:

— У тебя будет больше шансов на успех, если я буду тебе помогать.

— Если ты отправишься со мной и мы проиграем, не только ты, но и Флейм будет обречена. Если сделать так, как предлагаю я, по крайней мере можно быть уверенными в том, что вы с Руартом останетесь в живых и, возможно, спасете Флейм.

— Ну как же, — фыркнул я. — Сначала я убью самого могущественного колдуна, какой только существовал когда-либо на Райских островах, вместе с кучей бывших силвов, а потом затащу Флейм на Тенкор, куда она вряд ли захочет отправиться... Я врач, Райдер, не забывай об этом. — Я сделал глубокий вдох. — Единственное, что мне известно о мечах, — это какой конец у них более острый. До того как я встретил Блейз, я ни разу в жизни не попадал в серьезные переделки. У меня будет больше надежды на успех, если рядом будешь ты, и тебе это прекрасно известно. — Совсем тихо я прошептал: — Попытка спасти Блейз — самоубийство. — Я знал, что Райдер со мной согласен: его решимость смешивалась с принятием смерти, которое заглушало страх.

— Блейз ради меня сделала бы то же самое, — просто ответил Райдер.

С берега озера до нас донеслись голоса. Выглянув между листьями панданы, мы увидели, как несколько человек грузят в ту лодку, где сидела Флейм, и в другую, с ней рядом, какие-то узлы.

Возбуждение Райдера росло, хоть он умело это скрывал.

— Надеюсь, что Флейм еще не рассказала Мортреду про Руарта, — сказал он. — Думаю, что еще не рассказала... Но можешь быть уверен, Гилфитер: она непременно расскажет. Это так же неизбежно, как прилив, — как только он ее полностью подчинит дун-магии.

От одной мысли об этом меня снова начало тошнить. Что же это за сила, что может заставить человека предать тех, кого он больше всего любит?

— Руарт, каким образом должен Домино убить Блейз? — спросил Райдер.

— Их с Деком обоих должны до смерти засечь листьями панданы. Если Блейз начнет сопротивляться, ее удушит петля, надетая ей на шею. Флейм думает, что Мортред оставит ее друзей в живых. Я пытался все ей рассказать, но она не пожелала слушать.

Я невольно бросил взгляд на окружающие нас растения. На длинных узких листьях торчали острые шипы, которые, конечно, будут рвать тело в клочья...

Когда я перевел слова Руарта, Райдер кивнул. Таившийся в нем гнев разгорался все сильнее, несмотря на то, как умело он его скрывал.

— А до того? — Райдер стал проверять, хорошо ли натянута тетива у его лука.

— До того ее будут держать связанной в амбаре, — ответил Руарт.

Райдер повесил колчан на плечо.

— Следуй за Мортредом и Флейм, Гилфитер. И я обещаю тебе две вещи: во-первых, прежде чем меня убьют, я сделаю все от меня зависящее, чтобы дать знать Блейз: ты позаботишься о безопасности Флейм; во-вторых, я скорее собственной рукой убью Блейз, чем позволю засечь ее до смерти. — Он посмотрел мне в глаза. — Говоря так, я вовсе не имею в виду, что непременно буду убит: ведь Бог на моей стороне. Руарт, расскажи мне подробнее про Блейз. Как ее связали? Где ее меч? Как выглядит амбар внутри?

Пока Руарт отвечал, а я переводил, Мортред и двое экссилвов влезли в ту же лодку, где уже сидела Флейм, а еще несколько человек — в другую. Итак: пятеро плюс Мортред. Тору оставалось перебить на шесть противников меньше. Те, кто оставался, начали отталкивать лодки от берега. Четверо стражников, очевидно, по приказу Мортреда, направились в амбар.

— Ну что ж, — сказал Райдер, — времени у нас не осталось. Ты — надежда Флейм, Гилфитер. Придумай, как ее освободить, — отрави негодяя, если понадобится. — Райдер сосколь-

знул с плота и двинулся к амбару, как и в первый раз, прячась за растениями.

Какой-то миг я был не способен пошевелиться. Райдер этого не знал, но все его чувства, заключенные в запахе, остались со мной: его страх, его печаль, его готовность к смерти, его решимость. Я почувствовал, каким тяжким бременем легли мне на плечи мужество и горе этого человека. Я думал о Джастрии... о возможности неудачи... но больше всего о Блейз и о том, в какое отчаяние приведет ее смерть Дека у нее на глазах.

Как раз в этот момент в амбар вошел еще один силв-хранитель, волоча за собой охапку листьев панданы. Я кивнул сам себе и, примирившись с неизбежным, принялся отвязывать веревку от ошейника Следопыта.

— От него может быть польза, — сказал я Руарту.

Пальцы у меня дрожали, возился я долго, но в конце концов пес оказался на свободе, и я столкнул его с плота. Следопыт последовал за Райдером, и я подумал, что он по крайней мере сможет отвлечь врагов — я был совершенно уверен, что пес не станет равнодушным наблюдателем издевательств над Блейз. Я понимал, что, возможно, посылаю его на смерть, но это меня не остановило.

— Руарт, — сказал я, — я хочу, чтобы ты отправился к Блейз, если сможешь проникнуть в амбар, и предупредил ее насчет Райдера. Если она будет в готовности, шанс ее спасти увеличится. А я последую за Флейм. Ты потом меня догонишь.

Он кивнул. Мы посмотрели в глаза друг другу — птица и человек, — и я тогда впервые представил себе, каким был бы Руарт, верни он себе человеческий облик. В тот момент я почти воочию — благодаря запаху — увидел его: мужчину моложе меня и более целеустремленного, мужественно преодолевающего созданные для него его природой препятствия и не сдающегося перед силами, которые сломили бы менее значительную личность.

— Мы вытащим Флейм из этой ловушки, — тихо сказал я, хотя это были всего лишь слова: в глубине сердца я не верил в такую возможность.

Кивнув в ответ, Руарт схватил клювом веревку, которая была отвязана мной от ошейника Следопыта, и улетел.

Я смотрел ему вслед. Никто не обратил на Руарта внимания — даже несмотря на то что он нес в клюве веревку. Я

понятия не имел, зачем она ему нужна; для такой маленькой птички ноша была нешуточной. Все еще с веревкой в клюве Руарт пролетел мимо двух стражников у входа в амбар и скрылся внутри. Райдер к этому времени оказался позади первого дома, который скрыл его от взглядов находившихся на берегу, а потом перебежал ко второму. Следопыт проскользнул следом.

Я оттолкнул плот от берега и направил его в сторону плавучих островов. К счастью, по дороге к острову я сменял Райдера и немного научился пользоваться шестом, но делал это все еще неуклюже. Оказавшись между зарослями панданы, я оглянулся. Домино стоял на берегу, окруженный своими подручными, и смотрел вслед Мортреду. Лодка, в которой находился злой колдун, была уже у входа в протоку между кустами панданы; вторая лодка скрылась из виду еще раньше. В любой момент Домино мог повернуться и войти в амбар...

Я почувствовал, что не в силах двигаться прочь; к счастью, никто в мою сторону не смотрел.

За спиной Домино, у двери амбара, один из силвов согнулся и упал на землю. Его напарник удивленно оглянулся и подошел, чтобы помочь. Наклонившись, он уже не выпрямился. Я посмотрел направо: Райдер накладывал на тетиву новую стрелу. Домино сделал движение в сторону амбара... сейчас он обернется и увидит, что там произошло...

Я начал действовать, не раздумывая. Одним резким толчком шеста я вывел плот на чистую воду, чтобы его увидели с берега. Быстрый взгляд в сторону подтвердил то, на что я надеялся: лодка, в которой был Мортред, уже скрылась в протоке.

— Эй, коротышка! — заорал я, приложив руки ко рту. — Домино! Узнаешь меня? — Конечно, не было никакой возможности, чтобы он узнал рыжеволосого врача с Мекате: мы никогда не встречались.

Позади Домино упал еще один человек, и снова этого никто не заметил. Следующая жертва рухнула на колени со стрелой в спине. Еще пять или шесть стрел просвистели в воздухе, и некоторые из них попали в цель. Потом Райдер с мечом в руке кинулся к двери амбара.

— Эй, ничтожество! — кричал я. — Что с тобой случилось, колченогий пьяница? Кто так тебя укоротил? Ты стал размером с откормленную утку!

Домино что-то приказал своим людям, и мне не было нужно слышать его слова, чтобы понять: коротышка в ярости. Дун-маг сделал жест, словно кидая в меня что-то; что это было, я так и не узнал, потому что, конечно, ничего не увидел. Вот чуять эту мерзость я чуял, и меня, наверное, снова вырвало бы, если бы мне не пришлось изо всех сил вцепиться в борт: то, что бросил колдун, обрушилось на плот, как камень, падающий с вершины горы. Часть бамбука раскололась в щепки, и одна из них оцарапала мне руку.

Я поморщился, но выпрямился и снова закричал:

— Человек ты или рыба-прилипала? А может быть, морская уточка? — Я не особо умею ругаться, но Флейм научила меня некоторым красочным выражениям, и сейчас явно был подходящий случай ими воспользоваться. — Где тебе справиться с женщиной размером с маслобойку, ты, пигмей, не то что с Блейз Полукровкой!

Когда приспешники Домино увидели, что дун-магия ничем мне не повредила, несколько экс-силвов кинулись к остающимся лодкам. Один из хранителей взвел пружину арбалета и достал болт, но по крайней мере я отвлек негодяев и дал Райдеру несколько драгоценных секунд на то, чтобы добежать до амбара.

К этому моменту его, конечно, уже заметили, тем более что после недолгой схватки он уложил хранителя, выскочившего из дверей. На берегу творилась неразбериха: Дек вырвался из рук державших его силвов, часть хранителей погнались за мной, часть кинулись к амбару, чтобы перехватить Райдера. Все громко кричали, и Следопыт внес свою лепту в суматоху: вцепившись в руку одному из силвов, он потащил его куда-то в сторону.

В плот у моих ног воткнулась стрела, и я налег на шест: нужно было поскорее убираться подальше от берега, чтобы не сделаться удобной мишенью. Кроме того, я решил, что разумнее будет пригнуться и грести веслом, а не отталкиваться шестом.

Я был еще далеко от начала протоки, где кусты панданы отчасти послужили бы мне укрытием, когда что-то вынырнуло из воды рядом с плотом. Серая голова... Позади меня за плот уцепились когтистые руки с невероятным количеством пальцев, и он опасно накренился. Я перехватил весло так, чтобы можно было использовать его как дубинку, и собрался отра-

зить новую опасность, но нога с перепонками между пальцами выбила у меня мое оружие. Я в ужасе вскрикнул и упал на бок. Мимолетный взгляд, который я успел бросить на отделявшую меня от берега полосу воды, заставил меня завопить: вода кипела от всплывающих на поверхность голов и тел.

Однако на мой вопль никто уже не обратил внимания.

Глава 22
Рассказчица — Блейз

Когда я теперь оглядываюсь на тот день, мне снова становится страшно: как же хорошо знал меня Мортред. Как же пристально должен был он наблюдать за мной, прислуживая в зале «Приюта пьянчуги», как же много говорил обо мне с Флейм, извлекая из ее слов крупицы знаний о моей личности...

Ведь он был прав: не знать, быть не в силах понять — это и оказалось самой страшной пыткой.

Он сделал несколько дразнящих, как резные фигуры на раковинах, намеков, но составить полную картину мне не удавалось. Он дал мне ключ, определенно дал, только в чем он заключался? «...Каковы мои планы и что я готовлю... Мое наследие, тот ужас, который я оставлю за собой, распространится на все острова...» Почему Флейм предала меня, если не была им осквернена? Или Мортред мне солгал?

Домино. Дек. «Попробуй сначала забить до смерти мальчишку у нее на глазах...»

После ухода дун-мага я почувствовала, что мне трудно дышать, и это не имело никакого отношения к петле вокруг горла. Я закрыла глаза. Руарт отчаянно кричал где-то рядом, но я не могла на него смотреть. Тогда не могла...

Все, что мы сделали с Флейм, оказалось напрасным: она снова была в руках Мортреда. Она была больна. Все ее муки должны были повториться. Ей до конца ее дней придется жить с развращенным умом, бороться — бороться без надежды на победу — с собственной развращенной личностью. Ярость лишила меня слов.

«Великая Бездна, — думала я, — почему, Гилфитер, ты не отправился с нами? Ты мог заметить приближающуюся беду... ты мог спасти нас».

Мне необходимо отсюда выбраться! Я устала стоять прямо, высоко подняв голову; я чувствовала себя как тунец, вывешенный перед лавкой торговца рыбой. Я была связана так, что ничегошеньки не могла предпринять... Единственное благо заключалось в том, что звон в ухе постепенно стихал.

«Думай, женщина, думай!» Я открыла глаза и посмотрела вверх. Руарт сидел на одной из поперечных балок. Он распластался на ней так, что концы растопыренных крыльев касались дерева: поза, выражающая полное отчаяние.

— Руарт. Мне нужен мой меч. Он на полу вон там.

— Он слишком тяжелый, чтобы я мог его поднять. — Это было очевидно.

— Да, конечно. Ты должен найти Следопыта и привести его сюда. Или Дека... Или найди веревку достаточно длинную, чтобы протянуть от рукояти до моей руки. Быстро, отправляйся!

Он улетел, ни слова не возразив.

У меня был еще складной нож в сапоге и отмычка в каблуке — старая привычка, к которой я вернулась, побывав в тюрьме в Мекатехевене. Беда была в том, что я не могла, пока оставалась связанной, добраться до них. Я глянула на веревку, перекинутую через балку и привязанную к стойке. Веревка оставалась натянутой, а вот стойка... стойка была слегка наклонной — совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы дать мне надежду. Если я смогу переместиться в сторону, оставаясь точно под балкой, может быть, мне удастся заставить веревку немного соскользнуть... и она перестанет меня душить.

Я поднялась на цыпочки и дернула головой. К счастью, узел был завязан сбоку, а не сзади, и это немного облегчило мне дело. Однако в любом случае успех доставался мне мучительно медленно. Веревка все время цеплялась за неровности балки. Однажды, потеряв равновесие, я чуть не позволила петле себя задушить. Мало-помалу я приближалась к стойке; наконец я оказалась совсем рядом, и веревка дала слабину. Это было не таким уж большим выигрышем, но по крайней мере я могла дышать, не вытягиваясь постоянно в полный рост, и полу-

чила возможность поворачиваться и даже посмотреть назад. Теперь, пожалуй, я смогла бы снять сапог. Я согнула правую ногу и дотянулась до нее пальцами. Правда, прежде чем снять сапог, нужно было его расшнуровать: нелегкое дело, если учесть, что запястья у меня были связаны.

Я принялась за дело.

Теребя узлы, я размышляла о случившемся. Пока еще Флейм, похоже, сохраняла какие-то остатки порядочности. Она явно ничего не сказала Мортреду про Руарта... да и сам Мортред упомянул, что нуждается в ее содействии. Если бы она была полностью в его власти, ему достаточно было бы просто приказать: она покорно выполнила бы любое его распоряжение. Ему же требовалось, чтобы она *захотела* поступать так, как ему нужно. Значит, она сумела сохранить часть своей личности нетронутой. Чтобы управлять этой частью, Мортред нуждался в рычаге, поэтому он солгал: пообещал сохранить жизнь Деку и мне в обмен на ее содействие. Так почему же возникла необходимость в согласии Флейм? Разве не мог Мортред ее принудить?

Может быть, ему было нужно, чтобы Флейм совершила нечто по доброй воле? Что именно?

Если же Флейм не была превращена Мортредом в свое подобие, что с ней случилось? Что заставило ее предать нас? Она, конечно, купалась в багрянце дун-магии, но определить, кто был ее источником — сама Флейм или Мортред, — было невозможно.

И что за ужас должен был распространиться на все острова? Проклятие, что заставляет меня снова и снова возвращаться к этим мыслям? Мне нужно выбираться отсюда!

Пальцы у меня начали неметь: слишком туго были стянуты мои запястья. Я все еще возилась с узлами на шнурках и большого успеха не добилась. Мне все еще не удалось снять сапог, когда в амбар вошли четверо бывших силвов. Я предположила, что Мортред приказал им сторожить меня. Я опустила ногу... Силвы молча встали по углам. Не было никакой надежды на то, чтобы стоявшие позади меня не заметили, как я вытащу нож из сапога, но я все равно снова подняла ногу и принялась теребить узлы. Моих тюремщиков это, казалось, не обеспокоило. Одну из хранительниц я знала: она посещала ту

же школу для девочек в Ступице, куда по настоянию Датрика посылали и меня. Она была на год или два старше меня, но, несомненно, не могла меня не узнать. Впрочем, она этого никак не показала. Я окликнула ее по имени — Селмариан, — и на мгновение ее глаза блеснули, но тем дело и ограничилось. Я попыталась заговорить с ней, напомнить ей о прошлом, но она не обратила на мои слова никакого внимания. Остальные тоже проявляли полное равнодушие. Они просто стояли там, где им было велено, даже не разговаривая между собой; глаза экс-силвов были тусклыми... У меня всегда были двойственные чувства по отношению к хранителям-силвам, особенно к тем, кто служил Совету: с одной стороны, я восхищалась их умениями и талантами, но с другой — мне были противны их высокомерие и заносчивость. Теперь же я испытывала к ним только сочувствие. Чтобы эти гордые люди оказались жалкими прислужниками дун-мага, готовыми сделать все, что он прикажет... это было ужасно!

Немного погодя явился еще один силв и притащил охапку листьев панданы. Безжизненным голосом он сообщил мне:

— Мне было велено сказать тебе, что листья — для тебя. Для тебя и для мальчишки. — Даже не взглянув на меня, он вышел из амбара.

Я посмотрела на усаженные шипами листья...

И вспомнила другого мальчишку, в другом месте. Танн умер одинокой мучительной смертью только потому, что я привлекла его к своим делам... Как смогу я смотреть на убийство еще одного паренька? Дек с его почитанием героев и сумасшедшими идеями о рыцарстве и мужестве не заслужил таких мучений. Меня охватила злость — злость на саму себя, на Мортреда, Домино, Датрика с его силвами, Тора, умывшего руки, Гилфитера, отказавшегося к нам присоединиться.

Великая Бездна, как угораздило меня попасть в подобное идиотское положение? Тор, когда узнает, будет в ярости... если, конечно, узнает, а это вряд ли... Я прогнала непрошеную мысль: она слишком меня огорчала. Правда, я тут же снова начала думать о Флейм, что расстроило меня еще больше. Я ведь дала ей обещание, поклялась, что не позволю ей остаться в живых и страдать, если она снова станет приспешницей дун-мага. Думать о том, что я подвела ее, было больно.

Потом я почему-то вспомнила о Гилфитере, и мысли мои не были благостными. Мне хотелось придушить этого безмозглого любителя селверов с его идеализмом, пацифизмом и неверием. Если бы только он признал существование магии, если бы только понял, что дун-магия несет угрозу всему миру и не является какой-то там золотухой или еще чем-то, может быть, он отправился бы с нами. И может быть, он сумел бы не дать мне, как идиотке, попасться в ловушку.

В этот момент в амбар влетел Руарт и опустился на землю у моих ног. За собой он тащил сложенную вдвое веревку. Я оглянулась на силвов. По-видимому, никого из них не обеспокоила маленькая невзрачная птичка: они словно ничего и не заметили.

Руарт бросил веревку и принялся о чем-то мне говорить. Я пыталась уследить за его знаками, но усомнилась, что все понимаю правильно. Речь шла о Торе, Гилфитере и о том, что я должна приготовиться... смысла в этом не было. Я сурово посмотрела на Руарта и кивнула в сторону меча. Силвы продолжали нести свою равнодушную вахту.

Руарт в отчаянии взъерошил перья и умолк. Мне не пришлось говорить ему о том, что я задумала: он и так догадался. Подтащив конец веревки к мечу, он сумел обвязать рукоять. Я думала, что для птицы это окажется невероятно трудно, но Руарт справился с легкостью. Тогда я вспомнила, что птицы вьют гнезда так искусно, что человеку с ними нечего и тягаться.

Все еще пытаясь развязать шнуровку сапога, я посмотрела на дверь. Я мало что могла увидеть, но все же мне стало ясно, что Флейм и Мортред уже отправились в путь. Домино стоял на берегу, глядя на озеро, Дека все еще держали силвы. Остальных мне было не видно. Внутри амбара стерегущие меня силвы стояли все так же неподвижно, по-видимому, не замечая Руарта и не интересуясь тем, что я пыталась сделать.

Куда отправился Мортред? И зачем ему нужна помощь Флейм?

Власть! Он хочет власти, а Флейм — Дева Замка, наследница престола Цирказе. Не собирается ли Мортред отправить ее домой? И ждать, когда она унаследует власть, а тогда он... что? Женится на ней? Станет править из-за ее спины? Нет, с этим раскладом что-то было не так. Мортред слишком долго ждал; ему нужна власть немедленно.

«Ужас распространится на все острова...»

Брет. Брет расположен на западе, Цирказе — на востоке, беря как в клещи острова Хранителей. Властитель Брета желает жениться на Лиссал. Он женится на ней немедленно, как только получит такую возможность. Да поглотит его Великая Бездна, Мортред собирается отвезти Флейм к властителю Брета! Я поежилась. У меня возникла уверенность, что все так и есть, но я никак не могла понять, в чем тут интерес злого колдуна. Он хочет, чтобы Флейм вышла замуж за властителя, но какая в этом польза для него самого?

Руарт надежно обвязал веревкой рукоять меча. Ни один из силвов ничего не заметил. Я была благодарна полумраку, царившему в амбаре: и веревка, и сам Руарт сливались с земляным полом. Подхватив клювом другой конец веревки, он двинулся в мою сторону.

И тут выяснилось, что длины веревки не хватает...

Не было никакой надежды, что Руарт сумеет подтащить меч. Я осторожно попыталась дотянуться до веревки ногой, но все равно она оставалась вне досягаемости. Если я пыталась выгнуться сильнее, петля начинала меня душить. Я в отчаянии смотрела на веревку.

— Мне так жаль... — сказал Руарт. — Только все равно здесь скоро будет Тор.

Это было просто смешно. Я явно неправильно расшифровала знаки Руарта. Тора от меня отделял целый океан. Мне не хотелось переспрашивать Руарта: я боялась привлечь внимание силвов. Я кивнула в сторону двери, пытаясь дать Руарту понять, что нужно раздобыть еще веревку... или найти Следопыта... или сделать хоть что-нибудь.

Руарт послушно вылетел из амбара.

А я снова принялась думать о Флейм... и о Мортреде. И о его плане устроить ад на островах. Что имел в виду Мортред, говоря о своем наследии? Если Флейм выйдет замуж за властителя Брета, что останется дун-магу? Ничего... если только... если только...

Если только властитель не обречен. Если он будет убит, Флейм сможет вступить в новый брак — брак с Мортредом. Нет, все равно непонятно... Это не поможет Мортреду осуществить свой план: как только властитель умрет, Флейм лишится всякой власти на Брете.

Этого не случится, вдруг сообразила я с ужасающей ясностью, если она родит наследника престола. Тогда она станет властительницей-матерью, и ей, может быть, даже удастся объявить себя регентшей. Это вполне возможно: ведь она сама представительница правящей династии, да и принуждение с помощью магии может помочь.

Со временем Флейм сменит суверена Цирказе, и если Мортред будет по-прежнему управлять ею, как управляет сейчас, тогда он придет к власти. Его власть и в самом деле распространится на все острова...

Холод, охвативший меня, проник до самых костей, когда я вспомнила кое-что, сказанное Флейм во время той памятной поездки на морском пони: она узнала от Датрика, что на Брете есть залежи селитры, а на Цирказе — серы. В соединении с углем она дадут тот черный порошок, который используется в пушках. А Мортред своими глазами видел, что могут сотворить пушки.

Брет и Цирказе стали бы всего лишь началом. Мортред собирался захватить власть на всех Райских островах, и для этого он намеревался использовать пушки.

Да, такое было возможно, однако только в случае совпадения многих обстоятельств. Во-первых, Флейм должна была родить ребенка от властителя Брета и к тому же мальчика, поскольку власть на Брете передавалась только по мужской линии. Во-вторых, Флейм должна была полностью подчиниться Мортреду или стать его сообщницей. В-третьих, при дворе властителя не должно было оказаться обладающих Взглядом, которые могли бы предупредить будущего супруга, что его невеста владеет дун-магией.

Что-то тут не сходилось. Я все еще не знала какой-то важной детали... очень важной. Чего-то такого, что сделало Мортреда самодовольным, как рак-отшельник в новой раковине. И мне никак не удавалось понять...

Я с новой энергией принялась теребить шнуровку; наконец она поддалась, и я начала стягивать сапог.

Как раз в этот момент один из стражников, охранявших, по-видимому, вход в амбар, упал; сквозь дверь мне было видно, что в шею ему вонзилась стрела. Рана в горле была ужасной, и человек умер, не издав ни звука. Я разинула рот, как вытащенная из воды треска. В результате мои пальцы разжа-

лись, я выронила сапог — и с ним вместе нож. *Я узнала стрелу.* Она была оперена не перьями, а хребтами скорпены, что заставляло ее вращаться в полете и делало выстрел более точным и смертельным. Я знала только одного человека, который делал такие стрелы, — это был тот, кого когда-то называли Копьем Калмента. Тор Райдер.

Так Тор здесь?

Ох, ад и все его дьяволы! Опять меня спасет Тор... Ну и разгневается же он на меня! Второй... нет, третий раз ему приходится убивать, чтобы сохранить мою шкуру в целости и сохранности.

Я оглянулась на четверых силвов, которые меня стерегли. Оттуда, где они стояли, ни один не мог видеть происходящего за дверью и ни один не проявлял ни малейшего интереса к тому, что творится снаружи. Впрочем, не обратили они внимания и на то, что я сняла сапог. За это я была благодарна судьбе; однако как же унизительно стоять и быть не в силах сделать хоть что-нибудь... Я попыталась вытащить нож из сапога пальцами ноги.

«Проклятие, — думала я. — Уж Тор никогда мне этого не забудет!»

И тут все снаружи взорвалось криками, суетой, смертью. Мне показалось, что я слышу голос Гилфитера. *Гилфитер!* Я посмотрела через дверь на озеро и увидела его там, стоящего на плоту. Я уж подумала, не схожу ли я с ума, но нет: лохматые рыжие волосы и поразительную привлекательность (немного подпорченную рыжей щетиной на щеках) ни с чем нельзя было спутать. Тор и Гилфитер!

Горец, кажется, называл Домино колченогим пьяницей и прочими лестными эпитетами... Домино, как и следовало ожидать, пришел в ярость и велел дун-магу прибегнуть к разрушительному заклинанию. Оно не могло повредить Келвину — по крайней мере я так думала, — а вот плоту... «Проклятие, — подумала я. — Гилфитер, рыжий кретин, смывайся оттуда!»

Поднявшийся шум, конечно, сказал охранявшим меня силвам, что снаружи происходит что-то странное. Они нерешительно переглянулись, по-видимому, не зная, следует ли им покинуть свои посты, чтобы выяснить, в чем дело. Потом один из силвов заметил мертвое тело, лежащее у входа, и двинулся к дверям.

— Вот молодец, — зловещим тоном обратилась я к нему, — это мне нравится. Почему бы вам всем не оставить меня здесь в одиночестве? Интересно, найдете ли вы меня на прежнем месте, когда вернетесь! — Мне нужно было любой ценой помешать им присоединиться к схватке перед амбаром.

Силв остановился и вопросительно посмотрел на остальных.

Именно этот момент Дек выбрал для того, чтобы влететь в амбар. Снаружи все заливал яркий солнечный свет, а внутри было темно, так что Дек, ничего не видя, налетел прямо на силва и сбил его с ног.

— Скорее, Дек, — завопила я. — Хватай мой меч — он у тебя под носом!

Дек, да благословят его боги, схватил клинок, но силв успел вцепиться ему в руку. Мальчишка сделал единственное, что пришло ему в голову: он кинул меч мне, позабыв, что руки у меня связаны за спиной. Меч задел меня по бедру и упал на землю. Вреда он мне не причинил, но и воспользоваться им я не могла. Остальные силвы кинулись на Дека и прижали его к полу... что ж, по крайней мере они не собирались выходить наружу, где у Тора было и так достаточно противников... если это все-таки был Тор. Я ведь не видела его, хотя и слышала звон мечей у двери. Раздался вопль — кто-то был ранен и не собирался терпеть боль молча. Удар дун-магии обрушился на стену амбара; доски треснули.

Тем временем я шарила ногой по полу в поисках веревки, благословляя свою удачу за то, что успела снять сапог. Дек отчаянно вырывался, и это было хорошо: внимание силвов было сосредоточено на нем, и моей акробатики они не замечали. Еще один заряд дун-магии влетел в амбар, и на задней стене словно расцвели красные розы. Часть стены не выдержала, и к тому же появились язычки пламени. Силвы этого не заметили: они были заняты тем, что били вопящего Дека.

Пальцами ноги я подцепила веревку, потом согнула ногу так, чтобы перехватить веревку рукой. Теперь нужно было подтянуть вверх рукоять меча. Занимаясь этим, я бросила взгляд наружу; происходившее там озадачило меня. Вся поверхность озера, где не росла пандана, была покрыта плывущими серыми фигурами. Многие из них уже выбирались на берег. Водяные чудовища? Времени на то, чтобы обдумать увиденное, у меня не было.

Я уже держала меч за рукоять, но перерезать веревку, стягивавшую мои запястья, мне никак не удавалось. В конце концов я развернула клинок так, что его конец смотрел вверх, и очень осторожно позволила ему соскользнуть вниз между пальцами; рукоять уперлась в пол. Я сделала шаг вперед, насколько позволяла петля, и так сумела прижать меч к путам на руках. Я нажала на него, и клинок рассек веревку. Одно запястье я поцарапала концом меча, другое поранила лезвием, но теперь руки у меня были свободны. Меч снова упал на пол, но я все еще держала привязанную к рукояти веревку. Не понадобилось и секунды, чтобы меч оказался у меня в руках.

Именно в этот момент в амбар вбежал Домино, проскользнув мимо сражающихся у дверей. Меча у него не было: коротышка привык к тому, что его защищают другие. Однако у него был нож. Может быть, его целью было убить меня, что бы ни случилось; с другой стороны, возможно, он хотел использовать меня как заложницу, если Тор победит в схватке. Сражение на берегу продолжалось: до меня долетал звон мечей и чье-то хриплое дыхание. Тор был замечательным бойцом: я помнила это еще со времен Калмента, не говоря уже о потасовке в зале «Приюта пьянчуги» в Гортанской Пристани.

Зловоние дун-магии мешало дышать, багровое сияние заливало амбар. Домино кинулся ко мне, как раз когда я вскинула меч. Мне удалось направить его куда следует, хотя свободой маневра я не располагала. Думаю, что в полумраке амбара Домино даже не замечал клинка, пока не стало слишком поздно. Мы оба оказались удивлены, когда он нанизал себя на мой меч, как окорок на вертел. Выражение его лица доставило мне истинное удовольствие... только, к несчастью, удар его тела отбросил меня назад, и петля начала меня душить. Я опустила меч, и Домино соскользнул с клинка. Мгновение он стоял на коленях, с недоверием глядя на меня. Потом на его лице появился ужас. Он стиснул руками живот, пытаясь остановить кровь, и с воплем рухнул к моим ногам. Я подняла меч, обрызгав кровью Домино свои лицо и шею, и перерубила веревку у себя над головой.

Еще не сняв петлю с шеи, я кинулась к Деку, которому каким-то образом удавалось так успешно сопротивляться, что трое силвов с трудом его удерживали. Впрочем, избили они

его ужасно. Силвы почему-то не воспользовались мечами: возможно, они знали, что Домино предназначил Деку другую смерть. К одному из силвов я подошла сзади и перерезала ему горло, прежде чем он понял, что происходит. У него уже была рана в груди... Отшвырнув в сторону Селмариан, я ударила мечом второго мужчину. Дек был в плохом состоянии, но все равно сел и начал шарить по полу в поисках своего ножа. Селмариан кинулась на меня, явно не понимая, что происходит, и мне пришлось отрубить ей руку. Только теперь я с удивлением обнаружила, что четвертый силв, тот, которого сбил с ног Дек, все еще лежит у стены, хотя и пытается приподняться. Тогда я поняла, как мало времени на самом деле прошло с того момента, когда Дек прибежал меня спасать... мне только казалось, будто минула целая вечность.

Когда четвертый силв все-таки сумел подняться на ноги, я сильно ударила его ногой в живот, и он снова растянулся у стены. Селмариан начала скулить, но я не обратила на нее внимания.

— Дек, — распорядилась я, кидаясь к двери, — присмотри за ними, ладно? И будь осторожен, мальчик.

Когда я выглянула из амбара, я не сразу разобралась в том, что вижу. Все это казалось ночным кошмаром: кровь, вопли, вспышки дун-магии и серая масса каких-то существ. По берегу ко мне бежал Келвин Гилфитер. Его плот оказался наполовину вытащен на песок, что показалось мне необъяснимым. Как удалось ему так быстро выбраться на берег? Но думать об этом мне было некогда: я высматривала Тора. Он сражался слева от двери в амбар, и на него как раз навалилась толпа врагов. Я врезалась в них, испытывая ужасную уверенность, что Тора убивают у меня на глазах. Я рубила мечом и расшвыривала силвов, рыча от ярости. На мгновение я, должно быть, превратилась в берсерка. Охваченная паникой, я не думала о том, что подставляю спину врагам, оказавшимся позади меня. Мне было все равно. Потом до меня смутно стало доходить, что мне кто-то помогает... кто-то говорил мне успокоительные слова... и я наконец стала улавливать их смысл.

Все кончилось так быстро, что в это трудно было поверить... Тор лежал навзничь на земле и смотрел на меня, вокруг нас образовалось свободное пространство. С моего меча капала

кровь, и казалось, что мертвые силвы лежат всюду, куда только ни глянь. Я все-таки не могла перебить так много народа... к тому же некоторые трупы выглядели так, словно были растерзаны когтями. На земле лежали и рабы — на них ран заметно не было, должно быть, их просто оглушили. Ко мне подбежал, виляя хвостом, Следопыт. Клыки его были окровавлены... Ох, клянусь морским огурцом, не мог же *он* загрызть всех этих силвов?

— Спокойно, Блейз, — говорил кто-то рядом со мной. — Не тревожься, девонька. Все уже кончилось. — Келвин Гилфитер. Было что-то потрясающе утешительное в том, чтобы тебя назвали девонькой. Только что, ради всех страдающих в аду душ, он здесь делает?

Я подняла глаза и осмотрелась, все еще не понимая, что случилось. Нас со всех сторон окружали... не люди, нет — гхемфы. Гхемфы! Они были нагими, поэтому-то я и не поняла сразу, кто это такие. Все было так невероятно... Я оставила попытки разобраться в происходящем, выронила меч и опустилась на колени рядом с Тором. Он был жив. Я взяла его за руку и ощутила пожатие, хотя говорить он, похоже, не мог.

Келвин тоже опустился на колени рядом с Тором и начал осматривать его. Не поднимая головы, он распорядился:

— Кто-нибудь — принесите мою медицинскую сумку с плота. — В его голосе звучала уверенность человека, привыкшего к тому, что его слушаются. Я заморгала. Так как все-таки Гилфитер оказался здесь?

В этот момент Тор хриплым шепотом сказал:

— Замечательное ожерелье, моя дорогая. Что ты сделала сначала — повесилась или рассекла запястья?

Я оглядела себя. На шее у меня все еще оставалась петля. Я сорвала ее и отбросила. Порезы на руках меня особенно не беспокоили; они хоть и кровоточили, но были неглубокими.

Тор переключил внимание на Келвина.

— Ты должен был отправиться следом за Флейм.

Морские блюдечки и омары, так эти двое явились сюда вместе! Никаких объяснений этому мне в голову не приходило.

Горец рассеянно ответил:

— Я и отправлюсь, не беспокойся. Сейчас ее выслеживает Руарт. — Я видела, что его гораздо больше тревожит состояние Тора, чем местопребывание Флейм. — Не двигайся и не разговаривай. — Он поднял глаза на гхемфов и велел тем, кто стоял ближе всего: — Вы трое, вскипятите воду. И еще мне будет нужен крепкий алкогольный напиток и чистый ошпаренный таз или ведро. Нужно выскоблить дочиста и тоже ошпарить кухонный стол в одном из домов. Остальные пусть посмотрят на парнишку в амбаре. И схватите тех пятерых силвов, которые охраняют деревню, и четверых в лодках на озере, только, ради всего святого, не убивайте их. Они нам могут еще понадобиться.

Тут один из гхемфов принес его сумку; Кел сумел за удивительно короткое время и не тратя лишних слов организовать толпу гхемфов: кто-то хоронил убитых, кто-то помогал постепенно приходящим в себя рабам, кто-то собирал в одно место и стерег тех силвов, что не были убиты. И все время, отдавая приказания, Кел занимался Тором. Патриарх получил несколько колотых и резаных ран, потерял много крови и несколько раз падал в обморок.

Я чувствовала себя лишней. Гилфитер, оказавшись в своей стихии, быстро навел во всем порядок. Смотреть на то, что он делал с Тором, я была не в силах. Я поднялась на ноги и отправилась в амбар проведать Дека.

Двойная дверь была широко распахнута, и помещение заливал яркий солнечный свет. Дек сидел, привалившись спиной к стене, и кто-то из гхемфов вытирал ему лицо влажной тряпкой. Выглядел Дек ужасно: оба глаза заплыли, губы были рассечены, один зуб качался, нос был сломан; судя по тому, как Дек морщился, были сломаны и несколько ребер. Оглядевшись, я обнаружила, что все остававшиеся в амбаре силвы, включая Селмариан и того, которого я пнула в живот, мертвы. Домино был еще жив; он стонал, катаясь по полу: кто-то говорил мне, что раны в живот особенно болезненны. Гхемфы как раз собирались погрузить на тележку мертвые тела, и никто из них внимания на Домино не обращал.

Дек просиял, увидев меня: надо отметить, это было большим достижением, учитывая состояние его лица.

— Ох, ты в порядке! Мне говорили, что с тобой все хорошо, только я поверить не мог! Как там Кел? — Дек осторожно потрогал губу и сплюнул кровь.

— Прекрасно. Не получил ни царапины. Что произошло здесь? Ты что, убил тех, которых я оставила живыми?

— Ну да, парня убил. Ты же не против? Сначала я пытался выбросить за дверь оружие — ты же велела мне за всем присмотреть. Просто так убить их я бы, наверное, не смог... ох! Больно! — Дек сморщился, но гхемф только улыбнулся и продолжал промывать его раны. — А тут этот тип попытался ударить меня листом панданы, ну я и пырнул его. — Радостное настроение Дека несколько поблекло. — Мне не особенно нравится убивать людей, даже тех, кто заслужил... Только если я стану охотником за дун-магами, придется привыкать — иначе не справиться, верно?

Я кивнула.

— Открою тебе один секрет: мне тоже не слишком нравится убивать даже тех, кто пытается убить меня. И особенно не нравится убивать тех, кто когда-то был силвом. — Я улыбнулась парнишке. — Я рада, что и тебе не понравилось. Люди, которые наслаждаются убийствами, душой обычно мало отличаются от дун-магов. А что случилось с женщиной?

Мне ответил гхемф — лицо его было покрыто морщинами, так что я решила, что он, должно быть, немолод и уже превратился в мужчину.

— Она тоже умерла. Об этом позаботились мы.

— А я думала... э-э... Ведь считается, что гхемфы не могут причинить вреда людям.

— Мы, те, кто из одного выводка с Эйлсой, больше не станем щадить дун-магов. Мы не считаем их людьми и полагаем, что жить они недостойны. Они — зараза, бедствие. — Гхемф кивнул в сторону Домино. — Им я тоже скоро займусь. Я только думал, что ты, может быть, захочешь его сначала допросить.

Я покачала головой.

— Ты знал Эйлсу?

— Она была моей сестрой. Мы все здесь из одного выводка. — Гхемф присел на корточки перед Деком и еще раз ему улыбнулся. — Твоим зубом нужно заняться, да и вообще пусть тебя осмотрит врач. Чтобы ребра срослись, грудь нужно перебинтовать. — Потом гхемф повернулся ко мне. — Можно... можно мне увидеть бугет, который сделала Эйлса?

Я показала ему ладонь.

Гхемф провел пальцем по тонким линиям.

— Ты знаешь, что это означает?

— Эйлса говорила, что это знак твоего народа.

— В определенном смысле... Это знак нашего выводка. Он означает, что тебе нужно помогать, как одной из нас. Вот этот завиток говорит о том, что один из нас отдал за тебя жизнь, но в нашей культуре он имеет еще одно важное значение: если мы позволим тебе погибнуть, значит, мы делаем смерть Эйлсы бессмысленной, унизим ее. Чтобы сделать ее смерть достойной, мы должны сохранить тебе жизнь.

— Провалиться мне на месте! — воскликнул Дек.

Я пораженно смотрела на гхемфа.

— Ты хочешь сказать... вы все явились сюда из-за *меня?*

Гхемф рассмеялся — по крайней мере я сочла, что это был смех, — как будто любое другое предположение было бы абсурдным.

— Конечно!

Я со смирением обдумала эту новость, потом сказала:

— Вы спасли наши жизни. Спасли нас всех — без вашей помощи мы бы погибли. Откуда вы явились?

— Со всего Мекате. Наш выводок разбросан, другие не могли добраться вовремя, так что наша сестра Эмилиасса, та, с которой вы разговаривали в Мекатехевене, позвала только тех, кто был поблизости.

— Позвала? — Я чувствовала, что окончательно запуталась.

Гхемф кивнул.

— Позвала через море. Наша песня разносится далеко.

Я обдумала все, что узнала. Перепончатые пальцы гхемфов, те странные звуки, которые мы слышали, пока плыли по озеру, серые контуры в воде, существо, которое толкнуло нас с Флейм и тем самым спасло от болезненного столкновения с листьями панданы...

Только потому, что мы всегда видели гхемфов одетыми и похожими на людей, мы никогда не думали о них как о жителях вод.

— Вы прекрасно плаваете, — с глупым видом пробормотала я, — но мы никогда не видели вас плавающими...

— Мы всегда живем рядом с морем или рекой. Мы плаваем по ночам, когда нас нельзя увидеть. Как только наступает утро, мы уже дома, в своих постелях.

— Эмилиасса... о чем была ее песня?

— О том, что мы должны следовать за тобой и обеспечивать твою безопасность, потому что ты стала нашей сестрой по выводку и преследуешь дун-мага, который убил одну из нас.

— Эмилиасса здесь?

— Да, конечно. Я сам живу на острове Эзун. Мы знали, что ты направляешься сюда и что именно здесь тебе может понадобиться наша помощь. Поэтому мы поплыли на юг, поднялись по Лентяйке от Раттеспи и ожидали тебя на Плавучей Заросли.

— Проклятие, — прошептала я, — я просто не знаю, что сказать.

— Учись у нас: когда сказать нечего, мы молчим.

Гхемф наклонился к Деку, который слушал наш разговор разинув рот, и сказал:

— Паренек, ты никогда не расскажешь о том, что слышал, и о том, что здесь сегодня случилось, по крайней мере о роли, которую сыграл мой народ.

Глаза Дека сияли.

— Никогда! Клянусь! Клянусь честью!

Звук, который издал гхемф, подозрительно походил на смех.

— Я дам тебе кое-что, чтобы ты не забыл своего обещания. Закрой глаза и открой рот.

Дек с благоговением выполнил его просьбу. Гхемф поднял ногу и коснулся когтем поврежденного зуба Дека. Парнишка дернулся, потом замер. Из полого когтя гхемфа появилась какая-то жидкость... Когда гхемф убрал ногу, во рту Дека сиял золотом здоровый зуб. Мальчишка осторожно потрогал его языком.

— Блейз! — Я подняла глаза. В дверях стоял Гилфитер. — Мы перенесли Тора в один из домов.

Я поднялась, с ужасом осознав, какой слабой я себя чувствую.

— Ты сумеешь его спасти? — спросила я, в отчаянии предвидя ответ.

Гилфитер молчал.

— Прошу тебя! — взмолилась я. — Должны же быть какие-то средства!

Гилфитер выглядел совершенно опустошенным; он отвернулся, запустив руки в свои спутанные волосы.

— Потребуется та магия, о которой ты говорила, — пробормотал он. — Целительство силвов. Я сделал все, что мог, и этого недостаточно, девонька.

Я тупо смотрела на Гилфитера. Потом я подошла к Домино, который все еще стонал на полу. Он со страхом взглянул на меня, и то, что он прочел на моем лице, заставило его умолкнуть. Я нацелила острие меча ему в глаз и ударила изо всех сил.

Тор обладал Взглядом, а на обладающих Взглядом магия не действует. Любая магия, в том числе целительная.

Глава 23
Рассказчик — Келвин

Пока гхемф карабкался на плот, я успел тысячу раз умереть от страха, прежде чем понял, кто это такой. Опасения — за Блейз, за Тора, за меня самого — уже успели довести мое восприятие реальности до критического состояния; к тому же чувство вины за то, что я бросил своих друзей, обрушивалось на меня с яростью тропического полуденного солнца; моя личность, самая моя сущность, казалась мне беззащитной и уязвимой. Из-за такого состояния мое слишком богатое воображение превращало гхемфа поочередно в полдюжины чудовищ, обитающих в глубинах вод и готовых обрушить на меня заслуженное возмездие за неверие.

Потом же, когда я разглядел, кто вынырнул из озера, и понял, что их не меньше пяти десятков, мне оказалось трудно поверить в происходящее, как трудно было поверить в то, что я в конце концов останусь в живых.

— Блейз что-то угрожает? — вежливо поинтересовался гхемф, не обращая внимания на дождь стрел, падавших в воду вокруг плота. Если судить по проявленным им эмоциям, мы вполне могли беседовать в уютной таверне за кружками меда... Никакого запаха от гхемфа не исходило.

Скорчившись на плоту, я зажмурился, пытаясь уменьшить свой страх до такого размера, с которым мог бы справиться. Я чуть было не начал задавать дурацкие вопросы вроде «А почему ты интересуешься?», но быстро понял, что это было бы аб-

сурдно. Чем бы ни было вызвано появление гхемфов, причинять Блейз вред они не собирались. Я сглотнул и ответил, показав на берег:

— Да, угрожает. Она вон в том амбаре. — Во мне проснулась надежда на помощь гхемфов, и я торопливо добавил: — Тот человек в черном пытается ее спасти. Беда грозит и мальчишке — ему всего-то лет четырнадцать...

В плот вонзились две стрелы — так близко от нас, что одна порвала мою тунику. Я сжался в комочек, как испуганный щенок, притворяющийся, что его тут вовсе нет.

Гхемф нырнул в воду, и я снова услышал тот же странный свист, что и во время путешествия по озеру, только теперь его источник был так близко, что у меня зашевелились волосы.

«Сотворение, — подумал я, — это же гхемфы так передают сообщения под водой — поют друг другу».

Ученый во мне возмутился тем, как мало мы знаем об этих существах, с которыми делим острова и чье искусство бездумно используем для подкрепления своих бессмысленных законов.

За первым свистом последовал взрыв звуков, от которого по поверхности воды побежала рябь. В тот момент, когда я решил, что стрелы будут меньше угрожать мне в воде, плот вдруг пришел в движение. Его толкали, почти подняв над водой, к берегу — гораздо быстрее, чем я смог бы добраться с помощью весла. Я осторожно приподнял голову. Дун-маг с его вонючими заклинаниями, экс-силвы, вознамерившиеся добраться до меня на лодке, лучники на берегу — все они оцепенели, открыв рты от ужаса. Потом они начали пятиться от уреза воды. Я сел, ощутив прилив смелости. Впрочем, меня все еще трясло — уверенности, что я выживу, что выживет хоть кто-нибудь из нас, у меня не было.

Как раз когда плот приближался к берегу, прилетел Руарт. Плот двигался так быстро, что птичке оказалось трудно на него сесть.

— Гхемфы, — сообщил я ему очевидную вещь. — Думаю, они явились на помощь. Руарт, ты должен последовать за Флейм. Я догоню вас, как только смогу, обещаю.

Он пристально посмотрел на меня, склонив голову набок; в его синих глазах я прочел упрек. Потом, не говоря ни слова,

он взлетел и исчез. В этот момент плот врезался в берег, и я растянулся на животе.

Выбравшись на сушу, я огляделся. Все пространство от кромки воды до амбара представляло собой мешанину борющихся тел. Всюду мелькали гхемфы; их атака была жестокой и эффективной. Группами по двое или по трое они нападали на выбранную жертву и валили ее на землю, потом, пока кто-то из них держал ее, еще кто-то когтями на ногах впивался в горло... Красные брызги превращались в ручейки. Уж не знаю, что было хуже: видеть, как умирают люди, или знать, что убивают их гхемфы, обычно такие мягкие и добрые. Мы были воспитаны в уверенности, что гхемфы никогда не причиняют людям вреда, и картина этого безжалостного истребления приводила на ум нападение стаи полевых мышей на прайд травяных львов.

Я на мгновение замешкался, высматривая Блейз. Увидев, как она выбежала из амбара, судя по всему, целая и невредимая, я почувствовал, как часть тяжести свалилась с моих плеч. И тут я заметил Тора, на которого напали четверо или пятеро силвов, а также несколько рабов. Они так жаждали убить патриарха, что ни один из них, казалось, не замечал избиения на берегу. Я кинулся к Тору, хоть и был безоружен; я даже не сообразил захватить с собой весло в качестве дубинки. Впрочем, к тому времени, когда я добежал, на группу силвов напала Блейз — так пылающая головня врезается в кучу соломы. Смотреть на это было страшно: Блейз овладело безумие битвы, она слепо крушила все на своем пути. Она едва не обезглавила нескольких гхемфов, спешивших ей на помощь, не говоря уже обо мне... да и вообще любом, кто имел бы глупость подойти достаточно близко.

Я осторожно приблизился к ней и попытался успокоить:

— Блейз, хватит! Опусти меч... Это же я — Гилфитер, рыжеволосый пожиратель капусты... — Я рискнул положить руку ей на плечо, и она обернулась ко мне. — Спокойно, Блейз. Не тревожься, девонька. Все уже кончилось. — Устрашающий боевой блеск погас в ее глазах, Блейз обессиленно поникла. Когда мой нос сказал мне, что она пришла в себя, я опустился на колени перед Тором и начал осматривать его раны. Он был жив и в сознании, но это оказалось единственным, что можно было сказать хорошего о его состоянии. Я отогнал все посто-

ронние мысли и, хотя запах Тора говорил о неизбежной смерти, принялся делать для него все возможное.

Один из гхемфов принес мою медицинскую сумку, и мне удалось остановить кровотечение. Потом я заметил, с каким выражением смотрит на Тора опустившаяся с ним рядом на колени Блейз. Если бы я нуждался в подтверждении того, что Тор — тот самый мужчина, которого Блейз когда-то любила, теперь я его получил. Она не скрывала своих чувств... Однако все же она встала и отошла в сторону, сумев взять себя в руки.

Когда мне удалось немного стабилизировать состояние Райдера, я попросил гхемфов помочь мне перенести его в один из домов, где мы и уложили его на кухонный стол. Потом, вставив в вену Тору соломинку, я начал по капле вливать в него плазму крови селвера, подогретую в теплой воде, и дал обезболивающее. Зашив некоторые раны, я смазал их мазью с Небесной равнины, препятствующей воспалению. К самому тяжелому я не приступал до последнего момента... Тор получил удар в живот, и клинок повредил его внутренности. Я чувствовал запах и знал, что он означает. Будь мы на Небесной равнине, где мне помогали бы отец и брат и где я мог бы воспользоваться снадобьями Гэрровина, была бы надежда — не уверенность, а только надежда, — спасти Тора. Здесь же я был один. У меня имелись некоторые инструменты, необходимые для операции, но никакой помощи и никаких лекарств... Я оставил рану в том виде, как нашел ее, и отправился искать Блейз.

Первым делом она, конечно, спросила меня, останется ли Тор в живых. Когда я ответил, что для этого необходимо целительство силвов, ее запах стал таким душераздирающим, что слова замерли на моем языке. Да и моя собственная реакция вызвала у меня глубокий стыд: я не имел никаких прав на те чувства, которые тогда испытал... Блейз кивнула, подошла к Домино и убила его, вонзив меч ему в глаз. Не проявляя никаких эмоций, она вытащила клинок и тщательно вытерла его. Я смотрел на нее, пораженный проявлением такого ледяного холода. Повернувшись ко мне, Блейз спросила, где находится Тор.

— Немедленная смерть ему не грозит, — сказал я ей, — и Тору не поможет, если твои раны воспалятся. Дай-ка мне заняться твоими запястьями.

Ворча, Блейз позволила мне наложить повязки на ее руки, потом помогла мне перебинтовать грудь Деку, чтобы сломанные ребра не так болели.

— Он проявил храбрость, — сказала мне Блейз, пока мы занимались парнишкой, — он спас мне жизнь. Если бы не Дек, Домино убил бы меня, пока я была еще совершенно беспомощна. — Она улыбнулась мальчишке. — Ворваться сюда, потом бросить мне меч — да более смелого поступка я в жизни не видела. Спасибо тебе, Декан Гринпиндилли! — Дек расцвел от гордости, а я поразился способности Блейз забыть о собственном отчаянии, чтобы поддержать парнишку. Я рассмеялся и стал его поддразнивать. Закончив перевязку, мы оставили его отдыхать и пошли к Тору.

— А ты, — сказала мне Блейз, пока мы шли по залитому кровью берегу, — если не хочешь разочароваться во мне, не делай из меня то, чем я не являюсь.

Я с изумлением повернулся к ней.

— О чем ты говоришь?

— Я видела твое лицо, когда я убила Домино. Я воительница, Гилфитер. Я убиваю людей.

— Домино не представлял для тебя угрозы.

— В этот момент — нет, — мрачно отозвалась она. — Но он однажды меня пытал, ты не забыл? И он пытался кастрировать Тора и отрезать ему язык. Он собирался засечь нас с Деком до смерти.

— Дело не в том, что ты его убила, — медленно проговорил я. — Просто ты убила его так... так бесчувственно.

— Великая Бездна, Кел, я берегу свои чувства для тех, кто этого заслуживает. Разве тебе понравилось бы больше, если бы я убила Домино с радостью? Это делало бы меня чудовищем.

На это мне нечего было ответить.

— Лучше расскажи, что заставило тебя последовать за нами. Ты же у нас миротворец с Небесной равнины, верно?

— Я не придумал ничего лучшего. — Блейз с насмешкой подняла бровь. Одним движением брови она могла выразить больше, чем другие люди всей гаммой выражений лица. — Я начал беспокоиться... обо всех вас. И об угрозе дун-магии. Я не мог выносить мысли о вреде, который она причиняет.

— Ты просто дурак, Гилфитер. Надо же — стоять посередине озера, как мишень для стрел и дун-магии, и выкрикивать оскорбления! Ты что, совсем рехнулся, бородатый костоправ? Или у тебя голова набита шерстью селверов? Неужели я и в самом деле слышала, как ты назвал Домино рыбой-прилипалой?

Я покраснел, а Блейз рассмеялась. Однако за смехом крылась трагедия, и веселье не отражалось в глазах Блейз. Когда мы дошли до дома, где лежал Тор, Блейз положила руку мне на плечо.

— Спасибо тебе, Келвин. Если бы не ты, я была бы мертва, да и Тор и Дек тоже. Ты дал нам время, в котором мы нуждались. Для миротворца ты справился не так уж плохо.

Не зная, что ей ответить, я просто молча пропустил Блейз в дверь впереди себя.

Гхемфы, которые присматривали за Тором, пока меня не было, ушли в соседнюю комнату. Я откинул простыню, которой был накрыт Тор, и показал Блейз его раны.

— Эта — единственная, которую я не могу вылечить, — сказал я, показывая на рану в животе. — Клинок вошел вот здесь, и хотя он не задел крупных сосудов, кишки рассечены в нескольких местах.

— Ты можешь это определить?

Я кивнул.

— Тебе твой нос сказал?

Я кивнул снова.

— Так что из этого следует?

— Его организм отравлен содержимым кишечника. Начнется сепсис, и он умрет... в мучениях. Хотя я сделаю все, что смогу, чтобы избавить его от боли.

Блейз взяла Тора за руку, но реакции не последовало.

— Он без сознания?

— Или под действием обезболивающего снадобья. Я дал ему большую дозу.

Блейз подняла на меня глаза.

— Он вернулся ради меня.

Я покачал головой.

— Не думаю, что дело только в этом. Его послали сюда.

Блейз обдумала мои слова.

— Послали менодиане... из-за Флейм.

— И из-за Мортреда, да.

Блейз разочарованно поморщилась, но я видел, что она не удивлена.

— Дьявол тебя побери, Гилфитер, ты ведь с удовольствием говоришь мне об этом, верно?

— Ты заслужила наказание, — ответил я, — раз пытаешься приписать вину за все его раны себе. Сумела бы силв-магия справиться в таком случае? — спросил я, показывая на живот Тора.

Блейз кивнула.

— Может быть, если бы дело касалось обычного человека. Особенно если бы силвов было несколько и они очень хотели исцелить... Только Тор — не обычный человек. Он обладает Взглядом.

— Дек и Флейм как-то говорили, что силвы вылечили воина, обладавшего Взглядом.

— Это сказка, Кел. Хороший сюжет для бродячего сказителя.

— Может, и так... Только подобное исцеление подтверждает одну мою теорию.

— Теорию? Проклятие, Гилфитер, ты все еще цепляешься за свою идею, будто магии не существует! Что же тебе нужно, чтобы убедиться в ее существовании? Сотня Мортредов, заливших багрянцем все острова от Порфа до Цирказе и истребивших каждое растение?

Я поморщился, но от своего не отступился.

— Я знаю, что магия существует, я просто считаю ее болезнью. Обладающие Взглядом имеют иммунитет к ней, точно так же, как люди имеют иммунитет к шестидневной лихорадке, если в детстве переболели пятнистой горячкой.

Блейз скрестила руки на груди.

— И вся та скверна, что только что применялась в битве — дун-магия, которая едва не уничтожила плот под тобой, да и амбар, кстати, — все это болезнь?

Я промолчал. Ответить мне было нечего.

— Ну так что?

— Я еще не все понимаю... но все-таки думаю, что это болезнь.

Запах Блейз сказал мне, что, кроме презрения, она против воли испытывает интерес.

— И что же это нам дает?

— Иногда иммунитет преодолевается... тяжестью заболевания, обилием инфекции. Совсем как это случилось с тем воином на Цирказе, о котором рассказывал Дек, как случилось с Флейм, силв-магия которой не смогла противостоять осквернению дун-магией Мортреда.

— Ты хочешь сказать, что, если мы приведем к Тору всех силвов, каких только сможем найти, он может исцелиться?

В таком выражении это звучало глупо... Чтобы не встречаться с Блейз глазами, я посмотрел на Тора.

— Возможно, — промямлил я. — Если, конечно, ты права и такая вещь, как целительство силвов, существует. — Я показал на живот Тора. — Можно было бы сосредоточить все усилия на этой области.

— Даже если все так, силвов у нас нет. В здешних окрестностях живут менодиане, а они не одобряют использование талантов силва, даже если кто-то ими и обладает.

Плотовщик Маки пользовался иллюзиями... но говорить об этом я не стал, напомнив Блейз другое:

— У нас есть двенадцать экс-силвов. Трое получили легкие раны, остальные — те, кто стоял на страже в окрестностях деревни и кто был в лодках на озере — невредимы. Все они — хранители, некоторые работали на Совет, так что по крайней мере раньше были сильными магами. Блейз... — Я сделал глубокий вдох и приготовился встретиться с ее неодобрением: ведь доказать то, что я собирался сказать, я не мог. — Я думаю, что силв- и дун-магия — одна и та же болезнь, просто одна является более тяжелой формой по сравнению с другой. Это, кстати, объяснило бы то, что ты мне когда-то рассказывала насчет цвета плаценты. Сильная концентрация силв-магии начинает выглядеть как дун-магия. — Я помолчал, потом добавил: — Мы могли бы попробовать заставить этих экс-силвов исцелить Тора.

— Они теперь дун-маги, а не силвы. — Блейз говорила как учительница, пытающаяся проявить терпение в отношении особо тупого ученика.

— Да, но что, если они не утратили способностей целителей?

— Дун-маги не могут лечить... — Однако тут Блейз заколебалась. — Правда, Мортред намекал, что силвы Датрика исцелили его, только я решила, что это случилось, когда они еще не были полностью превращены в дун-магов.

— Мои предположения идут еще дальше. Я полагаю, что дун-маги, даже те, кто никогда не был силвом, могут лечить. В конце концов, себя же они исцеляют, не так ли? Даже Мортред постепенно излечил себя от последствий чересчур сильных заклинаний, к которым прибег ради потопления Дастел, — по крайней мере ты так мне говорила.

Блейз кивнула, явно в душе ругая себя за то, что не подумала раньше о такой возможности.

— Блейз, дун-маги обычно не лечат других, потому что не хотят этого, а вовсе не потому, что не могут. Силв-маги, конечно, им для этого тоже не нужны — себя они лечат сами.

Блейз пристально посмотрела на меня; в ней боролись недоверие и надежда.

— Ты уверен, что знаешь, о чем говоришь? — Блейз была, как всегда, резкой и прямой.

— Нет. Это только теория, и я могу ошибаться.

— Да ты хоть веришь ли в целительство силвов? Ты же думаешь о магии как о болезни!

— Сомневаюсь, что теперь хоть в чем-нибудь могу быть уверен... Одно, впрочем, я знаю твердо: человеческий разум способен на замечательные вещи. Иногда даже на Небесной равнине, где силвов нет, я видел, как люди возвращались к жизни только потому, что были полны решимости выжить. Менодиане назвали бы такие выздоровления чудесами, проявлениями божьей милости. Я врач, а потому вижу причину в более прозаической, но от этого не менее чудесной вещи — силе воли. Может быть, разум силва или дун-мага обладает возможностями, о которых я ничего не знаю. — Впрочем, я, конечно, видел, что они сотворили с моим плотом... Поколебавшись, я сказал: — Райдеру терять нечего. — И постарался отогнать непрошеную мысль: потерять могут другие. — В нормальных обстоятельствах человек, обладающий Взглядом, сопротивлялся бы воздействию дун-магии благодаря своему иммунитету. Райдер же будет без сознания... может быть, это облегчит дело.

— Как сможем мы заставить дун-магов делать то, чего они не хотят?

— Нам нужно будет пообещать им взамен то, чего они хотят очень сильно.

— И что же это?

— Жизнь. Они ведь пленники гхемфов. Они все видели, что делают гхемфы с дун-магами, я об этом позаботился. Им уже известно, что магия на гхемфов не действует. Они понимают, что бежать не смогут и умрут, как и остальные. Только моя просьба пока удерживает гхемфов от расправы.

— Мы можем пообещать, что освободим их, если они помогут Райдеру, но поверят ли они нам?

— Поверят, если то же самое пообещают гхемфы, которые никогда не нарушают своего слова.

— Гхемфы не дадут такого обещания — они возненавидели дун-магов... из-за Эйлсы.

— Дадут, если их о том попросит Блейз Полукровка.

Блейз долго смотрела мне в глаза. Перед нами лежал, тяжело дыша, Тор Райдер, мускулистое тело которого могло бы послужить символом красоты Сотворения...

— Ты готов отпустить дюжину дун-магов ради одного человека? — хрипло прошептала Блейз. — Человека, которого ты почти не знаешь? Да понимаешь ли ты, какой вред эти выродки могут причинить?

— Понимаю... по крайней мере после того, что я сегодня увидел, я могу себе это представить. Не забывай: я чую их запах, а зло обладает особым зловонием. — Я вспомнил Джинну. — Да, я понимаю.

— Позволить этим людям убивать и развращать — разве это достойно хорошего врача? Да и вообще порядочного человека?

— Ты сама пошла бы на такое, — возразил я.

— Да, ради Тора я готова на что угодно, — согласилась Блейз. — Но ведь я любила его, и к тому же я не образцовая гражданка, с молоком матери впитавшая правила чести. А вот ты — ты врач, отказывающийся даже убивать животных, чтобы утолить голод. Почему ты готов выпустить в мир эту скверну?

Она и на самом деле не понимала меня — я чуял ее озадаченность, ее желание разобраться. Объяснять Блейз мои резоны мне не хотелось, не хотелось, чтобы наши с ней отношения изменились... Я со стыдом отвел глаза, признавая свою слабость, признавая, что мои намерения аморальны. Существам, подобным экс-силвам, никогда не следовало бы позволять превращать в ад жизнь других людей.

— Давай просто считать, что у меня есть для этого свои причины. Тор Райдер — прекрасный человек, который совершит много добра, если выживет. — Я понимал, что так объясняют свои поступки люди, готовые совершить большое зло ради благородных целей.

В глубине души я даже не был уверен, что мои цели благородны и бескорыстны. Я и тогда понимал, как понимаю теперь, что такое решение было неправильно. Мы все дорого заплатили за него: я — угрызениями совести, Блейз — потерей друга, а Тор... Тор потерял больше нас всех — он потерял цельность... потерял себя.

С Блейз я говорил достаточно уверенно, но сам не был так уж убежден, что мой план приведет к успеху. Во-первых, я мог ошибаться насчет целительских способностей дун-магов или экс-силвы могли предпочесть смерть спасению менодианского патриарха. Во-вторых, сомнительно, чтобы они стали доверять гхемфам: они ведь видели, как эти существа подвергали мучительной смерти попавших им в когти дун-магов. Впрочем, пожалуй, возможностей погибнуть в битве безболезненно не так уж и много...

Как выяснилось, двенадцать силвов, подобно всем нам, привыкли верить в несомненную честность гхемфов и их неспособность лгать, поэтому они проявили готовность поверить в обещание. На мой взгляд, свою роль могло сыграть и то, что превращение в дун-магов лишило силвов остроты ума и способности критически оценивать ситуацию. В конце концов было достигнуто соглашение: силвы попытаются исцелить Тора, а мы с Блейз будем следить за этим, чтобы удостовериться: пленники не нанесут ему вреда своей магией. Блейз полагала, что сможет отличить целительную магию от убийственной, а я надеялся, что она не ошибается. Кроме того — и при том условии, что им удастся вылечить патриарха, — мы (Блейз, Дек, Тор и я) под охраной гхемфов должны были отправиться по Лентяйке на побережье, оставив экс-силвов на острове: так они получали шанс свободно распоряжаться собой.

Мы уже знали, что Мортред отправился именно на побережье: пленники не делали секрета из его намерений. В порту Раттиспи, расположенном в устье Лентяйки, его ждал корабль.

Мне оказалось очень трудно вынести пребывание в одной комнате с этими двенадцатью магами. Я никогда не имел дела

с силвами, за исключением Флейм, и не встречался с осквернёнными дун-магией невинными, пока меня не позвали к постели Джинны в Амкабрейге. Скверна в девочке вызвала у меня физическое недомогание, но оно не шло ни в какое сравнение с тем, что я испытывал теперь. Блейз часто говорила мне, что обладающие Взглядом чуют дун-магию и что она издает особое зловоние, но едва ли она представляла себе, что значило это зловоние для меня. Мне приходилось постоянно бороться с тошнотой и желанием выбежать из комнаты вон. Руки у меня тряслись, так что я все время держал их за спиной, сердце колотилось, голова болела: я даже не мог как следует думать.

Зловоние дун-магии далеко превосходило вонь дохлого селвера, разлагающегося на солнце, или переполненных выгребных ям в Лекенбрейге. Запах скорее напоминал миазмы злокачественной опухоли или запущенной болезни легких — не их воздействия на тело, а именно самой болезни. Он был просто... извращением. Такого не должно было быть в природе.

И я поспособствовал тому, что эти ходячие навозные кучи, распространяющие заразу, вышли на свободу... поспособствовал, зная, какую угрозу они собой представляют. Да, считалось, что я врач, долг которого — лечить, но какая-то часть души твердила мне, что этих мужчин и женщин я должен убить — точно так же, как должен был бы удалить опухоль или остановить распространение болезни лекарствами.

Один из экс-силвов при виде моего откровенного отвращения ухмыльнулся.

— Ну и каковы твои ощущения, пастух? — шепнул он мне в ухо. — Как тебе нравится вступать в сделку с теми, кого ты презираешь? Чем бы ни кончилось дело, ты проиграешь, а мы выиграем. — Его усмешка говорила о злобном удовольствии от моего смятения.

Я знал, что он прав, и чувствовал себя замаранным.

Дун-маги оставались с Тором в течение четырех часов. Сначала они, похоже, не были уверены в том, что им удастся его спасти, хотя все экс-силвы признавались в самоисцелениях. Каждый из них, сосредоточившись, по очереди касался живота Тора и проводил пальцем вокруг раны. Большую часть времени Тор был без сознания, только иногда начинал стонать и метаться на кухонном столе, куда его уложили. Все в комнате пропитал запах дун-магии.

Все шло гладко, хотя мне присутствие рядом с раненым давалось нелегко; ирония ситуации заключалась в том, что как раз я и предложил подобную попытку. Трудно было поверить, что зло может породить добро. Ирония была и в том, что я — убежденный сторонник научных методов — участвовал в лечении, которое, казалось, не опирается на реальность. Мой ум испытывал такие же смятение и боль, что и тело. Уж не лишился ли я рассудка?

В течение первого часа никто из нас не был уверен в том, что какие-то изменения происходят, но потом все мы заметили перемены. На лице Тора появился румянец, запах содержимого рассеченных кишок ослабел, а потом и вовсе исчез. Я его больше не чуял — даже из глубин тела. Рана на животе больше не выглядела свежей, она явно стала заживать. Конечно, от Тора разило дун-магией, и я только надеялся, что со временем эта вонь выветрится — иначе мне было бы трудно оставаться рядом с патриархом.

К тому времени, когда все закончилось, начало смеркаться, и я был так измучен, что с трудом держался на ногах. Гхемфы увели экс-силвов и заперли в одном из домов, выставив вокруг стражу. Я велел рабам приготовить еду. Тот кусок хлеба, который я съел утром еще на плоту, был теперь всего лишь воспоминанием, и оказавшись в помещении, где не воняло дун-магией, я набросился на пищу с волчьим аппетитом. На тарелке не оказалось ничего, явно похожего на мясо, так что я даже не спросил, что мне подали. Мне просто было все равно.

Мы пообещали экс-силвам, что уедем в тот же вечер, но я хотел дать Тору как можно больше времени на то, чтобы набраться сил. Он пришел в сознание, но был еще очень слаб. Рана на животе пахла хорошо, если не считать легкого запаха дун-магии, и к тому же и остальные раны как будто получили пользу от лечения. Видя такое, трудно было сохранять скептицизм.

— Что ты теперь думаешь? — тихо спросила меня Блейз. Она все время сидела рядом с Тором, держа его за руку, но вышла из комнаты следом за мной.

— Не знаю, — пожал я плечами. — У тебя больше опыта в отношении силвов. Я ведь еще недавно не верил в возможность такого исцеления, ты не забыла?

— Ты прекрасный человек, Гилфитер, — проворчала Блейз, — только ты слишком много думаешь.

Я кивнул в сторону комнаты, откуда мы только что вышли.

— Он тоже.

Блейз склонила голову к плечу и задумчиво посмотрела на меня.

— Ты что-то хочешь мне сказать... ну так говори!

— Он не простит тебя, если узнает, какую сделку мы заключили, чтобы спасти его. Он очень честный человек, Блейз. Он никогда не согласился бы на то, чтобы купить жизнь ценой свободы двенадцати дун-магов. — Тор не всегда бывал откровенен со мной, но я чувствовал, насколько он несгибаем.

— Он достаточно спокойно повернулся спиной к дун-магам и отправился на Тенкор после событий на косе Гортан. Какая тут разница?

— Теперь дело касается его лично. Поверь, ему такое не понравится. Не говори ему...

Блейз всплеснула руками.

— Великая Бездна! До чего же трудно договариваться с ханжами вроде тебя! Ладно, я ему ничего не скажу. — Она повернулась, чтобы войти в комнату, но передумала и подошла ко мне. Ухватив меня обеими руками за рубашку, она притянула меня к себе и нежно поцеловала в щеку. — На самом деле я не считаю тебя ханжой. Спасибо тебе, Кел. Я знаю, как дорого тебе все это далось.

Да ничего она не знала на самом деле... Она еще и малейшего представления не имела о цене, которую всем нам предстояло заплатить.

Глава 24
Рассказчик — Келвин

Мы отправились в путь около полуночи. Обе луны были всего лишь тоненькими светящимися ломтиками, но, к счастью, ярко светило созвездие, которое мы называем Армадой Питарда. При свете звезд мы устроили Тора в одной лодке, где вместе с ним должен был плыть и я, а Блейз, Дек и Следопыт

расположились в другой — той плоскодонке, которую они купили в Гилси. За оба суденышка взялись гхемфы, пообещавшие доставить нас, куда мы захотим, — то есть в порт Раттиспи. Когда я из вежливости попытался возражать, самый старый из гхемфов ответил мне, что, поскольку они пообещали экс-силвам покинуть остров, то нет причин, почему бы им заодно не помочь нам. По правде сказать, я был этому очень рад: никогда еще я не чувствовал себя таким усталым, как в тот день... и таким расстроенным.

Старый гхемф минуту плыл рядом, держась за борт, пока другие за веревку тянули лодку вперед.

— Ты совершил нечто постыдное, — мягко сказал он. — И мы тоже.

— Тогда почему вы согласились? — устало спросил я. Меня удивили его слова: на протяжении этого дня я неоднократно заговаривал с гхемфами, и каждый раз это оказывался монолог с моей стороны. Они выслушивали меня и или делали то, что я предлагал, или не делали. Никогда не бывало обсуждения, чего-то, похожего на обычную болтовню. Единственной, с кем гхемфы желали разговаривать, была Блейз. Они обращались с ней с каким-то почти печальным почтением, словно в ее обществе возвращали себе безвозвратно утраченную сестру. И вот теперь один из гхемфов обнаружил желание вступить со мной в философскую дискуссию...

Гхемф выглядел почти таким же усталым, как я. Я предложил ему влезть в лодку, но он отказался, объяснив, что предпочитает оставаться в воде.

— Мы любим воду, — сказал он, — это наш мир. — Потом он ответил на заданный мной вопрос: — Иногда приходится рисковать. Мы, гхемфы, смотрим на жизнь не так, как вы. Мы видим тенденции и строим проекции. Мы предвидим беды для нашего вида и стараемся смягчить их. Если этот человек останется в живых, — он кивнул в сторону Тора, — это может нам помочь, потому что он обладает щедрым духом и огромным потенциалом. Поэтому мы, как и ты, сделали выбор. Точно так же, как приняли решение прийти на помощь Блейз.

— Мной двигали личные мотивы, — признался я, не желая отрицать свою вину, — гораздо менее альтруистические. Люди будут умирать из-за того, что эту жизнь мы сохранили.

Гхемф задумчиво кивнул.

— Да, боюсь, что ты прав. И дело не только в том, что мы отпустили на свободу дун-магов. У меня такое чувство, что мы сегодня совершили большее зло, чем думали, Гилфитер. Тебе придется научиться жить с сознанием этого, точно так же, как ты научился жить с памятью о том, что ты убил свою жену.

Я вытаращил на него глаза.

— Вы знали об этом? — Ни Блейз, ни Флейм наверняка не рассказывали гхемфам об истинной причине, заставившей меня бежать из Мекатехевена.

— О том, что ты убил свою жену? Знание — наша... страсть, горец. Нет человека, к которому мы не прикасались бы когтями, делая татуировку, говорящую о гражданстве. А то, что известно одному гхемфу, становится известно и нам всем. Мы соприкоснулись с твоей кровью и слышали, как тебе дали имя, Кел Гилфитер из Вина. И мы ничего не забываем.

На самом деле его объяснение не было ответом на мой вопрос... Я ощутил озноб.

— Люди недооценивают вас, верно?

— Безусловно, — ответил гхемф. — Однако мы не являемся угрозой человечеству. Без очень веской причины мы не вмешиваемся в дела людей и уж тем более не убиваем. — Он посмотрел на меня своими грустными серыми глазами. — Грядут тяжелые времена. Боюсь, некоторые люди захватили слишком большую власть, а другие, те, что живут на далеких берегах, все более беспокойны. Произойдут перемены... Я сочувствую тебе, Келвин, потому что ты хороший человек, а во времена перемен первыми страдают хорошие люди.

С этими вдохновляющими словами старый гхемф оттолкнулся от лодки и исчез в черной воде.

Я откинулся на сиденье и обнаружил, что Тор пристально смотрит на меня.

— Ты все слышал? — спросил я его.

Тор кивнул.

Мы оба долго молчали. Я так и не был уверен, как много он узнал из нашего разговора с гхемфом. Наконец Тор спросил:

— Ты убил свою жену? — Судя по тону, ему было трудно в такое поверить.

— Да. Если хочешь узнать все в подробностях, расспроси Блейз. Она при этом более или менее присутствовала.

— Ах... — Тор неловко пошевелился, пытаясь устроиться поудобнее. — Мы отправились следом за Флейм? А где Блейз?

— Да, отправились. Блейз в другой лодке, позади нас.

Ответ его, по-видимому, удовлетворил. Он закрыл глаза и задремал.

Я перегнулся через борт и посмотрел вперед. Четыре гхемфа плыли по протоке, без всяких усилий увлекая за собой лодку. В темноте благодаря перепончатым ногам и обнаженным обтекаемым телам они казались жителями вод, а не обитающими на суше мастерами татуировки. На мгновение я снова изумился человеческому невежеству. Как могли мы так долго жить бок о бок с представителями другой расы и узнать о них так мало? Мы считали гхемфов кроткими, покорными и довольно глупыми существами, а ведь они были совсем другими. И они так много знали — каким-то образом даже знали о вашем появлении. Вот ты говоришь, что вам о них ничего не известно; вы вообще думаете, что они не существуют, что они просто часть нашей мифологии. Что ж, они-то про вас знали. Тот старый гхемф предостерег меня. «Те, что живут на далеких берегах, все более беспокойны», — сказал он.

Может быть, теперь гхемфов на Райских островах ты больше и не встретишь, но когда-нибудь придет день, и они снова появятся. Я полагаю, они не исчезли, просто наблюдают за нами. Может быть, в следующий раз мы проявим больше мудрости и тогда многому сможем у них научиться.

Той ночью, сидя в лодке, я размышлял о том, как Блейз удалось добиться полного доверия Эйлсы — я ведь такой человек: не успокоюсь, пока не докопаюсь до причины, — и наконец решил, что дело в полном отсутствии у Блейз предубеждений. Испытав так много страданий из-за предрассудков других, так часто обвиняемая в глупости или нечестности только потому, что была полукровкой, Блейз научилась никого не судить по внешнему виду.

Пока гхемфы уверенно направляли обе лодки сквозь лабиринт плавучих островов к истокам Лентяйки, Блейз тихо беседовала с теми, кто плыл у борта ее суденышка. Дек, несмотря на сломанные ребра, свернулся калачиком на корме и спал, как сытый детеныш селвера. Он показал, чего стоит, и знал

это. Мальчишка буквально лопался от гордости, когда сражение закончилось; однако усталость взяла свое, и теперь он отключился, чему помогало и снадобье, которое я добавил в его питье.

В течение первого часа путешествия я сидел рядом с Тором, следя, не изменится ли его состояние. Он вскоре заснул: на него все еще действовали лекарства, которые я ему дал. Когда плазма крови селвера в первом пузыре закончилась, я заменил его на второй — последний из захваченных мной из Вина, — и медленное вливание продолжилось. Закончив с этим делом, я тоже задремал и не просыпался до самого утра.

К рассвету мы достигли истоков реки. Когда я проснулся и сел, мимо бортов лодки скользили близкие берега. Деревья, перевитые лианами, смыкались над потоком, так что неба почти не было видно. У меня, горца, привыкшего к открытым просторам Небесной равнины, это зрелище, хоть и привлекательное, вызывало некоторую клаустрофобию.

Райдер уже не спал. Я пощупал у него пульс; сердце билось ровно и сильно. Осмотревшись, я увидел, что вторая лодка по-прежнему следует за нами.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил я Тора.

— Лучше, но... странно.

Он попытался сесть, но я ему не позволил.

— Подожди, пока я не осмотрю твои раны. — Я осторожно снял повязку с неглубокого пореза на груди, стер мазь, которую наложил накануне, и едва не охнул от изумления: если не считать багрового шрама, который говорил о недавнем ранении, рана выглядела зажившей. Я сначала ощупал ее, потом нажал сильнее.

— Тут болит? — спросил я.

Тор покачал головой.

— Только чешется. — Он приподнялся и оглядел себя. — Меня ударили в грудь, я это помню. Удар клинком... Как случилось, что все так быстро зажило? Я долго был без сознания?

Я уклонился от точного ответа:

— Не особенно долго.

Я осмотрел все раны, включая ту, что в животе, и обнаружил одинаково высокую степень заживления.

— Я чувствую ужасную слабость, — пожаловался Тор. — И что это торчит у меня в руке?

— Ты ведь потерял очень много крови. Вот я и вливаю тебе плазму — жидкость, извлеченную из крови селверов и подвергшуюся дистилляции. Мы на Небесной равнине считаем это полезным при большой потере крови.

На лице Райдера отразилась странная смесь чувств: любопытство и отвращение одновременно.

— Пытаешься доказать мне, что ты не деревенский лекарь и знаешь много умных слов? — протянул он.

— Что-то в этом роде.

— Вторая лодка все еще следует за нами?

Я кивнул.

Неожиданно до Райдера дошло, что мы движемся быстрее, чем если бы просто плыли по течению. Он перегнулся через борт и оказался лицом к лицу с гхемфом, который как раз вынырнул на поверхность, чтобы вдохнуть воздуха. Тор снова сел и растерянно посмотрел на меня.

— Все-таки очень много всего случилось с тех пор, как меня ранили... Но ведь это было только вчера, верно? Не объяснишь ли ты мне, как случилось, что мои раны так хорошо зажили? Может быть, это заслуга гхемфов?

— Более или менее... — Лгать мне было непривычно, и выдавить из себя эти слова и посмотреть в глаза Тору оказалось удивительно трудно. Я почувствовал, что краснею, и поспешил переменить тему. — Думаю, будет лучше, если ты сегодня не станешь есть твердую пищу. Я приготовлю для тебя разведенный водой мед.

Тор бросил на меня проницательный взгляд, но промолчал. Слабость заставила его снова лечь.

— Тебе придется все-таки вскоре рассказать мне, почему ты испытываешь ко мне неприязнь, горец.

— Тебе мерещится. Я тебя почти не знаю и уж подавно не знаю настолько хорошо, чтобы можно было говорить о неприязни. На самом деле твоя отвага вчера вызвала мое восхищение.

— Уж не поэтому ли ты разговариваешь со мной так, словно тебе в глотку запихали ученый трактат? — насмешливо протянул Тор.

Я вспыхнул еще жарче.

— Ох, заткнись, Райдер.

— Так-то лучше, — пробормотал он, закрывая глаза. Не прошло и минуты, как он снова уснул.

Раттиспи, порт на побережье, как нам говорили, был обычно оживленным городом, полным купцов и ремесленников. В нем располагалось не меньше дюжины складов, где проходили торги; процветание города зависело от морской торговли. Спрос на свои услуги находили торговцы свечами и парусиной, канатчики и бондари, плотники и конопатчики, смолокуры и крысоловы, не говоря уже о содержателях притонов и пивных. Главными товарами в Раттиспи были доставляемые с Плавучей Заросли листья панданы и тростник; за ними приезжали торговцы со всех Райских островов. Из панданы изготовляли паруса и для местных судов, и для кораблей Ксолкаса, поскольку на этих островах не выращивались лен и конопля для парусины. Однако гораздо большим спросом листья панданы пользовались для изготовления циновок и плетеной мебели, которая в последнее время вошла в моду в Ступице. Тростник закупали в основном жители Ксолкаса, потому что деревья там не росли, и тростник шел на производство корзин и бумаги, и Брета, где он считался лучшим материалом для крыш.

Все это я узнал из рассказов старожилов, потому что, когда мы прибыли в Раттиспи, город был едва ли не покинут жителями: создавалось впечатление, что всякая торговля в нем прекратилась. Причину этого упадка горожане объясняли тем, что за последние восемь месяцев доставка листьев панданы и тростника по реке почти полностью прекратилась. Эти безмозглые жители берегов Плавучей Заросли, говорили жители Раттиспи, вдруг стали бояться водяных чудовищ и осмеливались резать пандану и тростник только рядом со своими деревнями, а такие растения нужным качеством не обладали. Посылать корабль с архипелага Ксолкас в Раттиспи за подобным барахлом смысла не имело. Горожане были ужасно злы на жителей берегов Плавучей Заросли, и несколько особенно отчаянных молодых людей даже отправились вверх по Лентяйке, чтобы самим запасать пандану. Они вот-вот должны были уже вернуться. Разве нам они не повстречались? Нет? Странно, вообще-то им полагалось бы появиться уже давно...

* * *

Но я опережаю события. Когда мы добрались до устья Лентяйки, гхемфы направили лодки к маленькому причалу на окраине города. Не успели мы привязать наши суденышки к сваям, как гхемфы исчезли, словно их никогда и не было.

— Куда они отправились? — спросил я Блейз, завязывая веревку. Она пожала плечами, не спуская глаз с Райдера, который осторожно вылезал на причал.

— Кто знает? Мы не увидим их снова до тех пор, пока я опять не попаду в беду. Впрочем, влипать в неприятности я не намерена, уверяю тебя. Разве тебе уже можно ходить? — Последний вопрос был обращен к Райдеру.

Оставив вопрос без ответа, тот недоверчиво хмыкнул.

— Ты от природы не способна не влипать в неприятности.

— Чепуха. Если предоставить меня самой себе, я делаюсь образцом разумности и осторожности. Только когда я связываюсь с хранителями или цирказеанками, не говоря уже о менодианах, беды сваливаются на меня, хочу я того или нет. — Райдер в ответ только фыркнул, что заставило Блейз добавить: — А как насчет осторожности с твоей стороны? Уж кто бы говорил!

Райдер не обратил внимания на колкость и спросил:

— Так что же, гхемфы теперь чудесным образом будут появляться всякий раз, как ты попадешь в беду?

— Ну, они сказали мне, как дать им знать с помощью той штуки, что у меня на руке. Мне нужно потереть ее, опустив руку в воду моря или реки, и через некоторое время они явятся. Как скоро — будет зависеть от того, далеко ли я окажусь от членов выводка.

— Что это еще за выводок? — спросил Дек.

— Точно я не знаю, — призналась Блейз. — Что-то вроде большой семьи, мне кажется. Братья и сестры по выводку както связаны друг с другом. Дек, я хочу, чтобы ты остался тут и присмотрел за лодками и нашими вещами. Я оставлю с тобой Следопыта. Справишься?

— Я бы лучше справился, будь у меня меч, — вздохнул мальчишка.

— Ничего подобного, у тебя же сломаны ребра, — охладил я его пыл. — Ножа тебе вполне достаточно.

— И постарайся никого им не пырнуть. Неприятности нам ни к чему, — добавила Блейз, критически оглядывая Дека: кровоподтеки под глазами, нос размером с дыню... — У тебя такая физиономия, что любому злоумышленнику хватит одного взгляда, чтобы тут же обратиться в бегство. — Ее болтовня была, конечно, всего лишь прикрытием: я чуял ее тревогу, Блейз просто воняла ею, и это было необычно для нашей воительницы. Она обычно гораздо лучше держала себя в руках. — Тор, ты лучше останься здесь тоже...

— Я прекрасно себя чувствую, — возразил Райдер. — Небольшая слабость, вот и все, — ходить я могу. — Ответ его прозвучал довольно резко, как будто предложение Блейз было ему неприятно.

Я ожидал, что она станет протестовать, но Блейз только искоса взглянула на меня и тихо спросила:

— Тебе удалось уловить запах Флейм?

— Я не уверен. Думаю, она здесь была, а может быть, еще и остается поблизости. Дело в том, что Флейм пахнет теперь не так, как раньше. — Мне было трудно говорить об этом, трудно признаваться даже самому себе: Флейм все больше и больше пахла как злая колдунья; перемены происходили гораздо быстрее, чем я ожидал.

— А Руарт?

Я покачал головой.

— Не могу сказать. Я не улавливаю ничего, кроме еле заметных следов. Все-таки скорее всего его здесь нет.

Когда мы покидали Плавучую Заросль, я думал, что мы скорее всего найдем Флейм без особых затруднений. Мы не слишком отставали от Мортреда и его спутников, и нам была обеспечена помощь гхемфов. Мортред, в чьем обществе путешествовала цирказеанская красавица, был личностью очень заметной. Правда, нам было известно, что Мортреда ждал корабль, возможно, готовый сразу выйти в море. Шанс найти Флейм мог зависеть от такой мелочи, как время начала отлива...

Мы направились в город. Первым, кого мы повстречали, оказался бондарь, с мрачным видом сидевший на пороге своей мастерской. Прежде чем ответить на вопрос, он принялся изливать нам свои горести из-за упадка торговли в Раттиспи... Однако нужные сведения мы от него все-таки получили.

— Ясное дело, — сказал он, показывая на море, — я видел парочку, о которой вы говорите. Они отплыли часа три назад. Вон их корабль, его еще видно.

Мы начали вглядываться в даль, но разглядели только белый парус на горизонте.

— А что у них за корабль? — спросила Блейз. Я едва узнал ее голос: так много в нем было чувств...

— Корабль принадлежит этому парню — Гетелреду Скодартскому, как он себя называет. Он прибыл недели две назад и отправился вверх по Лентяйке, а корабль с командой остался его дожидаться. Команда была в основном из хранителей, только, скажу я вам, таких я никогда раньше не видел. Люди боялись их как огня. А уж местные шлюхи — так тем изрядно досталось, говорят. Дерьмовые каракатицы!

— А как называется корабль? — спросил Райдер.

— «Любезный». Просто красавчик кеч, скажу я вам. И быстрый, уж это точно.

— Это не тот корабль, что он украл в Гортанской Пристани, — сказала Блейз Тору.

— Как я слышал, тот корабль сожгли на пляже рядом с Амкабрейгом, — сказал я.

— Должно быть, после того как захватили этот, — предположил Тор.

— Скорее всего. — Блейз посмотрела на меня. — Ну, пастух, что нам теперь делать? Мы упустили Флейм и дун-мага тоже.

На глазах Блейз стояли слезы, воздух вокруг нее был насыщен смесью горя и ярости. Мне ничего не оставалось, как ответить:

— Отправляемся вдогонку. Что еще нам остается?

Глава 25
Рассказчик — Келвин

Жители Раттиспи с готовностью рассказали нам все, что знали о «Любезном», его команде и предполагаемом хозяине. В городе не было обладающих Взглядом, поэтому горожане не знали, что имеют дело с колдунами, а Мортред и его приспеш-

ники воздерживались от явного применения магии, пока находились в городе. Тем не менее это была мерзкая компания. Хотя они никого не убили, не изнасиловали и не ограбили, они задирали и запугивали жителей Раттиспи. Сам Гетелред был сладким как мед, и кое-кто поддался его обаянию, хотя многие смотрели на него с подозрением. Флейм, судя по всему, ни с кем из горожан и слова не сказала.

Кеч, как объяснил нам начальник порта, был совсем небольшим кораблем, и взял он на борт слишком много народа. С таким количеством пассажиров запаса воды не могло хватить на долгое плавание, и кеч не мог направляться куда-то далеко. Матросы упоминали Бретбастион, но главный город Брета находился на дальней стороне острова, так что «Любезному» предстояло по дороге пополнить запасы продовольствия и воды. Возможно, ему придется побывать в Барбикане, столице архипелага Ксолкас: это был ближайший порт, и по пути с Порфа на Брет туда заходили многие корабли. К тому же Блейз была убеждена, что Мортред везет Флейм именно на Брет, чтобы выдать ее за властителя.

— Как бы нам попасть на Ксолкас? — спросила Блейз начальника порта, оглядывая гавань. Никак нельзя было сказать, чтобы у причалов кипела жизнь. — Может быть, ожидается пакетбот? Или туда идет купеческое судно? Хоть что-нибудь!

Начальник порта бросил на нее угрюмый взгляд и вытер мокрый нос концом шейного платка.

— Пакетботы туда теперь не ходят — вот уже несколько месяцев. Да и торговых судов больше не видно.

Райдер указал на потрепанный двухмачтовый корабль у причала.

— Кому принадлежит эта шхуна?

— Местному купцу — Скарри. Раньше он возил на Ксолкас тростник, а обратно доставлял гуано для садов и огородов. Только вот уже несколько недель как он сидит дома.

— Корабль-то годится для плавания?

— Конечно. Просто у Скарри нет товара, а платить команде, да и кормить ее попусту ему не по карману.

— А не доставит ли он нас на Ксолкас?

Начальник порта выпрямился и начал проявлять интерес.

— Вы готовы нанять целый корабль?

— Если цена окажется подходящей.

Начальник порта снова вытер нос.

— Сенная лихорадка, — жалобно сказал он. — Всегда ею мучаюсь в это время года. Я поговорю со Скарри. Думаю, он обрадуется.

— Нам нужно отплыть в следующий отлив, — перебила его Блейз.

Начальник порта уже открыл рот, чтобы заявить о невозможности такого, но вовремя передумал.

— Я ему скажу. — Чихая, он отправился искать хозяина шхуны.

Блейз, склонив голову к плечу, взглянула на Райдера.

— Нанять шхуну? Только для нас? Менодианские патриархи, должно быть, гребут деньги лопатой.

— У меня достаточно денег, чтобы купить припасы. Что касается остального, я выпишу чек, по которому местный патриарх, снабдив нас деньгами, получит соответствующую компенсацию из общей сокровищницы.

Тон Райдера был холодным, что, как я заметил, удивило Блейз. Она больше ничего не сказала, но я знал, о чем она подумала: слова Райдера подтверждали тот факт, что явился он не ради нее. Его послала менодианская Патриархия — на помощь Флейм.

Мы едва уложились: вышли из порта, когда отлив уже кончался. Нам никогда не удалось бы это сделать, если бы весь Раттиспи не пришел нам на помощь. В первый раз за много недель местный корабль отправлялся в плавание, и это означало, что в карманах горожан зазвенят денежки; упустить такую возможность никто не хотел. На причале суетились торговцы, откуда ни возьмись появились крестьяне со свежими овощами, матросы торопились наняться на шхуну, грузчики таскали бочонки и корзины, плотники меняли покоробившиеся доски палубы.

Пока все это делалось, Райдер вместе со Скарри — хозяином шхуны и заодно ее капитаном — отправился к местному патриарху. Дек сновал по городу в поисках покупателей на те две лодки, на которых мы приплыли в Раттиспи, а Блейз отправилась к кузнецу, чтобы наточить мечи — свой и Райдера. Я побывал в лавке местного травника и пополнил свои запасы лекарственных растений. Возвращаясь, я у кузницы увидел Блейз и, к своему удивлению, обнаружил, что точит клинки она сама.

Заметив, с каким изумлением я на нее смотрю, Блейз рассмеялась.

— Уж не думал ли ты, что я позволю кому-нибудь другому навести глянец на калментские мечи? А тебе удалось купить то, что нужно?

— Кое-что. Остальное я и не рассчитывал здесь найти. Местный травник хорошо знает свое дело. — Я посмотрел на меч, который она только что кончила точить. — Почему эти клинки такие острые? Обычные мечи более тупые.

— Калментская сталь хорошо держит заточку, а острый меч — гораздо более эффективное оружие. Обычные мечи быстро тупятся, на них появляются зазубрины. Ну вот, я закончила. Пошли на корабль. — Блейз порылась в кошельке и расплатилась с кузнецом за использование точильного камня и масел. По дороге к пристани она сказала: — Кел, я и в самом деле хочу знать, почему ты решил отправиться за нами. — Она улыбнулась мне. — Вряд ли тебя удивляет мой вопрос.

Поскольку в Амкабрейге я категорически отказывался от участия в их делах, ее интерес действительно был понятен. Я смущенно улыбнулся и кратко рассказал о том, что случилось со мной после их отъезда и что я начал чувствовать. К сожалению, подробностей я ей не сообщил — не упомянул Джинну и не пересказал содержание прочитанного свитка. Потом я много раз гадал: что изменилось бы, если бы я это сделал? Может быть, и ничего. Возможно, мы все же не нашли бы способа исправить то, что уже случилось.

По просьбе Блейз я также рассказал ей об обстоятельствах моего знакомства с Тором Райдером. Она внимательно, не перебивая и не задавая вопросов, выслушала меня. Я кончил тем, что рассказал, как стал оскорблять Домино, чтобы отвлечь его от Райдера.

— Это было безумием, — покачала Блейз головой. — Тебе следовало отправиться следом за Флейм.

— Наоборот, все вышло удачно. Гхемфы ведь не знали, в какой ты опасности, пока я не начал кричать. Только тогда они поняли, что ты нуждаешься в помощи, только тогда вынырнули и узнали у меня, что происходит.

— А-а... Только почему все-таки ты высадился на берег? Тебя ведь могли убить.

— Ну, на самом деле участие гхемфов не оставляло мне выбора, — скромно признался я. — Они просто выкинули мой плот на берег. И тут я увидел, как Райдер упал, и почувствовал, что бросить его не могу. Он истек бы кровью.

Блейз вздохнула.

— Хорошее решение для Райдера, плохое — для Флейм. Великая Бездна, почему ничто в этом мире не бывает простым, Кел? — Я отчетливо чувствовал запах ее отчаяния. — Флейм уже не поможешь, верно? К тому времени, когда мы ее догоним, она будет полна дун-магии. Даже силвы-целители не могут вернуть к добру того, кто полностью развращен.

— Мы можем попытаться.

— Ты ведь и правда к ней привязан, да? — Блейз слегка нахмурилась, потом добавила: — Флейм — замечательный друг: она добрая и любящая, щедрая и храбрая. По крайней мере такой она была... Только... только мужчин она просто использует и тут же бросает. Это из-за того, что она любит Руарта. Что бы с ней ни случилось, никого другого она не полюбит.

Я растерянно заморгал. Уж не думает ли Блейз, что я влюблен в ее подругу? Я положил руку ей на плечо.

— Блейз, я это знаю. Не забывай, какой у меня нос.

Она фыркнула, недовольная собой.

— Ну да... Впрочем, это и к лучшему: уж очень я расстраиваюсь, как вспомню, что ты разбираешься и в моих запахах... то ли я букет роз, то ли ослиный навоз.

Я засмеялся.

— Ничего подобного. На самом деле ты самое загадочное существо — если не считать, конечно, моих соплеменников. Ты мне напоминаешь их — мы, горцы, привыкли прятать свои эмоции. Вот и ты такая же.

— Ничего удивительного, если вспомнить, в каких условиях я росла. Если нищая побирушка показывает свои чувства, она становится уязвима. Все очень просто. Гораздо лучше крепко держать себя в руках и никогда никому не показывать, что ты чувствуешь. — Блейз переменила тему, прежде чем я сумел что-нибудь сказать: — А как теперь дела у Тора?

— С ним все в порядке, мне кажется. Он все еще слаб, конечно, и слабость сохранится еще какое-то время.

— Он спрашивал тебя о том, каким образом был исцелен?

— Он думает, что это заслуга гхемфов.

— Ты... ты знаешь, каковы мои чувства к нему, верно?

— Как я понимаю, тебе хватает нахальства посоветовать мне соблюдать осторожность в моих собственных романтических чувствах.

Блейз бросила на меня долгий взгляд.

— Удобный инструмент твой нос, Гилфитер, если даже об этом он тебе сообщает.

— Чуткого носа вовсе не требуется, чтобы сказать: вы друг другу не подходите. Я понял бы это и без помощи обоняния.

Блейз вздохнула.

— Да, наверное, ты прав. Мы знаем о своей... несовместимости. Вот мы и решили расстаться.

— Решили?

— Решили раньше и придерживаемся этого решения теперь. Ничего не изменилось и скорее всего никогда не изменится. Его вера — часть его личности, а я никогда не смогла бы разделить ее с ним. — Блейз ушла в себя; должно быть, она искала внутреннюю силу, какое-то утешение. Я позволил своей руке соскользнуть с ее плеча. — А как Дек? — переменила тему Блейз. — Выглядит он ужасно.

— Обычно так и бывает, если человека зверски избить. Нос, разбитые губы и сломанные ребра заживут, синяки скоро побледнеют. Ему больно, но мальчишка старается быть мужественным.

Блейз ласково улыбнулась.

— Это я заметила.

На пристани, когда мы туда пришли, царил хаос, хотя, пожалуй, хаос упорядоченный. Скарри, представительный бородатый мужчина, которому совершенно не подходило его прозвище Торопыга, отдавал приказы, стоя на палубе. По сходням туда-сюда сновали вереницы грузчиков и матросов. Нас уже ждал лопающийся от гордости Дек: ему удалось продать обе лодки за огромные, как он полагал, деньги. Ни один из нас не стал его разочаровывать; да и в самом деле он справился не так уж плохо, если учесть, что жители города страдали от застоя в делах.

— Можно мне на эти деньги купить меч? — с надеждой спросил Дек.

— На меч их не хватит, — ответила ему Блейз. — Впрочем, кое-что я для тебя купила. — Она отвязала от ножен своего меча длинный сверток и протянула Деку. Это оказался меч — своего рода.

— Но он же деревянный! — воскликнул паренек, пытаясь скрыть свое разочарование.

— Уж не думаешь ли ты, что каждый ученик воина сразу начинает тренироваться с настоящим оружием? Я уверена, что в городской страже вас обучали сначала владеть учебными клинками.

— Ну да...

— Я начну учить тебя сразу же, как только заживут твои ребра, — пообещала Блейз. — Я купила два деревянных меча.

Дек попытался выразить подобающую благодарность.

Блейз решила приободрить мальчишку.

— Ох, чуть не забыла: я тебе еще и это купила. — Она протянула Деку пояс с ножнами, из которых торчала рукоять кинжала. — Думаю, тебе это подойдет больше, чем твой нож для разделки рыбы.

Дек расцвел, как маргаритка на солнце, на мгновение лишившись дара речи.

Блейз дернула Дека за ухо — это был самый ласковый жест, который она только когда-либо делала.

— Ты получишь настоящий меч, когда покажешь мне, что умеешь управляться с деревянным. А пока обращайся с кинжалом с осторожностью: это значит, что браться за него ты можешь, только чтобы спасти свою драгоценную шкуру. Понятно?

Дек ухмыльнулся и кивнул.

— Блейз! — Я неожиданно ощутил знакомый запах. — Я чую дастелцев! — Я разглядел маленькую стайку, рассевшуюся на снастях шхуны. Я показал на них Блейз, и тут одна птичка слетела вниз и уселась на швартовую тумбу. Следопыт по команде Блейз тут же улегся на землю и отвернулся.

— Ты Келвин Гилфитер? — знаками спросила птичка; мое имя далось ей с большим трудом.

Я уселся на причал рядом с тумбой и тихо — незачем всем на пристани гадать, с чего это я вдруг начал разговаривать с птицами, — сказал:

— Я Гилфитер. У тебя известие для меня? От Руарта?

— Да. Он сегодня утром отплыл на корабле вместе с цирказеанкой и злым колдуном.

— На «Любезном»?

Птичка кивнула.

— Он просил передать, что будет и дальше следовать за Флейм. Корабль идет сначала в столицу архипелага Ксолкас, а потом на Брет. Руарт сказал, что будет повсюду оставлять для тебя послания у местных дастелцев. И еще он велел передать, что Флейм становится все хуже и хуже. Она стала враждебной по отношению к нему — пытается прихлопнуть, как только он к ней приближается. Руарт сказал, что ты должен поторопиться.

— Спасибо тебе, — сказал я. — Мы выйдем в море, как только сможем.

— Сказал он тебе, кто такой злой колдун? — спросила Блейз.

Птичка снова закивала.

— Мы, дастелцы, живем надеждой. И мы почитаем вас за то, что вы пытаетесь сделать. — Исходивший от птички запах бесконечной печали противоречил ее словам. Меня это заинтересовало, но только мимолетно: я счел, что это не мое дело.

— Мы сделаем все, что в наших силах, — сказал я.

Птичка склонила голову, и Блейз ответила ей тем же. Обмен поклонами мог бы показаться театральным и глупым, но я почувствовал, что тронут. Я до сих пор часто задумываюсь о том, что сталось с той птичкой и со всеми остальными дастелцами, которые мечтали о родных островах, но, возможно, так на них и не вернулись.

Около полуночи мы вышли из устья Лентяйки, и у меня тут же начался приступ морской болезни. Шхуна совсем не походила на пакетбот с его аккуратными каютами, она обычно перевозила товары, а не пассажиров. В трюме было душно, темно и до сих пор воняло — совершенно отвратительно — гуано. Для нас там повесили гамаки, и тем удобства ограничились.

Корабль качало на волнах, и мой желудок откликался на каждый подъем и спуск.

Не говоря никому ни слова, я поспешил к борту и свесился через поручни.

После того как съеденное мной за ужином отправилось в море, я почувствовал себя немного лучше, так что даже смог доползти до укромного укрытого от ветра уголка у подножия мачты и свернуться там клубочком. По крайней мере воздух был свежим. Корпус шхуны скрипел каждой своей доской, как старик, у которого болят все суставы, а над головой в парусах пел ветер.

Должно быть, я задремал, потому что через некоторое время меня разбудили голоса. Я сразу же снова почувствовал себя больным и начал думать, отправиться ли мне снова к борту или попытаться убедить свой желудок в том, что на самом деле в этом нет нужды. Когда мы плыли по Плавучей Заросли, я думал, что вонь дун-магии хуже, чем морская болезнь; теперь я начал пересматривать такое мнение.

Мои страдания только и могут послужить извинением тому, что случилось дальше. Я так сосредоточился на своих мучениях, так старался побороть тошноту, что даже и не подумал о том, что следовало бы сообщить о своем присутствии. Сначала я просто не обращал внимания на разговор, а когда обратил, было уже поздно, и я испытывал слишком сильное смущение, чтобы обнаружить себя.

Разговаривали Блейз и Райдер.

Райдер говорил:

— Гилфитер намекнул, что исцелили меня гхемфы, но ведь это не так?

Последовала пауза, потом Блейз спросила:

— Что заставляет тебя сомневаться?

— Хватит игр, Блейз. Гилфитер совсем не умеет лгать, а кроме того, я слышал часть его разговора с гхемфом. Они упомянули какое-то зло и говорили о том, что люди будут умирать из-за того, что я остался жив.

— Брось, Тор. Что сделано, то сделано.

— Перестань опекать меня! Неужели ты думаешь, будто я не чувствую... неправильности? Во мне появилось что-то, чего быть не должно.

— Что... что ты имеешь в виду?

— Со мной это сделали осквернённые силвы Мортреда, верно? Каким-то образом вы заставили их исцелить меня, хоть мы всегда считали такое невозможным. Почему ты пошла на подобный шаг, Блейз? *Теперь во мне зло дун-магии!* Неужели

ты так плохо меня знаешь? — От Райдера пахло болью и печалью, и самое ужасное — яростью.

Блейз была более сдержанной и, что бы она ни чувствовала, хорошо свои чувства скрывала.

— Иначе ты умер бы, Тор.

— Неужели ты не понимаешь, что я предпочел бы смерть? Ты хоть представляешь, что со мной сделала?

Последовало короткое молчание, потом Блейз прошептала:

— Наверное, нет.

— Они передали мне часть своего осквернения дун-магией. Теперь у меня в душе постоянно раздается шепот зла. Я слышу его непрестанно... он мешает мне молиться. Я знаю, что такое невозможно, и все же чувствую... чувствую себя отрезанным от Бога.

Блейз не могла не расслышать, какой ужас прозвучал в голосе Райдера. Я услышал, как она резко втянула воздух.

— Ох, дерьмо... Прости меня! Я не знала...

— Как ты могла не знать? Это же были дун-маги! Разве можно было ожидать от них иного, чем попытка во что бы то ни стало заразить меня их скверной?

Блейз молчала. Я чувствовал ее растерянность и отчаяние.

— Скажи, о ком ты думала — о себе или обо мне, — когда затеяла это дьявольское дело ради моего спасения?

— Твой вопрос несправедлив.

— Разве? — Райдер цинично усмехнулся. — Впрочем, может быть, ты и права, и во мне говорит скверна дун-магии. Она иногда буквально затопляет меня, так что я не в силах управлять своими мыслями. О, не смотри так испуганно! Я буду бороться, и если на то будет милость божья, смогу победить. Я не осквернен дун-магами; они просто оставили во мне свой след, надеясь, что он будет отравлять мне жизнь... А может быть, иначе они и не могли. От тебя я хочу узнать одно: что тебе пришлось отдать им за мое исцеление.

Блейз долго не отвечала.

— Их жизни, — сказала она наконец.

— А еще?

— Их свободу.

— И сколько же их было?

— Двенадцать. Пришлось привлечь как можно больше — иначе ничего не получилось бы, ты ведь обладаешь Взглядом.

Теперь пришла очередь Райдера долго молчать.

— Двенадцать! О боже, ты отпустила на свободу двенадцать дун-магов только ради того, чтобы исцелить меня! Чтобы я остался в живых? Милосердные небеса, ты хоть представляешь, Блейз, скольких силвов они развратят, скольких женщин изнасилуют, сколько семей поработят, перебираясь с одного архипелага на другой? Представляешь ли, сколько людей умрет из-за твоего поступка?

— Не читай мне проповедь, Тор Райдер! — в ярости бросила Блейз. — Разве ты не уплыл с косы Гортан, предоставив нам с Флейм выслеживать Мортреда и его логово на Плавучей Заросли? Тогда тебя не очень волновала борьба с дун-магами.

— Я не был свободен. Я служу Патриархии и должен выполнять ее приказы. Я должен был вернуться на Тенкор.

— Ох, нечего оправдываться. Ты мог отправиться с нами, ты прекрасно это знаешь. Читать мне мораль ты не имеешь права — и это тебе тоже известно.

Последовала долгая пауза; ни один из них даже не шевелился. Потом Райдер сказал:

— Может быть, какая-то правда в этом и есть... И все равно сравнивать нельзя: ты выменяла мою жизнь, заключила сделку, на которую я никогда бы не согласился, если бы был в сознании. Ты не имела никакого права предполагать, что я захочу купить жизнь такой ценой. Это было неправильно, Блейз. Ты омрачила мое будущее виной, которую мне почти невозможно вынести.

— Не говори чепухи! Если тут и есть чья-то вина, то она лежит на мне, а не на тебе. На мне и на Гилфитере. В конце концов, ты тогда не мог принимать решения: ты был без сознания. Или ты пытаешься сказать, что во всем виновата наша любовь?

Райдер промолчал.

— Великая Бездна, ты ведь именно это имеешь в виду, верно?

— Я не хочу ссориться с тобой.

— Ну, ты очень успешно преодолеваешь свое нежелание. Наверное, мне следует винить в этом тот след дун-магии в тебе, потому что ты рассуждаешь неразумно.

Корабль особенно сильно качнуло, и я закрыл лицо руками, отчаянно сражаясь со своим желудком.

Блейз вздохнула.

— Прости меня, Тор. Прости за все. Прости, что я не могу быть той женщиной, которая тебе нужна. Прости, что я любила тебя так, что захотела спасти любой ценой. Прости, что в результате ты страдаешь от чувства вины. Мне очень жаль, но, знаешь, я сделала бы все это снова. Я хотела, чтобы ты остался в живых. — В борт ударила еще одна волна, и Блейз подождала, пока палуба снова выровняется.

«Обними ее, ты, тупоголовый святоша, — думал я. — Разве ты не видишь, как она в тебе нуждается?»

Однако Райдер не двинулся с места, и Блейз продолжала:

— Мы правильно сделали, что расстались, Тор. Мы с тобой никогда не смотрим на вещи одинаково.

Последовало новое долгое молчание. Наконец Райдер сказал:

— Да, ты права. И я даже не могу выразить, как мне жаль...

— Глупо все это, правда? — Голос Блейз прозвучал легко, но я чувствовал ее боль.

— Мне не следовало давать волю гневу. Ты сделала то, что считала правильным.

— Но ведь ты не веришь, что это... — Блейз вздохнула. — Мы не можем сделать несовершившимся то, что совершилось. Так что, наверное, лучше просто... принять случившееся как данность.

— Да, думаю, так будет лучше всего, — согласился Райдер.

Он повернулся, чтобы уйти, но Блейз заговорила снова:

— Подожди. Я хочу... хочу поблагодарить тебя за все, что ты сделал на Плавучей Заросли. Если бы не ты, я бы погибла. Ты ужасно рисковал, Тор. Этого я никогда не забуду и никогда не перестану испытывать благодарность. У меня навсегда сохранится чувство... чувство изумления перед тем, что кто-то пошел на такое ради меня.

Райдер попытался что-то сказать, но не нашел подходящих слов.

После короткого молчания Блейз мягко сказала:

— Возвращайся вниз — к своим молитвам. Мне хочется немного побыть одной.

Райдер повернулся и ушел; его боль и гнев окатили меня мощной волной. Знает ли она о его чувствах?.. И тут Блейз проговорила:

— Проклятие, проклятие, проклятие! И зачем ты, Гилфитер, всегда оказываешься прав?

Я подумал, что она меня заметила. Я встал, смущенный сверх всякой меры, чувствуя себя больным и виноватым. Но Блейз отпрыгнула в сторону и от неожиданности потянулась за мечом... выругавшись, когда обнаружила, что меча у нее нет, и выругавшись еще более выразительно, когда увидела, кто перед ней.

— Гилфитер! С какой это стати, ради всех морских тварей, ты за мной шпионишь? — Она стояла, уперев руки в бедра, и ждала от меня объяснений.

— Меня тошнило, — пробормотал я. — Прошу прощения.

Блейз вытаращила на меня глаза, хотела что-то сказать, но передумала и вскинула руки, признавая поражение.

— Ладно, не имеет значения. Ты все равно учуял бы наш разговор... до последней детали, — с горечью добавила она.

Я чувствовал себя идиотом, но то, как она стояла тогда передо мной, потрясло меня. Она выглядела побежденной, а я не привык видеть ее такой.

— Нет, девонька, — сказал я ей, — это все околесица и лунные миражи, знаешь ли.

— Что-что?

— Околесица и лунные миражи... Ерунда.

— Ты это только что придумал?

— Нет, так говорят у нас на Небесной равнине.

Блейз нерешительно улыбнулась. Я обнял ее и крепко прижал к себе.

— Я уже не в том возрасте, чтобы меня можно было так утешить.

— Ерунда. Утешение к месту в любом возрасте.

Блейз положила голову мне на плечо и тихо сказала:

— Ты был прав, Кел. Такого он никогда не сможет простить.

— Он все еще любит тебя.

— Да? Может быть, от этого только хуже. — Она помолчала. — Нет, хуже не от этого — виновата дун-магия. Он прав, Кел. В нем появилось что-то, чего раньше не было. Тор верно

говорит — он замаран... — Я чувствовал запах ее ужаса. — Что мы наделали? О небеса, Кел, что же мы сделали с ним?

Мне хотелось сказать Блейз, что ничего особенного мы не сделали, но это было бы ложью. Мы превратили Райдера во что-то такое, чем он никогда не хотел быть.

Я гладил Блейз по голове и изо всех сил старался, чтобы меня не вырвало.

Глава 26
Рассказчик — Келвин

Если ты бывал на архипелаге Ксолкас, то знаешь, как поражает он с первого взгляда.

Мы подошли к нему ранним утром, и косые лучи встающего солнца позолотили острова и протянули по воде их черные тени, подобные пальцам, указывающим на какую-то далекую невидимую цель. Каждый остров башней возвышался над бурным морем и каждый был окружен скалами, похожими на детей, играющих у ног родителя-великана. Острова представляли собой выветренные колонны с множеством трещин; тысячи и тысячи птиц кружились над ними и пронзительно кричали, на невидимых воздушных потоках взлетая вверх и пикируя вниз.

На вершинах скалистых островов жили люди; их выстроенные из камня жилища иногда опасно нависали над обрывом, а окна смотрели на океан, ярящийся далеко-далеко внизу. Всего, как мне сказала Блейз, островов было около сотни. На десятке самых больших располагались города; остальные давали приют хуторам, окруженным полями, на которых паслись овцы или зрела пшеница.

Столица архипелага, Барбикан, где жил владыка, находилась на самом большом острове. Город занимал всю его поверхность, от одного обрыва до другого; в центре находился дворец. Название столица получила от укрепления — навесной башни, прилепившейся на самой вершине, к которой от порта вела извилистая дорога.

Дек, стоявший со мной рядом на палубе, пока наш корабль ложился в дрейф и ожидал лоцмана, засыпал Блейз и Райдера вопросами. На этот раз плавание было для него унылым: приходилось все время сидеть в трюме, потому что сломанные ребра не позволяли лазить по вантам; по этой же причине пришлось отложить и уроки фехтования. Большую часть времени Дек проводил с Блейз, в то время как Райдер допрашивал меня — иначе это назвать трудно — по поводу медицинских умений жителей Небесной равнины. Его интерес был искренним, а потому льстил мне, но я никогда не забывал о том, что движут Райдером особые мотивы. Он так и не признался мне в этом. Патриарх, занимающийся обычными для священнослужителя делами, едва ли стал бы выяснять, как часто роды на Небесной равнине кончаются смертью матери, умеем ли мы излечивать шестидневную лихорадку или можем ли помочь при переломе позвоночника. Теперь, конечно, я понимаю, что уже тогда Райдер планировал такое будущее Райских островов, когда Патриархии все эти сведения стали бы действительно необходимы.

Кроме того, Райдер желал познакомиться со всеми моими теориями — даже не имеющими доказательств — по поводу дун-магии, заражения ею и осквернения силвов. Учитывая его беспокойство по поводу Флейм, удивляться этому не приходилось, и должен признаться: я наслаждался часами, проведенными за обеуждением того, является ли магия болезнью. Райдер полагал, что не все так просто, и, если быть честным, я почувствовал, что моя уверенность пошатнулась.

Как могла моя теория объяснить то, что я видел собственными глазами: например, исцеление ран Райдера благодаря одной только концентрации внимания силвов, пока сам он был без сознания? Или физический ущерб, нанесенный моему плоту ударом дун-магии? Или способность Флейм заставлять других видеть именно то, что она хочет? Все это были тайны, в которые я мечтал проникнуть. Они зачаровывали меня не только возможностями медицинского применения, но и чистой радостью познания.

Райдера и смешила, и сердила моя решимость доказать, что магия является естественным феноменом, объяснения которому мы просто еще не нашли.

— Как можешь ты, разумный человек, верить в магию? — спросил я его однажды, в свою очередь раздраженный его готовностью слепо признавать магическую природу способностей силвов и злых колдунов.

— Ты забываешь, — ответил он мне со слабой улыбкой, — что я верю в могущество Бога. Такую веру лишь небольшой шаг отделяет от веры в нечто противоположное: в силу зла, дун-магию. Не так уж трудно представить себе, что Бог посеял семена способности к силв-магии или Взгляду, чтобы дать нам оружие для борьбы с темными силами. Для меня магия — просто название для этих сил, таких же сверхъестественных, как сам Бог. Поверь в Бога, Гилфитер, и ты скоро признаешь существование магии как непознаваемой сущности.

Я вздохнул. Противопоставить что-либо доводам Райдера я не мог, поскольку мы просто не имели общей почвы для спора. Мне были нужны доказательства или хотя бы какая-то достоверность; Райдер же нуждался только в вере.

По правде говоря, я втайне начал восхищаться Райдером, хоть он мне и не слишком нравился: я мог только чувствовать уважение к его готовности сражаться с собственными демонами. Райдер был из тех, кто от природы воинствен; однако рассудок говорил ему, что существует лучший способ решать проблемы, и поэтому он научился сдерживать порыв дать сдачи в случае нападения. К несчастью, мы с Блейз, не подозревая об этом, поощрили его склонность к насилию, когда допустили воздействие на него экс-силвов. К тому же из-за нас на него легло новое бремя вины — цена, которую мы заплатили за его жизнь. Все время, пока корабль пересекал океан, Райдер сражался с новыми демонами, на многие часы отгородившись от окружающего мира в молитве к Богу, чьей поддержки он больше не чувствовал. Я сомневался в том, что это помогает: в Райдере по-прежнему кипел едва сдерживаемый гнев. Думаю, Блейз в отличие от меня не понимала всей тяжести его борьбы. Я улавливал слабый запах дун-магии, исходящий от Райдера, запах вины и страданий, рожденных мыслями о том, что он не стоит того, что было уплачено за его жизнь. Для меня внешнее спокойствие Райдера было всего лишь тонкой коркой, под которой скрывался настоящий ад: бурлящий котел ярости и обиды на нас с Блейз, причинивших ему такие

мучения, постоянно разогреваемый остающейся в нем дун-магией.

И все же, общаясь с нами, Райдер старался сохранять вежливость, что, должно быть, требовало от него нешуточных усилий и самообладания. Иногда он срывался, и горечь прорывалась в едких насмешках или холодности. Может быть, его чувство к Блейз — иногда я замечал в его глазах любовную тоску — в какой-то мере помогало ему сохранять равновесие; но и с этой любовью ему приходилось бороться: будущего она не имела. То единственное, от чего он не мог отказаться — его вера, — как раз и разделяло их с Блейз.

Так и случилось, что на Ксолкас мы прибыли, осаждаемые каждый своим личным демоном и терзаясь общей виной: нам не удалось ни защитить Флейм, ни спасти ее от Мортреда. Все мы испытывали ужас перед ее судьбой: Флейм превращалась в собственную противоположность, постепенно уступала злу, мучаясь этим. Боялись мы и того, что ей предстоит стать женой сначала властителя Брета, жирного мерзавца, развлекающегося издевательствами над мальчиками, а потом, возможно, злого колдуна, наслаждающегося страданиями других людей. Об этом невозможно было и подумать... А Флейм мучилась — мучилась каждую минуту, мучилась, пока мы дожидались лоцмана, чтобы войти в порт...

Только Дека не преследовали никакие демоны.

— На всех островах есть дороги, ведущие на вершину? — спрашивал он. — А что это за белые потеки на утесах? Неужели главный остров соединяется с другими? А не упадут ли в море такие обрывистые острова? Что случится, если упадут? — Что ж, думал я, хотя бы Дек не страдает от комплексов. Он не разделял нашего чувства вины и наших противоречивых чувств; все, чего он хотел, — это научиться владеть мечом и сражаться с дун-магами. В один прекрасный день, возможно, он тоже начнет понимать, что жизнь не так проста, но пока еще подобные мысли его не тревожили.

— Белые потеки на утесах — гуано, птичий помет, — объяснила Деку Блейз. — Гуано — единственный товар, который вывозят с Ксолкаса. — Дек посмотрел на Блейз так, словно заподозрил ее в насмешке. — Честно! Его используют как удобрение, чтобы сделать почву более плодородной. — В этот мо-

мент к нам присоединился Райдер, и Блейз добавила: — Тор захватил с собой подзорную трубу, так что ты можешь получше рассмотреть навесные мосты, соединяющие между собой острова.

Мы все по очереди воспользовались медной трубой; и правда, соседние острова соединялись веревочными мостами. Они качались высоко над морем, как тонкие нити паутины.

— Только не говорите мне, что нам придется ходить по ним, — сказал я, возвращая подзорную трубу Райдеру.

— Боишься высоты, Гилфитер? — спросил он. Раньше это прозвучало бы как добродушная подначка; теперь же в голосе Райдера я почувствовал издевку.

— Высота меня не пугает, — холодно ответил я, — но я неуклюж, как танцующий селвер. Я наверняка поскользнусь и провалюсь в дырку.

Никто из нас не говорил о том, что нас ожидало по прибытии на Ксолкас, потому что никто этого не знал. То, что было нам известно, не внушало особой радости: на «Любезном» находились по крайней мере восемь матросов, скорее всего порабощенных Мортредом, и еще множество других... Как нам рассказали в Раттиспи, Мортреда и Флейм сопровождали семнадцать хранителей в шазублах и еще двое — как мы подозревали, злые колдуны. Наличие шазублов говорило о том, что осквернённые силвы-хранители находились раньше на службе Совета, а значит, прекрасно владели оружием. Это была внушительная сила. Наше войско состояло из троих взрослых, лишь двое из которых умели сражаться, подростка со сломанными ребрами и помеси собаки с ныряльщиком... Шансы были явно неравны.

Наконец прибыл лоцман, перелез из своей лодки — как мне объяснили, такие суденышки называются пинасами, — на корабль и встал к штурвалу, хоть Скарри и уверял, что сам знает, как пройти в гавань между мелями и рифами, окружающими остров, как буревестник знает дорогу к своему гнезду в скалах. Однако власти Ксолкаса запрещали входить в гавань кораблям, на которых не было местного лоцмана: таков был один из способов получать от купцов доход. Нам скоро предстояло узнать, мрачно предрек Скарри, что местные жители — мастера грабить добропорядочных торговцев, называя это законным сбором налогов.

Когда мы пришвартовались к пристани, мы увидели неподалеку кеч; на его палубе несколько матросов таращили на нас глаза. Несмотря на то что все вокруг пропахло гуано, я не мог не ощутить вони дун-магии, окутывающей «Любезный».

— Флейм на борту? — спросила меня Блейз.

Я покачал головой.

— Не думаю. По-моему, они с Мортредом и большинство экс-силвов сошли на берег. На кече, не считая команды, осталось не больше двух осквернённых.

— Когда придет время, нам, может быть, нужно будет начать с этих двоих, — тихо сказал Райдер, — и убить их первыми. — Блейз побледнела. Я удивился, но потом понял: она не привыкла, чтобы Райдер проявлял хладнокровную безжалостность. Я поежился, подумав о том, что он с такой же легкостью может разделаться и с Флейм, если окажется, что помочь ей нам не удастся. Возможно, менодианская Патриархия уже и благословила его на это, размышлял я; патриархи, как и хранители, не потерпят, чтобы супругой властителя Брета стала злая колдунья, к тому же имеющая права на престол Цирказе.

— Я смогу в этом помочь? — с сияющими глазами спросил Дек.

— Ты можешь помочь, если сходишь вниз и принесешь мой меч и ножны, — сказала ему Блейз.

Когда парнишка исчез в люке, Райдер улыбнулся Блейз.

— Ты держишь этого осьминога всего за одно щупальце.

Блейз вздохнула.

— Я знаю, но что, морской дьявол мне свидетель, я могу еще сделать? В этом мальчишке, похоже, нет ни капли страха.

— А также ни капли сомнений по поводу того, что убивать людей позволено, насколько я вижу.

— Только если речь идет о дун-магах, — поправила его Блейз.

— Что вы собираетесь делать? — спросил я, имея в виду вовсе не Дека. — Просто выйти на улицу и убивать любого встречного дун-мага, начиная с тех двоих на борту «Любезного»?

Райдер поднял бровь.

— А ты думаешь, что нам сначала следует вступать с ними в вежливую беседу, Гилфитер?

— Пока мы их оставим в покое, — поспешно вмешалась Блейз. — Во-первых, если удастся, мне не хотелось бы причинять вреда рабам. Во-вторых, на Ксолкасе косо смотрят на убийства. Здесь живут законопослушные люди. — Она показала на уходящую в небо над гаванью скалу, вокруг которой кружили птицы. Крутой обрыв был покрыт целой сетью веревок. — Веревки помогают забираться на скалы сборщикам гуано. Каждой семье на острове отведен свой участок, и тут могло бы быть раздолье для раздоров и тяжб, но ничего такого не случается. Островитяне не охраняют свои участки, потому что кража даже комочка гуано — вещь неслыханная. Подобных происшествий просто не бывает. Как я уже сказала, здесь живут законопослушные люди.

— Поэтому открыто убивать мы никого не будем, — сказал Райдер. — Мы сделаем это тайком. — Я видел, что шутит он только наполовину.

Блейз встревоженно посмотрела на Райдера.

— Сначала мы прибегнем к законным способам. Мы отправимся к владычице и попросим ее вмешаться... или дать нам разрешение действовать.

— Ты нигде не ощущаешь присутствия Флейм? — спросил меня Райдер.

Я покачал головой.

— Нет, да я и не мог бы, если она отправилась в город на вершине скалы. Никакие запахи оттуда я не воспринимаю: во-первых, слишком сильный ветер, а во-вторых, все забивает вонь гуано.

— Вонь трудно не заметить, — сухо проговорила Блейз. В этот момент вернулся Дек с ее мечом. Наш корабль как раз причалил, и паруса из панданы с шорохом заскользили вниз.

— Первое, что нам нужно сделать, — сказал я, — это найти дастелцев.

Как выяснилось, птицы уже поджидали нас и нашли меня еще до того, как мы вступили на пристань. Руарт, похоже, полагал, что по крайней мере я точно появлюсь на Ксолкасе.

Вожак стаи, усевшийся на перилах и обратившийся ко мне, оказался важным стариком. Хоть на этот раз у меня не возникло сомнений в том, какого возраста и пола мой собеседник.

— Молодой человек, — обратился он ко мне, — это тебя зовут Гилфитер?

— Да, — ответил я и представил остальных. Птичка не обратила никакого внимания на Блейз и Дека, а в отношении Райдера, оглядев его с ног до головы, высказалась, если я правильно ее понял, в том смысле, что не собирается тратить время на религиозных фанатиков и вообще почему это менодианские проповедники игнорируют птиц-дастелцев? Довольно нелогичное замечание, подумал я, учитывая, что дастелцы держат то обстоятельство, что они разумные существа, в тайне. Не дожидаясь ответа, вожак сообщил мне, что не видит, по какому праву я именуюсь Гилфитером или вообще каким-нибудь «фитером» — на их языке это слово означало «перо», — поскольку я совершенно явно не дастелец и уж тем более не птица. Перья, сказал он, прерогатива летающих существ, и мне не следует этого забывать. Его собственное имя, добавил вожак, — Комарт.

Мне наконец удалось перебить его и спросить, что хотел сообщить нам Руарт. Как выяснилось, Комарт обладал самой последней информацией: благодаря дастелцам, которые порхали над островом и связывали его с Руартом, он знал о местонахождении Флейм.

Оказалось, что Мортред-Гетелред счел, что, поскольку Флейм в действительности Лиссал, наследница престола Цирказе и будущая супруга властителя Брета, ей подобает быть представленной владычице Ксолкаса; по этой причине девушка была отведена во дворец.

Блейз не обрадовало подтверждение ее догадки насчет намерений Мортреда в отношении Флейм.

— Великая Бездна, — пробормотала Блейз, — этот проклятый дун-маг, должно быть, совершенно уверен, что не встретится во дворце с обладающими Взглядом, которые могли бы их разоблачить.

— Единственные, кто здесь обладает Взглядом, — ответил Комарт, — это мы, а местные жители, эти собиратели навоза, слишком глупы, чтобы отдавать нам должное.

— Так где именно они — Флейм, Руарт и Мортред — сейчас? — спросил я.

— Их чествует владычица. Они — почетные гости и размещены в лучших апартаментах резиденции.

— И долго они здесь пробудут? — спросила Блейз.

— Еще день или два. Завтра владычица должна торжественно объявить о собственной помолвке с представителем одной из знатнейших семей архипелага, и Гетелред и остальные должны присутствовать на празднестве.

— Нам повезло, — задумчиво проговорил Райдер. — На празднестве может случиться многое. Блейз, ты ведь встречалась с владычицей, я не ошибаюсь?

— Да, когда она еще была наследницей престола. Я выполняла некоторые поручения ее отца. Он обратился за помощью к хранителям: нужно было найти и убить дун-мага, который появился на архипелаге, и Датрик послал меня. Работа была нетрудной, но на старого владыку произвела большое впечатление, так что он пригласил меня погостить и провести время с его дочерью, чтобы, как он выразился, помочь ей обрести лоск. — Блейз фыркнула. — Удивительное дело: как высоко меня оценили только потому, что я была агентом хранителей... Когда мне было тринадцать, меня выставили с того же самого архипелага за то, что я не имела гражданства.

Мы все вытаращили на Блейз глаза.

— Владыка предложил тебе помочь дочери обрести лоск? — тщательно подбирая слова, переспросил Райдер.

— Верно. — Ни я, ни Райдер не произнесли больше ни слова, и Блейз улыбнулась. — Мы с ней прекрасно поладили. Она показала мне, как можно выскользнуть из дворца владыки и по веревке ночью спуститься со скалы. Я научила ее играть в карты, пить моряцкий ром и сражаться без помощи оружия.

Дастелец фыркнул, хоть для птицы это и было нелегко.

— Держу пари: владыка совсем не это имел в виду, когда говорил о лоске, — сухо сказал Райдер. — Впрочем, похоже, у нас могут найтись друзья на самом верху.

— Ну, я не так уж в этом уверена, — возразила Блейз. — Тогда мы обе были молоды, да я теперь и не агент хранителей. Как я слышала, взойдя на престол, владычица остепенилась и стала косо смотреть на нарушения этикета. Такое случается, как только человек садится на трон.

— Это правда, — подтвердил Комарт. — Наследница была знаменита своим безрассудством, но, став владычицей, отвер-

нулась от своей прежней компании и теперь ведет себя безупречно — как и полагается.

— Мы постараемся добиться аудиенции, — сказал Райдер. — Я побываю в местном святилище менодиан. Может быть, они обладают влиянием.

— Первым делом, — сказал я дастелцу, — пошли кого-нибудь к Руарту с сообщением, что мы здесь. Нам нужно будет с ним поговорить. Как только мы закончим формальности в порту, мы отправимся в город. Он мог бы встретить нас по дороге.

— Мне все-таки хочется узнать, что случится, если остров обрушится, — сказал Дек, задирая голову и глядя на тропу, ужасно узкую и крутую, которая вела на вершину. Мы могли снизу видеть ворота в городской стене, но и только. — Да, вот был бы всплеск! Как вы думаете, вершина скалы врезалась бы в соседний остров?

Мое сердце неожиданно начало отчаянно колотиться, и это не имело никакого отношения к падающим в море скалам. Мортреда отделял от нас всего лишь крутой подъем, и на этот раз кто-то должен был умереть — или он, или мы.

Глава 27
Рассказчица — Блейз

Мне нравилась Ксетиана, хотя она была наследницей престола Ксолкаса, а я — агентом хранителей. Она была примерно одного возраста со мной и много, много более смелой. Ее отец давно уже отчаялся укротить дочь, и его приглашение мне остаться и взять Ксетиану под свое крыло было безнадежной попыткой добиться хоть каких-то перемен. Конечно, если бы он и в самом деле был озабочен столичным лоском, то я едва ли оказалась бы подходящей кандидатурой, но время мы проводили неплохо. Моей целью было не положить конец эскападам наследницы, а научить ее оценивать опасность, человека или ситуацию в целом — видеть различие между тем, кому она действительно нравится, и тем, кому нравится то, чем она может его одарить, будь то престиж или власть. Впрочем, наверное, мне удалось в какой-то мере пробудить в Ксетиане

врожденную осмотрительность. Я оставалась на Ксолкасе четыре месяца, а Датрик, злой, как краб со связанными клешнями, все время требовал, чтобы я вернулась.

Тремя годами позже отец Ксетианы погиб, когда обрушилась скала. Надо отметить, что так умирали многие жители архипелага. Вопросы Дека о падающих островах были не такой уж глупостью: это была вечная угроза, нависшая над Ксолкасом. Рано или поздно должен был обрушиться, став жертвой безжалостного океанского прибоя, каждый из островов. Не проходило десятилетия, чтобы какой-нибудь из самых маленьких не рухнул, губя всех, кто на нем жил. Случалось, что в воду просто соскальзывала часть большого острова, и волны принимались подтачивать новый обрыв, а птицы — искать в нем трещины для гнездовий.

Только жители Ксолкаса и могли мириться с подобной вечной угрозой: они были флегматичны до невероятия, редко задумывались о будущем, довольствуясь теплом собственной семьи и скромным достатком, который давало им рыболовство, выпас нескольких овец, урожай крохотного поля или сбор гуано. Они были довольны жизнью и гнали от себя мысли о том, что следующей жертвой океана может стать их остров или отведенная им для сбора гуано скала.

Когда остров, или кусочек поверхности с крестьянским домом, или облепленный птичьими гнездами утес исчезали в волнах, о них никогда больше не говорили. Обрушившийся остров стирали с карт, жертв сдержанно оплакивали — по крайней мере официально, — и то, как они погибли, не обсуждалось. Однажды в раздражении я сказала Ксетиане, что ее соплеменники похожи на стаю камбалы, зарывшуюся в песок и так полагающуюся на свою маскировку, что рыбаки на отмели могут просто собирать рыбин одну за другой в корзину, и ни одна даже не подумает о том, чтобы уплыть.

Ксетиана тогда спокойно мне ответила:

— Но, Блейз, куда мы могли бы податься? Когда у тебя нет выхода, разве не лучше наслаждаться тем, что еще остается, а не метаться в панике?

Может быть, она была права.

Скарри определенно говорил правду: здешние чиновники норовили ободрать любого приезжего как липку. Я скоро об-

наружила разницу между статусом эмиссара Совета хранителей и положением бесправной полукровки. За то, чтобы только сойти на берег, я должна была заплатить три сету, не говоря уже о том, что для меня действовало обычное ограничение: пребывание на архипелаге не больше трех дней. Следопыту вообще запретили появляться на острове под тем предлогом, что он может распугать птиц, но даже за то, чтобы ему позволили оставаться на борту нашей шхуны, с меня потребовали два сету.

Тор как менодианский патриарх был допущен бесплатно, но Кел оказался обязан заплатить врачебный налог на случай, если за время своего пребывания на архипелаге станет кого-то лечить. Одному из нас предложили подписать бумагу о том, что мы берем на себя ответственность за Дека — он был несовершеннолетним и путешествовал без присмотра взрослого родственника, — и это обошлось еще в сету. Потом последовали платежи за пользование причалом (мы попросили Скарри с его шхуной дождаться нас), а чтобы команда могла появляться в порту, следовало каждый раз платить двенадцатую часть сету за человека. Нам же, собиравшимся посетить Верхний Город — так местные жители именовали столицу, — предстояло внести по десятой части сету на «ремонт дороги». Все эти поборы касались, конечно, только иностранцев. Да, искусство сбора налогов на Ксолкасе достигло вершин...

Тор расплатился за нас всех и отмахнулся от Кела, когда тот предложил взять на себя часть расходов. Он, похоже, мог позволить себе неограниченные траты, и это мне не понравилось. Я понимала, что меня тревожит: такая щедрость менодианской Патриархии доказывала, что Тор — доверенный член Совета. Доказывала она и готовность менодианской верхушки потратить на спасение Флейм целое состояние. В чем я не могла разобраться, так это в причинах подобной щедрости: то ли целью патриархов было вырвать Флейм из рук дун-магов, то ли они желали, чтобы она заняла свое законное место, как занял его с их помощью Рэнсом Холсвуд, беглый наследник престола Бетани. В любом случае, гадала я, есть ли у Флейм шанс остаться на свободе?

Может быть, разница между тем, чтобы родиться наследницей престола или никому не нужной полукровкой, и не так уж велика: мы обе оказывались пленницами собственного происхождения.

* * *

Тропа, ведущая в Верхний Город, была настолько узка, что на ней приходилось устраивать площадки, где поднимающиеся могли бы разминуться со спускающимися. Единственное, что отделяло нас от падения на сотни футов вниз, было хлипкое веревочное ограждение. Подъем был настолько крут, что скорее напоминал скалолазание, чем обычное путешествие. Дек не мог сделать и шага, не держась за скалу, так что продвижение наше было медленным. Для паренька, который лет до тринадцати-четырнадцати не видел ничего, кроме отмелей и мангровых зарослей, горы представляли собой нешуточное испытание.

Мы добрались лишь до середины подъема, когда к нам подлетел Руарт.

Выглядел он ужасно. Его малиновая грудка казалась тусклой, перышки, которые раньше блестели, словно покрылись пылью. Приветствовал он нас чириканьем, которого я не поняла; Кел же явно уловил не слишком лестный смысл, потому что покраснел.

— Мне очень жаль, Руарт, — сказал он, — нам пришлось задержаться. Но теперь все мы здесь, и в нашем распоряжении имеется корабль. Как дела у Флейм?

— А чего вы ожидаете? Ее наверняка отравили! — ответил Руарт. То, что случилось в следующий момент, было ужасно. Руарт уселся на веревочное ограждение и затрясся — не так, как встряхивается птичка, чтобы почистить перышка, а как могла бы она дрожать, если бы плакала. Мы обменялись беспомощными взглядами.

— Слишком поздно... — сказал Руарт, когда справился с собой. — Теперь ей уже никогда не удастся избавиться от скверны...

Все мы растерялись. Мне трудно было примириться с мыслью, что я, возможно, потеряла свою единственную подругу, и потеряла ее так ужасно; Тор, я знаю, восхищался Флейм — он ведь видел, с каким мужеством она боролась с дун-магией и победила ее в себе ценой потери руки; Дек Флейм обожал, а Гилфитер... думаю, она ему нравилась, только он это скрывал, зная, что она любит Руарта. Поэтому я удивилась, когда обнаружилось, что он единственный сохранил самообладание и, более того, успел все обдумать.

— Не стоит отчаиваться, Руарт, — мягко сказал он. — Кто знает, что случится с Флейм, когда Мортред умрет? Мы как раз начинаем узнавать кое-что об исцелении, чего раньше не знали. Может быть, если нам удастся собрать вместе многих силвов-целителей...

— Это значит, что придется отдать Флейм хранителям, — возразил Руарт. — Острова Хранителей — единственное место, где много силвов.

Я перевела его слова Тору, и тот ворчливо сказал Гилфитеру:

— Флейм сочла бы, что лучше умереть, уж можешь мне поверить.

Гилфитер нахмурился.

— И это говорит священнослужитель, который собирается вернуть Флейм на Цирказе?

— Это не то же самое, что вернуть ее отцу. Менодиане даже и не думали никогда о том, чтобы помогать насилию, принуждению ее к ненавистному браку.

Я поспешно вмешалась, прежде чем спор разгорелся в полную силу.

— Сначала нам нужно ее освободить. Вот этим и давайте займемся.

— Ладно, — согласился Гилфитер. — Прошу прощения. — Он снова повернулся к Руарту. — Она с тобой совсем не разговаривает? — Руарт покачал головой. — А угрожает? Рассказала она про тебя Мортреду?

Руарт снова помотал головой.

— Тогда еще есть надежда. Она хоть что-то хранит в себе. Руарт, мы как-нибудь доставим ее на свой корабль и постараемся вылечить. Должен же быть способ...

Руарт посмотрел на Кела, и глаза его сурово блеснули.

— Сначала, — сказал он, — вы должны будете отобрать Флейм у Гетелреда и экс-силвов, которые ее окружают. Как вы собираетесь этого добиться?

Тор повернулся ко мне.

— Гхемфы нам не помогут? — спросил он.

Я пожала плечами.

— Они совершенно ясно дали понять: им вовсе ни к чему, чтобы жители островов неожиданно узнали, что гхемфы способны на убийство. Одно дело — прийти нам на помощь по-

среди Плавучей Заросли на глазах только у нескольких бывших силвов и обращенных в рабов крестьян... Гхемфы могут помочь мне или, возможно, тебе, Тор, если мы окажемся в опасности, но не станут открыто вступать в битву. Да и Флейм им безразлична.

Дек разочарованно вздохнул.

— А я-то считал их нашими защитниками! Вроде тех драконов, о которых поется в старых балладах...

Я недовольно посмотрела на него и заставила замолчать.

— Пошли дальше, — сказал Кел. — Нужно поговорить с владычицей. — Он посмотрел на Руарта. — Хочешь, садись на меня.

Дастелец ничего не ответил, но взлетел на плечо Келу, и они двинулись вверх по тропе.

Мы с Тором переглянулись.

— Нам нельзя потерять ее, Тор, — прошептала я. — Просто нельзя.

Тор промолчал, и печаль в его глазах чуть не разбила мне сердце. Он двинулся следом за Келом с Руартом, и я тоже потащилась за ними. Настроение у меня было хуже некуда. Тор думал, что Флейм уже не помочь... Всего один шаг отделял нас теперь от решения: Флейм должна умереть. «Блейз, не позволяй мне остаться в живых — такой, — сказала она когда-то. — Обещай!» В тот раз мне удалось ее спасти ценой потери руки, но обещание я ей дала, и она мне верила.

У городских ворот нужно было заплатить еще одну пошлину — по десятой части сету с каждого. Только после этого мы оказались в столице.

Все здесь было выстроено из камня; каждое здание с плоской каменной крышей имело общие стены со своими соседями; незастроенными оставались лишь бесчисленные мощенные камнем улочки, извилистые и такие узкие, что лишь ветер мог свободно гулять в них, как высокая приливная волна. Здесь не было растений, не было открытых пространств — ничего, кроме домов и улиц, раскинувшихся от одного края острова до другого. Маленькие лишенные стекол окна располагались высоко в стенах, так что сквозь них нельзя было разглядеть, что творится внутри; обитатели тоже не могли выглянуть наружу.

Гилфитер выглядел оглушенным. Достаточно ему было оказаться в тесном окружении городских стен, и этот сын бескрайних равнин испытывал потрясение, которое ему нелегко было преодолеть. Он не жаловался, но я уже научилась различать симптомы клаустрофобии. Дек чувствовал себя ненамного лучше: к Лекенбрейгу он привык, но столица Ксолкаса душила его своим камнем.

Сначала мы отправились в менодианскую миссию, где рекомендательные письма Тора произвели поразительный эффект: нас немедленно принял главный местный патриарх, который тут же организовал нам встречу с наместницей властительницы. Наместница Асорча вспомнила меня, хотя, возможно, без особой радости; однако как только мы упомянули, что обладаем сведениями о прибытии на архипелаг дун-магов, она тут же известила Ксетиану.

Асорче к тому времени было лет шестьдесят. Как большинство жителей Ксолкаса, она была высокой и худой, со светлыми — с возрастом поседевшими — волосами и карими глазами. Когда я в последний раз была на Ксолкасе, она состояла первой дамой при наследнице, что возлагало на нее обязанность предотвращать особенно скандальные выходки Ксетианы. Наследница постоянно жаловалась на то, что ее дама шпионит за ней, так что я удивилась, обнаружив, что теперь Асорча занимает важнейший государственный пост.

— Владычица Ксетиана примеряет наряды, — сообщила нам Асорча, отправив записку. — Завтра у нас торжество, знаете ли: владычица должна быть официально помолвлена с благородным правителем острова Нож. Событие будет отмечено состязанием, а потом праздничным ужином и балом. — Асорча повернулась ко мне. — Полагаю, сир-Блейз, что ты знакома с тем, как у нас устраивают состязания. — Произнесла она это достаточно спокойно, но я уловила скрытую за вежливыми словами колкость: Асорча и в самом деле очень хорошо меня помнила.

В ежегодном заплыве между островами мог участвовать любой желающий — нужно было только, конечно, заплатить вступительный взнос. Состязания занимали большую часть дня и начинались и заканчивались перед дворцом владыки. Едва ли не все население Ксолкаса болело за участников, располо-

жившись на скалах. Одни жители столицы высыпали на крыши домов, откуда можно было наблюдать старт и финиш, другие карабкались на скалы западного берега, откуда был виден узкий пролив, именуемый Тощая Шея, являвшийся последней частью маршрута.

Первыми — на час раньше мужчин — состязания начинали женщины; это должно было компенсировать тот факт, что мужчины сильнее физически. Несмотря на такую фору, женщины почти никогда не выигрывали, и одной из таких редких победительниц стала Ксетиана; правду сказать, заслуга отчасти принадлежала мне: я тайком подготовила ее к участию.

Надо сказать, что состязание было делом опасным: в среднем один участник каждый год погибал или получал увечья. Из-за этого обстоятельства наследнице престола запрещалось вносить свое имя в списки; впрочем, такая мелочь Ксетиану не остановила. С моей помощью она зарегистрировалась под именем приезжей из Ступицы, оделась как хранительница, а лицо закутала шарфом, ссылаясь на зубную боль. Когда состязание началось, шарф был отброшен, и по рядам зрителей пробежал трепет: одной из участниц оказалась наследница престола, остановить которую к тому моменту было уже невозможно: такая попытка владыки могла привести к бунту.

Я на всякий случай отправилась с ней, хотя плавать Ксетиана, как и все жители Ксолкаса, умела гораздо лучше меня, так что я скоро отстала. Отец Ксетианы пришел в такую ярость из-за моего потворства наследнице, что посадил меня на первый же корабль, покидавший архипелаг, и, что хуже всего, пожаловался Датрику. В результате советник Датрик отказался заплатить мне за работу на Ксолкасе, ссылаясь на жалобу владыки... что было вполне в духе хранителей.

Дожидаясь ответа от владычицы, я вспомнила те давние события и обнаружила, что несправедливость все еще возмущает меня.

Асорча лично проводила нас в покои Ксетианы. Никаких портних там не обнаружилось, зато присутствовал секурия — чиновник, ответственный за безопасность архипелага вообще и владычицы в частности. Этого человека по имени Шавель я тоже знала. Он едва не лишился своего поста из-за участия на-

следницы в соревновании, так что трудно было рассчитывать, что он отнесется ко мне с теплыми чувствами. Неудачное начало...

Первое, чем озаботился Шавель, было остановить нас в дверях и отобрать всякое оружие. Такого можно было ожидать: ни один разумный правитель не разрешил бы появиться в своих покоях вооруженным чужестранцам.

Как и полагалось по протоколу, мы прошли половину расстояния, отделявшего двери от ступеней, ведущих к трону, на котором сидела Ксетиана. Я преклонила колени, опустив глаза, и остальные последовали моему примеру. В былые времена Ксетиана с улыбкой обняла бы меня и угостила пивом, но с тех пор много воды утекло... Владычица позволила нам подняться, и это также означало, что мы можем поднять глаза. Она без улыбки посмотрела на нас, Асорча встала справа от нее, а секурия Шавель — слева. Ксетиана была в парадном облачении и драгоценных украшениях; я привыкла видеть ее в штанах до колен и с волосами, перетянутыми кожаным ремешком. Такая перемена говорила о многом, случившемся за те годы, что мы не виделись.

— Блейз, — заговорила Ксетиана, — я рада видеть тебя снова, хотя Асорча и сообщила мне, что ты принесла плохие новости. — Пальцы владычицы выбивали дробь по подлокотнику трона, и этот нервный жест тревожил меня. Многое бы я отдала за то, чтобы знать: какие запахи сейчас улавливает Кел... — Скажи мне то, ради чего пришла.

Так я и сделала, не забывая именовать Ксетиану владычицей и произносить все витиеватые глупости, предписанные этикетом. Может быть, когда-то мы с ней и были подругами, но я никогда не совершала ошибки, считая, будто она видит во мне равную себе. Я заметила, что на Тора и Гилфитера мое поведение производит большое впечатление. Мое дотошное следование протоколу было для них новинкой, однако у меня был хороший учитель. Не было такой тонкости, которую сирсилв Арнадо не знал бы о придворных обычаях разных островов; он часами терпеливо обучал меня всей этой премудрости.

Ксетиана устремила на меня строгий взгляд.

— Значит, ты утверждаешь, что некоторые из моих почетных гостей на самом деле дун-маги, и тот из них, который на-

зывает себя Гетелредом, последним представителем царствующего дома Дастел, является злым колдуном. А как насчет Девы Замка, которую он сопровождает? Не собираешься ли ты сказать, что и она тоже порожденное дун-магией чудовище? Приведи хоть один веский довод: почему я должна верить тебе, предательнице-полукровке?

— Предательнице? — вырвалось у меня.

Ксетиана слегка пошевелила рукой, и вперед выступил Шавель. Судя по выражению его лица, то, что он должен был сказать, доставляло ему истинное наслаждение.

— Мы получили сообщение от Совета хранителей. Ты разыскиваешься за соучастие в похищении Девы Замка и за покушение на жизнь советника сир-силва Датрика на косе Гортан. Власти всех островных государств должны задержать тебя при первой возможности и отправить в Ступицу для допроса и суда. — Шавель улыбнулся мне. — Насколько мне известно, угроза жизни члена Совета карается смертью через утопление.

Глава 28
Рассказчик — Келвин

Когда мы добрались до дворца, начался дождь. В ожидании наместницы Дек ерзал, Руарт чистил перышки, Блейз ходила из угла в угол, а Райдер молча сидел, опустив голову, — должно быть, молился. Я стоял, прислонившись к стене, и слушал, как дождевая вода журчит по стокам, ведущим к каким-то подземным хранилищам. Я думал о том, что на Ксолкасе, наверное, дождь идет часто; ветер тут по крайней мере, похоже, не утихал никогда. Порывы ветра налетали на нас во время подъема по тропе, и Дек ужасно боялся, что его сбросит в пропасть. В Верхнем Городе улочки, такие узкие, что по ним с трудом могли бы идти три человека в ряд, служили для ветра трубами и так усиливали его, что любой предмет, не привязанный накрепко, был бы тут же унесен. Я страдал от тесноты каменных стен, хотя воздух на такой высоте был свежим и чистым. Даже, пожалуй, слишком чистым: здесь пахло морем,

солью, гуано. Запаха дун-магии я не улавливал и не мог определить, где находится Флейм.

Ксетиана сразу же произвела на нас сильное впечатление. Эта высокая гордая женщина сидела на резном каменном троне, и ее лицо не выдавало никаких тайных чувств. Впрочем, этого нельзя было сказать о ее запахе: Ксетиана разрывалась между радостным возбуждением и недоверием. Я надеялся, что радует ее встреча со старой подругой, хотя, конечно, не мог быть в этом уверен. Мой нос сообщал мне о чувствах людей, а не о том, чем они вызваны.

Асорча держалась удивительно сдержанно, хотя мне было ясно, что движет ею во всем исключительно любовь к Ксетиане. Совсем иначе обстояло дело с секурией Шавелем: он терпеть не мог Блейз и не скрывал этого. Когда его взгляд скользнул по Деку, Райдеру и мне, я решил, что он вообще не симпатизирует людям и уж точно никому не доверяет. На Руарта он, конечно, никакого внимания не обратил, хотя дастелец находился при нас. Я заметил, как он уселся на светильник на стене, и поспешно отвел глаза.

И тут Шавель объявил о том, что Совет хранителей требует выдачи Блейз. Блейз была поражена; я ощутил исходящие от нее изумление и возмущение: она не ожидала, что Датрик дойдет до такого.

Пока Блейз пыталась освоиться с мыслью о том, что на нее объявлена охота по всем Райским островам, вперед выступил и заговорил Райдер — с вежливостью и почтением, но ничуть не поступаясь собственной значимостью, он представился как член Совета менодианских патриархов. Судя по реакции Блейз, она до сих пор ничего об этом не знала...

— Совет послал меня на помощь Блейз и Келу Гилфитеру из Вина в спасении Девы Замка, — сообщил он Ксетиане. — Дун-маг Гетелред, возможно, и в самом деле является наследником престола Дастел, однако при этом он обратил свой дар силва во зло и сделался злым колдуном. Он стремится осквернить и Деву Замка. Совет хранителей, к несчастью, ошибается по поводу того, что случилось, когда Блейз освободила Лиссал. С твоего разрешения, владычица, я расскажу тебе, как все было на самом деле. Это любопытная история. — Он улыбнулся Ксетиане со своим обычным обаянием.

«Клянусь морскими миражами, — подумал я, — да он же с ней флиртует!»

Ксетиана откинулась на троне.

— Прекрасно, — сказала она, — я всегда рада послушать интересный рассказ. Начинай, сир-патриарх.

Райдер говорил около часа, и все это время мы стояли на прежнем месте, стараясь не переминаться с ноги на ногу. Для Дека это оказалось почти невозможным, и в конце концов Блейз обманчиво небрежным жестом схватила его за загривок. События в изложении Райдера выглядели несколько иначе, чем мне было известно со слов Блейз; он опустил некоторые моменты — вроде того что Блейз похитила Флейм с корабля хранителей, предварительно оглушив Датрика. Я в рассказе Райдера оказался обладающим Взглядом — он не стал описывать особенности обоняния горцев. Не стал он говорить и о том, что, по нашим сведениям, Гетелреду на самом деле более ста лет и что он виновен в затоплении Дастел почти столетие назад. Гхемфы в рассказе не фигурировали вовсе, как и Руарт и его соплеменники-птицы.

Райдер в подробностях описал ужасы, творившиеся в Криде на косе Гортан, и нападение хранителей, при помощи пушек сровнявших с землей поселение дун-магов. Особенно прочувствованно говорил он о гибели Алайна Джентела, разорванного надвое пушечным ядром. Райдер сообщил Ксетиане, что Флейм оказалась заражена дун-магией, но что я, знаменитый врач с Мекате, надеюсь исцелить ее и вернуть прежние способности силва, если смогу начать лечение своевременно.

Закончил свой рассказ Райдер красочным описанием того, что ждет жителей архипелага Ксолкас — ближайших соседей Брета, — если женой властителя станет осквернённая дун-магией Лиссал: властителя, как только появится наследник, убьют, а потом вдова выйдет замуж за злого колдуна — Гетелреда. Как столь же опасную перспективу Райдер описал захват власти на Брете и Цирказе могущественной олигархией хранителей, располагающей таким устрашающим оружием, как пушки. Я вспомнил упоминание Блейз о торговой войне, развязанной хранителями против Ксолкаса — они захватили в свои руки всю торговлю гуано, — и подумал, что Райдер очень уме-

ло играет на вполне обоснованном страхе владычицы перед хранителями.

О небеса, как же он был умен! Ни разу не позволил он себе взглянуть на присутствующих в зале опытных царедворцев — Асорчу и Шавеля; все свое внимание он сосредоточил на Ксетиане. Его слова звучали так разумно, голос был полон такой несомненной честности, даже когда он несколько приукрашивал правду... В свой рассказ он вставлял вроде бы простодушные замечания о том, что, конечно, лишь столь проницательная слушательница, как владычица, поймет все значение сообщаемых им сведений. Он очаровывал и льстил, но так искусно и искренне, что поставить ему это в вину было невозможно. Райдер в самом деле казался восхищенным остротой ума Ксетианы. Ни разу не позволил он себе снисходительного тона в связи с ее полом, юностью и неопытностью. Ему каким-то образом удавалось дать понять, что он видит в ней одновременно и желанную женщину, и мудрую правительницу.

«Проклятие, — думал я, — а ведь действительно нет ничего такого, что он не делал бы превосходно!»

Закончив, Райдер склонил голову и отступил на шаг. Никто из нас не пошевелился.

Ксетиана подняла палец. Это явно был знак, обращенный к Шавелю, потому что секурия откашлялся и на шаг приблизился к трону.

— Владычица, — начал он, — у нас нет никакой возможности проверить правдивость этого рассказа. На нашем архипелаге в настоящий момент нет никого, кто обладал бы Взглядом. Единственное, что нам известно наверняка, — это что полукровка и в самом деле обладает таким даром, раз работала на Совет хранителей, что на косе Гортан была битва с дун-магами и что хранители в ней победили. Последние сообщения из Ступицы говорят о том, что главный злой колдун скрылся, захватив корабль — бригантину «Свобода хранителей», а вовсе не кеч «Любезный». Зовут колдуна Янко или Мортред, а не Гетелред. Нам ничего не известно о поселении дун-магов где-либо на Мекате. Правда, хранители действительно просили сообщать им о любой подозрительной активности и обещали свою помощь в искоренении дун-магии.

Шавель помолчал, чтобы слушатели хорошо усвоили сказанное, потом добавил:

— Этот человек, явившийся сюда, как будто обладает настоящими бумагами менодианского патриарха по имени Тор Райдер, но у нас нет доказательств, что это он и есть. Нет доказательств и того, что Дева Замка Лиссал — осквернённый силв. Никто из наших гостей с «Любезного» к магии не прибегал — по крайней мере нам об этом ничего не известно. Ведут они себя безупречно, и трудно себе представить, чтобы такой обаятельный человек, как сир-Гетелред, оказался злым колдуном. Он сам сообщил нам, что является силвом.

Ксетиана склонила голову к плечу.

— Разве не столь же трудно представить себе, чтобы такой обаятельный человек, как сир-Райдер, оказался лжецом?

Последовала пауза, потом Шавель поклонился.

— Как тебе угодно, владычица.

— Давай на минуту представим, что он и в самом деле лжет. Какие у него могут быть причины обманывать меня?

— Мне они неизвестны, владычица, хотя это и не означает, что их не существует. — Шавель указал на нас. — Между этими людьми и Девой Замка или сир-Гетелредом может существовать личная вражда или они желают посеять раздор между Бретом и Цирказе, с одной стороны, и Ксолкасом — с другой, чтобы нам пришлось еще сильнее зависеть от хранителей. Возможно даже, что за всеми их рассказами скрывается какой-то дьявольский план Совета хранителей: Блейз может все еще работать на них, хоть она такое и отрицает.

— Не слишком ли много «может быть», Шавель? Асорча, как ты думаешь?

— Сир-патриарх Ланком из миссии не сомневается ни в личности Райдера, ни в его полномочиях. И он говорит, что Райдер недавно стал членом высшего Совета Патриархии — факт, пока мало кому известный. Я хорошо помню Блейз еще по прежним временам. Она отчаянная, непочтительная и себе на уме, но в одном я уверена: дун-магию она ненавидит. Насколько мне известно, все обладающие Взглядом ненавидят ее. Если нам удастся доказать, что хоть один из гостей, которых мы приютили, — дун-маг, то, мне кажется, можно быть уверенными в правдивости рассказа патриарха.

— Хм... — Ксетиана снова взглянула на Шавеля. — Что ты можешь сообщить мне о людях Гетелреда?

— Среди них пять женщин — все силвы с островов Хранителей: так по крайней мере они говорят. Они постоянно находятся при Деве Замка. Остальные — мужчины, и они всегда сопровождают Гетелреда. Он называет их своей охраной и утверждает, что те из них, кто происходит с островов Хранителей, назначены ему в помощь Советом. Кроме того, если я правильно помню, в его свите есть калментец и человек с Разбросанных островов.

— Учитывая, что Гетелред утверждает, будто является наследником престола Дастел, странно, что при нем нет ни одного дастелца, — сказала Ксетиана. — Насколько мне известно, на южных островах довольно много поселений уцелевших островитян, и можно было бы ожидать, что они потянутся к человеку такой знатности и богатства, как Гетелред. — Ксетиана помолчала, нахмурив брови, потом распорядилась: — Шавель, выбери кого-нибудь из силвов-хранителей из свиты Гетелреда и скажи ему, что мы хотим оказать ему честь, назначив распорядителем завтрашнего состязания. Под каким-нибудь предлогом... ну, например, чтобы примерить праздничное одеяние, сделай так, чтобы он оказался безоружным и отдельно от остальных, и в этот момент пусть один из твоих воинов нападет на него с мечом. Если человек Гетелреда будет защищаться с помощью дун-магии, все станет ясно, не правда ли? Конечно, поблизости в засаде должен находиться лучник, чтобы экс-силв не смог предупредить Гетелреда.

Райдер первым из нас понял, что задумала Ксетиана. Кровь бросилась ему в лицо.

— Владычица, но ведь воин Шавеля погибнет!

— Если все так, как ты сказал, — погибнет. И это станет для меня лучшим доказательством правдивости твоих слов.

— Владычица, менодианская вера запрещает намеренно посылать человека на смерть.

— Я не принадлежу к твоим единоверцам, сир-патриарх, — бросила Ксетиана. — Мое семейство поклоняется богу ветров. И любой воин, который отдаст жизнь за царствующий дом Ксолкаса, после смерти займет почетное место в свите бога. Такая участь — благословение.

Я задохнулся от подобной надменности. Впрочем, для Ксетианы тут не было ничего особенного.

«Небеса, — подумал я, — жизнь недорого стоит для тех, кто думает, будто знает волю бога. Для правителя это должно быть чертовски удобно: иметь подобное оправдание, отправляя молодых людей в битву...»

Шавель тут же направился к выходу из зала. Блейз, Райдер и я обменялись взглядами.

После ухода секурии Ксетиана стала вести себя несколько свободнее.

— Блейз, скажи мне вот что: по твоим подсчетам, на Ксолкасе находится двадцать один дун-маг, если считать Деву Замка, а вас всего трое. Так как же ты рассчитываешь победить? Соотношение не в пользу даже такой воительницы, как Блейз Полукровка.

— На самом деле нас четверо, — ответила Блейз. — Дек обладает Взглядом и хорошо умеет орудовать ножом.

Ксетиана бросила на Дека пренебрежительный взгляд.

— Ах вот как... — Теперь она смотрела на меня. — А ты, лекарь... как там тебя звать?

— Гилфитер.

— Гилфитер, у тебя нет даже меча.

— Я не умею сражаться. И я не понимаю, почему твои воины не могут просто арестовать дун-магов? Почему бы просто не отделить от них Флейм, чтобы мы могли забрать ее с собой? — Наверное, мои слова прозвучали наивно. Я тогда еще не видел, какой ужасный урон может нанести дун-магия...

Ксетиана искренне удивилась. Взглянув на Блейз, она спросила:

— Где ты нашла этого чудака? Я думала, патриарх назвал его обладающим Взглядом.

Блейз вздохнула.

— Он не только неуязвим для дун-магии — он ее еще и не видит, а поэтому не вполне уверен в ее существовании.

Владычица начала смеяться.

— Нет, это просто здорово! Мальчишка, умеющий орудовать ножом, священнослужитель, не одобряющий убийств, лекарь, обладающий таким Взглядом, что не способен понять, что собой представляет дун-магия, и ты, Блейз Полукровка! — Ксетиана поднялась с трона, подошла и взяла меня за руку. — Ах ты бедняга... Дун-магов не арестовывают, их убивают. Ладно, пойдемте во внутренние покои, где мы сможем поудобнее

устроиться, пока ожидаем. Этот проклятый трон жесткий до ужаса. Асорча, распорядись, чтобы нам принесли угощение.

Оказавшись в небольшой уютной комнате и наконец усевшись в мягкое кресло, без бдительного надзора Асорчи и Шавеля, Ксетиана стала больше походить не на величественную царствующую особу, а просто на женщину, которой любопытно с нами поболтать. Наклонившись вперед, она устремила взгляд на меня.

— Скажи, ты и в самом деле такой наивный?

— Наверное. Я ведь происхожу с Крыши Мекате. Мы там не сталкиваемся с дун-магией... да и с силвами тоже. По правде сказать, мы вообще редко видим чужаков. Я — пастух и врач, а не воин.

— Тогда позволь мне рассказать тебе, что случается, когда тебе противостоит дун-маг. Обычный человек ничего не может с ним сделать, если только не захватит врасплох или не застрелит издали. Если один из моих воинов нападет на злого колдуна с мечом, он получит заряд дун-магии в живот и сгорит изнутри. Такова, конечно, быстрая смерть. Дун-маги обычно предпочитают более медленную и мучительную — вызванные их заклятиями язвы заставляют человека страдать несколько дней. И еще: дун-маг может убить десять, двадцать, тридцать человек, прежде чем его сила иссякнет и ему потребуется отдых.

Теперь предположим, что нам удалось оглушить дун-мага и бросить его в темницу; как ты думаешь, много ли времени пройдет, прежде чем он выжжет дыру в стене и освободится? Обычно, конечно, мы и не подозреваем, что человек — злой колдун, потому что на Ксолкасе не рождаются ни обладающие Взглядом, ни силвы.

Я помню тот случай много лет назад, который привел к нам Блейз. У нас начались грабежи, насилия, убийства. Если кто-то оказывался свидетелем преступлений, дун-магия убивала его тоже. Злой колдун расправился с моей подругой. Я видела тело, я видела, что он сделал с ней, прежде чем вырвал ее сердце. Первым делом он сжег ее горло, чтобы она не могла кричать, пока он ее мучил. Раньше у нас подобного не случалось: мы недостаточно богаты, чтобы привлекать дун-магов, а среди жителей Ксолкаса они, похоже, не рождаются.

Мы отправили корабль в Ступицу с просьбой о помощи, и через некоторое время хранители прислали Блейз. Пока мы ее ждали, погибли еще сто два человека, а мы все еще не знали, кто виновник. Блейз выследила его за несколько часов и убила. Злой колдун оказался всего лишь восемнадцатилетним мальчишкой, к тому же не слишком умным; он пытался в одиночку захватить власть над каким-нибудь островом.

Я почувствовал озноб. Ксетиана говорила о таких ужасах, которых я и вообразить себе не мог. Трудно было поверить, что один человек оказался способен убить столько народу и что когда-то Блейз по поручению хранителей занималась истреблением подобных чудовищ. Я только плотнее запахнул свой тагард.

Ксетиана откинулась в кресле, глядя, как слуги расставляют на низких каменных столах подносы с угощением. Некоторое время разговор касался обычных тем: «Непременно попробуйте паштет — это фирменное блюдо дворцового повара...» Потом Ксетиана, Блейз и Райдер углубились в долгое обсуждение растущего влияния хранителей и мер, которые Ксетиана как владычица Ксолкаса могла или не могла предпринять, чтобы его ограничить.

Наконец владычица вернулась к теме дун-магии.

— Так вот, — сказала она, — я повторяю: если ты, Блейз, говоришь правду, как ты собираешься разделаться с двумя десятками дун-магов, возглавляемых к тому же таким могущественным злым колдуном? Особенно если учесть, что экссилвов не отгонишь от Гетелреда и Лиссал, как мух от дохлых рыбин?

— Может быть, Гилфитер мог бы их всех отравить.

Я выронил чашку, и она покатилась по столу, расплескивая питье. Судя по ощущениям, мое сердце провалилось куда-то в район желудка.

К моему изумлению, Райдер, похоже, счел такую идею удачной.

— Большая доза снотворного... Разве есть смерть лучше, чем уснуть и не проснуться? Впрочем, достаточно просто усыпить их, а потом мы с Блейз перебьем их во сне.

У Дека отвалилась челюсть.

— Это... это же... неблагородно!

Блейз с трудом сдержала вздох.

— Убийство никогда не бывает благородным делом, — напомнила она мальчишке.

Я поспешно вмешался, пока собеседники не увлеклись подобными планами.

— Тут и обсуждать нечего. Я ничего не знаю о ядах, а снотворного снадобья у меня недостаточно, даже если бы мы придумали, как его им дать. — Как будто я смог бы заставить себя убить кого-то, используя свои медицинские познания!

Блейз бросила на Райдера быстрый взгляд, потом снова перевела глаза на Ксетиану.

— Значит, нам придется придумать какой-то способ разделить их и убить как можно больше стрелами прежде, чем они поймут, что на них напали... и хорошо бы, чтобы первыми нанесли удар твои гвардейцы, владычица. Потом мы — Райдер, Гилфитер, Дек и я — займемся остальными.

Откуда-то от двери раздался голос:

— С этим есть одна сложность, сир-Блейз. Из-за постоянно ветреной погоды мы тут не слишком часто пользуемся луками и стрелами. Даже арбалеты не дают надежного результата. Если же мы решим организовать внезапное нападение внутри здания... — Перед нами стоял мрачный Шавель. — Это будет трудно: комнаты во дворце невелики. Нам никак не удастся напасть на них всех разом. — Он пересек комнату и поклонился Ксетиане. — Мой воин умер на месте, владычица. Удар дун-магии отшвырнул его через всю комнату, и в груди была прожжена дыра, в которую вошел бы кулак.

— А экс-силв?

— Болт арбалета пронзил его сердце прежде, чем он понял, что происходит. От тела мы избавились.

Ксетиана мрачно кивнула.

— Выходит, ты была права, Блейз. Среди нас появились дун-маги. — Она сердито барабанила пальцами по подлокотнику кресла, словно виня нас в этом нашествии. — Так как нам отделить этих... чудовищ друг от друга?

— Нельзя захватить с собой меч, если ты участвуешь в заплыве, — медленно проговорила Блейз. — И те, кто соревнуется и стремится к победе, не будут держаться группой. Почему бы не предложить твоим гостям такое развлечение?

Мое сердце провалилось еще глубже. Я не знал, что представляет собой традиционное состязание на Ксолкасе, но не сомневался: удовольствия мне оно не доставит.

Глава 29
Рассказчик — Келвин

Ксетиана разместила нас в своих личных покоях, чтобы на нас не могла наткнуться Флейм или кто-либо из дун-магов. Они помещались в апартаментах для гостей, имевших отдельный выход. Нас с Деком поселили по соседству с Блейз, а рядом в коридоре находился охраняемый несколькими стражами вход в комнаты владычицы. Такого помещения, как отведенное нам с Деком, я никогда не видел. Весь дворец, может быть, и был выстроен из камня, но голого камня в нашей комнате увидеть было невозможно: стены оказались увешаны шерстяными гобеленами, а пол покрыт толстым ковром.

— Из чего это сделано? — спросил Дек, зарываясь ногами в густой ворс.

— Из овечьей шерсти, — ответил я. Я знал об этом благодаря рассказам Гэрровина о его странствиях. Я даже знал, как овцы выглядят: в книгах встречались гравюры с их изображениями. — На острове, где находится столица, ничего, кроме городских строений, может быть, и нет, но остальные острова заняты сельскохозяйственными угодьями, и там разводят овец. Это такие животные, немного похожие на коз.

— Когда дело касается нужных вещей, так ты ничего не знаешь, — пренебрежительно фыркнул Дек. — Зато о разных диковинах чего только от тебя не услышишь! Как так получается: ведь ты не бывал во всяких интересных местах, как сир-патриарх и Блейз?

Поскольку к нужным вещам Дек относил главным образом умение сражаться на мечах, стрелять из лука или уложить противника голыми руками, я не очень огорчился его оценкой и просто ответил:

— Я умею слушать и много читаю.

— Я не очень хорошо умею читать, — признался Дек, — да и писать тоже. Мама пыталась меня научить... она писала бук-

вы на полу куском угля, пока папаша не побил ее за это. Тогда она стала писать для меня буквы мокрым пальцем, когда он не видел. Только вот читать нам было нечего.

— Тогда тебе надо учиться, мой мальчик. Я буду рад тебе помочь, и Райдер, мне кажется, тоже, если у нас найдется тихий уголок и свободное время.

— А завтра что будет? — спросил Дек. — Я не очень понял, о чем они все говорили.

Я только беспомощно покачал головой. Я прекрасно понимал его чувства. Ксетиана, Блейз, Райдер и Шавель долго рассматривали карты и планы и спорили. Ксетиана, подозрительность которой уступила место энтузиазму, активно включилась в обсуждение предстоящего избиения дун-магов. Ее единственным условием было то, что обычные участники состязания не должны пострадать. Меня ее озабоченность удивила, учитывая то безразличие, с каким она обрекла на смерть несчастного воина только ради того, чтобы удостовериться, что Гетелред и его спутники — дун-маги.

Остальная часть дня прошла в мало мне понятной суете. Я не только почти ничего не знал об архипелаге Ксолкас и традиционном состязании пловцов, но и смутно представлял себе, какой вред дун-магия может причинить людям, не обладающим к ней иммунитетом; воспользоваться луком или арбалетом я не смог бы, даже если бы от этого зависела моя жизнь. От Дека было ненамного больше пользы, так что в конце концов мы удалились в свою роскошную комнату и решили принять ванну.

Для Дека это оказалось в новинку, поскольку единственный знакомый ему до сих пор вид мытья заключался в обязательном обливании водой каждое утро в казармах стражи Лекенбрейга и в сходном омовении в гостинице Амкабрейга. Благовонная горячая вода, мягкие полотенца, душистое мыло удивили его и вызвали сначала сильное подозрение... под конец, правда, мне с трудом удалось выудить его из ванны.

Владычица распорядилась, чтобы наши вещи были доставлены во дворец с корабля, и я предложил Деку надеть чистую ночную рубашку. После этого он прикончил миску орехов, приготовленную для нас, и поданную слугой тарелку жареной баранины. Нам не оставалось ничего другого, как ждать Блейз и Райдера, которые должны были сообщить нам о принятых

решениях, и Дек начал зевать. Не прошло и десяти минут, как мальчишка крепко уснул.

Много позднее, уже около полуночи, раздался стук в дверь. Это была Блейз.

— Могу я войти? — спросила она.

Я открыл дверь и впустил ее. Блейз взглянула на Дека и ухмыльнулась.

— Ах, день сегодня был длинный. Пожалуй, нам лучше пойти в мою комнату: я хочу с тобой поговорить, рассказать, что мы решили.

— Хорошо, — согласился я. — Только позволь мне надеть тагард: стало прохладно. — Я достал из сумки чистый тагард и завернулся в него.

— Замечательно, — сказала Блейз. — Тебе никто не говорил, до чего привлекательна такая одежда? Особенно то, как вы, горцы, ее носите.

— Я в этом не разбираюсь, — ответил я. — Впрочем, Джастрия всегда прилагала много усилий, чтобы заставить меня раздеться.

Блейз рассмеялась, но ее смех резко оборвался, как только она вышла в коридор. Причину нетрудно было понять. Перед дверью покоев Ксетианы спиной к нам стоял Райдер; один из стражей, должно быть, только что постучался, потому что владычица, одетая в нечто прозрачное и соблазнительное, распахнула дверь, протянула руку и втащила Райдера внутрь. Стражи с бесстрастными лицами снова заняли свой пост. Ни Ксетиана, ни Райдер нас с Блейз не заметили.

Блейз, не говоря ни слова, отвела меня в свою комнату. Как только дверь за нами закрылась, она бросила:

— Не смей жалеть меня, Гилфитер!

— Мне такое и в голову не пришло бы, — спокойно ответил я.

— Между мной и Тором все кончено. Мы оба знаем, что не ужились бы вместе. И он имеет полное право искать другого общества.

— Конечно, — согласился я.

— Это для него нелегко и случается нечасто — ведь он патриарх и не женат, а следовательно, должен блюсти обет целомудрия.

— Да, что ж тут поделаешь.

— К тому же нельзя безнаказанно сказать «нет» владычице.

— Это точно.

Блейз сердито прорычала:

— Ах, да заткнись ты, безмозглый пастух! — и с удивительной силой запустила в меня подушкой. Тут же выскочивший из-за ее постели Следопыт счел, что должен тоже поприветствовать меня, и с энтузиазмом принялся молотить хвостом.

— Небеса, откуда он взялся? — спросил я, радуясь возможности переменить тему разговора.

— О, я замолвила за него словечко. Я заверила Ксетиану, что гоняться за птицами он не будет. Садись, Кел, и я расскажу тебе, что должно произойти завтра... и что предстоит сделать тебе.

Я уселся, но мое сердце все еще болело за Блейз.

Состязание между островами, как сообщила мне Блейз, был ежегодным празднеством, и каждый остров архипелага присылал на него своих лучших пловцов и скалолазов. Маршрут пролегал через девять или десять центральных островов архипелага, и все острова следовало пересечь в определенном порядке, поднявшись на вершину. Несколько распорядителей следили за тем, чтобы правила выполнялись в точности. Часть островов была соединена друг с другом висящими высоко над водой мостами, другие — нет, и добраться до них удавалось только вплавь: не разрешалось пользоваться ни лодками, ни морскими пони. Спуститься к океану можно было по тропе или по опутывающим скалы веревкам, натянутым сборщиками гуано. Если вы обладали достаточным умением, то, проделав часть спуска по веревкам, могли нырнуть в воду. Если вы неправильно определяли высоту, то, ударившись о воду, теряли сознание и имели шанс утонуть; ошибившись с выбором места прыжка, можно было разбиться о скалы, во множестве окружавшие острова.

Для посредственного пловца вроде меня подобное предприятие было бы самоубийством, и я так и сказал Блейз, пока мы с ней сидели за поздним ужином, поданным слугой по ее распоряжению.

— Никто и не предлагает тебе участвовать, — ответила Блейз с усмешкой. — Я прекрасно понимаю, что житель

Крыши Мекате плавает обычно не лучше лишившегося хвоста омара.

— Именно, — подтвердил я. Реки на Небесной равнине редко бывали глубже, чем по колено, и вода в них почти всегда оставалась холодной.

Блейз мелом нарисовала для меня карту Ксолкаса на грифельной доске (удивительно, чего только не было в покоях Ксетианы!).

— Вот смотри: сначала нужно проплыть от острова, на котором находится столица, до другого — он называется Клюв. За это время участники состязания уже растянутся по маршруту. Потом им предстоит по висячему мосту перебраться на Зуб, оттуда — на Клык. Повсюду, конечно, будут расставлены наблюдатели, чтобы никто не вздумал жульничать. После того как ты пересечешь Клык, нужно доплыть до Клешни, взобраться наверх, спуститься до базальтовых скал, именуемых Перчинки, перепрыгнуть с одной на другую — их всего десять, — вернуться на Клешню, доплыть оттуда до Когтя...

— Ты просто сумасшедшая, — сказал я.

— Я? Почему?

— Потому что ты однажды это проделала.

Блейз пожала плечами.

— Сказать по правде, я редко получала такое удовольствие. Единственное, что меня огорчило, — это что я оказалась пятнадцатой и не выиграла никакого приза. Теперь слушай меня внимательно. Ксетиана уже сказала Мортреду-Гетелреду и Флейм, что она ожидает участия в соревновании всех их приближенных, и подсластила пилюлю, пообещав большую награду тому из них, кто опередит остальных.

— Ей не придется раскошеливаться, если все они погибнут. Только с какой стати Мортреду соглашаться на такой план? Он же должен понимать, что и он сам, и Флейм на большую часть дня останутся без охраны.

— Но едва ли он встревожится: ему здесь ничего не грозит.

— Может быть, и нет. Только стоит появиться хоть одному обладающему Взглядом, и он окажется в опасности.

— Ксетиана может быть очень настойчивой. — Блейз с вызовом посмотрела на меня. Когда я ничего не сказал, она

продолжала: — Она сумела задеть его гордость. Она сначала предложила людям Мортреда участвовать, потом сделала вид, будто передумала из-за того, что беспокоится за них; к тому же, сказала она, все равно никто из них не сможет справиться с таким трудным делом. Когда Мортред стал возражать, Ксетиана предложила ему пари, от которого он не смог отказаться. — Блейз усмехнулась. — Потом Ксетиана подробно все мне рассказала. Поверь, она мастерски закинула наживку.

— Какое же пари она предложила?

— Если кто-нибудь из людей Мортреда закончит состязание в первой двадцатке, первенец Гетелреда сможет жениться на дочери Ксетианы.

— И он этому поверил?!

Блейз кивнула.

— И он не заподозрил, что Ксетиана может приказать убить любого из его экс-силвов, если тот окажется близок к победе?

— По-видимому, нет. Не забывай: считается, что Ксетиана верит тому, будто Гетелред — наследник царствующего дома Дастел. Он ведь прибыл сюда в великолепных шелках, увешанный драгоценностями и в обществе Девы Замка. К тому же Ксетиане он преподнес великолепные подарки — за последние годы, когда сила стала возвращаться к нему, он со своими приспешниками успел много награбить. Мортред достаточно высокомерен, чтобы полагать, будто может купить благосклонность владычицы Ксолкаса: архипелаг ведь не играет особой роли в делах Райских островов — он слишком мал и беден. В этом Мортред оказался прав: Ксетиана действительно была польщена. Он вполне может допустить, что она захотела бы заключить союз с другим островным государством, пусть и погрузившимся в морскую пучину, благодаря браку: она достаточно безжалостна, чтобы не задумываясь разорвать свою помолвку со своим теперешним женихом.

— А как насчет закона, запрещающего браки между жителями разных островов?

— В этом-то и заключается вся прелесть ситуации: официально Дастелы больше не существуют. О, их выжившие жители-люди все еще носят говорящую о гражданстве татуировку, но на них островные законы не распространяются. Большинство дастелцев поселилось на Разбросанных островах, но они вправе жить где угодно, жениться на ком угодно и давать сво-

им детям гражданство. Такое решение приняли правители всех островных государств, когда Дастелы погрузились в море. Это был жест милосердия в отношении пострадавших.

— У Мортреда на мочке татуировка есть?

— Нет, мочка у него отрезана. Он сказал Ксетиане, что сделал это сам еще мальчишкой в знак протеста против убийства последним монархом Дастел его семьи. Может быть, так и было. Ладно, давай вернемся к тому, что ожидает нас завтра. Две женщины из бывших силвов не смогут участвовать в состязании, потому что плохо умеют плавать. Весьма вероятно, что они останутся на «Любезном», чтобы присматривать за рабами. С ними мы разделаемся позже. Ни сам Мортред, ни Флейм участия в соревновании, конечно, не примут; они будут находиться в обществе Ксетианы и ее жениха Этрада, пока состязание не закончится. Один из дун-магов благодаря Шавелю и его воинам уже мертв.

Каждый из остающихся шестнадцати получит красный пояс, чтобы их можно было отличить от других участников. Воины Ксетианы разместятся вдоль всего маршрута под видом распорядителей. Другие гвардейцы примут участие в состязании. Мортред этого не знает, но Ксетиана резко сократила число обычных пловцов. Она могла так сделать, потому что состязание посвящено ее помолвке, а не является традиционным ежегодным празднеством. Она хочет уменьшить риск того, что пострадают невинные.

Ее воины должны во время состязания уничтожить как можно больше дун-магов, хотя и могут нападать только на тех, кто окажется в одиночестве. Если какой-нибудь злой колдун узнает о нападении на своего сообщника, начнется массовое побоище, и поверь, увидеть такое никто не хотел бы.

Блейз поднялась и стала ходить из угла в угол. Я уже научился узнавать эту ее манеру: обдумывая свои действия, она не могла сидеть спокойно.

— Мы с Тором займем позицию на острове, который называется Коготь. Если удастся, мы разделаемся с теми дун-магами, которые еще останутся в живых, когда туда доберутся: дальнейшую часть маршрута уже могут видеть зрители, расположившиеся на крышах Барбикана, — расстояния между последними островами невелики. Среди зрителей должен быть и Мортред, а вызывать у него подозрения ни к чему.

— Почему бы не разделаться сначала с ним, а уже потом взяться за остальных?

Блейз печально усмехнулась.

— Мы можем не справиться с ним. Мортред силен, Кел... сильнее, чем мы рассчитывали. И нас с Тором он знает в лицо. Мы не сможем незаметно к нему подобраться. Поэтому нужно уничтожить как можно больше осквернённых им силвов: тогда мы добьемся хоть чего-то, прежде чем погибнем. — Она сказала это так небрежно, что было трудно поверить, что говорит она о собственной возможной смерти — и своей, и Райдера.

— А нет ли надежды, что с ним справятся воины Ксетианы? — спросил я. — При помощи стрел?

— Такое возможно, но рискованно. Он ни на минуту не расстается с бывшими хранителями и своими дун-магами, так что лучникам окружить его до начала состязания не удастся. И представь себе, что начнется, если хоть один экс-силв из его свиты избегнет смерти. Я знаю, Гилфитер, что ты так полностью и не поверил в могущество дун-магии, но, пожалуйста, прими мои слова всерьез. Колдун такой силы, как Мортред, за секунду может уничтожить этот дворец и всех, кто в нем находится. Даже его подручные достаточно опасны и могут убить тех, кто окажется с ними рядом. Нас они тоже могут уничтожить, знаешь ли... например, обрушив на нас стену.

Лучший шанс мы получим во время состязания, когда никого из приспешников Мортреда рядом не будет. Проблема заключается вот в чем: мы не можем быть уверены в поведении Флейм — как бы она не использовала свою силу против нас, если мы нападем на Мортреда. Значит, нам нужно будет как-то их разделить. Еще одна проблема — Мортред все время будет рядом с Ксетианой или ее женихом Этрадом, а ведь ему потребуется лишь несколько секунд — секунд! — прежде чем он умрет, чтобы убить всех вокруг. Ты ведь врач, ты знаешь, что, даже получив арбалетный болт в сердце, человек еще какое-то время живет. Смерть Мортреда должна быть мгновенной, и Ксетиане в этот момент не следует находиться рядом. Мы все еще спорим с владычицей, как нам этого добиться. Терять жениха она тоже не хочет, так что нам нужно проделать все так, чтобы никто, кроме Мортреда, не погиб.

— Так какая роль отводится нам с Деком?

— Коготь связан с Барбиканом мостом. Я хочу, чтобы Дек стерег мост на случай, если кто-нибудь из дун-магов под ка-

ким-нибудь предлогом решит возвратиться к Мортреду. Задача Дека — обеспечить, чтобы ему это не удалось.

— Ты поручаешь мальчишке убить? И более того — убить взрослого человека, дьявольски опасного?

Блейз посмотрела мне в глаза.

— Дек обладает Взглядом. Такова его работа. К тому же мы не думаем, что кто-нибудь из дун-магов доберется до моста живым. А если такое все-таки случится, Дек подвергнется меньшей опасности, чем те воины, что будут охранять мост с ним вместе. Их дун-магия может убить, а Деку не придется опасаться удара мечом — плыть с оружием, которое тянуло бы вниз, невозможно. Я не собираюсь поручать ему открыто напасть на взрослого противника — я уже давно убеждаю его в том, что нет ничего неблагородного в ловушке для дун-мага...

Блейз, должно быть, поняла, какое отвращение я испытываю, потому что предложила:

— Если сомневаешься, Гилфитер, поговори с Руартом, как это сегодня сделала я. — Блейз перестала расхаживать по комнате и остановилась передо мной, уперев руки в бедра. Она умела внушать робость, когда хотела. — Ты хочешь услышать его рассказ? Может быть, так будет лучше, как бы больно тебе ни стало... Тогда ты поймешь, что нам противостоит. Руарт очень ясно мне все описал... Флейм борется против осквернения. Настоящая Флейм никуда не делась, она замурована внутри собственного тела, и изредка... изредка боль и мольба о помощи отражаются в ее глазах. До сих пор та часть Флейм, что остается силвом, не дает ей выдать Руарта Мортреду, но как долго это продлится? Флейм больше не разговаривает с Руартом, она старается на него не смотреть. Руарт, когда ему это удается, напоминает ей о своей любви... и она отгоняет его прочь.

Мортред каждую ночь соблазняет ее. Сначала Флейм боролась, но дун-магия в ней становится все сильнее, и теперь она наслаждается объятиями злого колдуна, даже когда он намеренно причиняет ей боль. А потом, чтобы унизить ее еще сильнее, он отдает ее кому-нибудь из своих приспешников — на глазах у других. Они каждую ночь придумывают новые способы насилия, соревнуются в том, кто придумает самую низкую гнусность. А если Флейм сопротивляется, знаешь, что они делают... по крайней мере делали, пока плыли на корабле? Они притаскивали кого-нибудь из рабов и заставляли Флейм пы-

тать беднягу. Ох, она не очень противилась... понимаешь, ей это уже стало доставлять удовольствие. Не знаю только, понравилось ли ей, когда ее заставили взрезать...

Я вскочил на ноги и зажал уши руками, чтобы отгородиться от этого кошмара.

— Прекрати! — закричал я на Блейз. — Прекрати! Прекрати! Как ты смеешь говорить подобные вещи о Флейм! — И тут я замер, ошалело глядя на Блейз. — Ох, Сотворение!

Блейз смотрела на меня, и в глазах ее блестели непролитые слезы. Я обнял ее, и так мы и стояли, пытаясь утешить друг друга. Я оплакивал Флейм, Руарта, Блейз... Я оплакивал себя и полный конец собственной невинности.

Наконец, после того как мы обсудили мое участие в будущих событиях, я ушел от Блейз. Меня ничуть не удивило, какую роль мне отвели: собственно, другого применения моему обонянию и нельзя было придумать. Я должен был следить за Мортредом и предупредить остальных, если у него вдруг возникнут подозрения... Весь завтрашний день мне предстояло изображать почетного члена свиты владычицы. Если бы Мортред вознамерился использовать свою злую силу против Ксетианы или ее островов, если бы я учуял что-то пугающее, я должен был поднять тревогу.

На словах все казалось простым. Конечно, на самом деле это было не так: Флейм ведь знала меня в лицо... И оставалась главная проблема: как убить человека за секунду или две.

От агента по особым поручениям
Ш. айсо Фаболда,
Департамент разведки,
Федеральное министерство торговли, Келлс,
Достопочтенному М. айсо Кипсуону,
Президенту национального общества
научных, антропологических и этнографических
исследований не-келлских народов

12/1 месяца Одной Луны, 1793

Дорогой дядюшка!

Вот и наступил новый год, и какой же для меня многообещающий! Я с трудом верю в то, что меньше чем через

два месяца наш старый «Морской ветерок» снова выйдет в море во главе целого флота из пяти кораблей, и я буду на борту! Намеченная дата отплытия — 20 Первого месяца Двух Лун.

Я был рад узнать, что мои истории Райских островов по-прежнему нравятся Вам и тетушке Росрис. Я прекрасно понимаю, почему Вы предпочитаете пересказывать их ей, не позволяя читать самостоятельно. Стилю Блейз совершенно не свойственны приличествующие женщине благопристойные выражения, и мне тоже не захотелось бы оскорблять ушки леди ее грубой откровенностью. Не хотелось бы мне также позволять благовоспитанной даме знакомиться с прискорбной безнравственностью островитянки. Только вчера мы с Аниарой долго спорили на эту тему. Она утверждает, что некоторые келлские обычаи граничат с лицемерием, но я полагаю, что женственная скромность никогда не может оказаться не к месту. Нам следует защищать наших дам от знакомства с худшими сторонами современного мира; они не обладают достаточной силой, да и моральной стойкостью, чтобы выстоять перед всем тем, с чем приходится сталкиваться мужчинам. Не сомневаюсь, что на Аниару произвели впечатление мои веские аргументы, поскольку больше спорить со мной она не стала.

Ах, женщины! До чего же они впечатлительны! Аниара считает, что Блейз и Гилфитер говорят правду и что Райские острова в прошлом и в самом деле были полны странных существ и злых колдунов... Никакие мои доводы не убеждают ее в том, что мы имеем дело с культурой, отягощенной суевериями, когда все, что не находит объяснения, относится за счет магии. Я уверен, что как только островитяне познакомились с первыми келлскими купцами — воистину новыми и странными для них существами, — они отказались от представлений о сказочных персонажах вроде гхемфов. Они выкинули их из своего фольклора точно так же, как и силв- и дун-магов, и перестали тратить силы на глупости вроде установления гражданства, объединившись и сосредоточившись на вызовах, которые бросает им новый мир. Поверьте мне: прибытие келлсцев действительно открыло им новый мир.

Я очень благодарен за Ваше приглашение поохотиться в Вашем Эмморлендском поместье. У меня сохранились чудес-

ные воспоминания об охоте на оленей, и я сделаю все от меня зависящее, чтобы сбежать на недельку из города и присоединиться к Вам.

Ваш любящий племянник
Шор айсо Фаболд

Глава 30
Рассказчик — Келвин

Большую часть следующего дня я чувствовал себя совершенно больным: не знаю, то ли от соседства злого колдуна, то ли просто потому, что был перепуган до полусмерти.

Думаю, все-таки скорее причина была в страхе. Я не столько боялся умереть, сколько дрожал перед возможной необходимостью принимать решение, которое означало бы жизнь или смерть для тех, кто меня окружал. Если бы я неправильно понял то, что сообщал мне мой нос, я мог даже обречь на гибель владычицу Ксолкаса. А ошибку сделать было легко: от Мортреда так сильно воняло дун-магией, что этот смрад заглушал все более тонкие запахи.

Я сделал все, что только мог придумать, чтобы свести к минимуму шанс привлечь к себе внимание. Я снова выкрасил волосы и сбрил бороду, я даже облачился в мундир и широкополую шляпу, положенные личной охране Ксетианы. По совету Блейз, чтобы скрыть веснушки, я напудрил лицо — так сильно, что потом все время опасался, прикоснувшись к щеке, оставлять повсюду белые отпечатки пальцев. Я порадовался тому, что обычай запрещал кому-либо, кроме секурии и командира гвардии, в присутствии владычицы носить оружие. Я не знал бы, что делать с мечом, и скорее всего опозорился бы, споткнувшись о него и растянувшись на полу. Впрочем, дирк в голенище сапога я спрятал — о чем знали секурия, командир гвардейцев и сама Ксетиана.

Заняв свое место позади кресла Ксетианы за завтраком, на котором присутствовали Мортред и Флейм, я постарался не-

заметно рассмотреть цирказеанку. Она не глядела в мою сторону, и я сомневаюсь, чтобы она вообще замечала мое присутствие. Я, в конце концов, был просто одним из нескольких гвардейцев в мундирах, но дело, как мне казалось, заключалось не только в этом. Флейм выглядела рассеянной, ушедшей в себя. Она отвечала, когда к ней обращались, вежливо и разумно, но сама ни с кем не заговаривала. Выражение ее лица было одновременно загнанным и равнодушным. Она напоминала мне тех моих пациентов, кто только что пережил невосполнимую потерю — например, гибель единственного ребенка. Великие небеса, гадал я, сможет ли она когда-нибудь поправиться, забыть все, что с ней сделали?

Мне хотелось как-нибудь привлечь ее внимание — может быть, что-нибудь разбить, — просто чтобы заставить ее взглянуть на меня и узнать. Мне хотелось безмолвно сказать ей, что она не одинока... Я подавил этот порыв — было бы слишком глупо идти на подобный риск.

Я чуял исходящий от Флейм запах дун-магии, поразившей ее, как гангрена. Другие экс-силвы все пахли одинаково; Флейм отличалась от них. Ее запах был неоднородным... и в нем было что-то еще. Я попытался определить, в чем особенность, и наконец понял: смрад, исходивший от остальных, напоминал зловоние, источаемое Мортредом, а запах Флейм был иным. Да, он был мерзким и тошнотворным, в нем была неправильность... и все же от запаха Мортреда он отличался. Я попытался понять, в чем тут дело, но особого успеха не достиг. И Блейз, и Райдер по-прежнему твердили, что в отношении осквернения Флейм имело место что-то странное, что теперешнее ее состояние не могло быть возвратом к тому, что произошло на косе Гортан, но разгадать эту загадку нам так и не удавалось. Может быть, думал я, нам это и никогда не удастся.

Благоухание силв-магии тоже сохранялось в Флейм, что я счел хорошим знаком. Какая-то часть Флейм еще сопротивлялась. Добро в ней уступало позиции, но не прекращало попыток отстоять себя. Вспоминая о том, что Блейз рассказала мне накануне ночью, я мог только поражаться мужеству Флейм, ее несгибаемой решимости сохранить свою целостность. Должно быть, она понимала, что шанса остаться силвом у нее нет, но все равно не желала сдаваться.

Мне было трудно сдерживать ярость при взгляде на Мортреда-Гетелреда. Этот негодяй мог спокойно сидеть рядом с женщиной, еженощно подвергаемой им насилию, и очаровывать своими любезными фразами и улыбками дам Ксетианы... Он рассыпался в комплиментах владычице, в то время как посеянная им скверна росла в Флейм, превращая ее в гнусную тварь, быть которой она не желала. Осквернение дун-магией — дьявольская форма убийства... самая жуткая, потому что жертва остается в живых и постоянно помнит о смерти своей истинной сущности.

Когда рано утром Блейз и Райдер пришли ко мне, чтобы посвятить в окончательные планы и уточнить, какова должна быть моя роль, я не протестовал. После рассказанного Блейз я так страстно желал смерти Мортреда, что всякие сомнения покинули меня. По правде сказать, меня так потрясли страдания Флейм, что я чувствовал: если бы мне подвернулась возможность, я голыми руками сломал бы злому колдуну шею.

Никто, впрочем, не мог бы представить себе Гилфитера — врача с Небесной равнины — в качестве мстительного рока, готового обрушиться на Мортреда. Если бы все шло так, как было намечено, моя роль оказалась бы второстепенной. По крайней мере мы все на это надеялись. Я нервно вертел в руках единственный предмет, который был вправе носить открыто, — подзорную трубу Ксетианы, тяжелую медную трубу длиной чуть ли не в мою руку, завернутую в мягкую замшу. Владычица сама предложила ее в качестве возможного оружия после того, как я упомянул, что единственный способ не дать злому колдуну обрушить на окружающих дун-магию — оглушить его, а потом убить. Теперь же, сжимая в руках трубу, я боялся, что уроню ее или сделаю еще какой-то неуклюжий жест.

Сразу же после завтрака к царственным персонам присоединились несколько наиболее знатных островитян, включая жениха Ксетианы Этрада, и все вышли на балкон, откуда открывался вид на дворцовую площадь. Я вместе с другими гвардейцами последовал за ними. Секурия Шавель вопросительно посмотрел на меня, но я покачал головой. В Мортреде не чувствовалось ни малейшего беспокойства. Насколько я мог судить, от дун-мага исходил только сильный запах самодоволь-

ства и триумфа. После многих лет, когда, искалеченный и бессильный, он жил в нищете и безвестности, Мортред теперь наслаждался всем, что давало ему положение знатного красавца, — любезностью Ксетианы, игривыми взглядами придворных дам, почтением и тонкой лестью. Мне с трудом удалось сдержать желание убить его на месте.

Первые участницы состязания — женщины — толпились на площади под балконом. Экс-силвы выделялись красными поясами, остальные были одеты просто и удобно: в штаны до колен и облегающие блузы с длинным рукавом. Я ощутил сексуальное возбуждение Мортреда, которого, впрочем, больше никто не испытывал: жители Ксолкаса привыкли видеть, как плавают женщины, и такой наряд ни для кого не был нов.

Чтобы оказать ему честь, Ксетиана предложила Гетелреду дать старт состязанию — ударить в огромный медный гонг, висящий на деревянной подставке. Толпа внизу замерла, когда Гетелред подошел к нему, держа в руке колотушку. С третьим ударом раздались приветственные крики, и женщины-участницы устремились по улице к спуску к морю.

Ксетиана с улыбкой повернулась к Гетелреду.

— Благородный господин, — сказала она, — по традиции мы теперь переходим на крышу, откуда виден спуск к морю. — Она протянула ему руку. — Не будешь ли ты так любезен, чтобы помочь мне туда подняться? — Она склонила голову к плечу и бросила из-под ресниц игривый взгляд.

«Небеса, — подумал я, следуя за ними в двух шагах позади, — ну и мужеством обладает владычица!»

Потребовалось примерно двадцать минут, чтобы добраться до места, откуда открывался вид на бухту и утесы на ее противоположном берегу. Здесь, на крыше дворца, была устроена ложа с мягкими креслами для самых почетных гостей, обнесенная перилами, чтобы никто не мог свалиться вниз. Участницы состязания уже спускались по скалам к воде; среди них было легко различить — благодаря красным поясам — трех приспешниц Мортреда.

— Ах, — с удовлетворением сказала Ксетиана, — твои силвы тоже выбрали этот путь. Я думала, что они могут предпочесть спуск по тропе.

— Их обучали для службы Совету хранителей, — любезно ответил Гетелред. — Все они хорошо знакомы со скалолазанием.

Я не был так уж в этом уверен. Три бывшие хранительницы двигались медленнее остальных, и их явно смущало агрессивное поведение морских птиц. Местные жительницы ловко спускались, пользуясь, когда нужно, веревками или умело находя опору для рук и ног в трещинах камня. Сердитые крики пикирующих на них птиц, которые защищали свои гнезда, их не смущали. Я подумал, что на месте этих женщин чувствовал бы себя неуютно: некоторые птицы были огромными, с размахом крыльев не меньше роста взрослого человека. Первыми преодолевшие большую часть спуска участницы состязания стали спрыгивать с утесов или нырять с высоты в воду. Толпа, наблюдавшая за состязанием с крыш, начала аплодировать самым рискованным прыжкам, хотя островитяне видели такое не раз, да и сами часто проделывали подобное. Женщины-хранительницы предусмотрительно воздержались от прыжков и спустились к самой воде, держась за веревки.

Они оказались не последними: три другие участницы нырнули в воду следом за ними. Так и было запланировано: я знал, что все они — из охраны Ксетианы.

Владычица снова с улыбкой повернулась к Гетелреду.

— Твои женщины здорово справляются, благородный господин. Теперь пришло время нам вернуться. Я должна дать знак к началу состязания мужчин. — Говоря это, Ксетиана поверх плеча Гетелреда взглянула на меня и слегка подняла бровь. В ответ на ее вопросительный взгляд я снова покачал головой. Я все еще не ощущал ничего, что говорило бы о подозрениях со стороны дун-мага.

Он стоял ко мне спиной и ничего не заметил. Однако Флейм пристально посмотрела на меня, и я почувствовал ее растерянность. Я замер на месте, уверенный, что она сейчас разоблачит меня, но она, к моему удивлению, отвернулась; запах ее говорил о полном равнодушии. Выглядело это так, словно Флейм просто отказалась думать о чем-либо, что могло бы вызвать какие-то эмоции. Я так и не понял, узнала она меня или нет.

«Дерьмо, — подумал я, — неужели этот подонок уже разрушил ее рассудок?»

Я уловил запах собственной ярости.

Глава 31
Рассказчица — Блейз

Многое из того, что случилось в тот день, я смогла восстановить по кусочкам только позже. Что-то рассказали мне Ксетиана и наместница Асорча, что-то, конечно, — Гилфитер, Дек и Тор. Некоторые белые пятна заполнила Чания, охранница Ксетианы. Наконец, существовали дастелцы, которые были нашими глазами и ушами. Весь день они летали туда и сюда, сообщая нам, что происходит у других, описывая, как идет состязание. Если бы не они, у нас ничего не получилось бы.

Мы с Тором уже были на острове под названием Коготь, когда одна из птиц принесла нам первые новости о соревновании женщин. Среди участниц были три островитянки, превосходные пловчихи, которых не смущали океанские волны. Их выбрала сама Ксетиана; их предводительницу Чанию я хорошо знала. Когда-то она участвовала в том же состязании, что и я. Все эти женщины были умелыми воительницами, но, к сожалению, ни одна из них не понимала истинной природы дун-магии. Они держались позади всех при спуске из Верхнего Города и намеренно пропустили вперед экс-силвов. Островитянки попытались утопить отставшую от остальных хранительницу, не догадываясь, что, как только они попробуют утащить ее под воду, она нанесет им удар.

От дун-магии вода вскипела, образовался водоворот. Первая из нападающих, попавшая прямо под удар, мгновенно погибла с разорванным животом. Вторую засосало вглубь с такой силой, что ее легкие не выдержали. Их тела подобрали спасательные шлюпки до того, как в состязание вступили мужчины. Чании повезло больше. Ее выбросило из воды; она упала обратно перепуганная, но невредимая. Только теперь она по-

няла, какую ошибку они совершили, и подумала, что ее тоже ждет смерть. Однако оказалось, что хранительница, не очень хорошая пловчиха, сама не может справиться с водоворотом, который создал удар дун-магии, и тонет. Чания, с ужасом осознав, что двух ее подруг нигде не видно, достала нож. Одним быстрым движением она ухватила бывшую хранительницу за волосы и перерезала ей горло. На этот раз вспышки магии не последовало. Чания передала тело гвардейцу на морском пони, который прибыл на место схватки слишком поздно для того, чтобы оказать помощь.

Охваченная яростью Чания устремилась за другой хранительницей, которая, судя по всему, не заметила, что произошло у нее за спиной. Островитянка догнала ее как раз тогда, когда та добралась до скал у подножия Клюва. Она схватила ее сзади и резким рывком сломала ей шею, а потом вылезла из воды и начала долгий подъем, стремясь догнать последнюю из экссилвов.

Ей, впрочем, не удалось ее убить. Приспешница Мортреда намного опередила ее и продолжала быстро карабкаться наверх. Вершины Чания достигла в тот момент, когда хранительница выпрямилась во весь рост; в тот же миг ей в глаз вонзилась стрела. Мгновение женщина балансировала на краю скалы, потом, не издав ни звука, рухнула вниз. Когда Чания подтянулась и выбралась на покрывающую остров траву, сторживший подъем крестьянин опустил лук.

— Это была последняя? — спросил он, подошел к обрыву и глянул вниз. Вокруг скал кружились и кричали птицы, а гвардейцы на морских пони вылавливали из воды тело хранительницы. — А где твои подруги?

— Они не появятся, — прошептала Чания. — Да будут ветры вечно петь им колыбельную. — Она устало выпрямилась, чувствуя скорее отчаяние, чем триумф. — Думаю, фермер, что мы очень недооценивали трудности. — Дастелец, который все видел и слышал, полетел в столицу, чтобы сообщить новости.

На Когте, который соединялся с главным островом висячим мостом, мы с Тором расположились у входа в храм ветра. Храм находился на вершине холма и был самой высокой точкой на всем архипелаге. Пол в здании был выложен мрамором, крыша сделана из огромных каменных плит, но, если не

считать единственного скрытого под землей святилища, весь храм был отдан ветрам. В колоннах, поддерживавших крышу, имелись странной формы отверстия, и мы скоро обнаружили, для чего они предназначались. Ветер пел в них, оглашая весь остров неземной музыкой. Островитяне верили, что это голос бога ветра, и в обязанности жрецов входило интерпретировать его слова... за плату, конечно.

Сначала вокруг храма собралось много народа, поскольку отсюда удобно было наблюдать за состязанием, но гвардейцы Ксетианы отправили зрителей по домам, строго приказав оттуда не выходить до окончания соревнования. Раздались жалобы, но люди послушались: к тому времени по всему архипелагу поползли тревожные слухи, и многие, должно быть, поняли, что происходят странные и опасные события.

Как раз у подножия храма находилось место, которого участники состязания не могли миновать, и там их вместе с нами ждали распорядители. Все они были местными жителями и состояли в ополчении Ксетианы, в молодости служили в ее гвардии и управлялись с оружием с умением опытных воинов. Разговаривали они не о предстоящей схватке и ее опасности, а о видах на урожай сорго (плохих) и настриг овечьей шерсти (прекрасных). Когда показался первый из участников состязания, они спрятали оружие и с легкостью вернулись к своим обязанностям распорядителей.

Через несколько минут прилетел Комарт, пожилой дастелец, и принес новости о том, как дела у участвующих в соревновании мужчин. Когда двое гвардейцев Ксетианы под видом пловцов приблизились к дун-магу, тот вспорол одному артерию, так что воин истек кровью, и утопил другого так быстро, что ничего нельзя было сделать.

— Дун-маг продолжает плыть, — сообщил Комарт; его грудка раздувалась от возмущения. — Как будто ничего не случилось! Несомненно, он рассчитывает, что гибель пловцов сочтут несчастным случаем. Но я видел! — Дастелец еле сдерживался. — Это... это чудовище, этот негодяй... И знаешь, что хуже всего, сир-Блейз? Насилие было вызвано чистой злобой, желанием причинить страдания: он не мог знать, что сам находится в опасности, потому что воины еще не успели на него напасть!

— Дун-маг все еще жив? — спросила я, после того как перевела донесение Тору.

— Насколько мне известно, да, — ответил дастелец и принялся излагать дальнейшие события. На Клюве погибли двое из экс-силвов; один — случайно, сорвавшись с обрыва, другой — от стрелы, когда оказался рядом с крестьянским домом. Его тело быстро спрятали, прежде чем появился следующий участник состязания, однако возможности напасть на кого-либо еще из приспешников Мортреда у воинов, прятавшихся в доме, не оказалось.

С моста, ведущего на Зуб, сорвался третий бывший хранитель — его столкнул соперник по состязанию, один из гвардейцев Ксетианы. Поверхность Зуба была неровной, поля усеивали выветренные скалы, представлявшие собой прекрасное укрытие для лучников; там погибли двое экс-силвов, хотя один из них, только раненный первой стрелой, успел нанести удар магией, стоивший жизни шестерым воинам.

— Всего убито восемь дун-магов, включая женщин, — закончил Комарт. — Осталось девять.

— Не считая тех двоих, что в состязании не участвуют, — пробормотал Тор, когда дастелец улетел и я пересказала то, что от него узнала. — И Мортреда. И Флейм.

Я искоса взглянула на Тора.

— На этот раз мы победим.

— Слишком многое может пойти не так, как мы рассчитываем. Весь наш план чересчур сложен.

— Так ведь и ситуация сложная, поэтому и приходится искать такое решение.

— Несомненно, — буркнул Тор.

Я вздохнула. С тех пор как мы исцелили его с помощью дун-магии, отношения между нами стали напряженными. Большую часть времени Тор просто поворачивался ко мне спиной или выходил из комнаты, как только я появлялась. Что угодно, лишь бы оказаться от меня подальше...

— Тор, — сказала я, — сколько времени будет это продолжаться? И не притворяйся, что не понимаешь, о чем я говорю.

Тут он посмотрел мне в глаза.

— Я чувствую, что не могу тебя простить, Блейз. Я *понимаю*, почему ты так поступила, но простить не могу. Тебе следовало лучше меня знать. Мне известно, что я как менодиа-

нин должен прощать, и меня мучает невозможность этого. Ирония ситуации еще и вот в чем: прощать мне мешает поселившаяся во мне дун-магия, и это делает мои страдания еще более горькими.

— Ты меня ненавидишь.

— Нет. Ничто не может превратить мое чувство к тебе в ненависть. Моя любовь была глубока, и это делает твое предательство по отношению ко всему, что для меня свято, особенно мучительным. Неужели ты так плохо меня знала?

— Я любила тебя слишком сильно, чтобы позволить умереть.

— Разве могла любовь обречь меня на существование, полное вины? Заставить меня мириться со злом, которое поселилось во мне против моей воли?

— Неужели... неужели это так страшно? — прошептала я.

Тор долго молчал, потом ответил, и в голосе его звучала глубокая печаль:

— Я не тот человек, которым был. Я думал, что смогу побороть в себе зло и стать прежним, но теперь я знаю, что этого никогда не случится. Того Тора Райдера, с которым ты сейчас разговариваешь, ты совсем не знаешь.

Мы стояли, глядя друг на друга, и ветер пел свою призрачную песню, и я чувствовала, как умирает нечто, бывшее таким прекрасным...

Через некоторое время прилетел еще один дастелец и принес новые сведения. На Клыке крестьяне указали экс-силвам неверный путь. Двое из них пошли по узкой тропе между скал и оба погибли, провалившись в трещину, замаскированную дерном. Третий был убит меткой стрелой на Клешне. Четвертый не рассчитал прыжка, перебираясь с одной Перчинки на другую, и разбился о камни. На пятого, отставшего от остальных участников состязания, напали трое гвардейцев и столкнули с утеса, но в последний момент он успел ударить по ним дун-магией и убить всех нападавших. Наконец, при попытке переплыть с Клешни на Коготь одного обессилевшего экс-силва волны ударили о скалу, и он, не справившись с прибоем, утонул.

Потом очередной посланец Руарта принес нам плохие новости. Они касались двоих дун-магов. Старший из них, жи-

тель Разбросанных островов, заметно уступал в подготовке бывшим силвам, поэтому он приказал младшему своему собрату, калментцу по имени Джейз, держаться с ним рядом. Зная, что как колдун тот превосходит его, Джейз подчинился. Оставаясь рядом друг с другом, они невольно обезопасили себя от нападения и теперь оба поднимались на Коготь. За ними следил Руарт, он и послал одну из птиц предупредить нас. Джейз оглянулся во время подъема и увидел, как на экс-силва напали при спуске с Клешни; он предупредил своего спутника, и теперь оба они были настороже. Им явно не хватало магической силы, чтобы на таком расстоянии оказать помощь, но они видели, что нападающие были в форме гвардейцев Ксетианы.

— Ад и его дьяволы, что происходит? — закричал Джейз.

— Это заговор! — воскликнул второй колдун. — Сука владычица, должно быть, поняла, что мы не так беспомощны, как кажемся. Проклятие, Джейз, те двое, что плыли за мной, должно быть, собирались меня прикончить. — Он зло рассмеялся. — Я-то думал, что просто разделался с ними ради удовольствия, а выходит, что подлая владычица собралась таким образом выиграть пари.

— Что же нам теперь делать?

— Во-первых, сними свой красный пояс. Это отличительный знак... Будь они навечно прокляты! Ты в последнее время видел хоть кого-нибудь из наших?

Джейз с отвращением сорвал с себя красный пояс.

— Один из силвов ненамного нас опережает... а больше никого.

— Они истребляют нас по одному, как попавшихся на крючок тунцов! Мы должны как можно скорее вернуться к нашему господину. Давай двигаться — и быстро!

Джейз кивнул, и оба они возобновили подъем. На этот раз они внимательно смотрели вокруг, но все же не заметили маленькой темной птички, быстро взмывшей вверх благодаря потоку воздуха, — ее крылья были бы слишком слабы для такого полета. Оказавшись на вершине, Руарт отправил одного из дастелцев к нам с Тором, а сам полетел в столицу, чтобы предупредить Гилфитера.

С Когтя вело три пути — висячие мосты соединяли его с Барбиканом и с Зубом, а на Крюк можно было переправиться

через узкий пролив по канатной дороге. Мосты намеренно не были отмечены на картах, которые раздали приспешникам Мортреда, а тропа, пересекавшая остров и отмеченная флажками, проходила далеко от мостов.

— Теперь это уже не имеет значения, — сказала я, когда дастелец нам все рассказал. — Эти дун-маги не уйдут с Когтя, если мы сможем этому помешать, даже если доберутся до мостов. — Я взглянула на Тора. — Лучше перехватить их прежде, чем они окажутся поблизости от храма.

Он кивнул, и мы побежали по тропе в сторону обрыва.

— Это мне кое-что напоминает, — сказала я. — Калмент... Только сейчас мы на одной стороне.

Тор поморщился.

— Зубы дьявола, Блейз, я теперь слишком стар для таких развлечений. Да и практики мне не хватает.

— Ты все еще неплохо стреляешь из лука и, если мне не изменяет память, совсем недавно рубил головы и руки мечом.

— Может быть. Только посмотри, как отделали меня! — Тор пытался шутить, но я слышала боль в его словах.

Мы недалеко удалились от храма, когда увидели идущего навстречу человека — последнего из экс-силвов.

— Бежим, — коротко и без эмоций распорядился Тор. — Ты слева, я справа. Бей в голову, а я подсеку ноги.

— Выглядит даже слишком легким.

Мы кинулись навстречу бывшему хранителю, выхватив мечи в последний момент. Тот слишком поздно понял наши намерения, но все же нанес удар магией. Мы, не обращая на это внимания, взмахнули мечами.

— Как я и говорила — слишком легко, — сказала я, вытирая клинок о мокрую рубашку убитого.

Тор посмотрел на тело.

— Ненавижу убивать осквернённых силвов. Слишком похоже на убийство невинного.

Что-то в его словах показалось мне неискренним, и я пристально посмотрела на Тора. И правда, в его глазах я прочла то, чего никогда раньше не замечала: хищную радость убийцы.

Только в этот момент я наконец поняла, что же мы с Гилфитером сделали с Тором Райдером. Только тогда я испугалась — и не без оснований — за его будущее. Мгновение мы

стояли, глядя друг на друга, бессильные перед обрушившейся на нас трагедией.

— Ты позаботишься о теле, не так ли? — бросил Тор и, не дожидаясь ответа, двинулся по тропе — туда, где по скалам поднимались двое дун-магов.

Глава 32
Рассказчик — Келвин

— Благородный Гетелред, — сказала Ксетиана, вытирая губы салфеткой после обеда, — мне следует выйти и узнать, как проходит состязание. Первые участники уже должны достичь четвертого или пятого острова, которые хорошо видны с западных окраин столицы. Расстояния там невелики, и уже можно будет различить, кто возглавляет гонку.

Злой колдун поднялся из-за стола и подал Ксетиане руку.

— Тогда пойдем, госпожа. — Он оглянулся на жениха владычицы. — Ты не будешь возражать, если я провожу твою прелестную невесту, сир-Этрад? В конце концов, ты будешь с ней рядом всю оставшуюся жизнь. Мне, увы, такое счастье выпало всего на день или на два.

— Конечно, — ответил Этрад. — Я буду только счастлив сопровождать госпожу Лиссал.

Спокойствие, с которым Этрад ответил Мортреду, сказало мне, что он и не подозревает, что разговаривает с дун-магом. Его равнодушие к красноречивым взглядам, которые Мортред кидал на владычицу, явно показывало, что он вовсе не влюблен в свою будущую супругу. По исходящему от Ксетианы запаху я давно догадался, что и она не слишком увлечена женихом и не так уж беспокоится о его безопасности. Она не смотрела на свой брак как на союз равных; она собиралась оставаться самодержавной владычицей, и ее нисколько не смущало то, что она скрыла от своего будущего мужа важные сведения. Если бы с Этрадом сегодня что-то случилось, она пожалела бы об этом, но только по политическим причинам, а вовсе не сердечным.

Чем больше я узнавал о владычице, тем меньше она мне нравилась. Я подозревал, что она намеренно бывает то очаровательно простой и доступной, то величественно властной, чтобы держать своих придворных в постоянной растерянности. Этрад с его ленивым равнодушием был, возможно, единственным мужчиной, готовым мириться с неопределенностью и подчиненным положением ради явных преимуществ роли консорта правительницы и отца будущего наследника.

Ксетиана и ее спутники в сопровождении свиты, куда входил и я, снова поднялись по лестнице на крышу дворца, а потом по плоским крышам домов, соединенным между собой мостиками, перешли в ту часть города, откуда открывался вид на западные утесы. Сильный ветер нес с собой запахи соленых брызг и кружащихся в небе морских птиц. Дамы взвизгивали и хихикали, когда порывы ветра трепали их юбки и срывали чепчики. Я был признателен ветру за то, что он унес большую часть смрада дун-магии; однако мне приходилось все время нахлобучивать поглубже свою форменную шляпу. Хотя путь по крышам был явно удобнее улиц, народ толпился внизу; лишь немногие следили за состязанием сверху. Когда я спросил одного из гвардейцев, почему это так, он объяснил мне, что на крыши допускались лишь горожане высокого ранга. Ремесленники, торговцы, крестьяне никогда не поднимались на крыши, а высокопоставленные персоны никогда не ходили по улицам. Такие правила показались мне довольно глупыми, но в тот момент они меня порадовали. Чем меньше народа было вокруг, тем в меньшем количестве запахов мне приходилось разбираться, и я мог сосредоточиться на самых важных.

Вид, открывавшийся с платформы, устроенной над самым обрывом, был поразительным. Мы видели перед собой узкий пролив, именовавшийся Тощей Шеей; по воде сновало множество лодочек. Богатые островитяне, запасшись едой и питьем, вышли в море, чтобы наблюдать состязание оттуда. Для нас, смотревших на них с высоты, лодки выглядели как водомерки, беспорядочно скользящие по воде. На другой стороне пролива пять островов, побывать на которых должны были участники соревнования, выстроились гигантской лестницей — начиная с самого высокого, Когтя, на севере до Сухаря на юге. Коготь был слишком далеко, чтобы зрители, собравшиеся на платформе, могли различить что-нибудь, кроме высоких ко-

лонн храма ветра. Люди казались всего лишь разноцветными точками...

К этому времени я знал, что с Когтя до следующей части маршрута, Крюка, можно было добраться, скользя вдоль натянутой веревки. Для перемещения с высокого острова к более низкому достаточно было прицепиться к ней и пролететь все расстояние; путь в обратном направлении был более трудным, но все-таки возможным; приходилось, правда, пользоваться блоками и противовесами. Местные жители, по-видимому, сочли, что висячий мост делать там не стоит, хотя я и не мог понять, чем существующая конструкция лучше. Как ни напрягал я зрение, разглядеть веревку я не мог: она сливалась со скалами и морем.

Маршрут гонки проходил по восточному краю Крюка, и участники соревнования стали бы лучше видны наблюдателям с главного острова. Следующий остров, Корка, был совсем близко от Крюка и ниже его; затем шел Плавник, почти соприкасавшийся с Коркой, и наконец самый низкий из всех, Сухарь, необитаемая скала, которую неумолимо грызло море. Эти четыре острова обычно соединялись деревянными мостиками, больше похожими на сходни, но ради состязания их убрали. Участники должны были перепрыгивать через узкие расселины. Для тех, кому это не удавалось, падение бывало смертельным. Расстояния между островами не превышали роста взрослого человека, и такой прыжок не представлял трудности для хорошо подготовленного атлета... если, конечно, он не боялся высоты. У меня, например, от одного взгляда на узкие проливы между островами во рту становилось сухо.

Когда владычица и ее гости прибыли на смотровую платформу, первые из участников состязания уже бежали через Коготь в сторону канатной дороги. Важно было добраться туда первым, потому что переправляться разрешалось только одному человеку зараз, и ожидание означало потерю драгоценных секунд. Волнение зрителей накатывало на меня пахучими волнами. У некоторых вельмож были подзорные трубы, и с их помощью можно было разглядеть бегущих впереди; вокруг стали заключаться новые пари. Ксетиана, конечно, не стала пользоваться своей подзорной трубой. Она с успехом притворялась беззаботной и как школьница радовалась, когда узнала, что на третьем месте находится женщина. Меня, конечно,

это не обмануло: на самом деле Ксетиана была сосредоточена и напряжена, как струна.

Я оглянулся, пытаясь разглядеть, где прячутся лучники. Я обнаружил нескольких, находившихся поблизости, но остальных не смог найти даже после того, как командир гвардейцев сказал мне, куда смотреть. Платформа для знати и окружающие крыши были разукрашены флагами, так что ловкому человеку было где укрыться. Другое дело, что взять злого колдуна на прицел лучникам было нелегко: вокруг сновало слишком много народа. Придворные дамы явно больше интересовались возможностью похвастаться нарядами, чем состязанием, а многие мужчины предпочитали стоять у ограждения, а не сидеть на своих местах.

Возбуждение среди зрителей возросло, когда первый из участников переправился по канатной дороге с Когтя на Крюк и помчался по пастбищу, распугивая овец; скоро его не стало видно.

— Мы снова увидим его через несколько минут, — сказала Ксетиана, — когда он обогнет бухту.

К тому времени, когда бегун действительно появился, с ним поравнялись еще несколько человек. Ни на одном из них не было видно красного пояса, и, к огорчению Ксетианы, оказалось, что женщина отстала. Первый из достигших края Крюка участников не колебался ни секунды: он перемахнул через пропасть, отделявшую Крюк от Корки, взмахнул руками, восстанавливая равновесие, и помчался дальше. Порыв ветра донес до меня запах его усталости.

Второй бегун задержался на мгновение, чтобы отдышаться, но тоже совершил прыжок. Третий, тот, кто первым воспользовался канатной дорогой, совсем запыхался, но прыгнул с разбегу... и поскользнулся на самом краю обрыва. Зрители ахнули, и исходящая от них смесь запахов страха и острого интереса заставила меня поморщиться.

Бедняга начал скользить вниз, безуспешно хватаясь за камни. Усталый и растерянный, он, казалось, был не в силах остановить неизбежное падение в пропасть. Однако в последний момент несколько смотрителей, дежуривших у самого узкого места, сумели схватить его и вытащить на ровное место. По рядам зрителей пронесся вздох разочарования, смешанного с облегчением.

— Неудачник, — равнодушно сказала Ксетиана. — Ему теперь придется всю жизнь носить клеймо — его спасли смотрители. Он никогда от него не избавится, разве что победит в каком-нибудь новом состязании.

Через несколько минут мы увидели, как двое возглавляющих состязания бегунов перепрыгнули на Плавник — маленький остров, где обитало единственное крестьянское семейство, а потом — на Сухарь. В этот момент Ксетиана поднялась и обратилась к Гетелреду:

— Сир-силв, я с моими дамами возвращаюсь во дворец — нам следует переодеться перед окончанием соревнования и последующими торжествами. Думаю, что вы с Этрадом предпочтете остаться: тебя наверняка интересует, как закончат гонку твои люди.

Гетелред встал и поклонился. Его улыбка стала несколько натянутой. Я почуял его разгорающийся гнев и сделал шаг к нему. Злой колдун не был глуп: он понял, что Ксетиана втайне смеется над неспособностью его приспешников победить в состязании. Впрочем, он подавил раздражение.

— Конечно.

Я поежился, уловив, какая злоба скрывается за любезной улыбкой.

Ксетиана повернулась к Флейм.

— Госпожа Лиссал, не желаешь ли присоединиться ко мне? Этрад приведет благородного Гетелреда во дворец к началу празднества. Не так ли, любимый?

Этрад поклонился в свою очередь, не показывая никаких чувств. Ксетиана и ее дамы вместе с Флейм в сопровождении гвардейцев под командой секурии удалились. Флейм казалась почти бесплотной: отстраненная, погруженная в себя...

Проходя мимо, Ксетиана многозначительно посмотрела на меня. Я знал, что означает этот взгляд: еще утром она дала мне совершенно определенные распоряжения. Гетелред не должен был уйти с платформы живым.

Существовала договоренность, что Тор своевременно явится сюда по мосту, соединявшему Коготь со столичным островом, и займется злым колдуном. Для этого был выбран именно Тор, а не Блейз, потому что мы рассчитывали, что Мортред его не сразу узнает. К тому же предполагалось, что Тор наденет мантию жреца из храма ветра, и широкое одеяние скроет и

его фигуру, и меч. Если бы этот план провалился, в дело должна была вступить Блейз. Если же их обоих что-то задержало бы, я должен был в подходящий момент дать сигнал лучникам. Честно говоря, увидев, что собой представляет погода, я не особенно рассчитывал на успех стрельбы. Ветер все усиливался, и флаги громко хлопали от каждого порыва. Даже могучие крылья морских птиц не всегда позволяли им садиться на гнезда, и чайки и бакланы с недовольными криками были вынуждены повторять попытки. Стрела скорее была бы унесена в сторону, чем поразила цель.

Я нервно вертел в руках подзорную трубу, молясь в душе, чтобы мне не пришлось использовать ее как оружие. Такой шанс был, конечно, невелик: даже если бы ничего не вышло ни у Тора, ни у Блейз, ни у лучников, оставался секурия. Шавель отправился сопровождать Ксетиану до дворца, но намеревался немедленно вернуться, как только владычица благополучно достигнет своих апартаментов. Еще утром, оглядев меня с ног до головы, он презрительно заявил, что справится лучше меня и одним ударом прикончит любого недоноска-колдуна прежде, чем тот успеет пустить в ход свою силу. Я от всей души надеялся, что он прав. Как ни желал я Мортреду смерти, я совершенно не был уверен, что мне хватит духа разделаться с ним самому.

Я понюхал воздух. Теперь уже несколько участников состязания преодолевали вершины Крюка и Корки. Мортред все еще гневался: судя по всему, из-за того, что его приспешники не показали такого искусства, как он рассчитывал, — но подозрений у него еще не возникло. Впрочем, рано или поздно он начнет гадать, почему никто из участников с красными поясами так и не появился...

«Тор, — думал я, — ну поторопись же! Я сомневаюсь, что убийство окажется мне по силам».

Я беспокойно огляделся и уловил запах Руарта. Дастелец, которого ветер кидал куда хотел, с трудом сел на край платформы рядом с моей ногой. Притворяясь, что завязываю шнурок, я опустился на колено и стал наблюдать за сообщившей мне последние новости птичкой.

— Где Флейм? — спросил Руарт, закончив свой рассказ.

— Дамы удалились во дворец, чтобы переодеться, — шепотом ответил я.

— Я проверю, все ли с ней в порядке. — Руарт поколебался, взглянув на Мортреда. — Кел, поскольку двое дун-магов держатся вместе, Тору и Блейз придется сражаться с ними вдвоем...

Я в ужасе покачал головой: Руарт сомневался, что Тор или Блейз вовремя доберутся до столицы.

— Ты должен выполнить свой долг, Келвин. Если бы я мог, я бы сам... Помни об этом, что бы ни случилось. И никогда не оглядывайся назад. — С этими загадочными словами Руарт взлетел и исчез из глаз. Только много, много позже я понял, что он имел в виду. Он намеренно оставил мне этот совет, пытаясь залечить рану, которая еще не была мне нанесена.

Глава 33
Рассказчица — Блейз

Мы с Тором опоздали перехватить дун-магов, когда они еще только поднялись по обрыву. Когда мы их увидели, двое мужчин уже пересекали пастбище; судя по тому, как играли на них всполохи дун-магии, они были вполне готовы к использованию своей силы. Мы машинально нырнули в густую траву, прежде чем они нас заметили, и я подумала о том, как здорово работать в паре с человеком, которому не приходится указывать на то, что нужно сделать.

— К овцам, — бросил Тор, кивнув на стадо, которое паслось между нами и дун-магами. Мы подползли к животным и, когда оказались рядом с первыми из них, обнаружили, что овцы, почуяв опасность, сбились в кучу; это дало нам дополнительное укрытие, особенно ценное потому, что дальше трава, выщипанная овцами, нас уже не спрятала бы. Тор задержался на мгновение, чтобы достать из мешка арбалет и приготовить болт. Я выглянула из-за спин животных, чтобы оценить расстояние до приближающихся дун-магов.

— Еще рано, — прошептала я. Мой голос почти заглушали потусторонние звуки, долетавшие из храма ветра. — Ветер слишком сильный. Тебе придется дождаться, пока они окажутся рядом.

Тор спокойно кивнул и закрепил второй болт на раме арбалета. Вряд ли можно было рассчитывать на то, что он успеет выстрелить более чем дважды: на то, чтобы еще раз взвести пружину, требовалось слишком много времени. Или оба выстрела окажутся смертельными, или нам придется взяться за мечи.

— Давай! — прошипела я.

Тор поднялся и выстрелил. Порыв ветра отклонил болт в сторону, и он только задел старшего из колдунов, попав ему в плечо, но не причинив особого ущерба. Более молодой из магов, Джейз, успел отразить второй выстрел Тора: вспышка дун-магии уничтожила болт в воздухе. К этому времени я уже бежала, расталкивая перепуганных овец. Тор кинулся следом за мной.

Мы оба предполагали, что дун-маги окажут сопротивление, что они слишком поздно поймут, что имеют дело с обладающими Взглядом, которые к тому же хорошо владеют оружием. Вместо этого старший из них — житель Разбросанных островов — отдал короткий приказ, и Джейз бросился бежать. Я замешкалась, не зная, на кого напасть.

— Догоняй того, — бросил Тор. — Здесь я справлюсь.

— Кел ждет...

— Я и этим займусь. Беги!

Дольше ждать я не стала. Сунув меч в ножны, я устремилась в погоню за младшим из колдунов. Перепрыгивая через камни и кочки, мы оба мчались к канатной дороге.

Джейз происходил с Калмента и был привычен к горным тропам и крутым спускам. Местность на Когте не представляла для него трудности, и я вскоре обнаружила, что едва за ним успеваю. Не улучшало ситуации и то, что за плечом у меня были ножны с мечом: он был достаточно велик и тяжел, чтобы служить обузой.

Когда один из местных жителей, в чью обязанность входило показывать участникам состязания дорогу, попытался направить дун-мага в нужную сторону, он получил заряд дун-магии и умер на месте. Джейз, решила я, должно быть, изучил карты островов: он знал кратчайшую дорогу мимо храма к канатной дороге и именно туда и бежал. Я знала, что в скалах прячутся несколько воинов, но мне также было известно, что им приказано убивать только тех, кто носит красный пояс.

Калментец свой пояс снял, так что рассчитывать на помощь мне не приходилось.

Хуже того: когда Джейз добрался до канатной дороги, смотрители сочли его обычным участником состязания и не поостереглись; он перебил их всех, прежде чем они поняли, с кем имеют дело. К тому времени, когда я добралась до канатной дороги, дун-маг уже почти переправился на другую сторону. Я схватилась было за меч, чтобы перерубить канат, но поняла, что Джейз слишком близко к Крюку, чтобы падение наверняка было смертельным. Если же я перерублю канат, я сама не смогу попасть на Крюк... К канату уже была прикреплена петля, поэтому я решила не обращать внимание на правило, требовавшее, чтобы переправлялся только один человек зараз; перешагнув через тело смотрителя, я ухватилась за петлю и оттолкнулась от скалы.

К петле крепился простой механизм: если нужно было притормозить, достаточно было нажать на металлическую защелку на канате; если вы этого не делали, под действием инерции вы перелетали на другую сторону на полной скорости. Мне нужно было перебраться как можно скорее, так что я, вцепившись в петлю, вытянулась почти параллельно канату; такой способ был опасным, я могла не удержаться за петлю... Однако я знала: если я заметно отстану от дун-мага, он успеет уничтожить канат — и меня вместе с ним.

Уже приближаясь к противоположному берегу, Джейз ударом магии убил двоих смотрителей, потом поспешно освободился от петли и оглянулся. Увидев, что я ногами вперед с невероятной скоростью лечу прямо на него, он растерялся. Он ударил по мне магической силой и растерялся еще больше, когда это на меня действия не произвело. Моя туника немного обгорела, только и всего. Похоже, что обладание Взглядом, к счастью, имело ауру, предохранявшую одежду от серьезной порчи.

К тому времени, когда до Джейза дошло, что я, должно быть, неуязвима для него, было слишком поздно предпринимать что-то еще. Джейз без особой надежды на успех попытался сжечь канат, но промахнулся. Я летела прямо на него, и ему пришлось откатиться в сторону. Я врезалась в копну соломы, предназначенную для экстренной остановки, но когда ос-

вободилась от петли, дун-маг уже снова отбежал довольно далеко.

Я кинулась следом, проклиная тот факт, что из всех дун-магов на свете мне попался тот, который бежал быстрее песчаного краба, норовящего спрятаться в своей норке.

На Когте у Тора тоже не все пошло гладко. Думаю, Тор не остался равнодушен к иронии судьбы: человек, которого он должен был убить, оказался его соплеменником. Это делало неприятное дело еще более неприятным. Убийство под нежные звуки пения ветра в колоннах храма должно было к тому же казаться ему святотатством. Тор никогда не рассказывал о том, что тогда чувствовал; он просто излагал сухие факты.

Когда я кинулась в погоню за Джейзом, Тор отбросил арбалет и вытащил меч. Своего противника он узнал: тот был среди тех, кто стерег его на Криде. Мы с Тором оба очень хорошо помнили Крид — изможденных рабов, камеру пыток, жестокость приспешников Мортреда.

Физически Тору должно было быть легко разделаться с дун-магом: у него был калментский меч, в то время как у его противника — только нож, который висел на поясе. Однако Тор недооценил изобретательности колдуна, понявшего, что ему придется иметь дело с обладающим Взглядом. Когда Тор пытался приблизиться, дун-маг направлял силу своих ударов в землю под ногами Тора, и не обращать внимания на град камней и земли, на ямы под ногами Тор не мог. Он маневрировал, держа меч поднятым над головой. Ветер кинул пыль ему в лицо, и дун-маг воспользовался этим, чтобы попытаться нанести удар ножом сверху вниз. Такая попытка говорила о неопытности противника, и Тор с легкостью уклонился, потом перекатился вбок и оказался позади дун-мага; такой маневр заставил того развернуться, и теперь ветер стал союзником Тора: от нового взрыва земля полетела в лицо дун-мага.

Тор воспользовался представившейся возможностью. Он направил свой клинок так, что он вошел под ребрами и пронзил легкое колдуна. Когда тот упал, Тор повернул меч, чтобы удостовериться: он поразил и сердце.

— Вот так, — сказал Тор тихо, — и наносят смертельный удар.

Дун-магия окутала умирающего переливами красного цвета. Последним отчаянным усилием колдун выбил камни из-под ног Тора. Не удержавшись на ногах, Тор упал навзничь и ударился головой о скалу.

Когда он остался неподвижным, несколько птиц-дастельцев, следивших за схваткой, подлетели поближе. Одна из птичек опустилась на плечо Тора и чирикнула ему в ухо.

Тор не пошевелился.

Глава 34
Рассказчик — Келвин

Я все еще беспомощно вертел в руках подзорную трубу. До подаренного мне отцом дирка, спрятанного в сапоге, казалось, было невозможно дотянуться... Где, дьявол его побери, Шавель? Ему уже следовало бы возвратиться. Ведь не так уж много времени нужно, чтобы дойти до дворца и вернуться, даже если секурия счел своим долгом проводить Ксетиану до самых дверей ее покоев. Так почему же его все нет? Мне ужасно хотелось дать сигнал лучникам, чтобы покончить наконец с Мортредом, но ветер с каждой минутой усиливался. Ни один болт из арбалета не мог бы попасть в цель — по крайней мере я так считал. А если стрелки промахнутся, расхлебывать последствия придется мне. Ни Тор, ни Блейз не появлялись. Что могло с ними случиться? Руарт тоже не вернулся, а ведь он обещал...

Мои мысли вращались вокруг все того же сомнения, что мучило меня целый день: хватит ли мне мужества, хватит ли жестокости убить снова? Я взглянул на Мортреда. Может быть, мне следует убить его немедленно, пока в нем не проснулись подозрения? Мортред болтал с Этрадом — непринужденно, как двое соседей по тарну, обменивающиеся любезностями. Они смеялись, глядя на участников соревнования, бежавших по плоской вершине острова напротив.

— Я уверен, что среди них есть и твои люди, — говорил Этрад. — Должно быть, они просто сняли красные пояса, чтобы не мешали, поэтому мы и не можем их отличить.

А если я потерплю неудачу, кто придет мне на смену? Командир гвардейцев и его воины не смогут противостоять дун-магу.

Так где же, где же Шавель?

«Ах, — думал я, — пусть Тор и Блейз явятся вовремя!»

Глава 35
Рассказчица — Блейз

Вершина Крюка имела в середине выемку. Скатываясь по ее склону вниз, я видела дун-мага, с трудом поднимающегося к краю, выходящему к Корке. Я стиснула зубы и ускорила бег, хотя воздуха мне не хватало. Я — как и Джейз — обогнала нескольких участников состязания... что ж, он по крайней мере их не убил.

Должно быть, бережет силы, подумала я. Истребление смотрителей у канатной дороги, наверное, теперь не давало ему бежать быстро — как калментский меч за спиной мешал бежать мне.

Впрочем, ко мне пришло второе дыхание, и я стала нагонять Джейза. К тому времени, когда он добрался до узкого пролива между Крюком и Коркой, я отставала всего шагов на двадцать. Колдун помедлил на краю, через плечо оглянулся на меня, немного отступил от обрыва, разбежался и прыгнул.

Когда я оказалась на краю, Джейз уже восстановил равновесие и бежал дальше. Кинув мимолетный взгляд на белые гребешки волн далеко внизу, я прыгнула. Утес на Корке был ниже скал Крюка, и на мгновение меня охватил страх — мне показалось, что я лечу вниз бесконечно долго. Впрочем, почва на Корке оказалась мягкой, а приземлилась я далеко от обрыва. Перекувыркнувшись через голову, я вскочила и продолжала бег. Джейз промчался мимо смотрителей на этом берегу, я тоже. Дежурившие здесь все были гвардейцами, и они заколебались; однако ни колдун, ни я не носили красного пояса, и воины так ничего и не предприняли.

Я смутно помню, что видела людей на крышах домов отделенного от Корки лишь Тощей Шеей главного острова; должно быть, они махали руками и кричали. Я их не слышала — все заглушал свист ветра и крики птиц. Один раз я все же взглянула на противоположный берег, но не смогла разглядеть лиц в толпе; к тому же я не знала, где именно находится платформа, с которой за состязанием следили знатные зрители. Я сказала себе, что на таком расстоянии Мортред не узнает меня: в конце концов, он не мог ожидать, что я здесь окажусь. Он ведь должен был думать, что мое мертвое тело лежит в амбаре на острове посередине Плавучей Заросли.

Я продолжала бежать.

Корка — небольшой остров, а расположенный с ним рядом Плавник — еще меньше. Джейз легко перепрыгнул с одного на другой, я тоже — всего на несколько секунд позже. Плавник довольно круто понижался в сторону следующего острова, Сухаря, и временами мне казалось, что я не смогу вовремя затормозить. Однако поравняться с Джейзом мне удалось только на самом краю обрыва; он уже взвился в воздух, перепрыгивая на Сухарь, когда я протянула руку и попыталась схватить его. Мои пальцы только скользнули по его рукаву. Не глядя, удалось ли мне помешать прыжку колдуна, я прыгнула сама. Мы приземлились рядом. Джейз споткнулся, повернулся ко мне и в отчаянной попытке задержать меня и спастись нанес удар дун-магией.

Не успев еще коснуться земли, я потянулась за мечом. Джейз тяжело упал навзничь и попытался отползти в сторону, не сводя с меня глаз. В слепом ужасе он все еще старался затуманить мой взгляд дун-магией, но, конечно, безуспешно. Я сильно ударила его в подбородок носком сапога, и он потерял сознание. Убила я его со всем доступным мне искусством, вонзив меч в сердце и повернув его в ране.

Я поспешно обернулась в сторону другого берега Тощей Шеи. Поняли ли зрители, что я сделала? Если в этот момент кто-то смотрел в подзорную трубу...

«Проклятие! — устало подумала я. — Надеюсь, кто-нибудь уже прикончил Мортреда...»

Я устало оперлась на меч и огляделась. Мне теперь придется спускаться по обрыву к морю и плыть через пролив в столицу. Я глубоко вздохнула, успокаиваясь.

Момент покоя оказался коротким. Только я позволила напряжению и страху исчезнуть, как снова замерла в ужасе. Я увидела, как стена дун-магии двинулась в сторону Сухаря...

«Ох, дерьмо! — подумала я. — Будь проклят этот идиот-мировторец, любитель селверов, — я же погибну!»

То же самое, поняла я со слепящей ясностью, должны были испытывать обладающие Взглядом жители Дастел в последний момент существования своих островов. Гора клубящегося алого тумана катилась над морем, и вокруг распространялось жуткое зловоние...

Я знала, что уклониться от этого удара не смогу. Может быть, причинить мне вред непосредственно он и не мог, но его было бы достаточно, чтобы уничтожить остров, на котором я стояла, — превратить его в пыль или погрузить в воды моря. Как это случилось с Дастелами...

«Гилфитер... — думала я. — Ох, Кел, лучше бы ты был не таким хорошим человеком...»

Я нисколько не сомневалась: вот-вот я сделаю свой последний вдох.

Глава 36
Рассказчик — Келвин

Шавель так и не вернулся, но зато прилетел дастелец. Сначала я подумал, что это может быть Руарт, но как только птичка начала говорить, я понял, что ошибаюсь; мне показалось, что это женщина, хотя я не мог бы сказать почему. Она сообщила мне, что Шавель не придет, потому что исчезла Флейм, и он опасается, что владычице может грозить опасность. Шавель собирался оставаться рядом с Ксетианой и лично распоряжаться поисками исчезнувшей колдуньи. Я испытал шок, когда услышал, как Флейм называют колдуньей, и еще больший — когда узнал, что в ней видят угрозу для Ксетианы.

— Как это — исчезла? — прошептал я, едва не впадая в панику.

— Она вернулась во дворец вместе с остальными, — сообщила птичка, — но служанка, которой владычица велела сле-

дить за Флейм, не смогла ее найти. Сейчас идут поиски во дворце и по всему Верхнему Городу.

— А Руарт?

— Он тоже не может ее найти. Он ищет ее повсюду.

«Иллюзии, — подумал я. — Флейм пользуется иллюзиями. Придворные Ксетианы могут считать ее злой колдуньей, но она сохраняет свою силу силва... Но куда могла она направиться и зачем?»

— Руарт ведь обладает Взглядом, — пробормотал я. — Может быть, ему удастся ее найти. — Он по крайней мере не обманулся бы иллюзией. — А как насчет остальных — Тора и Блейз? Где они?

Однако птичка не знала ничего о том, что происходит в других местах.

Я снова посмотрел на Мортреда, раздираясь на части нерешительностью. Птичка улетела.

— Кто это? — спрашивал Мортред Этрада, указывая на пролив между Плавником и Сухарем.

— Не знаю, — рассеянно ответил Этрад, не особенно приглядываясь. — Кого ты имеешь в виду?

— Женщину, которая преследует мужчину.

Этрад прищурился, разглядывая противоположный берег.

— Не пойму... Может быть, это одна из твоих?

— Не дашь ли ты мне свою подзорную трубу?

— Конечно. — Этрад протянул Мортреду медный инструмент. — Удобнее опереть ее на что-нибудь. Я обычно пользуюсь перилами.

Стоя позади вельмож, я попытался разглядеть, о ком они говорят, и замер в ужасе. Это была Блейз. Мне не требовалась подзорная труба, чтобы ее узнать. Она гналась за мужчиной, который собирался перепрыгнуть на Сухарь. Я резко втянул воздух, пытаясь по запаху определить чувства Мортреда. Я ощутил подозрение, подавленную ненависть, гнев, холодный, как полуночный ливень.

Не обращая внимания на совет Этрада опереть трубу на перила, Мортред поднес ее к глазам.

— Сука! — прошипел он с яростью. — Как ей удалось снова выжить?

Этрад изумленно вытаращил на него глаза.

Порыв ветра сорвал мою шляпу и унес в море. В эту долю секунды я понял, что бесполезно приказывать лучникам стрелять... Я развернул подзорную трубу владычицы, ухватил ее за узкий конец и изо всех сил обрушил ее на затылок злого колдуна. В тот же момент все вокруг накрыл взрыв дун-магии, свирепый, как девятый вал в шторм. Видеть его я не мог, но зловоние ощутил. Мой удар опоздал: Мортред успел воспользоваться своей силой.

Дун-маг рухнул на перила. Я думал, что ударил его достаточно сильно, чтобы убить, но смерти его я не учуял. Весь мир вокруг словно сошел с ума. Люди метались, пытаясь увернуться от все сметающего на своем пути потока дун-магии, тяжелые скамьи взлетали в воздух, словно бумажные. Перила сломались, декоративные флаги разлетелись по сторонам; их охватило непонятно откуда взявшееся пламя. Командир гвардейцев распластался по платформе, придавленный невидимой силой, потом все быстрее покатился к краю и исчез, рухнув в волны Тощей Шеи. Я больше его не видел, но его вопль звучал в моих ушах еще долго.

Этрад, увидев, что я ударил Мортреда, вскочил на ноги с ужасом на лице. По капризу случая дун-магия его не задела, и он видел только меня, а не кошмар, сотворенный злой силой. Я думал лишь о том, чтобы спасти Блейз, и собрался нанести еще один удар, но Этрад схватил меня за руку и вырвал трубу.

— Что ты делаешь? — изумленно воскликнул он.

Я оттолкнул его и потянулся за дирком. Вокруг раздавались стоны, люди пытались найти укрытие: ведь они не видели и не обоняли той непредсказуемой силы, которая на них обрушилась... Этрад, разинув рот, таращился на меня.

— Проклятие, что это? Стража! — Он трубой, как дубинкой, ударил меня по руке и выбил дирк.

Никто не откликнулся на его крик. Удар дун-магии расшвырял гвардейцев во все стороны. Я видел, как некоторых унесло за перила, других просто сбросило с крыши вниз на улицу. Люди катились, как подхваченное ветром перекати-поле. Потом неуправляемая магия задела и самого Этрада, швырнув через всю платформу, словно он ничего не весил. Одного взгляда мне хватило, чтобы понять: на ногах не устоял никто.

«Сотворение, — в ужасе подумал я, — этот негодяй перебил всех!»

Я повернулся, пытаясь найти свой дирк, и бросил взгляд на Блейз. Она стояла на краю обрыва, ее волосы развевал ветер. Колдун, которого она преследовала, лежал у ее ног, и она опиралась на опущенный меч. Сильный ветер не должен бы был позволить мне ощутить ее запах, но все же я каким-то образом ощутил, как усталость сменяется в ней ужасом. В тот же миг Плавник, соседний остров, содрогнулся, словно на него обрушилась огромная волна. Скалы в его основании, там, где остров ближе всего подходил к Сухарю, словно расплавились, лишив опоры утесы наверху. Несколько участников состязания, бежавшие по плоской вершине, попадали, как будто земля ушла у них из-под ног.

Блейз повернула голову в сторону Плавника и увидела, как остров начал крениться. Медленно и неуклонно Плавник падал на Сухарь. Блейз выронила меч и сорвала с себя ножны, потом кинулась бежать к обрыву, делая огромные прыжки с камня на камень. Она не обращала внимания на то, как рискованно это было, и буквально летела по воздуху... С замиранием сердца я следил за ней, ожидая, что в любой момент она может упасть, сломать ногу, провалиться в расселину, упасть в воду...

Ужас лишил меня всякой способности разумно мыслить. Я мог только смотреть на то, как целый остров Плавник накренился и боком упал на Сухарь, как старое дерево в лесу, лишившееся корней. Воздух заполнился тучами птиц, кружившихся черно-белым вихрем и отчаянно вопивших от страха; потоки воздуха бросали их из стороны в сторону. В какой-то безумный момент находившийся на Плавнике крестьянский дом вместе с сараями и огородом, казалось, повис в воздухе, напоминая чудовищное облако пыли. Овцы посыпались с пастбища, как камешки с наклонной доски, и упали в пустоту. Их падение в море выглядело медленным и бесконечным. Я видел и людей, цеплявшихся за траву в безнадежной попытке удержаться на земле, которая перестала быть надежной опорой. Верхушка Плавника ударила по Сухарю, и вниз ринулась лавина обломков, безжалостно и неотвратимо догоняя Блейз. Люди, находившиеся на Плавнике, исчезли в сплошной туче камней и пыли; то, что еще оставалось от Плавника, погрузи-

лось в океан. Глыбы камня падали в воду, образуя крутящиеся воронки и вздымая фонтаны брызг. Поверхность океана всколыхнулась, от места катастрофы пошли огромные волны, раскидывая или отправляя на дно лодки зрителей.

У моих ног Мортред застонал и приподнялся, источая скверну дун-магии беспорядочными потоками. Смрад был такой, что мне стало трудно дышать. Я перевернул его на спину и наконец нашел свой дирк. Когда я наклонился, занеся нож для смертельного удара, глаза его открылись и уставились на меня. Я замер, не в силах убить человека, который смотрел мне в лицо.

— Кто ты? — спросил Мортред. Он никогда меня не видел, возможно, вообще никогда не видел горца с Небесной равнины, и был искренне изумлен.

Поток дун-магии, на этот раз вполне целенаправленный, ударил мне в лицо. Я ощутил его и поблагодарил мысленно ветер за то, что он немного развеял зловоние. Мортред злобно прищурился, поняв, что колдовство на меня не действует, потом рванулся и кинулся на меня, проявив удивительную силу. Я попытался вырваться и при этом выронил свой дирк. Руки Мортреда сомкнулись вокруг моего горла.

— Ах ты грязный обладатель Взгляда! Я убью тебя! — прошипел Мортред, встряхивая меня. Он был силен, сильнее, чем я ожидал, а мне не приходилось бороться с тех пор, как мы с Джейми мальчишками сражались на холмах Небесной равнины. Полагаясь на воспоминания тех времен, я зацепил ногой колено Мортреда и дернул. Мы оба упали, но я оказался сверху. Рана на голове Мортреда кровоточила и должна была сильно болеть, но это на него, похоже, не оказывало действия.

«Сам себя исцеляет, — подумал я. — Проклятие!»

Каким-то образом ему удалось не разжать руки, и он продолжал меня душить. Я ухватил его за нос и резко повернул, потом ткнул пальцем в глаз. Мортред взвизгнул и отпустил меня. Рядом с нами загорелось то, что раньше было деревянным креслом, и Мортред попытался толкнуть меня в огонь. Чтобы не дать ему это сделать, потребовалась вся моя сила. Тогда он вцепился мне в волосы и ударил меня головой о пол. Я ударил его кулаком в нос и сломал его. Мортред вскочил на ноги, изрыгая проклятия. Из ноздрей у него падали капли крови, он задыхался. Однако кровотечение бы-

тро прекратилось — слишком быстро для того, чтобы это был естественный процесс. Сделав глубокий вдох, Мортред схватил сломанный шест, на котором крепилась гирлянда флажков. Обрывки ткани на нем начали тлеть. Мортред ткнул в меня шестом, как копьем. Я споткнулся и на какой-то ужасный момент оказался окутан языками пламени и дымом. Я поспешно, обжигая руки, отбросил комок тлеющей ткани и отскочил в сторону.

Когда я снова смог видеть ясно, Мортред исчез.

Я в панике начал озираться, но его нигде не было видно. Люди, которых я считал мертвыми, начинали шевелиться и стонать. Многих рвало. По крышам на помощь спешил новый отряд гвардейцев.

Я повернулся к морю, пытаясь высмотреть Блейз. Моя схватка с Мортредом казалась мне ужасно долгой, так что я был потрясен, обнаружив, что Блейз все еще бежит в отчаянной попытке обогнать настигающую ее лавину. Стоило мне в ужасе решить, что все кончено, как Блейз снова мелькала в облаках пыли, все еще перепрыгивая через расселины, все еще совершая невозможное. Один из прыжков привел ее на узкую каменную колонну — всего шагов пяти в ширину — на краю обрыва высоко над водой. Только тогда она оглянулась.

Камнепад обрушивался в море с обеих сторон от колонны, на которой она стояла. Блейз упала на колени: утес под ней сотрясался от ударов камней. Постепенно грохот стихал; слышны были только крики морских птиц. Каким-то чудом колонна, на которой находилась Блейз, все еще стояла. Блейз подползла к краю и огляделась. Огромные волны катились по Тощей Шее и били в подножие ее убежища. Колонна качалась...

Я видел, что долго она не выстоит. По-видимому, поняла это и Блейз, потому что поднялась на ноги, разбежалась и прыгнула в океан — крошечная фигурка на фоне огромной волны, захлестнувшей утес, на котором она только что стояла. Когда волна отхлынула, от каменной колонны не осталось и следа.

Только тогда я заметил, что рядом со мной стоят Тор и Дек, с тем же напряженным вниманием, что и я, вглядываясь в волны. У Райдера была ранена голова: на волосах виднелась засохшая кровь. Когда он повернулся ко мне, я понял, что на

моем лице написан такой же шок, какой я видел на его лице... и по той же причине.

— Будь ты проклят, Гилфитер, если ты убил ее, — тихо сказал Райдер.

Я молчал, не в силах ответить. Не в силах даже думать.

Райдер поборол злое влияние дун-магии в себе и добавил, пытаясь утешить меня:

— У нее больше жизней, чем щупальцев у осьминога, да и плавает она хорошо.

Я первым отвел глаза и стал озираться.

Этрад яростно спорил с Шавелем, показывая на меня и требуя, чтобы меня арестовали за нападение на Гетелреда. Вокруг стояли другие придворные, постепенно приходившие в себя, хотя многие еще несвязно обсуждали случившееся или боролись с тошнотой.

— Где Мортред? — требовательно спросил Райдер.

— Не знаю, — ответил я. — Он... он исчез.

Он вытаращил на меня глаза, не веря собственным ушам.

— Ты позволил ему улизнуть?!

Я поморщился, со стыдом опустив глаза.

— Он исчез. Мы боролись, и он кинул в меня горящим флагом, а когда я высвободился, его уже не было рядом. Сюда бежали люди, и он, должно быть, понял, что его спектакль окончен, так что обратился в бегство.

— В каком направлении?

Я заставил себя думать и рассуждать. Дек и Райдер шли по крышам от центра города, и никакие иллюзии не скрыли бы от них злого колдуна. Мимо меня он тоже не пробегал — в этом я был уверен. Я показал на узкую полоску земли, тянувшуюся вдоль стен ближайших к обрыву домов.

— Должно быть, он скрылся там. Полотнища флагов на домах не дали бы мне его заметить.

Райдер не стал дожидаться, пока я договорю. Он окликнул Шавеля, и тут же он сам, Дек, секурия и гвардейцы спрыгнули с платформы и побежали по каменистой тропе, извивающейся между домами и грозящим смертью обрывом.

Мне следовало отправиться с ними. Я лучше чуял дун-магию, чем Райдер или Дек; я должен был принести хоть какую-то пользу. Но они отмахнулись от меня, и я был совсем без сил — скорее эмоционально, чем физически. Даже теперь, когда моя

роль была закончена, меня терзало беспокойство: что случилось с Блейз? Привело ли мое опоздание к ее смерти, как привело к гибели людей на Плавнике? Они погибли из-за моей нерешительности... руки у меня начали трястись.

Этрад, на требования которого Шавель не обратил внимания, кинул на меня гневный взгляд и вместе с другими придворными двинулся по крышам в сторону дворца. Тем временем горожане принялись сооружать носилки из обломков кресел и перил, чтобы унести раненых. Я устало прислонился к уцелевшему столбу и стал смотреть туда, где еще недавно высился Плавник. Часть его еще выступала над водой: белые обломки скал напоминали выщербленные зубы. Над ними носились птицы, не понимавшие, куда делись их гнездовья. В проливе уцелевшие лодки кружили, как обезглавленные водомерки, подбирая выживших. Может быть, одна из лодок спасет Блейз...

Я наклонился над обрывом так далеко, как только посмел, высматривая, нет ли лодок поблизости от того места, где исчезла Блейз, и с облегчением обнаружил, что узкий пролив бороздит множество лодок и морских пони.

И тут я увидел его — Мортреда... прямо подо мной. Он не воспользовался тропой вдоль острова, он спускался, цепляясь за камни, прямо к воде. Наверняка он намеревался использовать иллюзию и свою силу принуждения для того, чтобы заставить какую-нибудь лодку подобрать его; однако для этого нужно было добраться до края берега, а пока это ему не удалось — продвинулся он ненамного. Спуск по веревкам, натянутым сборщиками гуано, был трудным, движения Мортреда — осторожными. Он напомнил мне паука, подкрадывающегося к добыче по невесомым паутинкам. До меня долетел смрад дун-магии и острый запах страха.

Я не сразу понял, что это значит.

Мортред был испуган. Нет, более того — он испытывал смертельный ужас. Чтобы это заметить, мне не требовался чуткий нос. То, как медленно он спускался, как осторожно ощупывал веревки, как вздрагивал от птичьих криков, долгие паузы между движениями, скованность и явное нежелание взглянуть вниз, даже чтобы нащупать опору для ноги, — все это говорило об одном... Мортред, который на пути к власти безжалостно мучил и убивал людей, который по доброй воле стал

чудовищем, боялся высоты. Удивительное дело: я почти восхищался упорством, с которым он продолжал спускаться, — от человека, страдающего головокружением, подобный спуск требовал изрядного мужества.

Я поднял свой дирк, потом скользнул вниз по камням обрыва. Я боялся многого, в том числе силы Мортреда, но высота в этот список не входила. Тем не менее охватившее меня спокойствие казалось мне самому неестественным. Я твердо решил, что или выиграю эту схватку, или погибну, и всякий страх перед злым колдуном покинул меня. Я быстро спускался, цепляясь за веревки и выбоины в скале, с ловкостью, не свойственной такому неуклюжему человеку, как я. На птиц я не обращал внимания, хотя в обычных условиях существо с размахом крыльев в мой рост, проносящееся у самой моей головы, меня испугало бы.

Я быстро добрался до Мортреда.

Он поднял глаза и заметил меня. Вся его надменность, весь лоск покинули его; остались только страх и дикая злоба — не столько в мой адрес, сколько из-за его собственного резко изменившегося положения. Должно быть, он прочел в моих глазах решимость, но, похоже, не воспринял меня как серьезную угрозу — по предыдущей схватке он знал, что истинным убийцей по натуре я не был.

Я почувствовал вонь дун-магии, но понял, куда направлен поток силы, только когда увидел горящие веревки у себя над головой; вся сплетенная сборщиками гуано сеть начала распадаться. Я уцепился за неровности скалы и перепрыгнул на узкий карниз — как раз на уровне головы Мортреда. Рядом находились птичьи гнезда, и птенцы в праведном гневе шипели и плевались скверно пахнущей полупереваренной пищей.

Я скорчился на карнизе, вцепившись в неровности. Мортред нанес удар по утесу над моей головой, и я прижался к поверхности скалы, чтобы уберечься от летящих осколков. Большая часть каменного дождя обрушилась на самого Мортреда.

— Жителю соломенной хижины не следует зажигать огонь, — сказал я ему. Веревки, за которые он цеплялся, стали менее надежными: из-за того, что верхняя часть сети сгорела, они провисли, и теперь Мортред при каждом движении раскачивался над пропастью. Меня теперь занимала одна мысль:

скоро ли он решит, что все равно погибнет, и пожелает прихватить меня с собой.

Мортред выплюнул забившую ему рот каменную пыль.

— Кто ты такой? — прошипел он.

Слова словно вспыхнули у меня в мозгу.

«Это принуждение», — подумал я, но вместо того чтобы ответить, только усмехнулся: меня позабавила идея о том, что ему так важно узнать, кто такой его преследователь. Еще меня удивило то, что он попробовал прибегнуть к принуждению, хотя и знал, что я невосприимчив к его магии.

Я вытащил дирк.

— Никто. Просто человек вроде тех сотен обычных людей, которых ты мучил и убивал на протяжении всей своей несчастной жизни, Мортред. Меня отличает только одно: я тот, кто тебя убьет. — Я не слушал собственных слов; мой разум искал способ напасть на него, чтобы положить конец его злодеяниям.

— Я могу предложить тебе все, что только ты захочешь, — богатство, которого ты и вообразить не можешь...

— У тебя нет ничего такого, чего я хотел бы.

Должно быть, Мортред услышал в моем голосе искренность, потому что в его глазах промелькнуло странное выражение: неуверенность.

— Власть, — сказал он. — Ты и я — мы многого могли бы достичь. Ты обладаешь Взглядом, а я — маг. — Одной рукой он держался за веревку, другой цеплялся на выступ скалы как раз под тем выступом, на котором находился я. Я встал и резким движением ударил каблуком его по пальцам; мне доставило удовольствие услышать, как сломались кости.

— Это тебе за Лиссал! — бросил я. Это была неправда: я просто должен был оправдать свою жестокость в собственных глазах.

Мортред вскрикнул, и мой сапог начал тлеть, однако почему-то магия не оказала своего обычного действия. Я снова поднял ногу, и Мортред отшатнулся и отдернул руку. Мне удалось причинить ему серьезное увечье. На другой руке Мортреда, той, которой он держался за веревку, несколько пальцев отсутствовали. Я вспомнил, что их отсекла на косе Гортан Блейз.

Мортред осмелился посмотреть вниз. С такой высоты гребни волн казались всего лишь белыми черточками. Никто не мог бы остаться в живых, упади он с обрыва. Я подумал о том, осталось ли у Мортреда достаточно сил, чтобы разрушить весь главный остров...

— Ну так достань меня, ты, веснушчатый помидор! — заорал Мортред, но ярость не могла скрыть его страха.

Я не был настолько глуп. «Загнанный в угол травяной лев кусается сильнее всего», как говорят у нас на Небесной равнине. Я огляделся. Камень, который скинула сверху магия злого колдуна, лежал на карнизе рядом со мной. Я поднял его обеими руками. Он был размером с тыкву, но много, много тяжелее. Я держал его точно над головой Мортреда. Он поднял глаза.

— Что угодно, — сказал он, и голос его не выдал того страха, запах которого доносил до меня ветер, — я дам тебе что угодно. Сам назови, чего хочешь. Богатство? Власть? Любые женщины по мановению руки...

Я ощутил радость. В этот момент Мортред стал ничем — он больше не был могучим колдуном, погрузившим в морскую пучину Дастелы, не был опасным магом, превращавшим силвов Совета хранителей в себе подобных, не был насильником, державшим в страхе все Райские острова. Он мог использовать остатки своей силы, чтобы обрушить утес и погрести нас обоих под обломками, но страх смерти сделал его недееспособным. Обычный трус, ничем не отличающийся от самого жалкого человечка, вымаливающий снисхождение в последние моменты жизни... В эту секунду я почти испытывал сочувствие... но только почти.

Я бросил камень.

И все же даже тогда не все было просто. Мортред ударил по камню магической силой, и он разлетелся на тысячу кусков. Осколки поранили мне лицо и руки, но большая их часть посыпалась на Мортреда, который поднял свою изувеченную руку, прикрывая лицо. Тут я и увидел свой шанс. Распластавшись на карнизе, я вцепился Мортреду в волосы и одним движением перерезал ему дирком горло. В последней попытке остановить меня он отпустил веревку и здоровой рукой схватил меня за запястье... и начал падать, увлекая меня за собой.

В тот момент, когда он стащил меня с карниза, я выпустил дирк и ухватился за веревку. В ужасе я понял, что только хватка одной рукой отделяет нас обоих от падения в море, и с необыкновенной ясностью осознал, что все зависит от того, кто первый разожмет пальцы... или долго ли выдержит веревка — ведь значительная часть сети над нами была сожжена.

Из раны на шее Мортреда текла кровь. Я в отчаянии осознал, что не перерезал сонную артерию, и Мортред не истечет кровью — по крайней мере достаточно быстро. Он с обжигающей ненавистью посмотрел на меня и снова спросил — хотя теперь его слова были беззвучны:

— Кто ты? — Он с силой, несмотря на отсутствие нескольких пальцев, стискивал мою руку. — Кто?..

Я разрывался на части. Мортред свободной рукой пытался зацепиться за веревку, и я знал, что должен ему помешать. Я не мог позволить себе промедления: он найдет способ убить меня или мы погибнем оба. И я ударил его сапогом в горло, целясь в зияющую рану с кровожадной яростью, которая еще недавно вызвала бы у меня жгучий стыд. Мортред ударился головой о скалу, рана на горле увеличилась, и кровь ударила фонтаном. Рука его соскользнула с моего запястья. Мортред рухнул в море, а я повис, цепляясь за веревку и ловя ртом воздух.

Я следил взглядом за бесшумно вращающимся в воздухе телом. Казалось, оно летело бесконечно долго. Я определил момент падения с такой же точностью, как если бы слушал удары сердца Мортреда: я хорошо знал запах смерти. Всплеск воды был тихим и незначительным — едва ли такого конца следовало ожидать для человека, уничтожившего целую нацию.

Я подумал, что ужасов, да и вообще всего, с меня на сегодня хватит. Однако когда я посмотрел вверх, собравшись начать подъем, мимо меня с воплем пролетел голый человек, ударился о выступ, на котором я стоял, и уже молча, не подавая никаких признаков жизни, рухнул в море.

Я ничего не понял, это казалось бессмыслицей. Я не мог найти никакого объяснения отсутствию одежды. Я в растерянности начал карабкаться наверх, стараясь сосредоточиться только на том, чтобы поскорее попасть в город. Когда я добрался до верха обрыва, там оказались Райдер и Дек; они и помогли мне выбраться на платформу.

— Мы издали увидели твою схватку с Мортредом, — тихо сказал Райдер, — так что мы вернулись. Это в самом деле был Мортред? Он мертв? — Райдер казался странно притихшим. Запах его говорил о том, что он изо всех сил борется с шоком.

Я кивнул.

— Ты уверен?

— Я почуял его смерть.

В дальней части платформы я увидел на камнях еще одно нагое тело; лицо умершего было разбито, руки и ноги вывернуты под странным углом.

— Кто... кто это? — спросил я растерянно.

И кем был человек, пролетевший мимо меня и упавший в море?

Отовсюду вокруг доносились нечеловеческие крики, полные муки, как будто за время моего недолгого отсутствия разразилась катастрофа, уничтожившая часть жителей города. Меня начало трясти.

— Не знаю, — ответил Райдер.

Запах патриарха сказал мне, что ему не хочется делиться со мной своими мыслями. Я чувствовал его горе, ярость, но больше всего — шок; эту смесь чувств было видно по его лицу, даже не требовалось принюхиваться... Я повторил вопрос, хоть уже и понял, что не хочу знать ответ.

— Я думаю... что это, возможно, Руарт, — сказал Райдер.

Я попытался понять, что остается несказанным.

— Человек упал с неба, когда мы возвращались, — объяснил Райдер. — Словно ниоткуда...

— Там, подальше, лежат еще несколько, — дрожащим голосом добавил Дек. — Без одежды, мужчина и женщина... и паренек примерно моего возраста. Все вроде как разбившиеся при падении. — Глаза Дека были широко раскрыты. Он рвался в бой; теперь, когда он вблизи увидел его последствия, он не знал, как ему это вынести.

Какое-то мгновение я тоже не понимал. Я оглянулся на то, что осталось от Плавника и Сухаря, потом посмотрел на море, где плавала Блейз, живая или мертвая, потом на обнаженное тело на платформе. И тут в ослепительный момент понимания мой мир навсегда изменился.

Я упал на колени.

Как же я был слеп... Уверенный в том, что магии на самом деле не существует, уверенный в собственной правоте, уверен-

ный в том, что жители Дастел вовсе не были заколдованы Мортредом Безумным — Гетелредом Скодартским...

— О небеса, — прошептал я, — что я наделал!

Глава 37
Рассказчик — Келвин

Я запомнил только одно от своего возвращения в центр Верхнего Города. На одной из крыш собралась толпа; все смотрели вниз, где на узком наличнике окна сидела голенькая девочка. Ей было года три, мне кажется, и она плакала от страха. Гвардеец попытался дотянуться до нее и вытащить в безопасное место, но малышка так его испугалась, что сделала единственное, что умела: взмахнула руками и кинулась в воздух...

Я прошел прямо в свою комнату во дворце, взял свою сумку с медикаментами и попросил проводить меня к ближайшей больнице.

Я мало что помню о том дне и о последовавшей за ним ночи. Передо мной чередой проходили люди, по большей части с переломами костей и внутренними повреждениями, а врачей было слишком мало... целителей-силвов не было вовсе. Многие жертвы были так молоды... Через некоторое время они слились для меня воедино. Еще одно изломанное тело... или, может быть, это была одна и та же жертва — снова и снова? Я больше не мог их различить.

Когда к концу следующего дня новые пациенты перестали появляться, я вернулся во дворец владычицы. Выходя из больницы, я заглянул в помещение, куда складывали мертвые тела для опознания. Большинство не имело одежды...

Следующее, что я помню, — это что я долго просидел в своей комнате в темноте. Я ни о чем конкретно не думал... правда была слишком велика и слишком ужасна, слишком многое мне нужно было принять и обдумать в деталях... так что я просто сидел.

Я смутно помню, что приходил Дек и жаловался на несправедливость: накануне все сражались, а ему пришлось просто

стоять у моста, пока не прибежал Тор и не забрал его с собой. И даже когда они добрались до платформы, им уже нечего оказалось делать.

Поняв, что ответа от меня он не дождется, Дек ушел.

Через несколько минут в открытую дверь забежал Следопыт. Положив голову мне на колени, он начал скулить. Он тоже накануне не участвовал в событиях: ему дун-магия могла причинить вред, поэтому Блейз заперла его в своей комнате. Когда и на него я не обратил внимания, Следопыт тоже ушел.

Меня охватила ужасная сонливость: мне было слишком трудно разговаривать, трудно даже потрепать по голове собаку...

Следующая явилась Блейз. Я не удивился ее появлению: кто-то, не помню кто, уже сообщил мне, что она выжила. Одна из лодок подобрала ее в океане, покрытую синяками, измученную, но невредимую. Блейз закрыла за собой дверь, но говорить мне ничего не стала. Она прошла в ванную, открыла краны и наполнила ванну горячей водой. Потом, подойдя ко мне, она опустилась на колени и расшнуровала мои сапоги. Все это время она не произносила ни слова. Я осознавал ее присутствие, но туманно, как если бы я издалека наблюдал за происходящим с кем-то другим.

Блейз расстегнула мою покрытую пятнами крови рубашку, и я покорно позволил ей ее с меня снять. Какая-то часть меня осознавала всю эту кровь, ее отвратительный запах, но двигаться по собственной воле я, кажется, был не способен. Блейз потянула меня за руку, и я, все так же вяло, встал. Блейз спустила с меня штаны и отвела в ванную. Я был настолько одурманен, что это меня не смутило. Я вообще был никаким.

Думаю, что Блейз меня вымыла, но воспоминаний об этом у меня не сохранилось. Должно быть, она помогла мне и одеться, потому что следующее, что я помню, — это что я, полностью одетый в чистую одежду, сижу на своей постели, а Блейз сидит передо мной в кресле, и ее колени касаются моих. Она обхватила руками мое лицо, так что мне приходилось на нее смотреть... смотреть ей в глаза.

— Мне жаль, что я так раздраженно с тобой разговаривал, — сказал я, имея в виду наш последний разговор наедине. — Насчет Флейм... — Мне почему-то казалось, что это очень важно. Я тог-

да ужасно разозлился и накричал на нее, а потом, когда я думал, что она погибнет, мне стало стыдно.

— Я знаю, — сказала Блейз. — Мне тоже жаль, что я тебе такого наговорила и в таком тоне. — Она нежно коснулась моей щеки, словно утешая ребенка. — Кел, мы не знаем наверняка, был ли то Руарт. Это мог оказаться любой из дастелцев. — Блейз повторила свои слова дважды, чтобы убедиться: я действительно их услышал и понял.

— Я знаю, что то был не Руарт, — сказал я, наконец заставив себя думать о чем-то таком ужасном, что даже представить это мне казалось совершенно невозможным. — Пах он иначе. Только какое это имеет значение? Если Руарт не объявился, значит, он мертв, и мы оба это знаем.

Блейз крепко стиснула мои руки.

— Кел...

— Любой дастелец, — перебил я ее, — который был в воздухе, по всем островам... Только подумай! Мать, несущая корм своим птенцам. Подросток, совершающий свой первый полет. Или целая стая, вылетевшая в поисках пищи. Сколько было таких случаев? Сколько тысяч? Десять? Пятьдесят? Пятьсот тысяч? Разве мы когда-нибудь узнаем?

— Нет, — тихо ответила Блейз. — Нет, никогда не узнаем.

Я бросил на нее растерянный взгляд. Я хотел, чтобы она меня опровергла, сказала, что все не так страшно, что я ошибаюсь. Вместо этого Блейз сказала:

— Нам всем придется научиться жить с этой ношей, Кел, как все мы привыкаем жить с мыслью, что когда-нибудь мы сами умрем. Их убил не ты, их убил Мортред. Убийца — Мортред-Гетелред, повелитель Скодарта. Он убил дастелцев в тот момент, когда превратил в птиц их дедов и прадедов, больше девяноста лет назад.

Я с трудом находил слова и в конце концов смог только прошептать:

— Я ведь не верил, знаешь ли... На самом деле я не верил тому, что ты рассказывала мне про дун-магию. Я думал, что знаю больше. Существует наука, и она дает ответы на все вопросы. Дун-магия — всего лишь болезнь... дастелцы никогда не были людьми, это всего лишь миф. Значит, убийство злого колдуна ничего не изменит. Я так был уверен... — Я помолчал. — Я был высокомерен в своей уверенности... — Я сморгнул сле-

зы. — Но они-то знали правду, Блейз. Руарт, дастелцы Ксолкаса, Комарт... Так почему они продолжали летать? Они же все знали, что Мортред должен был вчера умереть.

— Они были птицами, Кел. Может быть, они не могли себе представить, что не смогут летать.

— Дело, должно быть, не только в этом.

— Я пыталась поговорить с теми, кто выжил. Я хотела найти Руарта. Только с ними трудно объясниться. Они еще не научились говорить, все время пытаются чирикать и хлопать крыльями. — Блейз сглотнула. — Это ужасно, Кел. Они даже не узнают друг друга, не представляют себе, как выглядят члены их семей, не могут найти своих любимых. Они не могут выговорить своих имен, не знают, каковы их собственные лица. — Блейз сделала глубокий вдох. — Ксетиана послала гвардейцев на помощь детям, оказавшимся на крышах домов и наличниках окон... и взрослым тоже. Не все ведь погибли, знаешь ли.

Меня передернуло, когда я попытался представить себе все, что должно было происходить в тот день по всем островам.

— Сотворение, Блейз, — прошептал я, — тело, падающее с неба, может причинить много вреда. Не только дастелцы умирали вчера. — Я беспомощно развел руками. — В больнице были и другие жертвы...

Блейз опустила глаза на наши сплетенные руки.

— Я знаю.

— И Плавник... Я убил Мортреда недостаточно быстро, чтобы люди на Плавнике остались в живых. Как... как смогу я жить дальше? Как смогу я жить с этой виной?

Блейз долго молчала, прежде чем ответить, потом сказала:

— Ты сделал все, что мог. Как может кто-либо совершить больше?

Наши глаза встретились, и я тихо спросил:

— Блейз, ты знала, что должно произойти?

Она грустно покачала головой.

— Я задавала этот вопрос Руарту. Конечно, я знала. И Флейм знала тоже. Неужели ты думаешь, что мы все давным-давно не представили себе возможных последствий? Руарт сказал, чтобы мы не беспокоились. Он убеждал Флейм, что все будет происходить достаточно постепенно, чтобы любой дастелец успел опуститься на землю. — Блейз печально потупилась. — Она

ему поверила, я сомневалась. Дастелцы превратились в птиц мгновенно; как можно было рассчитывать, что обратное изменение не произойдет так же? Потом Руарт отозвал меня в сторонку и сказал, что многие дастелцы не верят, будто когда-нибудь перестанут быть птицами. Ведь не они сами подверглись действию дун-магии, а их деды и прадеды, и старшее поколение уже вымерло. Так что многие дастелцы считали, что смерть Мортреда вернет на поверхность острова, но сами они останутся птицами, потому что такими родились.

— И они ошиблись.

— Да, они ошиблись. — Блейз отвела глаза. — Руарт как-то сказал, что все птицы-дастелцы готовы умереть ради того, чтобы дастелцы-люди могли вернуться домой. В то время я не обратила на его слова внимания, но теперь... теперь я думаю, что он говорил всерьез. Те, кто погиб в момент смерти Мортреда, были к этому готовы, но не летать они не могли. Они ведь были птицами. Это все равно как если бы мы попытались запретить людям ходить, чтобы не подвергаться опасности.

— Он сказал мне, что хотел бы сам убить злого колдуна, если бы мог... и что я не должен оглядываться назад. Я не понял, что он имел в виду. Однако он уже тогда знал, что я могу оказаться тем, кому придется убить Мортреда.

— Мудрые слова. — Блейз снова посмотрела мне в глаза. — Кел, раз дастелцы могли примириться со своей судьбой, так же следует поступить и нам.

Думаю, что больше всего мне в Блейз всегда нравилось как раз это: ее безжалостная честность. Она никогда не укутывала факты в покрывало красивых слов и лицемерия. Так я и запомнил ее слова: «Они умерли, Кел. Учись жить с этой ношей». Вот я и пытаюсь, вот уже пятьдесят лет пытаюсь...

— Как ты думаешь, что с ним случилось? — спросил я.

— С Руартом? Мы с Тором и Деком искали всюду. Если мы могли и не узнать его, то уж Следопыт узнал бы.

— И что?

— Один из дастелцев упал с утеса рядом с портом, когда умер Мортред. Люди видели, как он упал на камни, а потом его смыло волной. Тело его найти не удалось, но сомнений в том, что он погиб, нет. Мы... мы думаем, что это, возможно, и был Руарт.

— Почему? Что заставляет вас так думать?

— Потому что он последовал бы за Флейм.

И тут я вспомнил, что было главной причиной нашего прибытия на Ксолкас.

— Флейм... — прошептал я, потрясенный тем, что на время смог полностью о ней забыть. — Но где Флейм? И что с ней?

Блейз помедлила, и я ощутил ее беспокойство и горе.

Меня окатила новая волна ужаса. Мне снова захотелось ничего не знать, не оказаться перед необходимостью принять неприемлемое.

— Ох, дерьмо, — пробормотал я, чувствуя тошноту. — Она мертва?

— Нет, нет, — поспешно успокоила меня Блейз. — Нет. Мы думаем, что она уплыла на «Любезном».

Я вытаращил на нее глаза, пораженный услышанным.

— Ты ведь знаешь: она исчезла после возвращения во дворец. Она сделала это намеренно, должно быть, воспользовавшись иллюзией. «Любезный» вышел в море вскоре после этого. На борту оставались две женщины, бывшие силвы — ну, помнишь, те, которые не умели плавать, — и порабощенная команда. Мы думаем, что Флейм тоже была на корабле.

— Неужели чиновники порта не попытались их остановить? Как я понимаю, туда был послан отряд лучников с приказанием...

— Они не видели, как «Любезный» отчалил.

— Опять иллюзия?

Блейз кивнула.

— Думаю, это была работа Флейм, а не тех двоих.

— Но почему? Почему она решила бежать?

Блейз пожала плечами.

— Может быть, она узнала тебя и поняла, что мы скоро ее освободим. Та ее часть, что уже была порабощена дун-магией, не хотела снова сдаваться силв-магии. Вот она и убежала. А возможно, она и не подозревала, что помощь близко, и просто хотела улизнуть от Мортреда. Мне кажется, сохранявшаяся в ней сущность силва заставляла ее понять, что рано или поздно она предаст Руарта. Убежав от Мортреда, она могла спасти Руарта — так по крайней мере она, наверное, надеялась. — Блейз хмыкнула, невольно восхищаясь Флейм. — У нее всегда хватало мужества. Флейм — одна из самых смелых женщин,

каких я только встречала. Может быть, она скрылась, не зная, что Мортред должен умереть, спокойно украла у него из-под носа его корабль и уплыла. — Блейз пожала плечами.

— И ты думаешь, — сказал я твердо, — что Руарт последовал за ней, и в этот-то момент я убил Мортреда.

Блейз кивнула.

— Не думаю, что Флейм позволила бы Руарту уплыть с ней вместе на «Любезном». Она хотела сбежать от него, как и от Мортреда. — Голос Блейз стал хриплым.

Я опустил голову.

— Тогда она для нас потеряна, Блейз. — Я вспомнил, что Флейм была ее ближайшей подругой, единственной, какая у нее только была. Я ощущал ее горе, смешивающееся каким-то образом с моим собственным, и запах ее страдания разрывал мне сердце. На мгновение я почувствовал, что не могу отделить свои чувства от ее. Блейз продолжала держать меня за руки и, не сдерживаясь, делилась со мной своими горестями — таков был ее способ показать, что она понимает мои переживания.

— Даже если бы нам удалось найти ее снова, — сказал я, — было бы, наверное, слишком поздно.

Блейз встревоженно покачала головой.

— И все-таки мы что-то упускаем. Я в этом уверена.

— Да, — согласился я, — думаю, ты права. — Я пытался понять, что же именно меня тревожит. — Все бывшие силвы — и те, что были на острове на Плавучей Заросли, и те, что здесь, — пахли дун-магией Мортреда. С Флейм было иначе. Она пахла скорее как Джинна.

— Джинна?

— Та девочка-силв, о которой я тебе рассказывал, изнасилованная одним из приспешников Мортреда.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Сам не знаю... Я вот думал, может быть, дело в том, что всех остальных заразил Мортред, но Флейм пострадала от кого-то другого. Да и Джинна... с ней тоже так было.

Блейз непонимающе смотрела на меня.

— Ты имеешь в виду, что с Флейм это случилось уже после того, как мы покинули косу Гортан? Но кто... Как могла Флейм встретить злого колдуна, а я об этом ничего не знала бы?

— Может быть, пока тебя держали в тюрьме?

Блейз обдумала такую возможность.

— Едва ли такое могло случиться. — Блейз, хмурясь, пристально смотрела на меня. — Кел, расскажи мне все, что ты вычитал насчет дун-магии. Все, что только сможешь вспомнить. Ты говорил раньше, что тебя что-то озадачивало...

Я достал свои выписки, сделанные из книг Гэрровина, и начал все подробно пересказывать Блейз. Вдруг на середине фразы она перебила меня:

— Погоди! Что ты только что сказал?

— Что женщины-силвы рожают детей, зараженных дун-магией, если вступают в связь со злым колдуном.

— Да, когда-то и Датрик говорил мне то же самое. Я тогда особенно не задумалась, а вот теперь... Кел, разве ты не помнишь? Флейм рассказывала нам, что силвы способны воспротивиться зачатию. Да ведь она прямо сказала нам, что именно так и поступила, когда была изнасилована Мортредом!

— Да, я помню, — кивнул я.

— Так как же получается, что силвы рожают дун-магов? Ни одна женщина, обладающая даром силва, добровольно не разделит ложе с дун-магом, можешь мне поверить. Значит, он должен был бы ее изнасиловать, а жертва должна была бы воспрепятствовать зачатию.

— Конечно, если бы ей это удалось, — согласился я и почувствовал, что сердце у меня колотится так, что становится трудно дышать. — Джинна была беременна, а ведь она была силвом... Значит, она определенно ничего не смогла сделать.

Последовало короткое молчание. Потом Блейз прошептала:

— Этого ты мне раньше не говорил.

— Я не думал, что это так важно...

— Ох, дерьмо! — простонала Блейз. — Дерьмо! Флейм носит под сердцем ребенка Мортреда! Так вот что он имел в виду! Его наследие... Его наследие распространится по всему архипелагу! Его ребенок станет наследником престола и на Цирказе, и на Брете. Флейм не требуется забеременеть от властителя Брета — она уже беременна. Мортред собирался обмануть властителя и выдать своего ублюдка за его собственного ребенка. — Блейз с ужасом смотрела на меня, голос ее дрожал. — Этот ребенок и есть тот дун-маг, который превращает Флейм в свое подобие, Кел. Ее собственное дитя! Поэтому-то она и пахла

не так, как раньше. Она предала нас, потому что ее изнутри развращал ребенок — ребенок, а не Мортред.

Я был поражен так, что не сразу смог заговорить.

Блейз вскочила и начала ходить из угла в угол.

— Да пропади пропадом твои глаза, Гилфитер! Что же ты за врач! Предполагается, будто любой лекарь заметит, что женщина беременна!

Было бесполезно объяснять Блейз, что такими вещами в нашей семье занимались женщины. Я продолжал молчать.

Блейз быстро произвела подсчет.

— Прошло четыре месяца с тех пор, как ее изнасиловали. Она должна была знать... Она давно должна была знать! Ох, морской дьявол, скажи она хоть что-нибудь, ты мог бы принять меры!

— Может быть, и смог бы. Только, Блейз, уж очень доверчив должен был бы оказаться властитель Брета, чтобы счесть собственным ребенком отпрыска, родившегося всего через пять месяцев после свадьбы.

— Как только Флейм стала бы женой властителя, она сумела бы принудить весь тамошний проклятый двор признать ребенка наследником престола... на это Мортред и рассчитывал, не сомневаюсь. — Блейз неожиданно уселась и закрыла лицо руками. — Как такое могло случиться?

— Очень просто, — ответил я, горько сокрушаясь по поводу собственной тупости. — Ни одна женщина-силв не окажется изнасилована дун-магом, если только его сила не больше, чем у нее. А раз он сильнее, значит, его магия превратит в ничто ее попытки воспрепятствовать зачатию.

— И она даже ничего не осознает...

— Похоже на то.

— Да провалится этот подонок в Великую Бездну! Ах, что за гад! Даже мертвый, он сможет отравить нам жизнь!

— Блейз, мы же не знаем, что чувствует Флейм. Ребенок-то — Мортреда, который ее изнасиловал. Потом он использовал принуждение, чтобы заставить Флейм делать то, чего он хочет. Теперь Мортред мертв, и Флейм освободилась... Мы не знаем, какое действие оказала на нее смерть Мортреда. Может быть, теперь нам будет легче... легче сделать ее прежней. Может быть, она даже на Брет не отправится.

— Она освободилась от Мортреда, это верно. Но не от его ребенка! Она не освободилась от осквернения. Виновник жив и находится в ее теле! Проклятие, Кел, ребенок, должно быть, каким-то образом защищает себя. Он ведь не позволил ей рассказать нам...

— Едва ли он к этому моменту уже стал разумным существом. Это же только зародыш!

— Я во что угодно готова поверить, раз это выродок Мортреда!

Мы смотрели друг на друга, раздавленные тем, что нам открылось. Глаза Блейз были полны слез. Она сердито смахнула их рукой.

— Нам нужно придумать план... Тор, кстати, хочет все с тобой обсудить.

— Райдер? О чем ему со мной говорить?

— Он собирается следующим пакетботом вернуться на Тенкор и хочет, чтобы ты отправился с ним вместе.

Я попытался найти в этом смысл.

— Почему на Тенкор? И почему я? Ведь ему следовало бы заняться поисками Флейм.

— Он думает, что существует лучший путь. Он мечтает найти лекарство от дун-магии и полагает, что вам с ним такое удастся. Он считает, что такое лекарство — единственное, что может спасти Флейм. И то обстоятельство, что Мортред мертв, еще не означает, что силвам не грозит осквернение. Многие приспешники Мортреда могут знать, как это сделать. Никогда не удастся положить конец скверне, Кел, пока не будет положен конец магии.

Я невесело рассмеялся.

— Ну разве не смешно, девонька: не успел я поверить в магию, как Райдер решает, что это — болезнь и может быть излечена. — Я мог только покачать головой, удивляясь человеческому безумию.

— Ну, понимаешь, Тор не считает, будто магии не существует, но он пришел к выводу, что она передается как болезнь, а значит, и может быть излечена как болезнь. Он хочет поработать над решением этой проблемы на Тенкоре.

— А ты? Хранители объявили награду за твою поимку. На Тенкоре ты была бы в безопасности.

Блейз фыркнула.

— Можешь ты представить меня в окружении всех этих патриархов? Да я за неделю сойду с ума от скуки. Нет, мы с Деком постараемся найти Флейм. Не знаю, что мы обнаружим, я не уверена даже, куда она отправилась, но я ее найду. А тогда... тогда посмотрим. Ксетиана согласилась дать мне денег. Ее ужасно тревожит возможность брака злой колдуньи с властителем Брета, так что она готова заплатить мне, чтобы я вмешалась.

Я вытаращил на Блейз глаза.

— Вот уж не думаю, что Флейм отправится на Брет, чтобы выйти замуж за властителя по собственной воле.

— Она стала злой колдуньей... или почти стала. Чего больше всего на свете хотят дун-маги? Власти, Кел. Власти, которая позволяла бы мучить, уродовать, убивать. Да, я думаю, что она отправилась на Брет. Я думаю, что она выйдет замуж за властителя, а потом через некоторое время убьет его. Ее ребенок взойдет на престол, а она станет регентшей. Когда умрет ее отец, она предъявит свои права на трон Цирказе. И получит в свое распоряжение черный порошок для пушек.

Мне трудно было поверить, что говорит она о Флейм. Глядя на Блейз, я ощутил дурноту.

— Ты собираешься ее убить.

— Если не будет другого выхода... Я это ей обещала.

— А если мы с Тором найдем лекарство от магии?

— Для Флейм может оказаться слишком поздно... Скажи мне, Кел, сколько времени понадобится, чтобы найти лекарство, если оно вообще существует? Год? Два? Шесть?

— Всегда можно прибегнуть к помощи хранителей и исцелению силв-магией...

— В качестве последней меры такое возможно. Только я предпочла бы, чтобы хранители пока ничего не знали. Они скорее убьют Флейм, чем станут рисковать приходом к власти злой колдуньи. Что ж, может быть, и я так поступила бы, но по крайней мере я сначала испробую все возможности спасти Флейм. Хранители могут оказаться не столь... добросовестны.

— Значит, они тоже станут охотиться на Флейм, если узнают, что случилось?

— Непременно. И за мной Датрик тоже устроит охоту, как только узнает о событиях на Ксолкасе. Хранители, будь они

прокляты, повсюду имеют шпионов. — Блейз грустно улыбнулась. — Не тревожься, Кел. Я не знала бы, что с собой делать, если бы жизнь вдруг оказалась легкой.

Я чуть не задохнулся от горечи, услышав такое, и отвернулся, чтобы Блейз не видела моего лица.

— Похоже, вы все уже решили.

— Никто не принуждает тебя, Кел. Ты можешь отправляться куда пожелаешь, делать что хочешь. Только все-таки поговори с Тором. Я знаю, ты его не любишь, но он хороший человек.

Мне хотелось воскликнуть: «О небеса, да перестань же! Мы с тобой вдвоем позаботились о том, чтобы он перестал быть добрым. Теперь он полон ярости из-за того, что мы с ним сделали. Он жесткий и стал еще более жестким из-за той скверны, которой мы его наградили».

Как говорил мне старый гхемф? «Мы сегодня совершили большее зло, чем думали...»

Но я ничего этого не сказал. Я не мог взваливать на Блейз еще более тяжелую ношу, чем та, которую она уже несла. Я вздохнул. Ничего из того, что нам предстояло сделать, не было легким... не было даже безопасным.

Я подумал о Джастрии и Небесной равнине, подумал о своем изгнании и своей семье, подумал о дастелцах и о тех людях с Плавника, которые погибли из-за меня, и понял, что всю свою жизнь буду пытаться загладить вину и все равно плохо спать по ночам. Я думал о Руарте, который любил Флейм так долго, так преданно и так трагически. Я думал о Флейм, оскверняемой ее собственным злосчастным ребенком, которую ждало будущее столь ужасное, что это было невозможно даже вообразить. Я думал о Блейз, поклявшейся убить свою любимую подругу, о Блейз, на которую охотились те самые люди, которым она когда-то служила. Я чувствовал, что отчаяние раздирает меня на части.

— Сколько сейчас времени? — спросил я.

— Поздний вечер. Давай поужинаем и отправимся спать. Ты совсем измучен. — Блейз встала и протянула мне руку. — Вставай, Гилфитер. Нам нужно обсудить наши планы. Нас ждут дальние дороги и трудные дела.

Я не ответил на ее пожатие. Вместо этого я с любопытством спросил:

— Скажи мне, Полукровка, неужели ты никогда не сдаешься?

Блейз склонила голову к плечу и задумалась.

— Первые тридцать лет жизни я прожила, не имея друзей, а потом встретила Флейм. И Тора. И тебя. И Дека. За каких-то несколько недель... нет, с того самого дня, как я встретила Флейм, моя жизнь изменилась. — Блейз криво улыбнулась и пожала плечами. — Я все это говорю вот к чему: я бы пересекала Райские острова из конца в конец дважды в год, если бы так можно было помочь Флейм. Нет, я не собираюсь сдаваться. И если когда-нибудь мне и придется сдаться, то только чтобы убить ее, чтобы избавить ее от страданий. Я дала такое обещание, и я его сдержу. — Мгновение Блейз молчала, потом спросила: — Тебя это шокирует?

Я покачал головой.

— Не забудь: именно по такой же причине я убил Джастрию.

— Ты сумел примириться со смертью Джастрии, мне кажется.

— Да, пожалуй. Я по-прежнему не думаю, что ее желание причинить мне боль было мною заслужено, но винить ее я не могу. Ее следует жалеть, а не упрекать. Люди — существа более сложные, чем я когда-то думал. Я многому научился за последние недели.

— Я тоже. И не все мои открытия были приятными. Я... я потеряла друга, потому что хотела спасти ему жизнь. Сейчас я собираюсь лишиться лучшей подруги, убив ее... Можно подумать — хоть это и неправда, — что я очень расточительна, когда дело касается друзей. — В словах Блейз звучал скорее суховатый юмор, чем горечь, но все равно они заставили меня попытаться ее утешить.

— У тебя остаюсь я.

— Ох, так ли? Судя по моим замашкам, я того и гляди и в отношении тебя совершу что-нибудь ужасное.

— Девонька моя, ты это уже совершила — разве ты забыла? Еще в самом начале нашего знакомства... Ты украла моего селвера и разрушила мою жизнь. — Я улыбнулся ей. — И все равно я тут как тут, и мне почему-то кажется, что ничего худ-

шего сделать мне ты уже не сумеешь, так что от данного друга тебе в жизни не удастся избавиться.

Блейз не ответила на мою улыбку — она закусила губу и отвела глаза.

— Это... это много для меня значит. Спасибо.

— Ты что-то говорила насчет ужина, — напомнил я, желая сменить тему разговора.

Блейз снова протянула мне руку, и я неуклюже поднялся на ноги. Устал я безумно.

— Кел, с тобой все будет в порядке? — спросила Блейз.

Я знал, что она говорит не о моей усталости, и честно ответил:

— Не знаю. Может быть, понемногу... В том, что случилось с дастелцами, я был инструментом, хоть и не причиной. Моей вины в их гибели нет, это все равно когда-нибудь случилось бы. Мортред не мог жить вечно. И все равно я жалею, что не разделался с ним быстрее. Тогда люди на Плавнике остались бы в живых. — Мои слова ничего, конечно, не меняли — факт оставался фактом: мои действия повлекли смерть тысяч людей на всех Райских островах, и мне предстояло всю жизнь терзаться своей виной. Блейз это знала, как знал и я. — Блейз...

— Да?

— Мне ужасно жаль, что я подверг тебя такому риску — там, на Сухаре — только потому, что мне не хватило духу убить Мортреда быстрее. Я ведь все ждал, что явится кто-то из вас и возьмет грязную работу на себя.

Лицо Блейз расплылось в улыбке.

— Э, Гилфитер, разве это была бы жизнь — без капельки волнений? У тебя в запасе было две секунды — куча времени.

Я не понял, о чем она говорит.

— Две секунды?

— Когда Мортред ударил дун-магией — он метил в Сухарь, где я находилась, а не в Плавник. Только все получилось не так: из-за того, что ты его ударил, Мортред потерял контроль над своей силой, и она рассеялась во всех направлениях и особого вреда не причинила. Тем, кто был на Плавнике, не повезло: Плавник оказался ближе, так что удар обрушился сначала на него. Вот в этом и было все дело, Кел. Ударь ты Мортреда на две секунды позднее, все случилось бы иначе: Сухарь пре-

вратился бы в пыль... и падать мне пришлось бы с большой высоты. Тогда бы я тут не стояла.

Я был поражен.

— Две секунды...

Блейз кивнула.

— Я чуть тебя не убил... — Сердце у меня замерло — как в тот момент, когда Плавник обрушился и я думал, что Блейз окажется под завалом. В тот момент мне так хотелось сказать ей правду, так хотелось, чтобы она знала: мне нравилась совсем не Флейм, а она, Блейз. С той самой ночи на Небесной равнине, когда она говорила со мной о Джастрии и о своем друге, которого ей пришлось убить, и мы вместе любовались лунными цветами, я думал только о ней. В конце концов, когда мы добрались до Ксолкаса, я любил ее не меньше, чем раньше любил Джастрию... нет, гораздо больше.

Да, мне хотелось сказать ей об этом, как много раз хотелось раньше, только какой в этом был смысл? Сначала я неверно понял их отношения с Флейм, а потом на сцене появился Райдер; я видел, с каким выражением Блейз смотрит на него, будь он проклят. Он обладал всем, чего я был лишен, — мужественной красотой, уверенностью в себе, опытом многих странствий, положением в обществе. Он был тем, кто не раз спасал Блейз жизнь, был человеком, равным ей во всем. Разве мог с ним соперничать рыжий лекарь, спотыкающийся на ровном месте?

Я ревновал к Райдеру, конечно. И я спас его ради Блейз — а вовсе не потому, что так уж заботился об этом менодианском патриархе. Его жизнь я купил ценой свободы двенадцати злых колдунов — только потому, что она его любила. Я так и не смог с тех пор понять, делает это мой поступок более или менее достойным...

Я улыбнулся.

— Как хорошо, что ты умеешь так быстро бегать, правда?

— Правда, друг мой пастух, — ласково сказала Блейз. — Пошли ужинать. Баранина, которую готовят на Ксолкасе, очень хороша.

За постоянным подначиванием скрывалась теплая дружеская привязанность, и этим мне приходилось довольствоваться.

От агента по особым поручениям
Ш. айсо Фаболда,
Департамент разведки,
Федеральное министерство торговли, Келлс,
Достопочтенному М. айсо Кипсуону,
Президенту национального общества
научных, антропологических и этнографических
исследований не-келлских народов

15/1 месяца Одной Луны, 1794

Дорогой дядюшка!

Мне очень жаль, но новой порции перевода для Вас у меня еще нет. Натану пришлось много времени потратить на работу с другими документами, которые в срочном порядке затребовало министерство.

Дядюшка, мне очень нужен Ваш совет: дело касается Аниары. Как Вам известно, между нами возникла глубокая симпатия, и я даже «поставил вопрос ребром», как говорит теперешняя невоспитанная молодежь. Однако, к несчастью, в настоящий момент наши отношения не вполне безоблачны. Аниара требует, чтобы я взял ее с собой в путешествие к Райским островам. Стань она моей женой, было бы вполне возможно включить ее в состав экспедиции: иметь при себе супругу — одна из привилегий руководителя. Однако мне представляется, что благовоспитанной даме не место на корабле. Когда я сказал об этом Аниаре и попросил ее проявить терпение, она была очень недовольна. Наша помолвка оказалась разорвана. Насколько мне известно, Аниара обратилась к министру торговли. Мне она об этом, конечно, не говорила, но из других источников я уз-

нал, что она пытается добиться, чтобы ее включили в экспедицию в качестве сотрудницы.

Не сообщите ли Вы мне, не приходили ли соответствующие запросы в наше общество? Не интересовалось ли министерство Вашим мнением? Я глубоко встревожен, потому что могу оказаться в дурацком положении, если Аниара добьется своего, прибегнув к покровительству супруги Протектора. Поэтому-то я так нуждаюсь в Вашем совете. Нет ли способа сделать так, чтобы общество рекомендовало отклонить просьбу Аниары об участии в экспедиции?

По правде сказать, дядюшка, я начинаю думать, что вовремя избег опасности. Госпожа Аниара айси Терон, несомненно, представляет собой худшую разновидность синего чулка и совершенно неуправляема. Никогда в жизни я так не обманывался. Как выяснилось, она даже проникла в библиотеку общества и стала читать воспоминания Блейз Полукровки в их неадаптированном виде! Не сомневаюсь, что Вам этот факт не был известен. О чем только думал библиотекарь, позволив ей такое! Ведь на полках хранятся отчеты об антропологических исследованиях, совершенно не подходящие для глаз благовоспитанных представительниц слабого пола. Более того: теперь Аниара буквально одержима мыслью о встрече с Блейз Полукровкой! Можете Вы себе такое представить? Дядюшка, я горячо надеюсь на Вашу поддержку и на то, что Вы наведете порядок в делах общества.

Что касается следующей порции перевода, я постараюсь доставить ее Вам как можно быстрее. Эта часть содержит, конечно, сведения о дальнейшей судьбе Блейз и Гилфитера, но также и о некоторых других людях, с которыми мне удалось побеседовать. Особенно интересно интервью с одним из тенкорских ныряльщиков. Поразительная личность! Как говорится, служил и нашим, и вашим. Кроме того, я многое узнал, получив доступ к архивам Патриархии и к протоколам Совета хранителей. Все это чрезвычайно интересно и проливает новый свет на мифы, поверья и историю Райских островов.

Проблемы с недостатком информации у меня никогда не было; трудность скорее состоит в том, чтобы отделить зерна от плевел.

Остаюсь Ваш преданный племянник
Шор айсо Фаболд

Словарь

В настоящем словаре приводятся сведения о принятых на Райских островах понятиях и действующих лицах их истории, извлеченные из сочинения Аниары айси Терон, опубликованного в 1794—1795 годах и относящегося к событиям 1742 года. Оригинал рукописи хранится в национальном обществе научных, антропологических и этнографических исследований некеллских народов.

«Гордость хранителей» — название корабля советника Датрика.

Алайн Джентил — менодианский патриарх с архипелага Спаттс, убитый при пушечном обстреле Крида; друг Тора Райдера.

Анисти Битлин — приятельница Гэрровина Гилфитера, жительница острова Порф, входящего в архипелаг Мекате.

Арнадо, сир-силв, — богатый хранитель, воин, находящийся на службе Совета хранителей, в подчинении советника Датрика; наставник Блейз Полукровки в воинских искусствах.

Асорча — наместница владычицы архипелага Ксолкас.

Блейз Полукровка — не имеющая гражданства уроженка Ступицы, столицы островов Хранителей, родители которой происходили один с острова Фен, другой — с Южных островов. Была брошена родителями. Работала на Совет хранителей под началом сир-силва Датрика; благодаря своему Взгляду привлекалась к уничтожению дун-магов.

Великая Бездна — по поверьям, самая глубокая часть океана, место обитания душ умерших, темная и холодная; иногда считается последним пристанищем душ погибших в море моряков. Отождествляется с адом и жилищем морского дьявола.

Владетель — титул правителя островов Бетани. В 1742 году наследником престола (после смерти старшего брата Тагруса) стал Рэнсом.

Владыка Фелли — бог, которому поклоняются феллиане (не путать с богом менодиан, которого феллиане считают ложным божеством).

Владычица — титул правительницы островов Ксолкас (см. Ксетиана).

Властитель — титул правителя архипелага Брет; властитель, находившийся на престоле в 1742 году, был известен своей педофилией.

Гетелред, сир-силв, — член царствующей фамилии Дастел до погружения островов в океан, силв, один из сыновей-близнецов наследника престола Вилрина. Избежал убийства своим дядей Винсеном. Считался погибшим во время гражданской войны или при затоплении Дастел.

Гхемфы — негуманоидная раса. Занимались нанесением татуировки, свидетельствующей о гражданстве, на мочки ушей островитян. Отличались безволосой серой кожей, перепонками между пальцами ног, острыми когтями и отсутствием видимых различий между полами.

Гэрровин Гилфитер — врач из тарна Вин на Небесной равнине Мекате.

Дастелы — исчезнувшие острова южной группы; считаются погрузившимися в океан в 1652 году; впоследствии были известны как Глубоководные Рифы.

Датрик Ансор (имя употребляется редко), **советник-исполнитель, сир-силв**, — один из правителей островов Хранителей, могущественный силв; инициатор многих тайных операций хранителей за пределами собственного государства, направленных на распространение власти хранителей.

Дева Замка — титул наследницы престола островов Цирказе.

Дек (Декан Гринпиндилли) — незаконнорожденный сын Инии Гринпиндилли из Мекатехевена и Болчара, рыбака из бухты Китаму.

Джастриякин Лонгпит — жена Келвина Гилфитера.

Ди Пеллидри, Образец веры, — верховный феллианский жрец на Мекате.

Домино (Доминик Скавил) — низкорослый приспешник Мортреда, уроженец острова Фен.

Дун-магия — испускающая алое (красно-коричневое) свечение магия; использующий ее человек (дун-маг) способен убивать, разрушать предметы и насылать мучительные болезни, приводящие к смерти. Способность к дун-магии различна у разных людей. Дун-маги могут исцелять себя, создавать иллюзии и воздвигать магическую защиту. Дун-магами рождаются, а не становятся; для использования дун-магии обучение не требуется. Дун-магия бывает видима только для обладающего Взглядом или самого мага в момент ее использования.

Келвин Гилфитер — врач из тарна Вин на Небесной равнине Мекате.

Копье Калмента — повстанец, возглавивший восстание безземельных бедняков на Малом Калменте в 1730-х годах. Властями Калмента объявлена премия за его поимку. Настоящее имя неизвестно (см. Тор Райдер).

Коса Гортан — единственный остров, не входивший ни в одно официально существующее островное государство; не имел собственных властей. Столица — Гортанская Пристань. Единственный остров, где лица, не имеющие гражданства, не подвергались преследованиям.

Крид — небольшое поселение ловцов устриц на косе Гортан, захваченное дун-магами и подвергшееся пушечному обстрелу кораблей хранителей.

Крыша Мекате — другое название Небесной равнины.

Ксетиана, владичица, — правительница архипелага Ксолкас.

Лиссал, Дева Замка, сир-силв (см. также **Флейм Виндрайдер**), — единственная дочь и наследница суверена Цирказе. Бежала в 1742 году на косу Гортан. Подверглась ампутации руки, чтобы избежать осквернения дун-магией Мортредом Безумным.

Лорд-Хранитель — выборный глава Совета хранителей; в 1742 году им был Эммерлинд Бартбарик.

Менодиане — последователи менодианства, веры в единого бога. Религия возникла на островах Хранителей, но широ-

ко распространилась по всем островам; большинство царствующих семей приняли менодианство.

Монарх — титул правителя Дастел до погружения островов в океан. Пост не был восстановлен выжившими островитянами и их потомками.

Морской дракон — крупное морское животное, возможно, мифическое. Считается топящим корабли и пожирающим моряков.

Морской пони — крупное земноводное морское животное, используемое для перевозки людей и грузов, слепое или почти слепое. Оставляет на земле полосу слизи. Нуждается в погружении в морскую воду каждые несколько часов, иначе гибнет.

Мортред — дун-маг, считающийся виновным в затоплении Дастел и превращении островитян в птиц.

Небесная равнина — плато на Мекате, отделенное от побережья скалистыми обрывами.

Ниамор — делец и посредник с косы Гортан, уроженец островов Квиллер, друг Блейз, погибший из-за оказанной ей помощи.

Обладание Взглядом — способность видеть и обонять магию. Лица, обладающие Взглядом, сами не обладают магической силой, но не подвергаются ее воздействию.

Островное государство — остров или группа островов, образующее независимую административную единицу.

Повелитель — титул правителя Мекате.

Руарт Виндрайдер, обладающий Взглядом, — наследник престола Дастел по женской линии, птица. Родился и вырос на крыше замка Цирказе; в 1742 году покинул Цирказе вместе с Лиссал.

Рэнсом Холсвуд — наследник престола Бетани после смерти старшего брата, менодианин. Став наследником, лишился возможности сделаться патриархом.

Секурия — наименование должности начальника службы безопасности на многих островах.

Селвер — одомашненное животное, обитающее только на Небесной равнине. Используется для езды верхом. Тонкая шерсть молодых животных, именуемая шерстяным шелком, очень высоко ценится.

Силв-магия — испускающая голубое (серебристое) свечение магия. Силв-маги способны исцелять, создавать иллюзии, устанавливать магическую защиту. Силв-магия не может использоваться для убийства или разрушения. Способность к силв-магии является врожденной, но не проявляется без обучения. Силв-магия видима только для обладающих Взглядом или самим магом в момент ее использования, хотя ее действие очевидно для всех.

Сир — вежливое обращение к лицу, обладающему определенным статусом, обычно сопровождается указанием на статус, например, сир-силв, сир-патриарх и т.д.

Совет Патриархии — орган, избираемый на ежегодном синоде менодиан; состоит из партиархов и матриархов. Имеет административный центр на острове Тенкор.

Совет хранителей — выборный орган власти на островах Хранителей; возглавляется Лордом-Хранителем.

Суверен — титул правителя островов Цирказе.

Танн — мальчик-слуга в гостинице «Приют пьянчуги» в Гортанской Пристани. Убит магией Мортреда за помощь Блейз.

Тор Райдер, патриарх, обладающий Взглядом, — уроженец Разбросанных островов, менодианский патриарх. В прошлом — писец, воин, учитель. Был активным участником восстания на Малом Калменте (см. Копье Калмента).

Феллиане — почитатели Владыки Фелли или их дети. Центром феллианства являлся Мекате, хотя эта религия широко распространилась и по другим островам, в особенности южным.

Флейм Виндрайдер, сир-силв, — имя, принятое Лиссал (см. Дева Замка) после ее бегства с Цирказе.

Фотерли Бартбарик, советник, сир-силв, — сын Лорда-Хранителя Эммерлинда Бартбарика, известный также как Фот Фат или Барт Варвар.

Шавель — секурия на Ксолкасе, несущий ответственность за безопасность владычицы.

Эйлса — гхемф, принадлежала к выводку, имевшему отличительный бугет. Погибла, помогая Блейз, в окрестностях Крида в 1942 году. Духовное имя — Майен.

Эммерлинд Бартбарик — Лорд-Хранитель, глава Совета хранителей в 1742 году.

Янко — слуга в гостинице «Приют пьянчуги» в Гортанской Пристани (см. Мортред).

Содержание

Та, которая видит 5

Запах зла 341

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя
около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений,
предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых
разных видов и жанров.
Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.
В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Ларк Гленда

Та, которая видит

Запах зла

Фантастические романы

Редактор А.В. Александрова
Художественный редактор М.В. Веригина
Компьютерная верстка: Н.Г. Суворова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.003857.05.06 от 05.05.06 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «ХРАНИТЕЛЬ»
129085, г. Москва, пр. Ольминского, д. 3а, стр. 3

Издано при участии ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0056935 от 30.04.2004.
Республика Беларусь, 220013, г. Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
Республика Беларусь, 220013, г. Минск, пр. Независимости, 79.

Мир Островов, чьи народы НИКОГДА не смешиваются между собой..

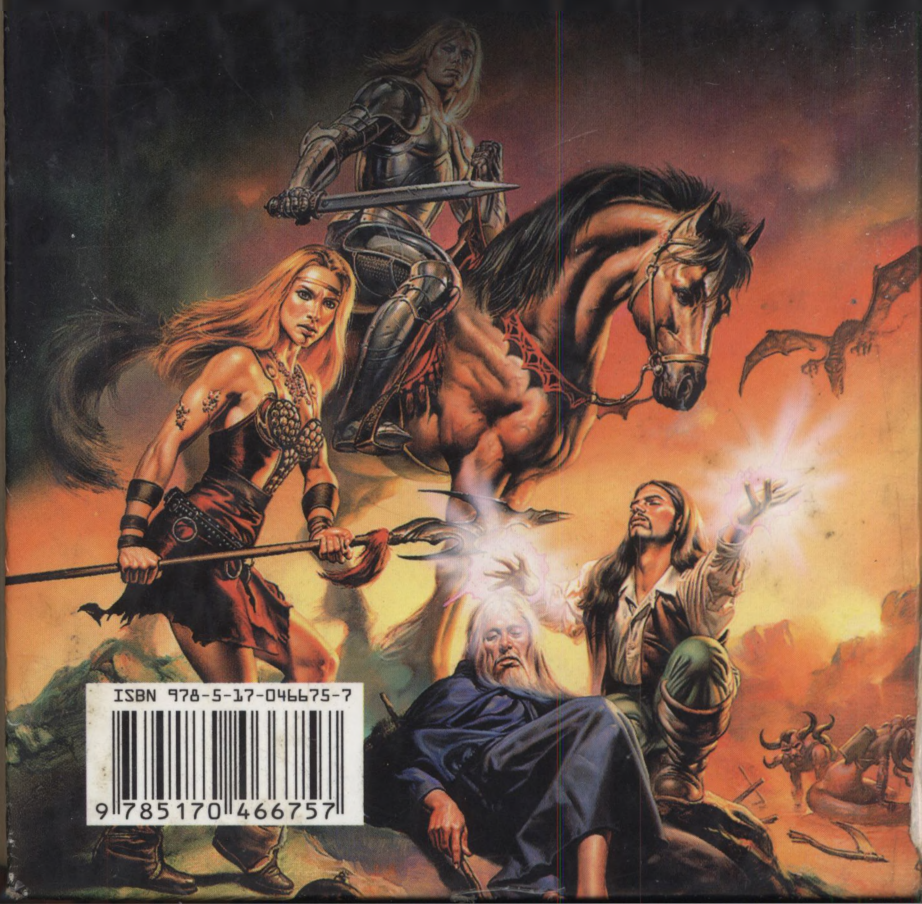
Мир крошечных королевств, бесконечно заключающих союзы и ведущих войны...

Мир, в котором испокон веку существуют ДВЕ магические школы — Силв, верящие, что колдовство имеет право быть ТОЛЬКО светлым, и Дун исповедующие темную сторону магии.

До недавних дней их адепты полагали, что худой мир лучше доброй ссоры... Но теперь на далеком острове Гортан воцарился Великий Мастер дун-магии Мордред, мечтающий подчинить своей власти ВСЕ ОСТРОВА, — а на Срединном архипелаге набирают силу силв-маги, зовущие себя Хранителями — и тоже мечтающие о ВЫСШЕЙ ВЛАСТИ.

Покуда жив Мордред, покуда могущественны Хранители — на Островах не будет покоя.

Но в силах ли наемница Блейз, обладающая даром противостоять магии, и ее спутники — принцесса-колдунья и проклятый изгнанник-убийца — сразиться разом и с силой Света, и с силой Тьмы?..



ISBN 978-5-17-046675-7